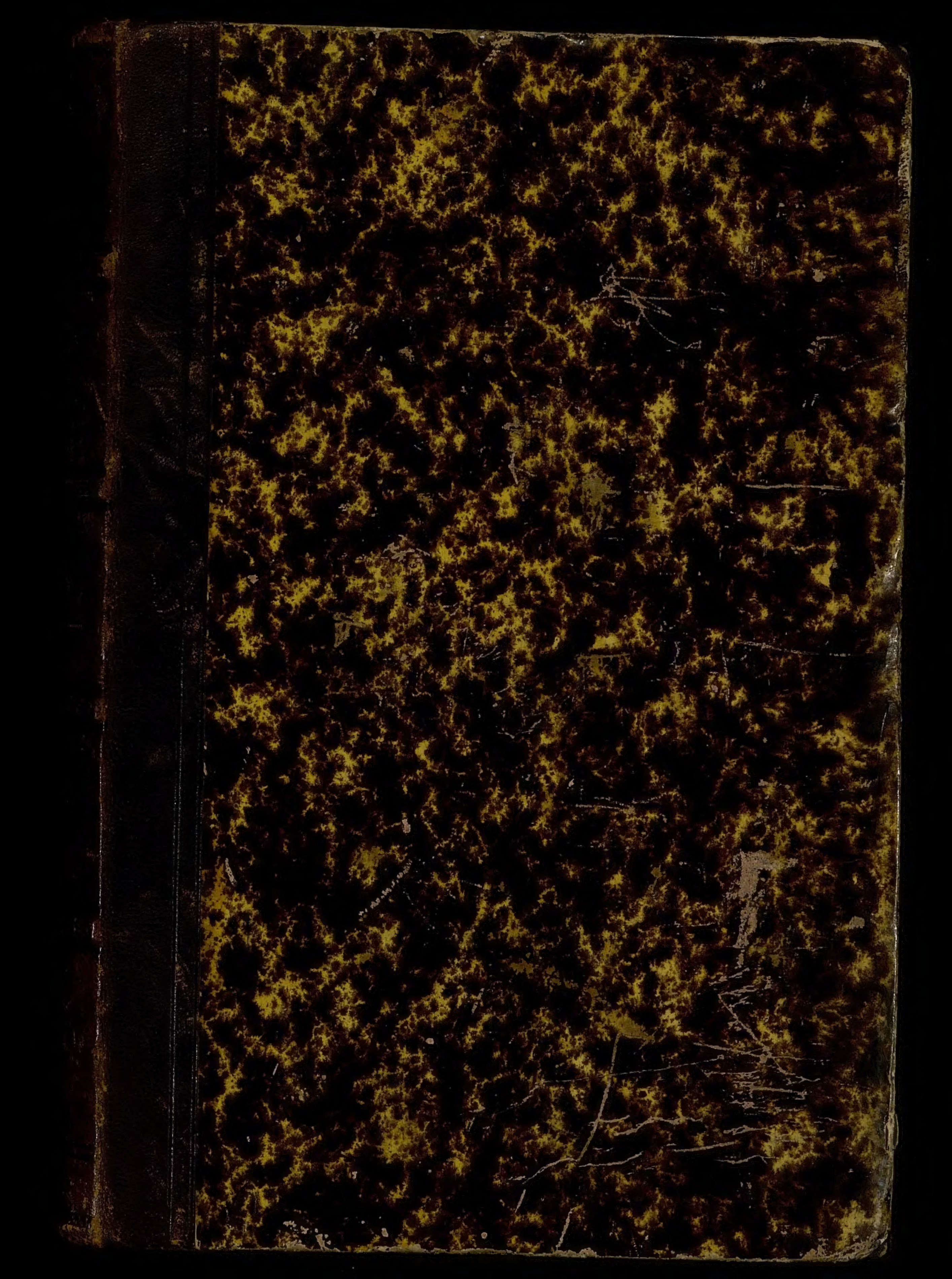

СОЧИНЕНІЯ и ПИСЬМА

НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

ГОГОЛЯ.

VI.

СОЧИНЕНІЯ и ПИСЬМА

Н. В. ГОГОЛЯ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ПИСЬМА, СЪ 1843 ПО 1852 ГОДЪ.

ИЗДАНІЕ П. А. КУЛИША.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, марта 28 дня, 1857 года.

Ценсоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ПИСЬМА.

Къ С. Т. Аксакову.

Римъ. Марта 18 (1843).

Наконецъ я получилъ отъ васъ письмо, добрый другъ мой, и отдохнулъ душою, потому что, признаюсь, мнѣ было слишкомъ тягостно такое долгое молчаніе со всѣхъ сторонъ. Благодарю васъ за ваши извѣстія: мнѣ они всѣ интересны. Успѣхъ на театрѣ и въ чтеніи піесъ совершенно таковъ, какъ я думалъ. Толки о »Женитьбѣ« и »Игрокахъ« совершенно вѣрны, и публика показала здѣсь чутье. Относительно перемѣны ролей, актеры и дирекція имѣютъ полное право, и я дивлюсь, зачѣмъ они не сдѣлали этого сами. Кто же, кромѣ самого актера, можетъ знать свои силы и средства? Верстовскаго поблагодарите отъ души за его участіе и расположеніе. А »Разъѣзда«, натурально, не слѣдуетъ давать: и неприлично, и для сцены вовсе неудобно. У Щепкина спросите, получилъ ли онъ два письма мои, писанныя одно за другимъ, также какъ получили ли вы сами мое письмо, въ которомъ я просилъ васъ о постановкѣ »Ревизора«, дѣло, которымъ пожалуста займитесь. Также я просилъ дать какой-нибудь отрывокъ Живокини, по усмотрѣнію Мих. Семен., за его усердные труды.

Константину Сергѣевичу скажите, что я и не думалъ сердиться на него за брошюру; напротивъ, въ основаніи своемъ она замѣчательная вещь. Но разница страшная между діалектикою и письменнымъ созданіемъ, и горе тому, кто объявляетъ какую-нибудь замѣчательную мысль, если эта мысль еще ребенокъ, не вызрѣла и не получила образа, виднаго всѣмъ, гдѣ бы всякое слово можно почти щупать пальцемъ. И вообще, чѣмъ глубже мысль, тѣмъ она можетъ быть дѣтственнѣй самой мелкой мысли.

Относительно 2 тома »М. Д.« я уже далъ отвѣтъ Шевыреву,

который вамъ его перескажетъ. Что жъ до того, что бранятъ меня, то слава Богу; гораздо лучше, чѣмъ бы хвалили. Браня, всё-таки можно сказать правду и отыскать недостатки; а у тѣхъ, которые восхищаются, невольно поселяется пристрастіе и невольно заслоняетъ недостатки. И вы также не должны меня хвалить неумѣренно никому и ни передъ кѣмъ. Повѣрьте, что хвалится горячо, неравнодушно, то уже неумѣренно. Меньше всего я бы желалъ, чтобы вы измѣнили къ кому-нибудь ваши отношенія, по поводу толковъ обо мнѣ. Я совершенно долженъ быть въ сторонѣ. Напротивъ, полюбите отъ души всѣхъ несогласныхъ съ вами во мнѣніяхъ; увидите — вы будете всегда въ выигрышѣ. Если только человѣкъ имѣетъ одну хорошую сторону, то уже онъ стóитъ того, чтобы не расходиться съ нимъ. А тѣ, съ которыми вы въ сношеніяхъ, всѣ болѣе или менѣе имѣютъ многія хорошія стороны. Я бы попросилъ васъ передать мой искреннiй поклонъ Заг. и П., но чувствую, что они не повѣрятъ: подумаютъ, что я поднялся на штуки, или пожалуй примутъ за насмѣшку, въ родѣ кривой рожи, и потому пусть этотъ поклонъ останется между нами.

Но поговоримъ теперь о самомъ важномъ дѣлѣ. Положеніе мое требуетъ сильнаго вашего участія и содѣйствія. Я думаю, вы уже знаете изъ письма моего къ Шевыреву, въ чемъ дѣло. Вы должны принесть для меня жертву, соединившись втроемъ вмѣстѣ: вы, Шевыревъ и Погодинъ, — взять на себя дѣла мои на три года. Отъ этого все мое зависитъ — даже самая жизнь. Тысячи важныхъ, слишкомъ важныхъ для меня причинъ, и самая важнѣйшая, что я не въ силахъ думать теперь о моихъ житейскихъ дѣлахъ. Но обо всемъ этомъ, я думаю, вы узнали уже отъ Шевырева. Со вторымъ изданіемъ распорядитесь какъ найдете лучше, но такъ устройте, чтобы я могъ получать по шести тысячъ въ годъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, раздѣливъ это на два, или три срока, и чтобы эти сроки были слишкомъ точны. Отъ этого много зависитъ. Впрочемъ распоряженіе относительно этого предоставьте Шевыреву. Онъ точнѣе насъ всѣхъ. Слова эти слишкомъ важны, и, во имя Бога, я молю васъ не пренебрегайте ими. Сроки должны быть слишкомъ аккуратны. Что теперь я полгода живу въ Римѣ безъ денегъ, не получая ни откуда, это конечно ничего. Случился

Языковъ, и я могъ у него занять. Но въ другой разъ это можетъ случиться не въ Римѣ: мнѣ предстоятъ глухія уединенія, дальнія отлученія. Не теряйте этого изъ виду. Если не достанетъ и не случится къ сроку денегъ, собирайте ихъ хотя въ видѣ милостыни. Я нищій и не стыжусь своего званія.

А васъ вмѣстѣ съ Погодинымъ я попрошу войти въ положеніе моей маминьки, — тѣмъ болѣе, что вы уже знакомы съ ней и нѣсколько знаете ея обстоятельства. Я получилъ отъ нея письмо, сильно меня разстроившее. Она проситъ меня прямо помочь ей, въ то время помочь, когда я вотъ уже полгода сижу въ Римѣ безъ денегъ, занимая и перебиваясь кое-какъ. Просьба о помощи меня поразила. Маминька всегда была деликатна въ этомъ отношеніи: она знала, что мнѣ не нужно напоминать объ этомъ, что я могу чувствовать самъ ея положеніе. Она знала это уже потому, что я отказался отъ своей части имѣнія и отдалъ ей [100 душъ крестьянъ съ землями], тогда какъ самъ не былъ даже на полгода обезпеченъ [послѣдняго обстоятельства, натурально, она не знала, иначе бы отказалась и отъ имѣнія, и отъ всякой со стороны моей помощи, и потому я долженъ былъ почти всегда увѣрять ее, что я не нуждаюсь и что состояніе мое обезпечено]. Но и въ сей мысли она была, однакожъ, очень деликатна и не просила меня о помощи. Теперь это все произошло въ слѣдствіе невиннаго обстоятельства. N* N*, по добротѣ души своей, желая, вѣроятно, обрадовать маминьку, написала, что »Мертвыя Души« расходятся чрезвычайно, деньги плывутъ и предложила ей даже взять деньги, лежащія у Шевырева, которыя, вѣроятно, слѣдовали одному изъ ссудившихъ меня на самое короткое время. Маминька подумала, что я богачъ и могу, безъ всякаго отягощенія себя, сдѣлать ей помощь. Я никогда не вводилъ маминьку ни въ какія литературныя мои отношенія и не говорилъ съ нею никогда о подобныхъ дѣлахъ, ибо зналъ, что она способна обо мнѣ задумать слишкомъ много. Дѣтей своихъ она любитъ до ослѣпленія, и вообще границъ у ней нѣтъ. Вотъ почему я старался, чтобы къ ней никогда не доходили такія критики, гдѣ меня через-чуръ хвалятъ. А признаюсь, для меня даже противно видѣть, когда мать хвастается своимъ сыномъ: это все равно, какъ-бы хвастаться собою и своими

добродѣтелями. Маминька должна меня знать, просто, какъ добраго сына, а судить о талантахъ моихъ не принадлежитъ ей. Письмо маминьки и просьба повергли меня въ такое странное состояніе, что вотъ уже скоро третій мѣсяцъ, какъ я всякій день принимаюсь за перо писать ей, и всякой разъ не имѣю силъ — бросаю перо и разстроиваюсь во всемъ. Въ самомъ дѣлѣ положеніе затруднительно: чтобы объяснить все дѣло, нужно сказать правду и сдѣлать ей яснымъ мое положеніе, а въ объясненіи моего положенія будетъ уже заключаться ей упрекъ и безпокойство о моей участи; между тѣмъ письмо мое должно̀ быть утѣшительно и заключать даже въ себѣ умную инструкцію впредь. Но для того, чтобы разумно поступить въ этомъ, для другого, можетъ быть, затруднительномъ дѣлѣ, мнѣ нужно взглянуть, какъ на совершенно постороннее для меня дѣло, взглянуть такъ, какъ я гляжу на характеръ и положеніе лица, которое принимаюсь влить въ мое твореніе; тогда только предметъ можетъ предо мною стать всѣми своими сторонами и слово мое можетъ быть проникнуто свѣтомъ разума, а безъ того слово мое будетъ глупѣе слова всякого обыкновеннаго человѣка. Вотъ какъ еще мнѣ трудно отрѣшиться отъ многихъ, многихъ страстныхъ отношеній, чтобы стать на ту высоту безстрастія, безъ котораго все, что̀ ни производится мною, есть пошло, презрѣнно и несетъ мнѣ упреки даже отъ тѣхъ, которые, думая доставить мнѣ добро, заставили произвесть его! Итакъ войдите вмѣстѣ съ Погодинымъ въ положеніе этого дѣла и объясните его маминькѣ, какъ признаете лучше. Во всякомъ случаѣ, какъ вы ни поступите, вы поступите въ двадцать разъ умнѣе меня. Дайте ей знать, что деньги вовсе не плывутъ ко мнѣ рѣками и что расходъ книги вовсе не таковъ, чтобы сдѣлать меня богачомъ. Если окажутся въ остаткѣ деньги, то пошлите, но не упускайте также изъ виду и того, что —— подобныя обстоятельства могутъ случаться всякой годъ; и потому умный совѣтъ съ вашей стороны, какъ людей всё-таки больше понимающихъ хозяйственную часть, можетъ быть ей полезнѣе самихъ денегъ.

Я не знаю, могутъ ли принести мои сочиненія, нынѣ напечатанныя, въ 4-хъ томахъ, какой-нибудь значительный доходъ. Одно напечатаніе ихъ [листовъ, какъ я вижу по газетамъ, оказалось

болѣе, чѣмъ предполагалось] должно достигнуть до 17,000. Притомъ, какъ бы то ни было, книга въ 25 руб. не такъ легко расходится, какъ въ десять, особенно, если она даже не новость вполнѣ. Я думаю, что въ первый годъ она развѣ только окупитъ изданіе, а потомъ пойдетъ тише. Первыя деньги послѣ окупленія изданія я назначилъ на уплату долговъ моихъ Петербургскихъ, которые хоть и не такъ велики, какъ Московскіе, но всё же требуютъ давно уплаты. Я знаю, что нѣкоторымъ даже близкимъ душѣ моей и обстоятельствамъ казалось странно, отчего у меня завелось такъ много долговъ; и они всегда пропускали изъ вида слѣдующее невинное обстоятельство. Шесть лѣтъ я живу, и большею частію за границей, не получая ни откуда жалованья и никакихъ совершенно доходовъ [шесть лѣтъ я не издавалъ ничего]; годы эти были годы странствія, годы путешествія: откуда же, какими средствами я могъ производить это? Если положить по пяти тысячъ въ годъ, такъ вотъ уже до тридцати тысячъ въ шесть лѣтъ. Одинъ разъ только я получилъ вспомоществованіе, которое было отъ Государя и дало мнѣ возможность прожить годъ. Кромѣ того, въ это время долженъ былъ взять моихъ сестеръ изъ института, одѣть ихъ съ ногъ до головы и всякой доставить безбѣдный запасъ хотя покрайней мѣрѣ на два года. Два раза я долженъ былъ въ это время помочь маминькѣ, не говоря уже о томъ, что долженъ былъ дать ей средства два раза пріѣхать въ Москву и обратно. Долженъ же я былъ все это произвести какими-нибудь деньгами и средствами, и такъ не мудрено, что у меня набрались такіе долги. А вы знаете сами, я вовсе не такой человѣкъ, чтобы издерживать деньги на пустяки; желанія мои довольно ограничены, и при мнѣ нѣтъ даже такихъ вещей, которыя бы показались другому совершенно необходимы. Но довольно объ этомъ.

Не забудьте моей глубокой, сильной просьбы, которую я съ мольбой изъ нѣдръ души моей вамъ тремъ повергаю: возьмите на три года попеченіе о дѣлахъ моихъ. Соединитесь ради меня тѣснѣй и больше и сильнѣе другъ съ другомъ и подвигнитесь ко мнѣ святою Христіянскою любовью, которая не требуетъ никакихъ вознагражденій. Всякого изъ васъ Богъ вознаградилъ особой стороной ума. Соединивъ ихъ вмѣстѣ, вы можете поступить мудро,

какъ никто. Клянусь, благодѣяніе ваше слишкомъ будетъ глубоко и прекрасно!

Прощайте. Больше я ничего вамъ не могу теперь писать. Да и безъ того письмо длинно. Напишите мнѣ вашъ адрессъ и, ради Бога, не забывайте меня письмами. Они мнѣ очень важны, какъ вы не можете даже себѣ представить, хотя бы даже были писаны не въ минуту расположенія и заключались въ двухъ строкахъ небольшихъ. Не забывайте же меня.

Вашъ Гоголь.

Посылаю душевный поклонъ всему дому вашему.— — Конст. Серг. грѣхъ. Тѣмъ болѣе, что ко мнѣ можно писать, не дожидаясь никакого расположенія, или удобнаго времени, а въ суматохѣ, между картами, передъ чаемъ, на запачканномъ лоскуточкѣ, въ трехъ строчкахъ, съ ошибками и со всѣмъ, что Богъ послалъ на ту минуту.

Если кто-нибудь поѣдетъ за Языковымъ изъ Москвы, не забудьте прислать мнѣ книгъ, если вышло что-нибудь относительно статистики Россіи, извѣстный »Памятникъ Вѣры«, который обѣщала N* N*, и молитвенникъ самый пространный, гдѣ бы находились почти всѣ молитвы, писанныя Отцами Церкви, пустынниками и мучениками.

О моихъ сочиненіяхъ я не имѣю никакихъ извѣстій изъ Петербурга. Прокоповичъ до сихъ поръ не отвѣчалъ на мое послѣднее письмо. Къ Плетневу я уже писалъ два письма, и ни на одно изъ нихъ нѣтъ отвѣта.

Вотъ вамъ мой маршрутъ: до 1 мая въ Римъ, потомъ въ Гастейнъ, въ Тиролѣ, до 1 іюня. Въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ адрессуйте въ Дюссельдорфъ, на имя Жуковскаго; вездѣ poste restante.

Къ В. А. Жуковскому.

Римъ. Мартъ 28 (1843).

Хотя ни разу не отвѣтили вы мнѣ на мои письменные распросы относительно вашего мѣстопребыванія на будущее время, хотя не изъявили желанія видѣть меня ни разу; но я всё-таки и вновь

вамъ пишу объ этомъ. Желаніе васъ видѣть стало во мнѣ теперь еще сильнѣе; я думаю непремѣнно въ іюлѣ мѣсяцѣ быть въ Дюссельдорфѣ. Напишите мнѣ только два слова, будете ли въ это время въ Дюссельдорфѣ. С*** хочетъ тоже заѣхать къ вамъ два раза, въ іюнѣ и іюлѣ; а я думаю даже пожить въ Дюссельдорфѣ, и мысль эта занимаетъ меня сильно. Мы тамъ въ совершенномъ уединеніи и покоѣ займемся работой. Вы »Одиссеей«, а я »Мертвыми Душами.« Напишите мнѣ отвѣтъ, не медля ни мало, потому что я скоро оставляю Римъ.

Обнимаю васъ всей любовью души моей и съ вами вмѣстѣ все то, что̀ близко вашему сердцу. Прощайте...

Къ С. Т. Аксакову.

(Гастейнъ. Апрѣля, 1843.)

Я получилъ письмо отъ маминьки. Дѣла ея устроились; на этотъ годъ по крайней мѣрѣ она обезпечена. Въ письмѣ [которое вы, безъ сомнѣнія, уже получили отъ меня чрезъ Хомякова] я забылъ спросить васъ, получили ли вы письмо, въ которомъ я просилъ васъ о постановкѣ »Ревизора«. Въ немъ было вложено письмецо къ О* С* и Констан. Сергѣевичу. Получили ли они эти письма и отчего никто изъ нихъ не отвѣчалъ инже́ двумя строчками? Что̀ касается до Щепкина, то его, просто, слѣдуетъ выбранить. Я писалъ два письма къ нему. Я не сержусь на него, если ужъ у него такой обычай, чтобы не отвѣчать на письма; но онъ долженъ по крайней мѣрѣ сказать вамъ, чтобы вы увѣдомили меня, что письма точно получены, чтобы я не думалъ по крайней мѣрѣ, что пропадаютъ они. Подумайте сами, чего не могло прійти въ мою голову, когда во время, самое трудное для меня, и такое время, когда я ожидалъ болѣе всего писемъ отовсюду, рѣшительно отовсюду, и въ это время всѣ будто сговорились и бросили меня на три мѣсяца самаго тягостнаго состоянія. Не забывайте меня, безцѣнный другъ. Вы уже знаете изъ письма, которое получили отъ Хомякова, какъ нужно писать ко мнѣ. Да хранитъ васъ Богъ всѣхъ въ

ненарушимой свѣтлости души и здоровья. Адрессуйте въ Гастейнъ [въ Тиролѣ], poste restante.

Къ В А. Жуковскому.

Флоренція. Мая 5 (1843).

За два дни до отъѣзда моего изъ Рима, получилъ я ваше письмо, которое принесло мнѣ двойное удовольствіе: во-первыхъ, оно начинается давно знакомымъ мнѣ *любезный Гоголекъ* [послѣднее письмо предъ симъ, неизвѣстно почему, вздумало начаться словами *Николай Васильевичъ*, въ чемъ конечно нѣтъ ничего дурного, но прежнее, Богъ вѣдаетъ почему, намъ всегда лучше новаго]; во-вторыхъ, въ письмѣ вашемъ оказывается совершенная возможность будущаго нашего прожитія вмѣстѣ въ Дюссельдорфѣ.

Смутило меня нѣсколько извѣстіе ваше о недугахъ много любимой мною и уважаемой супруги вашей, которую я, вѣрно бы, любилъ и тогда, если бы не видалъ ее, какъ прекрасно пополнившую прекрасную жизнь вашу; но А* О*, которую я выпроводилъ въ Неаполь на другой день послѣ полученія письма вашего, меня совершенно успокоила на это(тъ) счетъ, сказавши, что это обыкловенная слабость послѣ родовъ, что она сама страдала ею одинъ разъ и ѣздила на воды, но что это, впрочемъ, прошло само собою. Она просила даже сказать вамъ, что если придется вамъ ѣхать на воды, то чтобы по крайней мѣрѣ отнюдь не въ Пирмонтъ, куда иногда имѣютъ обыкновеніе посылать доктора́ въ подобныхъ случаяхъ, но которыя воды всегда больше разстроиваютъ, чѣмъ укрѣпляютъ, потому что слишкомъ сильны.

Вы ужъ, вѣрно, получили отъ нея письмо, которое она вамъ давно писала въ Дюссельдорфъ, извѣщая о своемъ намѣреніи быть у васъ около 20 іюня. Что̀ касается до моего прибытія то я думаю даже быть въ послѣднихъ числахъ мая у васъ, если не перваго іюня. Но, во всякомъ случаѣ, вы никакъ не должны съ этимъ сообразоваться, относительно вашего выѣзда. Напишите мнѣ только письмо во Франкфуртъ, въ poste restante, чтобы я сейчасъ, по пріѣздѣ туда, могъ уже найти его. Мнѣ всё равно, я пріѣду къ вамъ,

гдѣ бы вы ни были. Впрочемъ, я думаю, если и пошлютъ васъ куда-нибудь на воды, то, вѣрно, это будетъ въ окружностяхъ Франкфурта. О помѣщеніи моемъ не хлопочите: я найду и самъ средство, какъ приклеиться къ вамъ поближе.

Благодарю васъ еще за третее удовольствіе, которое принесло мнѣ письмо ваше, именно за два слова о »М. Д.« и за обѣщаніе поговорить при свиданіи объ этомъ предметѣ подробно. Судя по всему, дѣло, кажется, не обойдется безъ ругни. Это я люблю, — тѣмъ болѣе что я не почитаю вовсе дѣло конченнымъ, если вещь напечатана, а какъ, отчего и почему, объ этомъ мы поговоримъ съ вами, и вы въ этомъ согласитесь со мною. Обѣщаніемъ *похерить* многое вы меня сильно разлакомили. Я и прежде любилъ, когда меня побранивали, а теперь, просто, всякое слово упрека въ грѣхѣ для меня червонецъ. Но, въ ожиданіи сего и предварительнаго сему письма во Франкфуртъ, обнимаю васъ нѣсколько разъ сильно, хотя заочно, и передаю душевный поклонъ мой вашей супругѣ...

Къ N N*.*

(1843).

Благодарю васъ, N* N*, за поздравленіе съ днемъ рожденія моего. Посылаю вамъ душевный поклонъ свой. Вы говорите, что для васъ необходимо письмо мое, которое бы въ минуту грусти и тревожнаго состоянія души вознесло духъ вашъ превыше всего окружающаго. Но какое письмо въ силахъ это сдѣлать? Глядите просто на міръ: онъ весь полонъ Божіихъ благодатей; въ каждомъ событіи сокрыты для насъ благодати; неистощимыми благодатями кипятъ всѣ несчастія, намъ ниспосылаемыя; и день, и часъ, и минута нашей жизни ознаменованы благодатями безконечной любви. Чего жъ вамъ болѣе для возвышенія духа? Будьте, просто, свѣтлы душой, не мудрствуя, и если это вамъ покажется трудно и невозможно подъ часъ, — всё равно, старайтесь только стремиться къ свѣтлости душевной, и она придетъ къ вамъ. Стремясь къ свѣтлости, вы стремитесь къ Богу, а Богъ помогаетъ къ Себѣ стремиться. Старайтесь просто, безъ всякого напряженія душевнаго, быть

свѣтлу, какъ свѣтло дитя въ день Свѣтлаго воскресенья, и вы много, много выиграете и незамѣтно вознесетесь выше всего окружающаго. Если же вы всё-таки убѣждены въ той мысли, что вамъ нужно письмо мое, то напишите Лизѣ, чтобы она прислала вамъ копію съ того длиннаго письма, которое я посылаю къ ней въ одно время съ вашимъ. Ей нечего секретничать съ вами, и она должна прислать добросовѣстную копію, не выпуская ни одного слова. Хотя въ письмѣ этомъ заключаются обстоятельства, собственно къ нимъ относящіяся; но я молился въ то время, когда писалъ его, и просилъ Бога, чтобы для всякаго, кому бы ни случилось читать его, было оно благодѣтельно; а потому, можетъ быть, вы отыщете въ немъ что-нибудь собственно для себя. Вы пишете, что не смущаютъ васъ никакіе толки и рѣчи обо мнѣ и что вы вѣрите душѣ моей. Конечно послѣднее благоразумно. Благоразумнѣе вѣрить тому, что происходитъ изъ души, чѣмъ тому, что происходитъ невѣсть изъ какого угла и баламутицы. Вѣря въ душу человѣка, вы вѣрите въ главное, а вѣря въ пустяки, вы всё-таки вѣрите въ пустяки и никогда не узнаете человѣка. Прощайте! Помните все это и будьте свѣтлы душой...

Къ С. Т. Аксакову.

(Гастейнъ. Мая 24, 1843).

Ваше письмо и деньги, безцѣнный другъ мой, я получилъ исправно и скоро, и медлилъ отвѣтомъ, выжидая писемъ отъ Шевырева и Погодина. Наконецъ, спустя двѣ недѣли послѣ вашего письма, получилъ я письмо отъ Шевырева, отъ имени васъ всѣхъ. Въ немъ видна прекрасная душа писавшаго, хотя заключается, впрочемъ, и журьба, и что-то въ родѣ не совсѣмъ отчетливаго нагоняя, который, можетъ быть, и справедливъ со стороны вашей, или лучше—со стороны Погодина, отъ котораго, я думаю, проистекъ онъ. Но всё же таки слѣдуетъ подумать и то: »Однакожъ мнѣ неизвѣстна еще его сторона, и странно бы мнѣ по моей натурѣ судить о натурѣ другого, когда эта натура такъ несходна съ моею.« Но

оставимъ все это. Смерть не люблю изъясненій! Все это неразумная трата словъ, и больше ничего. Лицо я гласное, стало быть, и все, что бы я ни сдѣлалъ, будетъ гласно всѣмъ. Дурное если есть у меня, то ужъ его никакъ не спрячешь: *шила въ мѣшкѣ не утаишь*; оно гдѣ нибудь да выткнется непремѣнно. Оправдываться значитъ не довѣрять времени, которое уяснитъ все.

Вслѣдъ за вашими деньгами, я получилъ еще отъ Прокоповича 1000; стало быть, за первый годъ мнѣ слѣдуетъ получить одну тысячу. Обо всемъ этомъ я увѣдомилъ уже Шевырева. Прокоповичу я написалъ выслать немедленно тысячу экземпляровъ и въ продажѣ находящихся у него давать отчетъ въ Москву всякой разъ за два мѣсяца до срочной высылки мнѣ денегъ, дабы видѣть по накопившейся суммѣ, откуда произвести мнѣ высылку, изъ Петербурга, или изъ Москвы. Прокоповичъ находится вмѣстѣ съ экземплярами въ полномъ распоряженіи вашемъ, такъ что, если бы потребовалось и всѣ экземпляры выслать, то онъ ихъ вышлетъ; но въ этомъ я не вижу надобности: послѣ вновь ихъ нужно присылать въ Петербургъ для тамошнихъ книгопродавцевъ. Къ тому же экземпляры безопасны, если они только всѣ находятся въ рукахъ Прокоповича, а не типографіи, о продѣлкахъ которыхъ я узналъ только теперь изъ письма Прокоповича. Онъ скрывалъ отъ меня, не желая меня ничѣмъ возмутить и думая расплатиться банковыми билетами покойнаго своего брата, выдачею которыхъ водили его нѣсколько мѣсяцевъ въ присутственныхъ мѣстахъ. Но довольно толковать. Дѣла мои, какъ видите, всѣ теперь въ вашихъ рукахъ. Обратимся собственно къ намъ самимъ.

Я заѣхалъ на нѣсколько дней въ Гастейнъ отдохнуть отъ дороги и отправляюсь въ Дюссельдорфъ, гдѣ проведу часть зимы, а остальную въ Голландіи; а потому письма адрессуйте всѣ въ Дюссельдорфъ. Хорошо бы было, если бы вы прислали что-нибудь изъ тѣхъ книгъ, которыхъ я просилъ. Изъ Москвы, вѣроятно, отправляются не мало этотъ годъ за границу. А такъ какъ всякій положилъ себѣ за правило побывать на Рейнѣ, то ему немного труда будетъ стоить завезти посылку въ Дюссельдорфъ и отдать ее Жуковскому.

На Константина Сергѣевича я рѣшительно теперь сердитъ: онъ

мнѣ не пишетъ ни строки. Но вотъ лучше къ нему самому записка. А васъ обнимаю всею душою. — —

Записка Константину Сергѣевичу.

Что̀ жъ вы, Константинъ Сергѣевичъ, мнѣ ни слова? Я нахожусь въ совершенномъ невѣдѣніи теперь обо всѣхъ дѣлахъ, которыя дѣлаются на свѣтѣ. Не знаю, что̀ дѣлаетъ Москва, ни о чемъ говоритъ она, ни что̀ думаетъ, ни о чемъ споритъ, словомъ—не знаю вовсе, о чемъ идетъ теперь дѣло. Если вы нѣсколько смутились письмомъ моимъ, которое когда-то было писано вамъ, то это письмо писано не въ строку текущихъ дѣлъ; это письмо писано такъ, мимо; на него отвѣтъ вы мнѣ дадите года черезъ четыре, а извѣстія текущія должны идти своимъ чередомъ; а потому вы увѣдомите меня обо всемъ, что̀ дѣлали и что̀ слышали съ самого того дня, какъ перестали ко мнѣ писать, и что̀ Н* Ф*, и что̀ К* К*, и что Х***, и что Самаринъ, и какіе эффекты производите вы чтеніемъ, и что̀ говорятъ вообще о чтеніяхъ Мих. Семеновича. Все это, вы знаете, мнѣ интересно. Простите, что я васъ не благодарилъ до сихъ поръ за присылку вашихъ статей о »М. Д.« И та, и другая имѣютъ свои достоинства [писанная, какъ мнѣ кажется, должна принадлежать Самарину]. Но въ печатной не погнѣвайтесь— видно много непростительнаго юности, и написанная кажется передъ нею написанною старикомъ, хотя въ ней и нѣтъ тѣхъ двухъ-трехъ истинно поэтическихъ мыслей, какъ въ вашей.

Прощайте; обнимаю васъ.

Къ Н. М. Языкову.

18 іюня, 1843.

15 іюня я ѣздилъ въ Дюссельдорфъ, съ тѣмъ чтобы взять тамъ на почтѣ письма, и въ числѣ прочихъ взялъ твое, очень небольшое, съ присовокупленіемъ другого, которое я весьма жалѣю, что ты не распечаталъ и не прочелъ. Это письмо было изъ Греффенберга отъ F*. Въ слѣдствіе его, я благословляю тебя прямо безо

всякихъ разсужденій ѣхать въ Грефенбергъ, хотя бы для того, просто, чтобы увидать Призница. Прямо противъ твоей болѣзни найдешь ты средства, какъ-будтобы именно нарочно приготовленныя. Въ письмѣ F* не столько самая вода изумила меня своими дѣйствіями изумительными, сколько геній исцѣляющаго ею, предъ которымъ мы должны всѣ поклониться, и это, просто, грѣхъ на душахъ нашихъ, если мы этого не сдѣлаемъ. Это значитъ — не благоговѣть передъ величествомъ Божіимъ, вселившимъ въ человѣка такое откровеніе, на благо наше, въ упрекъ нашей гордости и въ оплеваніе жалкихъ хитростей ума нашего. F* изумляется вѣрности взгляда и находчивости противу всякаго случая и внезапнаго, неожиданнаго даже припадка. Но что̀ самое главное, что Призницъ ростетъ и усовершенствуется изумительно. Онъ уже не употребляетъ такихъ сильныхъ, какъ прежде, средствъ, но весь слѣдуетъ за больнымъ и за его натурою, и оттого средства его теперь безчисленны. Ванны, апликаціи и приложенія мокрыхъ (компрессовъ) къ разнымъ частямъ, холодныя души, бѣготня по горамъ въ холодныхъ облаченіяхъ и неподвижное сидѣніе на мѣстѣ съ погруженіемъ именно одной только той части, которой, по его соображенію, слѣдуетъ. Словомъ, водою, говоритъ F*, онъ владѣетъ, какъ мячикомъ. Онъ пріѣхалъ въ мерзѣйшее время, на горахъ снѣгъ, холодъ, дожди. Призницу все это рѣшительно ни-почемъ. Онъ находитъ даже, что это еще лучше: осенью и зимой у него настоящее леченье. F* сейчасъ же, еще не доѣзжая до Грефенберга, получилъ лихорадку, которая била и трясла его немилосердно. Призницъ сказалъ, что это ничего и что на другой день и не будетъ, и лихорадка точно прошла. F* начали потомъ сажать — — въ воду на цѣлые четверть часа. — — Послѣ нѣсколькихъ дней онъ замѣтилъ, что кровь начинаетъ у него бросаться въ голову и сказалъ объ этомъ Призницу. Призницъ велѣлъ приставить апликаціи къ спинѣ и еще къ другому мѣсту, и головѣ сдѣлалось легко, свободно, какъ ни въ чемъ не бывало. Двѣсти человѣкъ больныхъ, и всѣ лечатся розно. Это уже не то, что̀ простой человѣкъ. Тотъ бы, просто, всѣхъ посадилъ одинакимъ образомъ въ ванну и сказалъ бы, подобно всѣмъ докторамъ при водахъ: »Пейте, купайтесь, купайтесь и пейте.« Нѣтъ, это, просто, что-то побольше

того, что думаютъ о Призницѣ доктора, составившіе о немъ мнѣніе теоретическое, не выходя изъ своей комнаты и основываясь на своемъ разсудкѣ собственномъ, умнѣй котораго ничего не можетъ быть, по ихъ же мнѣнію. Когда больные, страдающіе сильнѣйшими недугами и ходившіе повѣсивши голову и носъ, подымаютъ голову вверхъ при самомъ началѣ леченія и принимаютъ бодрый видъ, и ѣдятъ съ такой алчностью, какъ-будто имъ три дня ѣсть не давали, въ такомъ случаѣ это совсѣмъ не то, что думаютъ многіе. F* разсказываетъ, что привезли изъ Петербурга, при его глазахъ, одного Русскаго, который не въ состояніи былъ ходить и уже осужденъ былъ на смерть самимъ Арендтомъ, нашедшимъ въ немъ послѣднее развитіе спинной сухотки. Призницъ, посмотрѣвши на него, сказалъ, что совершенно здоровымъ онъ не можетъ его сдѣлать, но что, однакоже, ему будетъ значительно лучше, посадилъ его въ ванны, и когда послѣ ваннъ выступили у него на спинѣ пузыри, Призницъ сказалъ, что онъ можетъ даже и совершенно выздоровѣть и что Арендтъ не совершенно справедливо опредѣлилъ его болѣзнь. Многіе изъ прежнихъ почитателей Призница недовольны на него за то, что онъ не употребляетъ такъ сильно потрясающихъ средствъ, какъ прежде, и не производитъ такой сильной испарины въ больномъ, и что теперь больше времени требуетъ леченіе. Но какъ можно что-либо говорить о томъ, который лучше насъ знаетъ, что хорошо и что лучше, и который все на опытѣ и на соображеніи дѣлаетъ? Онъ почитаетъ теперь, что больному вовсе не нужно потѣть больше двухъ разъ въ недѣлю. Это онъ долженъ лучше знать, чѣмъ мы, почему и въ слѣдствіе какихъ причинъ. Но довольно. Теперь ты видишь самъ, что если и теперь ты будешь колебаться, то это уже не будетъ знакъ малодушія, а, просто, жалкаго упрямства и жалкой человѣческой гордости. Ты не долженъ даже останавливаться мыслью: хорошо ли послѣ Гастейна сейчасъ приняться за холодныя ванны. Объ этомъ нужно спросить у Призница: это онъ можетъ только знать. Да и что тутъ остается дѣлать, если этотъ человѣкъ совсѣмъ не боится простуды и плюетъ на нее? Тутъ ужъ нечего намъ умничать. Увѣдоми меня, сейчасъ же по полученіи сего письма, какимъ образомъ распорядишься и когда ѣдешь. Если Призницъ [который вовсе не хва-

ступъ и не любитъ обѣщать много], если онъ скажетъ, что тебѣ нужно непремѣнно остаться въ Греффенбергѣ, тогда я пріѣду къ тебѣ туда поглядѣть, какъ ты лечишься, а можетъ быть, полечусь и самъ отъ своихъ недуговъ; ибо я, если рѣшусь ввѣриться доктору, то ужъ, вѣрно, Призницу, а не кому другому, потому что никто другой, по крайней мѣрѣ доселѣ, не показалъ столько результатовъ. F* совѣтуетъ тебѣ отправиться вотъ какъ: изъ Ольмюца въ Freiwaldau и остановиться тамъ въ трактирѣ, и послать сей же часъ за нимъ, то есть за F*, который еще три мѣсяца проживетъ въ Греффенбергѣ, послать за F* въ Греффенбергъ [2 версты разстоянія отъ Freiwaldau]. F* явится къ тебѣ для того, чтобы предварительно поучить тебя, какъ взяться за Призница и какую рѣчь съ нимъ повести.

За тѣмъ прощай, и Богъ тебя да благословитъ. F* не иначе тебѣ говоритъ, какъ до скораго свиданія. А я хоть и попозже, а все-таки надѣюсь увидѣться, и почему знать? можетъ быть, вновь проведемъ изрядной кусокъ времени вмѣстѣ. Отвѣтъ пиши въ Эмсъ.

Къ Н. М. Языкову.

Мая 28, 1843.

Пишу къ тебѣ изъ Мюнхена, гдѣ засѣлъ на нѣсколько дней. Погода премерзкая, и потому, безъ всякаго сомнѣнія, таковая же и въ Гастейнѣ: около Зальцбурга уже я встрѣтилъ цѣлый хороводъ тучъ, который весь отправился въ Гастейнъ, зная, гдѣ раки зимуютъ.

Я позабылъ спросить у тебя передъ выѣздомъ объ одномъ пунктѣ письма Иванова къ тебѣ. Онъ, кажется, назначаетъ именно мѣсто и воды, на которыхъ будетъ кн. П. М. В***. Пожалуйста напиши мнѣ объ этомъ. Это обстоятельство довольно нужное: можетъ быть, нужно будетъ къ нему написать Жуковскому. Во всякомъ случаѣ, ты посмотри это мѣсто въ письмѣ и напиши мнѣ въ Дюссельдорфъ. Да отъ скуки во время дождей перечти еще одинъ разъ »Мертвыя Души«. Во второй разъ дѣло будетъ очевиднѣе и всякія ошибки яснѣе. Мнѣ это слишкомъ нужно. Въ теченіе двухъ

лѣтъ; т. е. прежде совершеннаго исправленія всего, мнѣ нужно увидѣть всѣ дыры и прорухи. Особенно мнѣ нужны теперь вотъ какія замѣчанія: какая глава сильнѣе, какая глава слабѣе другой; гдѣ, въ какомъ мѣстѣ возрастаетъ болѣе сила всего, гдѣ устаетъ, авторъ вялъ, или, если на послѣднее слово, по деликатности, или недальнозоркости своей, ты не согласенъ, то гдѣ по крайней мѣрѣ онъ уступаетъ самому себѣ, оказавшемуся въ другихъ мѣстахъ. Однимъ словомъ, все то, что относится до всего каркаса машины. И объ этомъ дѣлѣ мы должны поговорить такъ, какъ о вовсе постороннемъ, несоединенномъ вовсе ни съ какими личными отношеніями, такъ какъ-бы авторъ »М. Д.« былъ О****, заклавшій козленка дикаго. Это ты долженъ сдѣлать тѣмъ болѣе, что я имѣю намѣреніе тоже напасть на тебя безъ всякой пощады и только уже не между двухъ глазъ, а публично; ибо имѣю въ виду сказать кое-что вообще о Русскихъ писателяхъ. — — —

За тѣмъ будь здоровъ. Да внушитъ Богъ Гастейнскимъ водамъ благую идею подхорохорить тебя, какъ выражается Скобелевъ, и Штраунбергу благую мысль давать лучшую телятину. О говядинѣ нечего ужъ и говорить. Не забывай писать, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше.

Встрѣтилъ я еще на улицѣ двухъ Нѣмцевъ, Б***** медика и живописца, которые отъ радости, что меня встрѣтили, сначала не нашли словъ, хотя знакомство наше основалось на двухъ buon giorno, сказанныхъ весьма плохимъ Италіянскимъ языкомъ. Нѣмцы объявили, что полковникъ четыре дня проводитъ въ Мюнхенѣ и ѣдетъ въ Дрезденъ. Но прощай до письма, которое надѣюсь отъ тебя получить въ Дюссельдорфѣ...

Къ N N*.*

20 іюня (1843). Дюссельдорфъ.

Я получилъ отъ васъ, N*N*, письмо, присланное мнѣ изъ Рима [отъ 22 апрѣля стараго стиля], на которое нахожу приличнымъ сей же часъ отвѣчать. Вы не правы въ томъ, что упрекаете себя за то, что предложили маминькѣ взять деньги, вырученныя за

продажу »М. Д.«, и разрушили, какъ вы говорите, деликатныя семейственныя отношенія. Во-первыхъ, вы не могли знать этихъ отошеній; во-вторыхъ, въ самомъ поступкѣ вашемъ ничего нѣтъ неблагоразумнаго и никакого худого намѣренія. А все то, въ чемъ нѣтъ дурного намѣренія, и что̀, вмѣстѣ съ тѣмъ, не противно здравому разсудку, данному намъ Богомъ, не есть уже грѣхъ. Если же оно предпринято еще къ тому съ добрымъ намѣреніемъ и желаніемъ истиннаго добра, то уже оно никогда не можетъ послужить худому. Богъ направитъ его всегда къ хорошему, хоть вовсе другимъ путемъ, чѣмъ мы думаемъ. Въ-третьихъ, въ отношеніи меня, вамъ вовсе не слѣдуетъ руководствоваться ни въ какомъ случаѣ осторожностью оскорбить какія-либо тонкія отношенія. Со мной нужно все спроста, и къ тому же всѣ случаи въ жизни обращаются мнѣ въ пользу. Такъ по крайней мѣрѣ было доселѣ, и такъ, я вѣрю, будетъ впередъ.

Письмо ваше заставило маминьку написать ко мнѣ два такія письма, которыя заставили меня строго подумать о другой, важнѣйшей помощи, которой онѣ всѣ въ-правѣ ожидать отъ меня, и я написалъ наконецъ то письмо, которое бы мнѣ давно слѣдовало написать, но котораго бы я не съумѣлъ никогда написать, не получивши прежде этихъ двухъ писемъ. Правда, обдумыванье его у меня отняло много времени, и я ничѣмъ не въ силахъ былъ заняться до тѣхъ поръ, пока не написалъ его. Но я исполнилъ свой долгъ и покоенъ въ душѣ. И теперь васъ благодарю за то, за что̀ вы себя упрекаете. А лучше всѣ поблагодаримъ Бога за все, что̀ ни посылается намъ; ибо все, что̀ ни посылается намъ, посылается на вразумленіе и уясненіе очей нашихъ. Прощайте...

Къ Н. М. Языкову.

Баденъ-Баденъ. 8 іюля (1843).

Изъ письма твоего ко мнѣ въ Эмсъ вижу, что ты рѣшительно хочешь ѣхать домой. Если такъ, то да благословитъ тебя Богъ. Къ Призницу можно сдѣлать путешествіе въ другое время. Я хотѣлъ-было ѣхать къ тебѣ на-встрѣчу въ Дрезденъ, но оробѣлъ при видѣ разстоянія, усталъ сильно отъ поѣздокъ, да и карманъ сталъ

изрядно тощеватъ. Впрочемъ все это меня никакъ бы не остановило, если бы я только услышалъ, что присутствіе мое нужно. Но сообразивши вижу, что могу въ письмѣ, и въ короткихъ словахъ даже, сказать тебѣ все то, что̀ мнѣ хотѣлось сказать тебѣ лично, при самомъ разставаніи.

Помнишь, когда я тебѣ одинъ разъ сказалъ съ такой увѣренностью, что ты будешь здоровъ и я даже буду способствовать къ твоему излеченію? Эти слова сказаны были не безразсудно: они сопровождены были внутреннею молитвою, они истекли изъ того источника, который находится у всѣхъ насъ, хотя мы рѣдко стремимся къ тому, чтобы найти его. Изъ источника этого исходитъ одинъ только свѣтъ, но онъ есть, — стало быть, есть не даромъ. Мнѣ хотѣлось провести съ тобой вмѣстѣ время въ Римѣ и узнать совершенно состоянье твоей болѣзни. Я наблюдалъ за тобою и коечто узналъ, и говорю тебѣ вновь: ты будешь здоровъ, и выздоровленіе зависитъ отъ тебя. Средства физическія могутъ отыскаться многія. Изъ нихъ конечно дѣйствительнѣе всѣхъ для тебя Приэница; но тебѣ нужно освѣженіе душевное. Дай мнѣ слово говѣть, пріѣхавши въ Москву, при первомъ случаѣ, если въ Великій постъ, то на первой нѣдѣлѣ. Въ продолженіе говѣнія займись чтеніемъ церковныхъ книгъ. Это чтеніе покажется тебѣ трудно и утомительно; примись за него, какъ рыбакъ (?) съ карандашомъ въ рукѣ, читай скоро и бѣгло и останавливайся только тамъ, гдѣ поразитъ тебя величавое, нежданное слово, или оборотъ; записывай и отмѣчай ихъ себѣ въ матеріалъ. Клянусь, это будетъ дверью на ту великую дорогу, на которую ты выдешь! Лира твоя наберется тамъ неслыханныхъ міромъ звуковъ и, можетъ быть, тронетъ тѣ струны, для которыхъ она дана тебѣ Богомъ. Сдѣлай также слѣдующее заведеніе: всякую субботу ввечеру отслужи у себя всеночную. Тебѣ стоитъ послать только за первымъ попомъ, и онъ отслужитъ у тебя въ комнатѣ. Вотъ все, что̀ я хотѣлъ тебѣ сказать. Богъ тебѣ скажетъ самъ все, что̀ тебѣ нужно. Онъ водрузитъ въ твою душу ту чудную эпоху жизни, когда и разумъ старости, и свѣжесть юности, и сила мужества, и младенчество младенца соединяются вмѣстѣ, и всѣ возрасты жизни вкушаетъ въ себѣ разомъ человѣкъ.

Прощай! Богъ да благословитъ тебя. Пиши ко мнѣ всегда въ Дюссельдорфъ на имя Жуковскаго. Если бы я и не былъ тамъ, то письма оттуда найдутъ меня повсюду. Это маленькое письмецо отдай Е***.

Гоголь.

Описывай все. Мнѣ все нужно знать. Изъ Москвы я имѣю только извѣстіе, что родились три Катерины, у Хомякова, у Языкова и у Кирѣевскаго, да что Петръ Васильевичъ сшилъ себѣ кафтанъ стрѣльца по рисункамъ, которымъ очень доволенъ и ходитъ въ немъ вездѣ.

Къ С. Т. Аксакову.

Баденъ. 24 іюля (1843).

Благодарю васъ за книги, которыя получилъ отъ кн. М**** въ исправности. Вообще всѣ посылки доходятъ до меня исправно: Русскіе встрѣчаются между собой поминутно и имѣютъ всегда возможность препроводить и передать туда, гдѣ я. Мнѣ жаль, что вы не дали знать Шевыреву: онъ бы тоже прислалъ мнѣ свою рѣчь о воспитаніи и взглядъ на Русскую словесность за прошлый годъ. Можетъ быть, даже накопились и кое-какія критики и разборы моихъ сочиненій. Всего этого мнѣ бы очень хотѣлось.

Какая, между прочимъ, я скотина! я написалъ къ вамъ объ одномъ пунктѣ письма, писаннаго Шевыревымъ отъ васъ всѣхъ. Еще недавно я прочелъ его вновь. Письмо это такъ прекрасно и такой исполнено дружбы, что я удивлялся не одинъ разъ, какъ гадокъ человѣкъ: ему достаточно увидѣть одно пятнышко какое-нибудь, и ужъ онъ только и видитъ предъ собою это пятнышко; все прочее ему ни-почемъ. Мнѣ, просто, позалось, будто до сихъ поръ еще не вѣрятъ душевному моему слову. Я вспомнилъ одно обстоятельство Погодина относительно меня, которое, просто, произошло отъ простоты его, а не отъ чего другого, и въ это время скользнула мнѣ въ письмѣ одна фраза, показавшаяся намекомъ на то же. Но въ сторону объ этомъ. Оно послужитъ пусть урокомъ, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ предаваться пер-

вому впечатлѣнію, особенно, если оно сколько-нибудь неспокойно и если примѣшалась какая-нибудь оскорбленная мелкая страстишка.

Слухи, которые дошли до васъ о »М. Д.«, все ложь и пустяки. Никому я не читалъ ничего изъ нихъ въ Римѣ, и, вѣрно, нѣтъ такого человѣка, который бы сказалъ, что я читалъ что-либо вамъ неизвѣстное. Прежде всего я бы прочелъ Жуковскому, если бы что-нибудь было готоваго. Но, увы! ничего почти не сдѣлано мною во всю зиму, выключая немногихъ умственныхъ матеріаловъ, забранныхъ въ голову. Дѣла, о которыхъ я писалъ къ вамъ и которыя я просилъ васъ взять на себя, слишкомъ у меня отняли времени; ибо я всё-таки не могъ вполнѣ отвязаться и долженъ былъ многое обработать оставшееся на мнѣ, отъ котораго иначе я не могъ никакъ избавиться. Вы уже сами могли чувствовать по той просьбѣ, по отчаянному выраженію той просьбы, какою наполнено было письмо мое къ вамъ, какъ много значило для меня въ тѣ минуты попеченіе о многомъ житейскомъ. Но такъ было, вѣрно, нужно, чтобы время было употреблено на другое... Можетъ быть, и болѣзненное мое расположеніе во всю зиму, и мерзѣйшее время, которое стояло въ Римѣ во все время моего пребыванія тамъ, нарочно отдаляло отъ меня трудъ, для того чтобы я взглянулъ на дѣло свое съ дальняго разстоянія и почти чужими глазами.

Но прощайте; будьте здоровы. Пишите по-прежнему въ Дюссельдорфъ, poste restante. Я только на одну недѣлю въ Баденѣ. Жуковскій тоже не въ Дюссельдорфѣ, а въ Эмсѣ, на водахъ. — —

Къ Н. Д. Бѣлозерскому.

Августа 30. Дюссельдорфъ. 1843.

Мнѣ хочется знать, что съ вами дѣлается, мой добрый Николай Даниловичъ. Отвѣчайте мнѣ на всѣ слѣдующіе вопросы. Я ихъ всѣ занумеровываю, потому что у людей есть всегда охота увиливать и не отвѣчать на все. 1) Какъ ваше здоровье и всѣхъ васъ, то есть, вашего брата и проч.? 2) Отправляете ли вы донынѣ судейскую вашу должность, и что удалось вамъ въ ней сдѣлать хоро-

шаго и полезнаго? 3) На сколько вообще уѣздный судья можетъ сдѣлать добраго и на сколько дурного? 4) Какъ идетъ ваше хозяйство? 5) Сколько получаете доходовъ, за уплатой всякихъ повинностей? 6) Какія главныя и доходливыя статьи вашего хозяйства? 7) Что̀ вамъ удалось, или вашему брату, сдѣлать хорошаго по этой части, въ продолженіе вашей жизни въ деревнѣ? 8) Каковы ваши сосѣди и кто замѣчательнѣе вообще изъ Борзенскаго дворянства и чѣмъ? 9) Чѣмъ каждый среди нихъ полезенъ себѣ и другимъ и чѣмъ вреденъ себѣ, или другимъ? 10) Что̀ говорятъ у васъ о »Мертвыхъ Душахъ« и о моихъ сочиненіяхъ? [экземпляра я вамъ не послалъ потому, что съ трудомъ даже получилъ для себя.] Не пренебрегайте въ этомъ дѣлѣ ни чьимъ мнѣніемъ и кто какъ ни говоритъ, напишите мнѣ, хотя бы это были совершенныя глупости. Итакъ вотъ вамъ запросы! Ихъ всѣхъ числомъ десять. Я ихъ нарочно записалъ у себя въ книгѣ, чтобы вы котораго-нибудь изъ нихъ не пропустили. Хоть коротко, но на каждый вы должны отвѣчать понумерно...

Къ С. Т. Аксакову.

Дюссельдорфъ. 30 августа (1843).

Письмо ваше и вмѣстѣ съ нимъ другія, пріобщенныя къ нимъ, я получилъ. Книги получены также въ исправности, какъ чрезъ кн. М****, такъ и чрезъ Валуева. Перешлите мнѣ, если найдете оказію, »Москвитянина« за этотъ годъ: тамъ есть статьи, меня интересующія очень. О благодарности за всѣ ваши ласки нечего и заикаться. Констант. Сергѣев. благодарю также за письмо, хотя не мѣшало ему быть и подлиннѣе. Если увидите Шевырева, то напомните ему о присылкѣ мнѣ остальной тысячи за прошлый годъ, да, если можно, вмѣстѣ съ тѣмъ и впередъ, что̀ есть; ибо перваго октября, какъ вы знаете, срокъ и время высылки. — —

Къ Н. М. Языкову.

Дюссельдорфъ. 1 сентября (1843).

Съ нетерпѣніемъ жажду отъ тебя извѣстія: 1) какъ ты доѣхалъ; 2) какое почувствовалъ чувство при встрѣчѣ въ Русью и при въѣздѣ въ Москву; 3) какъ и кого нашелъ въ Москвѣ; 4) какъ и гдѣ пристроился, и въ чемъ состоитъ удобство и неудобство пристроенія; 5) что и какъ, и гдѣ твои братья съ женами и дѣтьми, и 6) какія намѣренія впредь. Съ нетерпѣніемъ жду твоего увѣдомленія. Пожалуйста не откладывай и напиши въ непродолжительномъ времени. Адрессуй въ Дюссельдорфъ. Обнимаю тебя и да здравствуешь въ свѣжемъ и бодромъ состояніи душевномъ.

Твой Гоголь.

Къ нему же.

Дюссельдорфъ. Октября 5 (1843).

Письмо твое меня обрадовало. Ты въ Москвѣ. Переѣздъ и скука скитанья кончены — слава Богу! Не засиживайся только въ комнатѣ, дѣлай побольше движенія; коли нельзя кататься въ случаѣ дрянной погоды, двигайся по комнатѣ. Движенье непремѣнно нужно въ нашемъ климатѣ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Когда начнутся ясные зимніе дни съ небольшими морозцами, пользуйся ими и выходи на воздухъ, упражняясь хотя сколько-нибудь въ пѣшеходствѣ. Мороза не бойся: холодно въ началѣ, пока не расходишься. Есть ли у тебя токарный станокъ и хорошъ ли?

Благодарю тебя за желаніе надѣлить меня книгами, но предлагаемыя тобою уже у меня есть. Но такъ какъ ты хочешь насытить мою жажду [а жажда моя къ чтенію никогда не была такъ велика, какъ теперь], то вотъ тебѣ на видъ тѣ книги, которыхъ бы я желалъ: 1) »Розыскъ«, Дмитрія Ростовскаго, 2) »Труды Словесъ« и »Мечь Духовный«, Лазаря Барановича, и 3) сочиненія Стефана Яворскаго въ 3 частяхъ [проповѣди]. Да хотѣлъ бы я имѣть Русскія лѣтописи, изданныя Археографическою коммиссіею если не оши-

баюсь, есть уже три, когда не четыре тома], да »Христіанское Чтеніе« за 1842 годъ. Вотъ книги, которыя я хотѣлъ бы сильно достать. Переслать мнѣ можно ихъ порознь съ Русскими, ѣдущими за границу, а ихъ выѣзжаетъ всегда почти въ довольномъ количествѣ. Свѣдѣнія о нихъ можно получить особенно отъ докторовъ, которые ихъ высылаютъ за границу, и въ этомъ случаѣ Иноземцовъ можетъ оказать большую услугу. А если имъ и не по дорогѣ мнѣ завезть, то всегда почти встрѣтятся съ другими Русскими, которымъ по дорогѣ; а у меня два: въ Дюссельдорфѣ Жуковскому и въ Римъ Иванову и F F; а не то—могутъ оставить во Франкфуртѣ, въ нашемъ посольствѣ, хотя этимъ путемъ и не такъ скоро меня найдутъ книги. Валуевъ былъ въ Дюссельдорфѣ и привезъ мнѣ также одну книгу, но меня не засталъ тамъ, и я уже получилъ ее отъ Жуковскаго. Покупка этихъ книгъ можетъ составить сумму, можетъ быть, даже за 80 рублей, а потому уже это не должно быть въ значеніи подарка, а отнесено, просто, на счетъ. Между прочимъ совѣтую тебѣ пересмотрѣть эти книги. Я никогда не думалъ чтобы наше »Христіанское Чтеніе« было такъ интересно. Тамъ не только прекрасные переводы всѣхъ почти Отцовъ Церкви, не только много драгоцѣнныхъ отрывковъ изъ разсѣянныхъ лѣтописей первоначальныхъ Христіянъ; но есть много оригинальныхъ статей, неизвѣстно кому принадлежащихъ, очень замѣчательныхъ.

Ты пишешь, что Петръ Васильевичъ Кирѣевскій совершилъ свой великій подвигъ и послалъ пѣсни въ Петербургъ въ цензуру. Слава Богу! Есть, стало быть, надежда, что мы, лѣтъ черезъ десять, будемъ читать ихъ, разумѣется, если — — не помѣшаетъ недосугъ, котораго такъ много въ Московской жизни.

Иванова глаза стали гораздо лучше, и онъ чувствуетъ бодрость. Дѣло его совершенно устроилось, и надежда есть, что ему не будутъ мѣшать, или тревожить. Авдостью Петровну поблагодари за ея доброту и за все. Надежду Николаевну также и передай ей эту маленькую записочку. Да не забывай писать, если можно, почаще. Вѣдь тебѣ теперь предстоитъ гораздо меньше писать писемъ, чѣмъ тогда, какъ былъ за границей. Увѣдомляй о препровожденіи своего времени и что̀ читаешь и какъ о томъ думаешь, и что вообще дѣлается въ Москвѣ. Мнѣ все это интересно знать. Обнимая тебя

всего душою, говорю: до слѣдующаго письма. Адрессуй мнѣ попрежнему на имя Жуковскаго.

Какихъ мыслей Сильвестръ о Москвѣ и вообще каковъ его взглядъ на отечество?

Къ А. А. Иванову.

Дюссельдорфъ. 1 сентября (1843).

Чтожъ вы, Александръ Андреевичь, не увѣдомляете меня ни о чемъ, что̀ дѣлается съ вами? Какъ ваше леченіе и каковы глаза, и въ какомъ углу и мѣстѣ картины вашей работаете? Напишите также Моллеру, чтобъ онъ извѣстилъ меня о себѣ, какъ онъ и что̀ намѣренъ дѣлать, и гдѣ зимуетъ. Я начиталъ въ газетахъ, что сестры его выѣхали изъ Петербурга за границу на пароходѣ. Онъ мнѣ ничего не сказалъ объ этомъ, а это будетъ очень полезно для него. Вѣроятно, онѣ пробудутъ въ Италіи и, можетъ быть, даже съ нимъ. Объ этомъ меня увѣдомите.

О происшествіяхъ въ Петербургѣ вашихъ академическихъ вы уже, безъ сомнѣнія, знаете. — — Самое умное постановленіе — — [NB. отчасти вы этому виною], это то, что художники могутъ брать заказы въ Русскія церкви, не выѣзжая изъ Рима и производить работы, постоянно живя въ Римѣ. Итакъ вы видите сами, не моя ли правда. Какое бы ни случилось непріятное извѣстіе, или происшествіе, стоитъ только переждать, изъ него же выйдетъ потомъ хорошій результатъ. Держитесь только по-прежнему того, что̀ уже я вамъ одинъ разъ сказалъ, то есть, при какомъ бы то ни было происшествіи непріятномъ, прежде чѣмъ предаваться тревогѣ, напишите все подробно мнѣ. Вы увидите, что это будетъ не совсѣмъ дурно.

Адрессуйте по-прежнему въ Дюссельдорфъ. Жуковскій вамъ кланяется. Въ Баденѣ я видѣлся со С*** и еще съ кое-какими Русскими. Прощайте и будьте здоровы.

Къ матери.

1 октября 1843 г. Дюссельдорфъ.

Поздравляю васъ съ наступившимъ днемъ имянинъ вашихъ. Отъ души желаю вамъ пріобрѣтенія всѣхъ душевныхъ благъ. Это первое и единственное желаніе, которое мы прежде всего должны желать другъ другу. Письма ваши и вмѣстѣ съ ними письма сестеръ моихъ я получилъ. Сказать по истинѣ, всѣ они вообще меня нѣсколько изумили, изумили меня именно въ слѣдующемъ отношеніи: я не ожидалъ ничего болѣе на-счетъ моего письма, какъ только одного простого увѣдомленія, что оно получено. Вмѣсто того, получилъ я цѣлыя страницы объясненій и оправданій, точно какъ-будтобы я обвинялъ кого-нибудь. Если кто ощущаетъ желаніе оправдаться въ чемъ-либо, пусть оправдывается передъ своею совѣстью, или предъ духовникомъ своимъ. А я не могу и не хочу быть обвинителемъ никого. Многіе даже позабыли, что все до послѣдняго слова въ письмѣ слѣдуетъ взять на свой счетъ, а не одно то, что̀ болѣе забираетъ за живое. Другимъ вообразилось, что я въ слѣдствіе неудовольствія написалъ это письмо. На это скажу вамъ, что ни одно письмо не было къ вамъ въ духѣ такой душевной любви, какъ это письмо. Но оставимъ объ этомъ всякія изъясненія. Исполните теперь мою просьбу, о которой васъ буду просить: оставьте мое письмо, не читайте его, не заговаривайте о немъ даже между собою до самого Великаго поста. Но зато дайте мнѣ всѣ слово во все продолженіе первой недѣли Великаго поста [мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы говѣли на первой недѣлѣ] читать мое письмо, перечитывая всякой день по одному разу и входя въ точный смыслъ его, который не можетъ быть доступенъ съ перваго разу. Кто меня любитъ, тотъ долженъ все это исполнить. Послѣ этого времени, то есть, послѣ говѣнія, если кому-нибудь придетъ душевное желаніе писать ко мнѣ по поводу этого письма, тогда онъ можетъ писать и объяснять все, что̀ ни подскажетъ ему душа его.

Теперь я долженъ еще вамъ сдѣлать замѣчаніе на-счетъ двухъ выраженій въ письмѣ вашемъ. Въ одномъ вы говорите, что я теперь истинный Христіянинъ. Прежде всего — это неправда. Я отъ

этого имени далѣе, чѣмъ кто-либо изъ васъ, и всѣ эти упреки, которые каждая нашла въ письмѣ моемъ, какъ направленные собственно на нее, всѣ эти упреки, собравъ вмѣстѣ, можно сдѣлать одному мнѣ, и такое дѣйствіе будетъ справедливо вполнѣ. Въ другомъ мѣстѣ вы говорите, что рѣдкій братъ сдѣлалъ столько для сестеръ, какъ я. На это я вамъ скажу искренно: истинно полезнаго я не сдѣлалъ ничего для моихъ сестеръ. Одно только я сдѣлалъ истинно полезное дѣло, написавши это письмо. Но и тутъ не мой подвигъ: безъ помощи иной, я бы не могъ этого сдѣлать. Къ тому же это письмо, въ истинномъ смыслѣ своемъ, осталось не понято. Стало быть, я ничего не сдѣлалъ. Но ни слова больше объ этомъ предметѣ, какъ бы ни зашевелился у кого-нибудь языкъ заговорить о немъ. Только этими словами отвѣчайте на письмо это: *Просьба на-счетъ письма будетъ исполнена*, и ничего болѣе. Предметовъ у васъ, вѣрно, найдется поговорить, кромѣ этого письма.

Между прочимъ увѣдомьте меня, какими деньгами вы заплатили Данилевскому половину занятой суммы. Мнѣ нужно знать, кому именно и сколько я долженъ. Хотя я и не могу ихъ заплатить теперь, но тѣмъ не менѣе долженъ вести аккуратно дѣла свои, расчитывая копейку въ копейку, а особливо въ теперешнее время, когда деньги, приходятся такъ трудно.

Прощайте! Душевно обнимаю васъ всѣхъ.

Къ П. А. Плетневу.

Октября 6. Дюссельдорфъ, 1843.

Началомъ письма уже просьба. Шевыревъ извѣстилъ меня — — что Прокоповичу предстоитъ тежба [Прокоповичъ не далъ мнѣ до сихъ поръ никакого обстоятельнаго увѣдомленія о положеніи дѣлъ моихъ], и потому я прошу васъ помочь, сколько можно, вашимъ участьемъ, если точно дѣло въ плохомъ положеніи. Денегъ я не получаю ни откуда; вырученныя за »М. Д.« пошли всѣ почти на уплату долговъ моихъ. За сочиненія мои тоже я не получилъ еще ни гроша, потому что все платилось

въ — — типографію, взявшую страшно дорого за напечатаніе; и притомъ продажа книгъ идетъ, какъ видно, тупо. Если придется къ тому потерять экземпляры, то и впереди не предстоитъ никакой возможности на пропитаніе тщедушныхъ дней моихъ. И потому, что̀ можно сдѣлать — сдѣлайте. Въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ мнѣ бы помогло отчасти вспомоществованіе — — Прежде, признаюсь я не хотѣлъ бы даже этого, но теперь, опираясь на стѣсненное положеніе моихъ обстоятельствъ, я думаю, можно прибѣгнуть къ этому. — — Впрочемъ, вы сдѣлаете, что̀ только будетъ въ вашей возможности, потому что видите сами мое положеніе, и потому, что раздѣляете его душевно. Важность всего этого тѣмъ болѣе значительна, что нескоро придется мнѣ выдать что-нибудь въ свѣтъ. Чѣмъ болѣе торопимъ себя, тѣмъ менѣе подвигаемъ дѣло. Да и трудно это сдѣлать, когда уже внутри тебя заключился твой неумолимый судья, строго требующій отчета во всемъ и поворачивающій всякій разъ назадъ при необдуманномъ стремленіи впередъ. Теперь мнѣ всякую минуту становится понятнѣй, отчего можетъ умереть съ голода художникъ, тогда какъ кажется, что онъ можетъ большія набрать деньги. Я увѣренъ, что не одинъ изъ близкихъ даже мнѣ людей, думая обо мнѣ, говоритъ: »Ну, что̀ бы могъ сдѣлать этотъ человѣкъ, если бы захотѣлъ! Ну, издавай онъ всякій годъ по такому тому, какъ »Мертвыя Души«, — онъ бы могъ доставить себѣ двадцать тысячь годового дохода.« А того никто не разсмотритъ, что этотъ томъ, со всѣми его недостатками и грѣхами непростительными, стоитъ почти пятилѣтней работы, стало быть, можетъ назваться вполнѣ выработаннымъ кровью и по̀томъ. Я знаю, что послѣ буду творить полнѣй и даже быстрѣе; но до этого еще нескоро мнѣ достигнуть. Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого и такое мнѣ нужно до того времени вынести внутренне сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ сочиненій. Признайтесь: не показался ли я вамъ страннымъ въ наше послѣднее свиданіе, неоткровеннымъ и необщительнымъ, словомъ — страннымъ? Не могъ я вамъ показаться иначе, какъ такимъ: захлопотанный собою, занятый мыслію объ одномъ себѣ, о моемъ вну-

трешнемъ хозяйствѣ, объ управленіи моими непокорными слугами, находящимися во мнѣ, надъ которыми всѣми слѣдовало вознестись — иначе какъ разъ очутишься въ ихъ власти — занятый всѣмъ этимъ, я не могъ быть откровеннымъ и свѣтлымъ: это принадлежности безмятежной души. А моей душѣ еще далеко до этого. Не потому я молчу теперь, чтобы не хотѣлъ говорить, но потому молчу, что не умѣю говорить, и не нашелъ бы словъ даже, какъ разсказать то, что̀ захотѣлъ бы разсказать. Но я заговорился, кажется.... Впрочемъ это слово изъ моей душевной исповѣди. А душевная исповѣдь должна быть доступна всегда сердцу близкаго намъ друга....

Получили ли »Матео Фальконе« отъ Жуковскаго? я интересуюсь знать о немъ; хоть это и не мое дитя, но я его воспринималъ отъ купѣли и торопилъ къ появленію въ свѣтъ. Вы замѣтили, я думаю, что онъ переписанъ моею рукою.

Къ Н. Н. Ш—вой.

25 октября (1843).

Не сѣтуйте на меня, добрый другъ мой, за то, что давно не писалъ къ вамъ. Ко мнѣ также долго не пишутъ. Вотъ уже больше полугода, какъ я не получалъ писемъ отъ Аксаковыхъ. Отъ другихъ также давно не имѣю извѣстій, хотя вообще моимъ пріятелямъ слѣдовало бы больше писать писемъ, чѣмъ мнѣ, по многимъ причинамъ, — во-первыхъ, уже потому, что у нихъ меньше переписки, чѣмъ у меня. Вы одни меня не оставляете и не считаетесь со мной письмами. Виноватъ: мой добрый Языковъ умѣетъ также быть великодушнымъ, и, послѣ васъ, онъ одинъ пишетъ, не останавливаясь тѣмъ, что на иное письмо нѣтъ отвѣта. Образа вашего я не получилъ. Б**** мнѣ его не доставилъ, и его самого я не видалъ и не знаю, гдѣ онъ. Но этимъ нечего сокрушаться. Не въ видимой вещи дѣло. Образъ вашъ я возложилъ мысленно на грудь свою, принялъ благодарно ваше благословеніе и помолился Богу, да и возложенный мысленно, онъ возымѣетъ ту силу, какъ-бы возложенъ былъ видимымъ образомъ. А васъ прошу, без-

цѣнный другъ мой, помолиться о мнѣ сильно и слезно, помолиться о томъ, чтобы ниспослалъ Онъ, милосердый Отецъ нашъ, освѣженье моимъ силамъ, которое мнѣ очень нужно для нынѣшняго труда моего и котораго не достаетъ у меня, и святое вдохновенье на то, чтобы совершить его такимъ образомъ, чтобы онъ доставилъ не минутное удовольствіе нѣкоторымъ, но душевное удовольствіе многимъ, и чтобы всѣхъ равно болѣе приблизилъ къ тому, къ чему мы всѣ ежеминутно должны болѣе и болѣе приближаться, то есть, къ Нему самому, небесному Творцу нашему. Объ этомъ молю Его теперь безпреставно и прошу васъ, какъ братъ проситъ брата, соединить ваши молитвы съ моими и силою вашихъ моленій помочь безсилію моихъ...

Къ Н. М. Языкову.

Дюссельдорфъ. Ноября 4 дня (1843).

Письмо твое отъ 1-го октября меня порадовало душевно,—порадовало потому что я въ немъ, сквозь самые твои развлеченія и даже мази Иноземцова, прозрѣваю [въ слѣдствіе моего чутья внутренняго], что отъ тебя не такъ далеко время писанья и работы. Остается испросить вдохновенья. Какъ это сдѣлать? Нужно послать изъ души нашей къ Нему стремленіе. *Чего не поищешь, того не найдешь,* говоритъ пословица. Стремленіе есть молитва. Молитва не есть словесное дѣло; она должна быть отъ всѣхъ силъ души и всѣми силами души; безъ того она не возлетитъ. Молитва есть восторгъ. Если она дошла до степени восторга, то она уже проситъ о томъ, чего Богъ хочетъ, а не о томъ, чего мы хотимъ. Какъ узнать хотѣніе Божіе? Для этого нужно взглянуть разумными очами на себя и изслѣдовать себя: какія способности, данныя намъ отъ рожденія, выше и благороднѣе другихъ? Тѣми способностями мы должны работать преимущественно, и въ сей работѣ заключено хотѣніе Бога; иначе онѣ не были бы намъ даны. Итакъ, прося о пробужденіи ихъ, мы будемъ просить о томъ, что̀ согласно съ Его волею; стало быть, молитва наша прямо будетъ услышана. Но

нужно, чтобы эта молитва была отъ всѣхъ силъ души нашей. Если такое постоянное напряженіе хотя на двѣ минуты въ день соблюсти въ продолженіе одной, или двухъ недѣль, то увидишь ея дѣйствія непремѣнно. Къ концу этого времени въ молитвѣ окажутся прибавленія. Вотъ какія произойдутъ чудеса. Въ первый день еще ни ядра мысли нѣтъ въ головѣ твоей; ты просишь просто о вдохновеніи. На другой, или на третій день ты будешь говорить не просто: »Дай произвести мнѣ«, но уже: »Дай произвести мнѣ въ *такомъ-то* духѣ.« Потомъ, на четвертый, или пятый: »съ *такою-то* силою.« Потомъ окажутся въ душѣ вопросы: какое впечатлѣніе могутъ произвести задумываемыя творенія и къ чему могутъ послужить? И за вопросами въ ту же минуту послѣдуютъ отвѣты, которые будутъ прямо отъ Бога. Красота этихъ отвѣтовъ будетъ такова, что весь составъ уже самъ собою превратится въ восторгъ; и къ концу какой-нибудь другой недѣли увидишь, что уже все составилось, что̀ нужно: и предметъ, и значенье его, и сила, и глубокій внутренній смыслъ, словомъ—все; сто́итъ только взять въ руки перо да и писать. Но повторю вновь: молитва должна быть отъ всѣхъ силъ души. Естествоиспытатели скажутъ, что это немудрено, что постоянное напряженіе можетъ разбудить силы человѣка. Но пусть будетъ по-ихнему, пусть это произошло именно оттого, что одна нерва толкнула другую, какъ оно, впрочемъ, и справедливо; но когда дойдешь наконецъ до результата, тогда увидишь ясно, какъ и въ силу чего это возникло. А извѣстное дѣло, что теоріи тѣ только не ложны, которыя возникли изъ опыта. Для меня удивительнѣе всего то, что тѣ именно люди, которые признаютъ Бога только въ порядкѣ и гармоніи вселенной и отвергаютъ всякіе внезапные чудеса, хотятъ непремѣнно, чтобы тутъ совершилось чудо, чтобы Богъ вошелъ вдругъ въ нашу душу, какъ въ комнату, отворивши тѣлесною рукою дверь и произнесши слово во услышанье всѣмъ. А позабыли то, что Богъ никуда не входитъ незаконно; всюду несетъ Онъ съ Собой гармонію и законъ; нѣтъ и мгновенья безпричиннаго, все обмыслено и есть уже самая мысль. Чудеса, повидимому безпричинныя, не случались съ умными людьми. Они случались съ простыми людьми, съ тѣми людьми, у которыхъ сила вѣры перелетѣла чрезъ всѣ границы и черезъ всѣ

ихъ невеликія способности. За такую вѣру, ниспосланы были и явленія имъ, перешедшія всѣ естественныя границы. Но и тутъ, всмотрѣвшись, можно толковать естественнымъ образомъ: тоже одна нерва толкнула другую и вызвала видѣніе. Но въ томъ-то и дѣло, что одно мановеніе сверху — и тысячи колесъ уже толкнули одно другое, и пришелъ въ движеніе весь безгранично сложный механизмъ, а намъ видно одно мановеніе. Такъ, взглянувъ на часовой циферблятъ, видишь, что одна только стрѣлка едва примѣтно двигнулась; но для того, чтобы произвести это непримѣтное движеніе, нужно было нѣсколько разъ оборотиться колесамъ. Умный человѣкъ хочетъ, чтобы и съ нимъ такъ же случилось чудо, какъ съ другимъ; но уже за одно это безразсудное желаніе онъ достоинъ наказанья. Ему скажется: »Тебѣ данъ умъ; зачѣмъ отъ тебѣ данъ? Затѣмъ ли, чтобы ты съ нимъ вмѣстѣ дремалъ? Тотъ, какъ трудолюбивый крестьянинъ, работалъ отъ всѣхъ силъ своихъ и выработалъ пóтомъ и слезами хлѣбъ свой, а ты, могши наполнить имъ цѣлые магазины, лежалъ на боку, и еще хочешь, чтобы тебѣ бросилась такая же горсть, какая дана ему!« Чтò на это придется отвѣчать умному человѣку? Развѣ отвѣчать такими словами: »Но я былъ какъ въ лѣсу, я не зналъ даже, какъ и за чтò приняться. Если бы кто подалъ мнѣ руку, я бы пошелъ.« Но такіе отвѣты можетъ уничтожить одно слово: »А зачѣмъ существуетъ молитва?« Если бы и тутъ нашелся умный человѣкъ сказать: »Но мнѣ не молилось, я не зналъ даже, какъ молиться«, отвѣтъ будетъ одинъ и тотъ же: »А на чтò молитва? Молись о томъ, чтобы умѣть молиться.« Но если умной человѣкъ былъ еще поэтъ—невольный страхъ обнимаетъ душу, и я сейчасъ изъясню тебѣ, почему. Святые молчальники, которые уже все нашли для себя лишнимъ въ мірѣ и слѣдили только одни внутреннія явленія души, на глубокую науку будущему человѣчеству, говорятъ вотъ чтò. Приходъ Бога въ душу узнается потому, когда душа почувствуетъ иногда вдругъ умиленіе и сладкія слезы, безпричинныя слезы, пронесшія не отъ грусти, или безпокойства, но которыхъ изъяснить не могутъ слова. До такого состоянія [говорятъ они же] дойти человѣку возможно только тогда, когда онъ освободился отъ всѣхъ страстей совершенно. Но есть, однакоже, такіе избранники, которыхъ Богъ

возлюбилъ отъ дѣтства, для благихъ и великихъ своихъ намѣреній и посѣщаетъ невидимо; доказательствомъ чего служатъ внезапно находящіи на нихъ восторгъ и тихія слезы. Свидѣтельство это такого рода, что во всякую минуту жизни надъ нимъ задумываешься. Вопроси себя въ душѣ своей и добейся отъ нея, что она скажетъ на это. Мнѣ бы хотѣлось сильно знать это, потому что полезно было бы и для меня. А до того времени мнѣ всё кажется вотъ что. Если подвергнется сильному отвѣту тотъ, кто не искалъ Бога, то еще сильнѣйшему тотъ, кто убѣгалъ отъ Бога. Скажу тебѣ еще объ одномъ душевномъ открытіи, которое подтверждается болѣе и болѣе, чѣмъ болѣе живешь на свѣтѣ, хотя въ началѣ оно было, просто, предположеніе, или справедливѣе—предслышаніе. Это то, что въ душѣ у поэта силъ бездна. Ежели простой человѣкъ борется съ неслыханными несчастіями и побѣждаетъ ихъ, то поэтъ непремѣнно долженъ побѣждать бо́льшія и сильнѣйшія. Разсматривая глубоко и въ существѣ тѣ орудія, которыми простые люди побѣждали несчастія, видимъ съ трепетомъ, что такихъ орудій цѣлый арсеналъ вложилъ Богъ въ душу поэта. Но ихъ большею частію и не знаетъ поэтъ, и не прибѣгаетъ къ узнанію. Разбросанныхъ силъ никто не знаетъ и не видитъ, и никогда не можетъ сказать навѣрно, въ какомъ онѣ количествѣ. Когда онѣ собраны вмѣстѣ, тогда только ихъ узнаешь. А собрать силы можетъ одна молитва.

Въ слѣдствіе этого я перехожу отсюда прямо къ твоей болѣзни. Мнѣ кажется, что всѣ мази и притиранія надобно понемногу отправлять за окошко. Тѣло твое возбуждали довольно; пора ему дать даже необходимый отдыхъ, а вмѣсто того слѣдуетъ дать работу духу. На болѣзнь нужно смотрѣть, какъ на сраженіе. Сражаться съ нею, мнѣ кажется, слѣдуетъ такимъ же образомъ, какъ святые отшельники говорятъ о сраженіи съ дьяволомъ. Съ дьяволомъ, говорятъ они, нельзя сражаться равными силами: на такое сраженіе нужно выходить съ бо́льшими силами, иначе будетъ вѣчное сраженіе. Самъ его не побѣдишь, но возлетѣвши молитвой къ Богу, обратишь его въ ту же минуту въ бѣгство. То же нужно примѣнить и къ болѣзни. Кто замыслитъ ее побѣдить однимъ терпѣніемъ, тотъ, просто, замыслитъ безумное дѣло. Такого рода

терпѣніе можетъ показать или безчувственный, или упрямецъ, который стиснетъ на время ротъ свой и сокроетъ въ себѣ боль, чрезъ что она еще сильнѣе потрясетъ весь составъ его; ибо, вырвавшись плачемъ, она бы уже не была такъ сильна. Нѣтъ, болѣзнь побѣждать нужно высшими средствами. Какъ бы то ни было, вѣдь были такіе же люди, которые страдали отъ жестокихъ болѣзней, но потомъ дошли до такого состоянія, что уже не чувствовали болей, а наконецъ дошли до такого состоянія, что уже чувствовали въ то время радость, непостижимую ни для кого. Конечно эти люди были святые; но вѣдь они не вдругъ же сдѣлались святыми: въ началѣ они были грѣшнѣе насъ. Они не въ одинъ день дошли до того, что стали побѣждать и болѣзни, и все. Они стремились и стремленьемъ достигли до крѣпости духа; только постояннымъ пребываніемъ въ этомъ вѣчномъ прошеніи о помощи окрѣпли они духомъ и привели его въ безпрестанное восторженіе, могущее все побѣдить въ мірѣ. Но въ одинъ день нельзя такъ окрѣпнуть. Выростаетъ дерево и на голомъ камнѣ, но это не дѣлается вдругъ. Въ началѣ камень покрывается едва замѣтною плѣсенью, чрезъ нѣсколько времени, намѣсто ея, показывается уже видимый мохъ; потомъ первое растеніе; растеніе сгнивши приготовляетъ почву для дерева; наконецъ показывается самое дерево. Все стройно и причинно. — — Можно и ускорить дѣло, потому что въ насъ же заключены и ускоряющія орудія. Умѣй только найти ихъ. Итакъ, съ помощію высшею, возможно побѣдить всякую болѣзнь. Естествоиспытатели могутъ и это чудо изъяснять естественнымъ закономъ: именно, что состояніе умиленія и всего того, что умягчаетъ душу, утишаетъ и физическія боли, дѣлаетъ ихъ нечувствительными, разслабляя составъ нашъ, подобно какъ операція переносится легко больнымъ, если тѣло его предварительно разслаблено ваннами и діэтами. Все это такъ, и имъ можно отвѣчать на все это то же, что̀ сказано прежде. Но пусть они разрѣшатъ вотъ какую задачу. Отчего въ такомъ человѣкѣ, который достигъ до этого состоянія посредствомъ разслабленія, или утишенія первическаго, отчего въ душѣ этого человѣка выростаетъ такая страшная сила и крѣпость, что, кажется, нѣтъ ужасовъ, которыхъ бы онъ не встрѣтилъ безтрепетно? и отчего сами врачи, если замѣ-

тятъ одну искру такой крѣпости въ больномъ, то уже надѣются на его выздоровленье, хотя бы болѣзнь была слишкомъ тяжела? Но довольно. Предметы сего рода стоютъ того, чтобы объ нихъ подумать много и долго, и я увѣренъ, что самыя слова мои, какъ ни безсильны они сами по себѣ, но наведутъ тебя на полнѣйшее и разсудительнѣйшее разсмотрѣніе объ этомъ, потому что слова истекли изъ наблюденій души и произвелись душевнымъ участіемъ.

Увѣдомляй, между прочимъ, о томъ, что̀ ты именно читалъ, или читаешь, и какого роду остался послѣ чтенія въ душѣ результатъ. Мы должны помогать другъ другу и дѣлиться впечатлѣніями. Я такъ мало читалъ, а особливо книгъ духовнаго содержанія, что мнѣ всякое слово твое о нихъ будетъ то же, что̀ находка. Да притомъ хотѣлось бы очень знать, какія книги нужно прочесть прежде и неукоснительно. Садясь писать ко мнѣ, пожалуйста не задавай себѣ задачи написать большое письмо, а, напротивъ, пиши въ-попыхахъ и на живую нитку, и что̀ написалось, то сейчасъ и отправляй. Намъ нужно быть совершенно на-распашку. Отъ этого письма непремѣнно будутъ чаще и даже, къ обоюдному изумленію, длиннѣе.

За тѣмъ обнимаю тебя отъ всей души; прощай. Дюссельдорфъ я оставляю. Зима въ Италіи для меня необходима. Въ Германіи она, просто, мерзость и не стоитъ подметки нашей Русской зимы. Въ Римъ, по разнымъ обстоятельствамъ, не доѣду, а зазимую въ Ниццѣ, куда завтра же и выѣзжаю. Жуковскій тоже оставляетъ Дюссельдорфъ и къ веснѣ перебирается во Франкфуртъ. Итакъ, если что̀ окажется изъ книгъ послать мнѣ, то теперь еще удобнѣе, ибо всякой Русской не минуетъ Франкфурта. Ему стоитъ все вручить Жуковскому, а отъ него я получу всячески. Не помнишь ли, сколько писемъ, одно, или два, писалъ ты ко мнѣ изъ Дрездена. Я узналъ, что на почтѣ пропало одно слѣдуемое мнѣ письмо. По книгѣ почтовой стоитъ: *изъ Дрездена*. Не твое ли? Пришло въ Дюссельдорфъ оно около половины сентября, а Дюссельдорфъ, по глупости, препроводилъ его въ Баденъ. Кѣмъ оно съѣдено на дорогѣ, Богъ вѣдаетъ. Но изъ Бадена я не получалъ на двухкратное требованіе.

О полученіи сего письма увѣдоми. Я бы не хотѣлъ, чтобы

оно какъ-нибудь затерялось, или не дошло къ тебѣ. Спроси также у Аксакова, получено ли ими письмо, со вложеніемъ другого, къ Погодину.

Къ В. А. Жуковскому.

Ницца. Суббота, 2 декабря (1843).

Отвѣчаю на ваше письмо сейчасъ же. Я именно ожидалъ его и потому не писалъ къ вамъ. Въ Ниццу я пріѣхалъ благополучно, даже болѣе чѣмъ благополучно, ибо случившіяся на дорогѣ задержки и кое-какія непріятности были необходимы душѣ моей, какъ все, что ни случается со мною, необходимо всегда моей душѣ. Ницца — рай; солнце, какъ масло, ложится на всемъ; мотыльки, мухи въ огромномъ количествѣ, и воздухъ лѣтній. Спокойствіе совершенное. Не смотря на множество домовъ, назначенныхъ для иностранцевъ, съ трудомъ встрѣтишь гдѣ-нибудь одного, или двухъ Англичанъ и никого болѣе. Жизнь дешевле, чѣмъ гдѣ-либо, особенно дешевизна припасовъ. Вѣтровъ и не дуетъ другихъ, кромѣ южнаго: другимъ некуда просунуть носа, потому что горы стали подковою.

Я вспомнилъ при первомъ взглядѣ на все это объ Рейтернѣ, которому передайте при этомъ душевной поклонъ и скажите, что если придетъ ему въ мыслъ перебраться на житье въ Италію со всѣмъ семействомъ и прожитъ дешевле, нежели въ Германіи, то для этого слѣдуетъ выбратъ Ниццу. А ужъ чѣмъ подаритъ его солнце, такъ этого и разсказать нельзя! За два часа до захожденья, оно начинаетъ творить чудеса, превращая горы то въ тѣ, то въ другіе цвѣта. Но изумительнѣе всего дѣлаетъ оно штуки съ ближними горами, то есть, зелеными: этѣ зеленыя горы дѣлаются пунцовыми. До сихъ поръ не было ни одного дурного дня; жарко даже ходить на солнцѣ, такъ что я выбираю дорогу въ тѣни. Говорятъ, что какъ зимою бываетъ тепло, такъ лѣтомъ прохладно и пріятно.

NF здѣсь. VV тоже здѣсь. Z* Z* тоже здѣсь, съ сыномъ и съ меньшою дочерью. Всѣ кланяются вамъ и многіе бу-

дутъ писать. Есть еще какіе-то Русскіе, но люди больные и потому невидимы. Никого нѣтъ изъ тѣхъ, которые пріѣзжаютъ повеселиться, потому что общеній для нихъ не обрѣтается въ Ниццѣ, то есть, ни баловъ, ни тому подобныхъ соединеній.

Я продолжаю работать, то есть, набрасывать на бумагу хаосъ, изъ котораго должно произойти созданіе »Мертвыхъ Душъ«. Трудъ и терпѣніе, и даже приневоливаніе себя награждаютъ меня много. Такія открываются тайны, которыхъ не слышала дотолѣ душа, и многое въ мірѣ становится послѣ этого труда ясно. Поупражнявясь хотя немного въ наукѣ созданія, становишься въ нѣсколько кратъ доступнѣе къ прозрѣнью великихъ тайнъ Божьяго созданія и видишь, что, чѣмъ дальше уйдетъ и углубится во что-либо человѣкъ, кончитъ всё тѣмъ же: одною полною и благодарною молитвою. Но я знаю, что вы сами пребываете въ такомъ же состояніи за »Одиссеею«, и потому прошу только Бога, да ничѣмъ не останавливается дѣло и да пребываетъ Онъ съ вами неотлучно. А гдѣ пребываетъ Богъ, тамъ ничто не продолжается въ равной силѣ, но идетъ впередъ и стремится, или переходитъ изъ лучшаго въ лучшее.

Передайте мой самой искренной и самой душевный поклонъ сожительницѣ и обнимите маленькую душку. Можете адрессовать мнѣ для большей исправности на имя здѣшняго банкира Авикдора, place Victor [piazza Vittorio]. Впрочемъ его знаетъ вся Ницца. Или же адрессуйте на имя NF, place de la Croix de Marbre, въ домѣ Gilli. Затѣмъ прощайте, душа моя; обнимаю васъ и мыслями, и чувствами моими.

Вашъ Гоголь.

Не сердитесь за неразборчивое письмо: спѣшилъ написать скорѣе, а перо попалось скверное.

Къ Н. Н. Ш—вой.

Ницца. Декабря 21 (1843).

Благодарю васъ, добрый другъ мой, за ваши два письма, которыя прислалъ мнѣ Жуковскій изъ Дюссельдорфа [одно отъ

6 августа, другое отъ 21 ноября]. Въ одномъ изъ нихъ вы пишете, что часто вамъ приходитъ на мысль сдѣлать для меня выписку тутъ же въ письмѣ изъ книги, которую вы читали. Ради Бога, не останавливайтесь такимъ желаньемъ, посылайте мнѣ тотчасъ все, что ни выпишете для меня, и Богъ васъ наградитъ за это. Вы говорите мнѣ, что хотѣли бы иногда поговорить со мною совершенно просто, но чѣмъ-то останавливаетесь. На это я вамъ скажу, что всякое душевное движеніе, порожденное участіемъ и любовію къ брату, всегда должно быть ему высказано, и чѣмъ проще, тѣмъ лучше; ибо въ душевной простотѣ самъ Богъ говоритъ нашими словами.

Еще вы упоминаете, что васъ огорчаютъ непріятные слухи, разсѣваемые про меня. Многіе изъ этихъ слуховъ доходили и до меня, и, признаюсь, въ началѣ мнѣ хотѣлось сильно во многомъ оправдаться. Теперь я увидѣлъ, что даже и оправдываться не имѣю никакого права. Если бъ я, положимъ, и оправдался во многомъ, то развѣ это послужило бы доказательствомъ, что во мнѣ нѣтъ другихъ, не менѣе дурныхъ качествъ? Итакъ оставимъ эти слухи, какъ они есть. Если Богъ ихъ допуститъ, стало быть, они нужны. Признаюсь, мнѣ теперь кажется странно, если бы обо мнѣ были всё хорошіе слухи. Человѣкъ такъ способенъ загордиться, если ему ничто не напоминаетъ о его ничтожествѣ и мерзости, что задумаетъ наконецъ точно о себѣ, какъ о добродѣтельномъ и совершенномъ. Если же вамъ горько покажется слышать обо мнѣ непріятное и нехорошее, то поступите, какъ поступали доселѣ, то есть, обратитесь прямо къ Богу съ душевною молитвою, чтобы все разсказываемое обо мнѣ дурное было въ существѣ своемъ неправда и чтобъ Онъ изгналъ изъ души моей все нечистое, не отступаясь отъ меня неотлучно, и уяснялъ бы ежеминутно глаза мои на мои проступки, ниспосылая въ то же время всесильную помощь Свою на избавленіе отъ нихъ. Этой молитвой вы окажете мнѣ большую помощь, да и себѣ доставите утѣшеніе.

За тѣмъ да пребудетъ съ вами неотлучно Богъ. Прощайте. Раздѣляйте ваши письма на двѣ половины, то есть, отдавайте одну половину Аксакову, другую Языкову. Они пишутъ понемногу и

часто я получаю почти одинъ пустой пакетъ, а между тѣмъ деньги платятъ всё равно, что за два листа почтовой бумаги. Тогда я буду получать покойнѣе ваши письма, зная, что вы на нихъ меньше издерживаетесь. Не позабывайте же прилагать въ письмѣ вашемъ выписки изъ всего, что̀ вамъ ни покажется нужнымъ для души моей. Поздравляю васъ отъ души съ наступающимъ годомъ...

Къ А. А. Иванову.

Ницца. Генварь (1844).

На ваши два письма пишу къ вамъ уже изъ Ниццы, гдѣ надѣюсь пробыть до послѣднихъ чиселъ марта. Одно изъ моихъ вы получили съ казенною печатью, потому что оно не было офранкировано и потому, дошедъ до границъ Италіи, возвратилось назадъ въ Дюссельдорфъ, откуда ужъ отправилъ вновь его къ вамъ Жуковскій. Но обратимся прежде всего къ дѣлу, о которомъ вы пишете. — — —

Спокойствія духа никакъ не теряйте; на то, что получаютъ большія деньги другіе, никакъ не глядите; помните, что нельзя работать Богу и мамонѣ вмѣстѣ. Вы сами избрали трудную дорогу себѣ, стало быть, должны умѣть и крѣпиться на ней. Отъ голоду вы никакъ не умрете, а понуждаться конечно покуда понуждаетесь. О будущемъ думать нужно, но не нужно тревожиться будущимъ. Это говоритъ вамъ человѣкъ, довольно опытной въ этомъ дѣлѣ. У васъ есть впереди возможность два года прожить безнужно, а у меня бывали такія времена, когда я не зналъ, какъ проживу завтра. Итакъ займитесь холодимъ размышленіемъ безъ всякихъ тревогъ и напишите ваше рѣшеніе, а записочку эту отправьте Моллеру...

Не позабудьте также написать къ Р***. Онъ вамъ можетъ быть очень полезенъ въ этомъ дѣлѣ.

Къ В. А. Жуковскому.

Ницца. Генваря 8 (1843).

Письма въ совокупности съ векселемъ, раздѣленныя на два пакета, получилъ я въ исправности. Имя Авикдора я написалъ вамъ потому по-Русски, что былъ увѣренъ, что вы напишете его такъ, какъ слѣдуетъ. Прежде всего вы скажете: »Авикдоръ банкиръ, стало быть, Жидъ.« Если поставить букву *к*, имя получитъ Греческую физіогномію; если *д*, выйдетъ что-то Испанское; стало быть, для того, чтобы сохранилась Жидовская физіономія, нужно поставить *с*. Притомъ, какъ бы ни написали вы адрессъ, письмо дошло бы непремѣнно, куда слѣдуетъ. Къ Жиду деньги всегда дойдутъ: онѣ, еще со временъ Іуды, знаютъ своего господина, и если бы вы, вмѣсто *Авикдору*, написали *Курлепникову*, то деньги пришли бы прямо въ руки Авикдору. На-счетъ векселя увѣдомьте Шамбо, если только будете къ кому-либо писать въ Петербургъ, что вексель вами посланъ мнѣ въ Ниццу и что отъ меня вы получили извѣщеніе, что я его дѣйствительно получилъ и что, вѣроятно, я, съ своей стороны, тоже увѣдомлю его оффиціальнымъ образомъ. А я, натурально, не увѣдомлю, потому что и прежде никогда не увѣдомлялъ, разсудивши, что отъ меня никакъ не потребуютъ денегъ назадъ, въ случаѣ неувѣдомленія въ полученіи ихъ. Да и притомъ Россія такъ стоитъ незыблемо и твердо, что, если бы я даже и не увѣдомилъ, что вексель полученъ, то отъ этого не произойдетъ никакого потрясенія въ государственномъ механизмѣ.

И потому, отлагая это въ сторону, благодарю васъ много за ваше письмо, которое уже потому мнѣ было пріятно читать, что оно было нѣсколько длиннѣе обыкновенныхъ писемъ-коротушекъ, хотя, впрочемъ, и коротушки ваши всѣ пріятно было читать. Но въ этомъ письмѣ, кромѣ того, всѣ извѣстія пріятныя. Слава Богу, все семейство ваше ведетъ себя хорошо: какъ супруга, такъ равно и обѣ дочери, Саша и »Одиссея.« Саша, по отнятіи отъ груди, вѣроятно, пріобрѣла новыя наклонности и, безъ сомнѣнія, веселитъ васъ всякой день какими-нибудь сюрпризами. Я думаю, что

я узнаю потóмъ всю исторію ея, если не изъ разсказовъ, то изъ личныхъ изображеній, потому что, вѣроятно, всѣ сюрпризы будутъ представлены въ рисункахъ. Желательно также, чтобы и вторую дочь вашу, »Одиссею«, [я навѣрно не знаю, которая изъ нихъ старшая, а которая меньшая] черезъ годъ отлучили отъ авторской груди, возлелѣянную и воспитанную. Пусть ее побѣгаетъ на своихъ ножкахъ по бѣлу свѣту.

Я, по мѣрѣ силъ, продолжаю работать тоже, хотя всё еще не столько и не съ такимъ успѣхомъ, какъ бы хотѣлось. А впрочемъ, Богъ дастъ — и я слышу это — работа моя потомъ пойдетъ непремѣнно быстрѣе, потому что теперь всё еще трудная и скучная сторона. Всякой часъ и минуту нужно себя приневоливать, и не насильно почти ничего нельзя сдѣлать.

Подумываю съ удовольствіемъ, когда мы будемъ читать другъ другу дѣла свои. Затѣмъ обнимаю васъ всею душою и вслѣдъ затѣмъ прекрасную семью вашу. Прощайте! Спѣшу отправить письмо. Всѣ вамъ благодарны за поклонъ и воспоминаніе о нихъ, и посылаютъ вамъ множество поклоновъ...

Поздравляю васъ съ наступившимъ Нѣмецкимъ и наступающимъ нашимъ новымъ годомъ!

Къ С. Т. Аксакову и другимъ.

Генварь, 1844. Ницца.

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, друзья мои, и отъ всего сердца желаю вамъ спокойствія душевнаго, то есть, лучшаго, чего мы должны желать другъ другу. Мнѣ чувствуется, что вы часто бываете неспокойны духомъ. Есть какая-то повсюдная нервическая душевная тоска: она долженствуетъ быть потомъ еще сильнѣе. Въ такихъ случаяхъ нужна братская, взаимная помощь. Я посылаю вамъ совѣтъ; не пренебрегайте имъ: онъ истекъ прямо изъ душевнаго опыта, испытанъ и возбужденъ сильнымъ къ вамъ участіемъ. Отдайте одинъ часъ вашего дня на заботу о себѣ; проживите этотъ часъ внутреннею, сосредоточенною жизнію. На такое

состояніе можетъ навести васъ душевная книга. Я посылаю вамъ »Подражаніе Христу«, не потому, чтобъ не было ничего выше и лучше ея, но потому, что на то употребленіе, на которое я назначаю ее, не знаю другой книги, которая была бы лучше ея. Читайте всякой день по одной главѣ, не больше. Если даже глава велика, раздѣлите ее на-двое. По прочтеніи, предайтесь размышленію о прочитанномъ. Переворотите на всѣ стороны прочитанное, съ тѣмъ, чтобы наконецъ добраться и увидѣть, какъ именно оно можетъ быть примѣнено къ вамъ, именно въ томъ кругу, среди котораго вы обращаетесь, въ тѣхъ именно обстоятельствахъ, среди которыхъ вы находитесь. Отдалите отъ себя мысль, что многое тутъ находящееся относится къ монашеской, или иной жизни. Если вамъ такъ покажется, то значитъ, что вы еще далеки отъ настоящаго смысла и видите только буквы. Старайтесь проникнуть, какъ это все можетъ быть примѣнено именно къ жизни, среди свѣтскаго шума и всѣхъ тревогъ. Изберите для этого душевнаго занятія часъ свободный и неутружденный, который бы служилъ началомъ вашего дня. Всего лучше немедленно послѣ чаю или кофію, чтобы и самый аппетитъ не отвлекалъ васъ. Не перемѣняйте и не отдавайте этого часа ни на что другое. Если даже вы и не увидите скоро отъ этого пользы, если чрезъ это остальная часть дня вашего и не сдѣлается покойнѣе и лучше, не останавливайтесь и идите. Всего можно добиться и достигнуть, если мы неотлучно и съ возрастающею силою будемъ посылать изъ груди нашей постоянное къ нему стремленіе. Богъ вамъ въ помощь. Прощайте...

Къ С. П. Шевыреву.

Ницца. Февраля 2 (1844).

Благодарю тебя за письмо, за отчеты, а болѣе всего за вѣсти о твоемъ состояніи душевномъ. Послѣднее читалъ я съ душевнымъ любопытствомъ. Мысли твои на-счетъ твоей дѣятельности, какъ внѣ университета, такъ и въ университетѣ, вѣрны, какъ сама истина. Онѣ, можно сказать, исторгнуты изъ глубины внутренняго

душевнаго опыта. Ты говоришь только, что не знаешь, какъ уйти въ себя и какими силами принудить и заставить себя. Сказать на это я могу только то, что это слишкомъ, слишкомъ трудно. Я имѣю право сказать это, какъ человѣкъ, проведшій въ борьбѣ съ собой многіе годы жизни и лишеньями добившійся до этого права. Въ награду за настойчивость, я узналъ слѣдующую истину: *Уходить въ себя мы можемъ среди всѣхъ препятствій и волненій.* Истину я узналъ, но пребывать въ ней неотлучно самому не нашелъ средствъ. Временами только и непродолжительными мгновеніями могу приводить себя въ такое состояніе. Но и это слишкомъ важное открытіе: шагъ уже сдѣланъ, а стремиться мы должны вѣчно. Во всякомъ случаѣ всѣмъ, что ни случится намъ найти, мы должны дѣлиться братски между собою. Мнѣ кажется, судя по письмамъ, какъ твоимъ, такъ и прочимъ, что вы всѣ, то есть, и ты, и Погодинъ, и Аксаковъ, терпите часто душевныя безпокойства и тревоги. Онѣ могутъ быть отъ разныхъ причинъ, но могутъ быть приведены всѣ къ одному знаменателю. Я посылаю вамъ одно средство, уже мною испытанное, которое, вѣрно, вамъ поможетъ уходить чаще въ себя, а съ тѣмъ вмѣстѣ противиться всѣмъ душевнымъ безпокойствамъ. При письмѣ этомъ я прилагаю письмо ко всѣмъ вамъ. Ты прочитай его теперь же (прежде одинъ) и купи немедленно во Французской лавкѣ четыре миніатюрные экземплярика »Подражанія Христу«, для тебя, Погодина, С. Т. Аксакова и Языкова. Ни книжекъ не отдавай безъ письма, ни письма безъ книжекъ, ибо въ письмѣ заключается рецептъ употребленія самого средства, и притомъ мнѣ хочется, чтобъ это было какъ-бы въ видѣ подарка вамъ на новый годъ, исшедшаго изъ собственныхъ рукъ моихъ. Прислать вамъ отсюда книги нѣтъ средствъ: въ концѣ письма ты увидишь лаконическія надписочки, которыя разрѣжь ножницами и наклей на всякомъ экземплярикѣ. Подарокъ этотъ сопровожденъ сильнымъ душевнымъ желаньемъ оказать вамъ братскую помощь, и потому Богъ, вѣрно, направитъ его вамъ въ пользу. — — —

Что касается до 2-го изданія »М. Д.«, то мнѣ кажется, что это дѣло можно пріостановить. Я не предвижу большого расхода. Деньги, пока, можно взять у Языкова, что, я думаю, ты уже сдѣлалъ,

и потомъ.... утро вечера мудренѣе. Теперь я такъ мало забочусь о томъ, что̀ будетъ въ отношеніи денежномъ, какъ никогда доселѣ. Въ концѣ прошлаго года я получилъ отъ Государыни тысячу франковъ. Съ этой тысячей я прожилъ до февраля мѣсяца, благодаря, между прочимъ, и моимъ добрымъ знакомымъ, которыхъ нашелъ въ Ниццѣ, у которыхъ почти всегда обѣдалъ, и такимъ образомъ нѣсколько сберегъ денегъ. Болѣе всего меня мучило болѣзненное состояніе, которое пришло весьма некстати и повергло духъ мой въ безчувственное и бездѣйственное состояніе, не смотря на всѣ усилія мои воздвигать его. Теперь гораздо лучше. Болѣзненное состояніе принесло свою пользу. Изъ Петербурга я не получалъ ни отъ кого писемъ уже болѣе полугода. Прокоповичу я написалъ уже весьма давно, чтобы онъ выслалъ тебѣ немедленно тысячу экземпляровъ. А впрочемъ я желалъ бы, чтобы всѣ эти экземпляры какъ-нибудь сгорѣли, чтобъ и концы въ воду. Прощай; обнимаю тебя всею душою.

Увѣдомляй меня о всякомъ состояніи души твоей. Тутъ я могу быть тебѣ полезенъ, потому что уже перешелъ весьма многое изъ того, что̀, можетъ быть, придется тебѣ еще чувствовать потомъ. Вспомни, что я уже давно веду одну внутреннюю и заключенную въ себя жизнь, стало быть, долженъ что-нибудь испытать. Говорить мнѣ самому и высказывать себя неприлично да и ни къ чему не поведетъ, кромѣ, можетъ быть, къ питанію какой-нибудь глупой гордости; но откровенное изліяніе твоихъ ощущеній и всякихъ душевныхъ явленій поведетъ невольно и меня къ тому, и такое откровеніе будетъ имѣть цѣль, потому что обращено будетъ во благо и въ помощь брату. Какъ я могу быть тебѣ полезенъ, такъ равно и ты можешь быть мнѣ полезенъ, потому что, вѣроятно, уже и теперь сдѣлалъ ты немало душевныхъ открытій, ибо ты такъ же можешь узнать многое прежде меня, какъ я могу узнать многое прежде тебя, а размѣнъ взаимно обогатитъ насъ. Если жъ мы встрѣтимся и одинъ сообщитъ другому то, что̀ уже другой знаетъ — и тогда не меньшая польза: чрезъ то яснѣй и тверже будетъ у обоихъ отысканное, глубже углубится въ душу и сообщитъ ей бодрящую силу. Передай мой душевный поклонъ С* Б* и поцѣлуй Бориса.

Купи еще одинъ экземп. для N* N*. Ей во многихъ отношеніяхъ очень нужно это средство, и потомъ будетъ еще болѣе. Недурно, если бъ книжки въ хорош. переплетахъ.

Къ С. Т. Аксакову.

1844 г. Ницца. $\frac{\text{Февраль 10}}{\text{Январь 30}}$ (1844).

Я очень поздно отвѣчаю на письмо ваше, милый другъ мой. Причиной этого было отчасти физическое болѣзненное расположеніе, содержавшее духъ мой въ какомъ-то безчувственно-сонномъ положеніи, съ которымъ я боролся безпрестанно, желая побѣдить его, и которое отнимало у меня даже охоту и силу писать письма. Меня успокоивала съ этой стороны увѣренность, что друзья мои, то есть, тѣ, которые вѣрятъ душѣ моей, не припишутъ моего молчанія забвенію о нихъ. Все, что ни разсудили вы на счетъ моего письма къ N N, я нахожу совершенно благоразумнымъ, такъ же какъ и ваши собственныя мысли обо всемъ, къ тому относящіяся. Одно мнѣ было только грустно читать, это то, что ваше собственное душевное расположеніе неспокойно и тревожно. Я придумывалъ всѣ средства, какія могли только внушить мнѣ небольшое познаніе и нѣкоторые внутренніе душевные опыты... и благословясь рѣшился послать вамъ одно средство противъ душевныхъ тревогъ, которое мнѣ помогало славно. Шевыревъ вручитъ вамъ его въ видѣ подарка на новый годъ. Хотя онъ уже давно наступилъ, но я желалъ бы, чтобы для всѣхъ друзей моихъ наступилъ новый душевный годъ, прекраснѣйшій и лучшій всѣхъ прежнихъ годовъ, и чтобы это обстоятельство способствовало именно къ тому. Прощайте, безцѣнный другъ мой....

Къ Н. М. Языкову.

Февраля 15, 1844. Ницца.

Благодарю тебя за книги, которыя ты обѣщаешь прислать мнѣ съ Б*****. Онѣ именно тѣ, какія мнѣ нужны. О »Христіан-

скомъ Чтеніи« не заботься, но если бы случилось какимъ-нибудь образомъ достать переводъ Св. Отцовъ, изд. при Троицкой лаврѣ, то это былъ бы драгоцѣнный подарокъ. Я, признаюсь, потому наиболѣе желалъ »Хр. Чт.«, что тамъ бываютъ переводы изъ Св. Отц.

Конецъ твоего письма горекъ. Ты унылъ духомъ, одержимъ скучнымъ и грустнымъ расположеніемъ. Много людей близкихъ душѣ моей чувствуетъ въ послѣднее время особенно грустное расположеніе; я самъ не вовсе свободенъ отъ него. У всякаго есть какіе-нибудь враги, съ которыми нужно бороться: у иныхъ они въ видѣ болѣзней и недуговъ физическихъ, у другихъ въ видѣ сильныхъ душевныхъ скорбей. Здоровые, не зная, куда дѣваться отъ тоски и скуки, ждутъ какъ блага болѣзней; болящимъ кажется, что нѣтъ выше блага, какъ физическое здоровье. Счастливѣй всѣхъ тотъ, кто постигнулъ, что это строгій, необходимый законъ, что если бы не было моря и волнъ, тогда бы и плыть было невозможно, и что тогда сильнѣй и упорнѣй слѣдуетъ грести обѣими веслами, когда сильнѣй и упорнѣй противящіяся волны. Все ведетъ къ тому, чтобы мы крѣпче, чѣмъ когда-либо прежде, ухватясь за крестъ, плыли впоперегъ скорбей. Есть средство въ минутахъ трудныхъ, когда страданья душевныя, или тѣлесныя бываютъ невыносимо мучительны; его добылъ я сильными душевными потрясеніями, но тебѣ его открою. Если найдетъ такое состояніе, бросайся въ плачъ и слезы. Молись рыданьемъ и плачемъ. Молись не такъ, какъ молится сидящій въ комнатѣ, но какъ молится утопающій въ волнахъ, ухватившійся за послѣднюю доску. Нѣтъ горя и болѣзни душевной, или физической, которыхъ бы нельзя было выплакать слезами. Давидъ разливался въ сокрушеньяхъ, обливая одръ свой слезами — и получалъ тутъ же чудесное утѣшеніе. Пророки рыдали по цѣлымъ днямъ, алча услышать въ себѣ голосъ Бога — и только послѣ обильнаго источника слезъ облегчалась душа ихъ, прозрѣвали очи, и ухо слышало Божій голосъ. Не жалѣй слезъ, пусть потрясется ими весь составъ твой: такое потрясеніе благодѣтельно. Иногда врачи употребляютъ всѣ средства для того, чтобы произвести потрясенье въ больномъ, которое одно бы только пересилило болѣзнь — и не могутъ, потому

что на многое не хватаетъ физическихъ средствъ. Много есть на всякомъ шагу таинъ, которыхъ мы и не стараемся даже вопрошать. Спрашиваетъ ли кто-нибудь изъ насъ: что значатъ намъ случающіяся препятствія и несчастія? для чего они случаются? Терпѣливѣйшіе говорятъ обыкновенно: »Такъ Богу угодно«. А для чего такъ Богу угодно? Чего хочетъ отъ насъ Богъ симъ несчастіемъ? Этихъ вопросовъ никто ни задаетъ себѣ. Часто мы должны бы просить не объ отвращеніи отъ насъ несчастій, но о прозрѣніи, о проразумѣніи тайнаго ихъ смысла и о просвѣтленіи очей нашихъ. Почему знать? можетъ быть, эти горя и страданія, которыя ниспосылаются тебѣ, ниспосылаются именно для того, чтобы произвести въ тебѣ тотъ душевный вопль, который бы никакъ не исторгнулся безъ этихъ страданій. Можетъ быть, именно этотъ душевный вопль долженъ быть горниломъ твоей поэзіи. Вспомни, что было время, когда стихи твои производили электрическое потрясеніе на молодежь, хотя эта молодежь и не имѣла большого поэтическаго чутья; но заключенный въ нихъ лиризмъ— глубокая истина души, живое отторгновеніе отъ самого тѣла души — потрясъ ихъ. Послѣдующіе твои стихи были обработаннѣе, обдуманнѣе, зрѣлѣе, но лиризмъ, эта чистая молитва души, въ нихъ угаснулъ. Не суждено лирическому поэту быть покойному созерцателю жизни, подобно эпическому. Не можетъ лирическая поэзія, подобно драматической, описывать страданья и чувства другого. По этому одному, она есть непритворнѣйшее выраженіе, истина выше всѣхъ истинъ, и гласъ Божій слышится въ ея восторгновеніи. Почему знать? можетъ быть, томленія и страданія именно ниспосылаются тебѣ для того, чтобы ты возчувствовалъ эти томленья и страданья во всей ихъ страшной силѣ, чтобы могъ потомъ представить себѣ во всей силѣ положеніе брата своего, находящагося въ подобномъ положеніи, какого положенія ты никогда бы не могъ представить себѣ, если бы не испыталъ его на себѣ самомъ, чтобы душа твоя подвигнулась бы всею силою нѣжной любви къ нему, сильнѣйшей, чѣмъ та любовь, которую мы стремимся показывать, чтобы душа твоя проникнулась всею силою состраданія, сильнѣйшаго, чѣмъ наше блѣдное и холодное сострадание. Голосъ изъ глубины страждущей души есть уже по-

мощь великая другому страждущему. Нѣтъ, не мѣдной копейкой мы должны подавать милостыню, мѣдная копейка примется отъ того, кто на выработанье ея употребилъ всѣ данныя ему отъ Бога способности; а мы развѣ употребили наши способности? гдѣ наши дѣла? Не часто ли, въ минуты бѣдствій, произноситъ человѣкъ: »Господи! за что̀ это приходится мнѣ терпѣть столько? Кажется, я никому не сдѣлалъ зла на своемъ вѣку, никого не обидѣлъ«. Но что̀ скажетъ онъ, если въ душѣ раздадутся, въ отвѣтъ на это, такія слова: »А что̀ сдѣлалъ ты добра? Или ты призванъ затѣмъ, чтобы не дѣлать только зла? Гдѣ твои прямо Христіянскія дѣла? гдѣ свидѣтельства сильной любви твоей къ ближнему, перваго условія Христіянина? гдѣ они?« Увы! можетъ быть, даже и тотъ, который находится при смерти, и тотъ не избавленъ отъ обязанностей Христіянскихъ; можетъ быть, и тогда не имѣетъ онъ права быть эгоистомъ и думать о себѣ, а долженъ помышлять о томъ, какъ и самыми страданіями своими быть полезну брату. Можетъ быть, оттого такъ и невыносимы его страданія, что онъ позабылъ о своемъ братѣ. Много еще таинъ для насъ, и глубокъ смыслъ несчастій! Можетъ быть, эти трудныя минуты и томленья ниспосылаются тебѣ для того, чтобы довести тебя именно до того, о чемъ ты просишь въ молитвахъ; можетъ быть, даже нѣтъ къ тому иной дороги; нѣтъ другого законнѣйшаго и мудрѣйшаго пути, какъ именно этотъ путь. Нѣтъ, не будемъ пропускать даромъ ничего, что̀ бы ни случилось съ нами, и будемъ ежеминутно молиться объ уясненіи очей нашихъ. Будемъ добиваться отвѣта изъ глубины душъ нашихъ и, что̀ найдемъ тамъ въ утѣшеніе себѣ, да подѣлимся братски. Пока, мой совѣтъ вотъ какой: всякой разъ, въ минуту ли скорби, или въ ту минуту, когда твердое состоянье водворится въ твою душу, или въ ту минуту, когда обнимаетъ тебя всего состоянье умиленья душевнаго, набрасывай тотъ же часъ на бумагу, хотя въ видѣ однихъ іероглифовъ и краткихъ неопредѣленныхъ выраженій. Это очень важно. Въ трудную минуту ты, ты, прочитавши ихъ, уже приведешь себя симъ самимъ, хотя въ половину, въ состоянье того умиленья, въ которомъ ты пребывалъ тогда. Притомъ это будутъ зерна твоей поэзіи, незаимствованной ни откуда, и потому

высоко-своебразной. Если тебѣ сколько-нибудь удастся излить на бумагу состоянье души твоей, какъ она изъ лона скорби перешла къ утѣшенію, то это будетъ драгоцѣнный подарокъ міру и человѣчеству. Состоянье души страждущей есть уже святыня, и все, что̀ ни исходитъ оттуда, драгоцѣнно, и поэзія, изникшая изъ такого лона, выше всѣхъ поэзій. Прежде, когда еще не испыталъ я глубокихъ потрясеній душевныхъ и когда силы души моей еще мало были разбуждены, видѣлъ я въ Давидовыхъ псалмахъ одно восторженное состояніе духа въ минуту лирическаго настроенія, свободнаго отъ заботъ и безпокойствъ жизни, но теперь, когда больше прояснились глаза мои, слышу я въ каждомъ словѣ происхожденье ихъ и вижу, что все это есть не что̀ иное, какъ изліянья нѣжной, глубоко страдавшей души, потрясаемой и тревожимой ежеминутно и ненаходившей нигдѣ себѣ успокоенія и прибѣжища, ни въ комъ изъ людей. Все тутъ сердечный вопль и непритворное восторгновенье къ Богу. Вотъ почему остались они, какъ лучшія молитвы, и до сихъ поръ, въ теченіе тысячелѣтій, низводятъ утѣшенье въ души. Перечти ихъ внимательно, или лучше—въ первую скорбную минуту разогни книгу на удачу, и первый попавшійся псаломъ, вѣроятно, придется къ состоянію души твоей. — —

Все, что̀ ни написалъ я тебѣ здѣсь, перечти со вниманіемъ, ибо оно писано съ душевнымъ сильнымъ участьемъ и всѣмъ стремленьемъ сердца, и потому, какъ бы ни слабы были мои слова, но Богъ, облекающій въ силу всякое душевное слово и доброе стремленіе, вѣрно, обратитъ и это на твою пользу.

Еще, мнѣ кажется, хорошо бы было тебѣ раздѣлить утро на двѣ половины. Начало каждой половины, въ продолженіе одной четверти часа отдай на постоянное чтеніе одной и той же постоянной книги, по одной страничкѣ, не болѣе; чтобъ это было непремѣнный законъ, какъ послушаніе, наложенное на послушника, — тоже, что послѣ обѣда Стойковичъ ([1]). Для перваго чтенія [которое должно̀ быть поутру, сейчасъ послѣ кофія] вручитъ тебѣ книгу Шевыревъ, подобныя которой я посылаю также имъ, какъ лекарство отъ разныхъ душевныхъ безпокойствъ и тревогъ [хотя и не-

([1]) Здѣсь разумѣется не лицо, носящее имя Стойковича, а стоянье на ногахъ. *П. К.*

похожихъ на твою], съ присовокупленіемъ рецепта, который долженъ прочесть также и ты. Для второго чтенія [послѣ 12 часовъ] употреби Библію; начни съ книги Іова. Часъ такой долженъ начинаться въ одно и то же время каждый день, минута въ минуту. Чрезъ это оба раздѣленныя пространства времени будутъ наполнены лучше всякими умными занятьями и размышленьями.

Прощай, обнимаю тебя всею душою. Не переставай увѣдомлять меня о всякомъ состояніи души твоей, въ духѣ ли, просто ли нападетъ тоска и бездѣйствіе, или одолѣетъ тобою совершенное нежеланіе писать — извѣщай и объ этомъ. Нѣтъ нужды, что письмо твое будетъ состоять иногда изъ двухъ строчекъ и заключаться въ такихъ словахъ: »Не хочется писать; не о чемъ писать; скучно, тоска; прощай!« Написавши даже и эти слова, ты, вѣрно, уже почувствуешь нѣкоторое облегченіе.

Отвѣтъ на это письмо напиши во Франкфуртъ, на имя Жуковскаго, который отнынѣ переселяется туда, и куда я ѣду тоже. Въ Ниццѣ не пожилось мнѣ такъ, какъ предполагалъ. Но спасибо и за то; все пошло въ пользу, и даже то, что казалось мнѣ вовсе безполезно...

Не прикажешь ли передать чего Копу, съ которымъ я буду, вѣроятно, теперь часто видѣться?

Къ Н. Н. Ш—вой.

Ницца. Марта, 1844.

Хотя до праздника Воскресенья Христова остается еще три съ половиною недѣли, но я заранѣе васъ поздравляю, добрый и почтенный другъ мой Надежда Николаевна. На дняхъ я ѣду отсюда въ Штутгардтъ, съ тѣмъ чтобъ тамъ въ Русской церкви нашей говѣть и встрѣтить Пасху. Вы можете быть увѣрены, что я буду молиться и за васъ, какъ, безъ сомнѣнія, вы будете молиться обо мнѣ, и что, послѣ провозглашенія »Христосъ воскресе«, пошлемъ взаимно другъ другу наши душевныя и братскія лобзанія. Я получилъ отъ васъ два письма съ того времени, какъ писалъ къ вамъ

въ послѣдній разъ: одно назадъ тому мѣсяцъ [писанное вамъ отъ 20 января], другое гораздо прежде. Не сердитесь на меня за большіе промежутки. Писать письма вообще мнѣ всегда было очень трудно; я это говорилъ впередъ всякому, съ кѣмъ только мнѣ предстояла продолжительная переписка. Теперь же писать мнѣ еще труднѣй, чѣмъ когда-либо прежде, потому что всякій разъ возникаетъ въ душѣ вопросъ: будетъ ли отъ письма моего какая-нибудь существенная польза и что-нибудь спасительное для брата? не обратится ли оно въ болтовню, или въ повтореніе того, что̀ уже было сказано? Вамъ дѣло другое: вы имѣете болѣе времени, и притомъ вы можете болѣе сказать полезнаго. А мнѣ иногда дорога̀ всякая минута, мнѣ слишкомъ еще много предстоитъ узнать и научиться самому, для того чтобы сказать потомъ что-нибудь полезное другому. Не забывайте, что, кромѣ того, мнѣ иногда предстоитъ страшная переписка и отвѣчать приходится на всѣ стороны, и почти всегда такими письмами, которыя требуютъ долгаго обдуманія; и потому я уже давно положилъ писать только въ случаѣ самой сильной душевной нужды. Все это я считаю нужнымъ сказать вамъ, потому что вы уже, какъ мнѣ показалось изъ письма вашего, начали-было приписывать другую причину моему рѣдкописанію. Прежде я бы на васъ посердился за такое обо мнѣ заключеніе, какъ сердился нѣкогда на друзей моихъ, толковавшихъ во мнѣ иное превратно, но теперь не сержусь ни на что̀ и скажу вамъ вмѣсто того вотъ что̀: друзьямъ моимъ случалось перемѣнять обо мнѣ мнѣніе, но мнѣ еще ни разу не случилось перемѣнить мнѣніе ни объ одномъ близкомъ мнѣ человѣкѣ. Меня не смутятъ не только какіе-нибудь слухи и толки, но даже, если бы самъ человѣкъ, уже извѣстный мнѣ по душѣ своей, сталъ бы клеветать на себя, я бы и этому не повѣрилъ, ибо *я умѣю вѣрить душѣ человѣка*. Отсюда перейдемъ весьма кстати къ толкамъ обо мнѣ. Сказавши вамъ въ письмѣ, что нѣкоторые толки дошли до меня, я, признаюсь, разумѣю толки, возникшіе въ слѣдствіе литературныхъ отношеній и нѣкоторыхъ недоразумѣній, происшедшихъ еще въ пребываніе мое въ Москвѣ. Но какіе могутъ (быть) обо мнѣ теперь толки такого рода, которые могли бы опечалить друзей моихъ — этого я не могу понять. Вы говорите, что васъ сму-

щалъ одинъ слухъ, и не сказываете даже, какой слухъ. Какъ же я могу и оправдаться, если бы захотѣлъ, когда даже не знаю, въ чемъ меня обвиняютъ? Зачѣмъ вы, почтенный другъ, употребляете такую загадочность со мною? Неужели опасаетесь тронуть во мнѣ какую-либо щекотливую, или чувствительную струну? Но на эту-то именно струну и слѣдуетъ нападать. Я почиталъ, что вы хотя въ этомъ отношеніи знаете меня лучше. Вы разсудите сами: стремлюсь я къ тому, къ чему и вы стремитесь и къ чему всякой изъ насъ долженъ стремиться, именно — *быть лучше, чѣмъ есть.* Какъ же вы скрываете и не говорите, когда, можетъ быть, во мнѣ есть дурное съ такой стороны, съ какой я еще и не подозрѣвалъ? Сами знаете также, что съ тѣмъ, который хочетъ быть лучше, не слѣдуетъ употреблять никакой осторожности. Если бы вы, вмѣсто того, чтобы напрасно смущаться въ душѣ вашей, написали бы просто: »Вотъ какой слухъ до меня дошелъ; нужно ли ему вѣрить?« я бы вамъ тогда прямо, какъ самому Богу, сказалъ бы, правда ли это, или нѣтъ. Итакъ впередъ поступайте со мной справедливѣй и притомъ достойнѣй и васъ, и меня. Еще одно слово скажу вамъ о вашихъ письмахъ. Какъ они ни пріятны были мнѣ всегда, но когда я соображался, что̀ вамъ стояла почта, то я желалъ, чтобъ они были рѣже, и отчасти въ этомъ смыслѣ сказалъ вамъ, что, по причинѣ частыхъ разъѣздовъ, переписка частая бываетъ невозможна. Я очень хорошо знаю, что вы помогаете многимъ бѣднымъ и что̀ у васъ всякая копейка пристроена. Зачѣмъ же вы не хотите быть экономны и не поступаете такъ, какъ я васъ просилъ? то есть, отдавайте половину писемъ Аксакову и Языкову. Они мнѣ пишутъ очень мало, иногда я, просто, получаю одинъ пустой пакетъ; стало быть, они и за свое, и за ваше письмо заплатятъ то же самое, что̀ за одно свое.

Вотъ вамъ все, почтенный другъ мой, что̀ хотѣлъ сказать вамъ. Благодарю васъ за присланную въ письмѣ выписочку, но еще болѣе благодарю, что вы обѣщаетесь послать съ Б***** молитвы св. Дм. Ростовскаго. Душѣ моей нужнѣй теперь то, что̀ писано святителями нашей Церкви, чѣмъ то, что̀ можно читать на Французскомъ языкѣ. Это я уже испыталъ. Пишите проще какъ можно и называйте всякую вещь своимъ именемъ, безъ оби-

ніковъ, не въ бровь, а прямо въ глазъ; иначе — я не пойму вашего письма...

Къ А. И. Иванову.

Ницца. Марта 18 (1844).

Не сердитесь, Александръ Андреевичъ, за то, что не отвѣчалъ на послѣднее письмо ваше. Это случилось отчасти потому, что не хотѣлъ вамъ наскучать повтореньемъ одного и того же относительно вашихъ безпокойствъ. — — Съ моей стороны, я вамъ скажу еще разъ, не по поводу нынѣшняго вашего безпокойства, но на всякой случай для будущаго: Пора наконецъ взять власть вамъ надъ собою; не то — мы будемъ вѣчно зависѣть отъ всякой дряни. Вы говорите: »Какъ можно работать, когда душа неспокойна?« Да когда же можетъ быть спокойна душа? Я нѣсколько лѣтъ уже борюсь съ неспокойствіемъ душевнымъ. Да и откуда взялись у насъ такіе комфорты? чтобы въ продолженіе труда нашего не смутила насъ даже и мысль о томъ, что будетъ еще черезъ два года! Смотрите, караульте за собой и за характеромъ своимъ, иначе вы дойдете наконецъ до того, что упадете духомъ даже тогда, если какъ-нибудь нечаянно — — въ вашей студіи: все можетъ случиться.

На-счетъ картины вашей, скажу вамъ только то, какъ поступалъ я въ такомъ случаѣ, когда затягивалось у меня дѣло и нѣмѣла мысль передъ множествомъ вещей, которыя всѣ нужно было не пропустить. Накопленіе матеріаловъ и увеличиваніе требованій отъ себя возрастало у меня наконецъ до того, что я почти съ отчаяніемъ говорилъ: »Господи! да тутъ работы на нѣсколько лѣтъ!« Наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе и изъ боязни, что работа можетъ быть совсѣмъ не кончится, рѣшался я, во что бы ни стало, кончить какъ-нибудь, кончить дурно, но кончить, и, рѣшась твердо на это, собиралъ вдругъ всего себя, работалъ сильно, наконецъ оканчивалъ не только лучше, чѣмъ предполагалъ, но даже иногда и очень недурно. Дѣло въ томъ, что пока не соберешь всего себя и не подтолкнешь себя самого — не знаешь даже, что именно въ тебѣ есть, потому что мы никогда не принимаемъ того въ сообра-

женіе, что хотя мы и не работали руками, но мысли у насъ въ то время всё-таки созрѣвали, наблюденье и умъ совершенствовались, хотя и не на чемъ было ихъ испробовать. Повѣрьте, что по тѣхъ поръ, пока не одолѣетъ вами досада, а можетъ быть, и совершенное отчаяніе, при мысли, что картина не будетъ кончена, до тѣхъ поръ она не будетъ кончена. Дни будутъ уходить за днями, и трудъ будетъ казаться безбрежнымъ. Человѣкъ такая скотина, что онъ тогда только примется серьезно за дѣло, когда узнаетъ, что завтра приходится умирать. Притомъ вотъ вамъ одна очень важная истина, которой вы не повѣрите, или лучше — не допуститъ васъ къ тому ваша гордость: *Пока не сдѣлаешь дурно, до тѣхъ поръ не сдѣлаешь хорошо.* А вы не хотите и слышать о томъ, что вы можете сдѣлать дурно; вы хотите, чтобъ у васъ до послѣдней мелочи было все хорошо. Вы будете поправлять себя двадцать разъ на всякой черточкѣ, никакъ не захотите, чтобы оно было и осталось такъ, какъ есть, если не дастся лучше. Вы будете мучить себя и биться нѣсколько дней около одного мѣста, до того, что отъ частностей обезсилѣетъ у васъ даже мысль о цѣломъ, которое тогда только, когда живо носится безпрестанно предъ глазами и говоритъ о возможности скораго выполненія. . . . тогда только двигается работа; ибо двигаетъ душу порывъ и вдохновенье, а вдохновеньемъ много постигается того, чего не достигнешь никакими ученьями и трудами. Вотъ та истина, которую я слышалъ всегда въ душѣ, откуда исходятъ у насъ всѣ истины, и которую подтверждали мнѣ на всякомъ шагу и чужіе, и свои опыты. Но вы горды и съ этимъ не согласитесь, между прочимъ, потому, что не взглянули еще серьезно на жизнь. Вы легко приходите въ унынье и не хотите догадаться, что у васъ самихъ могутъ быть найдены средства противу всего. Еще многое почитаете вы за выдумки, принимая въ буквальномъ смыслѣ; еще то, что есть самая жизнь, для васъ безгласно и мертво, еще на многое смотрите вы остроумными глазами, а не глазами мудреца просвѣтленнаго разумомъ свыше; еще не пріобрѣли того, что одно могло бъ двигнуть работу и сообщить вамъ ту силу, до которой не достигнешь никакими трудами и знаніями. Словомъ, вы еще далеко не Христіяниномъ, хотя и замыслили картину на прославленье Христа и Хри-

стіянства. Вы не почувствовали близкаго къ намъ участія Бога и всю высоту родственнаго союза, въ который Онъ вступилъ съ нами.

Вотъ что я почиталъ еще нужнымъ вамъ прибавить, для того, чтобъ вы въ иную душевную минуту объ этомъ подумали. За тѣмъ обнимаю васъ отъ всей души, желаю всякаго преуспѣванія во всемъ и не унывать ни въ какомъ случаѣ духомъ. Извѣщайте меня, что у васъ дѣлается въ Римѣ. Каковъ Б***? довольны ли имъ? и что дѣлаютъ наши худжники. Адрессуйте мнѣ во Франкфуртъ на Майнѣ, на имя Жуковскаго, который переселяется во Франкфуртъ. Увѣдомьте меня, гдѣ и что дѣлаетъ Чижовъ? Если онъ въ Римѣ, то передайте ему самый душевный поклонъ и скажите, что я ждалъ его на Рейнѣ и написалъ бы ему письмо, не смотря на лѣнь мою, если бы только зналъ навѣрно его мѣстопребыванье...

Ничего еще не могу вамъ сказать навѣрное, гдѣ буду проводить будущую зиму. Во всякомъ случаѣ письма продолжайте адрессовать во Франкфуртъ. Завтра ѣду изъ Ниццы.

Къ N F.

Aix. Марта 20 (1844).

Пишу къ вамъ два слова изъ Aix. Вашу милую записочку изъ Фретсоса получилъ и благодарю васъ за то, что напомнили о днѣ вашего рожденія. Вы, вѣрно, въ этотъ день хорошо помолились, потому что и мы всѣ провели довольно весело, хотя это и было наканунѣ моего отъѣзда. Простился я также съ ними весело, какъ и съ вами. Наканунѣ мы читали то, что угодно было Богу внушить мнѣ прочесть. Оно, какъ мнѣ показалось, на нихъ подѣйствовало. По крайней мѣрѣ и (мать), и обѣ дочери дали слово быть веселы и тверды, и перечитывать почаще то, что я имъ оставилъ. Но это, натурально, не можетъ сдѣлать ничего, если мы не сопроводимъ все это душевною молитвою; а потому помолимся и мы съ вами о нихъ отъ всей души во время нашего говѣнія, дабы Богъ помогъ, какъ имъ всѣмъ, не выключая даже и W W, такъ и намъ съ вами, имѣть больше любви къ Нему, стало быть, больше твердости и больше всего того, что составляетъ мудрость

истинную, научающую насъ, какъ дѣйствовать и поступать истинно. Да, нужно вамъ сказать, что говѣть я буду въ Дармштадтѣ, а не въ Стуттгартѣ, куда переносятъ — — церковь на время поста. Хотя это будетъ нѣсколько шумно, но что̀ жъ дѣлать? говѣть мнѣ нужно. Попробую, нельзя ли среди шуму быть уединенну. Желаю и вамъ также среди всякаго шума пребыть такъ покойну, какъ бы шуму вовсе не существовало.

Прощайте. Богъ да хранитъ васъ! Въ Ниццѣ передъ моимъ выѣздомъ все было по-прежнему. Рѣшительнаго еще ничего кромѣ того, что W* W ѣдетъ въ Римъ. Матушка даетъ ему денегъ на проѣздъ. У ней есть свои какія-то тонкія распоряженія, которыя я думаю еще нѣсколько разъ перемѣнятся. Прощай(те)...

Къ ней же.

1844, вторникъ, 26 марта. Страсбургъ.

Здравствуйте! Думалъ-было писать къ вамъ уже тогда, когда пріѣду на мѣсто. Но пароходъ, на который я сѣлъ, чтобы пуститься отсюда по Рейну до Франкфурта, хлопнулся объ арку моста, изломалъ свое колесо, и всѣ пассажиры выгрузились вновь въ свои трактиры. Происшествіе это, равно какъ и неожиданно данное мнѣ лишнее время, почелъ я знакомъ, что мнѣ нужно что-нибудь сдѣлать, и я рѣшился написать на небольшой записочкѣ въ Ниццу ZZ и въ Парижъ вамъ. Въ записочкѣ моей къ вамъ будетъ одно напоминаніе и ничего больше. Но и напоминаніе свѣжитъ и вливаетъ отвагу въ нашу душу, и потому припомните себѣ всѣ слова мои и всѣ разговоры наши, припомните также милость Божію, повелѣвшую намъ встрѣтиться, и, наконецъ, братское влеченіе душъ нашихъ помочь взаимно другъ другу, и да соединится все это въ одинъ тихій попутный вѣтеръ вамъ во все время вашего говѣнія. Не забывайте, среди Равиньяковъ и всякихъ новыхъ проповѣдываній, старыхъ, или справедливѣе сказать — вѣчныхъ проповѣдываній. Купите теперь же, не отлагая, Боссюэта »Oeuvres Philosophiques«, маленькой томикъ изданія Charpentier, и прочи-

тайте теперь же двѣ послѣднія статьи, находящіяся въ концѣ тома: 1-ая, Elévation à Dieu sur les mysteres de la réligion Chretienne и 2-ая, Traité de la concupiscence. Онѣ вамъ могутъ помочь въ преуспѣваніи въ любви къ Богу. За тѣмъ обнимаю васъ всею душою, потомъ обнимаю дѣтей вашихъ и посылаю душевный поклонъ. Къ Франкфурту у насъ накопится много, о чемъ придется поговорить. . .

Къ Н. М. Языкову.

1844, апрѣля 2. Дармштадтъ.

Безцѣнное письмо твое отъ февраля 12 дня я получилъ передъ самымъ выѣздомъ изъ Ниццы и потому не имѣлъ времени отвѣчать. Оно меня обрадовало очень. Слава Богу, тебѣ лучше.

Прежнее письмо твое навело на меня печальное расположеніе и родило то длинное письмо, которое я послалъ тебѣ передъ этимъ и которымъ я силился помочь тебѣ, сколько было въ мочь бѣднымъ силамъ моимъ, сколько мой внутренній душевный опытъ научилъ меня и сколько угодно было Богу вразумить меня. Теперь это письмо ты можешь спрятать подальше: оно ненужно тебѣ, покуда. О немъ можно вспомнить въ какія-нибудь трудныя минуты, отъ которыхъ, впрочемъ, да хранитъ тебя Богъ.

Я вспомнилъ, что позабылъ въ этомъ письмѣ исправить одну ошибку. Въ одномъ мѣстѣ я пропустилъ почти цѣлую строку, и оттого вышла безсмыслица. Я сказалъ, что въ твоихъ послѣдующихъ стихахъ лиризмъ угаснулъ, и позабылъ сказать бездѣлицу. Лиризмъ, стремящій впередъ не только однихъ поэтовъ, но и не поэтовъ, возводя ихъ въ состояніе, доступное однимъ поэтамъ, и дѣлая такимъ образомъ и не-поэтовъ поэтами: вещь слишкомъ важная, ибо изъ-за нея работаетъ весь міръ и совершаются всѣ событія. Все стремится къ тому, чтобы привести человѣка въ то свѣтлое состояніе, о которомъ заранѣе предслышатъ поэты.

Пришли мнѣ пожалуйста, повелѣвъ прежде, хотя, положимъ, Сильвестру, списать для меня, оду твою къ Давыдову, напечатанную въ »Московскомъ Наблюдателѣ« и »Тригорское.« То и другое

мнѣ теперь очень нужно для нѣкоторой статьи, уже давно запавшей въ головѣ. Хорошо бы было прислать и весь томъ твоихъ сочиненій.

Какъ мнѣ досадно, что Б**** оказался пыщъ (?) и не взялъ тѣхъ книгъ, которыхъ такъ сильно желала бы душа! Нельзя ли ихъ поскорѣй нагрузить на кого-либо другого? Теперь же доставить ихъ весьма легко въ мои руки. Франкфуртъ, какъ извѣстно, есть Европейской пупъ, куда сходятся всѣ дороги; стало быть, его ни въ какомъ случаѣ не пропуститъ никакой путешественникъ, куда бы онъ ни ѣхалъ. Если бы даже и меня тамъ не случилось, то онъ можетъ оставить, просто, въ посольствѣ, откуда всегда будетъ доставлено. Хорошо бы очень, если бы какъ-нибудь достать святыхъ Отцовъ; то купи хотя бесѣды Златоуста, издани. въ 2 томахъ и присовокупи ихъ къ прочимъ книгамъ. Видишь? я совсѣмъ безъ церемоніи и не чинюсь съ тобою. Если въ сочиненія Иннокентія включена книга его: »Обозрѣніе Богослужебныхъ Книгъ Грекороссійской Церкви«, то купи также и эту книгу. За все это тебя конечно возблагодаритъ Богъ, потому что это есть настоящая помощь и милостыня ближнему и брату.

А Петра Михайловича обними сильнѣйшимъ образомъ за меня и скажи ему, что я много бы далъ за то, чтобы сдѣлать это самому лично. А драгоцѣнныхъ выписокъ, посланныхъ ко мнѣ, я не получилъ и не могу придумать, гдѣ бы онѣ могли засѣсть вмѣстѣ съ письмомъ. Напиши мнѣ, какимъ путемъ и чрезъ какія мѣста были отправлены; я буду здѣсь наводить справки повсюду. Пишу къ тебѣ изъ Дармштадта, куда засѣлъ говѣть, гдѣ находится и Жуковскій, тебѣ кланяющійся. — —

Обними всѣхъ Х****, С**** и всѣхъ близкихъ намъ, не пропуская никого.

Гдѣ буду зимовать, не знаю. Лѣто, вѣроятно, пробуду гдѣнибудь на водахъ, или же на морскихъ баняхъ. Многіе недуги одолѣваютъ иногда сильно. Отсюда ѣду совѣтоваться къ Копу...

Къ Н. Н. Ш — вой.

(1844).

Благодарю васъ, добрый другъ мой Надежда Николаевна, за вашу посылку. Образъ и молитвы я наконецъ получилъ. То и другое пришло весьма кстати наканунѣ Великаго поста, наканунѣ моего говѣнья. Богъ удостоилъ меня пріобщиться Святыхъ Таинъ. Хотя бы и лучше мнѣ хотѣлось говѣть, хотя бы и болѣе хотѣлось выполнить высокій обрядъ, хотя бы, наконецъ, желалось и сколько-нибудь болѣе быть достойнымъ Его милостей; но благодареніе и за то, что помогъ привести духъ мой даже и въ такое состояніе. Безъ Его милости и того бы нельзя было мнѣ сдѣлать, и я въ нѣсколько разъ былъ бы недостойнѣе. О, молитесь обо мнѣ! Молитесь обо мнѣ, другъ мой, да поможетъ Онъ мнѣ избавиться отъ всей мерзости душевной, да поможетъ мнѣ избавиться отъ низкаго малодушія, отъ недостатка твердой вѣры въ Него, да проститъ мнѣ за все ея безсиліе и не отвратитъ лице Свое отъ меня, чтобъ не одолѣла моя худость и злоба Его небеснаго милосердія. Молитесь о томъ, чтобы Онъ все простилъ мнѣ, сподобилъ бы меня послужить Ему такъ, какъ стремится и хочетъ душа моя. Но для такого подвига, увы! надобно быть слишкомъ чисту и слишкомъ прекрасну. Другъ мой, молитесь о томъ. Молитесь также о томъ, чтобъ Онъ далъ силы мнѣ великодушно переносить мои недуги тѣлесные и, все побѣждая — всю боль и страданія, возноситься еще выше оттого душой и пріобрѣтать еще больше способностей для совершенія труда моего, который да потечетъ отнынѣ успѣшно, разумно и быстро. Другъ мой, молитесь объ этомъ. Богъ да спасетъ васъ! Возношу и о васъ молитву моими грѣшными устами.

Къ ней же.

(1844).

Благодарю васъ за письмецо и въ немъ особенно за желаніе, чтобъ Богъ благословилъ трудъ мой на пользу ближняго. Ничего

бы такъ не хотѣлось, какъ этого. О, если бы Богъ, не глядя на мерзость и недостоинство мое, но внявъ единственно молитвамъ добрыхъ душъ, обо мнѣ молящихся, удостоилъ бы меня счастія этого и не отлучался бы отъ меня во все время моей жизни, не смотря на всю мою низость и неблагодарность! Вѣроятно, вы уже удостоились пріобщиться Святыхъ Таинъ. Отъ всей души васъ поздравляю.

Добраго Ивана Алекс. Ф. В. я имѣлъ удовольствіе видѣть два раза и вамъ благодаренъ отъ души за это знакомство.

Къ матери.

(Изъ Дармштадта, 6 апрѣля, 1844).

Христосъ Воскресъ!

Пишу къ вамъ накануне Свѣтлаго Воскресенья, только что отговѣвшись въ Дармштадтѣ, гдѣ наша церковь. Обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ и желаю такъ провести эти радостные дни, какъ повелѣлъ самъ Христосъ проводить ихъ. Сестрѣ моей Маріи отъ всей души желаю утишенія болѣзней, какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ. Я молился о ней, но спокойствіе ея зависитъ отъ нея самой. Если она въ силахъ такъ полюбить Бога, чтобы позабыть о привязанности земной, тогда и Богъ ее полюбитъ и, вѣроятно не откажетъ ни въ чемъ. Сестрѣ Аннѣ отъ всей души желаю преодолѣнія лѣни, сестрѣ Елисаветѣ терпѣнія и вѣры, сестрѣ Ольгѣ расторопности и совершеннаго познанія хозяйства, а всѣмъ вмѣстѣ побольше занятія и труда, безъ которыхъ жизнь мертва и прямыхъ удовольствій нѣтъ. Сильно желаетъ душа моя, чтобы вы были счастливы всѣ, но счастливы душою, независимо ни отъ какихъ обстоятельствахъ. Никто изъ сестеръ моихъ не должна сердиться, если въ письмахъ моихъ пишу я не то, о чемъ бы хотѣлось имъ читать. Значенье писемъ моихъ, можетъ быть, узнается послѣ. Но вообще я васъ прошу, маминька, не давать моихъ писемъ для прочета. Это ни къ чему не поведетъ полезному. Многое для постороннихъ совершенно въ нихъ недоступно и будетъ причиной

однихъ недоразумѣній и неправильныхъ заключеній. На вопросы о томъ, что̀ я пишу вамъ, отвѣчайте всегда, что пишу я весьма мало, очень рѣдко, еще рѣже говорю о себѣ и вообще лѣнивъ на письма — — — Упреки спасительны: чѣмъ больше живешь и чѣмъ становишься лучше, тѣмъ больше жаждешь упрековъ. Я бы много далъ за то, чтобы слышать, какъ бранятъ меня. Даже самая несправедливая брань и оскорбленіе для меня теперь сущій подарокъ, потому что всякой разъ заставляетъ меня оглядываться на себя, а оглянувшись на себя, тотчасъ увидишь, что еще многаго недостаетъ въ тебѣ.

Благодарю васъ много, маминька, за послѣднія два письма ваши, а я еще болѣе бы возблагодарилъ за нихъ Бога, потому что въ каждой строкѣ этихъ писемъ уже начинаетъ отражаться душевное спокойствіе, нѣтъ и слѣдовъ той разсѣянности, которая была видна часто въ вашихъ письмахъ: все просто, въ порядкѣ, ни одного лишняго слова. Когда я прочелъ ихъ, мнѣ показались они даже короткими, хотя были они довольно длинны. Слава Богу! Вы благодарите Бога за то, что смирилъ васъ. Эта благодарность ваша прекраснѣе всѣхъ прочихъ благодарностей. Это значитъ — вы далеко ушли душою. Я всякій разъ дѣлался умнѣй, когда Богъ смирялъ меня. Мы бы всѣ были умны, свѣтлы, въ нѣсколько разъ умнѣе, чѣмъ мы есть, если бы умѣли *смириться*. Тогда бы самъ Богъ правилъ нашими словами и дѣйствіями, а чему коснется Богъ, то уже премудро...

Къ N. F.

Дармштадтъ. (17 апрѣля, 1844).

Христосъ Воскресъ! Пишу къ вамъ въ самый день Свѣтлаго воскресенія. Письмо ваше получилъ. Любовь Божья такъ безгранично-безмѣрна къ людямъ, что если бы мы прозрѣвали поглубже въ смыслъ всѣхъ совершающихся съ нами событій, то, вѣроятно, вся жизнь наша обратилась бы въ однѣ слезы благодарности. Но не объ этомъ будетъ рѣчь. На письмо ваше скажу вамъ, пока, то, что̀ велитъ сказать душа моя: Будьте свѣтлы и старайтесь насильно

быть свѣтлу и веселу душой. Недавно прочелъ я, что, стараясь засмѣяться смѣхомъ души, мы уже призываемъ ангела на уста наши, который помогаетъ намъ потомъ дѣйствительно засмѣяться такимъ смѣхомъ. Все до послѣдней мелочи мы должны пріобрѣтать въ сей жизни насильно, и ничего не дается намъ даромъ.

Въ письмѣ вашемъ, не смотря на успокоеніе ваше, дышетъ что-то тревожное. Вы способны увлекаться; это вы должны помнить безпрерывно. Берегитесь всего страстнаго; берегитесь даже въ Божественное внести что-нибудь страстное. Совершеннаго небеснаго безстрастія требуетъ отъ насъ Богъ и въ немъ только даетъ намъ узнать Себя. Впрочемъ о многомъ слѣдуетъ переговорить, а не писать. Вы спрашиваете, нѣтъ ли у меня средства для того, чтобы заставить душу пребывать въ одномъ и томъ же состояніи. Но вы слишкомъ многаго потребовали вдругъ: самые святые люди не могли пребывать въ одномъ и томъ же ровномъ душевномъ состояніи. Мнѣ иногда помогало одно средство, которое, какъ я узналъ, помогало и тѣмъ, которые получше меня. Средство это состоитъ въ томъ, чтобы, оставя на время собственное положеніе и обстоятельства, какъ бы они тревожны ни были, заняться положеньемъ другихъ близкихъ намъ людей, и именно такихъ, которыхъ обстоятельства еще труднѣе нашихъ и требуютъ большой работы ума. Обстоятельства ихъ слѣдуетъ обращать на всѣ стороны, дабы увидѣть, чѣмъ мы, въ слѣдствіе нашихъ къ нимъ отношеній, можемъ быть полезны и помочь имъ; ибо многое намъ кажется невозможнымъ оттого, что умъ нашъ не пріобрѣлъ привычки обращать на всѣ стороны предметъ, и что страсти наши торопливо стремятся исполнить, не дождавшись, пока умъ переворотитъ на всѣ стороны дѣло. Какъ бы то ни было, но когда я, бросивши свои трудныя обстоятельства, принимался за таковыя же другого, или даже за размышленіе о нихъ, душа моя пріобрѣтала покой среди безпокойства и мои собственныя обстоятельства представлялись потомъ въ яснѣйшемъ видѣ, и я легко находилъ средства чрезъ то помочь самому себѣ. Такъ тѣсно мы связаны другъ съ другомъ въ этомъ мірѣ! Я начинаю думать, что если и чувствуемъ мы тоску, или глупое состояніе души, то это, вѣрно, для того, чтобъ въ это время вспомнить о комъ-либо другомъ, а не

о себѣ. Если жъ тяжкое горе намъ приключится, или важное затруднительное обстоятельство, то помышленье въ это время о горѣ другого не только послужитъ отводомъ горя, но даже необходимымъ охлажденіемъ страстныхъ влеченій нашихъ, безъ чего мы въ силахъ надѣлать множество самыхъ неразумныхъ дѣлъ. Но вы сами помолившись найдете противу многаго средства.

Прощайте! Оканчиваю письмо тѣмъ же: во Франкфуртѣ поговоримъ обо всемъ поболѣе. Прощайте еще разъ. Обнимаю вашихъ малютокъ и поклонъ м. NN.

О Z*Z* получилъ письмо. Слава Богу, она покойна. Рожденье внука N на нее подѣйствовало, какъ видно, благодѣтельно. GZ кажется, ѣдетъ съ FZ; впрочемъ это какъ-то нерѣшено... Рѣшено ѣхать ей изъ Вѣны въ Баденъ, куды прямо отправляется въ концѣ апрѣля Z*Z... Я думаю, я также поѣду въ Баденъ встрѣтить ихъ. Баденъ теперь хорошъ. Тераца пуста, и публики, безъ сомнѣнья, не будетъ никакой, а потому, можетъ быть, и вы загляните туда, — тѣмъ болѣе, что Жуковскій раньше первыхъ чиселъ мая не утверждается во Франкфуртѣ. Онъ теперь въ Дармштадтѣ одинъ. — —

Къ А. С. Данилевскому.

Франкфуртъ (1844).

Благодарю тебя очень за письмо отъ 3 марта [прежняго я не получалъ]. Изъ письма твоего узналъ нѣсколько любопытныхъ для меня подробностей о твоей жизни. Что̀ жъ? должность твоя недурна. Она можетъ быть скучна, какъ можетъ быть скучна всякая должность, если за нее мы возьмемся не такъ, какъ слѣдуетъ. Вопросъ въ томъ: для чего взята нами должность? Если взята для себя, она будетъ скучна; если взята для другихъ, въ слѣдствіе загорѣвшагося въ душѣ желанія служить другому, а не себѣ, она не будетъ скучна. Всѣ наслажденья наши заключены въ пожертвованіяхъ. Счастіе на земли начинается только тогда для человѣка, когда онъ, позабывъ о себѣ, начинаетъ жить для другихъ, хотя мы въ началѣ думаемъ совершенно тому противоположно, въ слѣдствіе какого-то оптическаго обмана, который опрокидываетъ

предъ нами вверхъ ногами настоящій смыслъ. Только тоска да душевная пустота заставляетъ насъ наконецъ ухватиться за умъ и догадаться, что мы были въ дуракахъ. Почему, напримѣръ, взявшись за должность, какова у тебя, не положить себѣ сдѣлать на этомъ поприщѣ, какъ бы оно мало ни было, сдѣлать на немъ сколько возможно болѣе пользы? Дѣти — будущіе люди. Если на людей, уже утвердившихся въ предразсудкахъ и заблужденіяхъ, можно подѣйствовать и произвести часто благодѣтельное потрясеніе, то какъ не подѣйствовать на дѣтей, которыя передъ нами, что̀ воскъ передъ мраморомъ? Нѣкоторые пути къ тому уже въ рукахъ твоихъ. Мы сами, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, были школьниками и, вѣрно, не позабудемъ долго этого времени. Припомнивши всѣ дѣйствія свои, впечатлѣнія и всѣ обстоятельства и случаи, которые заставляли насъ развиваться, можно легко найти ключъ къ душѣ другого и подѣйствовать на устремленіе впередъ способностей, хотя бы эти способности были заглушены, или закрыты такой толстой корой, что способны даже навести недоумѣніе на-счетъ дѣйствительнаго существованія ихъ. Многое намъ кажется невозможнымъ не потому, что нашъ умъ не привыкъ обращать на всѣ стороны предметъ и открывать возможностей всякаго дѣла, — мы такъ устроены, что все должно пріобрѣтать насильно и ничего не дается намъ даромъ. Даже истинной веселости духа не пріобрѣтешь до тѣхъ поръ, пока не заставишь себя насильно быть веселымъ. Веселость я почувствовалъ только тогда, когда печали и томительныя душевныя расположенія заставили меня устремиться къ этой веселости. Минуты спокойствія душевнаго я пріобрѣталъ, какъ противоядія безпокойствамъ; сильныя безпокойства заставили меня стремиться къ спокойствію и часто находить его. Вотъ тебѣ отрывокъ изъ моей душевной исторіи. Воспользуйся, если что̀ найдешь тутъ полезнаго и для себя, а нѣтъ — отложи его въ сторону. Я говорю это, впрочемъ, такъ, какъ говорилъ въ Нѣжинѣ Грекъ, продававшій чубуки: »Вотъ чубукъ; цѣна 2 рубли; такой точно у Стефанѣева 8 гривенъ; хочешь — купи, хочешь — не купи.« Никто, кромѣ насъ самихъ, не можетъ такъ вѣрно узнать, что̀ намъ нужно, если мы захотимъ только объ этомъ серьезно подумать.

Ты спрашиваешь, зачѣмъ я въ Ниццѣ и выводишь догадки насчетъ сердечныхъ моихъ слабостей. Это, вѣрно, сказано тобою въ шутку, потому что ты знаешь меня довольно съ этой стороны. А если бы даже и не зналъ, то, сложивши всѣ данныя, ты вывелъ бы самъ итогъ. Да и трудно, впрочемъ, тому, который нашелъ уже то, что̀ получше, погнаться за тѣмъ, что̀ похуже. Переѣзды мои большею частію зависятъ отъ состоянія здоровья, иногда для освѣженія души послѣ какой-нибудь трудной внутренней работы [климатическія красоты не участвуютъ: мнѣ рѣшительно все равно, что̀ ни есть вокругъ меня], чаще для того, чтобы увидѣться съ людьми, нужными душѣ моей; ибо съ недавняго времени узналъ я одну большую истину, именно — что знакомства и сближенья наши съ людьми вовсе не даны намъ для веселаго препровожденія, но для того, чтобъ мы позаимствовались отъ нихъ чѣмъ-нибудь въ наше собственное воспитанье, а мнѣ нужно еще слишкомъ много воспитаться. Посему о самыхъ трудахъ моихъ и сочиненіяхъ могу тебѣ сказать только то, что строеніе ихъ соединено тѣсно съ моимъ собственнымъ строеніемъ. Мнѣ нужно слишкомъ поумнѣть для того, чтобы изъ меня вышло, точно, что-нибудь умное и дѣльное. Прочитавши это письмо мое, ты скажешь опять: »И всё-таки я ничего не знаю о немъ самомъ.« Что̀ жъ дѣлать? Подобные упреки я не отъ одного тебя слышу. Мнѣ всегда приписывали какую-то скрытность. Отчасти она есть во мнѣ. Но чаще это происходитъ оттого, что не знаешь, откуда и съ котораго конца начать. Весьма натурально, что хотѣлось бы прежде всего сказать о томъ, что̀ поближе въ настоящую минуту къ душѣ, но въ то же время чувствуешь, что еще не нашелъ и словъ, которыми бы могъ дать почувствовать другому то, что̀ почувствовалъ самъ.

Напиши мнѣ о гимназіи. Какъ идетъ ученье? какіе учителя? кто̀ главный начальникъ? есть ли дѣти съ способностями? есть ли также въ университетѣ студенты, подающіе надежды?

Передай мой душевный поклонъ А. В. К***, котораго я и прежде уважалъ искренно, а теперь еще болѣе, за его дружбу къ тебѣ. Напиши, въ чемъ состоитъ его должность.

Прощай; цѣлу̀ю тебя. Христосъ воскресъ!

Во Франкфуртѣ я проживу, можетъ быть, все лѣто и осень, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, въ его загородномъ домикѣ. Впрочемъ, если я уѣду куда, ты всё адрессуй по-прежнему во Франкфуртъ: оттуда письма найдутъ меня.

Къ N F.

Франкфуртъ. Апрѣля 20 (1844).

Вчера получилъ письмо ваше и спѣшу отвѣчать. Письмо ваше писано въ прекрасномъ движеніи оказать истинную помощь, но вы не взвѣсили весьма многаго изъ того, что̀ содержится въ письмѣ вашемъ. Вы требуете отъ меня того, что̀ одинъ только святой, или справедливѣе — самъ Богъ только можетъ исполнить; именно, вы требуете, чтобы я, не заглянувши прежде моими собственными глазами въ душу другого, отвѣчалъ бы на всѣ вопросы его души. Вы хотите, чтобы я написалъ П**** письмо, послужившее бы отвѣтомъ прямо на его душевную тревогу. Я точно могу сказать многое полезное душѣ, но только тогда, когда душа эта будетъ предо мною открыта вся, до послѣднихъ и малѣйшихъ ея изгибовъ; а безъ того я, просто, глупъ и какъ въ лѣсу. Иногда сокрытіе одного, по-видимому, ничтожнаго обстоятельства можетъ ввести въ заблужденіе и все дѣло можетъ показать въ другомъ видѣ. Если я вамъ могу теперь сказать что-нибудь полезное, это совсѣмъ другое дѣло. Вы вспомните, что для этого нуженъ былъ почти годъ пріуготовительнаго занятія, что мы прочли весьма многое, что̀ заставляетъ обнаруживаться душу; вспомните, что мы еще очень, очень недавно отыскали языкъ, на которомъ можемъ сколько-нибудь понимать другъ друга; вспомните также, что мнѣ нужно было много терпѣнья, чтобы достигнуть даже того, чтобы стать именно въ этихъ отношеніяхъ, въ какихъ мы находимся съ вами, потому что вы на всякомъ шагу противопоставляли мнѣ безпрерывныя препятствія къ тому, и на вопросъ, относившійся сколько-нибудь до вашихъ сокровенныхъ душевныхъ обстоятельствъ и всѣхъ событій, съ ними свя-

занныхъ, отвѣчали почти всегда словами: »Зачѣмъ вамъ знать это? Вамъ этого не нужно знать.« [И послѣ того вы очень невинно хотѣли отъ меня, чтобы я угадывалъ прямо вашу душу и прибиралъ вамъ при случаѣ тѣ лекарства, которыя вамъ нужны.] Часто мы считаемъ великимъ подвигомъ откровенности и довѣрія, когда покажемъ наконецъ врачу ту рану, которую нужно лѣчить; а отъ какихъ именно случаевъ произошла самая рана, какія были тѣсно сопряженныя обстоятельства, когда, въ какое именно время началось зло, все это считаемъ вовсе ненужнымъ знать врачу; пусть лучше онъ самъ присочинитъ и дополнитъ своимъ воображеніемъ. Но оттуда и ложь, и всѣ неуспѣхи наши, что мы присочиняемъ и дополняемъ своимъ воображеньемъ. Изслѣдованье слишкомъ точное нужно во всякомъ душевномъ дѣлѣ. Что̀ ни человѣкъ, то и разная природа; что̀ ни душа, то и разная степень ея развитія, а потому и разныя струны, ее двигающія. Нѣтъ и двухъ человѣкъ, одаренныхъ однѣми и тѣми же способностями, а потому и дороги къ нимъ не однѣ и тѣ же, и почти ко всякому розныя. Потому-то и повелѣно намъ нѣжное снисхожденіе къ брату, т. е. повелѣно снизойти прежде къ его природѣ любовью и съ участіемъ разсмотрѣть все, что̀ у него болитъ, и вовсе не полагаться на голосъ гордости нашей, говорящей намъ, что мы уже совершенно его знаемъ. Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока однимъ путемъ Божественной любви, а не чѣмъ-либо другимъ, не взойдешь, какъ нѣжнѣйшій братъ, въ душу своего брата, пока не узнаешь ее, какъ свою собственную, пока не почувствуешь, что находишься самъ въ этой душѣ, какъ-бы въ родномъ и собственномъ своемъ тѣлѣ, до тѣхъ поръ будетъ безсильна наша душевная помощь, или далеко не выполнитъ того, что̀ должна выполнить. Итакъ я думалъ по всей справедливости что *ваше* письмо къ П**** будетъ имѣть на него гораздо больше дѣйствія, чѣмъ мое. Вы несравненно болѣе знаете его природу, качества души его и всѣ тѣ тонкіе излучины и оттѣнки ея, которые обнаруживаются безпрестанно въ чистосердечныхъ и искреннихъ разговорахъ; а я даже никогда не имѣлъ съ нимъ и разговора долгаго и по чему-нибудь дѣльнаго и серьезнаго. А вы сами можете чувствовать, что тутъ, въ этомъ дѣлѣ, нужно не какое-нибудь краснобайное письмо, а

глубоко-душевное; а въ моихъ рукахъ нѣтъ даже и данныхъ къ такому письму, я даже и права не имѣю писать. Если бы я просидѣлъ даже нѣсколько дней надъ сочиненіемъ такого письма, ломая голову и изощряя весь свой разумъ, и тогда мое письмо было бы глупѣе вашего, хотя бы ваше было написанно безъ всякаго обдумыванья и въ первомъ движеньи сердечномъ. Потому именно, что въ немъ слышится уже знакомый, уже братскій, уже доступный его душѣ голосъ, потому всякое слово его дѣйствовать будетъ цѣлительно на него. Н**** я буду полезенъ, но буду полезенъ послѣ. Я послалъ къ нему теперь самое коротенькое письмо [котораго экземпляръ черновой прилагаю вамъ]. Это больше вызовъ на письмо. Если онъ напишетъ мнѣ сколько-нибудь откровенное письмо, я уже буду знать тогда, противъ чего и какъ поступить, и Богъ, вѣрно, вразумитъ меня на все хорошее. Но дѣйствовать теперь, не опираясь ни на что, именно значитъ — плыть безъ воды. Объ А* я пишу вовсе не потому, чтобы употребить это тонкимъ и хитрымъ предлогомъ письма, но потому, что я объ этомъ уже давно хотѣлъ писать. Это знаетъ F*. Намекаю я на обстоятельство, случившееся во время говѣнья, потому, что въ этомъ точно есть что-то изумительное. Упомянулъ и о Павскомъ, потому что это можетъ быть для него полезно. Наконецъ намекнулъ на душевный голосъ, говорящій мнѣ, что я буду ему полезенъ, потому что точно чувствую его въ себѣ и увѣренъ, что это будетъ, и въ такомъ видѣ, какъ угодно Богу. Вотъ все! А тамъ что̀ Богъ дастъ. Вы напишите ему, что я писалъ къ вамъ и дѣлалъ запросъ о немъ по поводу какого-то душевнаго события, желая знать о настоящемъ его положеніи душевномъ, что вы мнѣ написали въ однихъ общихъ и неясныхъ фразахъ, какъ оно отчасти и въ самомъ дѣлѣ такъ, и сказали мнѣ что вы теперь истинный Христіянинъ. Посовѣтуйте ему также переговорить кой о чемъ со мной, опираясь на томъ, что я много читалъ и даже не такъ, какъ читается вообще, а часто съ толкомъ, что̀ и точно такъ. Мнѣ казалось бы, что ему не худо было бы проѣздиться за границу. Ваша боязнь на-счетъ могущаго быть съ нимъ отчаянія напрасна. Куда взошелъ уже Богъ, тамъ нѣтъ мѣста отчаянію. Вы напрасно сравниваете нынѣшнее его положеніе, съ положеніемъ

въ Оренбургѣ. Эти два состоянія души такъ далеки другъ отъ друга, какъ земля отъ неба. Донесеніе N. D должно принять въ буквальномъ смыслѣ, какъ оно и есть. Взглядъ его есть взглядъ всякаго свѣтскаго человѣка, въ самую душу незаглядывающаго. Весьма натурально, что они принимаютъ за сильную тоску одно желаніе избѣжать встрѣчи, что очень естественно въ такомъ состояніи. Перемѣна случившаяся съ П*** есть дѣйствіе Божіе, но, признаюсь, я всегда ожидалъ сего въ душѣ; да и нѣтъ никакой причины думать, чтобы добрая и прекрасная душа не дѣлалась еще добрѣе и прекраснѣе. Но случаются въ нынѣшнія времена событія еще изумительнѣе: не-прекрасныя души подвигаются и дѣлаются прекрасными, почти безчувственныя потрясаются. Я получилъ скоро, послѣ говѣнья моего, съ разныхъ сторонъ письма, всѣ исполненныя свидѣтельствъ любви Божіей. Вотъ почему я вамъ написалъ въ прежнемъ письмѣ: »Велика и безпредѣльна къ намъ любовь Божія«, не въ силахъ будучи ничего сказать другого.

Благодарю васъ за знакъ довѣренности душевной, выраженной уже два раза въ словахъ: Если сбудется что-то, тогда вы мнѣ скажете какую-то мысль. Но если это ваша душевная тайна, зачѣмъ же вы ее полуоткрываете? Смотрите, чтобъ въ это не закралось не одно только желаніе сказать близкой душѣ, что у васъ есть тайна, а какое-нибудь тщеславіе — сказать по исполненіи: »Смотрите, какая я пророчица, или отгадчица, или какъ стою на своемъ словѣ!« Если ваше намѣреніе есть точно внушеніе Божіе, то не зачѣмъ и выражаться такими словами: *если*, или *когда* исполнится: оно прямо *исполнится*, и разница только въ томъ, что исполнится не въ томъ тѣсномъ и буквальномъ смыслѣ, въ какомъ мы часто его замышляемъ, но въ обширномъ и глубокомъ смыслѣ, превосходящемъ въ нѣсколько разъ всѣ наши ожиданія, если, разумѣется, мы сами не лѣнясь будемъ работать всѣми данными намъ на то способностями. Еще вамъ одно маленькое замѣчаніе, а если хотите, и упрекъ вмѣстѣ. Вы мнѣ часто подъ большимъ секретомъ и тайной объявляли такія вещи, которыя сообщали потомъ первому болтуну; или просто свѣтскому человѣку, если только онъ умѣлъ васъ заставить проговориться, или даже пріятно занять васъ. Это вамъ еще только передовой и легенькой упрекъ,

и потому вы имъ не смущайтесь; но послѣ пойдутъ сильные упреки. Для души вашей настанетъ такое время, когда вы потребуете, какъ живой воды, упрековъ, однихъ упрековъ и ничего болѣе.

Прощайте! напишите мнѣ весь маршрутъ свой. Письмо адрессуйте въ Баденъ. Если будете во Франкфуртѣ, извѣстите объ этомъ: я могу пріѣхать на-встрѣчу. Если же свиданье въ Голландіи, то напишите обо всемъ обстоятельно, гдѣ и какъ. Намъ теперь придется много, много о чемъ поговорить; можетъ быть, теперь точно я буду вамъ наконецъ полезенъ. Меня посылаютъ въ Остенде на морскія волны, говоря, что это даже непремѣнно нужно для нынѣшняго состоянья моего здоровья, итакъ какъ это по близости Голландіи [на карту я еще не глядѣлъ] то, вѣроятно, мы будемъ имѣть случай увидѣться подолѣе и поговорить поболѣе, что̀ будетъ весьма нужно прежде отъѣзда вашего въ Россію. Богъ да любитъ и хранитъ васъ. Прощайте!...

Къ С. Т. Аксакову.

16 мая (1844). Франкфуртъ.

Я получилъ ваше милое и откровенное письмо. Прочитавши его, я мысленно васъ обнялъ и поцѣловалъ, а потомъ засмѣялся. Въ письмѣ вашемъ слышно, что вы боитесь, чтобы я не сѣлъ на васъ верхомъ, и упираетесь, какъ Ѳ* Н* Г**, когда къ нему подходятъ съ тѣмъ, чтобъ обнять его. Все это ваше волненье и мысленная борьба есть больше ничего, какъ дѣло общаго нашего пріятеля, всѣмъ извѣстнаго, именно — чорта. Но вы не упускайте изъ виду, что онъ щелкоперъ и весь состоитъ изъ надуванья. Изъ чего вы вообразили, что вамъ нужно пробуждаться, или повести другую жизнь? Ваша жизнь, слава Богу, такъ безукоризненна, прекрасна и благородна, какъ дай Богъ всѣмъ подобную. — — Одинъ упрекъ вамъ слѣдуетъ сдѣлать — въ излишествѣ страстнаго увлеченія во всемъ: какъ въ самой дружеской привязанности и сношеніяхъ вашихъ, такъ и во всемъ благородномъ и прекрасномъ, что̀ ни исходитъ отъ васъ. Итакъ глядите твердо впередъ и не смущайтесь тѣмъ,

если въ жизни вашей есть пустые и бездѣйственные годы. Отдохновеніе намъ нужно. Такіе годы бываютъ въ жизни всѣхъ людей, хоть бы они были самые святые. А если вы отыскиваете въ себѣ какія-нибудь гадости, то этимъ слѣдуетъ не то чтобы смущаться, а благодарить Бога за то, что онѣ въ насъ есть. Не будь въ насъ этихъ гадостей, мы бы занеслись Богъ знаетъ какъ, и гордость наша заставила бы насъ надѣлать множество гадостей, несравненно важнѣйшихъ. Безъ нихъ не было бы у васъ и этого прекраснаго смиренья, которое составляетъ первую красоту души.

Итакъ ваше волненіе есть, просто, дѣло чорта. Вы эту скотину бейте по мордѣ и не смущайтесь ничѣмъ. Онъ — точно мелкій чиновникъ, забравшійся въ городъ будтобы на слѣдствіе. Пыль запуститъ всѣмъ, распечетъ, раскричится. Стóитъ только немножко струсить и податься назадъ — тутъ-то онъ и пойдетъ храбриться. А какъ только наступишь на него, онъ и хвостъ подожметъ. Мы сами дѣлаемъ изъ него великана; а въ самомъ дѣлѣ онъ чортъ знаетъ что. Пословица не бываетъ даромъ, а пословица говоритъ: *Хвалился чортъ всѣмъ міромъ овладѣть, а Богъ ему и надъ свиньей не далъ власти.* Его тактика извѣстна: увидѣвши, что нельзя склонить на какое-нибудь скверное дѣло, онъ убѣжитъ бѣгомъ и потомъ подъѣдетъ съ другой стороны, въ другомъ видѣ, нельзя ли какъ-нибудь привести въ уныніе; шепчетъ: »Смотри, какъ у тебя много мерзостей, — пробуждайся!« когда не зачѣмъ и пробуждаться, потому что не спишь, а, просто, не видишь его одного. Словомъ, пугать, надувать, приводить въ уныніе — это его дѣло. Онъ очень знаетъ, что Богу не любъ человѣкъ унывающій, пугающійся, словомъ — невѣрующій въ Его небесную любовь и милость, вотъ и все. Вамъ бы слѣдовало, просто, не глядя на него, выполнить буквально предписанье (¹), руководствуясь только тѣмъ, что дареному коню въ зубы не глядятъ. Вы бы, можетъ быть, нашли тамъ только подтвержденіе тому, чему вы вѣруете и чтò въ васъ есть, и тогда установилось бы все яснѣе

(¹) Это относится къ книгѣ, которую Гоголь подарилъ своему другу и совѣтовалъ читать. Это было знаменитое сочиненіе Ѳомы Кемпійскаго, или, какъ утверждаютъ нѣкоторые, Герсоніуса: »О Подражаніи Христу«. Оно написано въ XIII, или XIV вѣкѣ на Латинскомъ языкѣ, переведено потомъ на всѣ Европейскіе языки и имѣло болѣе тысячи изданій. *П. К.*

и утвердительнѣй на своихъ мѣстахъ, воцаривъ чрезъ то строгій порядокъ въ самую душу.

О себѣ скажу вамъ вообще, что моя природа совсѣмъ не мистическая. Недоразумѣнья произошли оттого, что я слишкомъ рано вздумалъ-было говорить о томъ, что слишкомъ ясно было мнѣ и чего я не въ силахъ былъ выразить глупыми и темными рѣчами [1], въ чемъ сильно раскаяваюсь, даже и за печатныя мѣста. Но внутренно я не измѣнялся никогда въ главныхъ моихъ положеніяхъ. Съ 12-лѣтняго, можетъ быть, возраста я иду тэю же дорогою, как и нынѣ, не шатаясь и не колеблясь никогда во мнѣніяхъ главныхъ, не переходилъ изъ одного положенія въ другое и, если встрѣчалъ на дорогѣ что-нибудь сомнительное, не останавливался и не ломалъ голову, а махнувши рукой и сказавши: »Объяснится потомъ«, шелъ далѣе своей дорогой; и точно Богъ помогалъ мнѣ, и все потомъ объяснялось само собой. И теперь я могу сказать, что въ существѣ своемъ всё тотъ же, хотя, можетъ быть, избавился только отъ многаго мѣшавшаго мнѣ на моемъ пути и, стало быть, чрезъ то сдѣлался нѣсколько умнѣй, вижу яснѣй многія вещи и называю ихъ прямо по имени, т. е. чорта называю прямо чортомъ, не даю ему великолѣпнаго костюма à la Байронъ и знаю, что онъ ходитъ во фракѣ — —

Спросите у Языкова, послалъ ли онъ книги мнѣ и съ кѣмъ именно. Я еще не получилъ, а между тѣмъ онъ мнѣ обѣщалъ слѣдующія: 1) »Добротолюбіе«, 2) Лѣтописи, 3) Иннокентія и 4) сочиненія святыхъ Отцовъ. Теперь, безъ сомнѣнія, удобно послать, потому что изъ Москвы весной подымется много за границу. Да попрошу васъ, если нельзя прислать »Москвитянина« всего за прошлый годъ 1843, то хотя критики Шевырева; а Михаилу Семеновичу скажите, что онъ *надуватель*, а дѣткамъ его скажите, что *яблоко отъ яблони не далеко падаетъ.* Онъ самъ вызвался доставить мнѣ критики Сенковскаго и невинныя замѣчанія, напечатанныя въ »Сынѣ Отечества«. Времени было довольно, а случая и оказіи для пересылки не нужно, потому что, писавши на тонкой бумагѣ, можно было легко послать во всякое время, раздѣливъ

[1] Относится къ письмамъ религіознаго содержанія, которыя Гоголь писалъ къ С. Т. Аксакову, М. П. Погодину и С. П. Шевыреву. *П. К.*

на два, или на три письма, какъ я сдѣлалъ съ моими статьями, гораздо побольшими, которыя ему же пригодились въ бенефисъ. Онъ меня привелъ въ непріятное и затруднительное положеніе писать къ Сенковскому и просить его о присылкѣ статей, потому что во многихъ вещахъ на близкихъ людей никакъ нельзя полагаться и лучше писать къ первому незнакомому лицу. Незнакомому человѣку бываетъ иногда совѣстно показать себя въ первый разъ ненадежнымъ человѣкомъ, а пріятелямъ никогда не бываетъ совѣстно пустить дѣло въ затяжку.

Прилагаемое письмо прошу васъ доставить Над. Ник. Въ немъ содержится объясненіе на-счетъ одного слуха, распущеннаго обо мнѣ въ Москвѣ. Объясненія объ этомъ предметѣ я бъ не сдѣлалъ никому, потому что лѣнивъ на подобныя вещи; но, такъ какъ она прямо и безхитростно сдѣлала мнѣ запросъ, то мнѣ показалось совѣстно не дать ей отвѣта. А съ вами о семъ тратить словъ не слѣдуетъ. Вы *человѣкъ-небаба*. *Человѣкъ-небаба* вѣритъ болѣе самому *человѣку*, чѣмъ *слуху о человѣкѣ*; а *человѣкъ-баба* вѣритъ болѣе слуху о человѣкѣ, чѣмъ самому человѣку. Впрочемъ вы не загордитесь тѣмъ, что вы *человѣкъ-небаба*. Тутъ вашей заслуги никакой нѣтъ, ниже пріобрѣтенія: такъ Богъ велѣлъ, чтобъ вы были *человѣкъ-небаба*. Не унижайте также *человѣка-бабу*, потому что *человѣкъ-баба* можетъ быть, кромѣ этого свойства, даже совершеннѣйшимъ человѣкомъ и имѣть много такихъ свойствъ, которыхъ не удастся пріобрѣсти *человѣку-небабѣ*. Другъ нашъ L L есть *человѣкъ-баба*, — не потому, чтобы онъ велъ не такую жизнь, какъ слѣдуетъ, или не имѣлъ твердости, или характера, но потому, что иногда вдругъ понесетъ отъ него бабьей юбкой. Это можно даже довесть до свѣдѣнія его, потому что между нами должно быть отнынѣ все просто и откровенно. S M, напримѣръ: онъ не *баба*, но онъ оказался *человѣкъ-г*.... по поводу упомянутаго ниже дѣла. Константинъ Сергѣевичъ, напримѣръ... но объ этихъ господахъ не слѣдуетъ говорить: они совершенно въ *руцѣ будущаго*. Въ Русской природѣ то по крайней мѣрѣ хорошо, что если Нѣмецъ, напримѣръ, *человѣкъ-баба*, то онъ останется *человѣкъ-баба* на вѣки вѣковъ. Но Русской человѣкъ можетъ иногда вдругъ превратиться въ *человѣка-небабу*. Выходитъ онъ изъ баб-

ства тогда, когда торжественно, въ виду всѣхъ, скажетъ, что онъ больше, какъ *человѣкъ-баба*, и симъ только поступаетъ въ рыцарство, скидаетъ съ себя при всѣхъ бабью юбку и одѣвается въ панталоны...

Къ N F.

Франкфуртъ. 16 мая (1844).

Мнѣ жаль, что въ письмѣ къ П**** упомянулъ объ васъ. Въ такомъ случаѣ вы напишите ему, что не отвѣчали ничего на мой запросъ. Видите ли теперь сами, какъ много для меня значитъ познаніе самыхъ, по-видимому, незначительныхъ обстоятельствъ. Самаго простого письма изъ пяти строкъ я не могъ написать умно. Я только и могу поступить умно, когда умъ мой обниметъ со всѣхъ сторонъ рѣшительно предметъ. Потому-то теперь я болѣе, чѣмъ когда-либо, боюсь вмѣшаться въ какое-нибудь дѣло, до тѣхъ поръ, пока не узнаю всѣхъ самомалѣйшихъ подробностей. Мнѣ всегда выгоднѣй быть послѣднимъ. Но оставимъ это и обратимся къ вашему письму. Въ письмѣ вашемъ слышится повсюду неудовлетворенное состояніе души. Избѣгайте обѣдовъ и гадкихъ разговоровъ, или лучше — старайтесь всякой гадкой разговоръ обратить сколько возможно въ хорошую сторону. Это не такъ невозможно, какъ вамъ кажется. Люди, съ которыми вы обращаетесь, не вовсе же дурные; они закружились только на свѣтской поверхности, но не могутъ быть чужды душевнаго слова, и направленіе разговора очень часто бываетъ въ нашихъ рукахъ. Но у васъ иногда бываютъ крайности: вы думаете, что можно говорить или о святыхъ вещахъ, или о мерзостяхъ (1). Вы мнѣ часто говорили: »О чемъ же мнѣ говорить съ такимъ человѣкомъ, какъ не о гадостяхъ? онъ другого и понять ничего не можетъ.« Но вотъ вопросъ: нужно ли говорить непремѣнно о гадостяхъ съ тѣмъ человѣкомъ, который не понимаетъ высокихъ и прекрасныхъ вещей? Человѣкъ всё-таки не скотина, есть въ немъ и добрыя стороны; зачѣмъ же

(1) Это и подобныя выраженія надобно понимать въ Гоголевскомъ, аскетическомъ смыслѣ. *П. К.*

нужно, чтобы къ вамъ онъ былъ непремѣнно обращенъ скотскою стороною? Скажите мнѣ также, зачѣмъ утвердилось о васъ всеобщее мнѣніе, что никто столько не можетъ разсказать соблазнительнаго, какъ вы, и что съ вами нужно непремѣнно говорить объ этомъ? Конечно, это говорятъ не тѣ, которые васъ коротко знаютъ, а свѣтскіе болтуны и пустые люди [вы можете ихъ называть болтунами и лгунами: они отчасти то и другое]; но дыма безъ огня не бываетъ. Разберите-ка себя хорошенько и построже: не подстрекали ли вы ихъ сами, вмѣсто того, чтобы унимать? не задирали ли ихъ сами на такой разговоръ? не говорили ли имъ: смѣлѣй, впередъ! Я былъ раза два тоже свидѣтелемъ, какъ вы подлили масла въ огонекъ, который уже было совсѣмъ потухнулъ. Откуда въ васъ могло родиться такое правило: что человѣку у котораго желудокъ слабъ и неспособенъ къ принятію крѣпкой пищи, не слѣдуетъ вовсе давать пищи? Вы сначала попробуете и ему вдругъ разомъ въ лицо столько бросите крѣпкаго и неудобно-сваримого для него, что онъ и руками, и ногами, и назадъ отъ васъ; а замѣтивши, что онъ и руками, и ногами, вы ему тотъ же часъ дряни, и старается ее побольше, повѣсистѣй, такъ чтобы онъ совершенно остался вами доволенъ. Смотрите, вы всё бы хотѣли поворотить круто, все взять приступомъ, а не сдается — вы тотъ же часъ назадъ, да и сами даже иногда давай подплясывать подъ дудку того, котораго вы прежде хотѣли заставить плясать. Еще нужно сказать, что въ достиженіи какого-либо дѣла вы видите вообще, или совершенную невозможность, или какіе-то Іезуитскіе кривилизны. Законъ Божіей премудрости для васъ мертвъ. Вы вѣрите только чуду, но чудомъ помогаетъ нашему безсилію въ великихъ важныхъ случаяхъ Богъ, а отъ насъ требуетъ собственной работы, требуетъ, чтобы мы подражали Ему самому, требуетъ той самой мудрости, которую Онъ разлилъ повсюду въ своихъ твореніяхъ. Всякой предметъ въ мірѣ поставленъ намъ въ урокъ и въ упрекъ. Смотрите, какая глубокая постепенность въ ходѣ всякаго дѣла Божія, какъ одно истекаетъ изъ другого. Сколько терпѣнья видно у Бога во всякомъ дѣлѣ! А у васъ терпѣнья и въ маковое зернышко нѣтъ: все скачками да прыжками. Постепенности въ дѣлахъ не только вы не

видите, даже не хотите и подозрѣвать, чтобы она была. Случалось ли вамъ хотя разъ задуматься серьезно надъ слѣдующимъ вопросомъ: Всѣ эти разнообразныя качества, которыя даются женщинѣ и которыя даютъ ей такую власть надъ мужчинами, остроумье разговора, любезность и ловкость его, неужели все это дается даромъ? [у Бога врядъ ли дается что̀ даромъ] или, что̀ еще страннѣе, неужели все это дается для того, чтобы дать непремѣнно самое пустое, или даже совершенно дурное направленье? Не хочу разрѣшать тутъ ничего съ моей стороны, а скажу только, что мнѣ иногда случалось быть свидѣтелемъ, какъ женщина, даже нельзя сказать слишкомъ умная, овладѣвала всеобщимъ разговоромъ; разговоръ вовсе не былъ какой-либо правоучительный, но однакожъ много было сказано такого, которое какъ-то невольно дошло до души; а между разговаривавшими были, однакожъ, очень умные и очень развратные, но никому не было скучно. И послѣ разговора какъ-будто невольно почувствовалось какое-то благоуханіе, точно какъ-бы въ комнатѣ покурили чѣмъ-то пріятнымъ. Положимъ, это мгновенное благоуханіе — незначущая вещь; но хорошо, если и оно остается. Одинъ разъ, другой, третій, такое благоуханіе — для души не бездѣлица. По крайней мѣрѣ уже носу становится не такъ ловко послѣ этого въ той комнатѣ, гдѣ курятъ другимъ запахомъ и подпускаютъ собственныхъ шпіоновъ. Много есть вещей, на которыя слѣдуетъ взглянуть гораздо пристальнѣе, чѣмъ мы глядимъ. Многіе люди смѣло произносятъ: »Этого нѣтъ«, потому только, что они этого не видятъ. Смотрите, есть отчасти и за вами этотъ грѣхъ. Вы пишете мнѣ, что »принимаете мои упреки съ удовольствіемъ, но надобно, чтобы они были справедливы.« Экая штука! это можетъ сдѣлать всякой сколько-нибудь умной человѣкъ, даже и не-Христіянинъ. А не угодно ли вамъ принять несправедливые упреки? Да притомъ позвольте васъ спросить: что̀ вы, развѣ святая? Одна святая можетъ сказать, справедливы, или несправедливы упреки. Или развѣ вы дошли уже до такого совершенства, что уже можете всю себя видѣть, со всѣми пятнышками, какія есть на душѣ вашей? или зеркало вашей совѣсти уже такъ стало ясно и свѣтло, что передъ нимъ открывается самъ собой самый малѣйшій вашъ проступокъ? Поздравляю васъ, если вы

дошли до такой мудрости, что можете разрѣшить вдругъ не запинаясь, справедливы ли, или несправедливы упреки! Въ такомъ случаѣ научите меня тому же, потому что я всякой день отыскиваю въ себѣ какую-нибудь новую мною незамѣченную гадость и вижу, что всѣ почти мнѣ сдѣланные упреки справедливы, не только сдѣланные умными людьми, но даже и тѣ, которые сдѣланы людьми, на которыхъ я и вниманія не хотѣлъ обратить прежде и которые въ слѣдствіе озлобленія мнѣ ихъ сдѣлали. Нѣтъ, извольте-ка принять и несправедливые упреки за справедливые, и всякой день въ нихъ всматриваться, какъ въ зеркало; авось среди несправедливаго отыщется что-нибудь и справедливое. А безъ этого вы во вѣки вѣковъ не уйдете впередъ, то есть, будете думать, что вы ушли впередъ, а уходить будете только теоритически а не практически.

Позвольте спросить также, что̀ значитъ это гордое выраженіе въ вашемъ письмѣ: »Никто такъ не закрываетъ души своей, какъ я«? Да вѣдь какъ же закроешь душу? для этого нужно не говорить ничего, не дѣлать никакихъ дѣлъ, спрятаться отъ всѣхъ и даже не показывать никому своего лица. Да и какъ караулить за душой? иногда закрывая открываешь и открывая закрываешь. Что̀ значитъ также другое, не менѣе гордое выраженье: »Умъ мой всѣмъ доступенъ, а душа едва ли кому открыта, какъ вамъ«? Вопервыхъ, умъ вовсе не какое-нибудь отдѣльное существо: онъ только проводникъ и часто бываетъ нашъ первый предатель. Какъ можемъ отдѣлить его отъ всякихъ страстныхъ увлеченій, опутывающихъ нашу душу и сердце? какъ держать его въ независимости отъ души, когда онъ зависитъ весь отъ движеній, исходящихъ отъ души? отъ нихъ и онъ тусклѣетъ, отъ нихъ и онъ свѣтлѣетъ. Довести до безстрастнаго состоянія свой умъ можетъ только тотъ, кто самъ безстрастенъ, не чувствуетъ никогда ни гнѣва, ни неудовольствія, ни досады. Но тогда произойдетъ другое явленіе: весь умъ какъ-бы исчезнетъ, и останется одна душа. Въ немъ, какъ въ чистомъ, прозрачномъ и безцвѣтномъ стеклѣ, выкажется душа, со всѣми малѣйшими своими оттѣнками, о чемъ бы ни касалась рѣчь и о какомъ бы постороннемъ предметѣ ни были толки, также какъ въ самой душѣ станетъ отражаться самъ Богъ. Итакъ

не отзывается ли гордостью и даже необходимостью эта первая половина вашей фразы? Разсмотримъ теперь другую половину: »Душа моя едва ли кому открыта, какъ вамъ« [то есть мнѣ]. Если сказать вамъ сущую правду, то узналъ я душу вашу не тогда, когда вы мнѣ ее открывали, а тогда, когда рѣчь шла часто о посторонних предметахъ, когда вы невольно и не думая проговаривались, или невинно и чистосердечно высказывали тѣ стороны ея, которыхъ, можетъ быть, вы и сами еще не вполнѣ оцѣнили и узнали. Въ такія только минуты я отчасти узнавалъ вашу душу и не въ слѣдствіе какихъ-либо умственныхъ выводовъ и заключеній, а потому, что самъ Богъ вложилъ въ душу мою прекрасное чутье *слышать душу:* источникъ многихъ моихъ радостей и наслажденій. Вотъ чему я обязанъ, если сколько-нибудь васъ знаю. А изъ вашихъ разсказовъ я узналъ, впрочемъ, однѣ только хорошія свойства вашей души. Вы распространялись передо мною только объ однихъ вашихъ хорошихъ поступкахъ, а о дурныхъ вы стали упоминать только въ послѣдніе дни вашего пребыванія въ Ниццѣ, и то вскользь, въ однихъ общихъ словахъ, безъ начала, безъ конца, безъ причинъ, безъ послѣдствій, въ загадочныхъ отрывкахъ, и сжимались въ ту же минуту отъ всякаго моего запроса, такъ что нужно было перемѣнять разговоръ и обращаться къ другимъ предметамъ. Изъ этого вы не выводите себѣ упрека. Напротивъ, вы сдѣлали хорошо, что не говорили, потому что говорить объ этомъ слѣдуетъ тогда, когда сама душа услышитъ потребность. Но вы обманываете себя, если думаете, что я знаю вашу душу. То, что̀ вы сказали мнѣ о себѣ, можетъ сказать о себѣ публично всякой Христіянинъ. Сказать въ общихъ словахъ: »Я преступилъ противъ такой-то заповѣди« — еще небольшая вещь: отъ такихъ словъ даже и раскаянія не получишь, даже и не покраснѣешь. Напротивъ, можно сказать, что скорѣе другіе видятъ въ чернотѣ вашу душу, чѣмъ я. Да развѣсь я только уши — такъ мнѣ съ обѣихъ сторонъ наговорятъ о васъ такихъ подробностей, о которыхъ вы и не думаете, чтобы онѣ были кому-нибудь извѣстны.

А вотъ что̀ я вамъ еще скажу: не считайте также, что вы стали на высокую степень Христіянскаго совершенства тѣмъ, что имѣете духу сказать: »У меня слишкомъ черна душа«, или же: »У меня есть

много мерзостей.« Это еще не все, это еще иногда бываетъ, просто, теоритически. Мы такъ только говоримъ, а какъ станетъ кто-нибудь насъ колоть этой чернотой, или которой-нибудь изъ этихъ мерзостей, мы тотчасъ на попятной дворъ и давай изворачиваться: »У меня этого нѣтъ«, или: »У меня есть и хуже, но не это самое, а другое«, а какъ дойдетъ дѣло до другого, или до того, что̀ хуже, мы и здѣсь стараемся увильнуть, и своротить на третіе. Словомъ, человѣкъ большой плутъ. Этого изъ виду никогда не слѣдуетъ опускать.

Вотъ что̀ я вамъ почелъ необходимымъ сказать. Это еще не настоящіе упреки. Упреки будутъ потомъ другіе. Это еще проба: мнѣ хочется только посмотрѣть, какъ вы принимаете упреки, да вмѣстѣ съ тѣмъ хочется узнать, какъ вы примѣняете къ дѣлу все то, что̀ читаете у апостола Павла и у другихъ, да хочется увидѣть также, на какой степени Христіанскаго смиренія вы стоите теперь, да въ какихъ мѣстахъ и закоулкахъ вашей души гнѣздится гордость да многое другое, которое я могу узнать только изъ вашего отвѣта, хотя бы и самаго коротенькаго. Но скажу, послѣ всего этого, въ заключенье, что все будетъ прекрасно и послѣ нашего свиданья, можетъ быть, много произойдетъ перемѣнъ въ душѣ; по крайней мѣрѣ страхи ваши на-счетъ многаго исчезнутъ.

Можетъ быть, вы не успѣете дать мнѣ отвѣта письменнаго, да и зачѣмъ вамъ заживаться лишніе дни въ Парижѣ? Лучше поживите недѣлю-другую во Франкфуртѣ, ради Жуковскаго, себя и меня. Вотъ вамъ еще небольшія порученія на выѣздъ: поищите Томаса Аквинтуса Somma Teologica, если только она переведена по-Французски. Читали ли вы всеобщую исторію Канту? Ее хвалятъ. Если она сто̀итъ похвалъ, то привезите. Да привезите мнѣ маленькую дагеротипку всѣхъ васъ: соедините всѣ въ группу [вы же охотники до живыхъ картинъ], не выключая и Надежду Николаевну, и посидите минуты двѣ всего. Можно даже и пичуру туда вклеить, если посидитъ. Я видѣлъ многіе дагерротипныя группы, исполненныя очень удачно.

Еще вамъ одна просьба, которую постарайтесь исполнить: закажите панихиду по усопшей сестрѣ моей Маріѣ [умерла 24-го марта]. Будьте сами на этой панихидѣ и помолитесь усердно объ

ея душѣ, и ея душа помолится за это объ вашей, а что я помолюсь о васъ, это и безъ того будетъ, а потому объ этомъ и не говорю.

Итакъ до Франкфурта! Жуковскій переѣзжаетъ сюда 20 мая...

Къ В. А. Жуковскому.

Мая 23 (1844. Баденъ).

Если вы пріѣхали во Франкфуртъ, то поздравляю васъ съ пріѣздомъ; если жъ не пріѣхали, то, разумѣется, не съ чѣмъ и поздравлять. Если жъ пріѣхали, то напишите объ этомъ мнѣ, потому что и мнѣ хотѣлось бы пріѣхать во Франкфуртъ, но не хотѣлось бы въ такое время, когда вы еще устроиваетесь и не усѣлись, какъ слѣдуетъ, на мѣсто. А человѣкъ еще неусѣвшійся на мѣсто вообще сердитъ, нѣсколько любитъ окрыситься, а иногда даже и съѣздить по мордѣ некстати подвернувшагося человѣка. Не желая почувствовать на собственной своей кожѣ всего этого и поручая выкушать все это Даніилу — — я пишу вамъ заблаговременно объ этомъ запросъ. Я въ Баденѣ нахожусь въ томъ самомъ отелѣ, гдѣ вы стояли [Hôtel de Hollande], живу порожнякомъ и бесѣдую съ однимъ гр. Т**, да иногда на двѣ минуты вижу В****. О моемъ помѣщеніи вы не заботьтесь: я могу въ двѣ минуты отыскать себѣ ночлегъ среди какого бы то города ни было, ибо человѣкъ безъ комфортовъ. Главное то, что мы вновь восчитаемъ, возбесѣдуемъ и воспишемъ вмѣстѣ...

Всѣмъ вашимъ душевный поклонъ.

Къ нему же.

Баденъ-Баденъ. Мая 29 (1844).

Увѣдомьте меня, котораго именно числа выѣзжаете вы въ Берлинъ. Мнѣ бы хотѣлось за день до вашего отъѣзда пріѣхать во Франкфуртъ, чтобы повидать васъ, — тѣмъ болѣе, что мнѣ скоро уже приходитъ время ѣхать въ Остандъ на морское купанье,

куда посылаетъ меня Копъ; стало быть, придется цѣлый мѣсяцъ или даже и два, не видать васъ; а черезъ Франкфуртъ слѣдуетъ ѣхать во всякомъ случаѣ. За письмо ваше очень, очень благодарю, но вы не сдержали условія. Помните? я васъ просилъ чтобы — — не заикаться на-счетъ меня въ денежномъ отношеніи. Но такъ какъ вы уже это сдѣлали, то, въ наказаніе, должны сими деньгами выплатить мой долгъ, то есть, тѣ четыре тысячи, которыя я, года четыре тому назадъ, занялъ у васъ въ Петербургѣ. Я знаю, что это вамъ будетъ немножко досадно, но нечего дѣлать, нужно покориться обстоятельствамъ. За тѣмъ цѣлую васъ душою и мыслію...

Z Z вамъ кланяются. N F уже нѣсколько разъ въ письмахъ повелѣваетъ обнять васъ и въ послѣднемъ вами присланомъ письмѣ выразилась объ этомъ предметѣ такъ: »Жучка меня пѣнялъ за молчаніе, чрезъ Тургенева. Скажите ему, что я его люблю.«

Душевный поклонъ супругѣ и привѣтствіе малюткѣ!

Къ N F.

(Баденъ. 30 мая, 1844).

На письмо ваше скажу только то, что и дорога, предстоящая вамъ, и даль, и сѣверъ, и тоска будутъ очень, очень, очень нужны душѣ вашей; а какъ и что̀, и почему, и какимъ именно образомъ, обо всемъ этомъ поговоримъ. Припомните, что̀ я вамъ всегда говорилъ, что между нами и не начинались еще настоящіе разговоры. Теперь наступило ихъ время. Итакъ веселѣй, тверже и отважнѣй въ дорогу жизни! За все потомъ вы возблагодарите Бога, и не будетъ конца признательнымъ и сладкимъ слезамъ вашимъ. За тѣмъ до свиданья. Прощайте, прекрасный братъ мой!

Весь вашъ Г.

Адрессъ по-прежнему во Франкфуртъ.

В. А. Жуковскому.

Баденъ-Баденъ. Середа, 20 іюня (1844).

Пришлите мнѣ, сдѣлайте милость, письмо N F, которое отправила къ вамъ Z*Z*, но только какъ можно скорѣе, потому что оно мнѣ очень нужно. N F писала ко всѣмъ и никому не написала обстоятельно своего адресса и маршрута, то есть, какъ и сколько времени пробудетъ въ каждомъ мѣстѣ. Z*Z будетъ дня черезъ два у васъ во Франкфуртѣ, проѣзжая въ Петербургъ на мѣсяцъ, для свиданія съ дочерью. Z*Z остается здѣсь. Если пріѣдетъ во Франкфуртъ Б****, скажите ей, чтобы она непремѣнно заѣхала въ Мангеймъ. Я нарочно пробылъ въ Мангеймѣ для того, чтобы разсмотрѣть и распросить, правда ли то, что̀ говорятъ, будтобы въ Мангеймѣ лучше и дешевлѣе жить и притомъ слаще зима, и нашелъ, что люди правы во многомъ отношеніи. За картиннымъ мѣстоположеніемъ нечего гоняться, а нужны прежде всего удобства жизни. Дома здѣсь устроены очень хорошо, съ комфортами, съ печами и въ Аглицкомъ совершенно вкусѣ. Это единственный Нѣмецкой городъ, который не воняетъ и въ которомъ можно гулять зимою, потому что всѣ улицы въ тротуарахъ, которые весьма чисто вымощены плитами. Наконецъ садъ великолѣпный, деревья высокія; иногда цѣлую версту идешъ въ тѣни, и притомъ нѣтъ угощенья пылью со стороны проѣзжающихъ экипажей, какъ во Франкфуртѣ. Вспомня Бингенъ, гдѣ нѣтъ совершенно тѣни, я объ этомъ подумалъ серьезно. Мангеймъ мнѣ самому не понравился прежде [когда я проѣзжалъ его въ первой разъ] регулярностью и опрятностью улицъ, а теперь вижу, что для жизни льготной это необходимо. Притомъ мѣстоположенье вокругъ раздольное, и горизонту много, а Рейнъ здѣсь великолѣпенъ. Въ Бингенѣ онъ сжатъ. Мѣстоположеніе Бингена эффектно для проходящихъ, а проживающіе въ немъ соскучатся. Въ Мангеймѣ изъ сада я нашелъ два пункта видовъ на отдаленныя вокругъ горы, какихъ нѣтъ и во Франкфуртѣ. Итакъ вы скажите Б****, чтобы она всё-таки не позабыла заѣхать въ Мангеймъ посмотрѣть. Въ Бингенѣ нужно будетъ устроивать домъ, передѣлывать, ста-

вить печи, здѣсь же все готово. Ѣзда отъ Франкфурта тоже четыре часа; наконецъ пунктъ желѣзныхъ дорогъ, которыми онъ въ связи съ Гейдельбергомъ, Баденомъ, Карлсру и Стразбургомъ, что весьма важно для В***, который именно и посланъ для наблюденія за желѣзными дорогами.

Пока, прощайте, цѣлую васъ и всѣ Z Z цѣлуютъ васъ также. Спѣшу кончить письмо. Не забудьте же какъ можно скорѣе прислать мнѣ письмо N F, потому что, можетъ быть, вслѣдъ занимъ мнѣ нужно будетъ сейчасъ же ѣхать...

Къ Н. М. Языкову.

1844, 15 іюня. Франкфуртъ.

Еще ни единый изъ гостей не добрался до Франкфурта, и книгъ я не получилъ ни единой, хотя и жажду чтенія. Вообще я уже замѣтилъ, что мужскій полъ у насъ не такъ аккуратенъ и годенъ на порученія. Они не только бабы, но даже гораздо ихъ бабьеватѣй. Дамами мнѣ были доставлены всѣ посылки въ исправности. А куда эта дѣлась Баба-Бабариха — — про то развѣ одинъ чортъ имѣетъ свѣдѣніе. Онъ, вѣроятно, пробирался какими-то проселочными дорогами. Письмо твое, впрочемъ, меня очень обрадовало. Бодрость и побужденіе къ перу уже есть; стало быть, слава Богу. Это главное, прочее все дрянь и не стоитъ того, чтобы о немъ много безпокоиться. Повѣрь, что всякой человѣкъ есть куликъ, и если вытащитъ носъ, то непремѣнно загрузитъ хвостъ. Это даже нужно для того, чтобы онъ не слишкомъ подымалъ своего носа и помнилъ бы ежеминутно, что онъ дрянь. Намѣреніе твое перебраться на дачу есть совершенно благое; нужно только, чтобы она была подальше отъ города и поближе къ лѣсу, въ особенности къ сосновому: запахъ отъ него и здоровъ, и какъ-то особенно услаждаетъ нервы. Я же ѣду теперь, по опредѣленію Копа, на морскія воды на одинъ мѣсяцъ въ Остандъ; потомъ возвращаюсь вновь во Франкфуртъ и пробуду всю осень съ Жуковскимъ, и вообще въ областяхъ Рейна; а потому адрессъ остается на прежнихъ основаніяхъ...

Если съ тобой Петръ Михайловичъ, то обними его весьма крѣпко. Поблагодари его весьма много за тѣ слова, которыхъ я не получилъ. Жаль весьма, если они были въ единственномъ экземплярѣ. Дубинные Нѣмцы заѣдаютъ теперь множество писемъ, по причинѣ совершеннаго тупоумія и глупости, превосходящей всякія мѣры. Отдаютъ письмо не по адрессу, и потому нужно все это имѣть въ виду и быть страшно аккуратну во всемъ. Я не знаю, зачѣмъ ты не послалъ мнѣ хотя часть книгъ съ кн. X***. Онъ былъ во Франкфуртѣ, назадъ тому мѣсяцъ, и могъ бы оставить ихъ даже въ посольствѣ. Напиши мнѣ адрессъ своей дачи. Я дрессую на-удалую на твою городскую квартиру, хотя, можетъ быть, ты уже съѣхалъ оттуда. За тѣмъ будь здоровъ. Въ письмахъ, какъ и во всемъ, не лѣнись и выпивай натощакъ стакана по два воды самой холодной...

Къ матери.

Франкфуртъ. Іюня, 1844.

Изъ письма вашего я вижу, что вы вновь неспокойны духомъ. Вы нѣсколько пошатнулись въ твердомъ упованіи на Бога — и вотъ за то и ощутили тревогу; повѣрили всякимъ слухамъ — и привели сами себя въ колеблющееся состояніе. А если бы вы твердо пребывали въ Богѣ, васъ бы слухи не смутили: вы бы знали, что слухи не болѣе, какъ слухи, вы не пошли бы доискиваться правды у кочующаго лавочника, пріѣхавшаго на ярмарку. Иногда и человѣкъ даже достойный вретъ, и среди самой просвѣщенной столицы куются и ткутся всякія нелѣпицы, да и весь человѣкъ есть ложь. Я не знаю, какіе слухи до васъ дошли, но знаю, что про меня есть всякіе слухи и что они противуположны даже сами себѣ; знаю также, что будетъ ихъ впередъ не мало, потому что есть люди, которые, видя, что другимъ нельзя взять, стараются очернить и запятнать хотя словами; гнѣваться на что я даже не имѣю права, потому что, во-первыхъ, на всякое чиханье не наздравствуешься, а во-вторыхъ, если слухи допущены Богомъ, стало

быть, нужно, чтобы они были, и, вѣрно, они даже полезны, не только вредны. Изъ чего вы также заключили, что я непремѣнно черезъ годъ долженъ вновь напечатать какое-нибудь сочиненіе? Во-первыхъ, я не почтовая лошадь. Пишу я, соображаясь съ моими силами, средствами, не ставлю ничего на срокъ, да и не люблю даже объ этомъ предметѣ разговариватъ съ кѣмъ бы то ни было. Стало быть, никто не можетъ сказать, чтобы я долженъ былъ, или хотѣлъ выдать къ тому-то и тому времени. Имѣлъ я конечно намѣреніе черезъ каждые три года выдавать часть; но это намѣреніе человѣческое, а потому не вѣрно. Все зависитъ отъ Бога, какъ сокращеніе, такъ и продленіе этого времени. А потому этими дѣлами вы и не смущайтесь, и не занимайтесь. Старайтесь лучше видѣть во мнѣ Христіянина и человѣка, чѣмъ литератора.

На-счетъ тяжбы вашей скажу только то, что, вмѣсто всякихъ безпокойствъ, которыя такъ васъ охлопачиваютъ, вамъ бы слѣдовало съ самого начала сказать себѣ такъ: »Тяжба есть дѣло невѣрное; стало быть, на нее, какъ на что-нибудь вѣрное, не слѣдуетъ даже и полагаться.« Почему знать? можетъ быть, бѣдные противники ваши не имѣютъ ничего, и вы снимете съ нихъ послѣднюю рубашку, хотя ваше дѣло и право. Я бы, по моему мнѣнію, давнымъ давно написалъ бы къ нимъ самимъ, вотъ какимъ образомъ: »Вы видите сами: дѣло мое право, сенатъ рѣшилъ въ мою пользу. Но напишите мнѣ откровенно: если вы дѣйствительно такъ бѣдны, что не можете уплатить всей суммы, то я не хочу васъ грабить; заплатите мнѣ половину — и Богъ съ вами.« Вы бы, можетъ быть, уже давнымъ-давно получили деньги, хотя и не всѣ; но зато въ молитвѣ вашей могли бы тверже произнести слова: *и остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* Притомъ, поступая человѣколюбиво во всемъ, человѣкъ никогда не бываетъ въ убыткѣ и вознаграждается на другомъ. Но довольно. Письмо мое становится длинно. Самое главное — считайте все за ничто, кромѣ одного Бога, какъ оно и дѣйствительно есть, и ничѣмъ не смущайтесь. Повѣрьте, что все это, что̀ васъ такъ смущаетъ, въ существѣ своемъ такая дрянь, что грѣхъ даже и думать о томъ много. Старайтесь лучше быть веселы и безпрестанно благодарите Бога за то, что̀ у васъ уже есть;

потому что и этого уже очень много, и многіе бы помѣнялись съ вами своею участью...

Къ В. А. Жуковскому.

27 іюня (1844). Freiwaldau.

Три письма, вами пересланныя, получены исправно. Больше не присылайте, но удержите до моего пріѣзда. Холодная вода, къ изумленію, не производитъ на меня того благотворнаго дѣйствія, какъ прошлой годъ. Дорога помогаетъ больше прочаго. Видно, такова воля Божія, а потому съ Богомъ вновь въ дорогу. Недѣли черезъ двѣ, или черезъ полторы, надѣюсь съ вами повидаться на нѣсколько часовъ во Франкфуртѣ, на пути въ Остенде — попробовать морского воздуха и моря. Итакъ до свиданья...

Отъ N F получилъ письмо. Ей лучше отъ холоднаго леченья, и самый слогъ письма показываетъ, что она въ духѣ. Относительно васъ, она даетъ мнѣ такое распоряженіе: »Поклонитесь Жуку и поцѣлуйте его въ лобъ, изъ котораго вылѣзетъ »Одиссея«.

Къ Н. М. Языкову.

Франкфуртъ. 14 іюля, 1844.

Письмо твое получилъ со вложеніемъ »Тригорскаго«, за которое очень благодарю. Но только какой ты недогадливой! Самъ увѣдомляешь меня, что написалъ нѣсколько посланій въ Москвѣ и хотя бы одно приложилъ на-показъ, зная, что это для меня, во-первыхъ, медъ, а во-вторыхъ, просто, нужно. Книгъ я до сихъ поръ отъ тебя ни одной не получилъ, а между тѣмъ сгоралъ жаждой чтенія. Писать не могъ, по причинѣ совершеннаго запрещенія, по поводу приливовъ крови къ головѣ, а читать и прочитать могъ бы много въ это время нужнаго и полезнаго. И какъ нарочно, къ вящшей досадѣ моей, безпрестанно пріѣзжаютъ изъ Москвы и прямо во Франкфуртъ. Пріѣхалъ Н****, Московскій вицегубернаторъ, знакомый всѣмъ нашимъ литераторамъ, и хотя

бы одинъ изъ нихъ что-нибудь мнѣ догадался прислать съ нимъ. Пріѣхали знакомые Авдотьи Петровны, Г****, привезли Жуковскому хоть письмо, а мнѣ ничего. Пріѣхалъ наконецъ М***. Я обрадовался, услыша о его пріѣздѣ, думая: »Ну, по крайней мѣрѣ этотъ что-нибудь привезъ!« но оказалось, что и этотъ пріѣхалъ съ пустыми руками. Словомъ, сдѣлалось даже досадно. За дурнымъ временемъ я долженъ былъ остаться во Франкфуртѣ. Морскихъ купаній нельзя было еще начинать, — тѣмъ болѣе, что я какъ-то сдѣлался склоннѣе къ простудѣ, чѣмъ когда прежде.

Ты спрашиваешь, пишутся ли »М. Д«? И пишутся, и не пишутся. Пишутся слишкомъ медленно и совсѣмъ не такъ, какъ бы хотѣлъ, и препятствія этому часто происходятъ и отъ болѣзни, а еще чаще отъ меня самого. На каждомъ шагу и на каждой строчкѣ ощущается такая потребность поумнѣть и притомъ такъ самый предметъ и дѣло связано съ моимъ собственнымъ внутреннимъ воспитаніемъ, что никакъ не въ силахъ я писать мимо меня самого, а долженъ ожидать себя. Я иду впередъ — идетъ и сочиненіе; я остановился — не іидетъ и сочиненіе. Поэтому мнѣ и необходимы бываютъ часто перемѣны всѣхъ обстоятельствъ, переѣзды, обращающіе къ другимъ занятіямъ, непохожимъ на вседневныя, и чтенье такихъ книгъ, надъ которыми воспитывается человѣкъ. Но... распространяться боюсь, чтобы не нагородить какой-либо путаницы. Притомъ же я не увѣренъ, доіидетъ ли до тебя это письмо. Ты теперь, вѣроятно, на дачѣ, а потому дѣло самой пересылки становится сопряжено.......

Вас. Андр. тебѣ кланяется. Онъ, бѣдный, провелъ время жалкимъ образомъ и не дѣлалъ доселѣ ничего, по причинѣ двухъмѣсячной возни съ столярами и печниками, занявшими все это время на новосельи. Теперь онъ едва только вытаскиваетъ изъ-подъ спуда свою »Одиссею«.

Къ N F.

Баденъ-Баденъ. (Въ іюлѣ, 1844).

Каша безъ масла гораздо вкуснѣе, нежели Баденъ безъ васъ. Кашу безъ масла всё-таки можно какъ-нибудь ѣсть, хоть на го-

лодныя зубы; но Баденъ безъ васъ, просто, не йдетъ въ горло. Какъ на бѣду, я уже давно отсталъ отъ того, чтобы наслаждаться природою и видомъ всякихъ кургаусовъ. Меня не останавливаютъ теперь даже трогательныя встрѣчи между собою Нѣмецкихъ и всякихъ иныхъ фамилій, познакомившихся за табльдотами и успѣвшихъ оказать другъ другу безчисленныя услуги относительно передачи блюдъ со всѣми грасами.

Чтобы отвести душу, я захожу иногда къ W F. Здѣсь только, въ разговорѣ съ нею о старинѣ, находимъ мы нѣкоторое наслажденіе. Я нахожу, что она ни мало не измѣнилась въ чувствахъ своихъ ко мнѣ. Встрѣча наша была радостна необыкновенно. Крикъ былъ съ обѣихъ сторонъ; поцѣловались мы весьма крѣпко. Потомъ она, уже отошедши отъ меня, вдругъ вспомнила, что еще не все и подбѣжала къ рукѣ. Я замѣтилъ въ ней перемѣну: она похорошѣла, вошла ко мнѣ завитая и, кажется, будетъ со временемъ, хоча и не кокетка, но модница и щеголиха.

Я получилъ отъ F* письмо изъ Греффенберга. Онъ описываетъ свое леченіе, которое, по-видимому, идетъ успѣшно; но поступаютъ съ нимъ жестокимъ образомъ: Приснпцъ сажаетъ его на цѣлые четверть часа бригадиршею въ воду, холодную, какую только когда-либо выносилъ человѣкъ, до того, что онъ уже не чувствуетъ, есть ли у него бригадирша, или нѣтъ. Послѣ чего приказываетъ взять лентухъ, то есть, привязать мокрую тряпку къ животу, и F* съ лентухомъ и отмороженною бригадиршею бѣжитъ во весь духъ въ горы. Тамъ, набѣгавшись вдоволь, возвращается съ нестерпимымъ аппетитомъ и поѣдаетъ множество булокъ. Такъ лечится въ Граффенбергѣ F*.

Жду васъ съ нетерпѣніемъ къ субботѣ, какъ мнѣ объявили у васъ въ домѣ, и рѣшился претерпѣвать Баденское одиночество. Прощайте!

Къ В. А. Жуковскому.

Остенде. 30 іюля (1844).

Пишу къ вамъ, покамѣстъ, только два слова. До Остенде я добрался, слава Богу, благополучно. На другой день послѣ дороги

почувствовалъ себя даже хорошо, потомъ опять похуже. Сегодня, однакожъ, взялъ первую баню. Какъ пойдетъ дѣло, Богъ вѣсть. Покамѣстъ, трудность страшная бороться съ холодомъ воды. Больше одной минуты я не могъ высидѣть, и ноги сдѣлались холодны на весь день, такъ что съ трудомъ могъ ихъ согрѣть, хотя ходилъ много. Въ Остенде никого и, покамѣстъ, довольно скучно.

Обнимаю васъ крѣпко, крѣпко и посылаю душевный поклонъ всѣмъ вашимъ...

Къ нему же.

Остенде. 8 августа (1844).

Я получилъ ваше милое письмо, которое мнѣ было, однакожъ, грустно. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ и весь почти послѣдній годъ все до самыхъ мелочей совершается мнѣ напротивъ и поперегъ. Я утѣшалъ себя мыслію, напримѣръ, такою, что въ Остенде, по крайней мѣрѣ мнѣ будетъ предстоять прожитіе съ близкими моей душѣ людьми, но это теперь не состоялось.

Изъ письма вашего я вижу, что Z* Z* перемѣняетъ намѣреніе и ѣдетъ въ Дувръ. Объ этомъ мнѣ и помыслить теперь невозможно. Я уже началъ купанье и понемногу какъ-будтобы сталъ поправляться. Бросить я не могу уже по весьма непреодолимой для меня причинѣ. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ далъ обѣщанье не ѣхать моремъ. Это для меня и въ здоровомъ состояніи было невыносимо, не только теперь. Я страдалъ ужасно даже и во время небольшого волненья, а здѣсь самой бѣшеной переѣздъ, какой только гдѣ есть на морѣ. Притомъ зачѣмъ я поѣду? Въ Дуврѣ даже и купанья нѣтъ: оттуда пріѣзжаютъ Англичане сюда купаться. Споснѣе Дувра Брейтонъ, куда, вѣроятно, отправятся Z Z, когда увидятъ и попробуютъ на дѣлѣ. При томъ издержки во всѣхъ этихъ мѣстахъ въ Англіи вдвое дороже здѣшнихъ. Это говорятъ тѣ, которые купались и здѣсь, и тамъ, и которые, кромѣ того, купанье здѣшнее далеко предпочитаютъ. Мнѣ же, во всякомъ случаѣ, нельзя теперь тратить денегъ, которыхъ слишкомъ въ обрѣзъ. Итакъ объ этомъ дѣлѣ мнѣ и думать теперь не слѣдуетъ. Ихъ просьбы теперь меня только смутятъ и вновь взволнуютъ, и вновь произведутъ во мнѣ нерѣши-

мость, которая мнѣ теперь страшнѣе всего. Лучше, если бы они, напротивъ того, убѣждали остаться здѣсь.

Потомъ изъ вашего письма я узналъ другую для меня непріятность и поперечность. Я всё льстилъ себя надеждою, что Z*Z хотя привезетъ мнѣ книги и оставитъ ихъ мнѣ здѣсь въ утѣшеніе. Мнѣ единственное и осталось развлеченье въ книгахъ. Никогда такъ не возрастала во мнѣ охота къ чтенію, и особенно Русскихъ книгъ, по причинамъ, которыя всѣ заключались въ душѣ моей и которыя врядъ ли кто пойметъ,—и, какъ на бѣду, какъ нарочно, ни одна изъ книгъ, мнѣ высланныхъ, не пришла въ мои руки! Я думалъ, что по крайней мѣрѣ навѣрно отъ Z*Z* получу, — и, какъ нарочно, Z*Z* везла ихъ три четверти дороги и, по странному какому-то случаю, оставила ихъ во Франкфуртѣ, когда всего два дни только оставалось, чтобы довезти ихъ ко мнѣ. Мнѣ бы онѣ теперь на безлюдьи были точно благодать съ неба. Какъ теперь ихъ посылать сюда по почтѣ? Во-первыхъ, дорого и тяжело, а во-вторыхъ, весьма могутъ легко пропасть здѣсь при перегрузкѣ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, и притомъ это переходитъ границу и въ другое государство. Нѣтъ, пусть лучше остаются онѣ у васъ. Но какъ жаль, что вы не догадались упросить Z*Z* довезти ихъ! Вы знали, что мнѣ въ Остенде скучно и что я передъ выѣздомъ просилъ у васъ хотя какихъ-нибудь Русскихъ книгъ, даже скучныхъ, лишь бы нечитанныхъ. Но, какъ видно, такъ ужъ опредѣлено, чтобъ было все мнѣ напротивъ. Благодарю Бога; вѣрно, это нужно, и я рѣшился твердо и покорно покориться всей нынѣшней тоскѣ и вынести ее какъ можно тверже, сколько достанетъ силъ.

Обнимаю васъ крѣпко и сильно. Не забывайте меня и напишите иногда хотя нѣсколько словъ. Простите, что такъ дурно пишу. Если письмо мое такъ несвязно, то причиною не торопливость, а это скверное волненіе, которое ко мнѣ вздумало возвратиться только сегодня; вчера и третьяго, и четвертаго дни его уже не было. Но дастъ Богъ, все пройдетъ. — — Можетъ быть, мнѣ это слишкомъ нужно, чтобы я былъ на время оставленъ именно въ то время когда не хотѣлось бы, и лишенъ всѣхъ рессурсовъ. Ужъ, вѣрно, нужно, когда такъ сдѣлалось...

———

Къ N F.

Остенде. 26 августа (1844).

Благодарю васъ за письмецо изъ Берлина. Покуда вотъ вамъ два-три слова. Вы уже въ Петербургѣ. Помните что вы пріѣхали на новую жизнь и что въ душѣ вашей отнынѣ да возсіяетъ совершенное возрожденіе. Прежде всего встрѣтятъ васъ всякіе слухи о васъ самихъ. Слухи эти изрядно черны и, можетъ быть, даже гораздо хуже тѣхъ, которые бы вы могли себѣ вообразить и представить; но тѣмъ не менѣе, какъ бы они несправедливы и безстыдны ни были, примите ихъ, какъ должное. Они точно должное, потому что за всякой проступокъ слѣдуетъ понести наказаніе; а наказанья еще нѣтъ въ томъ, если другіе узнаютъ проступокъ нашъ въ такомъ видѣ, какъ онъ есть. Они могутъ тогда почувствовать къ намъ даже участіе и, вмѣсто того, чтобы упрекнуть насъ, упрекнутъ, можетъ быть, себя за свою жестокость. Гдѣ же тутъ наказаніе? Въ томъ-то и есть наше наказаніе, когда нашъ проступокъ перековеркаютъ, преувеличатъ, истолкуютъ въ нѣсколько разъ хуже, чѣмъ онъ есть, сдѣлаютъ его притчею и посмѣшищемъ тѣхъ именно людей, которые сами производятъ въ нѣсколько разъ хуже дѣла и дадутъ право на презрительность въ обращеніи съ нами тѣхъ людей, которыхъ мы сами презирали; въ этомъ-то и состоитъ наше наказаніе. И глубоко милостивъ къ намъ Богъ, когда посылаетъ намъ такія наказанья и попускаетъ составляться о насъ всякимъ слухамъ и сплетнямъ. Примите ихъ твердо и не смутитесь ничѣмъ, будьте свѣтлы и тихи, какъ голубка. Обойдитесь лучше всего съ тѣми, которые распустили о васъ злѣйшіе слухи. Какое бы вы ни встрѣтили выраженье на чьемъ бы ни было лицѣ при встрѣчѣ съ вами, обойдитесь равно добродушно со всякимъ, точно какъ-будтобы вы и не замѣтили этого выраженья. Ваша собственная душа найдетъ тутъ самой вѣрный тактъ, какъ быть вамъ, если только вы рѣшитесь на самомъ дѣлѣ пріобрѣтать истинную Христіянскую любовь. Мнѣ въ васъ не нравилось не то, что не нравилось многимъ даже васъ любящимъ, то есть, что вы слишкомъ строго судили другихъ и притомъ съ такими выраженьями, какъ

можетъ говорить только святая, несдѣлавшая сама ничего подобнаго. Не это мнѣ въ васъ не нравилось, но не нравилось то, что всегда почти выходило, что тотъ человѣкъ, о которомъ вы говорили дурно, или лично чѣмъ-нибудь оскорбилъ васъ самихъ, или оказалъ вамъ какое-нибудь пренебреженіе, неуваженіе, словомъ — что - нибудь примѣшивалось, лично до васъ относящееся. Это какъ-то не-великодушно. Лучше бранить человѣка за его дурные поступки съ другими; но какъ только съ этимъ вмѣстѣ примѣшалось наше собственное противъ него неудовольствіе, то мы должны въ ту же минуту вспомнить, что чрезъ это самое уже лишаемся всякаго права произнести судъ о немъ. Наблюдайте за собою пристально! Я потому вамъ объ этомъ напоминаю, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ вамъ напомнить, что сердце ваше еще очень чувствительно къ оскорбленіямъ и что, не преодолѣвая этихъ оскорбленій, вы будете далеки отъ *любви*. Она загорается тогда только, когда дружишься съ оскорбленіями, то есть, не только умѣешь переносить ихъ, но даже ищешь ихъ. Чтò же касается до вашего страстнаго гнѣва, то оставьте о немъ всякое попеченіе, старайтесь избѣгать даже и случаевъ имѣть какое бы то ни было объясненіе, занимайтесь такими дѣлами, которыя бы изгнали и самую мысль объ этомъ, избѣгайте на долгое время всякой встрѣчи, хотя бы даже показалось вамъ, что вы нужны и можете имѣть благодѣтельное вліяніе: вы можете невиннымъ образомъ надѣлать много того, чтò будетъ походить отчасти на рыцарство и на какое-то Нѣмецкое великодушіе. Просто, избѣгайте; это лучше всего, потому что раны иногда существуютъ еще, хотя намъ кажется, что онѣ давно зажили. Помните то, что у васъ теперь новая жизнь и что вы къ другимъ предметамъ должны обратиться. Прежде всего васъ должно теперь привлечь семейство, погруженное въ трауръ: тамъ слишкомъ нужны ваши утѣшенія. Не думайте о томъ, чтобы помощь ваша была безсильна и что голосъ вашъ не найдетъ доступа къ самому сердцу. Хотящему и просящему ничего не откажется. *Сила моя въ немощи совершается*, сказалъ Богъ апостолу Павлу.

Еще скажу вамъ вообще, относительно всякой услуги и помощи, оказываемой ближнему. Если вамъ случится въ жизни на кого-либо сильно подѣйствовать, имѣть какое-либо вліяніе, укрѣ-

пить, воздвигнуть духъ человѣка, старайтесь не о томъ, чтобы сдѣлаться ему нужной и необходимой, но о томъ, чтобы довести его до такого состоянія, чтобы онъ не имѣлъ въ васъ нужды; старайтесь возвести его къ нему самому, къ его собственной самостоятельности, чтобы онъ не на васъ опирался, а на что-то крѣпчайшее. Однимъ словомъ, не такъ слѣдуетъ поступать, какъ католическіе попы, которые доводятъ человѣка до нерѣшительности и безсилія ребенка и стараются только о томъ, чтобы показать, что они *нужны*, а не о томъ, чтобы показать истинную *необходимость* религіи. Я поступаю теперь вотъ какъ, если только замѣчаю, что начинаю имѣть на кого-нибудь вліяніе и становлюсь ему чѣмъ-то *необходимымъ:* я спѣшу съ нимъ тотъ же часъ разстаться, хотя бы это было и тяжело. Мое дѣло упрекнуть, или ободрить, или въ нѣсколькихъ словахъ указать ему его же данныя и заключенные въ немъ самомъ матеріялы; а тамъ—иди себѣ своей дорогой: Богъ вразумитъ и поможетъ. Развѣ вновь какой-нибудь такой случай, когда человѣку трудно безъ братской помощи управиться самому. Оттого-то я очень люблю снаряжать въ дорогу и разставаться съ близкими душѣ моей людьми, въ твердой увѣренности, что Богъ имъ безъ меня еще лучше поможетъ управиться, чѣмъ со мною.

Но довольно. Душа ваша сама найдетъ законы и опредѣлитъ всему надлежащую мѣру, а до того будьте свѣтлы духомъ и не смущайтесь ничѣмъ. Если вамъ случатся какіе-нибудь соблазнительные разговоры, не вооружайтесь противъ нихъ суровостью и строгостью правилъ, а старайтесь лучше съ дѣтскимъ смѣхомъ обратить разговоръ на что-нибудь другое, тоже пустое и свѣтское, чтобы всѣ видѣли, что вы не потому оставили этотъ разговоръ, что онъ оскорбилъ строгость вашихъ правилъ, а потому, что вы, просто, потеряли вкусъ къ такимъ вещамъ; тогда будутъ и волки, и овцы сыты и цѣлы. Старайтесь чтобы во всякомъ случаѣ вашъ разговоръ походилъ на тотъ вашъ разговоръ, который вы ведете тогда, когда бываете окружены одними добрыми душами. Вы обыкновенно дѣлаетесь тогда совершенно другой, какой-то веселой и умной рѣзвушкой, говорливы неистощимо, и всѣмъ совершенно пріятно васъ слушать, хотя бы рѣчь шла о совершенныхъ пустя-

кахъ. Этотъ разговоръ вашъ ничуть не похожъ на то приторное любезничанье, которое иногда у васъ является, тогда когда вы беседуете съ какимъ-нибудь истаскавшимся селадономъ, разсказывающимъ вамъ свои конфиденціи, куда онъ посадилъ весь умъ свой. Словомъ, случится ли вамъ вести разговоръ съ молодымъ вѣтрогономъ, или изношеннымъ старичишкой, воображайте всякой разъ, что съ вами тутъ же сидитъ G Z, и все будетъ хорошо. Они же кстати вамъ теперь кланяются всѣ, и всѣ благодарятъ васъ. Поблагодарите и вы меня также за всѣ эти упреки, а если вамъ за что-нибудь изъ сказаннаго здѣсь захочется на меня посердиться, или сказать, что все это весьма дѣтски и вамъ извѣстно, то вы меня выбраните, а письмо положите себѣ прочитать въ другую минуту, и особенно недовольную; если же и тогда что̀ покажется не такъ, вы опять выбраните меня, а письмо отложите на третью минуту. И такъ поступайте со всѣми тѣми письмами, гдѣ есть какіе-нибудь упреки.

За тѣмъ Богъ васъ да хранитъ! Будьте здоровы и не позабудьте описать подробно вашъ пріѣздъ и ваше нынѣшнее житье-бытье. Отправте это письмо П****. Я не знаю, гдѣ онъ теперь живетъ, а потому и не выставилъ адресса. Здѣсь больше ничего, кромѣ три строки въ отвѣтъ на его очень милое письмо. Я написалъ ихъ единственно для успокоенія его совѣсти, которая упрекаетъ его въ томъ, что долго мнѣ не отвѣчалъ...

Къ В. А. Жуковскому.

Остенде. 1 сентября (1844).

Порученіе ваше относительно извѣстія о покойной Вел. Княгинѣ, Z*Z* обѣщалась выполнить. Я, слава Богу, кажется, начинаю чувствовать пользу отъ купанья; впрочемъ настоящее дѣйствіе онаго, говорятъ, ощущается потомъ. Еще двѣ недѣли мнѣ остается продолжать купанье, а послѣ этого времени, я уже надѣюсь, съ помощью Божіею, засѣсть съ вами во Франкфуртѣ солиднымъ образомъ за работу. А потому вы меня увѣдомите: если на случай у васъ будетъ еще проживать кто: напр. Тургеневъ, или кто дру-

гой близкой вамъ; я тогда на время попячусь вновь въ Hôtel de Russie. За тѣмъ желаю вамъ и всему дому всѣхъ благъ и подумываю съ неизъяснимымъ удовольствіемъ о нашемъ свиданіи и житіи, которое мнѣ теперь будетъ очень, очень нужно...

Къ N F.

24 сентября (1844). Франф.

Благодарю васъ за драгоцѣнныя подробности письма вашего. Богъ вамъ да поможетъ во всемъ! Не оставляйте быть тамъ, гдѣ вамъ слѣдуетъ и гдѣ особенно нужны ваши утѣшенія и участіе. Безъ сомнѣнія, скоро послѣ моего письма предстанетъ къ вамъ наша любезная G Z. Душа ея, кажется, какъ-будто еще небеснѣе прежняго, и ангельства въ ней еще больше. Употребите все стараніе, чтобы свѣтъ и общество сколько-нибудь узнали, какой прекрасный цвѣтокъ поселился среди ихъ. Отъ этого будетъ зависѣть и самое уваженіе къ ней мужа, который, безъ сомнѣнія, долго еще не будетъ въ состояніи оцѣнить сокровища, которымъ владѣетъ. Нужно довести до свѣдѣнія, какъ его, такъ и матери его, что доктора рѣшительно объявили, что все нездоровье G Z началось отъ душевныхъ тревогъ, что она, въ противность ихъ совѣтовъ, пріѣхала въ Петербургъ, что поэтому состояніе ея очень опасно и нужно быть теперь слишкомъ съ ней осторожну, потому что она принимаетъ близко всякія огорченія уже не потому, что въ самомъ дѣлѣ ихъ принимаетъ близко, но потому, что, въ слѣдствіе болѣзненнаго расположенія, ей невозможно не принять близко и не огорчиться сильно. Нужно, чтобы они ее пощадили и поберегли хотя годикъ, или два, покамѣстъ она не окрѣпнетъ и не станетъ равнодушнѣй ко всякимъ случаямъ жизни. Такъ какъ теперь у G Z будетъ особенное хозяйство и много будетъ всего на ея рукахъ, то вы наставьте ее во многихъ вещахъ. Особливо, чтобы на нѣкоторыя вещи назначала предположительно болѣе денегъ, имѣя въ виду всякіе непредвидѣнные случаи, о которыхъ не слѣдуетъ и говорить мужу, чтобы хотя капля денегъ оставалась у ней въ запасѣ, чтобы не было всего въ обрѣзъ. Если же она теперь сдѣ-

ластъ самую строгую смѣту всему, назначить всему самую меньшую цѣну, то мужъ, разумѣется, все остальное приберетъ къ себѣ, и ей придется терпѣть во многихъ, даже самихъ бездѣльныхъ и ничтожныхъ вещахъ, какъ случалось доселѣ и какъ можетъ случится потомъ еще болѣе. Все это лучше обдумать въ началѣ: послѣ будетъ труднѣй. Истолкуйте ей также, какъ много значитъ въ домѣ порядокъ и распредѣленіе времени во всемъ, какъ въ занятіяхъ, такъ и въ отдохновеніяхъ, и какъ важно всему назначить часы. Ему также сообщите объ этомъ, во сколько онъ въ силахъ это понять и выполнить; чтобы видѣлись они другъ съ другомъ не иначе, какъ по окончаніи дѣла и занятія, чтобы у каждаго были отдѣльно свои комнаты и кабинетъ для занятія; словомъ, много есть всякихъ мелочей, которыя играютъ очень важную роль въ жизни и о которыхъ вы будете сами лучше знать, какъ разсказать и сообщить такимъ образомъ, чтобы было не только выслушано, но и выполнено. О многомъ недурно будетъ вамъ переговорить съ NN. Между прочимъ не очень полагайтесь что WW теперь не кутитъ и ведетъ себя хорошо. Поведеніе его, можетъ быть временное, какъ бываетъ всегда у нашей братіи. Если предметъ нашихъ исканій вдали отъ насъ, мы влечемся къ нему и скучаемъ по немъ; если жъ онъ сталъ близко къ намъ, мы уже удовлетворились имъ и скучаемъ уже отъ него. Это свойство находится у него въ большой степени. А потому гораздо лучше, если бы между ними установилось теперь же порядочное теченіе жизни, покамѣстъ еще онъ не простылъ и готовъ даже выполнять просьбы жены своей. Нужно, чтобы всѣ знакомые и пріятели его нападали на него теперь же съ этой стороны, чтобы онъ хоть сколько-нибудь вошелъ бы въ колею свою и не былъ бы похожъ на осла, который, хотя и идетъ въ своей колеѣ, но однакожъ не пропуститъ, чтобы не засунуть свою морду во всякую телегу съ сѣномъ, переѣзжающую черезъ дорогу. Словомъ, вы должны о многомъ перетолковать какъ съ NN, такъ и съ JJ, который, кажется, имѣетъ на него нѣкоторое вліяніе. Старайтесь также узнать, кого онъ болѣе боится въ свѣтѣ и кто имѣетъ надъ нимъ какую-нибудь власть. Словомъ, употребите всѣ средста, чтобы оказать благодѣяніе, какъ женѣ, такъ и мужу, чтобы, какъ онъ

сдѣлался бы сколько-нибудь ея достоинъ, такъ и она пришла бы въ состояніе имѣть на него благодѣтельное вліяніе.

За тѣмъ да хранитъ васъ Богъ и да поможетъ во всемъ! Прощайте. Если можете что-нибудь прислать изъ книгъ, то пришлите: мнѣ это нужно...

Къ Н. М. Языкову.

Франкфуртъ. 1 октября, 1844.

Увѣдомляю тебя, что наконецъ книги получены, если не ошибаюсь, изъ Любека, именно слѣдующія: »Добротолюбіе« и Иннокентій. Хотя онѣ не пришли въ то время, когда душа сильно жаждала чтенья и было для него почти годъ досуга, но тѣмъ не менѣе я имъ очень обрадовался. Море, по-видимому, нѣсколько помогло. Еще только-что пріѣхалъ сюда. Устроиваюсь и готовлюсь приняться за дѣло. Ко мнѣ изъ Москвы никто не пишетъ. Скажи Шевыреву, чтобы онъ объявилъ въ »Москвитянинѣ«, что мнѣ крайне было непріятно узнать, что, безъ моего спросу и позволенія, въ какомъ-то Харьковскомъ повременномъ изданіи приложили мой портретъ и какія-то fac simile записки, или тому подобное, чтобы онъ объявилъ, что подобнымъ мошенничествомъ не занимались прежде книгопродавцы, какимъ нынѣ занимаются литераторы. Я нѣсколько разъ отказывалъ книгопродавцамъ на ихъ предложеніе награвировать мой портретъ. Кромѣ того, что мнѣ не хотѣлось этого, я имѣлъ еще на то свои причины, для меня слишкомъ важныя, и ужъ еслибы пришлось мнѣ позволить гравировку портрета, то, вѣроятно, это бы сдѣлано было только для »Москвитянина«, а не для другого какого-либо изданія, и притомъ мнѣ даже вовсе неизвѣстнаго. Попроси также Погодина, чтобы онъ написалъ письмо къ Б*** въ Харьковъ — онъ его, кажется, знаетъ — съ запросомъ, какимъ образомъ и какими путями портретъ мой зашелъ къ нему въ руки. Все нужно сдѣлать скорѣе.

За тѣмъ прощай. Пока, еще нѣтъ времени писать больше. До другого письма....

Къ NF.

24 октября (1844). Франкфуртъ.

Ваше маленькое письмецо мною получено. Благодарепъ много. Состоянье ваше, какъ я вижу, совершенно хорошо. Васъ удивляетъ то, что вы до сихъ поръ не скучаете въ Петербургѣ. Такъ и быть должно. Скучать должны тѣ, которые видятъ, что имъ нечего дѣлать, а у васъ, слава Богу, дѣлъ столько, что не оберешься. Нѣтъ хотя расположенья къ чтенью и молитвѣ — это знакъ, что слѣдуетъ не теоріей, а практикой заниматься. Хандры не бойтесь. Помните, что въ минуты унынія Богъ къ намъ ближе, чѣмъ когда-либо, если только вы не позабудете позвать Его. Повѣрьте, что, если бы вы сами не испытали унынія, то не могли бы и другому помочь въ унынія. Стало быть, такія минуты если и даются, или справедливѣй попускаются, то слишкомъ не даромъ. Я вамъ совѣтую, между прочимъ, раза два въ недѣлю помолиться, но помолиться сильно, крѣпко и со слезами, о близкомъ намъ человѣкѣ, чтобы Богъ ниспослалъ въ его душу все, что нужно для истиннаго и душевнаго его счастія. Такая молитва не пропадетъ даромъ. Притомъ послѣ слезъ такого рода просвѣтляются наши глаза, и мы видимъ многое, чего прежде не видѣли, находимъ средства, гдѣ прежде не находили. Но объ этомъ предметѣ довольно; обратимся къ другому. Не мѣшаетъ, однакожъ, вамъ сказать на-счетъ унынія, что у GZ есть записочки, выбранныя мною изъ разныхъ мѣстъ противъ унынія. Можетъ быть, вы отыщете въ нихъ что-нибудь и для себя, если будете въ немъ обрѣтаться. Но лучше избѣгать его заблаговременно.

Напрасно вы сердитесь на WW за то, что онъ на другой день по пріѣздѣ жены былъ на вечерѣ у FO. Тутъ еще нѣтъ ничего худого. Вы знаете сами его натуру. Боже сохрани даже дѣлать ему на этотъ счетъ какія-либо замѣчанія съ чьей бы то ни было стороны. Пусть его бываетъ на вечерахъ. Неужели, думаете, это будетъ лучше, если онъ останется дома, будетъ ворчать, или развалится медвѣдемъ? Но отъ обществъ, но отъ совершенно дурныхъ обществъ, гдѣ картежи и прочее, слѣдуетъ пріятелямъ от-

талкивать его. Но и тутъ не другими словами они могутъ оттолкнуть его, какъ въ такомъ родѣ: »Не стыдно ли тебѣ, братъ, имѣя всѣ таланты для того, чтобы быть пріятну въ лучшемъ обществѣ, знаться чортъ знаетъ съ кѣмъ?« Словомъ, на такой родъ людей магнетическую силу имѣетъ слово *дурной тонъ*, котораго они иногда боятся. Нужно, чтобы всѣ его пріятели, т. е. тѣ, которые любятъ особенно GZ, составляли бы, напротивъ, у него маленькіе вечера и напрашивались къ нему; чтобы въ вечеръ GZ была не съ нимъ однимъ, а вмѣстѣ съ вами, а вы доставляйте иногда ему случай блеснуть передъ вами. Пусть его порисуется. Вы потомъ со временемъ найдете на него средство подѣйствовать хорошо. А вдругъ сдѣлать изъ него другого человѣка — объ этомъ и не помышляйте. Не нужно также колоть его GZ: это можетъ только отвратить его. Старайтесь такимъ образомъ устроить, чтобы ихъ свиданья между собой хотя сколько-нибудь были взаимно-интересны среди самаго общества, чтобы ничего сколько-нибудь похожаго на упрекъ не было на ихъ лицахъ. Но вы въ этомъ случаѣ умнѣе меня и сыщете сами, какъ быть.

На-счетъ вашей сестры подумайте вотъ о чемъ: какъ облегчить ея участь тамъ, *на ея мѣстѣ*. Если вы успѣете въ томъ, что она, въ смыслѣ истинно Христіянскаго испытанія, проведетъ одинъ только годъ тамъ, то это уже будетъ очень хорошо. А между тѣмъ въ это время вы надумаетесь, что̀ для нея сдѣлать. Почему знать? можетъ быть, Богъ поможетъ вамъ такъ устроить ее совѣтами истинно любовными, что послѣ вамъ можно будетъ взять ее даже къ себѣ; но этого впередъ не обѣщайте. На публику не смотрите: помните, что она глядитъ на все сверху, а вовнутрь не заглядываетъ. Но не забывайте также и того, что съ вами теперь будетъ легче ужиться другимъ, чѣмъ прежде, и что вы теперь больше можете имѣть хорошаго дѣйствія на другихъ, чѣмъ прежде.

Вы, между прочимъ, одного человѣка позабыли на котораго прежде всѣхъ вамъ слѣдуетъ обратить вниманіе: вы позабыли ND. Въ немъ есть много истинно добраго, а всѣ недостатки его... но кто же другой можетъ ихъ такъ знать, какъ вы? вамъ знакомъ всякой уголокъ души его, — кто же можетъ оказать истинно братскую помощь ему, какъ не вы? Будьте только терпѣливы. Богъ

вамъ и здѣсь поможетъ. Избѣгайте этой ретивой прыти, которая бываетъ часто у женщинъ, которыя хотѣли бы вдругъ, прямо изъ солдатовъ произвести въ генералы, позабывъ, что есть офицерскіе и капитанскіе, и морскіе чины, и что иногда весьма тупо идетъ производство. Стало быть, никакъ не нужно на то глядѣть, что одинъ скоро выскочилъ въ чины, а пуще тѣмъ приводить въ уныніе духъ свой.

Поговоримъ теперь обо мнѣ. Въ концѣ вашего письма вы сказали мнѣ, что побраните меня и даже огорчите [чѣмъ же можете вы огорчить меня? всякое огорченіе въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете, было бы мнѣ истинное цѣленіе и прямо небесный даръ]. Зачѣмъ же вы не побранили и не огорчили меня? зачѣмъ отложили это до другого письма? Вы говорите: »Спуститесь въ глубину души вашей и спросите, точно ли вы Русской, или Хохликъ«. Но скажите мнѣ: развѣ я святой? развѣ я могу увидѣть всѣ свои мерзости? Для этого-то и существуетъ истинно братская любовь, истинно братская помощь, чтобы указывать намъ наши мерзости и помогать намъ избавляться отъ нихъ. Зачѣмъ же вы не помогли мнѣ? зачѣмъ же вы не указали ихъ мнѣ? Не стыдно ли вамъ? Я съ вами не такъ поступалъ: упрекая васъ, я вамъ объявилъ, въ чемъ васъ упрекаю. Основываясь на словахъ вашихъ, что РQ на меня досадуетъ, я думаю, что часть упрековъ относится по дѣлу изданія моихъ сочиненій. Если такъ, то на этотъ счетъ скажу вамъ только, что̀ знаю: что это до сихъ поръ неразрѣшимая загадка, какъ для нихъ, такъ равно и для меня. Знаю только, что меня подозрѣваютъ въ двуличности, или какой-то Макіалевской штукѣ. Но настоящаго свѣденія объ этихъ дѣлахъ не дала мнѣ до сихъ поръ ни одна живая душа. Вотъ уже два года я получаю такіе странные и неудовлетворительные намеки и такъ противурѣчащіе другъ другу, что у меня, просто, голова идетъ кругомъ. Всѣ точно боятся меня: никто не имѣетъ духу сказать мнѣ, что я сдѣлалъ подлое дѣло и въ чемъ состоитъ именно его подлость. А между тѣмъ мнѣ все, что̀ ни есть худшаго, было бы легче понести этой странной неизвѣстности. Скажу вамъ только, что самое ядро этого дѣла, самое дѣтское — это почти ребяческая безрасудность выведеннаго изъ терпѣнья чело-

вѣка. Но около ядра этого накопилось то, о̀ чемъ я только теряюсь въ догадкахъ, но чего на самомъ дѣлѣ до сихъ поръ не знаю. Но скажу вамъ также, что съ этимъ дѣломъ соединился бо̀льшій грѣхъ, чѣмъ двуличность. Все это дѣло есть дѣйствіе гнѣва и тѣхъ тонкихъ оскорбленій, которые грубо были нанесены мнѣ добрымъ человѣкомъ, немогшимъ и въ половину понять великости нанесеннаго оскорбленія; но оно тронуло такія щекотливыя стороны, что ихъ перенести развѣ могла бы одна душа истинно святого человѣка. Нѣсколько разъ мнѣ казалось, что гнѣвъ мой совершенно исчезъ, но потомъ, однакоже, я чувствовалъ пробужденье его въ желаніи нестерпимомъ оправдаться. А оправдаться я не могъ, потому что не имѣлъ въ рукахъ обвиненій. Этотъ гнѣвъ стоилъ вашего гнѣва, хотя я за него сильно наказалъ себя. Теперь я положилъ [и уже давно] никакъ не оправдываться; пусть все дѣло объяснится само собою. Но мнѣ теперь нужно знать во всей ясности обвиненія, для того чтобы обвинить лучше и справедливѣй себя, а не кого другого. Итакъ вы поступили со мною слишкомъ нехорошо, что не упомянули тогда именно, когда мнѣ это было нужно. За мое страданіе я теперь благодарю Бога. Одно мѣсто было во мнѣ такое, пораженье котораго трудно было вынести. Слава Богу, теперь поражено и оно. Стало быть, теперь я свободенъ, и, мнѣ кажется, теперь трудно человѣку придумать чѣмъ бы оскорбить меня. Вы только немножко меня оскорбили тѣмъ, что, обѣщавшись побранить, не побранили. Итакъ смотрите, исправьтесь въ слѣдующемъ письмѣ. Упреки сами по себѣ уже составляютъ теперь потребность души моей, а переданные вами и принятые отъ васъ, они внесутъ еще утѣшеніе въ душу, какъ бы жестки ни были. Все, что̀ ни говорятъ о мнѣ дурное, хотя бы самую нелѣпицу и видимую ложь, пишите все. Богъ поможетъ мнѣ и во лжи отыскать правду; это ужъ мое дѣло. Не скрывайте отъ меня также и имени того, который обо мнѣ говорилъ дурно. Будьте увѣренны, что не только не стану питать на него неудовольствія, но возблагодарю его потомъ, какъ друга, если приведетъ случай когда встрѣтиться. Не скрывайте отъ меня ничего, что̀ обо мнѣ. Я слишкомъ хорошо знаю, что на-счетъ мой множество также повторяется невиннымъ образомъ разныхъ вещей, и

потому говорящій дурное часто совсѣмъ невиноватъ. Души моей никто не можетъ знать: она доступна еще меньше вашей, потому что я даже и не говорливъ. Въ послѣднее время, когда я ни бывалъ въ Петербургѣ, или въ Москвѣ, я избѣгалъ всякихъ объясненій и скорѣе отталкивалъ отъ себя пріятелей, чѣмъ привлекалъ. Мнѣ нуженъ былъ душевный монастырь. Вамъ это теперь понятно, потому что мы сошлись съ вами въ слѣдствіе взаимной душевной нужды и помощи, и потому имѣли случай, хотя съ нѣкоторыхъ сторонъ, узнать другъ друга; но они этого не могли понять. Изъ нихъ, вы сами знаете, никто не воспитывается; стало быть, всякой поступокъ они могли истолковать по-своему. Отчужденіе мое отъ нихъ они приняли за нелюбовь и охлажденье, тогда какъ любовь моя возрастала. Да и не могло быть иначе, потому что я, слава Богу, ихъ больше знаю, чѣмъ они меня. И если бы они, въ слѣдствіе общей превратности человѣческой, сдѣлали бы точно что-нибудь дурное, или измѣнились даже въ характерахъ, я бы всё не измѣнился въ любви, и, можетъ, Богъ бы помогъ мнѣ тогда-то именно и возчувствовать нѣжнѣйшую любовь, когда бы они очутились въ крайности запятнать, или погубить свою душу. Это, впрочемъ, такъ и быть должно у всѣхъ насъ. Когда мы видимъ въ болѣзни, или даже при смерти, намъ близкаго человѣка, тогда только оказывается, какъ велика любовь наша къ нему. Мы не жалѣемъ ни денегъ, ни собственнаго попеченія, готовы все, что имѣемъ, отдать доктору и сильно молимся Богу о его выздоровленіи. Итакъ не откажите же въ моей просьбѣ. Дурно то, что вы очень пристрастны и что, вѣроятно, не разъ меня хвалили, а потому всѣ, зная, что вы нѣкоторымъ образомъ держите мою сторону, не будутъ при васъ говорить обо мнѣ дурно. Проступокъ этотъ слѣдуетъ загладить. Мнѣнія ваши обо мнѣ должны быть всегда вотъ каковы: »Я никакъ не утверждаю, чтобы онъ былъ хорошъ, но въ немъ есть одно такое свойство, котораго я не находила у другихъ людей: это — желаніе искреннее и сильное быть лучшимъ, чѣмъ онъ теперь есть, и онъ одинъ изъ всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ я знаю, приметъ всякое замѣчаніе, совѣтъ, упрекъ отъ кого бы то ни было и какъ щекотливы бы они ни были, и умѣетъ быть за это благодарнымъ.« Вотъ какія слова вы

должны всегда говорить обо мнѣ. Во-первыхъ, вы скажете этимъ сущую правду, потому что дѣйствительно оно такъ. Во-вторыхъ, словами этими вы не раздражите никого, хотя бы онъ и былъ недоброжелатель и нерасположенъ ко мнѣ. Въ-третьихъ, въ этихъ словахъ уже заключится упрекъ, необходимый душѣ того, который будетъ съ вами говорить. Умѣнье не оскорбляться словами рѣдкимъ изъ нихъ извѣстно, и очень его не мѣшаетъ имѣть побольше. Словомъ, вы можете тогда изъ похвалы мнѣ сдѣлать пользу другому. Итакъ теперь, какъ вы видите сами, вамъ предстоитъ выплатить мнѣ долгъ свой, если только я дѣйствительно, какъ вы говорите, оказалъ кое-какія услуги душѣ вашей. То, что вы можете для меня сдѣлать, то врядъ ли можетъ сдѣлать другой. Вы меня всё-таки больше знаете. Вы знаете, что я могу быть ближе всѣхъ другихъ къ гордости, знаете также, что проступковъ, можетъ быть, у меня больше, чѣмъ у всѣхъ другихъ, потому что я, какъ вамъ извѣстно, соединилъ въ себѣ двѣ природы: *Хохлика* и *Русскаго*. Смотрите же! мы должны слишкомъ заботиться другъ о другѣ, слишкомъ обрегать другъ друга отъ всего порочнаго, чтобы потомъ, когда мы оба будемъ у небеснаго нашего Родителя, броситься намъ безукоризненно другъ другу въ объятія и не попрекнуть бы, что на землѣ пропустили что-нибудь сдѣлать другъ для друга.

За тѣмъ прощайте. Обнимаю васъ.

Вашъ Г.

Я позабылъ сдѣлать вамъ не упрекъ, но въ родѣ его. Мнѣ кажется, что вы напрасно показываете мои письма. Въ Парижѣ вы показали R*. Изъ этого выходитъ что-то странное. Я получилъ нѣчто въ родѣ комплимента за благородство чувствъ. Письма, особенно въ родѣ этого, которое пишу къ вамъ, должны оставаться между нами. При семъ прилагаю вамъ письмо, которое вы должны отдать PQ и вытребовать отъ него отвѣтъ безъ всякихъ изворотовъ. А добрѣйшему F* поклонъ. Очень буду радъ провести съ нимъ будущую зиму въ Римѣ. Нынѣшнюю же остаюсь во Франкфуртѣ, а потому и адрессъ по-прежнему, ибо я остаюсь и живу по-прежнему въ домѣ Жуковскаго.

Къ Н. М. Языкову.

26 октября (1844). Франкфуртъ.

Письмо твое [числа не выставлено] при которомъ было приложено письмо отъ Н. Н. Ш*****, получилъ и много за него благодарю. Меня всѣ позабыли, и, кромѣ тебя, я ни отъ кого, вотъ уже болѣе полугода, не получаю писемъ. Назадъ тому двѣ недѣли, я получилъ изъ Берлина четыре книжки святыхъ Отцовъ. Полагаю, что онѣ отъ тебя, хотя не знаю, кому ты ихъ вручилъ, потому что мнѣ переслалъ Берлинскій нашъ священникъ съ проѣзжавшимъ черезъ Берлинъ соотечественникомъ. Переводъ очень хорошъ; жаль, что мало. Нельзя ли будетъ переслать продолженія, не во уваженіе моей заслуги, но во уваженіе твоей доброты, сіи же нѣсть предѣловъ?

Донесеніе твое о состояніи текущей литературы, при всей краткости, сколько вѣрно, столько же, къ сожалѣнію, и неутѣшительно. Но, во-первыхъ, такъ было всегда, а во-вторыхъ, кто виноватъ? — — Мнѣніе твое о новомъ журналѣ, имѣющемъ издаваться въ Москвѣ, какъ мнѣ кажется, довольно основательно, хотя самого журнала еще нѣтъ. Я тоже думаю, что это будетъ что-то въ родѣ »Отечественныхъ Записокъ«.

Недавно мнѣ удалось наконецъ прочесть одно твое посланіе, именно посланіе къ Вяземскому, напечатанное въ »Современникѣ«. Я замѣтилъ въ немъ особенную трезвость въ слогѣ и довольно мужественное расположеніе, но всё еще повторяется въ немъ то же самое, т. е. что пора и надобно присѣсть за дѣло, а самого дѣла еще нѣтъ. Какъ бы то ни было, но душа твоя вкусила уже другую жизнь; въ ней произошли уже другія явленія. Если еще не испилъ, то по крайней мѣрѣ уже прикоснулся устами высшаго духовнаго источника, къ которому многимъ и слишкомъ многимъ слѣдовало бы давно прикоснуться. Зачѣмъ же въ стихахъ своихъ ты показываешь донынѣ одно внѣшнее свое состояніе, а не внутреннее? или развѣ стихи не достойны того, чтобы отражать его, или развѣ тамъ мало предметовъ? Но закружится голова, если станемъ исчислять то, что никѣмъ еще донынѣ не тронуто. Смотри, чтобы намъ самимъ не подвергнуться тѣмъ упрекамъ, которыми мы лю-

бимъ упрекать текущую литературу. Почему знать? можетъ быть, на насъ лежитъ грѣхъ. — — —

Прекрасные слухи, которые носятся о моемъ написаніи множества произведеній, кажется, съ родни тѣмъ самымъ, которые носились и въ прошломъ году о чтеніяхъ моихъ изъ второго тома, гдѣ находится остроумное сравненіе Петербурга съ Москвою, о которомъ мнѣ и въ мысль не приходило. Я бы душевно желалъ, чтобы нынѣшніе слухи были справедливы хотя въ половину. О запискахъ генерала въ Римѣ я и не грезилъ даже, хотя нахожу, что мысль не дурна ([1]). Я подозрѣваю, что въ Москвѣ есть одинъ какой-нибудь этакой портной, который шьетъ самъ на всю Москву, — благо есть дураки, которые ему заказываютъ.

Зиму мнѣ придется провести во Франкфуртѣ, хотя мнѣ онъ и не совсѣмъ понутру, но попробую я тожъ дѣлать.... нельзя все дѣлать, какъ бы намъ хотѣлось, нужно умѣть и потерпѣть. Боюсь, чтобы какъ-нибудь не схандрить, при здѣшнемъ гаденькомъ небѣ и при моемъ гаденькомъ здоровьи. Но, во-первыхъ, и что самое главное, Богъ милостивъ, а во-вторыхъ, авось-либо всѣ близкіе друзья мои не оставятъ меня письмами. А потому въ теперешнюю зиму ты особенно, смотри, не лѣнись и не оставляй писать ко мнѣ, — если можно, то даже и чаще прежняго.

Спроси у Шевырева, получилъ ли онъ письмо мое отъ 3-го октября, и спроси также у Аксаковыхъ, зачѣмъ изъ нихъ ни одинъ не пишетъ ко мнѣ.

За тѣмъ прощай! Будь здоровъ. Перекрестясь примись за работу и Богъ да сопутствуетъ тебѣ во всемъ...

Къ N F.

3 ноября (1844). Франкфуртъ.

Вчера получилъ ваше письмо, сегодня отвѣчаю. Пишу единственно потому, что васъ, какъ видно изъ письма вашего, нѣ-

([1]) Даже въ провинціяхъ распространился тогда слухъ, будтобы Гоголь написалъ дневникъ Русскаго генерала, веденный въ Италіи, и что это будто бы самое комическое изъ его произведеній. *П. К.*

сколько смутило замѣчаніе NM, съ которымъ вы имѣли обо мнѣ разговоръ, именно: что у васъ нѣтъ того элемента, который бы насъ сблизилъ и что я любить васъ не могу, по причинѣ вашего недостоинства. Во-первыхъ, вы должны бы вспомнить то, что вы всё-таки меня знаете лучше, нежели онъ, который можетъ судить обо мнѣ только предположительно, или же по моимъ сочиненіямъ. Какъ умный человѣкъ, онъ правъ тѣмъ, что взглянулъ на меня со стороны артиста, но онъ пропустилъ не бездѣлицу: онъ пропустилъ ту высшую любовь, которая гораздо выше всякихъ артистовъ и талантовъ и можетъ быть равно доступна, какъ умнѣйшему, такъ и простѣйшему человѣку. Онъ не можетъ также знать того, что я уже давно гляжу на человѣка не какъ на артиста; но милосердіе Бога помогло мнѣ глядѣть на него иначе: я гляжу на него, какъ братъ, и это чувство въ нѣсколько разъ небеснѣе и лучше. Ремесло артиста мнѣ пригодилось теперь только въ помочь; имъ мнѣ доведется только доказать на дѣлѣ мою любовь, о чемъ молю Бога безпрестанно и о чемъ прошу васъ также помолиться. Любовь же, связавшая насъ съ вами, высока и свята: она основалась на взаимной душевной помощи, которая въ нѣсколько разъ существеннѣй всякихъ внѣшнихъ помощей, которыя обыкновенно оказываются на свѣтѣ иногда весьма шумнымъ и блестящимъ образомъ. Повѣрьте, что такія вещи не позабудутся никогда. Ваши слова, что я васъ видѣлъ въ такую минуту и съ такой точки, когда любить васъ невозможно, не только не имѣютъ значенія, но даже имѣютъ противоположное значеніе, потому что именно съ этой-то минуты и началась моя истинная любовь къ вамъ. Если жъ мы другъ передъ другомъ станемъ обвинять себя каждый въ недостоинствѣ такой дружбы, то это будетъ похоже на комплименты. Любовь должна возрасти сильнѣе, если бы случилось изъ насъ кому-либо сдѣлать низкое, или по чему-либо недостойное и подлое дѣло; тутъ она и должна дѣйствовать во всей силѣ, потому что въ такія минуты нужнѣй и необходимѣй, чѣмъ когда-либо. Такую любовь мы должны имѣть. А потому просите ежеминутно у Бога, чтобъ Онъ усилилъ ее въ васъ и съ каждымъ днемъ возращалъ ее болѣе и болѣе не только ко мнѣ, или къ тѣмъ, которые къ вамъ поближе, но рѣшительно ко всѣмъ, кто ни нуждается въ ней. Безъ нея

вы никогда не сдѣлаете столько благодѣяній, сколько бы желали. Еще вы дѣйствуете часто, какъ хирургъ. Не презирайте также по чему-либо дурного, или порочнаго человѣка, особливо, если онъ стоитъ на такомъ мѣстѣ, что можетъ имѣть дурное вліяніе. Почему знать? можетъ быть, вамъ удастся дурное превратить въ хорошее. Не удалось — не отталкивайте; будьте по крайней мѣрѣ всегда и равно благопривѣтливы. Почему знать? у всякаго могутъ быть внутреннія тяжелыя минуты; можетъ быть, иногда слишкомъ скорбно станетъ душѣ его, и онъ вспомнитъ о благопривѣтливомъ вашемъ взорѣ и о показанномъ участіи среди всеобщаго безучастія. Въ такія минуты можетъ умягчиться душа всякаго и принять то, чего бы не приняла въ другое время.

Есть у васъ еще одно *мнѣніе*, которое бываетъ у многихъ истинно умныхъ и добрыхъ людей и руководствуясь которымъ, они далеко не сдѣлали того, что̀ могли бы сдѣлать. Чтобы исправить кого-либо, или улучшить его въ чемъ-либо, считаютъ обязанностью отдалить отъ него тѣхъ людей, которые ему мѣшаютъ быть лучшимъ, или имѣютъ на него дурное вліяніе. Во-первыхъ, отстраненіе того человѣка, къ которому привыкъ человѣкъ, всегда трудно и, если бы даже въ этомъ и успѣли, всё-таки это не надежно: на мѣсто одного можетъ явиться другой. Какъ бы то ни было, всякая связь и всякое сближеніе не даромъ. Лучше благодѣтельнымъ образомъ подѣйствовать на обоихъ; тогда они могутъ взаимно помогать другъ другу, взаимно поощрять и взаимно ободрять другъ друга. Ихъ голосъ, и безъ того уже знакомый другъ другу, будетъ понятнѣй посторонняго голоса. А между тѣмъ оба равно будутъ любить васъ. Какъ бы то ни было, но припомните всякой разъ, что они оба равно ваши братья. Зачѣмъ же отказать одному въ томъ самомъ, что̀ мы хотимъ такъ великодушно сдѣлать для другого? Если вы съ такимъ благодушіемъ будете смотрѣть на всѣхъ, вы слишкомъ много сдѣлаете добра всѣмъ, и добро это будетъ дѣлаться само собою, почти безъ всякаго усилія съ вашей стороны. Но будьте терпѣливы. Въ началѣ слишкомъ довольно быть ясну со всѣми, незлобну и не сердиться ни на что̀. Если вамъ гдѣ случится сдѣлать добро, то есть, покажется, что *можно* его сдѣлать, вы рвонстесь и потомъ увидите, что *невозможно*,

а только показалось съ виду, что легко, — не приходите отъ этого въ уныніе никакъ, оставьте это дѣло и обратитесь къ тѣмъ дѣламъ, которыя *можно* сдѣлать; и если послѣ многихъ добрыхъ дѣлъ, которыя вамъ удастся сдѣлать, въ продолженіе нѣкотораго времени въ другихъ мѣстахъ и которыя вы сдѣлали потому, что ихъ *можно* было сдѣлать, обратитесь вновь къ прежнему дѣлу, то увидите, что то, которое вамъ прежде казалось *невозможнымъ*, уже сдѣлается *возможно*. Мы всѣ зрѣемъ, и зрѣемъ незамѣтно. Дѣлать добрыя дѣла есть также наука, и прежде, покамѣстъ не сдѣлаемъ меньшихъ, никакъ не сдѣлаемъ бо́льшихъ; и потому Боже васъ сохрани долго останавливаться надъ однимъ и ломать голову. Лучше, вмѣсто этого, помолитесь усердно и горячо Богу и летите на другое дѣло. Ихъ много, куда ни оглянитесь. Помните только то, что никакъ нельзя зѣвать и мѣшкать: времени намъ дано мало, и если на случай подвернется къ вамъ уныніе, вспомните, что даже и унынію некогда намъ предаваться: такъ у насъ занято все время и такъ много со всѣхъ сторонъ ждутъ насъ всякаго рода челобитчики. Будьте въ свѣтѣ то же, что̀ расторопная хозяйка въ своемъ домѣ, у которой и минуты нѣтъ свободной и которая никакъ не спѣшитъ что-нибудь довести въ одинъ день до конца и не засидится въ одной комнатѣ, или въ одномъ мѣстѣ, но всюду заглянетъ, зная, что и, просто, уже одинъ брошенный мимоходомъ взлядъ важенъ и что всюду ей нужно быть для того, чтобы дѣло со временемъ созрѣло во всѣхъ углахъ въ свой чередъ и въ свое время.

Не пренебрегайте моими словами. Подумайте объ этомъ не только теперь, но и въ другое время. Иногда слишкомъ хорошо перечитать то же самое при другомъ расположеніи духа и въ другія минуты. Писемъ моихъ никому не читайте: это не нужно и не принесетъ большой пользы другому. Но сами перечитывайте и особенно тѣ мѣста, гдѣ есть какіе-нибудь упреки, или улики. Я ваши письма часто пересматриваю, хотя въ нихъ нѣтъ вовсе ни уликъ, ни упрековъ. Одинъ разъ, въ перпослѣднемъ письмѣ, вы было-порадовали меня, объявивши, что будете бранить и упрекать меня во многомъ, и дѣло кончилось ничѣмъ. Въ нынѣшнемъ письмѣ даже и намека нѣтъ на то. Я вамъ совѣтую [и объ этомъ прошу васъ особенно],

какъ только услышите что-нибудь о мнѣ, записывать его въ ту же минуту; иначе оно вдругъ вылетитъ изъ головы, и вы не вспомните потомъ. Но прощайте, другъ мой!

Пишите побольше и почаще. Вамъ нужно писать побольше и почаще моего: во-первыхъ, это нужно для васъ самихъ, а во-вторыхъ, и для меня. Не позабудьте также и то, что я хотя и хорошо помѣстился во Франкфуртѣ у Жуковскаго, но всё-таки я одинъ и чувствую, что придется мнѣ схандрить и пріуныть духомъ въ начинающіеся зимніе..... и душа пожелаетъ сильно вашего утѣшительнаго и родного слова...

Получили вы мое письмо отъ 24 октября и вручили ли другое PQ? Увѣдомьте обо всемъ этомъ.

Къ С. Т. Аксакову.

12 ноября (1844).

Письмо за вами, безцѣнный другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Вы не дали мнѣ отвѣта на то, которое я писалъ къ вамъ назадъ тому четыре мѣсяца, гдѣ посылалъ весьма справедливый выговоръ Щепкину за то, что онъ надулъ меня, то есть, вызвался самъ впередъ и отважно вмѣстѣ съ сыновьями доставить мнѣ просимыя мною критики, и потомъ вмѣстѣ съ ними попятился на попятный дворъ. Я даже не знаю, какъ писать къ вамъ, и дожидался отъ васъ адресса, и до сихъ поръ не знаю, гдѣ вы живете и куда слѣдуетъ адрессовать вамъ. Итакъ увѣдомьте меня, какъ о вашемъ здоровьи, такъ и о здоровьи О* С*, Константина Сергѣевича и всего вашего милаго семейства. И почему именно послѣдовало такое долгое забвеніе? Я, видите, терпѣливъ и долго иногда не спрашиваю, почему иные совсѣмъ не пишутъ и не шлютъ даже поклона. Потомъ увѣдомьте, какъ вы провели все время лѣта и каково состояніе вашей больной. И словомъ, увѣдомьте обо всемъ. А пока, васъ обнимаю отъ всей души и жду вашего отвѣта...

Къ Н. М. Языкову.

12 ноября, 1844.

Вчера получилъ твое письмо [отъ 14 октября], съ означенiемъ адресса новой квартиры. Предполагаю, что сiя внезапная перемѣна произошла отъ какого-либо неудобства первой, а потому напиши, доволенъ ли ты нынѣшнею и хорошо ли въ ней усѣлся. А съ тѣмъ вмѣстѣ напиши, получилъ ли ты два письма мои, адрессованныя по первому твоему указанiю въ домъ Безсмѣнова на Арбатѣ, въ послѣднемъ изъ которыхъ я извѣщалъ тебя о сюрпризѣ, который доставилъ мнѣ Б**, лично извѣстившiй меня, что портретъ мой еще прежде, именно въ прошломъ году былъ выставленъ въ »Москвитянинѣ«. На счетъ же отправки »Москвитянина« за 1843 годъ — — ни Жуковскiй, ни я его не получали. Мнѣ тѣмъ болѣе это досадно, что я два дня до твоего письма послалъ кровные 15 талеровъ въ Лейпцигъ, узнавши по газетамъ, что у тамошняго книгопродавца есть кое-какiя Русскiя книги, въ числѣ коихъ и »Москвитянинъ«.

Кстати: знакомъ ли ты съ Михаилъ Семеновичемъ Щепкинымъ? Познакомься съ нимъ покороче. Этотъ человѣкъ чрезвычайно замѣчателенъ. У него куча воспоминанiй, исторiи объ разныхъ углахъ Россiи и собственно объ его походной и непоходной жизни. Кромѣ того, я его очень люблю за его добрую душу и за его ровный характеръ, не говоря уже о талантѣ. Я за то еще люблю его, что мнѣ было всегда особенно прiятно видѣть его сидящимъ передъ собою. Но ты сдѣлай ему выговоръ. — — Какъ можно поступить такимъ образомъ! Самъ же онъ вызвался доставить мнѣ критики Сенковскаго. Я просилъ другихъ, онъ вызвался самъ, другихъ отвадилъ, а самъ надулъ; а вѣдь немного и труда было! Я на него, конечно, не могу сердиться уже и потому, что и другiе такъ поступаютъ. Ждавши болѣе полугода, и видя, что отъ него нѣтъ толку, я обратился къ другимъ, тоже хорошимъ прiятелямъ; тѣ также наобѣщали — и ни духу, ни слуху ровно полгода; а все вмѣстѣ составляетъ почти полтора года. А между тѣмъ мнѣ это слишкомъ было нужно. А между тѣмъ мои же прiятели потомъ

меня упрекаютъ за неоткровенность и зачѣмъ, дискать, я прежде не къ нимъ обратился, а просилъ людей постороннихъ. Словомъ, я думаю, Русской человѣкъ тогда только аккуратенъ и исправенъ, когда и онъ или калека, или же такой хворой, какъ мы съ тобою. Потому-то, я думаю, и письма онъ тогда станетъ писать, когда не будетъ рукъ, или чернилъ, словомъ — когда будетъ ему нечѣмъ писать. Итакъ Михайлу Семеновичу скажи — — — И если онъ скажетъ, что онъ напишетъ письмо, или извиненіе, то ты ему не вѣрь, а заставь его тутъ же на твоемъ письмѣ написать три строки.

О F* скажу то, что ему не помогло водяное леченіе, или же, если помогло, то весьма мало. Онъ, какъ пишетъ мнѣ сестра его, чувствуетъ себя весьма дурно въ Петербургѣ и намѣренъ съ первымъ весеннимъ путемъ ѣхать въ Италію. Впрочемъ я и прежде не думалъ, чтобы для него было слишкомъ полезно водяное леченье; я скорѣй, думаю, что ему помогло бы болѣе морское купанье, чѣмъ прѣсная вода. Я разумѣю море сѣверное, а не южное, между коими большая разница. Оно производило на меня то, чего я никогда не чувствовалъ, купаясь въ южномъ. Кожа послѣ него вся горитъ и чуть выдешь изъ воды, какъ сдѣлается уже жарко, какъ въ банѣ. Въ водѣ сидѣть не болѣе пяти минутъ; чѣмъ меньше, тѣмъ лучше. Чѣмъ хуже погода, чѣмъ холоднѣе, чѣмъ сильнѣе вѣтры и буря, тѣмъ лучше, и выходишь изъ воды чорту не братъ. Я даже, который боялся прикосновенія холодный воды и вооруженъ фуфайкою непосредственно на самомъ тѣлѣ, отваживался весьма храбро и только жалѣю о томъ, что удалось мнѣ мало купаться и не выполнить весь назначенный курсъ. Но, говорятъ, еще лучше, если оставить на слѣдующій годъ, удвоивъ его. Какъ бы то ни было, но послѣ купанья я чувствую себя лучше, ибо — надо тебѣ сказать правду — я былъ слишкомъ боленъ лѣтомъ и такъ дуренъ, какъ давно себя не помню. Нервы до такой степени были разстроены, что не въ силахъ былъ не только что-нибудь дѣлать, но даже ничего не дѣлать, то есть, пребывать въ блаженной на ту пору безчувственности. Впрочемъ совѣтую тебѣ меньше заботиться о томъ, что не такъ здоровъ, какъ бы хотѣлось. Это лучшее средство противъ недуга. Клянусь, мы всѣ грѣшимъ много тѣмъ,

что слишкомъ много думаемъ о своемъ тѣлесномъ здоровьѣ, потому именно и бываемъ гораздо больше нездоровы! У меня есть одинъ пріятель, человѣкъ слишкомъ замѣчательный, съ которымъ ты послѣ познакомишься. Онъ теперь въ Парижѣ, но весной, или лѣтомъ будетъ въ Москвѣ, — именно R G, братъ того, котораго ты знаешь, человѣкъ, потому замѣчательный, что принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые способны сдѣлать много у насъ добра при нынѣшнихъ именно обстоятельствахъ Россіи, который не съ Европейской заносчивой высоты, а прямо съ Русской здравой середины видитъ вещь. Онъ много видѣлъ, былъ два раза губернаторомъ — — умѣлъ видѣть ошибки другого и даже свои собственныя, и теперь сталъ на такую точку, что можетъ, не распекая и не разгоняя людей, сдѣлать существенное добро, т. е. умирить тамъ, гдѣ иной съ благороднымъ намѣреніемъ добра, можетъ произвести кутерьму и раздоръ, но который *боленъ своею болѣзнію*, то есть, болѣетъ оттого, что боленъ, и думаетъ, что прежде нужно вылечиться, а потомъ дѣлать, а между тѣмъ какъ при теперишнемъ всеобщемъ состояніи здоровій *дѣло* только и можетъ быть леченіемъ, т. е. само собою разумѣется дѣло, питающее душу, а не обременяющее одно только тѣло. Ради Бога, молись во всякую трудную минуту, и трудная минута обратится въ легкую минуту, но молись такимъ образомъ, чтобы обращаться въ то же время на самого себя, взвѣшивать безпрестанно свои данныя, то есть, данныя дарованія, и разсматривать, какъ можно сдѣлать ими добро и существенную пользу.

Но я, кажется, нѣсколько разболтался. Письмо становится длинно, а между тѣмъ захватило не мало времени. Прощай; обнимаю тебя отъ всей души. Благодарю много за то, что не забываешь меня письмами. Извѣщаю тебя, что донынѣ получены мною слѣдующія книги: 1) Иннокентій, 2) »Добротолюбіе«, 3) Отцы за 1843. Увѣдоми меня, всѣ ли здѣсь посланныя тобою книги, или есть еще какія-нибудь, которыя засѣли по угламъ Европы.

Относительно L L поступка я пишу къ L* L* маленькій ему упрекъ, зачѣмъ онъ не удержалъ L L отъ глупости. А L L напишу дружескіе совѣты на многое, что ему слишкомъ нужно знать въ жизни и неисполненіе чего было причиною всѣхъ его неудачъ и

неуспѣховъ во всемъ. Я теперь, въ слѣдствіе его же поступка, имѣю на это право. Если умъ его не совсѣмъ ослѣпленъ гнѣвными ослѣпленьями и кучею всякихъ проэктовъ, изъ которыхъ ни одинъ не успѣваетъ вызрѣть въ головѣ его, то онъ, вѣроятно, пойметъ ихъ справедливость. О немъ слѣдуетъ позаботиться. Какъ бы то ни было, но онъ жалокъ. Человѣкъ съ искреннимъ расположеніемъ добра, и не произвелъ донынѣ почти никакого благодѣтельнаго вліянія ни на кого. — — —

Къ матери.

12 ноября, 1844 г. Франкфуртъ.

Во-первыхъ, поздравляю васъ, почтеннѣйшая маминька, съ наступающимъ годомъ, а во-вторыхъ, благодарю за всѣ подробности письма. Жаль, что вы не описали мнѣ молодую жену D*****. Не позабудьте это сдѣлать при первомъ случаѣ. Мнѣ хочется знать, каковою вы нашли ее лицомъ и характеромъ. Я получилъ, правда, письмо и отъ него вслѣдъ за вашимъ; но, какъ всѣ счастливые мужья, онъ словъ употребляетъ мало, торопится и, какъ видно, занятъ другимъ. Зачѣмъ вы хлопочете такъ объ уплатѣ ему денегъ, которыхъ онъ и самъ не требуетъ? Вы напишите ему, что хотѣли-было посылать, но что я запретилъ. Вотъ и все. Долгъ этотъ я ему уплачу, и онъ долженъ остаться моимъ заимодавцемъ, а не вашимъ.

Изъ Петербурга пишутъ ко мнѣ, о происшествіи случившемся въ Іерусалимѣ ([1]), свидѣтелемъ котораго былъ Воронежскій архіерей, бывшій тогда у Гроба Господня, именно о слышаніи небеснаго гласа во время Божественной литургіи, который былъ истолкованъ патріархомъ, какъ пророчащимъ бѣдствія міру, если онъ не покается. Мнѣ прислали и молитву, привезенную архіереемъ. Судить о томъ не наше дѣло. Но если святители дали молитву и повелѣли по ней молиться, то, мнѣ кажется, слѣдуетъ это исполнить. Но говорятъ, что молиться еще недостаточно: нужно слиш-

([1]) Приводя здѣсь вполнѣ письмо Гоголя, я, къ сожалѣнію, не могу ручаться, на сколько достовѣрны эти дошедшіе до Гоголя слухи, которые онъ передаетъ своей матери. *П. К.*

комъ строго взглянуть на самого себя, разсмотрѣть протекшую жизнь нашу и исправить значительно настоящую. Выписываю слова этой молитвы, хотя можетъ быть, вы уже ее имѣете, но тѣмъ не менѣе вы всё-таки прочитаііте всякой день со вниманіемъ. То же должны сдѣлать и сестры. Не мѣшаетъ также прочесть ее и многимъ домашнимъ, а особливо тѣмъ изъ живущихъ въ вашей деревнѣ, которые лѣнивы, нерадивы и дурно ведутъ себя. Душа человѣческая такое сокровище, о которомъ намъ слѣдуетъ всѣмъ получше позаботиться.

Вотъ молитва: »О Іисусе Христе! молимъ тя, святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ и весь міръ твой отъ всякой погибели, кровіею Твоею дабы омылись грѣхи наши. О Боже предвѣчный! яви милосердіе твое великое, молимъ Тя: прости, ради пречистой крови Твоей, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.«

При молитвѣ приложено было также увѣщаніе передать и другимъ 9 и болѣе человѣкамъ, а потому я передаю и вамъ. Такъ какъ Воронежъ отъ васъ недалеко, то, я думаю, вы знаете имя того архіерея, который былъ въ Іерусалимѣ. Но, спѣша кончить, совѣтую вамъ тоже меньше принимать къ сердцу всякія житейскія огорченія. Они не стоятъ того, чтобы о нихъ слишкомъ много думать. Самъ Спаситель велѣлъ намъ прежде всего позаботиться о главномъ и прибавилъ: »Остальное все приложится вамъ.« Прощайте!...

Къ А. С. Данилевскому.

Франкфуртъ. Декабря 1 (1844).

Письмо твое было бы для меня сюрпризомъ, если бы дня за четыре до него не получилъ я отъ маминьки извѣстія о твоей женитьбѣ. Но не совѣстно ли, извѣщая объ этомъ, не упомянуть ни слова, какъ все это случилось и какимъ образомъ васъ Богъ свелъ? Но теперь пока это въ сторону. Поздравляю тебя и желаю, чтобы не только всѣ послѣдующіе дни твоей жизни похожи были на первые дни послѣ свадьбы, но были бы еще лучше ихъ, что̀ и

быть должно, ибо зависитъ отъ насъ самихъ. За тѣмъ прошу тебя отвѣчать на слѣдующіе три запроса:

1) Въ какомъ положеніи находятся ваши достатки и достаточны ли они для вашего безбѣднаго прожитія вмѣстѣ?

2) Дай мнѣ понятіе, сколько возможно понятное, о женѣ, то есть, какого роду свойства ея, собственно ей принадлежащія, ея характеръ, наклонности, словомъ — ея *личность;* дай мнѣ ея портретъ, но въ общихъ чертахъ, чтобы я могъ услышать физіогномію ея души.

3) Опиши мнѣ, какъ вы проводите время. Опиши мнѣ весь свой день по часамъ, не уронивъ ничего, до самыхъ прозаическихъ мелочей.

Все это нужно мнѣ; я теперь до такой степени сдѣлался тупъ, что до тѣхъ поръ, пока не пощупаю вещь собственною рукою, не могу имѣть о ней никакого яснаго понятія, а въ письмѣ твоемъ я вижу однѣ общія черты: видно, что его писалъ человѣкъ, которому некогда. Женѣ твоей [я не знаю даже имени ея] наговори тысячу пріятныхъ отъ меня вещей. Я это предоставляю тебѣ потому, что изъ устъ мужа все это будетъ пріятнѣе.

О Прокоповичѣ я самъ не имѣю никакихъ извѣстій. — — Болѣе всего безпокоитъ меня неизвѣстность, живъ ли самъ Прокоповичъ.

Ты спрашиваешь меня о мнѣ самомъ, то есть, когда я буду въ Россію; но объ этомъ я написалъ тебѣ уже довольно удовлетворительно въ моемъ прежнемъ письмѣ. Видно, ты читаешь очень плохо мои письма и не до конца. Впрочемъ тебѣ было не до того. Но теперь не позабудь исполнить мою просьбу и отвѣчай на три заданные вопроса. Ты самъ можешь чувствовать, какъ мнѣ интересны на нихъ отвѣты. За тѣмъ прощай! Обнимаю васъ обоихъ...

Приписывай не poste restante, но Salzwedengarten, vor dem Schaumeinthor. Подъ такой фирмой домъ Жуковскаго, гдѣ живу и я. Это необходимо потому, что здѣсь завелось много разныхъ Гоголей Нѣмецкихъ, къ которымъ весьма часто относятъ мои письма.

——

Къ Н. М. Языкову.

1844, декабря 2.

Благодарю тебя, другъ, за письмо отъ 5 ноября, а еще больше благодарю за книжечку отъ кн. Вяземскаго. Благодарю еще болѣе Бога за то, что желаніе сердца моего сбывается. Говоря это, я намекаю на одно стихотвореніе твое. Ты, вѣрно, самъ догадаешься, что на »Землетрясеніе.« Да послужитъ оно тебѣ проспектомъ впередъ! Какое величіе, простота и какая прелесть внушенной самимъ Богомъ мысли! Оно, вѣрно, произвело у насъ впечатлѣніе на всѣхъ, не смотря на разность вкусовъ и мнѣній. Скажу тебѣ также, что Жуковскій, подобно мнѣ, былъ пораженъ имъ и призналъ его рѣшительно лучшимъ Русскимъ стихотвореніемъ. Это слишкомъ много, потому что онъ вообще былъ строгъ къ тебѣ и, умѣя отдавать должное твоимъ стихамъ, нападалъ на главное, что послѣ нихъ [такъ онъ выражается], какъ послѣ прекрасной музыки, все вслѣдъ за очаровавшими звуками унеслось, и никакого опредѣленнаго вида не имѣетъ оставшееся впечатлѣніе. Онъ говорилъ часто [въ чемъ отчасти и я былъ съ нимъ согласенъ], что вездѣ у тебя есть восторгъ, который никакъ не йдетъ впередъ, но стоитъ на одномъ мѣстѣ, именно потому, что не получилъ опредѣленнаго стремленья. Онъ никакъ и не думалъ, чтобы у тебя могло когда-либо это возникнуть [онъ не мастеръ пророчать], и на мои замѣчанія, что все произойти можетъ отъ душевныхъ внутреннихъ событій, слегка покачивалъ головой; и потому ты можешь себѣ представить, какъ мнѣ радостно было его восхищеніе. Онъ нѣсколько разъ уже прочелъ съ возрастающимъ удовольствіемъ это стихотвореніе, которое я читаю почти всякой день. Видишь ли, какъ въ общемъ крикѣ массы, въ этой строгой современной требовательности отъ поэтовъ есть что-то законное. Едва малѣйшій отвѣтъ на это всеобщее алканье души — и уже вдругъ все сопрягается, даже и то, что еще недавно бы не потряслось. Ради святого Неба, перетряхни старину, возьми картины изъ Библіи, или изъ коренной Русской старины, но возьми такимъ образомъ, чтобы онѣ пришлись именно къ нашему вѣку, чтобы въ немъ или

упрекъ, или ободренье ему было. Самъ Богъ тебѣ поможетъ, и сила, возникшая изъ твоего творенья, обратно изольется на тебя самого. Недавно я нашелъ въ »Отеч. Запискахъ« выписки изъ книги: »Выходы Царей«, которые, кажется, были приведены съ тѣмъ, чтобы показать незначительность такихъ описаній. Но въ нихъ такъ свѣжи изображенья наряда и всѣхъ царскихъ облаченій и такъ каждое слово, кажется, создано на то, чтобы уложиться въ стихъ, что мнѣ такъ и представлялся царь, идущій къ вечернѣ. Въ твоемъ стихотвореніи »Олегъ«, которое тоже затмило прежнія, уже проглядываютъ сильно черты нашей старины [хотя время, по причинѣ страшной отдаленности, для нея неблагопріятно]. Сочиненіе это, однакожъ, у насъ пройдетъ незамѣченнымъ, именно потому, что въ мысли его нѣтъ свѣжаго, находящаго отвѣтъ теперь. Заставь прошедшее выполнить свой долгъ, и ты увидишь, какъ будетъ велико впечатлѣніе. Пусть-ка оно ярко высунется, для того чтобы вразумить настоящее, для котораго оно и существуетъ. Выведи картину прошедшаго и попрекни кого бы ни было въ прошедшемъ, но такимъ образомъ, чтобы почесался въ затылкѣ современникъ. Клянусь, никогда не приходило времени такъ значительнаго для лирическихъ поэтовъ, каково нынѣ! но ты самъ это чувствуешь и знаешь лучше меня. Молю Бога, чтобы Онъ послалъ тебѣ бодрость и свѣжесть силъ, и умѣнье позабыть всякія мелкія тревоги и даже болѣзненные припадки, если бы они вздумали къ тебѣ навѣдаться. Прощай; больше не пишу теперь ни о чемъ, ибо нахожусь подъ вліяніемъ тобой же внушеннаго ощущенія...

Благодарю Н. Н. Ш. за письмо. Поклонись Хомяковымъ, Авд. Петр. и С****, если увидишь.

Къ С. П. Шевыреву.

14 декабря (1844). Франкфуртъ.

Другъ, прости за глупое письмо мое. Я понимаю, какъ оно было некстати и какъ было оскорбительно твоему сердцу читать его. Несчастіе П*** меня бы поразило сильно, если бъ я не былъ увѣренъ, что несчастій нѣтъ для Христіянина. Я напишу ему съ

своей стороны въ утѣшеніе то, что въ силахъ будетъ мое безсиліе написать ему.

Другъ, не отъ портрета я сказалъ замедленіе моихъ сочиненій, но отъ тѣхъ душевныхъ внутреннихъ моихъ событій, къ совершенію которыхъ во мнѣ послужили страннымъ образомъ видимыя ничтожныя дѣла и вещи, послѣднимъ хвостикомъ которыхъ былъ портретъ. Но да будетъ благословенъ Богъ! скажемъ прежде всего. Все, что ни произошло въ душѣ моей, все, что ни выстрадалось въ ней въ тишинѣ и въ сокрытіи отъ другихъ, выстрадалось для добра и для того, чтобы я дѣйствительно былъ въ возможности быть полезенъ другимъ. Другъ, не осуждай меня также за это излишнее кокетство, какъ тебѣ кажется, или какую-то кропотливую мелочь относительно всякаго рода появленій моихъ въ свѣтѣ. Они истекаютъ не изъ того источника, которому ты приписываешь. И прежде, даже въ минуты большей самонадѣянности и увѣренности въ себѣ, я и тогда чувствовалъ, что тому, кто можетъ имѣть вліяніе на другихъ и, говоря вообще, на свѣтъ, тому слишкомъ нужно опасаться выходить въ свѣтъ съ своими недостатками и несовершенствами. Люди такъ умѣютъ смѣшать вмѣстѣ хорошее съ дурнымъ, что въ томъ человѣкѣ, въ которомъ замѣтили они два-три хорошихъ качества [особенно если эти качества еще картинны], имъ кажется все хорошимъ. Отъ этого даже геніи производили вредъ, вмѣсто пользы. Преждевременное изданіе моихъ сочиненій принесло существенную пользу только одному мнѣ, именно потому, что съ нимъ соединились такія внутреннія событія, происшедшія отъ всей этой безтолковой путаницы, что ужасъ меня объемлетъ при одной мысли: что бы я былъ безъ этихъ событій? Другъ мой, многаго я не умѣю объяснить, да и для того, чтобы объяснить что-нибудь, нужно мнѣ подымать изъ глубины души такую исторію, что не впишешь ее на многихъ страницахъ; а потому по тѣмъ же самымъ причинамъ и не можетъ быть понятно другому, почему мнѣ такъ непріятно публикованіе моего портрета. Одни могутъ отнести къ излишнему смиренію, другіе къ капризу, третіи къ тому, что у чудака все безотчетно и во всякомъ дѣйствіи долженъ быть виденъ оригиналъ. Не скрою даже и того, что помѣщенье моего портрета именно въ такомъ видѣ,

то есть, налитографированнаго съ того портрета, который данъ мною LL, увеличило еще болѣе непріятность: тамъ я изображенъ, какъ былъ въ своей берлогѣ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ. — — Разсуди самъ, полезно ли выставить меня въ свѣтъ неряхой, въ халатѣ, съ длинными взъерошенными волосами и усами? Развѣ ты самъ не знаешь, какое всему этому даютъ значеніе? Но не для себя мнѣ прискорбно, что выставили меня забулдыгой. Но, другъ мой, вѣдь я зналъ, что меня будутъ выдирать изъ журналовъ. Повѣрь мнѣ, молодежь глупа. У многихъ изъ нихъ бываютъ чистыя стремленія; но у нихъ всегда бываетъ потребность создать себѣ какихъ-нибудь идоловъ. Если въ эти идолы попадетъ человѣкъ, имѣющій точно достоинства, это бываетъ для нихъ еще хуже: достоинствъ самихъ они не узнаютъ и не оцѣнятъ какъ слѣдуетъ, подражать имъ не будутъ, а на недостатки и пороки прежде всего бросятся: имъ же подражать такъ легко! Повѣрь, что прежде всего будутъ подражать мнѣ въ пустыхъ и глупыхъ вещахъ.

Другъ мой, ты профессоръ, тебѣ бы слѣдовало это прежде всего смекнуть. Нельзя пренебрегать совершенно мелочами: отъ мелочей многое зависитъ немелочное, и мнѣ кажется, что тебѣ особенно надобно позаботиться нынѣ о томъ, чтобы не допускать въ молодыхъ людяхъ образоваться какой-нибудь личной привязанности къ людямъ: такая привязанность всегда переходитъ въ пристрастіе. Но ежели, вмѣсто того, мы чаще будемъ изображать имъ настоящій Образецъ человѣка, Который есть совершеннѣйшее изъ всего, что̀ увидѣлъ слабыми глазами своими міръ и передъ Которымъ поблѣднѣютъ сами собою даже лучшіе изъ насъ... или, еще лучше, если мы даже и говорить имъ не будемъ о Немъ, о Совершеннѣйшемъ, но заключимъ Его сами въ душѣ своей, усвоимъ Его себѣ, внесемъ Его во всѣ наши движенія и даже во всякій литературный шагъ нашъ, не упоминая нигдѣ о Немъ, но употребивъ его мысленнымъ мѣриломъ всего, о чемъ бы ни случилось говорить намъ, и подъ такимъ уже образовавшимся въ насъ угломъ станемъ брать всякій предметъ и всякаго человѣка, великаго, или малаго, простого, или литератора, — все выйдетъ у насъ само собою безпристрастно, все будетъ равно доступно всѣмъ, какъ бы эти всѣ ни были противуположны намъ по образу

своихъ поступковъ и мыслей. Не нужно даже бываетъ и говорить: »Я скажу вамъ въ такомъ-то духѣ«. Духъ этотъ будетъ вѣять самъ собою отъ каждаго нашего слова. За тобою есть, такъ же, какъ и за всѣми нами, этотъ грѣшокъ. Ты нѣсколько пристрастенъ. Я перечиталъ теперь всѣ твои критики въ »Москвитянинѣ« за 1843 г., который выписалъ на дняхъ изъ Лейпцига. О достоинствахъ не стану и говорить: тамъ ихъ слишкомъ много; но черты пристрастія кое-гдѣ сквозятъ, иногда даже и часто. Особенно мнѣ показалось ихъ много тамъ, гдѣ говоришь ты о моихъ сочиненіяхъ: иногда видно какъ-бы напряженное усиліе увидѣть больше достоинствъ, чѣмъ есть. Я очень знаю, что я самъ виноватъ и многими довольно неумѣстными и напыщенными мѣстами ввелъ въ заблужденіе, недоразумѣніе всѣхъ: однихъ заставилъ ихъ принять не въ томъ смыслѣ, другихъ заставилъ подозрѣвать тайно, что я большой охотникъ до оиміама. Говорить откровенно о себѣ я никогда никакъ не могъ. Въ словахъ моихъ; равно какъ и въ сочиненіяхъ, существовала всегда страшная неточность. Почти всякимъ откровеннымъ словомъ своимъ я производилъ недоразумѣніе, и всякій (разъ) раскаявался въ томъ, что раскрывалъ ротъ. Я самъ уже начиналъ чувствовать въ себѣ то, что̀ чувствуетъ всякій человѣкъ, неполучившій полнаго и совершеннаго воспитанія, именно—что мнѣ недоставало такта и вѣрной средины въ словахъ. Я чувствовалъ самъ, что въ каждомъ словѣ моемъ отзывается или что-то весьма похожее на высокомѣріе [котораго въ самомъ дѣлѣ у меня не было въ такой сильной степени, какъ казалось], или же смиреніе, которое показалось тоже всѣмъ излишнимъ и выисканнымъ и котораго, впрочемъ, тоже у меня было немного. Говорю тебѣ это не только для того, чтобы сказать о себѣ, но также и для того, чтобы ты не разсердился на меня, если найдешь въ письмѣ моемъ что-то похожее на желаніе учить; или же лучше разсердись, потому, что иногда человѣкъ только въ-сердцахъ высказываетъ правду. Это водится за нашимъ другомъ LL и, признаюсь, я иногда его нарочно сердилъ только затѣмъ, чтобы узнать, что̀ онъ обо мнѣ думаетъ. А лучше всего не пренебрегай ни чьимъ упрекомъ и совѣтомъ, но возьми изъ него все, что̀ есть въ немъ правды, а остальное швырни въ глаза тому, кто тебѣ поднесъ его,

какъ ненужные объѣдки. Если жъ человѣкъ этотъ близокъ тебѣ, какъ, напримѣръ, я, то покажи ему, на сколько въ его упрекѣ, или совѣтѣ есть высокомѣрія, на сколько желанія учить, на сколько неприличія, словомъ — отдѣли все, что перешло мѣру. Въ другомъ это увидится сильнѣй, чѣмъ въ себѣ. А за это я тебѣ буду истинно благодаренъ. Но статья эта дѣлается длинною.... прекратимъ ее.

Поговоримъ еще разъ, и уже въ послѣдній, о моихъ дѣлахъ прозаическихъ, по поводу собранія моихъ сочиненій, путаницъ отъ этого и прочее. Я очень хорошо зналъ всегда, что въ дѣлѣ этомъ одинъ я виноватъ; и если я говорилъ вамъ не о себѣ, указывалъ на другое и на другихъ, то вовсе не затѣмъ, чтобы оправдаться самому, но чтобы заставить васъ повѣрить тому, что во всякомъ дѣлѣ можетъ быть слишкомъ много сторонъ и такихъ неуловимыхъ сопряженныхъ съ нимъ событій, что никакъ нельзя произнести надъ преступникомъ совершенно суда, хотя бы все вокругъ его уличало, до тѣхъ поръ, покамѣстъ онъ самъ не принесетъ полнаго и совершеннаго признанія. Мнѣ хотѣлось, чтобы въ васъ поселилось сомнѣніе, чтобы вы сколько-нибудь задумались надъ тѣмъ, какъ человѣкъ, по-видимому, неглупый сдѣлалъ глупость, и точно ли все это произошло отъ той недовѣрчивости, которую всѣ вы предполагаете во мнѣ въ такомъ большомъ запасѣ. Но наконецъ нужно же дѣло рѣшить. Концу слѣдуетъ всё-таки быть, а потому оставимъ необъясненное такъ, какъ оно есть, необъясненнымъ, а рѣшимъ справедливо, сколько можно, то, что очевидно. Виноватъ во всемъ я; кромѣ всѣхъ прочихъ винъ, я произвелъ всю эту путаницу и ералашъ; я смутилъ и взбаламутилъ всѣхъ, произвелъ во всѣхъ до едина чувство неудовольствія и, что всего хуже, поставилъ въ непріятныя положенія людей, которые безъ того не имѣли бы, можетъ быть, никогда другъ противъ друга никакихъ неудовольствій.

Виноватый долженъ быть наказанъ, и лучше наказать самому себя, чѣмъ ожидать наказанья Божьяго. Я наказываю себя лишеньемъ денегъ, слѣдуемыхъ мнѣ за выручку собранія моихъ сочиненій. Лишенье это, впрочемъ, мнѣ не стоитъ никакого пожертвованія, потому что я не былъ бы спокоенъ, если бы употребилъ эти

деньги въ свою пользу. Всякой рубль и копейка этихъ денегъ куплены неудовольствіемъ, огорченьями и оскорбленіемъ многихъ; онѣ бы тяготѣли на душѣ моей; а потому должны быть употреблены всѣ на святое дѣло. Всѣ деньги, вырученныя за нихъ, отнынѣ принадлежатъ бѣднымъ, но достойнымъ студентамъ; достаться они должны имъ не даромъ, но за трудъ. Полное распоряженіе и назначеніе труда принадлежитъ тебѣ. Что̀ признаешь полезнымъ нынѣ для всѣхъ перевесть на Русскій языкъ, заставь перевести; найдешь нужнымъ задать собственное сочиненіе, задай. Сколько заплатить за трудъ и гдѣ его потомъ напечатать, въ »Москвитянинѣ« ли, или отдѣльно, или совсѣмъ не напечатать, все зависѣть будетъ отъ твоихъ распоряженій и усмотрѣній. Что книга, покамѣстъ, не продается, это не бѣда: я потомъ найду средство подтолкнуть и подвинуть ея продажу. Дѣло это должно̀ остаться только между тобою и Серг. Т. Аксаковымъ, и я требую въ этомъ клятвеннаго и честнаго слова отъ васъ обоихъ. Никогда получившій деньги не долженъ узнать, отъ кого онъ ихъ получилъ, ни при жизни моей, ни по смерти моей. Это должно̀ остаться тайной навсегда. Ты можешь сказать имъ, что деньги отъ одного богатаго человѣка, или правительственнаго сановника, который хочетъ остаться въ неизвѣстности. Никто изъ васъ никому, даже въ своемъ домѣ, какъ бы онъ близокъ къ нему ни былъ, не долженъ этого открывать никогда и ни въ какомъ случаѣ. На всѣ распросы другихъ давайте одинъ отвѣтъ, что деньги идутъ мнѣ, и я получаю ихъ въ исправности. Я также не долженъ знать, кому, какъ и когда идутъ эти деньги. Отчетъ въ нихъ и отвѣтъ принадлежитъ Богу, и потому смотрѣть на это дѣло, какъ на святое, и употребить съ своей стороны всѣ силы къ тому, чтобы всякая копейка обратилась во благо. Настоящія благодѣянія будутъ принадлежать вамъ, болѣе всего тебѣ, потому что все здѣсь зависитъ отъ умныхъ распоряженій. Пословица говоритъ: *Не штука дѣло, штука разумъ*. Это вы прочитайте вмѣстѣ съ Аксаковымъ — и никакихъ противъ этого возраженій, или представленій! Желанье мое непреложно. Только такимъ образомъ, а не другимъ должно̀ быть рѣшено это дѣло. Какъ бы ни показалось вамъ многое здѣсь страннымъ, вы должны помнить только, что *воля друга должна*

быть священна, и на это мое требованье, которое съ тѣмъ вмѣстѣ есть и моленье, и желанье, вы должны отвѣтить только однимъ словомъ *да*. То же самое сдѣлано и въ Петербургѣ. Тамъ почти всѣ экземпляры распроданы, и деньги собраны; но я изъ нихъ не беру ничего, и онѣ всѣ обращаются на такое же дѣло, съ такими же условіями и ввѣряются также двумъ: P Q и Q P. Но ни вы имъ, ни они вамъ никогда не должны объ этомъ напоминать, и если бы даже вамъ случилось когда-нибудь потомъ съ ними встрѣтиться — объ этомъ ни слова, никогда и ни въ какомъ случаѣ. А васъ молю именемъ дружбы, именемъ Бога, истребить въ себѣ всякое неудовольствіе, какое только у васъ осталось къ кому бы то ни было по поводу этого дѣла. Мнѣ вы должны простить также все, чѣмъ оскорбилъ. Безъ полнаго прощенія всего и безъ возстановленія мира въ душѣ, будетъ безплодно всякое ваше благодѣяніе, которое вы потомъ сдѣлаете. Погодинъ также не долженъ узнать объ этомъ никогда; когда онъ позаботится вопросами обо мнѣ, скажите, что деньги идутъ ко мнѣ исправно, и я ни въ чемъ не имѣю нужды.

Вы обо мнѣ также не заботьтесь. Въ теченіе почти двухъ лѣтъ я не буду имѣть никакой надобности въ деньгахъ. Во-первыхъ, мы устроились кое-какъ съ Жуковскимъ, а во-вторыхъ, мнѣ теперь гораздо нужно меньше, чѣмъ когда-либо прежде. Изъ разнаго множества результатовъ, извлеченныхъ мною изъ этой исторіи, которая была безтолкова, открылъ я, между прочимъ, и то, что человѣку гораздо нужно менѣе, чѣмъ онъ думаетъ, и какъ бы ему ни показалось, что онъ ограничилъ себя, а въ сущности выйдетъ, что и половины достаточно. Теперь мнѣ смѣшно, когда подумаю, о чемъ хлопоталъ. Хорошо, что Богъ былъ милостивъ и всякій разъ меня наказывалъ: въ то время, когда я думалъ о своемъ обезпеченіи, никогда у меня не было денегъ; когда же не думалъ, тогда онѣ всегда ко мнѣ приходили, и я имѣлъ больше, чѣмъ нужно. Итакъ ты видишь, что менѣе всѣхъ долженъ заботиться о деньгахъ я. Посему, если ты не посылалъ еще мнѣ тѣхъ денегъ, о которыхъ извѣщалъ въ письмѣ, то и не посылай, а отложи ихъ къ деньгамъ на дѣло святое; если же послалъ, то я буду держать ихъ въ запасѣ для себя, потому что не пересылать же ихъ назадъ.

Ни С. Т. Аксакову, ни Языкову не плати. Они мнѣ подождутъ: такъ нужно.

Благодарю тебя за нѣкоторыя литературныя подробности. О смерти Крылова мы узнали изъ Нѣмецкихъ газетъ. Миръ душѣ, исполнившей на землѣ чисто свое дѣло! Но, другъ, утратами не слѣдуетъ сокрушаться. Покойники уходя велятъ ревностнѣе и спѣшнѣй трудиться живущимъ. Жизнь наша такъ коротка, что даже и сокрушаться некогда; а потому и ты примись ревностно и свято за свое дѣло, но возстанови прежде всего миръ въ душѣ, прости все и всѣмъ. Повѣрь, безъ этого никакой трудъ и никакое дѣло не совершится успѣшно.

Меня порадовало, что ты наконецъ принимаешься за подробную исторію словесности нашей. Такой трудъ будетъ вполнѣ великъ. Не знаю только, какимъ образомъ добиться матеріаловъ отъ Жуковскаго его времени. Журнала онъ не велъ, а разсказать изустно — онъ даже не будетъ и знать, съ котораго конца начать, не зная собственно, на какіе вопросы отвѣчать. По мѣрѣ того, какъ мнѣ случится временами и вскользь что-нибудь узнавать, я тебѣ сообщу. Но очень жаль, что ты не обобралъ Тургенева, когда онъ былъ въ Москвѣ: у него множество бумагъ того времени, весь протоколъ Арзамасскихъ засѣданій и множество стиховъ Жуковскаго, писанныхъ въ тогдашнее время, о которыхъ никто, и даже самъ Жуковскій, не знаетъ.

Кирѣевскому и всей братіи отдай поклонъ, поздравленіе съ новымъ годомъ и желаніе искреннее всякихъ успѣховъ журналу, и скажи ему, что хотя я и не даю никакой статьи въ »Москвитянинъ« по причинѣ нищенства, но что Жуковскій мною заставленъ сдѣлать для »Москвитянина« великое дѣло, котораго, безъ хвастовства, побудителемъ и подстрекателемъ былъ я. Онъ вотъ уже четыре дни, бросивъ всѣ дѣла свои и занятія, которыхъ не прерывалъ никогда, работаетъ безъ устали, и, черезъ два дни послѣ моего письма, »Москвитянинъ« получитъ капитальную вещь и славный подарокъ на новый годъ. А потому ты скажи, чтобы онъ не торопился выдачею книжки: дня два-три можно обождать. Жуковскій хочетъ въ первый номеръ, да и для »Москвитянина« будетъ это лучше. Стихотвореніе Жуковскаго, составляющее боль-

шую повѣсть съ предисловіями и послѣсловіями, нужно пустить впередъ другихъ статей. Это ничего, если все уже отпечатано и нумерація страницъ придется не по порядку. Такое дѣло можно причислить къ погрѣшностямъ типографическимъ, да на него никто вниманія не обратитъ.

Пришли пожалуста намъ »Москвитянинъ« за 1844 исходящій годъ. Это сдѣлать весьма легко такимъ же самымъ путемъ, какъ доставлены Погодинымъ Русскія книги Лейпцигскому книгопродавцу. Ты, вѣрно, знаешь имя того книгопродавца въ Москвѣ, который доставляетъ Русскія книги Лейпцигскому. Ему отдай, съ тѣмъ, чтобы Лейпцигскій книгопродавецъ отослалъ ихъ тотъ же часъ къ своему корреспонденту во Франкфуртѣ, Югелю [Iugel], или же прямо на имя Жуковскаго. Если можешь къ этому присовокупить двѣ книжки »Молодика« за 1844 годъ, то обяжешь. За пересылку заплатится весьма охотно. Это не такъ дорого, а между тѣмъ вѣрнѣй и лучше, чѣмъ съ оказіей. Да не худо тебѣ прибавлять на адрессѣ слѣдующую припись: Salzwedelsgarten, vor dem Schaumeinthor, которую я тебѣ уже послалъ одинъ разъ. Здѣсь, къ моему горю, завелось множество разныхъ Нѣмецкихъ Гоголей и одинъ Польскій Жуковскій, къ которымъ весьма часто заходятъ наши письма.

Душевно радуюсь появленію на свѣтъ Катеньки; поздравляю съ такимъ ея пріѣздомъ и ее, и тебя, и С* Б*, и самого Бориса, и обнимаю васъ всѣхъ.

Напиши мнѣ слово о Ел. Гр. Ч***. Отъ нея никогда не дождешься никакого письма. Это я знаю, а потому и не жду. Что́ дѣлаетъ также Аксаковъ? и особенно увѣдоми меня о состояніи Погодина: каковъ онъ самъ, чѣмъ занимается, и какъ идетъ у него все въ домѣ?

Въ концѣ письма, ты пишешь — не сердиться на твои слова и нѣкоторые упреки. Но, другъ, вѣдь эти слова и упреки — правда: какъ же на нихъ сердиться? за нихъ слѣдуетъ благодарить. Какъ вы до сихъ поръ меня мало знаете, даже и съ этой стороны! Вы всё думаете, что я прикидываюсь. Если бы въ письмѣ твоемъ были самыя жестокія слова и упреки, я бы принялъ ихъ, какъ подарокъ. Мнѣ не нужно, чтобы они умягчались любовью, или

даже доброжелательствомъ; мнѣ нужны, просто, упреки. Хотя бы они даже были и несправедливы, это будетъ мое дѣло — разбирать, справедливы ли они, или нѣтъ. Впрочемъ врядъ какіе-нибудь упреки могутъ быть совершенно несправедливы, или же безпричинны. Ну, что̀, если я когда-нибудь обвиню въ недовѣрчивости всѣхъ тѣхъ, которые обвиняютъ меня въ недовѣрчивости, и докажу имъ, что все, ими принятое во мнѣ за недовѣрчивость, произошло отъ недовѣрчивости ко мнѣ и сомнѣнія во мнѣ? Будетъ и тамъ тоже правда.

Но обнимаю тебя. Извини, что пишу дурно и часто ошибаюсь. Говорятъ, что человѣкъ, который самъ еще не устроился и воспитывается, имѣетъ и самый почеркъ неутвердившійся...

На письмо жду скораго отвѣта и беспрекословно твердаго *да*.

Къ N F. (¹)

Письмо ваше, добрѣйшая NF, меня нѣсколько огорчило. PQ поступилъ нехорошо, потому что разсказалъ то, въ чемъ требовалась таіна во имя дружбы; вы поступили нехорошо, потому что согласились выслушать то, что̀ вамъ не слѣдовало, тогда когда бы вамъ слѣдовало въ самомъ началѣ остановить его такими словами: »Хотя я и близка къ этому человѣку, но если онъ скрылъ отъ меня, то неблагоразумно будетъ съ моей стороны проникнуть въ это.« Вы могли бы прибавить, что этотъ человѣкъ достоинъ нѣсколько довѣрія: онъ не совсѣмъ способенъ на необдуманныя дѣла и даже, »сколько я могла замѣтить, онъ довольно осмотрителенъ относительно всякаго рода добрыхъ дѣлъ и не отваживается ни на что̀ безъ какихъ-нибудь своихъ соображеній; а потому окажемъ ему довѣріе, особливо, когда онъ опирается на слова: *Воля друга должна быть святою.*« Но вы такъ не поступили, моя добрая N F. Напротивъ, вы взяли даже на себя отвагу перерѣ-

(¹) Письмо это писано послѣ нѣсколькихъ слѣдующихъ писемъ; но какъ нельзя опредѣлить съ точностію его мѣста, такъ какъ даты оно не имѣетъ, то помѣщаю его рядомъ съ предыдущимъ, ради тождества предмета того и другого письма. *П. К.*

шить все дѣло, объявить мнѣ, что я дѣлаю глупость, что дѣлу слѣдуетъ быть вотъ какъ и что вы, не спрашивая даже согласія моего, даете ему другой оборотъ и приступаете по этому поводу къ нужнымъ распоряженіямъ, позабывши, между прочимъ, то, что это дѣло было послано не на усмотрѣніе, не на совѣщаніе, не на скрѣпленіе и подписаніе, но, какъ рѣшенное, послано было на исполненіе, и во имя всего святого, во имя дружбы, молили (васъ) его исполнить. Точно ли вы поступили справедливо и хорошо, и справедливо ли было съ вашей стороны такъ скоро причислить мой поступокъ къ *Донкишотскимъ*? — — —

Еще скажу вамъ, что мнѣ показалась слишкомъ рѣзкою увѣренность, когда вы твердо называете желаніе мое помочь бѣднымъ *студентамъ* безразсуднымъ. Не бѣднымъ студентамъ хочу помогать я, но *бѣднымъ талантамъ*, — не чужимъ, но роднымъ и кровнымъ. Я самъ терпѣлъ и знаю нѣкоторыя тѣ страданія, которыхъ не знаютъ другіе и о которыхъ даже и не догадываются, а потому и помочь не въ состояніи. Несправедливъ также вашъ упрекъ и въ желаніи моемъ помочь тайно, а не явно. Повѣрьте, что дѣлающій добро долженъ соображаться съ тѣмъ, когда оно должно быть явно и когда тайно; а потому и сія тайная помощь бѣднымъ талантамъ основана на посильномъ знаніи моемъ человѣческаго сердца. Талантамъ дается слишкомъ нѣжная, слишкомъ чуткая, тонкая природа; много, много ихъ можно оскорбить грубымъ прикосновеніемъ, какъ нѣжное растеніе, перенесенное съ юга въ суровый климатъ, можетъ погибнуть отъ неумѣлаго съ нимъ обхожденія непріобыкшаго къ нему садовника. Трудно бываетъ таланту, пока онъ молодъ, или еще справедливѣе, пока онъ не вполнѣ Христіанинъ. Иногда и близкій другъ можетъ оскорбить и, оказавъ ему радушную помощь, можетъ потомъ попрекнуть въ неблагодарности, что̀ часто въ свѣтѣ дѣлается, иногда даже безъ строгаго размышленія, а по какимъ-нибудь внѣшнимъ признакамъ. Но когда дающій скрылъ свое имя — значитъ, онъ, вѣрно, не требуетъ никакой благодарности. Такая помощь пріемлется твердо и непоколебимо, и будьте увѣрены, что незримыя и прекрасныя моленья будутъ совершаться въ тишинѣ о душѣ незримаго благотворителя вѣчно, и сладко будетъ получившему даже и при концѣ дней вспо-

мнить о помощи, присланной неизвѣстно откуда. Итакъ оставимте эти строгія взвѣшиванья благодѣтельныхъ дѣлъ нашихъ: мы не судьи. Если судить, то нужно собрать всѣ доказательства. Не тяжело ли будетъ для васъ, если бы я, увидя кого-нибудь изъ вашихъ братьевъ, нуждающагося и сидящаго безъ денегъ, сталъ бы укорять васъ въ томъ, что вы помогаете постороннимъ бѣднымъ, даже изъявляете готовность помочь мнѣ? Свѣтъ вѣдь обыкновенно такъ судитъ. Не будьте же похожи и вы на свѣтъ. Оставимъ эти деньги на то, на что̀ онѣ опредѣлены. Эти деньги *выстраданныя* и *святыя*, и грѣшно ихъ употреблять на что-либо другое. Если бы добрая мать моя знала, съ какими душевными страданіями для ея сына соединилось все это дѣло, то не коснулась бы ея рука ни одной копейки изъ этихъ денегъ; напротивъ, продала бы (что-нибудь) изъ своей собственности и приложила бы отъ себя еще къ нимъ; а потому и вы не касайтесь къ нимъ съ намѣреніемъ употребить на другое дѣло, какъ бы оно вамъ благоразумно ни казалось. Да и что̀ толковать объ этомъ дальше? Обѣтъ, который дается Богу, соединяется всегда съ пожертвованіемъ; ни самъ дающій, ни родные не возстаютъ противъ такого дѣла. А потому я не думаю, чтобы вы, или P Q вооружили бы себя уполномочіемъ разрѣшить меня отъ моего обѣта и взять на свою душу всю отвѣтственность. Итакъ оставимъ въ покоѣ дѣло рѣшенное и конченное. Назначенныя на благое дѣло, въ помощь тѣмъ, которымъ рѣдко помогаютъ, онѣ не пропадутъ. Къ тому же, сами знаете, молодые люди съ дарованіями рѣдко появляются; а потому сумма успѣетъ накопиться, и что̀ бы мнѣ приходилось бездѣлицами въ раздробѣ, то придетъ имъ цѣликомъ и въ значительной суммѣ. Притомъ сами распорядители, подвигнутые бо̀льшимъ рвеніемъ и зная, что жертвуетъ не богачъ, а бѣднякъ, который едва самъ имѣетъ чѣмъ существовать, употребятъ эти деньги такъ хорошо, какъ бы не употребили денегъ богача. Но довольно. Еще разъ прошу, молю и требую именемъ дружбы исполнить мою просьбу: нечестно разглашаемая тайна должна быть возстановлена. PQ пусть пошлетъ двѣ тысячи моей матушкѣ; мы съ нимъ послѣ сочтемся. Всѣ объясненія по этому дѣлу со мной должны быть кончены. Вы также должны отступиться отъ этого дѣла; мнѣ непріятно, что вы въ него вмѣшались.

Все должно́ кончиться между PQ и QP, и кончиться хорошо. Я слишкомъ знаю хорошо то, къ чему могутъ быть способны ихъ души.

О себѣ самомъ, относительно моего душевнаго внутренняго состоянія, не говорилъ я ни съ кѣмъ. Никто изъ нихъ меня не зналъ. По моимъ литературнымъ разговорамъ, всякой былъ увѣренъ, что меня занимаетъ одна только литература и что все прочее ровно не существуетъ для меня на свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Россію, произошла во мнѣ великая перемѣна. Душа заняла меня всего, и я увидѣлъ ясно, что безъ устремленія моей души къ ея лучшему совершенству, не въ силахъ я былъ двинуться ни одной моей способностію, ни одной стороной моего ума во благо и въ пользу моимъ собратіямъ; а безъ этого воспитанія душевнаго, всякій трудъ мой будетъ только временно блестящій, но суетенъ въ существѣ своемъ. Какъ Богъ довелъ меня до этого, какъ воспитывалась незримо отъ всѣхъ душа моя—это извѣстно вполнѣ Богу; объ этомъ не разскажешь; для этого потребовались бы томы, а эти томы всё бы не сказали всего. Скажу только то, что милосердіе Божіе помогло мнѣ въ стремленіи моемъ и что теперь, какимъ я ни есмь, хотя вижу ясно неизмѣримую бездну, отдѣляющую меня отъ совершенства, но вмѣстѣ вижу, что я далеко отъ того, какимъ былъ прежде. Но всего этого, что̀ произошло во мнѣ, не могли узнать мои литературные пріятели. Въ продолженіе странствованія, моего внутренняго душевнаго воспитанія, я сходился и встрѣчался съ другими родственнѣе и ближе, потому что уже душа слышала душу, а потому и знакомство завязывалось прочнѣе прежняго. Доказательство этого вы можете видѣть на себѣ. Вы были знакомы со мной прежде и въ Петербургѣ, и въ другихъ мѣстахъ, но какая разница между тѣмъ знакомствомъ и вторичнымъ въ Ниццѣ! Не кажется ли вамъ самимъ, что мы другъ друга какъ-будто только теперь узнали? Въ послѣднее время у меня произошли такія знакомства, что съ одного-другого разговора уже обоимъ казалось, какъ-будто вѣкъ знали другъ друга; и уже отъ такихъ людей я не слыхалъ упрековъ въ недостаткѣ простоты, или скрытности: все само собой казалось ясно, сама душа выказывалась, сами рѣчи говорились. Если что̀ не обнаруживалось и почиталось ему до времени лучшимъ пребывать въ сокровенности, то уважалась даже и самая

причина такой скрытности, и, съ полнымъ чувствомъ обоюднаго довѣрія другъ къ другу, каждый даже утверждалъ другого хранить то, о чемъ собственной разумъ его и совѣсть считаетъ ненужнымъ говорить до времени, изгоняя великодушно изъ себя даже и тѣнь какого-либо подозрѣнія, или пустого любопытства. Само собою разумѣется, что обо всемъ этомъ не могли знать мои прежніе пріятели. Не мудрено: они всѣ познакомились со мной тогда, когда я былъ инымъ человѣкомъ,—даже и тогда знали меня плохо. Въ пріѣздъ мой въ Россію они встрѣтили меня съ разверстыми объятіями. Всякой изъ нихъ, занятый литературнымъ дѣломъ, кто журналомъ, кто пристрастясь къ одной какой-нибудь любимой идеѣ и встрѣтивъ въ другихъ противниковъ своему мнѣнію, ждалъ меня въ увѣренности, что я раздѣлю его мысли, поддержу, защиту его противъ другихъ, считая это первымъ условіемъ и актомъ дружбы, не подозрѣвая, что требованія были даже безчеловѣчны. Жертвовать мнѣ временемъ и трудами своими для поддержанія ихъ любимыхъ идей было невозможно, потому что я, во-первыхъ, не вполнѣ раздѣлялъ ихъ мысли, — во-вторыхъ, мнѣ нужно было чѣмъ-нибудь поддержать бѣдное свое существованіе, и я не могъ пожертвовать имъ моими статьями, помѣщая ихъ къ нимъ въ журналы, но долженъ былъ ихъ напечатать отдѣльно, какъ новыя и свѣжія, чтобы имѣть доходъ. Всѣ эти бездѣлицы ушли у нихъ и виду, какъ многое уходитъ изъ виду (у) людей, которые не любятъ разбирать въ тонкости обстоятельствъ и положенія другого, а любятъ быстро заключать о человѣкѣ, а потому на всякомъ шагу дѣлаютъ ошибки, — прекрасные душой дѣлаютъ дурныя вещи, великодушные сердцемъ поступаютъ безчеловѣчно, не вѣдая того сами. Холодность мою къ ихъ литературнымъ интересамъ они почли за холодность къ нимъ самимъ, не призадумавшись составили изъ меня эгоиста, которому общее благо не близко, а дорога́ только своя собственная литературная слава. Притомъ каждый изъ нихъ былъ до того увѣренъ въ справедливости своихъ идей, что всякаго съ нимъ несоглашавшагося считалъ не иначе, какъ отступникомъ отъ истины. Предоставляю вамъ самимъ судить, каково было мое положеніе среди такого рода людей! Но врядъ ли вы догадаетесь, какого рода были мои внутренния

страданія. — — Скажу вамъ только, что между моими литературными пріятелями началось что-то въ родѣ ревности: всякой изъ нихъ сталъ подозрѣвать меня, что я промѣнялъ его на другого, и, слыша издали о моихъ новыхъ знакомыхъ и о томъ, что меня стали хвалить люди имъ неизвѣстные, усилилъ еще болѣе свои требованія, основываясь на давности своего знакомства. Я получалъ прекрасныя письма, въ которыхъ каждый выставлялъ впередъ себя и, увѣряя меня въ чистотѣ своихъ отношеній ко мнѣ, порочилъ и почти неблагородно клеветалъ на другихъ, увѣряя, что они меня не знаютъ вовсе, любятъ меня по моимъ сочиненіямъ, а не меня самого [всѣ жъ они до сихъ поръ еще увѣрены, что я люблю всякаго рода ѳиміамъ] и упрекая меня въ то же время такими вещами, обвиняя такими низкими обвиненіями, какія, клянусь, я бы не приписалъ никому, потому что это просто, безумно! Однимъ словомъ, они наконецъ вовсе запутались и сбились со всякаго толку. Каждый изъ нихъ, намѣсто меня, составилъ себѣ свой собственный идеалъ, имъ же сочиненный образъ и характеръ, и сражался съ собственнымъ своимъ сочиненіемъ, въ полной увѣренности, что сражается со мною. Теперь, конечно, все это смѣшно, и я могу сказать: »Дѣти, дѣти! обратитесь по-прежнему къ своему дѣлу.« Но тогда мнѣ невозможно было того сдѣлать. Недоразумѣнія доходили до такихъ оскорбительныхъ подозрѣній, такіе грубые наносились удары и притомъ по такимъ тонкимъ и чувствительнымъ струнамъ, о существѣ которыхъ не могли даже и подозрѣвать наносившіе удары, что изныла и изстрадалась вся моя душа, и мнѣ слишкомъ было трудно, что и оправдаться мнѣ не было возможности, потому что слишкомъ многому мнѣ надобно было вразумлять ихъ, слишкомъ во многомъ мнѣ нужно было раскрывать имъ мою внутреннюю исторію, а при мысли о такомъ трудѣ, и самая мысль моя приходила въ отчаяніе, видя предъ собою безконечныя страницы. Притомъ всякое оправданіе мое было бы имъ въ обвиненіе, а они еще не довольно созрѣли душою и не довольно Христіяне, чтобы выслушать такія обвиненія. Мнѣ оставалось одно— обвинять до времени себя, чтобы какъ-нибудь до времени ихъ успокоить, и, выждавъ время, когда души ихъ будутъ болѣе размягчены, открывать имъ постепенно, исподоволь и понемногу на-

стоящее дѣло. Вотъ легкое понятіе о моихъ соотношеніяхъ съ моими литературными пріятелями, изъ которыхъ вы сами можете вывести и соотношенія мои съ Р Q — — — Я избѣгалъ съ нимъ всякихъ рѣчей о подобныхъ предметахъ, что повергало его въ совершенное недоумѣніе; ибо онъ считаетъ, что я живу и дышу литературою. Я очень хорошо зналъ и чувствовалъ, что онъ терялся обо мнѣ въ догадкахъ и путался въ предположеніяхъ. Онъ мнѣ не давалъ этого замѣтить и изрѣдка, въ разговорахъ съ другими, выражалъ неясно свое неудовольствіе на меня. Мнѣ хотѣлось узнать, въ какомъ состояніи онъ находится теперь относительно себя и меня, и съ этой цѣлью я наконецъ заставилъ его написать откровенное письмо. — — Письмо это мнѣ нужно было, потому что, кромѣ сужденія о мнѣ, показало отчасти его душевное состояніе. Но, при всемъ томъ, я былъ приведенъ въ совершенное недоумѣніе, какъ отвѣчать. — — Я ограничился тѣмъ, чтобъ сдѣлать ему сколько-нибудь яснымъ; что можно ошибиться въ человѣкѣ, что нужно быть смиреннѣе въ разсужденіи узнанія человѣка, не предаваться скорымъ заключеніямъ — — не выводить по нѣкоторымъ поступкамъ, которыхъ даже и причинъ мы не знаемъ. Мнѣ хотѣлось сколько-нибудь возбудить въ немъ состраданіе къ положенію другого, который можетъ сильно страдать тогда, какъ другіе даже и не подозрѣваютъ. — — — Христіянинъ не станетъ такъ отыскивать дружества, стараясь такъ деспотически подчинить своего друга своимъ любимымъ идеямъ и называя его только потому своимъ другомъ, что онъ раздѣляетъ наше мнѣніе и мысли. — — Христосъ не повелѣвалъ намъ быть друзьями, но повелѣвалъ быть братьями. Да и можно ли сравнить гордое дружество, подчиненное законамъ, которые начертываетъ самъ человѣкъ, съ тѣмъ небеснымъ братствомъ, котораго законы начертаны на небесахъ? Тѣ, которыхъ души уже загорѣлись такою любовью, сходятся сами между собою, ничего не требуя другъ отъ друга, никакихъ не произносятъ клятвъ и увѣреній, чувствуя, что связь такая уже вѣчная, что разсердиться они не могутъ, потому что все простится, и трудно бы имъ было выдумать, чѣмъ оскорбить другого. Есть много достойныхъ людей, которые думаютъ, что они Христіяне; но (они) Христіяне только *въ мысляхъ*, но не *въ жизни* и не

въ дѣлѣ; они не внесли еще Христа въ самое сердце своей жизни, во всѣ дѣйствія свои и поступки. Есть также и такіе, которые потому только считаютъ себя Христіянами, что отыскали въ Евангельскихъ истинахъ кое-что такое, что̀ показалось имъ подкрѣпляющимъ любимыя ихъ идеи. А потому вы испробуйте сами РQ, заговорите съ нимъ о такихъ пунктахъ, на которыхъ узнается, какъ далеко ушелъ человѣкъ въ Христіянствѣ, испробуйте его мнѣніе о другихъ Христіянахъ: отзывается ли онъ о нихъ такъ, какъ Христіянинъ; и, если, по словамъ вашимъ, *онъ въ васъ имѣетъ такую же нужду, какъ вы во мнѣ,* то сдѣлайте для него то, что̀ предписываетъ вамъ истинная братская любовь; уврачуйте, что̀ найдете въ болѣзненномъ состояніи; умягчите съ небесною кротостью, что̀ зачерствѣло. Не показывайте (моихъ писемъ) ни ему, никому. Повѣрьте, что они будутъ чужды для всякаго, ибо писаны на языкѣ того, къ кому относятся. — — —

Сужденія (ваши) кромѣ того, что не въ-попадъ, — они лишены силы сердечнаго убѣжденія; въ нихъ отсутствіе того, что̀ можетъ тронуть душу. Прежде нежели писать, помолитесь Богу, чтобы Онъ вамъ далъ слово убѣжденія, взгляните также на самихъ себя; имѣйте для этого на столѣ духовное зеркало, т. е. какую-нибудь духовную книгу, въ которую можетъ смотрѣться душа ваша. Всѣ мы вообще слишкомъ привыкли къ рѣзкости и мало глядимъ на себя въ то время, когда даемъ другому упреки. Очень чувствую, что и я говорю вамъ въ этомъ письмѣ, можетъ быть, слишкомъ дерзко и самоувѣренно. Такова природа человѣческая; повсюду перельетъ и все доведетъ до излишества; даже, защищая самое святое, она покажетъ въ словахъ своихъ увлеченіе человѣческое, стало быть, низкое и недостойное предмета. Другъ мой добрый, будемъ смиренны въ упрекахъ относительно другихъ, но не относительно насъ съ вами: мы люди свои...

Къ С. Т. Аксакову.

Франкфуртъ. Декабря 21 (1844).

Наконецъ я получилъ отъ васъ письмо, добрый другъ мой. Между многими причинами вашего молчанія, съ которыми почти

со всѣми я согласенъ, зная самъ, какъ трудно вдругъ заговорить, когда не знаешь даже, съ котораго конца прежде начать, одна мнѣ показалась такою, которую я бы никакъ не допустилъ въ дѣло и никакъ бы не уважилъ, именно — что состояніе грустное души уже потому не должно быть передаваемо, что можетъ возмутить спокойствіе отсутствующаго друга. Но для чего же тогда и другъ? Онъ именно и дается намъ для трудныхъ минутъ, а въ минуты веселыя и всякой человѣкъ можетъ быть для насъ хорошъ. Богъ вѣсть, можетъ быть, именно въ такія минуты я бы и пригодился. Что я написалъ глуповатое письмо, это ничего не значитъ: письмо было писано въ сырую погоду, когда я и самъ былъ въ состояніи полухандры, въ сѣромъ расположеніи духа, что̀, какъ извѣстно, еще глупѣе чернаго, и когда мнѣ показалось, что и вы тоже находитесь въ состояніи полухандры. Желая ободрить и васъ и съ тѣмъ вмѣстѣ и себя, я попалъ въ фальшивую ноту, взялъ невѣрно и замѣтилъ это уже по отправленіи письма. Впрочемъ, вы не смущайтесь, если бъ даже и 10 получили глуповатыхъ писемъ [на такія письма человѣкъ, какъ извѣстно, всегда гораздъ]: иногда между ними попадется и умное. Да и глупыя письма, даромъ, что они глупы, а ихъ иногда бываетъ полезно прочесть и другой, и третій разъ, чтобы видѣть, какимъ образомъ человѣкъ, хотѣвши сдѣлать умную вещь, сдѣлалъ глупость. А потому о вашихъ грустныхъ минутахъ вы прежде всего мнѣ говорите, ставьте ихъ всегда впередъ всякихъ другихъ новостей и помните только, что никакъ нельзя сказать впередъ, чтобы такой-то человѣкъ не могъ сказать утѣшительнаго слова, хотя бы онъ былъ и вовсе не умный. Много уже значитъ хотѣть сказать утѣшительное слово, и если съ подобнымъ искреннимъ желаніемъ сердца придетъ и глуповатый къ страждущему, то ему стоитъ только разинуть ротъ, а помогаетъ уже Богъ и превращаетъ тутъ же слово безсильное въ сильное.

Вы меня извѣстили вдругъ о разныхъ утратахъ. Прежде утраты меня поражали больше; теперь, слава Богу, меньше: вопервыхъ, потому, что я вижу со дня на день яснѣе, что смерть не можетъ отъ насъ оторвать человѣка, котораго мы любили, а вовторыхъ потому, что некогда и грустить: жизнь такъ коротка,

работы вокругъ такъ много, что дай Богъ поскорѣй запастись сколько-нибудь тѣмъ въ этой жизни, безъ чего нельзя явиться въ будущую. А потому поблагодаримъ покойниковъ за жизнь и за добрый примѣръ, намъ данный, помолимся о нихъ и скажемъ Богу за все спасибо, а сами за дѣло. Извѣстіемъ о смерти Ел. В. П***ой я опечалился только въ началѣ, но потомъ возсвѣтлѣлъ духомъ, когда узналъ, что П*** перенесъ великодушно и твердо, какъ Христіянинъ, такую утрату. Такой подвигъ есть краса человѣческихъ подвиговъ, и Богъ, вѣрно, наградилъ его за это такими высокими благами, какія рѣдко удается вкушать на землѣ человѣку.

Обратимся же отъ П****, который подалъ намъ всѣмъ такой прекрасный примѣръ, и къ прочимъ живущимъ. Вы меня очень порадовали благопріятными извѣстіями о вашихъ сыновьяхъ. Они всѣ люди, созданные на дѣло, и принесутъ очень много добра, если при умѣ и при всѣхъ данныхъ имъ большихъ способностяхъ, будутъ *смѣтливы*, то есть, если заблаговременно и пораньше будутъ умѣть смѣкнуть то, что̀ слѣдуетъ смѣкнуть. Если Конст. Серг. смѣкнетъ, что диссертацію, вмѣсто того, чтобы переписывать на-бѣло, слѣдуетъ, просто, положить подъ спудъ на нѣсколько лѣтъ, а, вмѣсто ея, заняться другимъ; если онъ смѣкнетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что тотъ совѣтъ, въ которомъ сходятся люди даже различныхъ свойствъ и мнѣній, есть уже совѣтъ Божій, а не людской, и, стало быть, его нужно послушаться. Ему всѣ до единаго, начиная отъ Погодина до меня, говорили, чтобы занялся дѣломъ филологическимъ, для котораго Богъ его наградилъ великими и очевидными для всѣхъ способностями. Онъ одинъ можетъ совершить у насъ словарь Русскаго языка, такой, какого не совершитъ ни одна академія со всѣми своими членами; но этого онъ, пока, не смѣкаетъ. — — Еще Конст. Серг. не смѣкаетъ, что въ эту пору лѣтъ, въ какой онъ (находится), не слѣдуетъ вовсе заботиться о логической послѣдовательности всякаго рода развитій. Для это(го) нужно быть или вовсе старику, или вовсе Нѣмцу, у котораго бы въ жилахъ текла картофельная кровь, а не та горячая и живая, какая у Русскаго человѣка. — — Если Конст. Серг. сколько-нибудь вѣритъ тому, что я могу иногда слышать природу человѣка

и знаю сколько-нибудь законъ состояній, переходовъ, перемѣнъ и движеній въ душѣ человѣческой, какъ наблюдавшій пристально даже за своей собственной душою, что̀ вообще рѣдко дѣлается другими, то да послѣдуетъ онъ хотя разъ моему совѣту, и именно слѣдующему: не думать два-три года о полнотѣ, цѣлости и постепенномъ логическомъ развитіи идей въ статьяхъ своихъ больших, какія случится писать ему. Повѣрьте, это не дается въ такіе годы и въ такой порѣ душевнаго состоянія. У него отразится повсюду только одно неясное стремленіе къ нимъ, а ихъ самихъ не будетъ.

Живой ему примѣръ я. Я старѣе годами, умѣю болѣе себя обуздывать, а при всемъ — сколько я натворилъ глупостей въ моихъ сочиненіяхъ, именно стремясь къ той полнотѣ, которой во мнѣ самомъ еще не было, хотя мнѣ и казалось, что я очень уже созрѣлъ; и надъ многими мѣстами въ моихъ сочиненіяхъ, которыя даже были похвалены одними, другіе очень справедливо посмѣялись. Тамъ есть очень много того, что̀ похоже на короткую ногу въ большомъ сапогѣ; а всего смѣшнѣе въ нихъ претензія на то, чего въ нихъ, покамѣстъ, нѣтъ.

Итакъ да прислушается Конст. Серг. къ моему совѣту. Это не совѣтъ, а скорѣе братское увѣщаніе человѣка, уже искусившагося и который хотѣлъ бы сколько-нибудь помочь своею собственною бѣдою, обративъ ее не въ бѣду, а въ пользу другому. Теперь »Москвитянинъ«, какъ я слышалъ, перешелъ (къ) Ив. Вас. Кир(ѣевскому). Вѣроятно, это возбудитъ во многихъ рвеніе къ трудамъ. Конст. Серг. можетъ множество приготовить прекрасныхъ филологическихъ статей. Онѣ будутъ интересны для всѣхъ. Это я могу сказать впередъ, потому что я самъ слушалъ съ большимъ удовольствіемъ, когда онъ изъяснялъ мнѣ производство многихъ словъ. Но нужно, чтобы онѣ писаны были слишкомъ просто и въ такомъ же порядкѣ, какъ у него выходили изустно въ разговорѣ, безъ всякой мысли о томъ, чтобы дать имъ цѣлость и полноту. То и другое выльется само собою гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ тогда, если бы онъ о нихъ думалъ. Онъ долженъ только заботиться о томъ, чтобы статья была какъ можно короче. Русской умъ не любитъ, когда ему изъясняютъ что-нибудь слишкомъ долго. Статья его, чѣмъ

короче и сжатѣй, тѣмъ будетъ занимательнѣй. Не брать въ началѣ большихъ филологическихъ вопросовъ, то есть, такихъ, въ которыхъ бы было развѣтвленіе на многіе другіе, но раздробить ихъ на отдѣльные вопросы, которые бы имѣли въ себѣ нераздѣляемую цѣлость, и заняться каждымъ отдѣльно, взявъ его въ предметъ статьи; словомъ, какъ дѣлалъ Пушкинъ, который, нарѣзавши изъ бумаги ярлыковъ, писалъ на каждомъ по заглавію, о чемъ когда-либо потомъ ему хотѣлось припомнить. На одномъ писалъ: *Русская изба*, на другомъ: *Державинъ*, на третьемъ имя тоже какого-нибудь замѣчательнаго предмета, и такъ далѣе. Всѣ эти ярлыки накладывалъ онъ цѣлою кучею въ вазу, которая стояла на его рабочемъ столѣ, и потомъ, когда случалось ему свободное время, онъ вынималъ на удачу первый билетъ; при имени, на немъ написанномъ, онъ вспоминалъ вдругъ все, что у него соединялось въ памяти съ этимъ именемъ, и записывалъ о немъ тутъ же, на томъ же билетѣ, все, что зналъ. Изъ этого составились тѣ статьи, которыя напечатались потомъ въ посмертномъ изданіи его сочиненій и которыя такъ интересны именно тѣмъ, что всякая мысль его тамъ осталась живьемъ, какъ вышла изъ головы. [Изъ этихъ записокъ многія, еще интереснѣйшія, не напечатаны потому, что относились къ современнымъ лицамъ.] Такимъ образомъ и Конст. Серг. да напишетъ себѣ на бумажкѣ всякое Русское замѣчательное слово и потомъ тутъ же кратко и ясно его производство, и отдастъ ее Ив. В. Ки(рѣевскому). Журналистъ будетъ доволенъ; публика возбудится любопытствомъ къ предмету, для нея новому и незнакомому; а Конст. Серг. покажетъ наконецъ себя и скажетъ мнѣ за это спасибо; ибо, какъ ни смотрю, приходилось мнѣ, а не кому-либо другому, натолкнуть его на дѣло. — — —

За симъ да будетъ это письмо вамъ поздравленіемъ на новый годъ, который стоитъ уже передъ нами, — вамъ, вмѣстѣ съ любезною вашею супругой, въ сопровожденіи желанія искренняго имѣть полное утѣшеніе отъ вашихъ дѣтокъ, а сыновьямъ вашимъ [ибо женской полъ не наше дѣло] тоже поздравленье, съ желаньемъ, искреннимъ доставить вамъ это полное утѣшеніе; ибо письмо собственно для нихъ было писано. А всѣмъ вмѣстѣ желаю искренно—

приносить на всякомъ мѣстѣ бытія пользу, побольше узнавать, распрашивать и входить всѣмъ въ положеніе всякаго страждущаго, и помогать ему утѣшительнымъ словомъ и совѣтомъ [деньги же есть мертвая помощь, и помочь ими еще немного значитъ: онѣ почти всегда играютъ ту же роль, что жидкость, ліемая въ бездонную бочку.]

За тѣмъ скажу аминь и попрошу васъ узнать: во-первыхъ, отъ Кирѣев(скаго) Ив. В., получилъ онъ отъ Жуковск(аго) стихотворную) повѣсть, которую тотъ послалъ, два дни тому назадъ, на имя Б****, вмѣстѣ съ больш(имъ) письмомъ Авд(отьѣ) Петр. объ »Одиссеѣ«? во-вторыхъ, получилъ ли Шевыревъ мое письмо отъ 14 декабр(я), въ которомъ, между прочимъ, небольшое улучшеніе относительно дѣлъ по книгѣ и ея продажѣ, о чемъ онъ долженъ вамъ сообщить? въ-третьихъ, получилъ ли письмо Языковъ, въ отвѣтъ на присланную мнѣ отъ кн. Вяз(емскаго) книжечку его стихотвореній? въ-четвертыхъ, получилъ ли Погодинъ письмо, отправленное въ одно время съ вашимъ, хотя и написанное прежде [вамъ слѣдуетъ съ нимъ видѣться почаще: вы можете быть ему полезны во многомъ вашей бесѣдою]? въ-пятыхъ, что дѣлаетъ мною постыднѣйшимъ образомъ обруганный и неисправнѣйшій изъ всѣхъ доселѣ существовавшихъ смертныхъ, Михаилъ Семеновичъ? которыхъ всѣхъ, при этой вѣрной оказіи, поздравьте отъ всей моей души съ новымъ годомъ.

Напишите мнѣ все о Погодинѣ: какъ идетъ теперь его жизнь, каково его состояніе души и вообще каковы его перемѣны во всемъ.

Къ N F.

24 Декабря. (1844).

Оба ваши письма, такъ же близкія душѣ моей, какъ и вы сами, получилъ. Что я пишу не такъ часто, какъ бы самъ того желалъ и хотѣлъ, на это не пѣняйте; я же и не обѣщалъ этого. Мнѣ чѣмъ дальше, тѣмъ больше набирается работы, и время до того занято, что и схандрить даже некогда. Самыхъ нужныхъ вещей не успѣваю сдѣлать, а вы мнѣ еще и С*** приплетаете. Безъ васъ онъ, вѣрно,

бы, не написалъ мнѣ письма. Въ письмѣ ничего, а отвѣчать и благодарить, въ слѣдствіе какого-то глупаго приличія, слѣдуетъ. Другъ и душа моя, вы много заботитесь о томъ, чѣмъ слѣдуетъ менѣе заботиться. С*** человѣкъ умной. Ему нужны, покамѣстъ, трудъ, работа и совершенное отсутствіе празднаго времени. Онъ себѣ пойдетъ слѣдуемымъ ему путемъ, на который натолкнутъ его его же собственныя способности и силы, которыя онъ узнáетъ и испробуетъ самъ на трудѣ же и на занятіяхъ, и такимъ только путемъ онъ доберется до тѣхъ результатовъ, которые вы представляете ему впередъ. Вы вспомните, что вы сами добрались до этого трудами и большими внутренними потрясеніями. Безъ труда намъ ничто не дается. Одинъ доходитъ до этого душевными внутренними страданіями, другой труженической работою и страданьями ума, третій доводится до того же самого страшнымъ бичомъ несчастій. И Благословенъ Богъ, ведущій всѣхъ такими разными путями! Намъ слѣдуетъ, пока, глядѣть на тѣхъ, которымъ нужнѣй наша помощь; склоняйтесь болѣе къ тѣмъ, которыхъ видимо гибнемъ душа. Молитесь Богу больше о нихъ и просите Бога научить васъ быть полезнымъ прежде имъ. Гдѣ тяжелѣй болѣзнь и гдѣ больше страданій, туда прежде всего долженъ спѣшить врачъ. С***, между прочимъ, пишетъ, что я сдѣлалъ ему даже добро, не вѣдая того самъ. Это не такъ: я вѣдаю вообще снаровку молодыхъ людей и знаю, какъ это дѣлается. Они сначала вообразятъ себѣ, что такой-то человѣкъ, который, напримѣръ, подобно мнѣ, прихвастнулъ нѣсколько Донкишотской замашкой благородства духа въ печатной книгѣ, есть уже что-то въ родѣ всеобщаго благодѣтеля, а потомъ вообразятъ себѣ, что они облагодѣтельствованы этимъ всеобщимъ благодѣтелемъ. А, на повѣрку, все это существуетъ, просто, въ воображеніи, иногда въ собственномъ великодушномъ порывѣ, словомъ — въ *мысли*, а не *дѣлѣ*. С*** вы дайте знать вотъ чтò. Если онъ точно чего-нибудь ищетъ отъ меня и думаетъ, что я могу быть ему чѣмъ-нибудь полезнымъ, то ему слѣдуетъ рѣшиться на то, на чтò свѣтскій человѣкъ обыкновенно не рѣшится: писать ко мнѣ письма и не ждать на нихъ отвѣтовъ. Въ письмахъ долженъ быть почти дневникъ мыслей, чувствъ и ощущеній, живое понятіе о всѣхъ людяхъ, съ которыми ему случится встрѣтиться, мнѣнія о нихъ

свои и мнѣнія другихъ о нихъ и, наконецъ, случаи и истычки съ ними. Словомъ, чтобы я *слышалъ самую жизнь.* Безъ этого я, просто, глупъ и не гожусь ни на что. Вы сами знаете, что я до тѣхъ поръ, пока не узнаю дѣла даже въ тѣхъ подробностяхъ и оттѣнкахъ, которые въ глазахъ другихъ считаются неважными и посторонними, не возьмусь ни за какое дѣло: таковъ уже у меня умъ. А потому, если онъ будетъ имѣть терпѣніе писать ко мнѣ такимъ образомъ въ продолженіе цѣлаго года, не ожидая отвѣта ни на одно изъ писемъ, то по окончаніи года я, можетъ быть, напишу ему для него точно полезное письмо. И послѣ этого письма мы придемъ уже оба въ состояніе быть *полезными другъ другу.* А иначе всякая переписка будетъ стрѣльба холостыми зарядами; произойдутъ куриныя дѣла и куриныя умствованія. Мнѣ этого нельзя ему сказать въ письмѣ, въ которомъ слѣдуетъ только поблагодарить за комплименты; а вы ему изъяснить это можете.

А вамъ, мой другъ, сдѣлаю упрекъ въ пристрастіи, которое у васъ очень сильно ко всему и ко всѣмъ, а въ томъ числѣ, разумѣется, и ко мнѣ. Пристрастіе такъ и торчитъ, такъ и выглядываетъ изъ разныхъ угликовъ вашего письма. Вами обладаетъ во всей его силѣ то свойство, которое почти всегда бываетъ у лучшихъ женщинъ: необыкновенный инстинктъ узнавать съ перваго взгляда человѣка и, замѣтивъ въ немъ нѣсколько хорошихъ качествъ, увлекаться имъ до того, что уже не замѣчать ничего въ немъ дурного и позабыть вдругъ всѣ тѣ наблюденія, которыя имъ доставилъ почти никогда необманывающій ихъ инстинктъ. Это у васъ есть въ изрядномъ количествѣ. Это я вамъ говорилъ всегда, и потому вы за собою караульте. Когда вы замѣтите сами въ себѣ, что вы слишкомъ кого-нибудь, или что-нибудь любите, постарайтесь отдѣлить хотя маленькую частичку отъ этой любви и отдать ее тому, котораго вы не любите. Можетъ быть, такимъ образомъ возстановится въ васъ желанное равновѣсіе.

Что же касается до дѣлъ относительно ND, то, мнѣ кажется, вы берете, пока, еще все это свысока. Никакихъ изъясненій, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ. Изъясненіями вы не изъясните, а его собьете съ толку. Онъ поставленъ будетъ въ недоумѣнье, пойдутъ взаимныя недоразумѣнья, и ничего изъ этого не выйдетъ. Будьте

тверды — вотъ для васъ самихъ и все! А если хотите на него подѣйствовать и быть точно ему полезной и даже благодѣтельной, то вы можете это сдѣлать. Повѣрьте, съ нимъ не такъ трудно, какъ вы думаете, и, если вы послѣдуете моему совѣту, то увидите, что я не безъ причины вамъ это сказалъ. Старайтесь, чтобы у васъ свиданья были въ одно и то же время и никакъ не болѣе вами же назначеннаго времени; чтобы бесѣда и разговоръ въ это время всегда былъ бы у васъ о дѣлѣ, а не о чемъ другомъ, чтобы и ротъ не раскрывался безъ дѣла. Вы должны его расспрашивать хорошенько сначала о томъ, что̀ интересно, покамѣстъ, для него, а не для васъ. Распросите его обстоятельно о слѣдствіи, на которое онъ былъ посыланъ, какъ все это и какимъ образомъ происходило. Тутъ вы увидите, гдѣ онъ хорошо поступилъ и гдѣ дурно. Сначала понемногу; вы даже сами увидите, въ чемъ и какъ можете дать ему совѣтъ. Вы умны, и если хорошенько войдете въ его должность, во всѣ обстоятельства, сопряженныя съ его должностью и вообще его окружающія въ свѣтѣ, то найдете со временемъ, какъ его напутствовать и помочь совершить ему даже съ достоинствомъ, какъ говорятъ въ свѣтѣ, свою карьеру. Онъ привыкнетъ во всякомъ сколько-нибудь затруднительномъ и должностномъ дѣлѣ совѣщаться съ вами и чрезъ то, само собою разумѣется, поступитъ умно; а вы будете имѣть случай [познакомясь прежде со всѣми обстоятельствами] поучить умно. Словомъ, чтобы бесѣда и разговоръ вашъ былъ съ его стороны одно чистое донесеніе о дѣлѣ, а съ вашей стороны въ началѣ терпѣливое выслушиваніе и распрашиваніе, а потомъ замѣчанія и совѣты. Если должностная часть будетъ маловажна, вы можете дать ему хозяйственную часть. Способности его, даже торопливыя, непокойныя, могутъ имѣть свою выгоду, если поворотить ихъ къ такой сторонѣ дѣла, которою онѣ могутъ доставить выгоду. Притомъ человѣкъ необыкновенно измѣняется съ тѣхъ поръ, когда начинаешь имѣть на него твердое и постоянное вліяніе и не откажишься войти въ его жизнь. Но помните разъ навсегда, что человѣкъ правится и совершенствуется только на *дѣлѣ* и что, если хотите, чтобы истины высокія и Христіанскія, которыя вы скажете, со временемъ были приняты и поселились не на шутку, то задайте ему прежде *дѣло*, которое бы заняло его всего;

а не то — это значитъ поѣхать *не по дорогѣ*, а по рвамъ, по кочкамъ, перелогамъ. Конечно всячески и повсюду, и по чемъ бы ни поѣхалъ, можно достигнуть Христа; но посудите сами, какого нужно терпѣнія, характера и воли, чтобы отважиться ѣхать не по дорогѣ, а по рвамъ, кочкамъ, болотамъ, однимъ словомъ — безъ дороги! А вѣдь вы почти этого требуете отъ многихъ и еще удивляетесь, что люди такъ глухи къ словамъ высокихъ истинъ. Вы говорите иногда такія вещи, что бѣдный слушающій васъ, даже умный и добрый, слыша, что слова ваши сущая истина, не знаетъ и не находитъ въ себѣ ни силъ, ни средствъ, какъ ихъ къ себѣ примѣнить, какъ ихъ себѣ усвоить. Итакъ, если хотите кого вести, то ведите его *по дорогѣ*, да притомъ по той дорогѣ, для которой даны ему уже заключенныя въ немъ способности: это будетъ его *прямая дорога*, по которой онъ долженъ идти ко Христу; всякою же другою ему будетъ труднѣе и несравненно дальше. Ставши на дѣлѣ, человѣкъ стоитъ на землѣ. Только на землѣ можно сѣять сѣмена; а если онъ самъ на воздухѣ, то и сѣмена, которыя пожелаете сѣять, будутъ бросаемы на воздухъ. Итакъ всякаго человѣка, на котораго вы захотѣли бы подѣйствовать благодѣтельно, узнайте *въ дѣлахъ его*, возбудите въ немъ прежде охоту къ тому дѣлу, которое болѣе всего по его способностямъ и силамъ, и думайте сначала только о томъ, чтобы онъ въ этомъ дѣлѣ, а не въ другихъ пустыхъ и ежедневныхъ дѣлахъ, соображался съ закономъ Христа. Дѣло всё-таки будетъ гораздо болѣе наполнять его собою, чѣмъ пустяки; стало быть, и Христосъ будетъ наполнять его понемногу гораздо болѣе, чѣмъ всякіе пустяки. Но и здѣсь вы не говорите ему, чтобы онъ шелъ ко Христу, или соображался бы съ законами Христа. Онъ васъ не пойметъ и выпучитъ глаза, не постигая, какъ можетъ дѣло прозаическое связаться съ Христомъ, — дѣло, каково, напримѣръ, повѣрка счетовъ, возня съ чиновниками, уборка хлѣба, или сочиненія всякаго рода сочиненій во всякихъ родахъ. Вы сначала не произносите и имени Христа, возбудите прежде въ немъ находящіяся подстрекающія его орудія, какъ-то: честолюбіе и проч., которыя огадилъ человѣкъ и поворотилъ въ дурное, кольните и шпигуйте его сначала ими, а Христа лучше сначала получше заключите въ самихъ себѣ и за-

ключите Его такъ, чтобъ Онъ отразился во всякомъ вашимъ дѣйствіи, мнѣніи, поступкѣ и даже малѣйшемъ движеніи. И, повѣрьте тогда изъ устъ вашихъ будетъ исходить одинъ чистый разумъ, и воодушевленныя внутренно Имъ, т. е. самимъ Христомъ, вы дадите самый умный и самый полезный совѣтъ. И тогда, не произнося даже имени Его предъ тѣми, которые не въ силахъ понять Его, вы заставите ихъ понемногу изумляться болѣе и болѣе великой правдѣ вашихъ совѣтовъ, и наконецъ, когда придутъ въ силы узнать, откуда и отъ кого пришли къ вамъ эти совѣты, падутъ, можетъ быть, *сами* въ умиленіи и въ ужасѣ на колѣни, и, въ порывѣ благодарныхъ слезъ, не найдутъ, можетъ быть, ни словъ, ни моленій, какъ возблагодарить Бога за то, что ниспосланъ къ нимъ васъ. Вотъ вамъ все, что я объ этомъ предметѣ нашелъ теперь нужнымъ сказать. А потому вы перечтите все это со вниманіемъ, обо всемъ этомъ подумайте, потомъ помолитесь Богу и попросите у Него вразумленья во всемъ, и перечитайте еще разъ.

Я душевно порадовался вашему благодатному состоянію души, которое къ вамъ теперь приходитъ; но, другъ мой, помните, что это не болѣе, какъ знаки небесной милости Божіей. Они даются намъ вовсе не за заслуги, но единственно для того, чтобы ободрить насъ на пути нашего стремленья къ Нему. Это дѣлается Имъ изъ одной только небесной любви къ намъ, исполненной такимъ великимъ снисхожденіемъ; и потому храни васъ Богъ слишкомъ упояться такими минутами. Въ такія минуты вы должны сильнѣй чувствовать свое недостоинство и приниматься живѣй за труды и подвиги, чтобы быть посредствомъ ихъ хотя сколько-нибудь достойными такой благодати. Если жъ вы почувствуете въ себѣ поползновеніе этимъ вознестись и возгордиться, то вспомните, только то, что вы завтра же можете впасть въ уныніе, въ хандру и увидѣть во всемъ ничтожествѣ свое безсиліе и малодушіе. По этому-то всѣ минуты унынія и какъ-бы Божьяго оставленія насъ даются намъ съ неизреченно мудрымъ умысломъ, именно для того, чтобы мы и на минуту не отдалились отъ Бога и чтобы узнали, какъ страшно быть безъ Него. А потому, во всѣ минуты вашего унынія и глупыхъ состояній духа, вы записывайте такое состоянье; пусть, какъ въ зеркалѣ, останется тамъ все малодушіе и

все ваше ничтожество, такъ чтобы потомъ, когда вы почувствуете, что слишкомъ заноситесь минутами благоволенія Божія, или лучше сказать — Его небеснаго снисхожденія, могли бы себѣ же показать это зеркало и увидѣть въ себѣ всю свою презрѣнность, и подивиться въ то же время всей неизмѣримости и безконечности Божіей любви.

Очень можетъ быть — и даже это неминуемо должно̀ быть — что вы будете ощущать еще высшія состоянія благодати. Но и тогда храни васъ Богъ думать, что они вамъ посылаются за ваши достоинства! Старайтесь въ такія минуты усилить дѣятельность своихъ подвиговъ и какъ добрый поденьщикъ, не оставляйте и на мигъ своей работы до самого захода солнца и не приклоняйте уха на то, если бы кто сталъ хвалить вашу работу, или говорить, что вы уже сдѣлали болѣе, чѣмъ другіе. Это одинъ Богъ можетъ рѣшить, кто болѣе сдѣлалъ. Тотъ, кто въ глазахъ людей много сдѣлалъ, можетъ быть, еще не сдѣлалъ и десятой доли того, что̀ назначено Богомъ ему сдѣлать, и онъ можетъ подвергнуться строжайшему суду, чѣмъ тотъ, кто сдѣлалъ меньше его, получивъ меньше и способностей. Вспомните одно то, что мы не только не употребляемъ въ дѣло всѣхъ данныхъ намъ способностей, но даже и не доискиваемся, какія у насъ есть способности и какія именно намъ даны. Итакъ все это да предохранитъ васъ отъ всякой гордости. Не упояйтесь также удачею и успѣхомъ, но лучше, при всякой неудачѣ, представляйте себѣ живѣй свое слабосиліе, какъ далеки вы еще въ наукѣ помогать и дѣлать добро, какъ еще мало вразумлены свѣтомъ Божьяго разума, какъ еще вамъ доселѣ кажется невозможнымъ то, что̀ уже возможно преуспѣвшему въ подвигахъ любви и благодушія. Соображая все это и представляя это безпрестанно предъ глаза свои, вы и не просите даже у Бога небесныхъ наслажденій духа, но просите только силъ быть достойнымъ ихъ, просите только дать возможность произвести больше подвиговъ и съ тѣмъ вмѣстѣ просите только о томъ, чтобы онъ не награждалъ насъ за нихъ въ этой жизни, или лучше — пусть только показываетъ намъ здѣсь одно слабое мерцаніе наградъ Своихъ, а не самыя награды, потому что и малѣйшей части ихъ не вынесетъ наше бреное тѣло. И не даромъ Д. восклицалъ

не одинъ разъ: *Боже, ослаби ми волны Твоея благодати!..* Но объ этомъ довольно.

Зачѣмъ вы не пишете мнѣ ничего о происшествіяхъ Петербургскаго общества и даже ничего о нашихъ знакомыхъ и пріятеляхъ? Почему вы думаете, что это можетъ смутить и огорчить меня и что, вмѣсто всякаго вѣдѣнья о томъ, гдѣ дѣлается, будетъ полезнѣй моя молитва обо всемъ, что ни дѣлается? Но вѣдь нужно также знать и то, о чемъ слѣдуетъ молиться. Я не прошу отъ васъ какихъ-нибудь сокровенныхъ исторій и секретовъ. Мнѣ хочется только знать, какого рода вообще духъ общества и въ какомъ состояніи его испорченность, и чѣмъ оно болѣетъ, какого рода люди теперь наиболѣе его наполняютъ, какіе классы преимуществуютъ и какія мнѣнія торжествуютъ, какого рода развратъ наиболѣе въ ходу. Объ этомъ всемъ вы можете мнѣ такимъ образомъ сказать, что не только не обидится ни чья личность, но даже слова ваши могутъ сейчасъ быть напечатаны въ какомъ хотите нашемъ журналѣ. Вамъ, другъ мой, я наиболѣе теперь совѣтую не пренебрегать никакъ обществомъ. Вамъ Богъ далъ одно рѣдкое качество, которое до сихъ поръ вы не употребили въ дѣло — искусство разузнавать и выспрашивать. Богомъ ничего не дается даромъ. Узнавайте, распрашивайте и развѣдывайте все, но не предавайтесь ни негодованью, ни унынію, ни пристрастію [котораго у васъ много и которое все преувеличиваетъ въ вашихъ глазахъ], словомъ — не гнушайтесь свѣтомъ. Вѣдь вы же входите въ больницу, и какъ ни гадки тамъ болѣзни, какъ ни отвратительны раны и какъ ни болѣзнены вопли больныхъ, но васъ это не устрашаетъ, потому что вы подвинуты истиннымъ и Христіянскимъ состраданіемъ. Входите же съ такимъ самимъ чувствомъ и въ свѣтъ, и вы тамъ тоже много со временемъ можете сдѣлать добра. Но прежде всего терпѣнье! Въ началѣ разузнавайте, и ничего болѣе. Хотя бы вамъ показалось, что вы уже можете кое-что сдѣлать, не дѣлайте, пока не разузнаете еще больше и еще лучше. Никакой искусной и геніальный врачь не возьмется лечить болѣзнь до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ весь ходъ ея и всѣ излучины сопровождавшихъ ея обстоятельствъ. Почему нѣтъ? можетъ быть, и я вамъ буду потомъ въ возможности помочь. А пока, увѣдомьте

меня, что̀ дѣлаютъ наши пріятели и общіе знакомые. Что̀ дѣлается у К**** и какой сортъ людей тамъ бываетъ? Не пренебрегайте слишкомъ нынѣшнею поверхностною пустотою людей; не спѣшите еще по нѣкоторымъ признакамъ выводитъ общія заключенія о душѣ человѣка; давайте мнѣ, покамѣстъ, самые признаки. Но и объ этомъ довольно.

Скажу вамъ одно слово на-счетъ того, какая у меня душа, Хохлацкая, или Русская, потому что это, какъ я вижу изъ письма вашего, служило одно время предметомъ вашихъ разсужденій и споровъ съ другими. На это вамъ скажу, что я самъ не знаю, какая у меня душа, Хохлацкая, или Русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни Малороссіянину передъ Русскимъ, ни Русскому предъ Малороссіяниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ и какъ нарочно каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой: явный знакъ, что онѣ должны пополнить одна другую. Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго быта даны имъ непохожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ, слившись воедино, составить собою нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ. На сочиненіяхъ же моихъ не основывайтесь и не выводите оттуда никакихъ заключеній о мнѣ самомъ. Они всѣ писаны давно, во времена глупой молодости, пользуются, пока, незаслуженными похвалами и даже не совсѣмъ заслуженными порицаньями, и въ нихъ виденъ, покамѣстъ, писатель, еще неутвердившійся ни на чемъ твердомъ. Въ нихъ точно есть кое-гдѣ хвостики душевнаго состоянія моего тогдашняго, но, безъ моего собственнаго признанія, ихъ никто и не замѣтитъ, и не увидитъ.

Жаль, что вы не прочитали, между прочимъ, письма П***. Онъ тоже далъ изряднаго маху, основавшись, какъ кажется, на моихъ сочиненіяхъ. Онъ думалъ, что можно, не взявши въ руки небеснаго свѣтильника, опуститься въ темную глубину души человѣческой и узнать, что̀ такое человѣкъ, — и очутился въ потемкахъ. Я написалъ ему отвѣтъ, не какой-либо оправдательный, или надоумительный и поучающій, а заключающійся единственно только въ томъ, что всѣ мы нѣсколько поспѣшны въ заключеніяхъ о человѣкѣ и чрезъ это самое не узнаёмъ его, что слишкомъ рано

убѣждаемся, будто его узнали. Вы, не спрашивая его о самомъ письмѣ, спросите только, получилъ ли онъ его.

Такъ какъ вы уже нѣсколько разъ напоминаете мнѣ о деньгахъ, то я рѣшаюсь наконецъ попросить у васъ. Если вамъ такъ пріятно обязать меня и помочь мнѣ, то я прибѣгну къ займу ихъ у васъ. Мнѣ нужно будетъ отъ трехъ до шести тысячъ въ будущемъ году. Если можете, то пришлите на три вексель во Франкфуртъ, или на имя банкира Бетмана, или къ Жуковскому и ко мнѣ. А другія три тысячи въ концѣ 1845 года. А можетъ быть, я обойдусь тогда и безъ нихъ, если какъ-нибудь изворочусь иначе. Но знайте, что раньше двухъ лѣтъ врядъ ли я вамъ отдамъ ихъ назадъ. Объ этомъ не сказывайте никому, особенно П***. Онъ мнѣ предлагалъ въ письмѣ своемъ денегъ сколько хочу, но мнѣ никакимъ образомъ не слѣдуетъ у него взять.

Вы спрашиваете, каково мнѣ во Франкфуртѣ. Скажу вамъ только то, что я и не замѣчаю, что я живу во Франкфуртѣ: живу я тамъ, гдѣ живутъ близкіе мнѣ люди, а наиболѣе живу въ работѣ, отчасти въ письмахъ, отчасти во внутренной собственной работѣ. Хотѣлъ бы сколько-нибудь поболѣе жить въ Богѣ, но безъ людей и до этого нельзя достигнуть. Сами знаете: *Бога никто же видѣ.* Одинъ Сынъ Человѣческій его вѣдаетъ, а Онъ велѣлъ намъ находить Его въ любви къ ближнему. Съ Жуковскимъ мы ладимъ хорошо и никакъ не мѣшаемъ другъ другу; каждый занятъ своимъ. Съ Елис. Евграфовной тоже ладимъ хорошо и, что̀ лучше всего, ни ей нѣтъ во мнѣ большой потребности, ни мнѣ въ ней. А это мнѣ теперь слишкомъ хорошо, потому что моя семья становится чѣмъ дальше, больше, и я не успѣваю даже отвѣчать на самыя нужныя письма. А между тѣмъ грѣхъ великой лежитъ на душѣ моей, что я не помогъ до сихъ самымъ близкимъ людямъ, которымъ слѣдовало прежде всѣхъ помочь. Но довольно и объ этомъ.

Книгъ вашихъ я не получилъ до сихъ поръ ни одной; какого-то длиннаго письма, которое, какъ вы писали, для меня будетъ интересно и которое должно̀ было придти съ вѣрной оказіей, тоже не получалъ. Зачѣмъ вы ожидаете коммиссіи и хотите посылать съ ними? Лучше всего посылать прямо по почтѣ. Жуковскій по-

лучаетъ такъ всегда книги. Это, во-первыхъ, скоро; во-вторыхъ, вѣрнѣе. Почты тяжелыя теперь у насъ устроились хорошо и доставляютъ прямикомъ во Франкфуртъ, а издержки совсѣмъ не дороги. Что тутъ за утрата — бросить какихъ-нибудь лишнихъ 10 рублей? Но пакеты пріостановите и отправьте ихъ съ оказіей. А мнѣ если хотите сдѣлать теперь же удовольствіе скоро, то пришлите »Библіотеку для Чтенія« за 1842 годъ, весь сполна; и не удивляйтесь тому, что мнѣ понадобилась вдругъ такая дрянь. Мнѣ иногда именно нужна дрянь. Это вамъ будетъ стоитъ 40 рублей, да пересылки, можетъ быть, вы заплатите рублей на 20. Итого всего рублей 60. А я вамъ скажу за это, что вы пропустили и не прочитали одной прекрасной вещи, именно стихотворенія Языкова: »Землетрясенье«. Прочтите его за то нѣсколько разъ. Оно такъ возвышенно, просто и прекрасно, и такъ кстати въ нынѣшнее время, что его многимъ нужно читать, особенно тѣмъ, которые рождены ободрять другихъ, стало быть, и вамъ...

Къ Н. М. Языкову.

Франкфуртъ. 26 декабря, 1844.

Пишу тебѣ и сіе письмо подъ вліяніемъ того же ощущенія, произведеннаго стихотвореніемъ твоимъ: »Землетрясеніе«. Другъ, собери въ себѣ всю силу поэта, ибо нынѣ наступаетъ его время. Бей въ прошедшемъ настоящее, — и тройною силою облечется твое слово; прошедшее выступитъ живѣе, настоящее объяснится яснѣе, а самъ поэтъ, проникнутый значительностью своего дѣла, возлетитъ выше къ тому Источнику, откуда почерпается духъ поэзіи. Сатира теперь не подѣйствуетъ и не будетъ мѣтка, но высокій упрекъ лирическаго поэта, уже опирающагося на вѣчный законъ, попираемый отъ слѣпоты людьми, будетъ много значить. При всемъ видимомъ развратѣ и сутолокѣ нашего времени, души видимо умягчены; какая-то тайная боязнь уже проникаетъ сердце человѣка; самый страхъ и уныніе, которому предаются, возводитъ въ тонкую чувствительность нервы. Освѣжительное слово ободренія теперь много, много значитъ, и одинъ только лирическій поэтъ имѣетъ теперь законное право, какъ попрекнуть человѣка,

такъ съ тѣмъ вмѣстѣ воздвигнуть духъ въ человѣкѣ. Но это такъ должно́ быть произведено, чтобы въ самомъ одобреньи былъ слышенъ упрекъ и въ упрекѣ ободренье; ибо виноваты мы почти всѣ. Сколько могу судить, глядя на современныя событія издалека, упреки падаютъ на слѣдующихъ изъ насъ: во-первыхъ, на всѣхъ предавшихся страху, которымъ, ужъ если предаваться страху, то слѣдовало бы предаваться ему не по поводу какихъ-либо внѣшнихъ событій, но взглянувши на самихъ себя, вперивши внутреннее око во глубину души своей, гдѣ предстанутъ имъ всѣ погребенныя ими способности души, которыхъ не только не употребили въ дѣло во славу Божью, но оплевали сами, попрали ихъ и отлученьемъ ихъ отъ дѣла дали ходъ волчцамъ и терніямъ покрыть никѣмъ незасѣваемую ниву. Ты самъ знаешь, что это у насъ часто происходитъ на всѣхъ поприщахъ, начиная съ литературнаго до всякаго житейскаго, судейскаго, военнаго, распорядительнаго по всѣмъ частямъ, словомъ — повсюду. Здѣсь особенный упрекъ упадетъ на тѣхъ гордецовъ, которые и въ благихъ даже намѣреніяхъ видѣли повсюду прежде себя, а потомъ уже другихъ, не умѣли перенести пустяка какого-нибудь, оскорбленія личности своей и — *осердясь на вши, да шубу въ печь.* Укажи имъ, какъ сами они наказывалися страхомъ чрезъ самихъ себя, и пусть въ этомъ страхѣ увидятъ они Божье наказанье себѣ: вѣрный знакъ, что далеко отбѣжали они отъ Бога; ибо кто съ Богомъ, у того нѣтъ страха. Во-вторыхъ, громоносный упрекъ упадетъ на нынѣшнихъ развратниковъ, осмѣливающихся пиршествовать и безчинствовать въ то время, когда раздаются уже дѣйствія гнѣва Божія и невидимая рука, какъ на пиру Валтазаровомъ, чертитъ огнемъ горящія буквы. Въ-третьихъ, упрекъ, и еще сильнѣйшій, можетъ быть, упадетъ на тѣхъ, которые осмѣливаются даже въ такія святыя минуты Божьяго посѣщенія пользоваться смутностью времени, святокупствовать, набивать карманъ свой и брать взятки. Такихъ беззаконниковъ, я слышалъ, развелось теперь у насъ немало, которые воспользовались даже всякими нелѣпыми распускаемыми слухами, употребляя ихъ орудіями къ грабительству. Другъ! много, много есть теперь предметовъ для лирическаго поэта. Всему этому найдетъ соотвѣтствующія картины онъ въ

Библіи, гдѣ до того все живо, что, кажется, писано огнемъ, а не тростью. Посуди самъ, если все это предстанетъ въ примѣненіи къ текущему, въ какую живость, уже доступную всѣмъ, отъ мала до велика, оно облечется! Не нужно большихъ піесъ: чѣмъ короче и сжатѣй стихотвореніе, тѣмъ оно будетъ значительнѣй и дѣйствительнѣй. Не нужно совокуплять всѣхъ упрековъ вмѣстѣ и въ одно, но, раздробивъ ихъ на множество и сдѣлавъ каждый предметомъ отдѣльнаго стихотворенія, дать Ему цѣлость и живость и силу, совокупленную въ себѣ. Другъ! молись, да Богъ одушевитъ тебя и ниспошлетъ силы поработать Ему же. Только одной этой дорогой, а не какой-либо другой, ты можешь къ Нему приблизиться. Только тѣмъ путемъ долженъ каждый изъ насъ стремиться къ Нему, для котораго Имъ же самимъ даны намъ орудія, способности и средства: прочіе всѣ пути будутъ околесные и кривые, а не прямые и кратчайшіе. Другъ мой, авторитетъ твой можетъ быть великъ, потому что за тебя станетъ Богъ, если ты прибѣгнешь къ Нему. Притомъ вспомни и то, что благодѣянія твои могутъ излиться только симъ путемъ, а не другимъ; любовь къ ближнему и брату можешь ты показать только такъ, а не иначе помочь страждущему, и всѣ тѣ Христіянскія обязанности, которыя долженъ каждый изъ насъ выполнить на указанномъ поприщѣ и безъ чего не спастить ему, тобою могутъ быть выполнены только симъ образомъ, а не другимъ. Полюби же, какъ братъ, всѣхъ, которые страждутъ и тѣломъ, и духомъ; и если ты еще не въ силахъ такъ полюбить ихъ, то обрати ихъ по крайней мѣрѣ мысленно въ нищихъ, просящихъ и молящихъ о помощи. Не гляди на то, что не простираются ихъ руки просить о милостынѣ: можетъ быть, простираются ихъ души. Притомъ Богъ вѣдаетъ, кому прежде слѣдуетъ помогать: тому ли, кто имѣетъ еще силы выдти на улицу, или же тому, кто не имѣетъ силъ даже и руки протянуть, чтобы попросить. И то уже благодѣяніе, когда считающему себя богачомъ докажешь и откроешь, что онъ нищій. Только одна та помощь будетъ теперь дѣйствительна, которая будетъ сдѣлана любовью. Всякая другая будетъ временна. Всему предстоятъ препятствія, вездѣ предстанутъ неудачи. Одной только любви нѣтъ препятствій; ей всюду свободно и всюду

открытъ путь. Другъ мой, да наполнится же одной любовью и душа, и сердце, и мысль твоя! и да двигнетъ одна она отнынѣ перомъ твоимъ! Много, много ей предстоитъ поприща; нѣтъ и конца ея предметамъ. Но не позабудь прежде всего тѣхъ, которымъ прежде всего слѣдуетъ проснуться. Внуши бодрость и выведи изъ унынія тѣхъ, которые стоятъ передовыми и могутъ подать примѣръ другимъ. Не бѣда, если дуракъ придетъ въ уныніе [это даже для него и лучше], но плохо, если умные повѣсятъ носы. Истинно же ободрить возможно только однимъ средствомъ: именно, когда, ободряя кого-либо, ты въ то же время напоминаешь ему, что онъ долженъ позабыть себя и не себя выводить изъ унынія, но другихъ выводить изъ унынія. Симъ однимъ только средствомъ можетъ человѣкъ самъ выдти изъ него. Мы всѣ такъ странно и чудно устроены, что не имѣемъ сами въ себѣ никакой силы, но какъ только подвигнемся на помощь другимъ, сила вдругъ въ насъ является сама собою. Такъ велико въ нашей жизни значеніе слова *другой* и любовь къ другому. Эгоистовъ не было бы вовсе, если бы они были поумнѣе и догадались сами, что стоятъ только на нижней ступенькѣ, ступенькѣ своего эгоизма, и что только съ тѣхъ поръ, когда человѣкъ перестаетъ думать о себѣ, съ тѣхъ только однѣхъ поръ онъ начинаетъ думать истинно о себѣ, и становится такимъ образомъ самымъ расчетливѣйшимъ изъ эгоистовъ. А потому и ты, другъ мой, не думай о своей собственной хандрѣ, хотя бы она и пришла къ тебѣ, а думай о томъ, что въ это время находятся другіе въ хандрѣ и что слѣдуетъ ихъ развеселять, а не себя, и хандра твоя изчезнетъ. Если же приступятъ къ тебѣ какіе-либо болѣзненные припадки, то говори имъ просто: »Некогда! плевать я на васъ! теперь мнѣ не до васъ!«

Я радъ, между прочимъ, тому, что »Москвитянинъ« переходитъ въ руки Ивана Васил. К. Это, вѣроятно, подзадоритъ многихъ расписаться, а въ томъ числѣ и тебя. Чего добраго? можетъ быть, Москва захочетъ доказать, что она не баба. Я съ своей стороны подзадорилъ Жуковскаго, и онъ, въ три дня съ небольшимъ хвостикомъ четвертаго, отмахнулъ славную вещь, которую »Москвитянинъ«, вѣроятно, получилъ уже. Увѣдоми меня, какъ она ему и всѣмъ вообще читавшимъ ее показалась. Скажи Ив. В., чтобы

онъ, какъ только будетъ выпеченъ первый № »Москвитянина«, прислалъ бы его прямо по почтѣ. Это гораздо вѣрнѣе всякихъ оккaзiй. Теперь тяжелыя почты въ чужiе краи устроены хорошо, не такъ какъ прежде: все приходитъ вѣрно и не дорого стоитъ. Можетъ быть, къ тому времени выйдетъ и твоя книга, что будетъ весьма кстати. Увѣдоми меня, посылалъ ли ты мнѣ съ кѣмъ-либо, или же нѣтъ, лѣтописцевъ, издан. археогр. коммиссiей? Извини, что доселѣ не уплачиваю тебѣ занятого долга. Сему виною не какое-либо небреженiе, неаккуратность и неисправность, а единственно неимущество; я же знаю, что ты милостивъ къ должникамъ своимъ и потерпишь имъ. Писемъ моихъ, писанныхъ въ декабрѣ въ Москву, есть уже четыре, кромѣ сего, т. е. одно къ тебѣ, кажется, 5 числа, одно къ Шевыреву, одно къ Аксакову и одно къ Погодину. Провѣдай при случаѣ, исправно ли они получены. За тѣмъ поздравляю тебя отъ всей души и сердца съ наступающимъ [и, можетъ быть, уже наступившимъ въ то время, когда ты получишь это письмо] новымъ годомъ и молю Бога также отъ всей души и сердца, чтобы онъ внушилъ все, что тебѣ нужно для совершенiя дѣлъ во славу и во спасенiе души твоей, и приблизилъ бы тебя ближе и сердцемъ, и помышленiемъ къ Нему, а письмо мое всё-таки перечти. Помолясь крѣпко Богу, ты и въ немъ отыщешь нужное для себя, какъ бы оно нескладно ни было. Прими его, какъ посильное поздравленiе съ новымъ годомъ и откликнися. За тѣмъ прощай. Поклонись отъ меня всѣмъ нашимъ знакомымъ и поздравь ихъ всѣхъ отъ меня съ новымъ годомъ. Пиши не лѣнясь ко мнѣ; если жъ не захочешь писать, то пришли мнѣ въ пакетѣ, вмѣсто письма, которое-нибудь изъ новыхъ стихотворенiй...

Къ П—му. (1)

(1844.)

Я къ вамъ давно хотѣлъ писать по поводу А*. Объ этомъ, вѣрно, вамъ сказывалъ F*. Хотѣлъ писать къ вамъ именно тогда,

(1) Это письмо получено издателемъ, когда уже было напечатано письмо къ N F, на стр. 67 — 61, послѣ котораго оно непосредственно слѣдуетъ, по своему содержанiю.

когда вы думали отправить его за границу; не оставлялъ этого намѣренія даже и тогда, когда ему сдѣлалось лучше и когда вы рѣшились оставить его въ Петербургѣ; но всякій разъ приходилъ въ затрудненіе исполнить, видя, что потребны слишкомъ умные и долгіе разговоры, и не будучи увѣренъ въ себѣ, могу ли я представить ясно и убѣдительно другому то, въ чемъ уже убѣжденъ самъ. Теперь уже рѣшился, понуждемый уже другимъ побужденіемъ, сказать вамъ хотя главное дѣло прямо въ двухъ словахъ, откладывая всякое объясненіе на послѣ. Позаботьтесь о душевномъ, а не о тѣлесномъ здоровьѣ А*. Это ему слишкомъ нужно. Переговорите съ какимъ-нибудь умнымъ и опытнымъ священникомъ, который бы былъ притомъ истинно Христіянской жизни, хоть, напримѣръ, съ Павскимъ. Много есть такихъ глубокихъ таинъ въ душѣ человѣка, которыхъ мы не только не подозрѣваемъ, но не хотимъ подумать, что и подозрѣвать ихъ надобно. Какъ бы ни былъ безчувственъ человѣкъ, какъ бы ни усыплена была его природа, въ двѣ минуты можетъ совершиться его пробужденіе. Нельзя даже ручаться въ томъ, чтобы развратнѣйшій, презрѣннѣйшій и порочнѣйшій изъ насъ не сдѣлался лучше и святѣе всѣхъ насъ, хотя бы пробужденье случилось съ нимъ за нѣсколько дней до смерти. А потому, если вы предадитесь безнадежности или же отчаянью на-счетъ А*, то этотъ грѣхъ будетъ сильнѣе всѣхъ грѣховъ. Но довольно. Я знаю, что мнѣ слѣдуетъ поговорить съ вами о многомъ и даже о васъ самихъ. Во время говѣнья со мной случилось одно душевное явленье, имѣвшее прямое отношеніе къ вамъ. Вотъ уже два раза вы входите ко мнѣ во время моего говѣнія. Помните ли въ Римѣ, когда вы нечаянно попали въ переднюю церкви, гдѣ собраны были всѣ исповѣдывавшіеся, въ числѣ которыхъ былъ я, и когда подошелъ я къ вамъ просить, по Христіянскому обычаю, прощенія, а вы, въ отвѣтъ на то, благословили меня? Это было сдѣлано хладнокровно и въ шутку, но я заставилъ васъ во второй разъ благословить меня такимъ же самымъ образомъ и внутренно молился, чтобъ эти благословенья обратились въ истинныя и чтобъ вамъ случилось два раза въ жизни благословить меня истинно. Теперь, во время говѣнья моего въ Дармштадтѣ.... но объ этомъ мнѣ не слѣдуетъ говорить. Впрочемъ

дѣло не о какихъ-либо видимыхъ символахъ, а о внутреннихъ душевныхъ явленіяхъ. Въ душѣ моей загорѣлось сильное желанье знать о васъ; это не бываетъ даромъ. Я послалъ запросъ о васъ къ NF въ Парижъ. Ради Бога, напишите мнѣ хотя въ немногихъ словахъ о душевномъ состояніи, какъ А*, такъ и о вашемъ собственномъ. Это мнѣ очень нужно.

Весь вашъ, безъ всякихъ свѣтскихъ условій, кромѣ одныхъ душевныхъ,

Гоголь.

Жуковскій теперь утверждается во Франкфуртѣ и я съ нимъ. Какъ бы было хорошо, еслибы вы пріѣхали сюда на два, или на три мѣсяца вмѣстѣ съ А*! Прожить намъ всѣмъ вмѣстѣ будетъ теперь слишкомъ нужно. Душевный голосъ говоритъ мнѣ, что мнѣ удастся вамъ сдѣлать какую-то услугу. Письмо адрессуйте во Франкфуртъ на имя Жуковскаго. Его еще нѣтъ, но черезъ двѣ недѣли онъ переѣзжаетъ.

Къ В. А. Жуковскому.

На 1845 годъ.

Отъ всей души поздравляю васъ съ новымъ годомъ и подношу вамъ лучшій подарокъ, какой только могъ придумать. Для меня изъ всѣхъ подарковъ лучшій есть упрекъ, а потому дарю и васъ упрекомъ. Вы уже догадаетесь, что упрекъ будетъ за излишнее приниманье къ сердцу всѣхъ мелочей и даже самыхъ малѣйшихъ непріятностей, въ соединеніи съ безпокойствомъ и раздражительной боязнью духа. Вы сами себѣ дѣлаете этотъ упрекъ; но это еще не все. Вы должны вспомнить, что съ васъ этотъ грѣхъ взыщется строже, чѣмъ со всякаго другого. Разсмотрите сами. Вы такъ награждены Богомъ, какъ ни одинъ человѣкъ еще не былъ награжденъ. На вечерѣ дней вашихъ вы узнали такое счастіе, какое другому и въ цвѣтущій полдень его жизни рѣдко достается. Богъ послалъ вамъ ангела въ видѣ любящей васъ чистой ангельской любовью супруги; Онъ же внушилъ вамъ мысль заняться великимъ дѣломъ творческимъ, надъ которымъ яспѣетъ духъ вашъ

и обновляются ежеминутно душевныя силы; Онъ же показалъ надъ вами чудо, какое едва ли когда доселѣ случалось въ мірѣ: возрастанье генія и восходящую, съ каждымъ стихомъ и созданьемъ, его силу, въ такой періодъ жизни, когда въ другомъ поэтѣ все это охладѣваетъ и мерзнетъ; Онъ же сими самыми трудами, возвышая и размягчая вашу душу, ведетъ васъ видимо и постепенно ко вкушенію другихъ, еще высочайшихъ ощущеній. И какъ любовь Его возрастаетъ по мѣрѣ нашего стремленья къ Нему, то васъ вмѣстѣ съ супругой вашей соединятъ еще высшія потомъ узы, и поживете вы на землѣ, какъ ангелы живутъ на небесахъ, остальное время своей жизни. Такъ вы награждены! И при всемъ этомъ вы не можете переносить и малѣйшихъ противуположностей и лишеній, тогда какъ, получивши столько залоговъ и милостей, можно бы, кажется, встрѣтить нетрепетно и большія непріятности, не только малыя! Молю васъ, подумайте объ этомъ нынѣ въ предстоящихъ вамъ теперь обстоятельствахъ по поводу приближающихся родовъ Ел. Ал. и всего, что съ этимъ связано. Я знаю, что ея нѣжное сердце смущается еще болѣе при мысли, что и вы страждете. Женщина вдвое болѣе выноситъ, когда знаетъ, что близкіе ея сердцу уже укрѣпились духомъ и пребываютъ твердой надеждой въ Богѣ. А потому молю и прошу васъ, въ томъ ли, или во многихъ другихъ случаяхъ, производящихъ въ васъ тревогу душевную, и вообще во всякую минуту душевнаго безпокойства, подойти прежде къ столу и взять въ руки это письмо, какъ ни глупо оно само по себѣ [впрочемъ гдѣ двинулся человѣкъ любовнымъ участіемъ къ брату, тамъ уже помогаетъ Богъ и обращаетъ безсильное въ сильное], взявши въ руки это письмо, прочитать его; а прочитавши его, не дѣлайте никого свидѣтелемъ изліяній досады, или огорченій, не сообщайте никому тревожныхъ безпокойствъ вашихъ, но обратитесь съ ними прямо къ одному Богу. Его одного изберите вашимъ другомъ и повѣреннымъ вашихъ безпокойствъ, жалуйтесь передъ Нимъ, лейте слезы передъ Нимъ, просите съ тѣмъ вмѣстѣ прощенья у Него за неблагодарность, за малодушіе, просите о ниспосланіи силъ истребить въ себѣ то и другое и побѣдить ихъ — и вы ихъ побѣдите и возвратитесь утѣшеннымъ и твердымъ отъ вашей молитвы. Ужели вы

не вѣрите этому? ужели Тотъ, Кто одарилъ васъ такимъ множествомъ благъ, откажетъ вамъ и въ этомъ? Выполните же все такъ, какъ я васъ прошу, не пренебрегите моимъ подаркомъ, и вы сдѣлаете его драгоцѣннымъ, какъ онъ ни малъ самъ по себѣ, и наступающій годъ будетъ вамъ въ плодотворнѣйшій изъ всѣхъ дотолѣ бывшихъ. И съ нимъ поздравляю васъ еще разъ, мой другъ, благодѣтель, наставникъ и виновникъ многихъ прекрасныхъ минутъ въ моей жизни!

Къ А. А. Иванову.

Генварь (1845). Франкфуртъ.

Поздравляю васъ, добрѣйшій Александръ Андреевичъ съ новымъ годомъ и отъ всей души желаю, да усилится въ продолженіе онаго ваша дѣятельность около картины. А на-счетъ вашихъ смущеній по поводу денежныхъ недостатковъ скажу вамъ только то, что у меня никогда не было денегъ въ то время, когда я объ нихъ думалъ. Деньги какъ тѣнь, или красавица, бѣгутъ за нами только тогда, когда мы бѣжимъ отъ нихъ. Кто слишкомъ занятъ трудомъ своимъ, того не можетъ смутить мысль о деньгахъ, хотя бы даже и на завтрешній день ихъ у него не доставало. Онъ займетъ безъ церемоніи у перваго попавшагося пріятеля. На свѣтѣ не безъ добрыхъ людей; тому же, кто занятъ твердо и дѣятельно своимъ дѣломъ, тому всякой поможетъ. Но ваша картина не потому идетъ медленно, что васъ убиваетъ даже въ началѣ получаемыхъ денегъ мысль, что ихъ не хватитъ на окончаніе; но идетъ ваша картина медленно потому, что нѣтъ подстрекающей силы, которая бы подвигнула васъ на увѣренное и твердое производство. Молите Бога объ этой силѣ, и вспомните сіе мое слово: Пока съ вами, или лучше—въ васъ самихъ не произойдетъ того внутренняго событія, какое силитесь вы изобразить на вашей картинѣ, въ лицѣ подвигнутыхъ и обращенныхъ словомъ Іоанна Крестителя, повѣрьте, что до тѣхъ поръ не будетъ кончена ваша картина. Работа ваша соединена съ вашимъ душевнымъ дѣломъ, а покуда въ душѣ вашей не будетъ кистью высшаго художника начертана эта картина, потуда

не напишется она вашею кистью на холстѣ. Когда же напишется она на душѣ вашей, тогда кисть ваша полетитъ быстрѣе самой мысли. — — Вы не найдете словъ ни изумляться, ни восхвалить необъятную мудрость Разума, предпріявшаго совершить такое дѣло — явиться въ міръ въ видѣ бѣднѣйшаго человѣка, неимѣвшаго угла, гдѣ приклонить гонимую главу свою, не смотря на все совершенство своей человѣческой природы — и это будетъ формальнымъ окончаніемъ вашего обращенія.

За тѣмъ прощайте. Напишите, что вы предприняли по поводу денежныхъ обстоятельствъ. Мой совѣтъ не смущаться, брать отвсюду взаймы на время. Послѣ все отдадите. Вѣдь вы не Габерцетель. А я вамъ помогу потомъ совѣтомъ, какимъ образомъ это сдѣлать. Письмо это держите про себя и никому не показывайте. А слѣдующее письмецо отдайте Моллеру. А Чижову поклонитесь и скажите, что я май и даже іюнь мѣсяцъ пробуду во Франкфуртѣ; впрочемъ онъ во всякомъ случаѣ узнаетъ обо мнѣ у Жуковскаго. А Франкфурта ему не миновать, потому что оный есть пупъ Европы, куда сходятся всѣ дороги...

Къ Н. М. Языкову.

1845, генваря 2.

Письмо твое отъ 2-го декабря получилъ. Сожалѣю, что квартира, попавшаяся тебѣ нынѣ, не такъ удобна, какъ бы ей слѣдовало быть. Но, самъ знаешь, квартира есть всегда квартира, а становится она неудобной во всей силѣ тогда, когда позабудешь, что это квартира, а примешь ее за собственный домъ. Мысль завести собственное гнѣздо въ Москвѣ недурна, совершенно прилична литератору, особенно домосѣду, и я нахожу, что можетъ быть удобно приведена въ исполненіе. Если черезъ годъ и Жуковскій переѣдетъ на жительство въ Москву [какъ онъ то помышляетъ], то Москва получитъ бо́льшую значительность и степенность, какой ей недоставало. Тогда можетъ возстановиться въ ней та литературная патріархальность, на которую у ней есть то́лько претензіи, но которой въ самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Кстати о Жуковскомъ. Ты спрашиваешь: какъ идетъ »Одиссея«?

На это скажу, покамѣстъ, то, что дай Богъ, дабы все остальное такъ же шло на свѣтѣ, какъ идетъ у Жуковскаго »Одиссея«. Переводъ этотъ рѣшительно есть вѣнецъ всѣхъ переводовъ, когда-либо совершавшихся на свѣтѣ, и вѣнецъ всѣхъ сочиненій, когда-либо сочиненныхъ Жуковскимъ. Половина его уже совершена: двѣнадцать пѣсенъ готовы. Впрочемъ обо всемъ этомъ, равно какъ и о производствѣ самого перевода, написано имъ весьма замѣчательное письмо къ Авд. Пет. и Ив. В. К., которое ты, вѣроятно, уже и самъ прочелъ, или по крайней мѣрѣ о немъ знаешь.

Движеніе по части »Москвитянина«, о которомъ ты пишешь, меня радуетъ, но сотрудниковъ слѣдуетъ подзадоривать и такъ сказать — подпекать на дѣло. Это, какъ знаешь, народъ Русской. Рвануться на работу — наше дѣло, а тамъ какъ разъ и съѣдешь на *пшикъ*. У насъ старье изъ литераторовъ мастера только приводить въ уныніе молодыхъ людей, а подстрекнуть на трудъ и дѣльную работу нѣтъ ума. Какъ до сихъ поръ такъ мало заботиться объ узнаваньи природы человѣка, тогда какъ это есть главное начало всему! Профессора у насъ заняты только своимъ собственнымъ краснобайствомъ, а чтобы образовать человѣка, объ этомъ вовсе не помышляютъ. Они не знаютъ, кому они говорятъ, а потому не мудрено, что не нашли до сихъ поръ языка, которымъ слѣдуетъ говорить и бесѣдовать съ Русскимъ человѣкомъ. Не умѣя ни поучить, ни наставить, они умѣютъ только разсердившись выбранить кого-нибудь и потомъ сами жалуются на то, что не принимаются слова, что у молодыхъ несоотвѣтствующее потребностямъ направленіе, позабывъ, что если скверенъ приходъ, то въ этомъ попъ виноватъ, а не кто другой. Какъ въ послѣдніе пять, или шесть университетскихъ выпусковъ [когда объ ученьи гораздо больше было прилагаемо старанія, чѣмъ когда-либо прежде, и правительство съ своей стороны сдѣлало все, что могло] не образовалось почти ни одного дѣятельно-работящаго таланта, и »Москвитянинъ«, издаваясь уже четыре года, не вывелъ ни одной сіяющей звѣзды на словесный небосклонъ! высунули носы какіе-то допотопные старики, поворотились и скрылись, тогда какъ съ Русскимъ ли человѣкомъ не надѣлать добра на всякомъ поприщѣ! Да его стоитъ только хорошенько попрекнуть, назвавъ его бабой и хомякомъ,

загнуть ему знакомую поговорку и сказать, что вотъ, де, говоритъ Нѣмецъ, что Русской человѣкъ ни на что не годенъ, — какъ изъ него уже въ мигъ сдѣлается другой человѣкъ. А потому не позабудь, другъ мой, что и ты, съ своей стороны, можешь много ободрить Русскаго человѣка. Въ самомъ стихѣ твоемъ есть уже что-то бодрое и бодрящее, и если такимъ стихомъ одѣнешь ты и мысль вполнѣ *бодрящую,* и если разсмотришь къ тому и природу Русскаго человѣка, чтобы узнать, по которому мѣсту бить и хлестать его; то много, много можешь надѣлать добра. Стихи, присланные тобой въ образчикъ духовн. стих. [»Блаженъ, кто мудрости высокой«], получилъ и прочелъ съ удовольствіемъ. Въ нихъ есть простота, величіе и свѣтлость, но они далеки отъ »Землетрясенія«. Я не думаю даже, чтобы форма псалмовъ была прилична тѣмъ духовнымъ стихотвореньямъ, какія потребны въ нынѣшнее время. По крайней мѣрѣ псалмы должны быть собственные, а не передѣланные, или извлеченные изъ Давида. Вообще же *духовное стихотвореніе* [какой бы формы оно ни было] можетъ быть нынѣ значительно только тогда [все это я, разумѣется, говорю въ слѣдствіе моего мнѣнія, которое, можетъ быть, и ошибочно], когда оно двигнуто которою-нибудь изъ слѣдующихъ возбуждающихъ силъ: или силою гнѣва, почерпнутаго отъ самого гнѣва Божія, стало быть, нелицемѣрнаго гнѣва, не въ мысляхъ, но уже въ сердцѣ обитающаго, гнѣва противу всего презрѣннаго и нечистаго, въ какомъ бы ни заключилось оно сосудѣ... [Само собою разумѣется, что гнѣвъ не къ самимъ сосудамъ, заключившимъ въ себѣ презрѣнное, но къ презрѣнному, заключенному въ сосудахъ: противъ самихъ сосудовъ гнѣвъ можетъ быть только за то, что они отворили двери презрѣнному, или заключили его въ себѣ.] Итакъ, или силою попаляющаго Божьяго гнѣва должно проникаться духовное стихотвореніе, и это пусть будетъ во-первыхъ; или же, во-вторыхъ, оно должно быть проникнуто и подвигнуто силою любви къ человѣку, зажженною также отъ небесной любви Божіей къ человѣку, любви, измѣрившей всю страшную участь тѣхъ, которые воздвигаютъ противъ себя гнѣвъ Божій. Содрогаясь отъ ужаса за нихъ и подвигнувшись небеснымъ ангельскимъ состраданьемъ, она уже не поражаетъ ихъ, а молитъ, какъ братъ умоляетъ брата, какъ

несчастная и безотрадная мать умоляетъ сына, идущаго на явную гибель, умоляетъ его такими воплями и стонами, отъ которыхъ и безчувственный камень содрогнется, и сею силою нѣжнаго моленія можетъ быть подвигнуто значительное духовное стихотвореніе, — во-вторыхъ. Или же, наконецъ, въ-третьихъ, духовное стихотвореніе можетъ быть подвигнуто силой внутренняго собственнаго изліянія — умягченнымъ и утопающимъ въ блаженствѣ вознесеньемъ сердца своего къ Богу, внутреннимъ гнѣвомъ противъ собственныхъ своихъ недостатковъ унынья, малодушья и безсилья своего, умоляющимъ и горячимъ моленьемъ о ниспосланьи въ душу того, чего еще нѣтъ въ ней и что̀ достается такъ трудно нашей черствой и неразмягченной природѣ. Въ послѣднемъ случаѣ духовное стихотвореніе пріемлетъ форму молитвы и можетъ разнообразиться безконечно, смотря по различію и разнообразію состояній душевныхъ. Но само собою разумѣется, что здѣсь ничего не должно̀ быть вымышленнаго, или вообразимаго только умомъ. Что̀ не было добыто слезами и душевнымъ внутреннимъ сокрушеньемъ, то не должно облечься и въ стихи; иначе, при всѣхъ достоинствахъ поэта, намѣсто жара, холодъ пребудетъ въ стихотвореніи, оно останется никому нероднымъ и круглымъ сиротою. Итакъ сими только тремя побуждающими силами, мнѣ кажется, должно̀ быть подвигнуто духовное стихотвореніе, дабы соотвѣтствовать высокому значенью своему. А что самыя сіи побуждающія силы пробуждаются въ человѣкѣ не иначе, какъ отъ соприкосновенья съ живыми, текущими, настоящими современными обстоятельствами, его обстанавливающими и окружающими, объ этомъ и говорить нечего. Любви къ прошедшему не получишь, какъ ни помогаетъ поэту воображенье. Любовь возгорается къ тому, что̀ видишь, и стало быть къ предстоящему; прошедшее же и отдаленное возлюбляется по мѣрѣ его надобности и потребности въ настоящемъ. Словомъ, вообще удача духовнаго стихотворенія зависитъ оттого, когда оно предпріемлется какъ подвигъ во имя Божіе, какъ искреннѣйшее дѣло, какъ то дѣяніе, по которому будетъ судить насъ Богъ во пришествіи Своемъ. Вотъ почему такъ холодны попытки всѣхъ прелагателей псалмовъ: они ихъ брали, просто, какъ предметъ для поэзіи, какъ поэтическія игрушки.

Твое духовное стихотвореніе [»Блаженъ, кто мудрости высокой«] не содержитъ въ себѣ ни *упрека*, порожденнаго гнѣвомъ, ни *состраданья*, порожденнаго любовью, ни *умоленія*, исторгнутаго силою душевной немощи. Въ немъ заключено *восхваленіе*, которое, какъ извѣстно, само по себѣ всегда уступаетъ въ силѣ тремъ прочимъ. Гнѣвается ли человѣкъ, любитъ-ли, умоляетъ ли, онъ всегда тутъ становится сильнѣе, чѣмъ когда онъ хвалитъ. Итакъ, въ слѣдствіе уже этого, твое духовное стихотвореніе не могло произвести сильнаго впечатлѣнія. Притомъ предметъ восхваленія есть мужъ, отстранившійся отъ людей и отъ ихъ порочнаго общества, тогда какъ люди теперь больше, чѣмъ когда-либо прежде, нуждаются въ любви къ себѣ. Стало быть, стихотвореніе еще болѣе должно̀ отозваться какою-то черствостью. Я не говорю, чтобы родъ стихотвореній въ видѣ *восхваленій* былъ теперь вовсе безсиленъ, или ненуженъ, но я думаю только то, что и въ семъ родѣ восхваляться должно̀ только то, что̀ наиболѣе нужно нынѣшнему человѣку среди нынѣшняго̀ вѣка, и предметомъ восхваленій долженъ быть мужъ, потребный современнымъ обстоятельствамъ. Если бы ты сказалъ, напримѣръ, что блаженъ мужъ, который и среди унынія другихъ не предается унынію, но сѣетъ бодрость въ души, подъемлетъ повсюду падшаго и воздвигаетъ духъ въ человѣкѣ, или — блаженъ мужъ, отдавшій всего себя на служеніе Богу, который, взявши какое бы то ни было мірское мѣсто и званіе, служитъ на немъ не для міра и не для своей почести, и не ждетъ ни отъ кого изъ людей за это награды, но, какъ святыню, обнявши долгъ свой, умѣетъ перенести все и не оставитъ своего мѣста ни въ какомъ случаѣ, какія бы ни нанесли ему оскорбленія, непереносимыя для человѣческой гордости, помня только то, что не для себя, не для своего счастія, а для счастія другихъ онъ взялъ свое мѣсто, и не для удовлетворенья своей гордости, а для защиты другихъ долженъ онъ пребывать на немъ, не ради какой-либо признательности и хвалы міра, а ради Христа, представшаго передъ него въ видѣ страждущихъ несчастливцевъ, молящихъ и простирающихъ изнуренныя отъ безплодныхъ простираній руки. Такимъ образомъ служащаго Богу мужа можно ублажить не даромъ и достойно, и найдутся сами сами собою для того сильныя и восторгающія

слова. Или — блаженъ тотъ, кто, оторвавшись вдругъ отъ разврата и отъ подлой пресмыкающейся жизни, преданной каверзничествамъ, неправдамъ, предательствамъ, особачившимъ дни ея и заплевавшимъ его человѣческую душу, какъ-бы вдругъ пробуждается въ великую минуту и такъ же *запоемъ*, какъ способенъ одинъ только Русской, который съ горя вдругъ вдается въ пьянство, такъ же запоемъ изъ пьянства входитъ въ трезвость души, великодушно объявляетъ брань самому себѣ, загорается еще сильнѣйшей жаждой небесною, чѣмъ всякой другой, и становится такимъ образомъ возвышеннѣе даже того, кто всю жизнь провелъ въ честности. Здѣсь можно кстати ублажить и тѣхъ тюрюковъ, которые отъ бездѣльной и лежебокой жизни обращаются вдругъ къ дѣятельной и такимъ образомъ вдругъ превращаются изъ бабы въ мужа. Или же вообще—блаженъ тотъ, кто уже загорѣлся небесной любовью къ людямъ и, позабывши уже всѣ собственныя страданія, все, что̀ ни наносилось ему въ огорченье отъ нихъ, или въ оттолкновенье отъ нихъ, влечется къ нимъ сильнѣйшею любовью, до того, что, уже какъ-бы позабывши о собственномъ своемъ спасеніи, помышляетъ только о ихъ спасеніи — — Я думаю, что если онъ ублажитъ такихъ мужей, которые именно нужны нашему времени, то онъ произведетъ дѣйствіе на всѣхъ, не смотря на то, что стихотворенія, въ видѣ *восхваленій*, не могутъ имѣть такой потрясающей силы, какъ упомянутые мною прежде роды духовныхъ стихотвореній.

Итакъ вотъ все, что̀ я почелъ нужнымъ сказать тебѣ о семъ предметѣ, съ желаньемъ искреннимъ помочь тебѣ, какъ братъ хочетъ помочь любимѣйшему брату. Не взыщи, если что̀ здѣсь сказано нескладно и безтолково, а лучше перечти въ иное время и въ другой разъ: иногда слово глупое наводитъ на умную мысль, и это всегда почти бываетъ, когда сказанное сопровождено любовью и желаньемъ искреннимъ помочь. Тутъ всегда, какъ извѣстно, помогаетъ Богъ. А потому перечти, подумай, и что̀ тебѣ Богъ внушитъ по сему поводу, то и сдѣлай. Да не позабудь прислать мнѣ въ образчикъ и мірское стихотвореніе. Особенно прошу тѣхъ, которыя были написаны по какому-нибудь поводу и въ писаніи которыхъ ты чувствовалъ подталкивающую силу.

Это уже будетъ третье письмо, которое пишу къ тебѣ послѣ прочтенья твоего стихотворенья: »Землетрясенье«, и съ тѣмъ вмѣстѣ третье, если не ошибаюсь, адрессуемое въ нынѣшнюю квартиру твою, въ домъ Шидловской. За тѣмъ обнимаю тебя многократно. Да воздвигаются неослабно твои силы!...

Къ нему же.

Франкфуртъ. 15 генваря (1845.

Я получилъ твое письмо отъ 2 декабря, и при немъ стихотвореніе къ К****. Оно очень мило.

Намѣреніе твое попробовать Призница и воды я считаю совершенно основательнымъ и благоразумнымъ. О семъ, какъ помнишь ты, мы когда-то трактовали. По крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы во всякомъ случаѣ потолковать и посовѣтоваться лично съ Призницемъ, чтобы быть потомъ покойну въ совѣсти и не пѣнять на самого себя. Ты самъ знаешь, что это единственное леченье, которому я вѣрилъ, и вѣрилъ потому, что оно во все время своего производства бодритъ, а не разслабляетъ человѣка, и что во время его даже не велится прекращать умственныхъ занятій. Призницъ даже особенно требуетъ, чтобы они продолжались. А посему, если ты о семъ что-либо утвердишь и остановишься на такомъ утвержденіи, то увѣдоми меня, дабы я могъ къ тебѣ выѣхать на-встрѣчу. Весьма можетъ быть, что и самъ я примусь за это леченіе, и тогда раздѣлимъ вмѣстѣ скуку Греффенбергскаго мѣстопребыванія. Я навербую съ своей стороны разныхъ иппохондриковъ, а ты съ своей, и мы тогда заживемъ дѣятельнымъ монастыремъ, въ разнаго рода трудахъ и подвизаніяхъ. Здоровье мое стало плоховато; и Коппъ, и Жуковскій шлютъ меня изъ Франкфурта, говоря, что это мнѣ единственное средство. Нервическое тревожное безпокойство и разные признаки совершеннаго расклеенія во всемъ тѣлѣ пугаютъ меня самого. Ѣду, а куда, и самъ не знаю. Охоты къ путешествію нѣтъ никакой. Пробираюсь въ Италію и беру дорогу [избѣгая горныхъ переѣздовъ и частыхъ пересѣстовъ] на Францію и Парижъ. Въ Парижѣ проживу мѣсяцъ,

а можетъ быть, и болѣе. Самого Парижа я не люблю, но меня веселитъ въ немъ встрѣча съ близкими душѣ моей людьми, которые въ немъ теперь пребываютъ, а именно: съ ZZ и Т***, братомъ того, котораго ты знаешь, у котораго я и остановлюсь; а потому ты адрессуй слѣдующія твои письма на имя гр. Т*** въ Парижъ Rue de la Paix, hôtel Westminster, № 9. Прощай; обнимаю тебя, ибо пора садиться въ malle-poste, которая, покамѣстъ, понесетъ въ Парижъ...

Къ В. А. Жуковскому.

Парижъ. Января 22 (1845).

Благодарю васъ очень, очень за ваше для меня радостное письмецо; а Бога я уже благодарилъ за дарованное вамъ счастіе и еще буду благодарить. Вы также умѣйте быть отнынѣ еще болѣе благодарнымъ Ему, чѣмъ когда-либо прежде, и молите у Него же о ниспосланіи вамъ силъ быть Ему благодарнымъ. Извѣстіе о дарованіи вамъ сына было принято радостно всѣми близкими вамъ друзьями, а въ особенности ZZ. Поздравьте отъ меня Ел. Ал. и поцѣлуйте ея ручку, а потомъ поздравьте также отъ меня все милое семейство Рейтерновъ, начиная съ барона. Я ихъ всѣхъ люблю, хотя и не изъясняюсь съ ними словами и рѣчами.

О себѣ скажу, что дорога мнѣ сдѣлала добро; но въ Парижѣ я какъ-то вновь расклеился. Время гнуснѣйшее: мгла и совершенное отсутствіе всякаго воздуха; намѣсто его, носится какая-то густая масса человѣческихъ испареній. Время идетъ безтолково и никакъ не устроивается, и я радъ бы въ здѣшнее длинное утро сдѣлать хотя въ половину противъ того, что дѣлывалъ въ короткое утро во Франкфуртѣ, хотя занятія были не тѣ, какія замышлялъ. Я не думаю въ Парижѣ пробыть болѣе полутора мѣсяца. Приближаясь къ веснѣ, я всегда люблю просторъ и вольный воздухъ. Здѣсь къ веснѣ вонь. Говоря вамъ откровенно, я во Франкфуртѣ совсѣмъ не соскучился, но выѣхалъ единственно потому, чтобы переломить болѣзненное и лихорадочное состояніе, котораго продолжительности я опасался. А наслажденій у меня много

было тамъ внутреннихъ и тихихъ, которыя были достаточны разлить спокойствіе на весь день. Но, покамѣстъ, прощайте; обнимаю и цѣлую васъ и всѣмъ вашимъ посылаю мой душевный поклонъ...

Къ нему же.

Парижъ. Января 28 (1845).

Письмо ваше вмѣстѣ съ письмомъ С*** получилъ и благодарю васъ за то и за другое.

Здоровью моему переѣздъ изъ Франкфурта въ Парижъ сдѣлалъ пользу, но самое пребываніе въ душномъ Парижѣ нѣсколько поразстроило его, не смотря на то, что стараюсь прогуливаться въ окрестностяхъ. Послѣдую вашему совѣту по мѣрѣ возможности: выѣзжаю на дняхъ изъ Парижа, съ тѣмъ чтобы объѣхать нѣкоторыя мѣста Франціи, держась, однакожъ, Франкфуртской дороги, ибо благоразуміе и кошелекъ не позволяютъ дѣлать большихъ крюковъ, да къ тому жъ зимой не такъ бываетъ удобно слишкомъ много двигаться. Во Франкфуртѣ проживу съ вами великой постъ, а на послѣдней недѣлѣ поѣду говѣть и встрѣтить Пасху въ Штуттгартъ, откуда уже, вѣроятно, направлю путь на какія-нибудь воды. Стало быть, съ Тургеневымъ мы всячески устроимся, ибо онъ не раньше, какъ послѣ Пасхи, будетъ во Франкфуртѣ, то есть, или въ концѣ апрѣля, или же въ началѣ мая. За тѣмъ обнимаю васъ всей душой и сердцемъ и милую вашу супругу, и малютокъ вашихъ, и почтеннаго добрѣйшаго Рейтерна со всѣмъ его милымъ семействомъ...

Къ Н. М. Языкову.

(1845.)

Самъ Богъ внушилъ тебѣ прекрасные и чудные стихи »Къ ненашимъ«. Душа твоя была органъ, а бряцали по немъ другіе персты. Они еще лучше самого »Землетрясенія« и сильнѣй всего, что у насъ было написано доселѣ на Руси. Больше ничего не скажу, покамѣстъ, и спѣшу послать къ тебѣ только эти строки.

За тѣмъ Богъ да хранитъ тебя для разума и для вразумленія многихъ изъ насъ. . .

Къ нему же.

Парижъ. Февраля 12 (1845).

За разъѣздами и за всякими провѣтриваніями, то есть, бреннаго тѣла моего, а не духа, не успѣлъ еще написать обстоятельно тебѣ ничего. Въ Парижъ я попалъ совершенно нечаянно, какъ тебѣ извѣстно и какъ я писалъ. Остаюсь въ немъ нѣсколько дней и ѣду тоже провѣтрить себя еще нѣсколько по Франціи, направляя дорогу на старое гнѣздо, во Франкфуртъ; а потому пиши письма по-прежнему во Франкфуртъ и по прежнему адрессу. Книги во всякомъ случаѣ присылай, если случится оказія, во Франкфуртъ, складочное мѣсто всему.

О Парижѣ скажу тебѣ только то, что я вовсе не видѣлъ Парижа. Я и встарь былъ до него не охотникъ, а тѣмъ паче теперь. Говоря это, я разумѣю даже и относительно матеріальныхъ вещей, и всякихъ жизненныхъ удобствъ: нечистъ, и на воздухѣ хоть топоръ повѣсь. Никого, кромѣ самыхъ близкихъ моей душѣ, т. е. ZZ и гр. Ал. П. Т***, не видалъ. Т**** видѣлъ разъ и въ другой мелькомъ; онъ несетъ дичь. Противу всякаго чаянія, я прожилъ, однакожъ, эти три недѣли хорошо, въ отношеніи моральномъ. Жилъ внутренно, какъ въ монастырѣ, и, въ прибавку къ тому, не пропустилъ почти ни одной обѣдни въ нашей церкви. Священникъ нашъ хорошій и умный человѣкъ и, благодаря ему, я не оставался безъ Русскихъ книгъ, которыя были мнѣ потребны и пришлись по состоянію души.

Больше тебѣ не пишу, ибо собираюсь въ дорогу и спѣшу дочесть очень нужныя книги. Изъ Франкфурта напишу поболѣе...

Причина, почему не ѣду въ Италію, позднее время, а отчасти и ожиданіе рѣшенія отъ тебя на-счетъ твоего прожекта леченія. Мнѣ же, во всякомъ случаѣ, придется проводить лѣто на какихъ-нибудь Нѣмецкихъ водахъ; стало быть, высовывать въ Италію носъ на такое короткое время было бы никакъ неудобно. Обнимаю тебя. Поклонись всѣмъ моимъ знакомымъ. . .

Стихи твои »Къ ненашимъ« произвели такое же впечатлѣніе, какъ на меня самого, на моихъ знакомыхъ, т. е. на ZZ и на гр. T***, которые отъ нихъ безъ ума; но T***, кажется, закрутитъ носъ, а, можетъ быть, даже и чихнетъ.

Къ NF.

Парижъ. Февраль 24 (¹) (1845).

Простите меня, прекрасный другъ мой NF, за то, что давно не писалъ къ вамъ. Но не я виноватъ; виновато было мое здоровье которое расклеилось совершенно во Франкфуртѣ въ концѣ стараго и началѣ новаго года. Въ слѣдствіе этого мнѣ велѣли сдѣлать поѣздку куда бы то ни было для развлеченія и возстановленія силъ расколебленныхъ нервическими недугами. Не зная, куда направитъ шаги на такое короткое время, я отправился въ Парижъ, единственно затѣмъ, что тамъ были люди, близкіе душѣ моей, надѣясь, что, просто, развлеченіе и разговоръ съ ними въ силахъ разогнать все и что это не болѣе, какъ временная хандра. Но Парижъ, или лучше — воздухъ Парижа, или лучше — испаренія воздуховъ Парижскихъ обитателей, пребывающія здѣсь намѣсто воздуха, помогли мнѣ не много и даже вновь разстроили пріобрѣтенное переѣздомъ и дорогою, которая одна бываетъ для меня дѣйствительнѣе всякихъ пользованій.

Съ ZZ я видался мало и на нѣсколько минутъ. Онѣ погрузились въ Парижской свѣтъ, который изслѣдываютъ любопытно вмѣстѣ съ Л*****, чему я, впрочемъ, очень радъ. Разсѣяніе имъ необходимо нужно. Онѣ равно наклонны къ хандрѣ, а въ Парижѣ, при его сѣромъ, гадкомъ климатѣ, весьма легко предаться тому, если не ведешь жизни сколько-нибудь въ Парижскомъ духѣ. Я, однакоже, провелъ эти три недѣли совершеннымъ монастыремъ, въ рѣдкій день не бывалъ въ нашей церкви и былъ сподобленъ

(¹) По содержанію, это письмо предшествуетъ слѣдующему за нимъ, но по числу оно должно бы быть помѣщено послѣ. Видно, что Гоголь иногда ошибался въ числахъ, или держался то стараго, то новаго счисленія. *Н. К.*

Богомъ, и среди глупѣйшихъ минутъ душевнаго состоянія, вкусить небесныя и сладкія минуты, за что много и много благодарю.

На дняхъ, то есть, черезъ два дни съ небольшимъ, ѣду во Франкфуртъ, гдѣ оставилъ начатое, но прерванное недугами, длинное и большое письмо къ вамъ по поводу разныхъ объясненій и дѣлъ, какъ прозаическихъ, такъ и душевныхъ. Пріѣхавши во Франкфуртъ, допишу его и отвѣчу на кое-что изъ вашихъ писемъ, а вы не глядите на то слишкомъ строго, что я не такъ часто пишу къ вамъ, какъ я самъ хотѣлъ. Скажу вамъ только то, что всякое слово вашего письма мнѣ дорого, какъ слово родного брата [а родство это идетъ отъ самого Христа], и всякая строчка вашего письма глядитъ тѣмъ родствомъ, какимъ не глядитъ земное родство, и всѣ тѣ мѣста вашихъ писемъ, гдѣ только изливалась и гдѣ изливается и высказывается ваша прекрасная и страждущая душка, цѣлую душевнымъ поцѣлуемъ, цѣлую и самое страданіе, ее искушавшее, моля внутренно Бога о превращеніи его въ небесное вамъ наслажденіе. Чего жъ вамъ больше? Хотя я и не отвѣчаю вамъ иной разъ словами, но душа отвѣчаетъ, и ничто не пропадаетъ въ вашихъ письмахъ безотвѣтно. Итакъ знайте это и никогда не уставайте писать ко мнѣ: это обоюдно нужно намъ. А обо мнѣ помолитесь, и помолитесь крѣпко и сильно. Здоровье мое слабѣетъ, и не хватаетъ силъ для занятій. Молитесь, чтобы помогъ Богъ мнѣ въ трудѣ, уже не для славы и не для чего-либо другого предпринятаго, но въ Его святое имя и въ утѣшенье душевное брату, а не въ увеселеніе его. Я вижу ощутительнѣй, что климатъ въ Германіи не такъ для меня благотворенъ, какъ въ Италіи. Большая разница во всемъ. А потому, полечившись лѣтомъ на водахъ холодныхъ, или морскихъ, я думаю на зиму [будущую] отправиться въ Италію и оттуда, уже не откладывая надолго, ѣхать въ Іерусалимъ, чувствуя, что тамъ только обрѣту полное выздоровленіе.

Покамѣстъ, скажу вамъ на одинъ пунктъ вашего письма, именно о деньгахъ. Скажу вамъ, что мнѣ крайне тяжело брать у васъ. Я просилъ у васъ, основываясь на вашихъ словахъ, что у васъ лежатъ деньги для меня, данныя вамъ на случай, когда я буду находиться въ нуждѣ, кѣмъ — вы умолчали и не сказали

имени; разсчитывая это, я попросилъ твердо, ибо кто такъ благороденъ, что скрылъ свое имя, помогая, отъ того можно твердо взять деньги: такія деньги берутся прямо, отъ кого бы онѣ ни были, хотя бы отъ такого человѣка, которымъ бы мы никакъ не хотѣли одолжиться; въ такомъ случаѣ не изслѣдуется даже и имя давшаго, а стремятся за него душевныя искреннія молитвы. Такимъ образомъ если даются деньги, то ужъ, вѣрно, даются ради Христа и въ Его имя, а не для того, чтобы быть въ-правѣ напомнить получившему, что мы его облагодѣтельствовали, или укорить его въ неблагодарности, какъ поспѣшно и грубо привыкли дѣлать даже лучшіе изъ насъ. Итакъ эти деньги, о которыхъ вы говорили мнѣ, какъ о положенныхъ для меня и вамъ врученныхъ, я считалъ или дѣломъ любви ко мнѣ, неразсчитывающей на какія-нибудь условія, или истинно Христіянская, ради самого Христа данная мнѣ помощь, для продленія жизни моей. Теперь, по обѣщанію вашему прислать мнѣ тысячу, какъ только успѣете собрать, и по словамъ вашимъ, чтобы я надѣялся на вашу помощь и впредь, я вижу, что эти деньги ваши, и мнѣ страхъ жалко взять ихъ у васъ, мой добрый, прекрасный [и, увы! небогатый деньгами] другъ мой. Если вы мнѣ вышлете эту тысячу, я ее возьму и не отправлю назадъ, но только и возьму отъ васъ одну ее, и объявляю вамъ впередъ, что сверхъ ея я не приму отъ васъ ничего. Другъ мой, вы сами посудите, разсмотрѣвши хорошенько ваше собственное положеніе и разнообразныя ваши обязанности, правъ ли я и можно ли мнѣ брать у васъ. Но довольно. По поводу этого, поговоримъ послѣ, а теперь спѣшу отправить письмо, чтобъ васъ не тревожило молчаніе.

Сейчасъ получилъ письмо отъ Иванова и при немъ письмо къ вамъ, которое онъ проситъ прежде процензеровать мнѣ самому, а потомъ отправить вамъ. Но я отправляю вамъ съ тѣмъ, чтобы вы сами и процензеровали его...

Прощайте. Вашъ вседушевный другъ,

Г.

Къ Н. Н. Ш—вой.

1845. Франкфуртъ, 14 февраля. ([1])

Благодарю васъ, добрый другъ, за ваше письмо, писанное ко мнѣ. Въ Парижъ я ѣздилъ единственно затѣмъ, чтобы сдѣлать куда-нибудь дорогу, и покамѣстъ былъ въ дорогѣ, по тѣхъ поръ чувствовалъ себя лучше, чѣмъ во Франкфуртѣ. Пріѣхавши въ Парижъ, началъ опять прихварывать. Впрочемъ я провелъ время хорошо, былъ почти каждый день въ нашей церкви, которая хороша и доставила мнѣ много утѣшенія, и видѣлся только съ одними близкими, немногими, но прекраснѣйшими душами. Дорогой изъ Парижа во Франкфуртъ я опять чувствовалъ себя хорошо, а пріѣхавши во Франкфуртъ — дурно. Другъ мой, помолитесь какъ обо мнѣ, такъ и о бѣдномъ моемъ здоровьи. Я же, покамѣстъ, вывожу то заключеніе, что мнѣ нужна дальняя дорога, и не есть ли это знакъ, что пора наконецъ отправиться въ тотъ путь, ради котораго я выѣхалъ изъ Москвы и простился съ вами, о которомъ и первоначальная мысль была, безъ сомнѣнія, Божьимъ внушеніемъ. А потому помолитесь прежде всего, другъ мой, о моемъ здоровьи, ибо, какъ только поможетъ Богъ мнѣ дотянуться до будущаго года, то въ началѣ его и не откладывая уже на дальнѣйшее время, отправлюсь въ Іерусалимъ. Съ нынѣшняго лѣта, или осени, отправлюсь въ Италію, съ тѣмъ чтобы оттуда быть наготовѣ сѣсть на корабль. А вы молите Бога, чтобы ниспослалъ мнѣ силы совершить это путешествіе такъ, какъ слѣдуетъ, какъ долженъ совершить его истинный Христіянинъ. Молитесь объ этомъ заранѣ, чтобы Богъ приготовилъ къ тому мою душу и чтобы не оставлялъ меня отнынѣ ни на мигъ. Такъ нужно мнѣ Его безпрерывное присутствіе — да и кому оно не нужно? И помолитесь о моемъ здоровьи, которое такъ плохо, какъ я давно не помню. А я за васъ молюсь и молюсь о томъ, чтобы Богъ услышалъ всѣ ваши молитвы...

([1]) Числа въ этомъ и въ предыдущемъ письмахъ, по ходу событій, должны бы быть другія. *П. К.*

Къ Н. М. Языкову.

1845, марта 15. Франкфуртъ.

Пишу къ тебѣ изъ Франкфурта, гдѣ нахожусь уже почти двѣ недѣли и гдѣ чувствую себя совсѣмъ нехорошо. Странное дѣло: покамѣстъ былъ въ дорогѣ, чувствовалъ себя лучше; какъ только остановился на мѣстѣ, вновь хуже. Жуковскій тоже былъ боленъ, но по крайней мѣрѣ теперь чувствуетъ себя лучше. А я на-оборотъ: изнурился какъ-бы и тѣломъ, и духомъ. Занятія не идутъ никакія. Боюсь хандры, которая можетъ усилить еще болѣзненное состояніе. Писемъ отъ многихъ давно не получалъ, въ томъ числѣ и отъ Аксакова. Во Франкфуртѣ зима постоянная и продолжается до сихъ поръ. Повсюду снѣгъ. Послѣ Парижа, гдѣ теплые дожди, мглистая слякоть и черная земля остается обнаженной отъ снѣга, это видѣть какъ-то странно. Нѣмцы не запомнятъ такой сильной зимы. Прощай. Я еще ни на что не рѣшился. Ѣду совѣтоваться къ Коппу [Коппъ тоже боленъ, а потому не выѣзжаетъ]. Хочу узнать что онъ еще скажетъ: куды мнѣ, пока, лучше переѣзжать, въ зной, или въ холодъ. Странно, что я зябну и не могу согрѣться въ самой теплой комнатѣ. Не забывай меня и пиши почаще. А между тѣмъ помолись въ душѣ о моемъ выздоровленіи. Книги, отданныя тобою графу Т***, получилъ въ исправности и благодарю за нихъ много.

Въ пакетѣ, присланномъ отъ графа Т*** находятся св. отцы за 1843 и 1844 годы, толкованіе на Св. П., Амвросія. Онъ же прислалъ мнѣ сочиненія Дмитрія Ростовскаго, о которыхъ я его просилъ и за которыя поблагодари его очень, когда увидишь.

Къ С. С. Уварову.

(Въ апрѣлѣ, 1845.)

Милостивый Государь

Сергѣй Семеновичъ!

Письмо ваше мною получено. Благодарю васъ много за ваше ходатайство и участіе ([1]). О благодарности Государю ничего не говорю: она въ душѣ моей; выразить же ее могу развѣ одной только молитвой о Немъ. Но мнѣ сдѣлалось въ то же время грустно. Грустно, во-первыхъ, потому, что все доселѣ мною сдѣланное не стоитъ большого вниманія. Хоть въ основаніи его и легла добрая мысль, но выражено все такъ дурно, ничтожно, незрѣло и притомъ не въ такой степени, *не такъ бы слѣдовало:* не даромъ большинство приписываетъ имъ скорѣе дурной смыслъ, чѣмъ хорошій, и соотечественники мои скорѣй извлекають изъ нихъ извлеченье *не съ пользу* души своей, чѣмъ въ пользу. Во-вторыхъ, грустно потому, что и за прежнее я въ неоплатномъ долгу предъ Государемъ. Клянусь, я и не помышлялъ даже просить о чемъ-либо у Государя! Въ тишинѣ только готовилъ я трудъ, который точно былъ бы полезнѣе моимъ соотечественникамъ моихъ прежнихъ мараній, — за который и вы сказали бы мнѣ, можетъ быть, спасибо, если будетъ выполненъ добросовѣстно, потому что предметъ его не чуждъ былъ и вашихъ собственныхъ помышленій. Меня утѣшала доселѣ мысль, что Государь, Которому, какъ я знаю истинно, дорого благо душевное его подданныхъ, сказалъ бы, можетъ быть, о мнѣ со временемъ: »Этотъ человѣкъ умѣлъ быть благодарнымъ и зналъ, чѣмъ высказать Мнѣ свою признательность.« Теперь я обремененъ новымъ благодѣяніемъ. Въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ сдѣлано для меня, трудъ мой покажется беднѣй и незначительнѣй, чѣмъ прежде. Разстроенное здоровье можетъ отнять у меня возможность сдѣлать его и такимъ, какъ бы я хотѣлъ. И вотъ почему мнѣ грустно. Грустно вмѣстѣ съ этимъ и то, что

([1]) По представленію министра народнаго просвѣщенія, С. С. Уварова, Гоголю Высочайше пожаловано, въ видѣ пенсіи, по 1000 р. сер. въ годъ на три года. *П. К.*

нынѣшнимъ письмомъ вашимъ вы отняли у меня право сказать вамъ то, что я хотѣлъ сказать. А я хотѣлъ васъ благодарить за многое сдѣланное вами въ пользу наукъ и отечественной старины, и еще болѣе — за пробужденіе, въ духѣ просвѣщенія нашего, твердаго Русскаго начала. Благодарить васъ за это я имѣлъ право, какъ сынъ той же земли и какъ братъ того же чувства, въ которомъ мы всѣ должны быть братья, и какъ необязанный вамъ за личное добро. Теперь вы отняли у меня это право, и то, что было тогда законнымъ дѣломъ, будетъ походитъ на комплиментъ. Примите жъ лучше, вмѣсто его, это искреннее изложеніе моего состоянія душевнаго. Другого ничего не могу сказать вамъ; не прибавляю даже и почтительнаго окончанія, завершающаго свѣтскія письма, потому что, давно живя въ удаленіи отъ него, я позабылъ ихъ вовсе, а остаюсь просто

вамъ обязанный и признательный искренно,

Н. Гоголь.

Къ N. F.

Франкф. 2 апрѣля (1845).

Отвѣчаю вамъ на письмо ваше отъ 1 марта. Во-первыхъ, благодарю за него. Здоровье мое какъ-бы немного лучше. Отъ денегъ не откажусь, единственно, чтобы не спорить съ вами безполезно. Но если только милость Божія будетъ такъ велика ко мнѣ и пошлется мнѣ освѣженіе и силы для труда, то я вамъ ихъ выплачу, и вы должны будете принять эту уплату, ибо съ такимъ условіемъ и съ такою милостью Бога у меня будетъ гораздо больше денегъ, чѣмъ можете вы думать, потому что расходъ тѣхъ сочиненій, которыя бы мнѣ хотѣлось пустить въ свѣтъ, т. е. произведеній *нынѣшняго меня,* а не прежняго меня, былъ бы великъ, ибо они были бы въ потребу всѣмъ. Но Богъ, который лучше насъ знаетъ время всему, не полагалъ на это Своей воли, отъявши на долгое время отъ меня способность творить. Я мучилъ себя, насиловалъ писать, страдалъ тяжкимъ страданьемъ, видя безсиліе свое, и нѣсколько разъ уже причинялъ себѣ болѣзнь такимъ принужденіемъ —

и ничего не могъ сдѣлать, и все выходило принужденно и дурно. И много, много разъ тоска, и даже чуть-чуть не отчаяніе овладѣвали мною отъ этой причины. Но великъ Богъ, свята Его воля и выше всего Его премудрость: не готовъ я былъ тогда для такихъ произведеній, къ какимъ стремилась душа моя. Нужно было мнѣ самому состроиться и создаться прежде, чѣмъ думать о томъ, дабы состроились и создались другіе. Нельзя изглашать святыни, не освятивши прежде сколько-нибудь свою собственную душу, и не будетъ сильно и свято наше слово, если не освятимъ самыя уста, произносящія слово. Другъ мой добрый и прекрасный, помолитесь обо мнѣ, помолитесь сильно и крѣпко, чтобы воздвигнулъ Господь во мнѣ творящую силу. Благодатью Духа Святого она можетъ только быть воздвигнута, и безъ сей благодати пребываетъ она, какъ мертвый трупъ во мнѣ, и нѣтъ ей оживотворенія. Слышу въ себѣ силу и слышу, что она не можетъ двигнуться безъ воли Божіей. Молитесь же, другъ мой, крѣпко и крѣпко; какъ только можете помолиться, такъ молитесь о мнѣ. Отъ болѣзни ли обдержитъ меня такое состояніе, или же болѣзнь рождается именно оттого, что я дѣлалъ насиліе самому себѣ возвести духъ въ потребное для творенья состоянье, это, конечно, лучше извѣстно Богу; во всякомъ случаѣ я думалъ о леченіи своемъ только въ этомъ значеніи, чтобы недуги уменьшились, а возвратились бы душѣ животворныя минуты творить и обратить въ слово творимое; но леченье это въ рукахъ Божьихъ, и Ему одному слѣдуетъ его предоставить.

На-счетъ Призница я съ вами согласенъ и не думаю, чтобы мнѣ было удобно это леченіе. Призница средства могутъ быть мнѣ полезны въ самой малой мѣрѣ, т. е. почти такимъ образомъ, какъ можно употреблять самому, безъ доктора. Лѣто мнѣ слѣдуетъ провести въ путешествіяхъ и переѣздахъ: это дѣйствуетъ на меня хорошо. Въ концѣ лѣта думаю отвѣдать морского купанья.

Съ вами хотѣлось бы подъ-часъ сильно увидѣться. Поѣхать въ Россію теперь на короткое время не могу: съ этимъ много хлопотъ, особенно возня выѣзжать вновь, и притомъ весьма скоро. Притомъ пріѣздъ мой мнѣ былъ бы не въ радость: одинъ упрекъ только себѣ видѣлъ бы я на всемъ, какъ человѣкъ, посланный за

дѣломъ и возвратившійся съ пустыми руками, которому стыдно даже и заговорить, стыдно и лицо показать. Я слишкомъ знаю и чувствую, что до тѣхъ поръ, пока не съѣзжу въ Іерусалимъ, не буду въ силахъ ничего сказать утѣшительнаго при свиданьи съ кѣмъ бы то ни было въ Россіи. А потому молитесь обо мнѣ, вновь васъ прошу и умоляю; молитесь, чтобы Богъ споспѣшествовалъ моему намѣренію, чтобы, во-первыхъ, укрѣпилъ и послалъ мнѣ возможность изготовить, что̀ долженъ я изготовить до моего отъѣзда, и послать къ вамъ, вмѣсто меня, въ Петербургъ. Это будетъ небольшое произведеніе и не шумное по названію, въ отношеніи къ нынѣшнему свѣту, но нужное для многихъ и которое доставитъ мнѣ въ избыткѣ деньги, потребныя для пути. А на осень и зиму чтобы могъ я переѣхать въ Римъ и провести это время плодотворно и какъ нужно душѣ моей; а съ началомъ новаго будущаго года чтобы могъ я изготовиться къ отъѣзду и пріѣхать въ Іерусалимъ къ посту и Пасхѣ, а послѣ Пасхи, исполнивши, какъ слѣдуетъ, пребываніе въ Іерусалимѣ, возвратиться въ Россію. Тогда ступлю я твердой ногой на родную землю, и будетъ въ радость и мнѣ, и вамъ мой возвратъ, и всякому буду тогда, быть можетъ, въ помощь, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, въ какомъ бы званіи ни состоялъ и какое бы мѣсто ни занималъ; и всѣмъ буду родной, и мнѣ всѣ будутъ родные.... Теперь же, покамѣстъ, и мнѣ всѣ чужіе, и я всѣмъ чужой. Пріѣхать въ Россію мнѣ хочется такимъ образомъ, чтобы уже не уѣзжать изъ Россіи. Духъ мой жаждетъ дѣятельности и томится отъ бездѣйствія, но, не совершивши этого путешествія, я пріѣду на бездѣйствіе и на тоску въ Россію. Любовь уже есть въ душѣ, но не оживотворена и не благословлена еще Силою высшею, и не двигается благодѣтельнымъ движеніемъ, во благо братьямъ. Молитесь же обо всемъ этомъ. Вы уже другой разъ говорите мнѣ, чтобы я не скрывалъ того, что̀ есть во мнѣ, ото всѣхъ, да свѣтятъ дѣла наши міру. Но того, что̀ есть, пока, во мнѣ, еще не такъ много, чтобы засвѣтить міру, да и не отъ меня зависитъ, какъ видите сами, обнаружить его и двигнуть на-показъ. Но довольно. Пишу для васъ и не показывайте никому моихъ писемъ.

Увѣдомьте меня теперь о себѣ, относительно предстоящаго

лѣта. Что̀ вы намѣрены съ нимъ сдѣлать и куда отправляетесь? Объ этомъ напишите мнѣ теперь же: мнѣ это нужно знать предварительно.

Жуковскій совершенно здоровъ и бодръ духомъ; продолжаетъ работать. Онъ было на два мѣсяца нѣсколько расклеился, но теперь слава Богу, и я бы желалъ, чтобы состояніе моего здоровья нынѣшняго было сколько-нибудь похоже на его. Но мнѣ было такъ трудно, что уже было-пріуготовился совершенно откланяться. И теперь я мало чѣмъ лучше скелета. Дѣло доходило до̀ того, что лицо сдѣлалось зеленѣй мѣди, руки почернѣли, превратившись въ ледъ, такъ что прикосновенье ихъ ко мнѣ самому было страшно, и, при 18 град. тепла въ комнатѣ, я не могъ ничѣмъ согрѣться. Но Богъ милосердъ; жизнь моя не угасла; видно, она еще нужна.

Отъ васъ посылку я получилъ доселѣ только одну. Въ ней заключалось два тома послѣднихъ Тихона и »Христ. Чтеніе« за прошлый годъ. М* М* оказался неаккуратнымъ: даже не увѣдомилъ меня, есть ли у него какіе-нибудь для меня пакеты съ книгами. За то же, что̀ мною получено, вамъ очень благодаренъ.

Хотѣлось бы вамъ писать больше, но устаю. Я думаю, что вы уже получили весьма длинное письмо мое, написанное уже очень давно, въ отвѣтъ на ваши и PQ распоряженія. Не позабудьте о томъ увѣдомить. Письмо же, писанное мною изъ Парижа, вы, кажется, получили сколько могу судить изъ содержанія вашего, служащаго какъ-бы отвѣтомъ, хотя вы и не упоминаете о полученіи, какъ его, такъ и приложеннаго при немъ письма отъ Иванова. Прощайте!...

На выставку академіи въ Петербургъ прибудетъ, можетъ быть, весной, или лѣтомъ, въ числѣ другихъ картинъ, изъ Рима, головка Спасителя изъ Преображенія Рафаэля, копированная Шаповаловымъ и принадлежащая мнѣ. Отправьте ее отъ моего имени преосвящ. Инокентію въ Харьковъ.

Къ Н. М. Языкову.

1845, апрѣля 5. Франкфуртъ.

Письмо отъ 10 марта получилъ и съ нимъ стихотвореніе къ Шевыреву. Благодарю за него. Оно очень сильно и станетъ недалеко отъ: »Къ ненашимъ«, а можетъ быть, и сравнится даже съ нимъ. Но не скажу того же о двухъ посланіяхъ: »Къ молодому человѣку« и »Старому плѣшаку«. О нихъ напрасно сказалъ ты, что они въ томъ же духѣ: въ нихъ скорѣй есть повтореніе тѣхъ же словъ, а не того же духа. Въ томъ же духѣ могутъ быть два стихотворенья, ничего неимѣющія между собою похожаго относительно содержанія, и мотутъ быть не въ томъ духѣ, напоминающія содержаніемъ другъ друга и, по-видимому, похожія. Эхо не есть голосъ, хоть и похоже на голосъ; ибо оно не двигнуто тѣми же устами. Въ нихъ есть что-то полемическое, скорлупа дѣла, а не ядро дѣла, и, мнѣ кажется, это нѣсколько мелочнымъ для поэта. Поэту болѣе слѣдуетъ *углублять* самую истину, чѣмъ *препираться* объ истинѣ. Тогда будетъ всѣмъ виднѣй, въ чемъ дѣло, и невольно понизятся тѣ, которые теперь ерошатся. Что ни говори, а какъ напитаешься самъ сильно и весь существомъ истины, послышится власть во всякомъ словѣ, и противъ такого слова уже врядъ ли найдется противникъ, — все равно, какъ отъ человѣка, долго пробывшаго въ комнатѣ, гдѣ хранились благоуханія, все благоухаетъ и всякой носъ это слышитъ, такъ что почти и не нужно много разсказывать о томъ, какого рода запахъ онъ обонялъ, пробывши въ комнатѣ. Другъ мой, не увлекайся ничѣмъ гнѣвнымъ, особливо, если въ немъ хоть что-нибудь противуположное той любви, которая вѣчно должна пребывать въ нихъ. Слово наше должно быть благостно, если оно обращено лично къ кому-нибудь изъ нашихъ братій. Нужно, чтобы въ стихотвореніяхъ слышался сильный гнѣвъ *противъ врага людей*, а не *противъ самихъ людей*. Да и точно ли такъ сильно виноваты *плохо видящіе* въ томъ, что они плохо видятъ. Если жъ они точно въ томъ виноваты, то правы ли мы въ томъ, что подносимъ прямо къ ихъ глазамъ нестерпимое количество свѣта и сердимся на нихъ же за то, что слабое ихъ зрѣнье не можетъ выносить такого сильнаго блеска? Не лучше

ли быть снисходительнѣй и дать имъ сколько-нибудь разсмотрѣть и ощупать то, что̀ оглушаетъ ихъ, какъ громомъ? Много изъ нихъ въ существѣ своемъ люди добрые, но теперь они доведены до того, что имъ трудно самимъ и они упорствуютъ и задорствуютъ, потому что иначе — нужно имъ публично самихъ себя, въ лицѣ всего свѣта, назвать дураками. Это не такъ легко — самъ знаешь. А вѣдь противъ нихъ большею частію въ такомъ смыслѣ было говорено: »Ваши мысли *всѣ* ложны. Вы не любите Россіи, вы предатели ея.« А между тѣмъ ты самъ знаешь, что нельзя назвать всего совершенно у нихъ ложнымъ и что, къ несчастію, не совсѣмъ безъ основанія ихъ нѣкоторые взгляды. Преступленіе ихъ въ томъ, что они нѣкоторыя *частности* распространяютъ на *общее*, исключенья выставляютъ въ правила, временныя болѣзни принимаютъ за коренныя, во всякомъ предметѣ видятъ *тѣло* его, а не *духъ*, и, близоруко руководствуясь аналогіей видимаго, дерзаютъ произносить свои сужденья о томъ, что̀ духомъ своимъ отлично отъ всего того, въ чемъ они сравниваютъ его. Слѣдовало бы, по-настоящему, вооружиться противъ сихъ заблужденій, разъять ихъ спокойно и показать ихъ несообразность, но съ тѣмъ вмѣстѣ поступить такимъ образомъ, чтобы въ то же время и тутъ имъ самимъ дать возможность выйти не совсѣмъ безчестно изъ своего труднаго положенія. Тогда, кромѣ того, что многіе изъ нихъ сами обратились бы на истинный путь, но самой публикѣ было бы доступнѣй все это и хоть сколько-нибудь понятнѣй, въ чемъ дѣло. Теперь же она рѣшительно не понимаетъ, въ чемъ дѣло и отчего такъ сильно горячатся у насъ одни противъ другихъ въ журналахъ. Десятокъ людей сражаются между собою; тѣ и другіе говорятъ въ слишкомъ общемъ и пространномъ смыслѣ; съ обѣихъ сторонъ крайности, не соединяющіяся никакимъ образомъ другъ съ другомъ; тѣ и другіе сражаются другъ противъ друга уже выведенными результатами, не давая никому отчета, какъ они дошли до своихъ результатовъ и хотятъ, чтобы все это понятно было всѣмъ читателямъ. Конечно многое понимается инстинктивно, потому что духъ идущаго вѣка дѣйствуетъ своимъ чередомъ. Поэтъ можетъ дѣйствовать инстинктивно, потому что въ немъ пребываетъ высшая сила слова. Но кто хочетъ дѣйствовать полемически, — тутъ потребна необыкновен-

ная точность, разъятіе ясное всего ощутительно и показаніе, въ чемъ дѣло. Храни Богъ тутъ быть поэтомъ! какъ разъ будешь сражаться съ тѣнью и воздухомъ, бросая, вмѣсто ядеръ, цѣлыя безпредѣльныя пространства мыслей, то есть, мысли слишкомъ цѣльныя, которыя могутъ истолковать всячески.

Я бы очень хотѣлъ теперь читать лекціи Шевырева. Я увѣренъ слишкомъ въ ихъ значительности, но знаю также, что онъ способенъ человѣчески увлекаться, переходить нечувствительно въ излишество, и потому весьма можетъ быть, что отчасти повредилъ и себѣ, и своему предмету. Но мы не получаемъ здѣсь рѣшительно ничего.

Скажи Кирѣевскому, что Жуковскій на него сердитъ за то, что онъ не прислалъ »Москвитянина«. Я самъ также ѣхалъ во Франкфуртъ съ пріятной надеждой найти здѣсь нумеръ давно полученнымъ, и вотъ съ пріѣзда моего сюда протекло уже почти полтора мѣсяца, а »Москвитянина« всё нѣтъ.

Я всё еще нахожусь въ больномъ и разстроенномъ состояніи. Временами бываетъ нѣсколько лучше, временами вновь хуже. До сихъ поръ не въ силахъ писать и трудиться, и малѣйшая натуга повергаетъ меня въ болѣзнь, а что̀ всего хуже, съ этимъ соединяется всякой разъ тоска, и не знаешь, куда отъ нея дѣться. Но отложимъ обо мнѣ рѣчь на конецъ письма. Продолжаю о тебѣ.

Въ посланіи твоемъ »Къ плѣшаку« слышно воинолюбивое расположеніе, вовсе неприличное твоему мирному характеру, по существу своему настроенному къ прохладамъ тишины; а потому я отчасти думаю, не вмѣшались ли сюда нервы? А потому совѣтую тебѣ разсмотрѣть хорошенько себя: точно ли это раздраженіе законное и не потому ли оно случилось, что духъ твой былъ къ тому приготовленъ нервическимъ мятежемъ. Эту повѣрку я дѣлаю теперь всегда надъ собою при малѣйшемъ неудовольствіи на кого бы то ни было, хотя бы даже на муху, и, признаюсь, уже не разъ подкараулилъ я, что это были нервы, а изъ-за нихъ притаившись работалъ и чортъ, который, какъ извѣстно, ищетъ всякимъ путемъ просунуть къ намъ носъ свой, и если въ здоровомъ состояніи нельзя, такъ онъ его просунетъ дверью болѣзни. А потому совѣтую и тебѣ также въ такихъ случаяхъ всякой разъ обсматри-

ваться на себя. А чтобы исполнить это успѣшнѣй, перечти вновь мои письма, писанныя къ тебѣ по поводу »Землетрясенія«; и такъ какъ тамъ многое, въ слѣдствіе твоихъ же словъ, согласно съ твоими собственными мыслями, относительно дѣйствованій поэта въ нынѣшнее время, то ты можешь весьма скоро сличить и увидѣть, не отступилъ ли самъ отъ собственныхъ своихъ мыслей. А покамѣстъ, я тебѣ повторяю вновь: перетряхни Русскую старину, особенно времена царей. Они живѣй и говорящѣй, и ближе къ намъ, — и ты въ нѣсколько разъ выиграешь болѣе, когда тѣ Русскія стихіи и чисто Славянскія струи нашей природы, изъ-за которыхъ идетъ споръ, выставишь въ живыхъ и говорящихъ образахъ. Твои герои [а въ героя можетъ обратиться и всякой бездушной предметъ] ходомъ и дѣйствіемъ своимъ защитятъ сильнѣй, чѣмъ бы ты самъ защитилъ истину; ибо дѣло сильнѣй слова. Но довольно. Обращаюсь отъ твоей души къ твоему тѣлу.

На дняхъ я былъ у Коппа, и онъ, распрашивая о тебѣ, сказалъ мнѣ, чтобы я написалъ тебѣ, чтобы ты съѣздилъ непремѣнно еще одинъ разъ, и именно въ нынѣшнее лѣто, въ Гастейнъ, и потомъ морское купанье на Сѣверномъ морѣ, въ Остенде, или въ другомъ мѣстѣ. Въ то же время прибавилъ, что не худо бы и мнѣ сдѣлать то же. А потому я и передаю это тебѣ къ свѣдѣнію. Какъ рѣшишь, конечно зависитъ отъ тебя и отъ твоего нынѣшняго состоянія; но во всякомъ случаѣ, если бы тебѣ случилось точно ѣхать въ Гастейнъ, то я готовъ тебя сопровождать и туда; ибо къ Призницу я не отваживаюсь, — тѣмъ болѣе, что получилъ наконецъ извѣстіе отъ F*, который бранитъ на всѣ четыре стороны холодное свое леченіе, говоря, что, кромѣ каторги самого леченія, никакого отъ него удовольствія, а пользы и на копейку, и который притомъ пророчитъ, что, я никакъ не въ силахъ буду выдержать курса. Я знаю только то, что гдѣ ни случится мнѣ протаскаться лѣтомъ, но нужно протаскаться и проѣздиться; дорога и переѣзды мнѣ дѣлали добро. А осенью — въ Римъ, гдѣ встрѣчу и начало зимы; а въ концѣ зимы — въ Іерусалимъ, къ говѣнью и Пасхѣ; а изъ Іерусалима — въ Москву. Все это, разумѣется, въ такомъ разѣ, если Богъ будетъ такъ милостивъ, что повелитъ придти въ порядокъ душевнымъ и тѣлеснымъ моимъ силамъ.

Пришли мнѣ »Путешествіе къ Св. Мѣстамъ«, Норова. Хочу посмотрѣть, что̀ за вещь. Спроси у Шевырева, писалъ ли онъ ко мнѣ, или нѣтъ, въ отвѣтъ на мое письмо, писанное еще въ прошломъ году. Вопросъ этотъ не упрекъ и не напоминанье, а хочу только знать, чьи были два письма ко мнѣ, о которыхъ я имѣю извѣстіе то, что они пропали между Франкфуртомъ и Парижемъ. Узнай также отъ Конст. Серг., получилъ ли Серг. Т. отъ меня письмо съ нѣкоторымъ поученьемъ сыновьямъ его, въ числѣ которыхъ и ему, т. е. К. Серг., и что̀ онъ думаетъ о семъ. Да распорядись, чтобы къ намъ какими-нибудь судьбами дошелъ »Москвитянинъ«. Можетъ быть, пришествіе его оживило бы сколько-нибудь литературныя побужденія. Увѣдоми также, уѣхалъ ли Погодинъ въ Іерусалимъ, или отложилъ свою поѣздку на другое время. Въ послѣднемъ случаѣ объяви ему о моемъ намѣреніи, и если ему случится ѣхать на Римъ, то, вѣроятно, мы отправимся тогда вмѣстѣ. Намѣреніе твое ѣхать въ Симбирскъ я не одобряю, а Жуковскій, какъ услышалъ, даже закричалъ, чтобы ты ни подъ какимъ видомъ сего не дѣлалъ. А Коппъ, если услышитъ, вѣроятно, тоже подыметъ вопль; да врядъ ли и Иноземцовъ тебя отпуститъ. Что̀ ни говори, они всё-таки важная вещь; хоть они подъ-часъ и надоѣдятъ, но всё же потомъ обратишься къ нимъ. Хорошій докторъ подъ рукой тоже не бездѣлица, а этого въ деревнѣ не найдешь. Мой совѣтъ ужъ лучше послушаться Коппа и съѣздить въ Гастейнъ, а послѣ поѣздки заграничной наскучившая Москва приглянется вновь. А тамъ подъѣду я, и ты увидишь, что при мнѣ будетъ многое сносно, особенно, если я пріѣду изъ Іерусалима такимъ, какъ хочу пріѣхать, внося миръ, а не раздоръ въ домы. Помолись же хорошенько Богу о себѣ, да и о мнѣ тоже помолись, — о здоровьѣ и силахъ моихъ слабѣющихъ. Возстаніе наше въ Его святой волѣ и все отъ Него...

Къ А. А. Иванову.

22 апрѣля (1845).

Едва только я написалъ къ вамъ письмо, какъ получилъ отъ вашего братца извѣщеніе о томъ, что вы сдѣлались больны. Въ

тотъ же часъ я отправился къ Циммерману и передаю вамъ все, что онъ объявилъ. Онъ полагаетъ, что это явленье чисто геморроидальное. — — Призвать можете Алерса и ему все это сообщить. Ѣхать теперь онъ вамъ полагаетъ ненужнымъ. Если жъ ѣхать, то не прежде, какъ поправитесь; дорога васъ теперь взволнуетъ. Ради Бога, успокойтесь и не смущайте себя ничѣмъ. Мнѣ очень прискорбно, если и я участвовалъ также неумѣстными моими письмами къ вашему огорченію. Но возложите несокрушимое упованіе на Бога. Онъ васъ вынесетъ отовсюду. Обо всемъ прочемъ переговоримъ лично. Прощайте...

На это письмо дайте отвѣтъ хотя через вашего добраго братца, котораго благодарю много за то, что онъ мнѣ сообщилъ немедля о васъ.

Къ Н. М. Языкову.

Франкфуртъ. 1 мая, 1845.

Не хандра, но болѣзнь, производящая хандру, меня одолѣваетъ. Борюсь и съ болѣзнью, и съ хандрой и наконецъ выбился совершенно изъ силъ въ безплодномъ бореніи. Благодарить Бога слѣдуетъ и за то, что въ силахъ былъ еще и такъ бороться. Съ приходомъ весны здоровье мое не лучше ни мало, и недуги увеличились. Тягостнѣе всего безпокойство духа, съ которымъ труднѣй всего воевать, потому что это сраженіе рѣшительно на воздухѣ. Изволь управлять воздушнымъ шаромъ, который мчитъ первымъ стремленіемъ вѣтра! Это не то, что на землѣ, гдѣ есть и колеса, и весла. Можетъ быть, помогла бы дорога, но дорога эта должна для этого имѣть какой-нибудь интересъ для души; когда же знаешь, что, по пріѣздѣ на мѣсто, ожидаетъ одиночество и скука, и когда самъ знаешь, какъ страшна съ нимъ битва, отнимается духъ для самой дороги.

Изъ Русскихъ еще никого нигдѣ нѣтъ на водахъ, стало быть, нигдѣ не предстоитъ мнѣ развлеченія, которое мнѣ теперь необходимо при употребленіи водъ. Порадовала меня было мысль встрѣтиться съ тобою, но теперь, какъ вижу изъ письма твоего, ты остаешься въ Москвѣ, не смотря на совѣтъ Коппа проѣздиться

въ Гастейнъ. Но что̀ дѣлается, то дѣлается не безъ воли Божіей. Да будетъ Его святая воля! Говоришь безпрерывно и при всемъ томъ не въ силахъ быть покойнымъ, не въ силахъ, сложа руки, опустить на нихъ голову, какъ ребенокъ, приготовляющійся ко сну. Еще бы было возможно это, если бы не соединялось съ недугами это глупѣйшее нервическое безпокойство, противъ котораго если и понатужился воздвигнуться, производитъ еще сильнѣйшее колебаніе.

Вотъ какого рода вещи! При всемъ томъ, полученный на дняхъ »Москвитянинъ« [два номера] доставилъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ минутъ. Статьи за буквою К. всѣ очень замѣчательны и дѣльны. О самомъ же обозрѣніи словесности можно сказать только въ охужденіе ему то, что оно нѣсколько длинно, а особенно, вовторой половинѣ содержанія, приступъ къ Словесности Русской. Многія вещи слѣдовало бы сказать еще очевиднѣй, осязательнѣй, проще и короче, облечь въ видимую плоть. Многое довольно отвлеченно, такъ что повсюду философъ беретъ верхъ надъ художникомъ, и это обращается почти въ порокъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ долженъ художникъ взять верхъ надъ философомъ. Кажется, какъ-будто многія вещи слышитъ и чувствуетъ критикъ *вкусомъ тонкаго ума*, а не *вкусомъ души и сердца*. Но зато повсюду сказано много истиннаго, прекраснаго, особенно тамъ, гдѣ обращено на самую идею и мысль разбираемыхъ предметовъ. По поводу глупыхъ книгъ, сказано много дѣльнаго и умнаго о томъ, каковы должны быть умныя книги. И вообще всѣ статьи, которыя, по-видимому, написаны вскользь, оказались существенно значительнѣе тѣхъ, которыя, по-видимому, обдумывались и писались съ трудомъ. Отрывокъ изъ вступительной лекціи Шевырева мнѣ понравился очень. Шевыревъ вызрѣлъ и установился въ надлежащія границы. Все теперь какъ слѣдуетъ, не разстянуто и не кратко, въ строгомъ логическомъ ходѣ и порядкѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ въ живомъ, непохожемъ вовсе на мертвечину сухопарой логики Нѣмецкой. Словомъ, въ первый разъ преподается наука въ такомъ видѣ, въ какомъ ей слѣдуетъ преподаваться въ Россіи и Русскимъ. Твои стихотворенія мнѣ неизвѣстныя, первое къ Полонскому, второе къ Кирееву и къ какому-то живописцу [вѣроятно, въ родѣ

М****] прочелъ съ удовольствіемъ. Хомякова тоже прочелъ не безъ удовольствія и письмо, и спортъ. Хоть первое и слишкомъ раскинулось и разбросалось во всѣ стороны, но въ немъ много ума. За тѣмъ усталъ. Писать долго не могу.

Прощай; не забывай хотя писать почаще; адрессуй по-прежнему. Жуковскій перешлетъ письма ко мнѣ, если я куда уѣду.

Къ С. Т. Аксакову.

Франкфуртъ. 2 мая (1845).

И вы больны, и я боленъ. Покоримся же Тому, Кто лучше знаетъ, что̀ намъ нужно и что̀ для насъ лучше, и помолимся Ему о томъ, чтобы помогъ намъ умѣть Ему покориться. Вспомнимъ только одно то, что въ Его власти *все* и *все* Ему *возможно*. Возможно все отнять у насъ, что̀ считаемъ мы лучшимъ, и въ награду за то дать лучшее намъ всего того, чѣмъ мы дотолѣ владѣли. Отнимая мудрость *земную*, даетъ Онъ мудрость *небесную*; отнимая зрѣнье *чувственное*, даетъ зрѣнье *духовное*, съ которымъ видишь тѣ вещи, передъ которыми пыль всѣ вещи земныя; отнимая *временную*, ничтожную жизнь, даетъ намъ жизнь *вѣчную*, которая передъ временной то же, что̀ *все* передъ *ничто*. Вотъ что̀ мы должны ежеминутно говорить другъ другу. Мы, еще доселѣ непривыкнувшіе къ вѣчному закону дѣйствій, который совершается для всѣхъ непреложно въ мірѣ, и желающіе для себя непрерывныхъ исключеній, мы, малодушные, способны позабывать на всякомъ шагу то, что̀ должны вѣчно помнить, наконецъ мы, неимѣющіе даже благородства духа ввѣриться Тому, Кто стоитъ того, чтобы на Него положиться. Простому человѣку мы даже ввѣряемся, который даже намъ не показалъ и знаковъ, достаточныхъ для довѣрія, а Тому, Кто окружилъ насъ вѣчными свидѣтельствами любви своей, Тому только не вѣримъ, взвѣшивая подозрительно всякое Его слово. Вотъ что̀ мы должны говорить ежеминутно другъ другу, о чемъ я вамъ теперь напоминаю и о чемъ вы мнѣ напоминайте...

Къ N F.

(Франкфуртъ. 11 мая 1845.)

Другъ мой и душа моя, не грустите. Одинъ только годъ — и я буду съ вами, и вы не будете чувствовать тоски одиночества. Когда вамъ будетъ тяжело, или трудно, я перелечу всякія пространства и явлюсь, и вы будете утѣшены. Мнѣ не трудно будетъ никогда пріѣхать къ вамъ, не смотря даже на всякое состояніе моего здоровья; но этотъ годъ надобно перетерпѣть [то есть, разумѣю о себѣ] и сдѣлать то, что мнѣ слѣдуетъ и безъ чего я не могу быть полезнымъ никому вполнѣ.

Изъ вашего письма я вижу, что у васъ теперь въ довольно-порядочной степени нервическое разстройство. Поблагодаримъ прежде всего за него Бога. Оно не даромъ. Въ этомъ году особенно на всѣхъ наведено болѣе или менѣе это нервическое разстройство, приведены въ слезы, въ уныніе и въ безпокойство тѣ, которые даже никогда дотолѣ не плакали, не унывали и не безпокоились. Блаженны избранники, которыхъ посѣтилъ Богъ ранѣе другихъ! Повѣрьте, что ко многому дотолѣ неиспытанному и неузнанному приводится сими болѣзненными страданіями человѣкъ. Сверхъ всего прочаго, оно приводитъ насъ и къ тому, чтобы узнать всю силу братской помощи, которую можетъ оказать на землѣ человѣкъ человѣку и, въ слѣдствіе такой помощи, возлюбить такъ другъ друга, что въ любви этой предвкушается уже самъ Богъ и зарождается къ Нему то неугасимое стремленіе, котораго не дадутъ ни посты, ни молитвы, ни милостыня, раздаваемая бѣднымъ. Сколько могу судить теперь о состояньи вашего *здоровья тѣлеснаго*, вижу, что вамъ необходимо прежде, просто, полечить и успокоить ваши нервы водами и перемѣной воздуха. Поѣзжайте налегкѣ въ Гастейнъ, который дѣйствуетъ хорошо на всякія нервическія разслабленія и еще болѣе живитъ необыкновеннымъ своимъ и какъ-бы обновляющимъ воздухомъ. Сколько же могу судить о состояніи вашего *душевнаго здоровья*, вижу, что и здѣсь слѣдуетъ дать почти тотъ же совѣтъ вамъ, ибо встрѣча наша съ вами будетъ обоюдно живительна для обоюднаго нашего душевнаго здоровья. Намъ нужно съ вами о многомъ и о многомъ

еще переговорить, и врядъ ли безъ этого вы будете снабжены достаточнымъ запасомъ терпѣнія и бодрости для предстоящихъ вамъ поприщъ, въ Петербургѣ ли то будетъ, или въ губерніи. И Богъ вѣсть, можетъ быть, это самое нервическое разстройство и физическая болѣзненность вела именно къ тому, чтобы мы доставили другъ другу то здоровое состояніе души, которое безъ этого разстройства мы бы не могли и не умѣли доставить. Воспользуйтесь весеннимъ временемъ, пока еще не жарко. Возьмите съ собою дѣтокъ и F*, котораго никакъ не оставляйте въ Петербургѣ. Поѣзжайте тихо, не торопясь, чтобы никакъ не расколебать нервъ, а напротивъ успокоить ихъ умѣреннымъ движеніемъ. На всякую гору подымайтесь пѣшкомъ, но недолго, и чуть замѣтите въ себѣ малѣйшій признакъ усталости, садитесь въ коляску. Старайтесь и мыслямъ, и чувствамъ дать дремлющее состояніе и уподобить себя ребенку, котораго колеблютъ въ люлькѣ. Не думая ни о чемъ, сливайтесь чувствомъ съ весеннимъ вѣтеркомъ, который будетъ навѣвать на васъ, прилетѣвши Богъ вѣсть откуда, и съ запахомъ полевого цвѣтка, имъ же нанесеннымъ, и вы пріѣдете въ благодатномъ состояніи въ Гастейнъ. А мысль, что встрѣтитъ васъ тотъ, для котораго такъ же будетъ благотворна и свѣжительна, и цѣлительна съ вами встрѣча, какъ и для васъ самихъ, будетъ воздвигать духъ вашъ во всю дорогу и удалитъ отъ васъ тоску и безпокойство.

Мнѣ повелѣно медициною до Гастейна пить воды въ Гомбургѣ для удаленія геморроидальныхъ, печеночныхъ и всякихъ засореній, на которыя, по приговору медиковъ, слѣдуетъ предварительно подѣйствовать Гомбургомъ. Послѣ чего Гастейнъ, дѣйствующій благодѣтельно на всякія нервическія разслабленія, можетъ оказать мнѣ значительную пользу. Въ Гомбургѣ я долженъ пробыть не болѣе трехъ недѣль; стало быть, чрезъ мѣсяцъ времени я уже полагаю быть въ Гастейнѣ. Разсчитывайте вашимъ отвѣтомъ и соображайтесь, адресовать ли мнѣ во Франкфуртъ, или же прямо въ Гастейнъ, въ Австрійской Тироль. Впрочемъ Жуковскій перешлетъ мнѣ письмо изъ Франкфурта. Если жъ вы ѣдете, то дайте мнѣ знать, да пріищу для васъ квартиру; ибо въ Гастейнѣ помѣщеній немного и мѣста нужно захватывать. На тѣсноту не

пѣняйте и помышляйте о томъ впередъ, что вы не будете помѣщены *на большую ногу.* Итакъ, усердно помолясь Богу, съ молебнемъ въ дорогу! О деньгахъ не говорю ничего, ибо, какъ сами знаете, я ихъ считаю за самую послѣднюю вещь. Займите у перваго попавшагося и для себя, и для F*. А не то — и я вамъ найду даже случай доставить деньги, если ихъ окажется потомъ недостаточно...

Къ В. А. Жуковскому.

Вторникъ. (Гомбургъ 20 мая, 1845.)

Не постигая, что̀ дѣлать съ присланнымъ вами письмомъ, посылаю его къ вамъ. Таковой Л**** я отнюдь не знаю и не могу постигнуть, зачѣмъ приписано внизу bei G. Gogol. Лучше бы всего узнать въ полиціи; можетъ быть, точно такая Л**** существуетъ во Франкфуртѣ. Если же его отдать вновь на почту, то я думаю, врядъ ли она, бѣдная, его получитъ. Знаете ли, что ваше письмо я получилъ только сегодня? ибо оно успѣло уже вновь побывать во Франкфуртѣ за неотысканіемъ меня, тогда какъ я отправилъ свой адрессъ и въ полицію, и въ здѣшній кургаусъ; но почтовый чиновникъ, случившійся во время пріема писемъ, такъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ знаетъ всѣхъ живущихъ въ Гомбургѣ, что даже одному дня не позволилъ письму остаться на почтѣ и обратилъ того же часу вспять. А потому вотъ вамъ мой адрессъ Kissileffstrasse, maison Deiainger. Въ Гомбургѣ ни души знакомой, такъ что тоска разбираетъ. Въ четвергъ буду у васъ обѣдать.

Къ N F.

Гомбургъ. Іюнь 4 (1845).

Другъ мой добрый и прекрасный! ваше письмо отъ 12 мною получено. Что его читали не глаза мои, а читало сердце, о томъ нечего и говорить; что всякое изъ страданій вашихъ почувствовано самой глубиной того же сердца, о томъ также нечего говорить. Годъ этотъ всѣмъ труденъ, и не безъ особенныхъ намѣреній Промысла вышняго онъ проходитъ почти для всѣхъ въ скорби ду-

шевной. Напрасно вы также думаете, что я выше всего сталъ того, что принадлежитъ слабѣйшему человѣку, что нашелъ тайну побѣждать страданія и живу въ одномъ Богѣ. Увы! даже и въ первыхъ я ничтоженъ, не говоря уже о послѣднемъ. Жить въ Богѣ значитъ уже жить внѣ самого тѣла, а это невозможно на землѣ, ибо тѣло съ нами. Я даже не въ силахъ выносить покорно моихъ болѣзненныхъ страданій [вотъ уже скоро полгода нахожусь въ безпрерывной борьбѣ съ моими недугами и съ немощію моего духа], взять власть надъ своимъ болѣзненнымъ тѣломъ. Не страдая теперь ни одной душевной болѣзнью, происходящею отъ моихъ отношеній и положеній къ людямъ [впрочемъ, можетъ быть, только такъ это мнѣ кажется и нашептываетъ такъ гордость моя], я страдаю весь душою отъ страданій моего тѣла, и душа изнываетъ вся отъ страшной хандры, которую приноситъ болѣзнь, бьется съ ней и выбивается изъ силъ биться. Я, вѣрно, исхудалъ не меньше вашего, и вы бы ужаснулись, меня увидѣвъ. И ни души не было около меня въ продолженіе самыхъ трудныхъ минутъ, тогда какъ всякая душа человѣческая была бы подаркомъ, и всякой страждущій, вызвавши меня на помощь себѣ, симъ самымъ, можетъ быть, исцѣлялъ бы хотя на время духъ мой. Здоровье мое съ каждымъ часомъ хуже и хуже. Воды Гомбурга дѣйствуютъ дурно, и этому помогаетъ, можетъ быть, опасное положеніе совершеннаго одиночества. Всякое занятіе умственное невозможно и усиливаетъ хандру, а всякое другое занятіе — не занятіе, а потому также усиливаетъ хандру. Изнуреніе силъ совершенное. Вотъ вамъ мое состояніе!

Мнѣ казалось бы, что встрѣча наша была бы нужна съ вами, если Богу угодно будетъ продлить до того времени мою жизнь. Мнѣ казалось, что воды Гастейна вамъ помогли бы больше всего и если бы вы рѣшились хотя съ однимъ F* отправиться въ Гастейнъ, оставивши дѣтей съ миссъ NN въ селѣ NN, то это было бы не дорого. Изъ Москвы вы отправились бы прямо въ Гастейнъ на Вѣну, въ легкомъ экипажѣ.

Вы спрашиваете, какъ познакомиться съ старикомъ Аксаковымъ. Пріѣхавши въ Москву, пошлите прямо за нимъ, чтобы онъ пріѣхалъ къ вамъ. Скажите, что это мое желаніе. Отыщите

также старушку Ш****; скажите также, что я велѣлъ вамъ съ нею познакомиться. Въ минуты трудныя она вамъ будетъ очень полезна. Навѣстите также Языкова. Онъ безъ ногъ, а потому къ вамъ не въ состояніи пріѣхать. Прочихъ всѣхъ можете увидѣть у Хомякова, который дастъ для всѣхъ вечеръ и на немъ покажетъ вамъ всѣхъ. Когда вамъ слишкомъ будетъ трудно и грусть ваша будетъ велика, не позабудьте взять сочиненія Св. Димитрія Ростовскаго [въ 5 томахъ] и въ первомъ томѣ прочтите [помолившись прежде крѣпко Богу] разговоръ между утѣшающимъ и скорбящимъ, и не одинъ разъ потомъ его перечитывайте. Вотъ все, что̀ могу вамъ посовѣтовать, изнывая и скорбя самъ. За тѣмъ обнимаю васъ всей мыслію души моей....

Если будетъ вамъ не въ трудъ, то купите для меня книги: 1) »О небесной Іерархіи«, Діонисія Ареопагита, въ одинъ томъ; 2) »О Церковномъ Священноначаліи«, тоже Діонисія Ареопагита, также въ одномъ томѣ; 3) »Изъясненіе Литургіи«, недавно вышедшее, священника Нортова, и 4) книга совершенно мірская, на дняхъ вышедшая, что-то въ родѣ »Петербургскихъ Сценъ«, Некрасова, которую очень хвалятъ и которую бы мнѣ хотѣлось прочесть.

Письма для большей вѣрности адрессуйте по-прежнему къ Жуковскому; онъ ихъ мнѣ перешлетъ. Книги же нужно будетъ уже прямо въ Гастейнъ. За тѣмъ прошу васъ о томъ же, о чемъ вы меня просите: молитесь обо мнѣ; здоровье мое очень плохо. Молюсь и я объ васъ, сколько въ силѣ то при нынѣшнемъ безсиліи моемъ.

Къ Н. М. Языкову.

5 іюня (1845). Гомбургъ, близъ Франкфурта.

Твое письмо отъ 10 мая мною получено. Другъ мой, ты всё еще принимаешь дѣло легко и почти въ шутку, приглашая меня въ Москву. Больного въ такомъ состояніи, въ какомъ я, не призываютъ, но скорѣе къ нему ѣдутъ. Богъ вѣсть, какъ я еще доберусь до Гастейна. Повторяю тебѣ еще разъ, что болѣзнь моя серьезна. Только одно чудо Божіе можетъ спасти. Силы исчерпаны. Ихъ и безъ того было немного, и я дивлюся.

какъ, при моемъ сложеніи, я дожилъ и до сихъ еще дней. Отчасти, можетъ быть, я обязанъ тому, что берегъ себя и не вдавался во всякія излишества; отчасти обязанъ тому, что Богъ крѣпилъ и воздвигалъ, не смотря на все мое недостоинство и непотребство. Знаю, однакоже, и то, что повредилъ себѣ сильно въ одно время тѣмъ, что хотѣлъ насильно заставить писать себя, тогда какъ душа моя была не готова и когда слѣдовало было покорно покориться волѣ Божіей. Какъ бы то ни было, но болѣзни моей ходъ естественный: она есть истощеніе силъ. Вѣкъ мой не могъ ни въ какомъ случаѣ быть долгимъ. Отецъ мой былъ также сложенья слабаго и умеръ рано, угаснувши недостаткомъ собственныхъ силъ своихъ, а не нападеньемъ какой-нибудь болѣзни. Я худѣю теперь и истаеваю не по днямъ, а по часамъ; руки мои уже не согрѣваются вовсе и находятся въ водянисто-опухломъ состояніи. Припадки прочіе всѣ тѣ же, которые сопровождали бѣднаго Елима Мещерскаго [умершаго тоже отъ изнуренья силъ] за недѣлю до его смерти. Вотъ тебѣ состояніе моей болѣзни, которой не хочу отъ тебя скрывать. Ни искусство докторовъ, ни какая бы то ни было помощь, даже со стороны климата и прочаго, не могутъ сдѣлать ничего, и я не жду отъ нихъ помощи. Но говорю твердо одно только, что велика милость Божія и что, если самое дыханіе станетъ улетать въ послѣдній разъ изъ устъ моихъ и будетъ разлагаться во тлѣньи самое тѣло мое, одно Его мановенье—и мертвецъ возстанетъ вдругъ. Вотъ только въ чемъ возможность спасенья моего. Если сыщется такой святой, чьи молитвы умолятъ обо мнѣ, если жизнь моя полезнѣй точно моей смерти, если достанется хоть сколько-нибудь чистоты грѣшной и нечистой душѣ моей на такого рода помилованіе, тогда жизнь вспыхнетъ во мнѣ вновь, хотя всѣ ея источники изсохли. Знай объ этомъ самъ, объяви о томъ и другимъ, да напрасной надеждѣ и мечтамъ не предаются, а пусть лучше, вмѣсто того, молятся, благоговѣя предъ Божіимъ могуществомъ, благословляя Его и не осмѣливаясь произносить чего-либо похожаго на свои соображенія, а оттоль и на ропталія, и т. п.

Аксакову и Щевыреву скажи, что напрасно они собираются писать отвѣтъ на письмо, на которое просилось одного только дру-

жескаго *да*. Съ тѣхъ поръ прошло уже полгода и молчанье принято, какъ слѣдуетъ, за совершенное согласіе; напоминаніе же о чемъ-нибудь уже забытомъ будетъ мнѣ непріятно. Итакъ да не приходитъ имъ въ умъ заикаться о дѣлахъ рѣшенныхъ и сложенныхъ въ архивъ.

Стихотворенія твои прочелъ...... Изъ нихъ многія мнѣ принесли большое удовольствіе. Въ томъ (числѣ) самое посвященіе Авдот. Пет. Е*** элегіи о надоѣдателѣ весьма замѣтилъ и даже сказалъ о ней Коппу.

Въ Москвѣ будетъ, вѣроятно, на дняхъ NF. Ты долженъ съ ней познакомиться непремѣнно. Это же посовѣтуй Серг. Т. Аксакову и даже Н. Н. Ш*****. Это перлъ всѣхъ Русскихъ женщинъ, какихъ мнѣ случалось изъ нихъ знать прекрасныхъ по душѣ. Но врядъ ли кто имѣетъ въ себѣ достаточныя силы оцѣнить ее. И самъ я, какъ ни уважалъ ее всегда и какъ ни былъ друженъ съ ней, но только въ однѣ истинно страждущія минуты и ея, и мои узналъ ее. Она являлась истиннымъ моимъ утѣшителемъ, тогда какъ врядъ ли чье-либо слово могло меня утѣшить, и подобно двумъ близнецамъ-братьямъ бывали сходны наши души между собою. Она также теперь больна, и дай Богъ ей выздоровленіе для счастія многихъ.

Затѣмъ прощай; Богъ да благословитъ тебя!...

Къ NF.

Гомбургъ. 18 іюня (1845).

Ваше письмецо [отъ мая 23] получилъ, находясь на выѣздѣ въ Гастейнъ. Какъ ни слабъ, но во имя Божіе пускаюсь. Всѣ изъ тѣхъ, которые желали быть въ Гастейнѣ, или говорили о томъ, измѣнили слову.... но да будетъ лучше всего такъ, какъ Богу угодно. Относительно васъ я радъ хотя тому, что вы будете съ ZZ лѣто. Вотъ вамъ мой совѣтъ: позабудьте о себѣ и думайте о нихъ; позабудьте о своихъ недугахъ и думайте о ихъ недугахъ; позабудьте о своихъ огорченіяхъ и думайте о ихъ огорченіяхъ. Чтобы отселѣ въ вашихъ глазахъ какъ-бы вовсе не существовало васъ самихъ и вы однимъ симъ только исцѣлитесь отъ вашего

недуга. Постарайтесь сойтись поболѣе и потѣснѣе съ FZ. Это вамъ слишкомъ будетъ нужно. Вы и доселѣ, сколько мнѣ кажется, не оцѣнили и не узнали, но она будетъ вамъ болѣе всѣхъ теперь нужна, и вы будете нужны ей, укрѣпляя, бодря, освѣжая ее и заставляя ее дѣйствовать.

Словъ вашихъ о векселѣ я не понялъ. Вы пишете, что посылаете вексель за треть и что я буду получать по третямъ. Но въ такомъ случаѣ мнѣ бы слѣдовало получить тысячу слишкомъ франковъ, потому что, основываясь на письмѣ Уварова ([1]), я получаю по тысячѣ рублей серебромъ въ годъ, что̀ составляетъ близъ четырехъ тысячъ франковъ въ годъ. Но, вмѣсто этого, я получилъ отъ васъ вексель только въ триста слишкомъ франковъ. А потому совершенно недоумѣваю, что̀ это значитъ, равно какъ и слова ваши: »Посылаю вексель за первую треть.« Объясните мнѣ это, написавши въ Гастейнъ и давши въ то же время объ этомъ знать и Жуковскому.

Если кто-нибудь ѣдетъ въ Гастейнъ, попросите его взять съ собою тѣ книги, о которыхъ я васъ въ прошедшемъ письмѣ просилъ.

Прошу васъ также, ради Христа, выставлять въ вашихъ письмахъ, что мое письмо, писанное мною къ вамъ отъ такого-то числа, было получено вами такого-то мѣсяца и дня. Этого вы никогда не дѣлаете, а мнѣ это слишкомъ нужно.

За тѣмъ Богъ да укрѣпитъ васъ, изравнявши все во благо. Молюсь Ему и въ сію самую минуту, да какъ освѣжающій дождь, пронесутся сквозь вашу душу всѣ эти доселѣ вами испытанныя изныванья и скорби, и, какъ земля, освѣщенная послѣ бури солнцемъ, будетъ отнынѣ душа ваша. Крѣпко, твердо и бодро, въ дорогу, мой добрый другъ! Во имя Бога, вновь въ дорогу жизни и на всякомъ шагу да будетъ Онъ съ вами, и да будетъ безтрепетна ваша въ Него надежда. Прощайте! Адрессуйте въ Гастейнъ, въ poste restante. А обо мнѣ молитесь...

([1]) Министра народнаго просвѣщенія. Дѣло идетъ о Высочайше пожалованной Гоголю на три года пенсіи, по тысячѣ рублей серебромъ въ годъ.
П. К.

Къ матери.

Карлсбадъ. Іюня 28, 1845.

Пишу къ вамъ всё еще больной изъ Карлсбада, куда отправленъ теперь лечиться. Помогутъ воды, или нѣтъ, это въ волѣ Божіей. Мы можемъ только молиться; молитесь и вы. Ваше письмо, адрессованное во Франкфуртъ [отъ 30 мая] я получилъ уже здѣсь.

Слухи, которые до васъ дошли, что я будто потому не ѣду въ Россію, что совѣстно съ пустыми руками показаться, не совсѣмъ справедливы. Если мнѣ и совѣстно, то, вѣрно, не кого другого, а самого себя. А до того, какъ кто меня приметъ, мнѣ и дѣла нѣтъ; я даже увѣренъ, что меня лучше примутъ, чѣмъ я стóю. Но не въ томъ дѣло; покамѣстъ, главная вещь здоровье. Недуги мои увеличиваются, и вó время всякаго пріѣзда моего въ Россію, я себя чувствовалъ нехорошо. Здѣсь поправлялся и чувствовалъ охоту къ труду и занятіямъ. Но эту зиму [слишкомъ дурную и здѣсь] сталъ понемногу хворать, весной даже заболѣлъ серьезно и даже теперь еще не совсѣмъ вышелъ изъ нерѣшительнаго состоянія, а потому прежде всего помолимся Богу, да устроитъ все по Своей благости и да будетъ милостивъ къ нашему слабодушію и безсилію. Письмо это я посылаю въ конвертѣ, надписанномъ на имя Софьи Васильевны С*. На ваше имя прямо не пишу по тѣхъ поръ, пока вы не увѣдомите меня, что два мои письма вами получены. [въ одномъ изъ нихъ запросъ о причинѣ долгаго молчанія, въ другомъ хозяйственныя распоряженія относительно порученія Лизѣ вести книгу расхода и прихода, съ храненіемъ денежной кассы]. Адрессуйте въ Карлсбадъ, poste restante. А о выздоровленіи моемъ прошу васъ, любезнѣйшая маминька, помолиться, равно какъ и о здоровьѣ сестеръ моихъ и всѣхъ васъ. Прошу васъ также отправить обо мнѣ молебенъ, не только въ нашей церкви, но даже, если можно, и въ Диканькѣ, въ церкви святого Николая, котораго вы всегда такъ умоляли о предстательствѣ за меня. Но, молясь Богу, нужно все простить всѣмъ и, кромѣ того, предаться совершенно въ волю Божію и душою, и

тѣломъ, и всѣмъ существованіемъ, и все принять радостно, что ни пошлетъ Онъ намъ.

За тѣмъ прощайте!...

Къ NF.

Берлинъ. 5 іюля (1845).

Пишу къ вамъ, мой прекрасный другъ NF, изъ Берлина, куда притащился я больной и еле движущійся для окончательнаго совѣщанія съ здѣшнимъ докторомъ Шонлейномъ; ибо мнѣніе докторовъ о моемъ леченіи раздвоилось: одни совѣтуютъ въ Гастейнъ, другіе рѣшительно морское купанье и какъ можно подольше. Пріѣздъ въ Берлинъ вышелъ неудаченъ: Шонлейна я не засталъ: онъ уѣхалъ за день до моего пріѣзда и возвратится нескоро. Я, признаюсь, скорѣе наклоненъ къ морскому. Въ немъ есть что-то освѣжающее уже съ самого начала, и самому бренному тѣлу моему какъ-то болѣе желалось бы моря. Но рѣшиться не могу. Морскія купанья, пока, еще всѣ пусты, а островъ Эльголандъ, куда предпочтительно шлютъ меня, особенно пустыненъ, и ни одна Русская душа туда не заѣзжаетъ, тогда какъ онъ всего въ четырехъ, или съ небольшимъ, часахъ отъ Гамбурга. Итакъ вотъ какого рода мое положеніе: за два дни до моего отъѣзда я еще не знаю навѣрно, куда ѣду. Знаю одно только то, что опаснѣе всего для меня хандра, а она какъ нарочно, предстоитъ мнѣ въ тѣхъ мѣстахъ, куда шлютъ меня, и какъ нарочно никогда еще не посылали меня въ такія лишенныя людства мѣста, какъ нынѣ. Не разъ приходитъ мнѣ на умъ, какое утѣшеніе было бы теперь намъ встрѣтиться именно въ нынѣшнія минуты! Но это, какъ видно, Богу неугодно, покамѣстъ. По крайней мѣрѣ, во всякомъ случаѣ, посовѣтуйтесь серьезно съ докторами на-счетъ вашихъ нервъ, если только вамъ не лучше. Я увѣренъ, что вамъ присовѣтуютъ или Гастейнъ, или море съ морскимъ купаньемъ. Если море, тогда переѣздъ не станетъ вамъ ничего. Ни экипажей, ни громозду не нужно; на пароходъ взять надобно одни только сундуки и пріѣхать только въ Гамбургъ, а изъ Гамбурга въ нѣсколькихъ шагахъ всѣ притоны морскихъ купаній.

Какъ бы хороши были морскія купанья для G Z также! и какъ бы удобно было вамъ сдѣлать это путешествіе вмѣстѣ! Издержекъ вы бы сдѣлали менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ лѣтомъ, а между тѣмъ, набрались бы сколько-нибудь здоровья для зимы. Притомъ самое спокойное путешествіе, несопряженное ни съ какими хлопотами и продолжающееся всего одну недѣлю, если не меньше. А для меня островъ Эльголандъ превратился бы тогда въ рай. Я увѣренъ, что F* помогли бы также весьма сильно морскія купанья. Ему нужны укрѣпляющія, и освѣжающія средства. Но буди все по волѣ и милости Божіей! а вы всё-таки дайте мнѣ скорый отвѣтъ на это письмо. Адрессуйте на имя Михайла Михайловича въ Берлинъ. Онъ мнѣ отправитъ туда, куда я потащусь.

Прощайте, другъ мой. Усталъ, не имѣю силъ даже двигать перомъ, а между тѣмъ много и много еще предстоитъ дороги впередъ, если придется ѣхать въ Гастейнъ. Но если и въ Гастейнѣ я узнаю, что вы ѣдете на морскія купанья, то притащусь отвсюду къ вамъ, не смотря ни на какой переѣздъ. Прощайте же и напишите хотя нѣсколько строчекъ. Душа моя обнимаетъ вашу душу...

Само собой разумѣется, что вы должны крѣпко и сильно обнять за меня всѣхъ Z Z.

Къ В. А. Жуковскому.

Берлинъ. Іюля 14 (1846).

Я медлилъ описаньемъ вамъ моихъ плачевныхъ похожденій, желая написать вамъ что-нибудь о себѣ утѣшительное. Изъ Франкфурта я выѣхалъ въ состояніи совершенно нерѣшительномъ насчетъ моей болѣзни. Меня смущала не самая болѣзнь моя, но то, что я не могъ добиться отъ докторовъ, въ чемъ именно состоитъ болѣзнь моя. Что есть во мнѣ нервическое разстройство, это я слышалъ, но отчего оно произошло, это осталось для меня задачей, а безпрерывное возраст(ан)ье недуговъ не-нервическихъ вмѣстѣ съ нервическими, изсушеніе всего тѣла и цвѣтъ мертвечины, который оно принимало, чѣмъ дальше, больше, все это запутывало еще больше задачу и не давало мнѣ надлежащаго духа отважиться на одинокое и пустынное леченіе, опасное при хандрическомъ

расположеніи духа, постоянно преслѣдовавшаго меня. А потому я не былъ спокоенъ во все время путешествія, хотя и старался взять всю власть надъ собою. Для душевнаго моего спокойствія оказалось мнѣ нужнымъ отговѣться въ Веймарѣ. Гр. Т** также говѣлъ вмѣстѣ со мною. Добрый Веймарскій священникъ совѣтовалъ мнѣ убѣдительно посовѣтоваться еще на дорогѣ съ знаменитымъ докторомъ въ Галлѣ, Крукенбергомъ. Къ сему склонялъ меня и графъ Т**, видѣвшій усиливавшіеся мои припадки, исхуданье и странный болѣзненный цвѣтъ кожи. Крукенбергъ обратилъ особенное вниманіе на мою спину, пытаясь отыскать въ ней причину этой болѣзни моей, исхуданья и разслабленья, и прочаго. Онъ меня раздѣлъ и щупалъ всего, перебралъ и перещупалъ всякой позвонокъ въ спинѣ, испробовалъ грудь, стуча по всякой кости и, нашедъ то и другое въ добромъ здоровьи, вывелъ заключеніе, подобно Коппу, что все дѣло въ нервахъ и что мнѣ необходимо прожить три мѣсяца, по крайней мѣрѣ, на открытомъ морѣ, купаясь ежедневно и что для этого всего удобнѣе мнѣ островъ Helgoland, недалеко отъ Гамбурга, что Гастейнъ меня можетъ разгорячить. Это заключеніе меня не совсѣмъ утѣшило и не могло прогнать сомнѣній: во-первыхъ, потому, что я чувствовалъ ясно въ себѣ кое-что сверхъ нервъ; а во-вторыхъ, потому, что я не въ силахъ былъ пренебречь такимъ сильнымъ авторитетомъ, каковъ Коппа, присовѣтовавшаго Гастейнъ. Я рѣшился ѣхать до Берлина и предоставить то и другое на судъ Шонлейна, разсказавши все мое критическое положеніе и съ чьимъ мнѣніемъ онъ будетъ согласнѣй, на то рѣшиться и отважиться, основываясь единственно на большинствѣ голосовъ. Но, на мою бѣду, Шонлейна въ Берлинѣ не засталъ: онъ уѣхалъ въ Гомбургъ, и я остался, весь преданный нерѣшительности. А каково мое положенье, это предоставляю судить всякому, кто знаетъ, что такое нерѣшительность въ важную минуту. Уходящее между тѣмъ время еще болѣе увеличивало тягость моего положенія. Въ Берлинѣ посовѣтовали мнѣ съѣздить по крайней мѣрѣ въ Дрезденъ къ доктору Карусу. Я поѣхалъ въ Дрезденъ. Карусъ, когда я разсказалъ ему все дѣло, распросилъ меня обо всемъ образѣ моей жизни и обо всѣхъ излишествахъ, какимъ я предавался въ жизни и которыя могли бы произвести во мнѣ въ такой силѣ нервическое

разстройство. Не найдя ихъ достаточными для произведенія совершеннаго разстройства нервъ и найдя жизнь мою довольно для того умѣренною, онъ сказалъ, что причины должны быть иныя и что онъ пріѣдетъ ко мнѣ на домъ разсмотрѣть и ощупать меня всего. Раздѣвши меня всего, онъ перещупалъ меня также. Стучалъ по всѣмъ мѣстамъ и костямъ въ груди, нашелъ грудь здоровою, щупалъ животъ и потомъ началъ вновь стучать по ребрамъ въ правомъ боку. Здѣсь онъ остановился и нашелъ что звукъ гораздо повыше мѣста печени уже становится глухимъ, что̀ по его мнѣнью, есть ясный признакъ, что печень выросла, оставляя менѣе и менѣе мѣста для легкихъ, что дѣло все въ печени, что отсюда исхуданіе, зеленый цвѣтъ кожи, безпорядокъ желудочныхъ отправленій, нервическое разстройство и дурное кровообращеніе крови, что лечить нужно прежде всего печень и что, не теряя времени, слѣдуетъ мнѣ прежде всего ѣхать въ Карлсбадъ. Итакъ вотъ вамъ мое положеніе. Ѣду въ Карлсбадъ, потому что на что-нибудь должно рѣшиться, потому что мнѣніе это послѣднее, уже произнесенное по соображеніи всѣхъ мнѣній прочихъ докторовъ,—потому что Карлсбадъ менѣе другихъ пустыненъ и, можетъ быть, не такъ опасенъ въ разсужденіи хандры. А благоразумно ли я это дѣлаю, право, не знаю. Одинъ Богъ знаетъ, что̀ для меня истинно полезно и какой изъ врачей менѣе всѣхъ другихъ ошибся. Объявите и разскажите объ этомъ обстоятельно Коппу. Какого онъ будетъ объ этомъ мнѣнія? Мнѣ жаль только, что ни мнѣ, ни ему не пришло въ умъ — меня раздѣвши ощупать хорошенько всего, что̀ было бы весьма удобно, потому что по моему тѣлу можно теперь проходить полный курсъ анатоміи: до такой степени оно высохло и сдѣлалось кожа да кости. Пожмите ему крѣпко руку и поблагодарите въ то же время за все, и особенно за то, что онъ не сердился на мою нерѣшительность, слабодушіе и сомнѣніе. Вы сами видите мое положеніе: всѣ эти слабости, уже кромѣ того, что происходятъ отъ критическаго моего положенія, суть въ то же время неминуемыя слѣдствія самой болѣзни моей и, можетъ быть, съ ней вмѣстѣ составляютъ нераздѣльное и единое.

А вы, мой безцѣнной другъ и душа, много, много любимая, не гнѣвайтесь на меня ни за то, что я доселѣ не давалъ вѣсти о

себѣ, ни за то, что я не въ силахъ былъ дѣйствовать, какъ твердый мужъ, и не колебаться во время колебаній, ни за то, что и теперь я, можетъ быть, пишу безсвязно и ужъ, вѣрно, неразборчиво и нечетко. Все простите мнѣ и помолитесь обо мнѣ крѣпко Богу, да укрѣпитъ меня и воздвигнетъ и обратитъ мнѣ въ цѣленіе и пользу предстоящее леченіе. Посылаю мой душевный поклонъ вашей добрѣйшей супругѣ; обнимаю мысленно вашихъ малютокъ; обнимаю также добраго бар. Рейтерна и посылаю искренной поклонъ всей милой семьѣ его. Напишите въ отвѣтъ только двѣ строчки, чтобы я зналъ, что письмо мое получено. Адрессуйте въ Карлсбадъ, poste restante. Пріѣхавши въ Карлсбадъ, я вамъ пришлю тотъ же часъ свой полный адрессъ. Выѣзжаю я отсюда завтра, а послѣ завтра надѣюсь быть въ Карлсбадѣ...

Къ N F.

Берлинъ. 15 іюля (1845).

Пишу къ вамъ еще разъ изъ Берлина, гдѣ долженъ былъ я прожить полторы недѣли въ ожиданіи Шонлейна, котораго, однакожъ, не дождался. Вмѣсто того, пришелъ отвѣтъ, что Шонлейнъ будетъ не раньше, какъ чрезъ три недѣли. Чтобы чѣмъ-нибудь рѣшить дѣло, я съѣздилъ въ Дрезденъ къ Карусу. Карусъ, по выслушаніи всего, равно какъ и затруднительнаго моего состоянія на-счетъ того, что предпринять и чему послѣдовать, осмотрѣлъ меня всего, перещупалъ все мое высохнувшее тѣло и кости, и задалъ мнѣ новую задачу: нашелъ, что все дѣло у меня въ печени, которая сильно выросла, и что мнѣ слѣдуетъ ѣхать въ Карлсбадъ и лечиться Карлсбадомъ, какъ единственнымъ для того средствомъ. Итакъ я теперь, перекрестясь и благословясь, и предаясь совершенно на волю Божію, ѣду въ Карлсбадъ; а васъ прошу помолиться обо мнѣ, безцѣнный другъ мой NF. Отправьте молебенъ о моемъ выздоровленіи и попросите помолиться обо мнѣ того изъ служителей Божіихъ, чьи молитвы доступнѣе и дѣйствительнѣе. Молитвы лучшихъ изъ насъ много могутъ сдѣлать. Отправьте молебенъ также и о вашемъ собственномъ выздоровленіи.

Наше выздоровленіе въ рукахъ Божіихъ, а не въ рукахъ докторовъ и не въ рукахъ какихъ-либо медицинскихъ средствъ. Я думаю, что какое бы ни было предписано намъ леченіе, хотя бы оно даже и не вполнѣ соотвѣтствовало нашему недугу и даже самый врачъ ошибся, но если мы во имя Божіе и съ вѣрой въ Бога станемъ имъ лечиться, то всевышняя Воля направитъ все въ исцѣленіе намъ. Карлсбадъ имѣетъ хотя то преимущество, что тамъ я буду не одинъ, по крайней мѣрѣ тамъ рѣдко бываетъ безъ большого съѣзда Русскихъ, что̀ теперь, по причинѣ одолѣвающей ме́ня безпрерывно хандры, не совсѣмъ маловажно.

Адрессуйте или прямо въ Карлсбадъ, poste restante, или въ Берлинъ, на имя Мих. Михалини, для отправленія ко мнѣ.

За тѣмъ обнимая васъ всею душою и мыслію, молю васъ не лѣниться писать ко мнѣ; и хотя по двѣ и по три строчки, но какъ можно почаще говорить о вашемъ душевномъ состояніи. Въ немъ все мнѣ дорого, и хотя бы вы мнѣ писали *нехотя*, въ безсвязныхъ отрывкахъ, въ недоконченныхъ рѣчахъ и словахъ — душа моя найдетъ въ нихъ смыслъ, а Богъ вразумитъ и въ неполнотѣ почувствовать дѣло въ полнотѣ...

Къ В. А. Жуковскому.

Карлсбадъ. 24 іюля (1845).

Ваше милое письмо и съ нимъ вмѣстѣ и приложенныя на мое имя письма получилъ и благодарю васъ очень за то и за другое. Вотъ уже пять дней, если не болѣ, какъ пью воды Карлсбада. Больше ничего не могу сказать: такъ слабъ и въ изнуренномъ состояніи. У Каруса я распросилъ обо всемъ; въ этомъ отношеніи не безпокойтесь. Онъ составилъ описаніе найденнаго имъ во мнѣ недуга, въ соединіи съ письмомъ къ здѣшнему доктору. Доктора имя — Флеклесъ. Докторъ Флеклесъ подтверждаетъ все то же, что̀ Карусъ, что̀, впрочемъ, ни удивительно, ни слишкомъ обнадеживательно, ибо такъ бываетъ и водится всегда. Что̀ до меня, надежду болѣе всего возлагаю на Бога. Его святой волѣ угодно — и дѣйствіе, по-видимому, вредоносное обратится въ полезное. Да

будетъ же Его воля и да поможетъ Онъ намъ въ безсиліи нашемъ и подастъ намъ силы произносить ежеминутно: *Да будетъ воля Твоя!* Съ водами я поступаю осторожно, ибо знаю, что, сколь ни благотворны онѣ въ такомъ случаѣ, если болѣзнь именно та, которую опредѣлилъ Карусъ, столько вредоносны и гибельны, если болѣзнь не та, то есть, если первоначальная причина болѣзни не въ печени, а въ нервахъ и во всеобщемъ разслабленіи и изнуреніи силъ.

Тутъ середины нѣтъ: *либо панъ, либо пропалъ*, такъ по крайней мѣрѣ гласятъ всѣ медицинскія описанія Карлсбадскихъ водъ. Но великъ Богъ и природа человѣка еще такая тайна, которая ускользаетъ далеко во многомъ отъ глаза докторовъ; а потому все клонится къ тому, что во время леченія еще крѣпче и сильнѣй нужно молиться Богу. Молитесь и вы, мой добрый другъ. Больше писать, покамѣстъ, не въ силахъ. Въ слѣдующій разъ и особенно, когда почувствую себя лучше, напишу пообстоятельнѣй и подлиннѣй. Обнимаю васъ отъ всей души и передаю душевный поклонъ Елисаветѣ Алексѣевнѣ...

Къ Н. М. Языкову.

Карлсбадъ. 25 іюля (1845).

Пишу къ тебѣ, разслабленный и еле движущійся, изъ Карлсбада, куда наконецъ забросила меня судьба. Оставивши Франкфуртъ, я не посмѣлъ прямо ѣхать Гастейнъ, боясь сильно одиночества и неувѣренный въ томъ, какого рода во мнѣ болѣзнь и прямо ли дѣйствителенъ противъ нея Гастейнъ. Я рѣшился ѣхать въ Берлинъ, воспользовавшись сотовариществомъ графа А. П. Т***, съ тѣмъ чтобы посовѣтоваться съ Шонлейномъ. На дорогѣ въ Веймаръ, говѣлъ во второй разъ и пріобщался. Тамошній очень добрый священникъ нашъ совѣтовалъ мнѣ непремѣнно, ѣдучи въ Берлинъ, заѣхалъ по дорогѣ въ Галь, къ тамошней знаменитости, доктору Крукенбергу, о которомъ онъ разсказывалъ чудеса. Крукенбергъ, осмотрѣвши и ощупавши меня всего — спинной хребетъ, грудь и все высохнувшее мое тѣло — и нашедъ все въ над-

лежащемъ видѣ, рѣшилъ, что причина всѣхъ болѣзненныхъ припадковъ заключена въ сильнѣйшемъ нервическомъ разстройствѣ, покрывшемъ всѣ прочіе припадки и произведшемъ всѣ недуги. Гастейнъ совѣтовалъ мнѣ рѣшительно оставить, какъ раздражительный, и, вмѣсто того, предписалъ мнѣ провесть по крайней мѣрѣ три мѣсяца въ открытомъ морѣ на островѣ Helgoland, на Сѣверномъ морѣ. Рѣшеніе это произвело во мнѣ только нерѣшимость и гадкое состояніе сомнѣнія, а въ Гастейнѣ и въ морѣ, то и другое было опредѣлено врачами извѣстными и прославленными, и тѣмъ еще болѣе повергло меня въ нерѣшимость. А потому ожидалъ съ нетерпѣніемъ, что̀ скажетъ Шонлейнъ, положивши себѣ напередъ послѣдовать тому, что̀ утвердитъ и признаетъ справедливѣйшимъ онъ. Но Шонлейна не было уже въ Берлинѣ: онъ уѣхалъ за день до моего отъѣзда, именно въ Гомбургъ, откуда я выѣхалъ. Недѣлю слишкомъ въ тоскѣ ожидалъ я его въ Берлинѣ. По истеченіи этого времени, пришло отъ него извѣстіе, что онъ около мѣсяца пробудетъ въ отлучкѣ. Время между прочимъ было уже слишкомъ подвинуто, и я рисковалъ пропустить время водъ. И нерѣшимость, и настоящее состояніе болѣзни моей стали мнѣ не въ терпежъ; я рѣшился отправиться еще къ одной знаменитости, къ Карусу, въ Дрезденъ. Карусъ осмотрѣлъ меня вновь всего, отъ головы до ногъ, ощупалъ и перестучалъ всѣ мои кости и перещупалъ животъ, и нашелъ, что главная причина всего заключалась въ печени, что печень необыкновенно выросла, оставивъ весьма мало мѣста для легкихъ, что оттуда и нервическое разстройство, и разслабленіе, и прекратившееся выработываніе крови, что прежде всего слѣдуетъ излечить печень, что для этого необходимъ Карлсбадъ и что я долженъ какъ можно скорѣй туда ѣхать, дабы не упустить времени. Уставши и выбившись весь изъ силъ, я рѣшился послѣдовать послѣднему совѣту, во-первыхъ, потому, что онъ данъ послѣ всѣхъ, во-вторыхъ, потому, что Карлсбадъ менѣе другихъ грозитъ одиночествомъ, что̀ было бы для меня совершенно опасно при хандрѣ, порождаемой самой болѣзнью и увеличивающейся постепенно болѣе, въ-третьихъ, потому, что нужно же на что-нибудь наконецъ рѣшиться. Карлсбадъ, по сознанію всѣхъ, можетъ дѣйствовать благодѣтельно, если главная причина

всѣхъ разстройствъ произошла въ печени, и можетъ подѣйствовать въ конецъ разрушительно, если главная причина въ самомъ нервическомъ разстройствѣ, или же во всеобщемъ разслабленіи и изнуреніи силъ. Однимъ словомъ, *либо панъ, либо пропалъ.* Итакъ вотъ тебѣ мое положеніе. Жду полнаго успѣха леченія только отъ одной милости Божіей. Сегодня седьмой день, какъ началъ пить воды. Пью съ осторожностью и ничего не могу еще сказать, кромѣ того, что слабость увеличилась и въ-силу могу передвигать ноги. Руки какъ ледъ и особенно холоднѣе не тогда, когда сижу на мѣстѣ, а когда дѣлаю движеніе и потѣю.

Но прощай. Въ-силу могъ сладить съ письмомъ...

Поблагодари Аксаковыхъ и Надежду Николаевну за ихъ милыя письма. Отвѣчать же теперь совершенно не въ силахъ, а буду, какъ только сколько-нибудь приду въ состояніе.

Къ Н. Н. Ш — вой.

25 іюля (1845).

Молитесь, другъ мой, обо мнѣ. Ваши молитвы мнѣ были нужны всегда, а теперь нужнѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Здоровье мое плохо совершенно, силы мои гаснутъ. Отъ врачей и отъ искусства я не жду уже никакой помощи, ибо это физически невозможно; но отъ Бога все возможно. Молитесь, да поможетъ Онъ мнѣ умѣть терпѣть, переносить, умѣть покоряться, умѣть молить Его и умѣть благославлять Его въ самыхъ страданіяхъ. Я слишкомъ знаю, что нельзя зажечь уже свѣтильникъ, если не стало масла; но знаю, что есть Сила, Которая и въ мертвомъ воздвигнетъ духъ жизни, если восхочетъ, и что молитва угодныхъ Богу душъ велика предъ Богомъ. Молитесь, другъ мой, да не оставляетъ меня въ минутахъ невыносимой скорби и унынія, которыя я уже чувствую и которыхъ, можетъ быть, цѣлый рядъ предстоитъ мнѣ впередъ, въ степени сильнѣйшей. Молитесь, да укрѣпитъ меня и спасетъ меня...

Къ N F.

25 іюля (1845).

Слабый и еле движущійся пишу къ вамъ изъ Карлсбада. Покамѣстъ, воды меня повергнули въ совершенное разслабленіе тѣлесное. Вотъ все, что̀ могу сказать. Что̀ будетъ потомъ, это извѣстно одному Богу. Карлсбадъ можетъ помочь, если всѣ мои недуги происходятъ отъ печени, и можетъ въ конецъ повредить, если прямо отъ нервъ и отъ разслабленія, соединеннаго съ изнуреньемъ силъ.

Жуковскій переслалъ мнѣ ваши два письмеца [послѣднее отъ 19 іюня]. Наконецъ судьба ND рѣшилась: ему досталась на долю NN. Что̀ жъ? это хорошо: близко отъ Москвы и не такъ далеко отъ Петербурга: Въ Москву вамъ нужно иногда навѣдываться для освѣженія, а иногда и для переговоровъ съ людьми, которыхъ свѣдѣнія вамъ могутъ быть полезны. — — Къ тому жъ въ краткое время пріѣзда гораздо больше обдѣлывается и дѣлается дѣлъ, чѣмъ въ долгое пребываніе. — — Постарайтесь только узнать получше всѣхъ, умѣйте всѣхъ и каждаго выспросить и не принимайте ничьего показанія за непреложное и послѣднее, пока не отберете и отъ другихъ такихъ же показаній, а отобравши не пощупаете сами собственными руками, и тогда уже, съ Божьею помощью, благословясь принимайтесь за дѣло.

Вы коснулись »Мертвыхъ Душъ« и просите меня не сердиться на правду, говоря, что исполнились сожалѣніемъ къ тому, надъ чѣмъ прежде смѣялись. Другъ мой, я не люблю моихъ сочиненій, доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ, и особенно »Мертв. Душъ«. Но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за нихъ автора, принимая за каррикатуру насмѣшку надъ губерніями, такъ же, какъ были прежде несправедливы хваливши. Вовсе не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что̀ имъ приписываютъ, есть предметъ »Мертвыхъ Душъ«. Это, покамѣстъ, еще тайна, которая должна была вдругъ, къ изумленію всѣхъ [ибо ни одна душа изъ читателей не догадалась], раскрыться въ послѣдующихъ томахъ, если бы Богу угодно было продлить

жизнь мою и благословить будущій трудъ. Повторяю вамъ вновь, что это тайна, и ключъ отъ нея, покамѣстъ, въ душѣ у одного только автора. Многое, многое даже изъ того, что̀, по-видимому, было обращено ко мнѣ самому, было принято вовсе въ другомъ смыслѣ. Была у меня точно гордость, но не моимъ *настоящимъ*, не тѣми свойствами, которыми владѣлъ я; гордость *будущимъ* шевелилась въ груди, — тѣмъ, что представлялось мнѣ впереди,— счастливымъ открытіемъ, которымъ угодно было, въ слѣдствіе Божіей милости, озарить мою душу, — открытіемъ, что можно быть далеко *лучше* того, чѣмъ есть человѣкъ, что есть средства и что для любви... Но некстати я заговорилъ о томъ, чего еще нѣтъ. Повѣрьте, что хорошо знаю, что я слишкомъ дрянь, и всегда чувствовалъ болѣе или менѣе, что въ *настоящемъ* состояніи моемъ я дрянь и все дрянь что̀ ни дѣлается мною, кромѣ того, что̀ Богу угодно было внушить мнѣ сдѣлать, да и то было сдѣлано мною далеко не такъ, какъ слѣдуетъ... Но рука моя устаетъ.

Другъ мой, укрѣпимся духомъ, примемъ все, что̀ ни посылается намъ Богомъ, и возлюбимъ все посылаемое, и какъ бы ни показалось оно горько, примемъ за самый сладкій даръ отъ руки Его. Злое не посылается Богомъ, но попускается Имъ для того только, чтобы мы въ это время обратились къ Нему, прижались бы ближе къ Нему, какъ дитя къ матери, при видѣ испугавшаго его предмета, испросивъ у Него силъ противу зла. Итакъ возрадуемся приходу зла, какъ возможности приблизиться ближе къ Богу. Крестомъ сложивши и поднявъ глаза къ Нему, будемъ ежеминутно говорить: *Да будетъ воля Твоя*, и все примемъ, благословляя и самую тоску, и скуку, и тяжкую болѣзнь.

Не знаю, какъ вамъ дать адрессы Московскихъ моихъ знакомыхъ. Они всѣ, вѣроятно, разъѣхались. О квартирѣ и мѣстопребываніи Языкова Никол. Михайловича можете узнать на Кузнец(комъ) мосту въ домѣ Хомякова. О Надеждѣ Николаевнѣ Ш***** узнаете, если нѣтъ Акс(аковыхъ) и Языкова въ городѣ, у Авдотьи Петровны Е*** [въ собств. домѣ, у Красныхъ воротъ], съ которой вамъ совѣтую тоже познакомиться. Шевыревъ Степанъ Петровичъ живетъ въ собств. домѣ, въ Дегтярномъ переулкѣ, близъ Тверской. Съ обоими Кирѣевскими, Иваномъ и Петромъ Васильевичами,

познакомитъ васъ ихъ матушка. Адрессъ С**** у Хомякова, или у Е***. Ч*** Елисавета Григорьевна живетъ на Мясницкой близъ Мясницкихъ воротъ въ приходѣ Егора. Все семейство Аксакова Сергѣя Тимоѳеевича, вѣроятно, переѣхало въ деревню; если жъ въ городѣ, то адрессъ ихъ узнаете, пославши человѣка или къ Шевыреву, или къ Погодину, живущему подъ Дѣвичьимъ монастыремъ въ собственн. домѣ...

Но прощайте, другъ мой. И руки, и ноги, и голова устали, и уже не помню, что пишу. Не позабывайте, пишите почаще...

Во время тоски, читайте Св. Дмитрія Ростовскаго разговоръ между утѣшающимъ и скорбящимъ, напечатанный въ его сочиненіяхъ. А потомъ примитесь, отбросивши всякое помышленіе, какъ ученикъ и какъ школьникъ, учить на изустъ псалмы, какъ я вамъ когда-то назначалъ.

Къ С. П. Шевыреву.

Іюля 26. Швальбахъ (1845).

Пишу къ тебѣ нѣсколько строкъ изъ Швальбаха, куда заѣхалъ съ тѣмъ, чтобы повидаться съ Жуковскимъ, берущимъ здѣсь ванны, а съ тѣмъ вмѣстѣ отдохнуть и даже взять нѣсколько ваннъ самому, которыя, какъ сказываютъ, могутъ хоть нѣсколько укрѣпить мои нервы. Отъ Языкова я наконецъ получилъ твои лекціи; прочелъ еще весьма немного, ибо, самъ знаешь, такого рода книги неприлично глотать вдругъ; но уже по началу вижу важность дѣла и труда, и веселю себя имъ, какъ предстоящимъ лакомствомъ.

Теперь приступаю къ тебѣ съ просьбою моей, весьма убѣдительной — напечатать второе изданіе »М. Д.«, въ томъ же самомъ видѣ, на такой же бумагѣ, въ той же типографіи, въ томъ же числѣ экземпляровъ [2400, т. е. два завода], съ присовокупленіемъ только предисловія, которое я пришлю потомъ, когда печатанье будетъ къ концу. Нужно будетъ его отпечатать въ мѣсяцъ, дабы оно могло явиться въ свѣтъ ни какъ не позже 15 сентября. Экземпляры разойдутся — это я знаю. Послѣ того голоса, который я подамъ отъ себя, передъ моимъ отправленіемъ на поклоненіе къ Святымъ Мѣстамъ, ихъ станутъ раскупать. — — —

О полученіи этого письма увѣдомь, равно какъ и о распоряженіяхъ, адрессуя во Франкфуртъ, на имя Жуковскаго...

Къ NF.

Карлсбадъ 28 іюля (1845).

Карлсбадъ, пока, разслабилъ и разстроилъ меня слишкомъ сильно. Послѣ, можетъ быть, не соберусь и не успѣю; можетъ быть, недугъ еще болѣе помѣшаетъ... а потому тороплюсь поговорить съ вами теперь о предстоящей вамъ жизни внутри Россіи и объ обязанностяхъ, съ ней сопряженныхъ. Намѣчу одни только главные пункты. Вамъ немного нужно говорить: недоговоренное вы почувствуете сами и пополните все, что̀ мною будетъ пропущено. Ваше вліяніе гораздо значительнѣе, нежели вашего мужа. Начинаю съ этихъ словъ. Ихъ вліяніе, на *чиновниковъ* — и то по мѣрѣ прикосновенія чиновниковъ съ должностью, ваше вліяніе — на *женъ* чиновниковъ вообще, по мѣрѣ прикосновенія ихъ съ жизнью городскою и домашнею, и по вліянію ихъ на мужей своихъ, существеннѣйшему и сильнѣйшему, чѣмъ всѣ другія власти. Благодаря нынѣшнему направленію обезьянства, съ васъ будутъ брать и заимствовать все до послѣдней бездѣлицы. Итакъ вы видите сами, какъ вы можете быть значительны. Дамскія общества въ губерніяхъ скучны до нестерпимости. Въ этомъ согласны всѣ. Въ началѣ вамъ будетъ слишкомъ трудно. Во-первыхъ, всѣ онѣ заражены, болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ столицахъ, страстью рядиться: источникъ взиманія взятокъ и всякихъ несправедливостей для ихъ мужей. Смотрите, чтобы вы всегда были одѣты просто, чтобы у васъ какъ можно было поменьше платья. Нападайте на визиты, источники всякихъ ссоръ и щекотливыхъ раздражительностей честолюбья и самолюбья. Говорите почаще, что вы совершенно считаете за ничто, сдѣлаетъ ли вамъ, или не сдѣлаетъ кто визита, что принимать это за важное — грѣхъ, а выводить изъ того какія-нибудь заключенія — мелко. Говорите, что вы считаете неизвинительнымъ не сдѣлать визита, когда визитъ чѣмъ-нибудь можетъ быть полезенъ, когда посѣщаемый находится въ горѣ, въ тоскѣ, когда нужно

его утѣшить, развеселить, или поднять духъ его, и докажите это дѣломъ. Какъ только узнаете, что какая-нибудь изъ дамъ или захворала, или тоскуетъ, или въ несчастіи, или, просто, что̀ бы ни случилось съ нею, пріѣзжайте къ ней тотъ же часъ. Будьте къ ней заботливы и обходительны съ ней, и, ободривши ее, оставляйте ее скоро, чтобы обратиться къ другой, или къ ждущему васъ благотворительному подвигу. Долго не засиживайтесь, заставляйте лучше желать вашего вторичнаго посѣщенія; лучше пусть будутъ чаще ваши пріѣзды для утѣшенія, чѣмъ продолжительны. Нужно, чтобъ въ первый пріѣздъ вашъ увидѣли только вашу доброту и ваше искреннее расположеніе любить, а потомъ вы уже нечувствительно будете мало-помалу пріобрѣтать надъ ними власть, и придете въ силы внушать имъ, какъ онѣ должны дѣйствовать благотворительно на мужей. Что̀ же окажется слишкомъ жестко и нельзя будетъ расшевелить, что̀, какъ застарѣлая болѣзнь, будетъ противиться умягчающимъ лекарствамъ, то до времени оставьте, не идите слишкомъ упрямо противъ него, лучше, покамѣстъ, сообщите это духовному пастырю. — —

Прежде всего познакомьтесь съ тѣми женщинами, которыя поумнѣе другихъ, распросите у нихъ обстоятельно и хорошо о всѣхъ другихъ, которыя поглупѣе, не упуская ничего, до самыхъ пустыхъ привычекъ и мелочей. Вы владѣете искусствомъ распрашивать и развѣдывать. Доселѣ вы употребляли это искусство суетно и на пустое; теперь слѣдуетъ возвратить ему законное благодѣтельное значеніе. Помните теперь твердо, что всѣ эти мелочи суть признаки тѣхъ болѣзней, которыя вамъ слѣдуетъ лечить, и не зная которыхъ во всей подробности, вы никакъ не съумѣете лечить самой болѣзни, какъ бы разсудительно на нее ни взглянули и какъ бы ни великъ былъ талантъ въ леченіи. Склоняйте всѣхъ, которые сколько-нибудь поумнѣе идти по вашимъ слѣдамъ и дѣлать въ своемъ кругу и съ своей стороны почти то же. Убѣдите ихъ, что пора хотя сколько-нибудь, хотя понемногу заботиться о *душѣ* и среди пустыхъ дѣлъ хотя сколько-нибудь отдѣлять времени на занятія и обязанности важнѣйшія. Заставьте ихъ также дѣлать визиты, сколько-нибудь *благодѣтельные*. Пріѣзжайте къ нимъ забирать отчеты въ ихъ дѣйствіяхъ, чтобъ это сдѣлалось нечувстви-

тельно предметомъ разговоровъ; тогда и разговоръ не будетъ скученъ; тогда и разговоръ будетъ оживляющимъ и подталкивающимъ на самое дѣло. Когда же умные начнутъ, глупые по неволѣ и наконецъ отъ скуки станутъ подлаживать и не такъ рознить въ общемъ ладу. — —

Если узнаете, что есть хорошіе священники, познакомьтесь съ ними, бесѣдуйте почаще, именно о томъ, какъ они, съ своей стороны, по мѣрѣ и въ границахъ опредѣленныхъ имъ обязанностей, могутъ подѣйствовать благодѣтельно. Представляйте имъ живѣе и яснѣе тѣхъ людей, съ которыми они имѣютъ дѣло, чтобы они поняли, какимъ образомъ и какъ поступать съ ними. Помните, что священники иногда, при добротѣ и добрыхъ Христіянскихъ качествахъ, лишены познанія свѣта и не знаютъ иногда, какой стороной и какъ примѣнить высокія истинны Христіянскія къ ежедневно вращающейся жизни. Отъ нихъ вы тоже можете забрать много свѣдѣній относительно нуждающихся и бѣдствующихъ въ разныхъ сословіяхъ низшихъ, и Богъ откроетъ вамъ способы помочь имъ. Не оставляйте также и тѣхъ священниковъ, которые по чему-либо дурны — — словомъ, чтобы хотя сколько-нибудь заставлены были и они дѣйствовать и не оставались бы въ совершенной праздности.

Обратите потомъ вниманіе на должность и обязанность вашего мужа, чтобы непремѣнно знали, какіе подвиги ему предстоятъ, какіе предѣлы и границы его власти и какая можетъ быть степень вліянія его вообще, каковы истинныя отношенія его съ чиновниками и что̀ онъ можетъ сдѣлать большаго и лучшаго въ указанныхъ ему предѣлахъ. Не для того вамъ нужно это знать, чтобъ заниматься дѣлами своего мужа, но для того, чтобы умѣть быть полезной ему благоразумнымъ совѣтомъ въ дѣлѣ трудномъ и вообще во всякомъ дѣлѣ, чтобы исполнить значеніе женщины — быть истинною *помощницей мужа въ трудахъ его*, чтобы исполнить долгъ вѣрной супруги. Тогда душа ваша будетъ чиста отъ упрековъ совѣсти. Здѣсь вы также должны познакомиться прежде со всѣми давно служащими и опытными чиновниками, распросить ихъ обо всемъ и вывѣдать отъ нихъ всю подноготную, по мѣрѣ ихъ знанія. Вы ихъ можете всѣхъ весьма легко расположить къ себѣ, съѣз-

дить иногда къ нимъ на домъ, обласкать ихъ жену, дѣтей. Словомъ, все вы должны употребить къ тому, чтобы вамъ мало-помалу открыть весь внутренній ходъ дѣлъ, не только явныхъ, но и тайныхъ. Когда узнаете многія сокровенныя пружины, увѣдаете тогда и то, что многое, по-видимому, ничѣмъ неисправимое зло кроткими, тихими, никому невидными и благодѣтельно Христіянскими путями можетъ быть уничтожено вовсе, прежде чѣмъ узнаютъ даже о существованіи его.

Но объ этомъ поговоримъ послѣ, когда вы станете лицомъ къ лицу къ самому дѣлу. Теперь, пока, я вамъ набросилъ только пункты, о которыхъ вы должны подумать предварительно, прежде чѣмъ отправитесь на мѣсто. Когда же вы напишете мнѣ съ мѣста, ясно представите положеніе всѣхъ вашихъ обстоятельствъ, тогда я буду умѣть вамъ сказать толковѣй, ближе къ предмету и удобоисполнимѣй, словомъ — вы сами тогда меня научите тому, что̀ долженъ я вамъ говорить; ибо вы знаете сами, безцѣнный другъ мой, какъ я глупъ во всякомъ дѣлѣ, когда оно не открыто предо мной во всей ощутительной его ясности. Я не могу ходить *не по дорогѣ.* Скажу вамъ только то, что слишкомъ много обязанностей прекрасныхъ вамъ будетъ предстоять на нынѣ открывающемся поприщѣ. Молитесь же Богу, да воздвигнетъ въ васъ духъ дѣятельности, и, въ минуту лѣни, или тоски, обращайтесь вновь къ Нему и вслѣдъ за такимъ обращеніемъ тотъ часъ же за дѣло. А я, если Богу угодно будетъ излечить меня и продлить еще на нѣсколько лѣтъ жизнь мою, заѣду къ вамъ, безъ сомнѣнія, и, вѣрно, свиданіе наше будетъ радостнѣй и плодотворнѣй для душъ нашихъ, чѣмъ когда-либо дотолѣ.

Простите меня за то, что такъ дурно и неразбориво пишу: въ-силу движу слабой рукой моей. Письмо это мнѣ хотѣлось непремѣнно написать вамъ. Прощайте же, безцѣнный другъ мой...

Письмо это, каково оно ни есть, перечитывайте чаще и передумайте заблаговременно обо всемъ, что̀ ни есть въ немъ, хотя бы оно показалось вамъ и не весьма основательнымъ...

Къ ней же.

Фрейвалдау, тоже, что Греффенбергъ. 11 сент. (1845).

Ваши два маленькія письмеца, адрессованныя въ Карлсбадъ, я получилъ, безцѣнный другъ мой N F, уже здѣсь въ Греффенбергѣ. Прежде всего благословимъ наши скорби и поблагодаримъ за нихъ Бога. Онѣ не даромъ, онѣ нужны, такъ какъ и самая болѣзнь и неумолимая тоска нужны намъ. Утѣшьтесь! ваша будущность свѣтла. Въ NN она начнется.

О здоровьѣ моемъ скажу вамъ только, что его въ конецъ сокрушилъ-было Карлсбадъ и я, отчаянный, рѣшился на послѣднее средство—пріѣхалъ въ Греффенбергъ, гдѣ до сихъ поръ не въ силахъ почти опомниться отъ холодной воды, но сквозь всю эту жестокую продѣлку, производимую надъ моимъ тѣломъ, слышу, какъ сквозь сонъ, какое-то освѣженіе и доволенъ уже тѣмъ, что не въ силахъ ни о чемъ подумать. Это для меня уже много. Я только и прошу теперь хотя минутнаго освѣженія. Вотъ уже скоро мѣсяцъ, какъ я здѣсь, и долѣе пробыть не намѣренъ, довольный тѣмъ, что набираются сколько-нибудь силы для дороги.

Я съ будущей недѣли отправляюсь въ Римъ. Надѣюсь на дорогу, которая меня всегда спасала; надѣюсь на Римъ, который всегда меня оживлялъ и воздвигалъ, а больше всего надѣюсь на Бога, Который доселѣ не оставлялъ меня въ мои трудныя минуты и внушилъ, безъ сомнѣнія, и вамъ ваши утѣшительныя письма и заботы обо мнѣ. Пишите мнѣ въ Римъ. Деньги и прочее скажите, чтобъ были адрессованы въ Римъ. Что поважнѣе, то адрессуйте на имя нашего посольства, прочее прямо въ poste restante. Въ Римѣ я буду около 15 октября, по приблизительному расчету; въ дорогѣ проведу не менѣе мѣсяца. Это мнѣ нужно и полезно. Если успѣете написать до того времени, адрессуйте въ Венецію, poste restante.

Попросите добраго вашего священника Н**** отслужить напутственный молебенъ о благополучномъ путешествіи и выздоровленіи двухъ путешественниковъ: васъ въ NN и меня въ Римъ...

Къ В. А. Жуковскову.

Греффенбергъ. 11 сентября (1845).

Богъ милостивъ: мнѣ, кажется, какъ-будто немного лучше. Во Франкфуртѣ найдете подробное письмо. Обнимаю еще разъ сильно и крѣпко и всею душою васъ и все ваше прекрасное семейство. Помолимся теперь сильно и слезно во глубинѣ души нашей о здоровьи Императрицы, которое, можетъ быть, нужнѣе для всѣхъ насъ, чѣмъ здоровье наше...

Къ нему же.

Греффенб. 12 сентября (1845).

Не тревожьтесь обо мнѣ, добрый другъ мой! Во всемъ есть воля Божія, равно какъ и въ томъ, что я теперь въ Греффенбергѣ. Боюсь сказать навѣрно, но кажется, мнѣ лучше. Я давно имѣлъ тайную вѣру въ воду и въ то, что леченіе ею можетъ пособить мнѣ, но не имѣлъ духа отважиться на эти ужасныя, по-видимому, средства, которыхъ такъ боится наша кожа. Нужно было, чтобы привели меня къ тому всѣ безуспѣшныя леченія докторовъ, начиная отъ Коппа, увеличившіе мои недуги, наконецъ, до того, что я почти въ отчаяніи, разстроенный вовсе Карлсбадомъ, рѣшился, въ противность всѣмъ совѣтамъ, ѣхать въ Греффенбергъ, не столько для излеченія, котораго я и не ждалъ, сколько для освѣженія сколько-нибудь моихъ силъ, дабы быть въ состояніи предпринять дорогу, которая одна мнѣ помогала доселѣ. Еще болѣе меня побудило самое пребываніе въ Греффенбергѣ графа Александра Петр. Т***, получившаго тамъ значительное облегченіе [который до сихъ поръ здѣсь]. Всюду, куды бы я ни поѣхалъ, я бы умеръ уже отъ одной тоски, прежде чѣмъ получилъ бы какую-нибудь пользу отъ леченія. Въ Греффенбергѣ же я зналъ, что уйду не только отъ тоски, но даже отъ самого себя, предавши себя совершенно во власть непрекращающейся ни на минуту дѣятельности всѣхъ продѣлокъ, производимыхъ надъ тѣломъ. Дѣйствительно мнѣ нѣтъ здѣсь ни одной минуты о чемъ-либо подумать, не выбирается времени написать двухъ строкъ письма. Я, какъ во снѣ, среди завертываній въ мокрыя простыни, сажаній въ холодныя ванны, обти-

ранiй, обливанiй и бѣганiй какихъ-то судорожныхъ, дабы согрѣться. Я слышу одно только прикосновенiе къ себѣ холодной (воды) и ничего другого, кажется, и не слышу, и не знаю. Это, покамѣстъ, все, что̀ мнѣ теперь нужно, а мнѣ нужно теперь *позабыться.* Сквозь всѣ эти тягостныя продѣлки, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, слышу, однакоже, какое-то живительное освѣженiе и что-то похожее на крѣпость и какъ-бы на пробуждающуюся силу. Да будетъ же благословенъ Богъ, спасающiй насъ и внушающiй иногда простому человѣку то, что̀ утаивается Имъ отъ мудрыхъ! Призницъ рѣшительно умной мужикъ, и многое изъ того, что̀ онъ говоритъ, слишкомъ справедливо. Много болѣзней нашихъ онъ производитъ отъ излишняго обремененiя нашего желудка *слишкомъ питательною* пищею, изнуряющею наше тѣло обилiемъ соковъ, которые, при сидячей нашей жизни, переходятъ въ источники болѣзней. Онъ даетъ пищу большею частiю трудно варимую, мяса мало [и то вываренное, почти неимѣющее соковъ], мучного много [особенно хлѣба, спеченнаго вмѣстѣ съ мякиною и деревянистыми частями, и молока]; требуетъ, чтобы желудокъ не прiучался къ лѣни удобно-варимою пищей, но, напротивъ, болѣе работалъ; требуетъ въ то же время уравновѣшенiя силъ физическихъ и умственныхъ въ нашихъ ежедневныхъ занятiяхъ. Больные пилятъ и рубятъ дрова, копаютъ землю и безпрестанно на воздухѣ, а что̀ всего удивительнѣй, отъ непитательной пищи полнѣютъ, и я даже чувствую желудокъ свой лучше, чѣмъ тогда, когда, по предписанiю докторовъ, ѣлъ сочное недожаренное мясо и легкiя блюда изъ зелени. Я много уже замѣтилъ разныхъ гигiеническихъ средствъ, которыя буду употреблять во всю жизнь, если Богу будетъ угодно продлитъ жизнь мою. Еще одну недѣлю остается мнѣ пробыть здѣсь, послѣ чего отправляюсь на зиму въ Римъ, въ надеждѣ и на дорогу, и на самый Римъ, которые мнѣ помогали всегда. Не думайте, добрый другъ мой, что съ моимъ здоровьемъ трудно скитаться по бѣлу свѣту, какъ вы пишете. Напротивъ, я тогда только и чувствовалъ себя хорошо, когда бывалъ въ дорогѣ. Дорога меня спасала всегда, когда я засиживался долго на мѣстѣ, или попадалъ въ руки докторовъ, по причинѣ малодушiя своего, которые всегда мнѣ вредили, не зная ни на волосъ моей природы.

Благодарю васъ, много за ваше приглашеніе ѣхать во Франкфуртъ прожить съ вами вновь. Просьбы, какъ ваши, такъ и добрѣйшей супруги вашей, меня сильно тронули. Вы меня любите какъ-бы еще сильнѣй, чѣмъ прежде, не смотря на то, что я бы долженъ былъ надоѣсть вамъ сильно. Вы меня видѣли во всемъ моемъ малодушіи, во всѣхъ невыгоднѣйшихъ сторонахъ моего характера, со всѣмъ множествомъ моихъ слабостей и непривлекательныхъ свойствъ и, наконецъ, въ хандрѣ, въ которой бываетъ несносенъ даже и въ нѣсколько разъ меня лучшій человѣкъ, и при всемъ томъ вы меня любите еще болѣе прежняго! Хотя мнѣ очень хотѣлось бы взглянуть на васъ теперь, но покоримся благоразумію. Климатъ Рима мнѣ больше всего благопріятствовалъ и воздвигалъ. Весьма быть можетъ, что Богъ еще окажетъ надо мной милость свою. Дорога, и притомъ дорода въ Италію, всегда мнѣ была благотворна. Я же намѣреваюсь ее совершить вовсе не изнурительно, а какъ прогулку. Около 15 октября полагаю быть въ Римѣ [почти мѣсяцъ на переѣздъ]. Письма и все, что получите на мое имя, адрессуйте прямо въ Римъ, — всего лучше и вѣрнѣе на имя посольства, для большей же увѣренности, можете присоединить нѣсколько строкъ, или къ тамошнему посланнику Бутеневу, или къ секретарю посольства Скарятину. Не гнѣвайтесь, что такъ дурно пишу: озябъ, тороплюсь и нѣтъ минуты времени.

Прощайте; обнимаю всею силою души. Съ дороги буду писать. Рейтерну и всему его доброму семейству усерднѣйшій душевный поклонъ; а прекрасную Елисавету Алексѣевну, которую я полюбилъ еще болѣе теперь, молю молиться обо мнѣ. Я много вѣрю молитвамъ прекрасныхъ душъ, а ея душа прекрасна, и Богъ, вѣрно, внимѣтъ всѣмъ чистѣйшимъ движеніямъ ся, помилуетъ и возстановитъ меня...

Если придетъ вамъ желаніе, или надобность извѣстить меня о чемъ бы то ни было прежде пріѣзда моего въ Римъ, то адрессуйте въ Венецію, poste restante, куда я намѣреваюсь прибыть къ 5 октябрю.

Письма ваши мною получены исправно, хотя весьма поздно. Вчера я отправилъ къ вамъ коротенькое письмо въ Нирнбергъ.

Письмо это я пишу на другой день по полученіи вашего, но

вы его получите поздо, потому что въ Греффенбергъ почта не ходитъ прямо. Это захолустье, и письма не прежде, какъ обошедъ всѣ Австрійскіе города, приходять сюда. Изъ Карлсбада который въ трехъ дняхъ разстоянія, письма иногда идутъ 14 дней.

Къ Н. Н. Ш—вой.

(1845, изъ Греффенберга.)

Благодарю васъ, добрый другъ мой, за ваши письма, которыя меня утѣшали въ моемъ болѣзненномъ состояніи, и всегда утѣшали. Не могу сказать еще ничего рѣшительнаго о моемъ здоровьи. Твердо вѣрю, что, если милость Божія захочетъ, то оно вдругъ воздвигнется. Нынѣшнее леченіе холодной водою по крайней мѣрѣ освѣжаетъ и прогоняетъ печальныя мысли. Я чувствую себя какъ-будто крѣпче. Черезъ недѣлю, а можетъ, и раньше, пущусь, перекрестившись и помолившись, въ дорогу — въ Римъ на всю зиму. Тамъ я чувствовалъ себя всегда хорошо; переѣздъ тоже мнѣ помогалъ и возстановлялъ. Богъ милостивъ и обратитъ, можетъ быть, то и другое въ мое излеченіе. Знаю, что я самъ по себѣ далеко того недостоинъ, и не ради моихъ молитвъ, но ради молитвъ тѣхъ, которые обо мнѣ молятся, въ числѣ которыхъ одна изъ первыхъ вы, мнѣ ниспошлется облегченіе, а что̀ еще выше—умѣнье покоряться радостно Его святой волѣ. Итакъ не переставайте обо мнѣ молиться...

Къ матери.

Греффенбергъ. 15 сентября (1845).

Пишу къ вамъ изъ Греффенберга, гдѣ нахожусь на холодномъ леченіи. Карлсбадъ мнѣ не помогъ. Но, слава Богу, леченье холодною водою, не смотря на утомительность свою, дѣйствуетъ, кажется, лучше. Видно, чьи-то усердныя молитвы доносятся до неба: по крайней мѣрѣ, припадки мои не такъ теперь тяжки какъ доселѣ, а съ ними вмѣстѣ и страданія духа нѣсколько утихаютъ. Еще около недѣли остаюсь здѣсь, дабы сколько-нибудь укрѣпиться для до-

роги, и отправляюсь на зиму въ Римъ. Пребываніе въ Римѣ было всегда благотворно для моего здоровья. Климатъ Римской и самая дорога по Италіи всегда воздвигали, возстановляли мои силы. Помолимся же Богу, да и теперь будетъ на то Его святая воля. Адрессуйте письма въ Римъ, въ poste restante; ибо черезъ мѣсяцъ я полагаю уже быть тамъ. Богъ да сохранитъ васъ! А обо мнѣ, то есть, о моемъ выздоровленіи, не переставайте молиться крѣпко.

Обнимаю васъ, почтеннѣйшая маминька, поручая обнять за меня и сестеръ...

Къ С. Т. Аксакову.

(1845.)

Благодарю васъ, безцѣнный Сергѣй Тимоѳѣевичъ, за ваши два письма. Они мнѣ были очень пріятны. Здоровье мое, кажется, какъ-будто немного лучше отъ купаній въ холодной водѣ, но не могу и не смѣю еще предаться вполнѣ надеждѣ. Пишите въ Римъ, куда я отправляюсь. Отъ Языкова узнаете подробнѣе. Не имѣю ни минуты свободной....

Къ матери.

Октября 24, 1845 года.

Спѣшу васъ увѣдомить, маминька, что я въ Римѣ. Длинный переѣздъ и дорога подѣйствовали на меня и на сей разъ, какъ и всегда благодѣтельно. Не сомнѣваюсь, что въ этомъ участвовали и усердныя ваши молитвы. Я чувствую себя и крѣпче, и лучше. Въ Римѣ я нашелъ [въ poste restante] ваше письмо, адрессованное въ Карлсбадъ, которое меня очень ободрило, освѣжило и заставило твердо вѣрить въ то, что вы такъ пророчески мнѣ говорили, что Богъ продлитъ мою жизнь и подастъ силы дѣйствовать на прославленіе Его. Обо всемъ прочемъ поговоримъ въ слѣдующемъ письмѣ. Теперь же спѣшу отправить поскорѣй это коротенькое и боюсь, чтобы не постигла его такая же участь, какъ и тѣ письма, кото-

рыя такимъ необъясненнымъ и непостижимымъ для меня образомъ не дошли до васъ, — тѣмъ болѣе, что на почтѣ письма у насъ никогда почти не пропадаютъ.

Сестры не пишутъ мнѣ ни слова о томъ, что̀ мнѣ пріятно знать, и зная, что мнѣ нравятся письма дѣльныя, не упоминаютъ ни слова ни о какомъ дѣлѣ.

За тѣмъ остаюсь всегда васъ любящій сынъ,

Н. Гоголь.

Къ NF.

Октября 24 (1845). Римъ.

Другъ мой NF, не безпокойтесь обо мнѣ. Мнѣ гораздо лучше. FZ мнѣ писала, что вы тосковали о томъ, что не со мною и что не можете ухаживать за моею болѣзнью. Благодарю васъ отъ всей глубины васъ любящей души; но все дѣлается не безъ воли Божіей. Иногда хорошо, чтобы мы потерпѣли кое-что и остались одни, и все идетъ въ прокъ и во благо. Я вновь въ Римѣ. Длинная дорога мнѣ вновь помогла. Вѣчный Петръ вновь передо мною; Колизей, Монте-Пинчіо и всѣ наши старыя друзья со мною. Богъ милостивъ, и духъ мой оживетъ, и сила воздвигнется. Жду съ нетерпѣніемъ описанья вашего пріѣзда въ NN, до малѣйшихъ подробностей, которыя всѣ до единой мнѣ нужны. Обнимаю васъ всею мыслью и душою...

Къ ней же.

Октября 27 (1845). Римъ.

Я получилъ ваше письмо, писанное отъ 19 сентября изъ Петербурга [такъ должны всегда начинаться наши письма; еще одинъ разъ васъ о томъ прошу]. Благодаря васъ за все, моя добрая NF, за ваши прекрасныя новости, я приказываю вамъ не грустить. Во имя Бога, повелѣваю вамъ это. Позабудьте о себѣ, какъ-бы васъ и не было вовсе на свѣтѣ; помышляйте и думайте только о другихъ. Когда передъ нами страждутъ и вопіютъ о помощи, грѣхъ

помышлять о своихъ недугахъ и не летѣть на помощь. Всѣ, что ни вокругъ васъ, суть больные, и если всмотритесь пристально, всякъ требуетъ вашей помощи. Вся NN будетъ лазаретъ вашъ. Если жъ придутъ такія минуты, въ которыя вы будете съ одной собою, будьте въ это время съ Богомъ, а не съ собою,— молитесь. Если жъ вамъ не молится, учите буквально наизустъ, какъ школьный ученикъ, тѣ псалмы, которые я вамъ далъ, и учите произносить ихъ съ силою, значеньемъ и выраженьемъ голоса, приличнымъ всякому слову. Если почувствуете, что вы устали отъ занятій и дѣлъ и услышите приходъ тоски даже и въ NN, не оставайтесь на мѣстѣ, но отправляйтесь тотъ же часъ на недѣлю въ Москву, или въ Петербургъ. Это васъ освѣжитъ, и вы съ новыми силами возвратитесь въ NN. Часа, посвященнаго мнѣ, не забывайте. Теперь вамъ нужно будетъ почти каждый день назначить для меня собственно нѣсколько минутъ, въ которыя могли бы записать все, что ни дѣлается съ вами. Мнѣ нуженъ подробный журналъ, какъ вашъ, такъ и того, что вокругъ васъ. Не забывайте также благодарить Бога сильно за тоску и грустъ, которыя вамъ были даны. Вы еще не знаете имъ цѣны, но благодарите впередъ на-вѣру, зная только то, что все, что ни дается намъ, дается во благо. Послѣ вы узнаете смыслъ всего и подивитесь необъятной безднѣ Божіей премудрости. О прочемъ всемъ до слѣдующаго письма!

Обнимаю васъ мыслью и душой моей.

Адрессуйте или въ посольство [которое довольно ко мнѣ благосклонно], или на мою квартиру, Via de la Croce, № 81, 3 piano.

— —

Къ В. А. Жуковскому.

Римъ. 28 октября (1845).

Я въ Римѣ. Передо мною опять Monte Pincio и вѣчный Петръ. Здоровье мое отъ дороги и переѣзда поправилось значительно. Молитвы молившихся обо мнѣ услышаны милосерднымъ Богомъ. Ваше пріятное и милое письмо мною получено. Съ Б**** я познакомился, и, кажется, мы съ нимъ сойдемся близко. Всѣмъ моимъ

добрымъ друзьямъ я послалъ мой адрессъ, который я прилагаю и вамъ: Via de la Croce, № 81, 3 piano. Впрочемъ вы можете адрессовать прямо на имя посольства, что особенно нужно сдѣлать, если случатся деньги. Въ Римѣ я нашелъ нѣкоторыхъ прежнихъ пріятелей и весьма милую сестру графа А. П. Т***.

Всѣ вѣсти, заключенныя въ вашемъ письмѣ, какъ о васъ самихъ, такъ и о милой вашей хозяйкѣ съ прекрасными малютками, были мнѣ радостны. О Франкфуртскомъ уголкѣ не жалѣйте; спокойствіе будетъ повсюду съ вами, и въ Россіи вы будете радостнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Благодарю васъ еще разъ за ваше прекрасное письмо. Отъ него дышетъ чѣмъ-то освѣжающимъ и бодрящимъ. Возношу отъ всей души Богу благодарственныя мольбы за то, что здоровье Императрицы поправилось. Изъ Петербурга я имѣю утѣшительныя вѣсти о Цесаревнѣ. Она, чѣмъ далѣе, обворожаетъ болѣе и болѣе всѣхъ. Понемногу открывается, что это сокровище, которымъ подарилъ Богъ Россію. Все это, я знаю, вамъ слишкомъ пріятно услышать. Не забывайте меня и пишите. Обнимаю васъ всею мыслію и душою, обнимаю такимъ же образомъ вашу супругу и все ваше семейство...

Къ С. Т. Аксакову.

Римъ. Октября 29 (1845).

Увѣдомляю васъ, добрый другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ, что я въ Римѣ. Переѣздъ и дорога значительно помогли; мнѣ лучше. Климатъ Римскій подѣйствуетъ, если угодно Богу, такъ же благосклонно, какъ и прежде; а потому вы обо мнѣ не смущайтесь и молитесь. Увѣдомьте объ этомъ также и маминьку мою. Я хотя и написалъ письмо сей же часъ по пріѣздѣ въ Римъ къ ней первой, но вообще за письма мои къ ней я сильно безпокоюсь. Двухъ, или трехъ писемъ моихъ *сряду* она не получила. Два изъ этихъ писемъ были очень *нужны*. Это для меня неизъяснимо. Пропасть на почтѣ, пожалуй, еще можетъ одно письмо, но *сряду* писанныя одно за другимъ — это странно. У маминьки есть не-

благопріятели, которые уже не разъ ее смущали какими-нибудь глупыми слухами обо мнѣ, зная, что этимъ болѣе всего можно огорчить ее. Подозрѣвать кого бы то ни было грѣшно, но всё не худо бы объ этомъ развѣдать какимъ-нибудь образомъ, дабы знать, какъ руководствоваться впередъ. Послѣднія письма я даже не смѣлъ адрессовать прямо на имя маминьки, но адрессовалъ на имя одной ея знакомой, С. В. К**. Письмо, однакоже, изъ Рима было послано на ея собственное имя. Оно отдано мною здѣсь на почту 25 октября здѣшняго штиля. Объ этомъ прошу васъ, другъ мой Сергѣй Тимоѳѣевичъ, увѣдомить маминьку немедленно, или поручить кому-нибудь изъ вашихъ, кто съ ней въ перепискѣ.

О себѣ, относительно моего здоровья, скажу вамъ, что холодное леченье мнѣ помогло и заставило меня наконецъ увѣриться лучше всѣхъ докторовъ въ томъ, что главное дѣло въ моей болѣзни были нервы, которые, будучи приведены въ совершенное разстройство, обманули самихъ докторовъ и привели-было меня въ самое опасное положеніе, заставившее не въ шутку опасаться за самую жизнь мою. Но Богъ спасъ. Послѣ Греффенберга, я съѣздилъ въ Берлинъ, нарочно съ тѣмъ, чтобы повидаться съ Шонлейномъ, съ которымъ прежде не удалось посовѣтоваться и который особенно талантливъ въ опредѣленіи болѣзней. Шонлейнъ утвердилъ меня еще болѣе въ семъ мнѣніи, но дивился докторамъ, пославшимъ меня въ Карлсбадъ и Гастейнъ. По его мнѣнію, сильнѣй всего у меня поражены были нервы въ желудочной области, такъ называемой системѣ nervoso fascoloso, одобрилъ поѣздку въ Римъ, предписалъ вытиранье мокрою простыней всего тѣла по утрамъ, всякой вечеръ пилюлю, двѣ какія-то гомеопатическія капли поутру, а съ началомъ лѣта и даже весною — ѣхать непремѣнно на море, преимущественно Сѣверное, и пробыть тамъ, купаясь и двигаясь на морскомъ воздухѣ, сколько возможно болѣе времени,— ни въ какомъ случаѣ не менѣе трехъ мѣсяцевъ...

Къ Н. М. Языкову.

Римъ. 30 октября (1845).

Увѣдомляю тебя, что я въ Римѣ, куда пріѣхалъ благополучно. Дорога меня поправила значительно, и хотя не могу еще сказать,

что сталъ совершенно на ноги, по крайней мѣрѣ питаю надежду. Слабость — — которую произвелъ во мнѣ Карлсбадъ, подѣйствовавшій на меня совершенно противоположно, отчасти прогнана холодной водой, отчасти остается. Но оставимъ всѣ эти гадости: надоѣло говорить о себѣ.

Изъ письма, при семъ приложеннаго къ Сергѣю Тимоѳ., узнаешь остальное о моихъ недугахъ мнѣніе Шонлейна и весь лечебный маршрутъ, мнѣ предстоящій. Надѣюсь на Бога, на Римъ и на питательный здѣшній воздухъ. Адрессуй письма въ Via de la Croce, № 81, 3 piano. Увѣдомляй почаще и побольше о себѣ, о нынѣшнемъ состояніи своемъ душевномъ, о нашихъ близкихъ и о всемъ, что̀ ни движется вокругъ тебя — все это мнѣ нужно — и прощай до слѣдующаго письма. . . .

Увѣдоми о С***, если она уже проѣхала Москву. Надеждѣ Ник. отдай при семъ прилагаемое письмецо. Ивановъ и Іорданъ здравствуютъ и тебѣ кланяются.

Къ П. А. Плетневу.

Римъ. 18 ноября (1845).

Посылаю тебѣ свидѣтельство о моемъ существованіи на свѣтѣ. Существованіе мое точно было въ продолженіе нѣкотораго времени въ сомнительномъ состояніи. Я едва было не откланялся; но Богъ милостивъ: я вновь почти оправился, хотя остались слабость и какая-то странная зябкость, какой я не чувствовалъ доселѣ. Я зябну, и зябну до такой степени, что долженъ ежеминутно выбѣгать изъ комнаты на воздухъ, чтобы согрѣться. Но какъ только согрѣюсь и сяду отдохнуть, остываю въ нѣсколько минутъ, хотя бы комната была тепла, и вновь принужденъ бѣжать согрѣваться. Положеніе, тѣмъ болѣе непріятное, что я черезъ это не могу, или, лучше, мнѣ некогда ничѣмъ заняться, тогда какъ чувствую въ себѣ и голову, и мысли болѣе свѣжими и, кажется, могъ бы теперь засѣсть за трудъ, отъ котораго сильно отвлекали меня прежде недуги и внутреннее душевное состояніе. Скажу тебѣ только то, что много, много въ это трудное время совер-

шилось въ глубинѣ души моей, и да будетъ благословенна во-вѣки воля Пославшаго мнѣ скорби и все то, что мы обыкновенно пріемлемъ за горькія непріятности и несчастія! Безъ нихъ не воспиталась бы душа моя, какъ слѣдуетъ, для труда моего; мертво и холодно было бы все то, что должно быть живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно, какъ сама *правда*.

— —

Къ С. П. Шевыреву.

Римъ. Ноябрь 20 (1845).

Письмо твое отъ четвертаго октября я получилъ уже въ Римѣ, гдѣ теперь нахожусь. Богъ еще разъ спасъ меня, когда я уже думалъ, что приближается конецъ мой. Теперь мнѣ несравненно лучше, хотя слабость и изнуренье силъ еще не прошли. Письмо твое было мнѣ пріятно и съ тѣмъ вмѣстѣ грустно. Кирѣевскій боленъ также. Если опредѣлено Его Святой волѣ комунибудь изъ насъ страдать, то да будетъ Его святая воля! И если Его святой волѣ угодно, чтобы моя жизнь, или жизнь кого другого, которому бы слѣдовало принести много добра на Руси, была снесена съ лица земли, то, вѣрно, это лучше, чѣмъ если бы она длилась, и не нашимъ малымъ умомъ судить объ Умѣ великомъ.— —

Извѣстіе твое о талантѣ Ив. Аксакова меня порадовало, и я пожалѣлъ, что ты не прислалъ его стиховъ.

Наконецъ я тебѣ сдѣлаю упрекъ: ты заговорилъ о томъ предметѣ, о которомъ я просилъ во всю жизнь мою никогда мнѣ не говорить. Ты [какъ видно изъ словъ твоего письма] позабылъ содержаніе моего письма, говоря, что я требовалъ рѣшительнаго *да* на мое *предложеніе*. Не предложеніе я послалъ къ вамъ на *рѣшеніе*. Я просилъ только во имя дружбы выполненья моего рѣшенья, моего обѣта, даннаго Богу. Именемъ дружбы и всего святого, просилъ я одного только *да* и не ожидалъ такого отвѣта. Нужно было хотя каплю вѣры, или хоть тѣнь довѣрія имѣть ко мнѣ. Безъ нихъ не можетъ существовать никакихъ отношеній. Зачѣмъ же спѣшить такъ скоро заключеньемъ и называть мою

просьбу нелѣпой и несправедливой, когда я слишкомъ ясно, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, сказалъ, что половины причинъ моихъ я не могу сказать. Зачѣмъ же думать, что я лгу? Зачѣмъ, потому только, что уму твоему показалось глупымъ, называть глупымъ дѣло того человѣка, который всё же не признанъ тобою за глупаго человѣка? Зачѣмъ такая гордость и такая увѣренность въ умѣ своемъ, будто бы онъ обнялъ уже всѣ стороны? Мнѣ было горько, слишкомъ горько все это. Знаю только то, что я бы не поступилъ такъ, и если бы у меня потребовалъ кто святымъ именемъ дружбы выполнить то, чего выполнить требуетъ сама душа его и молилъ бы этой просьбой, какъ молитъ умирающій о послѣднемъ своемъ желаніи, я бы выполнилъ ее, молясь только Богу о томъ, какъ лучше и умнѣй ее выполнить, и если бы еще при этомъ потребовалъ онъ отъ меня вѣры къ себѣ, и ради самого Христа потребовалъ бы вѣры къ себѣ, никакимъ бы я не предавался тогда разсужденіямъ, и хотя бы умъ мой и признавалъ коечто неблагоразумнымъ, я бы выполнилъ эту просьбу, и выполнилъ бы ее честно, какъ святыню, моля Бога только о томъ, чтобы помогъ Онъ мнѣ ее выполнить.

И къ чему эти толки о томъ, что тому и тому нужно прежде уплачивать. Будто я уже ребенокъ и не взвѣсилъ ничего прежде! Во-первыхъ, Аксаковъ [которому, за уплатой тобою 5605, осталась бездѣлица] не возьметъ ни копейки изъ этихъ денегъ, если бы даже оставалась и не бездѣлица, и если бы онъ самъ находился въ несравненно затруднительнѣйшемъ состояніи, чѣмъ теперь, во-вторыхъ.... Но зачѣмъ объ этомъ толковать, когда тутъ можно сказать еще въ-третьихъ, четвертыхъ, въ-пятыхъ и даже въ-шестыхъ? Довольно, если совѣсть меня не упрекаетъ въ моемъ поступкѣ и если внутренній голосъ требуетъ, чтобы я такъ поступилъ. Если жъ тебѣ тяжело выполнить мою просьбу, сдай все дѣло Аксакову. Богъ ему поможетъ выполнить ее. Но ради самого Христа, съ этихъ поръ мнѣ ни слова объ этомъ дѣлѣ. Отвѣтитъ мнѣ Аксаковъ.

Теперь о тебѣ. Я прочелъ отрывокъ изъ нынѣшнихъ твоихъ лекцій, напечатанный въ 1-мъ номерѣ нынѣшняго »Москвитянина«, отрывокъ, служащій какъ-бы проспектомъ и указаніемъ на то, чѣмъ должны быть твои лекціи. Прочитавши его, я благодарилъ

Бога, благословившаго тебя. Въ этомъ отрывкѣ ты вовсе другой, чѣмъ былъ доселѣ; въ немъ все полно и каждое слово полновѣсно: слышенъ человѣкъ, созрѣвшій и разумомъ, и душой. Скажу тебѣ, что послѣ него становишься еще свѣтлѣй на-счетъ будущаго, и вѣрится тому, что все, что̀ ни должно̀ сказаться міру, будетъ сказано, хотя бы смертъ и унесла кого-нибудь изъ тѣхъ, который бы могъ сказать. Въ другой, можетъ быть, формѣ, по возвѣстятся тѣ же истины. За тѣмъ прощай!

Я еще устаю и не могу писать писемъ такъ обстоятельныхъ и длинныхъ, какъ бы хотѣлъ, а между тѣмъ ко многимъ писать даже необходимо. Передай здѣсь прилагаемыя Аксакову и напиши мнѣ обстоятельно его адрессъ. Мой же адрессъ: Via de la Croce, № 81, palazzo Poniatowsky, 3 piano.

Къ С. Т. Аксакову.

Римъ. 25 ноября (1845).

Письмо Шевырева меня огорчило. Онъ заговорилъ вновь о томъ, о чемъ я просилъ, какъ о дѣлѣ конченномъ, никогда не говорить мнѣ. Вы меня всё-таки больше знаете [вы утвердили обо мнѣ свое мнѣніе не изъ дѣлъ моихъ и поступковъ, а благородно вѣрили мнѣ въ душѣ своей, почувствовавши той же душой, что я не могу обмануть, не могу говорить одно, а дѣйствовать иначе]; словомъ — вы меня всё-таки больше знаете; а потому объясните Шевыреву, что все то, что̀ я уже положилъ и опредѣлилъ въ душѣ своей и произношу твердо, то уже не перемѣняется мною. Это не упрямство, но то рѣшеніе, которое дѣлается у меня въ слѣдствіе многихъ обдумываній. Если жъ онъ найдетъ исполненіе моей просьбы несообразнымъ своимъ правиламъ, то пусть передастъ все въ однѣ ваши руки; а васъ прошу тогда выполнить, какъ святыню, мою просьбу. Не смущайтесь затруднительностью: Богъ вамъ поможетъ. Помните только то, что деньги не для бѣдныхъ студентовъ, но для бѣдныхъ, слишкомъ хорошо учащихся студентовъ, для талантовъ. Имя дающаго должно̀ быть навсегда

скрыто, потому что у талантовъ чувствительнѣй и нѣжнѣй природа, чѣмъ у другихъ людей. Многое можетъ оскорбить (ихъ), хотя и некажущееся другимъ оскорбительнымъ. Когда же дающій скрылъ свое имя — даръ его примется твердо и смѣло, благословится, во глубинѣ благодарной души, его неизвѣстное имя; ибо тотъ, кто скрылъ свое имя, вѣрно, не попрекнетъ никогда своимъ благодѣяніемъ и не напомнитъ о немъ. Не заботьтесь о томъ, что книга идетъ тупо, не хлопочите о ея распространеніи и берегите только экземпляры. Она пойдетъ потомъ вдругъ. Деньги тоже, пока, не нужны: таланты рѣдки и не скоро одинъ послѣ другого появляются. Нужно только, чтобы ни одна копейка не издерживалась на что-нибудь другое, а собиралась бы и хранилась бы, какъ святая. Обѣтъ этотъ данъ Богу. Объясните также Шевыреву, сколько я вамъ остался долженъ. Не бойтесь, я вамъ не заплачу этихъ денегъ, потому что я взялъ у васъ ихъ такимъ образомъ, какъ-бы взялъ изъ моего собственнаго кармана. Но Шевыреву нужно объявить: онъ, кажется, подозрѣваетъ, что я вамъ долженъ гораздо больше.

Хотѣлъ-было попѣнять васъ за то, что пишете весьма мало о Конст. Серг., но вижу въ то же время, что это болѣе слѣдуетъ сдѣлать ему, нежели вамъ. — — Передайте ему это маленькое письмецо и пришлите мнѣ что-нибудь изъ стиховъ Ивана Серг. Мнѣ хвалили очень его »Зимнюю Дорогу«. Пришлите ее и все то, что ни было имъ написано въ послѣднее время.

Прилагаю вновь письмо къ маменькѣ и вновь прошу васъ переслать къ ней. Я всё еще боюсь пропажи писемъ. Здоровье мое хотя и стало лучше, но всё еще какъ-то не хочетъ совершенно устанавливаться. Чувствую слабость и, что всего непонятнѣе, до такой степени зябкость, что не имѣю времени сидѣть въ комнатѣ: долженъ ежеминутно бѣгать согрѣваться. Едва же согрѣюсь и приду, какъ въ мигъ остываю, хотя комната и тепла, и долженъ вновь бѣгать согрѣваться. Въ такой бѣготнѣ проходитъ почти весь день, такъ что не имѣется времени даже написать письма, не только чего другого. Но о недугахъ не стоитъ, да и грѣхъ говорить: если они даются, то даются на добро. А потому помолитесь и всю вашу семью попросите помолиться, и всѣ, кто ни

молились обо мнѣ, да помолятся вновь, да обратится все въ добро и да пошлетъ Господь Богъ попутный вѣтръ моему дѣлу и труду...

Къ В. А. Жуковскому.

Ноябрь 28. Римъ (1845).

Ваше милое письмо (отъ $\frac{5}{17}$ ноября) получилъ. Благодарю васъ за него очень, а весь вашъ домъ за воспоминаніе обо мнѣ и дружбу. Вексель черезъ Бутенева я также получилъ въ исправности.

Мыслью о переѣздѣ своемъ въ Россію не смущайте себя и не считайте это дѣло важнымъ. Тамъ, или въ иномъ мѣстѣ, все это не больше, какъ квартира и ночлегъ на дорогѣ. Думаетъ слишкомъ много о мѣстѣ, гдѣ ему придется переночевать, только тотъ ѣздокъ, который мало думаетъ о томъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ. У кого же неотлучно передъ глазами цѣль его путешествія, тотъ не заботится о томъ, гдѣ и какъ ему придется переночевать и не слишкомъ глядитъ на комфорты. Съ неконченнымъ дѣломъ пріѣхать на родину невесело — это я знаю, но знаю также, что Богъ милостивъ, что по Его святой волѣ попутный вѣтръ сходитъ на вдохновеніе наше — и то, для чего, казалось бы, нужны годы, совершается иногда вдругъ. Будьте же покойны и свѣтлы при мысли о будущемъ, ибо будущее въ рукѣ Того, Кто самъ есть *Свѣтъ*. — — —

Словцо объ »Одиссеѣ«. Въ »Сѣверной Пчелѣ«, уже не помню, въ какомъ номерѣ, попавшемся въ мои руки, напечатана статья о Крыловѣ, написанная какимъ-то его сослуживцемъ, Быстровымъ. Въ числѣ немногихъ анекдотовъ, сказано тамъ, между прочимъ, о занятіяхъ Крылова Греческимъ языкомъ и о попыткѣ переводить »Одиссею«, причемъ приложена была и самая попытка, составляющая начало 1 пѣсни, которую я, разумѣется, сей же часъ списалъ для васъ и при семъ посылаю. Сдѣлавъ попытку, Крыловъ бросилъ самое дѣло, назвавши гекзаметръ [по словамъ Быстрова] Голіаѳомъ, съ которымъ ему не сладить.

Отъ ZZ я получилъ извѣстія, для меня самыя пріятныя, то есть, что онѣ здоровы, веселы и много вкушаютъ наслажденій

истинныхъ и внутреннихъ. GZ и FZ написали мнѣ милыя письма. Въ письмахъ этихъ видно въ каждой строчкѣ, какъ хорошѣютъ съ каждымъ днемъ и часомъ прекрасныя ихъ души. Вы, я думаю, уже знаете, что у GZ родился сынъ. Она вся теперь всей душой погружена въ мысли о воспитаніи своихъ дѣтей; здѣсь FZ ей большая помощница. Кромѣ того, она сама хочетъ писать для нихъ, будучи недовольна тѣмъ, что̀ написано, и ея простодушно чистыя мысли похожи на мысли ангеловъ, заботящихся о воспитаньи людей. Нельзя, чтобы подъ такія мысли, какъ подъ колыбельныя пѣсни, не воспитались нечувствительно и сами собою дѣти.

Отъ NF я жду письма изъ NN. ZZ пишутъ, что она съ ними простилась 21 октября, весьма растроганная. Она уже, вѣрно, получила мое письмо, содержащее напутствіе ей въ NN. До полученья отъ ней извѣстія изъ NN, я не считаю нужнымъ ей писать. Я за нее не боюсь: состояніе души ея, хотя и переходное, и тяжкое, но для нея не опасно. Богъ не оставляетъ тѣхъ, которые уже умѣютъ прибѣгать къ Нему.

О себѣ скажу, покамѣстъ, только то, что здоровье мое, хотя и лучше, но какъ-то медлитъ совершенно установиться. Но я рѣшился меньше всего думать о своемъ здоровьи. Что̀ посылается отъ Бога, то посылается въ пользу. Уже и теперь мой слабый умъ видитъ пользу великую отъ всѣхъ недуговъ: мысли отъ нихъ въ итогѣ зрѣютъ, и то, что̀, по-видимому, замедляетъ, то служитъ только къ ускоренію дѣла. Я острю перо. Помолитесь же обо мнѣ сильно и крѣпко Богу. Обнимаю васъ, а вмѣстѣ съ вами вашу милую супругу и всю семью вашу...

Къ В. А. Жуковскому.

(1845).

Нельзя было лучше и кстати сдѣлать подарка. Моя книжка вся исписалась. Подарку данъ былъ поцѣлуй, а въ лицѣ его самому хозяину.

Къ матери.

1845, декабря 8. Римъ.

Благодарю васъ, моя добрая и почтенная маминька, за все, за ваши молитвы и за молитвы тѣхъ святыхъ и угодныхъ Богу людей, которыхъ вы просите обо мнѣ молиться. Молитвы обо мнѣ нужны, ихъ не слѣдуетъ прекращать и теперь, хотя здоровье мое сдѣлалось лучше. Дорога и переѣздъ мнѣ очень помогли, такъ что первыя двѣ недѣли по пріѣздѣ въ Римъ я чувствовалъ себя какъбы совершенно здоровымъ, а потомъ, по прошествіи мѣсяца, начали вновь возвращаться многіе припадки. Чувствую, что нужно молиться. Молитесь и вы о томъ, чтобы далъ Богъ мнѣ силы переносить легко всѣ мои недуги. Донынѣ они еще не такъ тяжки, но я боюсь за то, чтобы они не были, чѣмъ далѣ, тяжеле. Покамѣстъ, несноснѣе всего то, что я не могу никакими средствами согрѣться. Я зябну до такой степени, что долженъ бѣгать безъ отдыха и при всемъ томъ не согрѣваюсь. Даже здѣсь, гдѣ такъ тепло, мнѣ кажется холодно. Не могу даже писать писемъ, потому что руки костенѣютъ. Но да будетъ благословенъ Богъ, посылающій намъ все, и да будетъ во всемъ Его святая воля! Что̀ посылается намъ, то, вѣрно, нужно намъ, вѣрно, во благо и, вѣрно, во спасенье души нашей, а потому мы должны молиться о томъ, чтобы умѣть покоряться, умѣть любить его и благословлять его въ минуты скорби. Помолитесь же и попросите другихъ помолиться о томъ, чтобы все Имъ ниспосылаемое принимала съ радостью душа моя.

Одно письмо мое изъ Рима вы, я думаю, уже получили черезъ Аксаковыхъ. Письмо же прежнее, которое писано мною съ дороги, потому дошло къ вамъ скоро, что вы позабыли порядокъ чиселъ. Я выставляю на письмахъ числа по здѣшнему штилю [этого не забывайте] т. е. двѣнадцатью днями впередъ.

Государя я такъ же, какъ и вы, видѣлъ мелькомъ, но раза три. Онъ пробылъ въ Римѣ только четыре дня; Ему дѣлъ и занятій была здѣсь куча и вовсе не до того, чтобы принимать всякую мелузгу, подобную мнѣ. Я былъ радъ душевно, что Онъ здоровъ и веселъ, и молился за Него искренно.

Слѣдовало бы мнѣ отвѣчать на многіе пункты вашихъ прежнихъ писемъ, а также писемъ сестеръ моихъ, но еще не въ силахъ. Вотъ, однакоже, на слѣдующемъ при семъ листкѣ прилагаю, что могъ записать на первый разъ. Тутъ предметы болѣе для сестеръ моихъ; но однако прочитайте и вы. Все это писано мною гораздо прежде, но я въ-силу теперь только могъ окончить...

Къ. Н. М. Языкову.

1846, января 2. Римъ.

Два письма твои въ Римъ [одно безъ числа, другое отъ ноября 2] я получилъ. Благодарю за нихъ, за участіе и за нѣкоторыя извѣстія, хотя ихъ и немного. Я порадовался тому, что Шевыревъ приготовляетъ къ печати свои лекціи, которыхъ я жду съ нетерпѣніемъ, и что у Аксакова Ивана есть талантъ. Я писалъ къ отцу, чтобы прислалъ онъ его стиховъ; напомни и ты, или лучше — пришли самъ. Я думаю, работа будетъ небольшая приказать уписать мелкимъ штрифтомъ на листѣ почтовой бумаги все.

Извѣстіе о переводѣ »М. Д.« на Нѣмецкій языкъ мнѣ было непріятно. Кромѣ того, что мнѣ вообще не хотѣлось бы, чтобы обо мнѣ что-нибудь знали до времени Европейцы, этому сочиненію неприлично являться въ переводѣ ни въ какомъ случаѣ, до времени его окончанія, и я бы не хотѣлъ, чтобы иностранцы впали въ такую глупую ошибку, въ какую впала большая часть моихъ соотечественниковъ, принявшая »М. Д.« за портретъ Россіи. Если тебѣ попадется въ руки этотъ переводъ, напиши, каковъ онъ и что такое выходитъ по-Нѣмецки. Я думаю, просто, ни то, ни се. Если случится также читать какую-нибудь рецензію въ Нѣмецкихъ журналахъ, или, просто, отзывъ обо мнѣ, напиши мнѣ также. Я уже читалъ кое-что на Французскомъ о повѣстяхъ въ Revue de deux Mondes и въ les Débats. Это еще ничего. Оно канетъ въ Лету вмѣстѣ съ объявленіями газетными о пилюляхъ и о новоизобрѣтенной помадѣ красить волоса, и больше не будетъ о томъ и рѣчи. Но въ Германіи распространяемые литературные

толки долговѣчнѣй, и потому я бы хотѣлъ слѣдовать за всѣмъ, что обо мнѣ тамъ ни говорится.

О Римскихъ новостяхъ не знаю, что тебѣ написать. Меня по крайней мѣрѣ онѣ не интересуютъ. Самое важное изъ происшествій былъ пріѣздъ нашего Царя. Я полюбовался Имъ только издали и помолился въ душѣ за Него. Да поможетъ Ему Богъ устроить все къ лучшему на Руси нашей!

Здоровье мое въ началѣ было-поправилось значительно, теперь расклеивается вновь. Я зябну до такой степени, что не нахожу средствъ согрѣваться. Сначала было я прибѣгалъ къ бѣготнѣ, которая мнѣ помогала; но теперь ноги начинаютъ болѣть и отказываться. Но да будетъ во всемъ Божья воля! Жду отъ Него одного только помощи, Его одного только средства дѣйствительны и могутъ излечить меня; Ему же поручаю и тебя. Да устроитъ Онъ все въ насъ ими же вѣсть судьбами и обратитъ всѣ недуги наши въ добро, для котораго, вѣрно, и вызваны они въ насъ! А ты напиши мнѣ подробно и обстоятельно всѣ твои нынѣшніе припадки; мнѣ это нужно...

Поздравляю тебя съ наступающимъ *нашимъ* новымъ годомъ. Да будетъ онъ намъ благотворнѣй и чудотворнѣй всѣхъ годовъ и да возчувствуемъ въ немъ всю благодать и милость Бога!...

Къ N F.

(Римъ. 27 января, 1846).

Наконецъ отъ васъ письмо изъ NN [отъ 12 декабря]! Какъ долго я ждалъ его! какъ соскучилъ безъ вашихъ писемъ! какъ мнѣ теперь нужны ваши письма! какъ нужно теперь для васъ самихъ писать ко мнѣ чаще, чѣмъ когда-либо прежде, ради васъ самихъ! Я вамъ говорю это не напрасно. Послѣ вы узнаете, какъ я правъ. Христа ради, не забывайте этого и пишите. Я глоталъ жадно ваши извѣстія, хотя въ нихъ только одинъ легкой очеркъ вашей жизни. Но на первый разъ быть такъ: вамъ было много хлопотъ и не до того. Другъ мой N F, будьте же отнынѣ обстоятельны и

дайте себѣ слово отвѣчать на всякой запросъ моего письма. Вы уже сдѣлали визиты, какъ сказываете сами, всѣмъ служащимъ, нѣкоторымъ помѣщикамъ и почетнымъ купеческимъ женамъ. Напишите же мнѣ, что̀ такое служащіе ваши, что̀ такое помѣщики и что̀ такое купеческія жены; — сначала ихъ духъ вообще, какъ цѣлаго сословія, а потомъ, какія есть между ними исключенія. Узнавайте ихъ понемногу, не спѣшите еще выводить о нихъ заключенія, но сообщайте все, по мѣрѣ того, какъ узна́ете, мнѣ. Не бросайте многихъ людей и характеровъ, какъ уже узнанныхъ и вамъ извѣстныхъ, но продолжайте присматривать за ними и наблюдать. Въ душѣ и въ сердцѣ человѣческомъ столько есть неуловимыхъ оттѣнокъ и излучинъ, что всякой день могутъ случиться открытья и открытья. У васъ есть порокъ, свойственный почти всѣмъ женщинамъ: вы поспѣшны и быстры, и хотѣли бъ иное вдругъ сдѣлать. Этотъ порокъ, однакоже, лучше мужского порока, извѣстнаго подъ именемъ *байбачничества.* Отъ этого порока вы избавитесь уже тѣмъ, если дадите себѣ слово — всякое дѣло, какое ни захотите сдѣлать, изложить прежде мнѣ въ письмѣ, а потомъ его сдѣлать. Чувствуя, что излагаете его мнѣ, вы уже невольно увидите его обстоятельнѣе и лучше, и, не имѣя отъ меня отвѣта, уже узнаете сами мой отвѣтъ. Другъ мой N F, не пренебрегайте всѣми этими просьбами: проситъ объ этомъ васъ больной и подъ-часъ сильно страждущій другъ. Вы никогда не любите смотрѣть въ письма мои передъ тѣмъ, какъ пишете, и почти никогда не отвѣчаете на нужные, иногда слишкомъ нужные и слишкомъ душевные запросы. Другъ мой, не поступайте со мной такъ! Держите хотя одно это письмо передъ собой въ то время, когда пишете. Но возвращаюсь вновь къ моимъ просьбамъ и продолжаю ихъ. Опредѣлите мнѣ характеры всѣхъ находящихся въ NN; не пропускайте мелочей и подробностей. Вы знаете, что я до нихъ охотникъ и что по нимъ мнѣ удавалось узнать многое, многое въ человѣкѣ, вовсе не мелочное, котораго иногда онъ не только не открываетъ другимъ, но и самъ не знаетъ. Увѣдомляйте меня также о всѣхъ толкахъ, какіе ни занимаютъ городъ, о всѣхъ распоряженіяхъ, какія ни дѣлаются въ губерніяхъ, и о всѣхъ злоупотребленіяхъ, какія ни открываются. Не пропускайте также

упоминать о всѣхъ мѣрахъ, какія предпринимаются противу голода, какъ раздается хлѣбъ, то есть, какими порядками, образами и средствами. Не пропускайте также извѣщать меня отъ времени до времени о крестьянахъ, находящихся въ вашей губерніи, какъ помѣщичьихъ, такъ и казенныхъ, обо всѣхъ у нихъ и съ ними перемѣнахъ и вообще обо всемъ, что̀ ни касается ихъ участи. Не пропускайте также увѣдомлять меня обо всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ, какія предстоятъ ND [которому при семъ передайте мой радушный и дружескій поклонъ], обо всемъ, что̀ удалось ему уже сдѣлать, равно какъ и о можествѣ всякаго рода затрудненій, какія предстоятъ повсюду. За все это я отблагодарю вамъ потомъ не словомъ, но дѣломъ: я буду вамъ потомъ въ великой пригодѣ. Другъ мой, дайте мнѣ силы сдѣлать что-нибудь похожее на доброе дѣло. У меня такъ мало истинно добрыхъ дѣлъ! а жизнь наша такъ быстро̀ летитъ! я же къ тому и не домогалъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе. Вы знаете, что я люблю Россію, что все, что̀ ни есть въ ней, мнѣ дорого, что любовь моя ростетъ, не смотря на бренныя мои физическія силы. Другъ мой, исполните мою просьбу!

Что̀ вамъ сказать о самомъ себѣ? Я зябну и зябну, и зябкость увеличивается чѣмъ далѣе, болѣе, а что̀ хуже, вмѣстѣ съ нею необыкновенная лѣность всякихъ желудочныхъ и вообще тѣлесныхъ отправленій. Существованіе мое какъ-то странно. Я долженъ бѣгать и не сидѣть на мѣстѣ, чтобы согрѣться. Едва успѣю согрѣться, какъ уже вновь остываю а между тѣмъ бѣгать становится труднѣй и труднѣе, потому что начинаютъ пухнуть ноги, или лучше—жилы въ ногахъ. Отъ этого едва выбирается изо всего дня одинъ часъ, который бы можно было отдать занятіямъ. Но при всемъ томъ Богъ милостивъ: я не унываю. Думаю о многомъ томъ, о чемъ мнѣ слѣдуетъ думать, и мысли мои, не смотря на тѣлесный недугъ, нечувствительно зрѣютъ. Да будетъ же во всемъ Его святая воля! Все, что̀ ни посылается намъ, исполнено смысла и не наберетъ потомъ душа наша благодареній за всѣ трудныя и тяжкія минуты жизни. Продолжайте обо мнѣ молиться.

Вы пишете извѣстить о пребываніи Царя въ Римѣ. Онъ пробылъ четыре дни. Я его видѣлъ и любовался имъ издали, когда онъ прогуливался по Monte Pincio. Лицо Его было прекрасно.

Исполненная благоволенія наружность Его не могла не поразить всѣхъ. Я не представлялся къ Нему потому, что стало стыдно и совѣстно, не сдѣлавши почти ничего еще добраго и достойнаго благоволенія, напоминать о своемъ существованіи. Къ тому жъ въ четыре дни столько нужно было Ему видѣть вещей замѣчательныхъ, что это было бы съ моей стороны однимъ пустымъ притязаньемъ. [Государь долженъ увидѣть меня тогда, когда я на своемъ скромномъ поприщѣ сослужу ему такую службу, какую совершаютъ другіе на государственныхъ поприщахъ]. Впрочемъ Онъ былъ особенно благосклоненъ къ художникамъ, приказывалъ имъ быть во время своей прогулки по Ватикану, а архитекторамъ во время осмотра древностей и Римск(ихъ) памятниковъ. Иванова очень похвалилъ за его картину...

Русскихъ наѣхало сюда куча, но такихъ, съ которыми я видаюсь немного. Чаще бываю у гр. Ч****-К****, потому что они мои старые знакомые, потому что больные и потому что, сверхъ того, очень добры и просты. Часто бываю у А*** Соф. Пет., потому что она также очень добра и притомъ сестра моего любезнаго Александра Петровича [гр. Т***], который сидитъ теперь въ Парижѣ. Д*** я видѣлъ нѣсколько разъ. Она неразговорчива, но въ лицѣ ея много доброты. Нельзя не замѣтить вдругъ апатіи и душевной недѣятельности. Графиня Н*** мнѣ понравилась съ перваго раза именно лицомъ, въ которомъ много душевнаго прекраснаго выраженія. Вы знаете, что я знатокъ, и если проступила уже хотя сколько-нибудь душа наружу, она не скроется отъ меня, я вижу ее на лицѣ прежде, чѣмъ откроются уста говорить. Съ ней мы говорили, разумѣется, о васъ. WS тоже здѣсь. Она, при добротѣ и умѣ, пустовата. Это вовсе не *книга*, написанная о какомъ-нибудь одномъ и притомъ дѣльномъ предметѣ., а сшитые лоскутки, всего — tutti frutti. Она, разумѣется, всякой день по баламъ то у Торлоли, то у Доріа, то у посланниковъ, словомъ — повсюду, гдѣ скука. Съ этими тремя дамами я вижусь рѣже только единственно потому, что не вижу, какимъ образомъ и чѣмъ именно могу быть имъ въ текущую минуту полезенъ. Мнѣ трудно даже найти настоящій дѣльный и обоюдно-интересный разговоръ съ тѣми людьми, которые еще не избрали поприща и находятся,

покамѣстъ, на дорогѣ и на станціи, а не дома. Для нихъ, равно какъ и для многихъ другихъ людей, готовятся »Мертвыя Души«, если только милость Божья благословитъ меня окончить этотъ трудъ такъ, какъ бы я желалъ и какъ бы мнѣ слѣдовало. Тогда только уяснятся глаза у многихъ, которымъ другимъ путемъ нельзя сказать иныхъ истинъ. И только по прочтеніи 2 тома »М. Д.« могу я заговорить со многими людьми серьезно. Стало быть, никакъ не думайте, прекрасный другъ, что я отталкиваю отъ себя какихъ бы то ни было людей. Я, просто, дѣйствую только расчетливо и не хочу тратить пороха даромъ.

Вы писали мнѣ въ прежнемъ письмѣ вашемъ, чтобы я не дичился съ С****, если онъ будетъ писать ко мнѣ. На это скажу вамъ, что еще не дичился въ такомъ смыслѣ ни одного человѣка и не оставлялъ безъ отвѣта ни одного письма, если только было подвигнуто душевнымъ побужденьемъ, если оно было что-нибудь похожее на душевную исповѣдь, или даже на потребность душевную. А доказательство всему этому то, что я, не получивши отъ С**** ни строки, написалъ ему на дняхъ самъ вызовъ.

Скажите мнѣ также кстати, что̀ это за таинственное письмо, о которомъ вы мнѣ уже раза три писали: сначала во Франкфуртъ, что я получу черезъ мѣсяцъ какое-то длинное письмо; полгода спустя, вы сказали вновь, что мнѣ будетъ переслано длинное письмо [не упоминая тоже, отъ кого], но я его не получалъ вовсе; наконецъ написали мнѣ уже въ Римъ, что въ посольствѣ лежитъ для меня предлинное письмо. Я справлялся и никакого, ниже́ короткаго, не нашелъ. Скажите мнѣ наконецъ хотя теперь, отъ кого это письмо и почему вы не захотѣли ни разу писавшаго назвать по имени? и зачѣмъ была эта таинственность?

Адрессуйте мнѣ прямо на квартиру мою — это вѣрнѣе — и не забывайте, повторяю вновь еще разъ, не забывайте писать ко мнѣ именно о томъ, о чемъ просилъ васъ въ началѣ письма этого. Держите письмо мое передъ глазами, когда пишете ко мнѣ. Оно вамъ все напомнитъ. Грѣхъ вамъ будетъ, если вы не исполните просьбъ вашего недугующаго и васъ во Христѣ любящаго брата и друга. Никакого оправданья вы не можете привести; никакіе недосуги не могутъ помѣшать; часъ всегда можно выбрать,

если вы рѣшитесь твердо отдать одинъ часъ навсегда. Напротивъ, отъ этого еще самыя дѣла ваши потекутъ размѣреннѣй, порядочнѣй и лучше. Часъ, отданный мнѣ, только разграничитъ день и время на законныя половины и установитъ лучшій порядокъ. Зачѣмъ вы не хотите также исполнить то, о чемъ я уже четыре раза просилъ, именно — увѣдомлять всякой разъ, что такое-то именно письмо мое, писанное отъ такого-то мѣсяца и числа, вами получено. Мнѣ это нужно. Другъ мой, во многихъ вещахъ нужна аккуратность, да и гдѣ она не нужна? Увы! есть много такихъ вещей, которыя въ глазахъ всего свѣта мелки, а для меня не мелки...

Къ В. А. Жуковскому.

1846, февраля 6. Римъ.

Виноватъ и я также! не отвѣчалъ вамъ вдругъ на ваше милое письмо. Хворалъ, болѣлъ, какъ и вы, и доселѣ нахожусь не въ лучшемъ состояніи. Но воля Божья!... Да будетъ она во всемъ надъ нами! Покорность и вѣра Тому, отъ Котораго истекло все! У Него все исполнено смысла, великаго и глубокаго смысла; все, что ни дастся Имъ намъ въ удѣлъ, нужно и необходимо. А потому, можетъ быть, возблагодаримъ потомъ много и много за наши недуги, и благодарить за это будетъ высшимъ наслажденіемъ нашей души. Вы не упомянули, однакожъ, ни слова о томъ, получили ли мое довольно длинное и обстоятельное письмо, съ приложеніемъ перевода И. А. Крыловымъ начала первой пѣсни »Одиссеи«.

О Государѣ могу вамъ сказать немного. Онъ пробылъ въ Римѣ мало, всего четыре дни. Въ четыре дни Онъ, разумѣется, объѣздилъ все и побывалъ вездѣ; былъ очень ласковъ съ художниками; весьма похвалилъ Иванова, котораго картина Ему очень понравилась; велѣлъ художникамъ сопровождать Себя, скульпторамъ и живописцамъ по галлереямъ Ватикана, архитекторамъ по развалинамъ и древностямъ; заказалъ сдѣлать слѣпки съ тѣхъ антиковъ, которыхъ у насъ недостаетъ въ академіи; заказалъ нѣсколько копій съ картинъ. Я Государя видѣлъ только на Monte Pincio, куда Онъ ѣздилъ прогуливаться въ коляскѣ, и любовался Его прекрасной наружностью.

Она была величественно-благосклонна и не могла не поразить всѣхъ, какъ Римлянъ, такъ и иностранцевъ. Бывши въ куполѣ Петра, Онъ достигнулъ самого яблока и написалъ въ немъ: »Здѣсь былъ Императоръ Николай и молился о благоденствіи матушки Россіи.« Вотъ вамъ все, что знаю о Государѣ.

Прощайте. Обнимаю васъ. Увѣдомьте хотя двумя строками, что вы получили мое письмо.

Душевный, искреннiй и нѣжный поклонъ всему вашему семейству...

Къ П. А. Плетневу.

Римъ. $\frac{20}{8}$ февраля, 1846.

Я не отвѣчалъ тебѣ вдругъ на твое милое письмо [отъ $\frac{2}{14}$ ноября 1845 г., С. Петербургъ], потому что, во-первыхъ, тяжкое болѣзненное состояніе овладѣло-было мною съ новою силою и привело меня въ такое странное состояніе, что тяжело было руку поднять и тяжело было какое-нибудь сказать о себѣ слово; во-вторыхъ, я ожидалъ, не дождусь ли отвѣта на мое письмо, отправленное къ тебѣ еще въ прошломъ году, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ о моемъ существованіи, которое я взялъ изъ здѣшней миссіи. Увѣдомь меня теперь объ этомъ поскорѣе и пришли всѣ деньги, какія мнѣ слѣдуютъ. Чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше. Съ С*** уравняемся послѣ. Мнѣ нужно теперь сдѣлать ѣзды и путешествія какъ можно больше. Изъ всѣхъ средствъ, какія я ни предпринималъ для моей странной болѣзни, донынѣ это одно мнѣ помогало. Тяжки и тяжки мнѣ были послѣднія времена, и весь минувшій годъ такъ былъ тяжелъ, что я дивлюсь теперь, какъ вынесъ его. Болѣзненныя состоянія до такой степени [въ концѣ прошлаго года и даже въ началѣ нынѣшняго] были невыносимы, что повѣситься, или утопиться казалось какъ-бы похожимъ на какое-то лекарство и облегченіе. А между тѣмъ Богъ такъ былъ милостивъ ко мнѣ въ это время, какъ никогда дотолѣ. Какъ ни страдало мое тѣло, какъ ни тяжка была болѣзнь тѣлесная, душа моя была здорова; даже хандра, которая приходила прежде въ минуты болѣе сносныя, не посмѣла

ко мнѣ приближаться. И тѣ душевныя страданія, которыхъ доселѣ я испыталъ много и много, замолкнули вовсе, и среди страданій тѣлесныхъ выработались въ умѣ моемъ (?) ...такъ что во время дороги и предстоящаго путешествія я примусь, съ Божьимъ благословеніемъ, писать, потому что духъ мой становится въ такое время свѣжимъ и расположен(нымъ) къ дѣлу. О, какъ премудръ въ Своихъ дѣлахъ Управляющій нами! Когда я разскажу тебѣ потомъ всю чудную судьбу мою и внутреннюю жизнь мою [когда мы встрѣтимся у родного очага] и всю открою тебѣ душу, — все поймешь ты тогда, до единаго во мнѣ движенья, и не будешь изумляться ничему тому, что̀ теперь такъ тебя останавливаетъ и изумляетъ во мнѣ. Другъ мой, повторяю вновь тебѣ, люби меня, люби на вѣру. Вотъ тебѣ мое честное слово, что ты былъ во многомъ заблужденіи на-счетъ многаго во мнѣ и многое принято тобою въ превратномъ смыслѣ и вовсе въ другомъ значеніи, и горько мнѣ, горько было оттого въ одно время, такъ горько, какъ ты даже и представить себѣ не можешь. Скажу также тебѣ, что не дѣло литературы и не слава меня занимала въ то время, какъ ты думалъ, что онѣ только и составляютъ жизнь мою. Ты принялъ платье за то тѣло, которое должно̀ было облекать платье. *Душа и дѣло душевное* меня занимали, и трудную задачу нужно было разрѣшить, предъ пользою которой ничтожны были тѣ пользы, которыя ты мнѣ поставлялъ на видъ. Богу угодно было послать мнѣ страданія душевныя и тѣлесныя и всякія горькія и трудныя минуты, и всякія недоразумѣнія тѣхъ людей, которыхъ любила душа моя, и всё на то, чтобы разрѣшилась скорѣе во мнѣ та трудная задача, которая безъ того не разрѣшилась бы во-вѣки. Вотъ все, что̀ могу тебѣ сказать впередъ; остальное все договоритъ тебѣ мое же твореніе, если угодно будетъ святой Волѣ ускорить его...

Къ Н. М. Языкову.

Римъ. Февраля 26, 1846.

Письмо твое [отъ 16 янв.] получилъ; прежнее, съ приложеньемъ прекрасныхъ стиховъ на открытіе памятника Карамзину, то

же получилъ. Благодарю за то и за другое, и за твою заботу о моемъ здоровьѣ, и за твою доброту, и словомъ — за все. Что жъ дѣлать? Богу угодно посылать мнѣ такіе недуги, какихъ прежде никогда не было. Тяжело, тяжело, иногда такъ приходится тяжело, что хоть, просто, повѣситься. Но вѣрю и даже слышу, что все это во благо, и благословляю Бога за все: и въ душѣ, и въ головѣ много оттого выигрышу. Кромѣ того, во всѣ эти тяжелыя минуты не оставляло меня милосердіе Его. Какъ ни сильны были тѣлесные недуги, но душа не болѣла и хандра не приходила. Изъ всѣхъ средствъ, на меня дѣйствовавшихъ доселѣ, я вижу, что дорога и путешествіе дѣйствовали благодѣтельнѣе всего; а потому съ весной начну ѣзду и постараюсь писать въ дорогѣ. Дѣло, можетъ быть, пойдетъ тѣмъ болѣе, что голова готова. Богъ милостивъ, и я твердо надѣюсь.

Странная судьба книги: »Путешествіе въ Іерусалимъ«, Норова, которая никакъ не можетъ до меня доѣхать, показываетъ мнѣ, что въ этомъ году еще не судьба ѣхать и мнѣ въ Іерусалимъ. Впрочемъ эта поѣздка въ такомъ случаѣ только предпринималась, если бы я самъ былъ готовъ и кончилъ свою работу, безъ которой мнѣ нельзя ѣхать, какъ слѣдуетъ, съ покойной совѣстью. О семъ объясни и Надеждѣ Николаевнѣ.

Спроси у Шевырева, получилъ ли онъ письмо мое, писанное 25 декабря 1845 г., а также у Аксаковыхъ, отца и сына, получили ли они письма мои, приложенныя въ письмѣ къ Шевыреву. Въ слѣдующемъ за симъ письмѣ напишу тебѣ маршрутъ моего странствія. А пока, если случится оказія что̀ посылать, посылай на имя Жуковскаго во Франкфуртъ, съ которымъ мнѣ непремѣнно слѣдуетъ и нужно видѣться, если не въ концѣ мая, то въ началѣ іюня.

На-счетъ твоихъ собственныхъ недуговъ говорю тебѣ: Крѣпись и мужайся. Сердце мое велитъ тебѣ сказать это. Все выноси покорно и послушно и благодари впередъ за все Того, Кто надъ нами! Благородную и полную довѣренность къ Нему — и ничего иного! Прощай! Спѣшу занести поскорѣй письмо на почту...

Къ N F.

Римъ. $\frac{\text{Марта 4}}{\text{Февраля 20}}$, (1846).

Ваше письмо [отъ 14 Января] получилъ третьяго дни. Благодарю васъ и за него, и за поздравленье съ новымъ годомъ, и за извѣстія, и за попеченье обо мнѣ, словомъ — за все.

О здоровьѣ могу вамъ сказать только, что оно плохо. Приходится подъ-часъ такъ трудно, что только молишься о ниспосланіи терпѣнья, великодушія, послушанія и кротости. Вѣрю и знаю, знаю твердо, что эта болѣзнь къ добру, вижу — и оно очевидно и явно — надо мною великую милость Божію. Голова и мысль вызрѣли, минуты выбираются такія, какихъ я далеко недостоинъ, и во все время, какъ ни болѣло тѣло, ни хандра, ни глупая необъяснимая скука не смѣла ко мнѣ приблизиться. Да будетъ же благословенъ Богъ, посылающій намъ все! И душѣ, и тѣлу моему слѣдовало выстрадаться. Безъ этого не будутъ »Мертвыя Души« тѣмъ, чѣмъ имъ быть должно. Итакъ молитесь обо мнѣ, другъ, молитесь крѣпко, просите молиться и всѣхъ тѣхъ, которые лучше насъ и умѣютъ лучше молиться, чтобы молились о томъ, дабы вся душа моя обратилась въ однѣ согласно-настроенныя струны и брядалъ бы въ нихъ самъ духъ Божій.

Изъ всѣхъ средствъ доселѣ дѣйствовало лучше другихъ на мое здоровье путешествіе; а потому весь этотъ годъ я осуждаю себя на странствіе и постараюсь такъ устроиться, чтобы можно было въ дорогѣ писать. Лѣто все буду ѣздить по Европѣ въ мѣстахъ, гдѣ не былъ, осенью по Италіи, зиму по островамъ Средиземнаго моря, Греціи и наконецъ въ Іерусалимъ. Теперь же ѣхать въ Обѣтованную Землю не могу, по многимъ причинамъ, а главное, что не готовъ — не въ томъ смыслѣ, чтобы смѣлъ думать, будто могу быть когда-либо готовымъ къ такой поѣздкѣ, да и какой человѣкъ можетъ такъ приготовиться? но потому, что въ самомъ дѣлѣ не спокойно на душѣ, не сдѣлалъ еще того, въ слѣдствіе чего и по окончаніи чего, полагалъ только совершить эту поѣздку. Итакъ вотъ вамъ, мой добрый другъ, и о моей болѣзни, и о моемъ внутреннемъ состояніи душевномъ!

Въ Римѣ я видаюсь и провожу время съ немногими. Такихъ, которыхъ бы сильно желала душа, здѣсь теперь нѣтъ. Нѣтъ даже такихъ, которые бы потребовали отъ меня сильной дѣятельности душевной, въ слѣдствіе какой-нибудь своей немощи. Большею частію это или простые, добрые люди, живущіе съ собой въ мирѣ, но у которыхъ души не много-струнныя и немногокачественныя, или же пребывающіе въ свѣтской легкой суетѣ, которые ходятъ не по землѣ, а по водѣ, а потому трудно и направить стопы ихъ на той стихіи, гдѣ стопы не оставляютъ слѣда и все изглаживается. А безъ надобности не хочется сталкиваться съ людьми, да и некогда.

Меня теперь занимаетъ NN и внутренность Россіи, а потому не оставляйте меня извѣщеніемъ о всякомъ происшествіи, какъ бы оно вамъ ничтожно ни показалось. Вы, вѣрно, уже получили мое длинное письмо, въ отвѣтъ на ваше первое изъ NN; вы, вѣрно, дали на него отвѣтъ, и я, вѣроятно, недѣли черезъ двѣ его получу. Теперь же, покамѣстъ, извѣстите меня о раскольникахъ, какіе находятся въ NN губерніи, именно: 1) какихъ изъ нихъ больше; 2) въ чемъ состоитъ ихъ расколъ и въ какомъ онъ теперь состояніи; 3) каковы они въ жизни, въ работѣ, въ трудахъ, какъ въ крестьянскомъ, такъ и въ купеческомъ, или мѣщанскомъ, сравнительно съ православными. Объ этомъ не позабудьте впереди письма, а потомъ обо всемъ прочемъ.

На это письмо напишите мнѣ отвѣтъ еще въ Римъ, второе же ваше письмо уже не адрессуйте въ Римъ, [я первыхъ чиселъ мая полагаю выѣхать изъ Рима и уже быть въ дорогѣ], но адрессуйте на имя Жуковскаго, во Франкфуртъ, съ которымъ мнѣ необходимо нужно повидаться и о многомъ поговорить...

Къ В. А. Жуковскому.

Римъ. 16 марта, 1846.

Благодарю васъ за письмецо и за вексель. Жаль всё, однакоже, что вы ни слова не написали мнѣ о томъ, получили ли вы мои письма. Здоровья наши сильно расклеиваются. Мнѣ подъ-часъ

такъ бываетъ трудно, что всю силу души нужно вызывать, чтобы переносить, терпѣть и молиться. Какъ подлъ и низокъ человѣкъ, особенно я! Столько примѣровъ уже видѣвши на себѣ, какъ все обращается во благо души, и при всемъ томъ нѣтъ силъ терпѣть благородно и великодушно! А Онъ такъ милостиво и такъ богато воздаетъ намъ за малѣйшую каплю терпѣнья и покорности! и среди самыхъ тяжкихъ болѣзненныхъ состояній Онъ наградилъ меня такими небесными минутами, передъ которыми ничто̀ всякое горе. Мнѣ даже удалось кое-что написать изъ »М. Душъ«, которое все будетъ вамъ въ-скорости прочитано, потому что надѣюсь съ вами увидѣть(ся).

Мнѣ нужно, нужно непремѣнно васъ видѣть до вашего отъѣзда въ Россію и о многомъ кой-чемъ переговорить. Путешествіе и дорога мнѣ помогали доселѣ лучше всякихъ средствъ и леченій, а потому весь этотъ годъ я осуждаю себя на странствіе. Лѣтомъ объѣду всю Германію, заѣду въ Англію, которой не знаю, и въ Голландію, которой тоже не вид(ѣлъ), осенью объѣду Италію, зимою берега Средиземнаго моря, Сирію, Грецію, Іерусалимъ и чрезъ Константинополь, если благословитъ Богъ, въ Россію, что̀ долженствуетъ быть весной грядущаго 1847 года. Въ продолженіе путешествія я устроюсь такъ, чтобы въ дорогѣ писать, потому что трудъ мой нуженъ: приходитъ такое время, когда появленье моей поэмы есть существенная необходимость для теперешняго положенія дѣлъ и мыслей. А какъ и почему, вы это увидите сами, если я хотя сколько-нибудь съумѣю отвѣтить на вопросъ, себѣ заданный, или справедливѣе — если милосердный Богъ вразумитъ меня какъ слѣдуетъ отвѣтить. Доселѣ и болѣзнями, и страданьями внутренними, и внѣшними Онъ возводилъ мою душу до надлежащаго умягченія и способности почувствовать многое за другихъ; Онъ же и докончитъ начатое; и какъ ни велика моя хилость, но есть внутренняя твердость и вѣра въ то, что велико Его милосердіе и все съ Его помощью совершится.

Христа ради, увѣдомьте меня о себѣ, какъ и какимъ образомъ вы располагаете возвращаться, и хотя разъ напишите, что вы мое письмо получили, потому что я вовсе не знаю, получаете ли вы мои письма и готовъ укорять васъ въ той ничтожности, въ какой

любите меня укорять вы. Я полагаю ѣхать отсюда въ маѣ. Въ концѣ мая, или въ началѣ іюня, я буду уже во Франкфуртѣ, а потому увѣдомьте меня, будете ли вы тамъ. Впрочемъ я пріѣду къ вамъ всюду, куды ни назначите. Недѣльку проведемъ вмѣстѣ. Прошу васъ, если будете отправлять свои вещи въ Россію, а съ ними и мои книги, вынуть изъ нихъ два экземпляра »Мертвыхъ Душъ« и оставить ихъ при васъ для меня. Въ Россіи онѣ всѣ выпроданы; я нигдѣ не могъ достать; а первая часть мнѣ потребна при писаніи второй, и притомъ нужно ее самую значительно выправить. Не позабудьте же немедленный отвѣтъ на это письмо. Обнимаю васъ заочно мои(ми) зябнущими руками, дрожа всѣмъ тѣломъ, но, слава Богу, не дрожа душою...

Къ П. А. Плетневу.

Римъ. 20 марта, 1846.

— — Художнику Бернардскому объяви отказъ (¹). Есть много причинъ, въ слѣдствіе которыхъ не могу, покамѣстъ, входить въ условія ни съ кѣмъ. Между прочимъ, во-первыхъ, потому, что второе изданіе первой части будетъ только тогда, когда она выправится и явится въ такомъ видѣ, въ какомъ ей слѣдуетъ явиться; во вторыхъ, потому, что, по странной участи, постигавшей изданіе моихъ сочиненій, выходила всегда какая-нибудь путаница, или безтолковщина, если я не самъ и не при моихъ глазахъ печаталъ. А въ третьихъ, я врагъ всякихъ политипажей и модныхъ выдумокъ. Товаръ долженъ продаваться лицомъ, и нечего его подслащивать кандитерствомъ. Можно было бы допустить излишество этихъ родовъ только въ такомъ случаѣ, когда оно слишкомъ художественно. Но художниковъ-геніевъ для такого дѣла не найдешь; да притомъ нужно, чтобы для того и самое сочиненіе было классическимъ, пріобрѣтшимъ полную извѣстность, вычищеннымъ, конченнымъ и ненаполненнымъ кучею такихъ грѣховъ, какъ мое...

(¹) Г. Бернардскій, издатель рисунковъ къ »Мертвымъ Душамъ«, желалъ издать иллюстрированныя »Мертвыя Души« въ свою пользу. За право такого изданія онъ предлагалъ Гоголю 1,500 р. сер. наличными деньгами. *П. К.*

Къ С. Т. Аксакову.

Римъ. 23 марта 1846.

Письмо ваше отъ 23 января я получилъ. Благодарю васъ много за присылку стиховъ Ивана Сергѣевича. Въ нихъ мно таланта, особенно въ первомъ, т. е. въ стихахъ, начинающихся такъ:

»Среди удобныхъ и лѣнивыхъ
Упорно медленныхъ работъ...«

Я удивляюсь только, почему они лучше послѣднихъ, тогда какъ бы слѣдовало быть послѣднимъ лучше первыхъ: человѣкъ долженъ идти впередъ. Прежнихъ стиховъ, вами посланныхъ къ Жуковскому, я не получалъ. Жуковскій не упоминаетъ даже ни слова въ письмахъ своихъ, была ли какая-нибудь къ нему посылка на мое имя. Я послалъ, однакожъ, къ нему запросъ, на который доселѣ еще нѣтъ отвѣта. Благодарю также О* С* за сообщеніе прекрасной проповѣди Филарета, которую я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ.

На-счетъ недуговъ нашихъ скажу вамъ только то, что, видно, они нужны и намъ всѣмъ необходимы. А потому, какъ ни тяжко переносить ихъ, но, скрѣпя сердце, возблагодаримъ за нихъ впеѳедъ Бога. Никогда такъ трудно не приходилось мнѣ, какъ теперь; никогда такъ болѣзненно не было еще мое тѣло. Но Богъ милостивъ и даетъ мнѣ силу переносить, даетъ силу отгонять отъ души хандру, даетъ минуты, за которыя не знаю и не нахожу словъ, какъ благодарить. Итакъ все нужно терпѣть, все переносить и всякую минуту повторять: »Да будетъ и да совершится Его святая воля надъ нами!«

Покамѣстъ, прощайте до слѣдующаго письма. Зябкость и усталость мѣшаютъ мнѣ продолжать, хотя и желалъ бы вамъ писать болѣе. Доселѣ изо всѣхъ средствъ, болѣе мнѣ помогавшихъ, была ѣзда и дорожная тряска; а потому весь этотъ годъ обрекаю себя на скитаніе, считая это необходимымъ и, видно, законнымъ опредѣленіемъ свыше. Лѣтомъ полагаю объѣздить мѣста, въ которыхъ

не былъ въ Европѣ сѣверной, на осень въ южную, на зиму въ Палестину, а весной, если будетъ на то воля Божія, въ Москву; а потому слѣдующія письма адрессуйте къ Жуковскому. А всѣхъ вообще просите молиться обо мнѣ, да путешествіе мое будетъ мнѣ во спасеніе душевное и тѣлесное и да успѣю хотя во время его, хотя въ дорогѣ, совершить тотъ трудъ, который лежитъ на душѣ. Пусть О* С* объ этомъ помолится и всѣ тѣ, которые любятъ молиться и находятъ усладу въ молитвахъ. . .

Къ Н. М. Языкову.

1846, марта 24. Римъ.

Письмо твое отъ 27 генваря получилъ; отъ Аксакова тоже получилъ [отъ 23 генв.], съ присовокупленіемъ стиховъ Ив. Серг., изъ которыхъ мнѣ особенно понравились стансы:

»Среди удобныхъ и лѣнивыхъ
Упорно медленныхъ работъ...«

Въ юношѣ виденъ талантъ рѣшительный, стремленье приспособить поэзію къ дѣлу и къ законному вліянію на текущія современныя событія, хотя самъ поэтъ для этого еще не воспитался и, вѣроятно, будетъ долго еще ходить и колесить около, пока не попадетъ на самое дѣло.

Здоровье мое также плохо, и съ каждымъ днемъ прибавляется какой-нибудь новой недугъ. Но, слава Богу, не рощу и не до конца унываю. Авось дорога поможетъ и Богъ будетъ такъ милосердъ, что вновь освѣжительнымъ проѣздомъ чрезъ множество климатовъ и воздуховъ освѣжитъ меня, сколько нужно для подъятія труда. О прочемъ нечего заботиться. Молиться мнѣ должно только о томъ, чтобы хоть сколько-нибудь далъ Богъ возможность выполнить долгъ свой, или хотя даже часть долга. Ѣду черезъ мѣсяцъ. Письма адрессуй на имя Жуковскаго, съ которымъ спѣшу увидѣться до его отъѣзда въ Россію. Лѣтомъ, если Богъ поможетъ, объѣзжу Голландію, Англію, включая сюда купанье въ морѣ, или Греффенбергскія продѣлки, къ осени въ Италію, зимою, если святая сила удо-

стоитъ, въ Іерусалимъ, ко времени Пасхи. Но объ этомъ еще будетъ время переговорить...

Къ С. Т. Аксакову.

(1846).

Что̀ вы, добрый мой, замолчали, и никто изъ васъ не напишетъ о себѣ ни словечка? Я, однакожъ, знаю почти все, что̀ съ вами ни дѣлается: чего не дослышалъ слухомъ, то̀ дослышала душа. Принимайте покорно все, что̀ ни посылается намъ, помышляя только о томъ, что это посылается Тѣмъ, который насъ создалъ и знаетъ лучше, что̀ намъ нужно. Именемъ Бога говорю вамъ: все обратится въ добро. Не въ слѣдствіе какой-либо системы говорю вамъ, но по опыту. Лучшее добро, какое ни добылъ я, добылъ изъ скорбныхъ и трудныхъ моихъ минутъ; и ни за какія сокровища не захотѣлъ бы я, чтобы не было въ моей жизни скорбныхъ и трудныхъ состояній, отъ которыхъ ныла вся душа и недоумѣвалъ умъ помочь. Ради самого Христа, не пропустите безъ вниманья этихъ словъ моихъ!...

Къ Н. М. Языкову.

1846, апрѣля 22.

Христосъ Воскресе!

Письмо получилъ, но книгъ, заключающихъ наши литературныя новости, не получалъ, хотя ожидалъ цѣлыя двѣ недѣли послѣ полученія письма. Жаль, что не упомянулъ, съ кѣмъ онѣ посланы. Мнѣ бы теперь сильно хотѣлось прочесть повѣстей нашихъ нынѣшнихъ писателей. Онѣ производятъ на меня всегда дѣйствіе возбуждающее, не смотря на самую тягость болѣзненнаго состоянія моего. Въ нихъ же теперь проглядываетъ вещественная и духовная статистика Руси, а это мнѣ очень нужно. Поэтому для меня имѣютъ много цѣны даже и тѣ повѣствованія, которыя кажутся другимъ слабыми и ничтожными относительно достоинства художественнаго. Я бы всѣ эти сборники прочиталъ съ большимъ

аппетитомъ; но ихъ нѣтъ, и не знаю даже, куды и съ кѣмъ они тобою посланы, и когда ихъ получу.

Отъ Жуковскаго я получилъ извѣщеніе, что онъ точно получилъ стихи Аксакова Ивана, но удержалъ ихъ у себя, считая лучше вручить ихъ мнѣ лично, по пріѣздѣ моемъ къ нему. Онъ находитъ въ нихъ много мистическаго и укоряетъ молодыхъ нашихъ поэтовъ въ желаніи блеснуть оригинальностью. Послѣдняго мнѣнія я не раздѣляю, хотя и не читаю стиховъ. Это направленіе невольное и не есть желаніе блеснуть. У теперешняго молодого человѣка (лиризмъ) течетъ невольно, потому что есть внутри у него сила, требующая дѣла, алчущая дѣйствовать и только незнающая, гдѣ, какимъ образомъ, на какомъ мѣстѣ. Въ теперешнее время не такъ-то легко попасть человѣку на свое мѣсто, то есть, на мѣсто, именно ему принадлежащее; долго ему придется кружить, прежде чѣмъ на него попадетъ. Попробуй, однакожъ, даже прочесть Аксакову Ивану мои письма, писанныя къ тебѣ о предметахъ, предстоящихъ у насъ лирическому поэту, по поводу стихотворенія »Землетрясеніе«. Они всё-таки хоть сколько-нибудь наводятъ на дѣйствительность. Почему знать? можетъ быть, они подадутъ ему какую-нибудь мысль о томъ, какъ направить силы къ предметамъ предстоящимъ. Штука не въ нашихъ мараньяхъ, но въ томъ, что благодать Божья озаряетъ нашъ умъ и заставляетъ его увидѣть истину даже и въ мараньяхъ.

Кстати объ этихъ письмахъ. Ты ихъ береги. Я какъ разсмотрѣлъ все то, что̀ писалъ разнымъ лицамъ въ послѣднее время, особенно нуждающимся и требовавшимъ отъ меня душевной помощи, вижу, что изъ этого можетъ составиться книга, полезная людямъ страждущимъ на разныхъ поприщахъ. Страданья, которыми страдалъ я самъ, пришлись мнѣ въ пользу, и съ помощью ихъ мнѣ удалось помочь другимъ. Богъ вѣсть, можетъ, это будетъ полезно и тѣмъ, которые находились и не въ такихъ обстоятельствахъ, и даже мало заботятся о страданіяхъ другихъ. Я попробую издать, прибавивъ кое-что вообще о литературѣ. Но, покамѣстъ, это между нами. Мнѣ нужно обсмотрѣть и все разглядѣть и взвѣсить. Двигаетъ мною теперь единственно польза, а не доставленье какого-либо наслажденія.

Еще двѣ недѣли, не болѣе, остаюсь въ Римѣ. Во Франкфуртѣ полагаю быть въ началѣ іюня, или въ концѣ нашего мая. Все посылай и адрессуй во Франкфуртъ на имя Жуковскаго. Прощай; болѣе писать не въ силахъ: зябну и дрожу и бѣгу бросить письмо на почту и согрѣться...

Къ матери.

Апрѣля $\frac{23}{11}$ (1846).

Христосъ Воскресъ!

Поздравляю васъ всѣхъ. Письма ваши получилъ, какъ ваше, такъ и сестеръ, съ описаніемъ избъ и мужиковъ. Можно бы иное пополнѣе, но понимаю, что изъ словъ другихъ нельзя все узнать. Весной, во время хорошей погоды, не мѣшаетъ заглянуть самимъ и провѣрить на дѣлѣ, вѣрны ли донесенія другихъ. На вопросъ Лизы: все ли записывать въ расходъ? отвѣчаю: все, даже и то, что берется въ долгъ у разнощиковъ и купцовъ, означая только время, когда взято. Чѣмъ будетъ все записано аккуратнѣе, тѣмъ лучше для нея: это ей очень, очень пригодится, хотя она еще и не вѣдаетъ теперь, почему и для чего.

О себѣ скажу вамъ, почтенная маминька, что здоровье мое попрежнему стоитъ ни лучше, ни хуже. Впрочемъ я рѣшился не говорить и не думать больше о немъ. Излишне заботиться о здоровьѣ грѣхъ. Нужно ввѣриться одному Богу; онъ вылечитъ. Я говорилъ докторамъ о вашихъ предположеніяхъ на-счетъ глистовъ. Съ этимъ ни одинъ не согласенъ: нѣтъ ни тошноты, ни слюнотеченій и никакихъ тѣхъ признаковъ, которые бываютъ у людей страждущихъ глистами. Но довольно. Я знаю только, что нужно благодарить Бога за все, благодарить и за самыя болѣзни, потому что болѣзни не безъ цѣли. Онѣ даются намъ въ пользу, въ излеченіе души.

Я ѣду черезъ двѣ недѣли изъ Рима, съ тѣмъ чтобы, сдѣлавъ побольше дороги [которая мнѣ всегда помогала], заѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ въ Греффенбергъ и, полечившись тамъ холодною водой, съ молитвой отправиться потомъ на зиму вновь на югъ, съ

тѣмъ чтобы, поклонившись Святымъ Мѣстамъ, возвратиться послѣ такого поклоненія въ концѣ, если не въ срединѣ будущаго 1847 года въ Россію. Чувствую, что больше всего мнѣ слѣдуетъ надѣяться на Святыя Мѣста и поклоненіе Гробу Господню, чѣмъ на докторовъ и леченье.

Пансіонъ, мнѣ вышедшій, тысяча рублей серебромъ, данъ мнѣ вовсе не за заслуги, какъ вы полагаете, и не за какое-нибудь новое сочиненіе, но единственно изъ состраданія къ моему болѣзненному и съ тѣмъ вмѣстѣ безденежному состоянію. Готоваго у меня ничего нѣтъ и не будетъ готово, пока не угодно будетъ волѣ Божіей даровать мнѣ надлежащія силы и двигнуть мою работу: Стало быть, во всемъ нужно намъ обращаться къ Нему, ввѣриться Ему, принимать все, благодарить за все, вѣрить, что все Имъ посылаемое разумно и что Онъ властенъ спасти насъ даже и тогда, когда бы намъ самая безнадежность угрожала, и продлить наши дни на цѣлые десятки лѣтъ и даже на Маѳусаиловъ вѣкъ. Итакъ будемъ безтрепетны и бодры, не ослабѣвая въ молитвѣ.

Прощайте! Письма адрессуйте во Франкфуртъ на имя Жуковскаго, по прежнему адрессу. Онъ мнѣ перешлетъ ихъ повсюду, гдѣ я ни буду находиться.

Вашъ сынъ, Г.

Къ Н. М. Языкову.

Мая 5, 1846. Римъ.

Пишу къ тебѣ на выѣздѣ изъ Рима. Письмо твое отъ 19 марта получилъ, но книгъ не получалъ; онѣ канули Богъ вѣсть гдѣ. Жаль что не пишешь, съ кѣмъ ихъ послалъ. Это досадно. Какъ нарочно въ этомъ году такъ было легко получать книги: курьеры пріѣзжали всякую недѣлю въ Римъ, всѣмъ что-нибудь привозили, одному мнѣ ничего. Ивановъ свои книги получилъ.

Благодарю за выписку предисловія къ Нѣмецкому переводу »М. Д.« Нѣмецъ судитъ довольно здраво. Это лучшій взглядъ, какой можетъ имѣть на эти вещи иностранецъ. При всемъ томъ крайне непріятно, что »М. Д.« переведены. Впрочемъ, что случи-

лось, то случилось не безъ воли Божіей. Дай только Богъ силы отработать и выпустить второй томъ. Узнаютъ они тогда, что у насъ есть много того, о чемъ они никогда не догадывались и чего мы сами не хотимъ знать, если только будетъ угодно Богу подать мнѣ силы среди самыхъ немощей и болѣзней честно и свято выполнить дѣло.

На дняхъ я прочелъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ похвальное слово Карамзину, произнесенное Погодинымъ. Это лучшая его статья. Въ ней нѣтъ его опрометчивости и разныхъ топорныхъ замашекъ. Все довольно стройно. Мѣста и выписки разставлены въ порядкѣ, такъ что характеръ выходитъ весь передъ читателя. Карамзинъ представляетъ явленіе точно необыкновенное. Онъ показалъ первый, что званіе писателя стоитъ того, чтобы для него пожертвовать всѣмъ, что въ Россіи писатель можетъ быть вполнѣ независимъ, и если онъ уже весь исполненъ любви къ благу, первенствующей во всемъ его организмѣ и во всѣхъ его поступкахъ, то ему можно все сказать. Цензуры для него не существуетъ, и нѣтъ вещи, о которой бы онъ не могъ сказать, какой (въ ней) урокъ и поученье намъ всѣмъ! И какъ смѣшонъ послѣ этого иной нашъ братъ литераторъ, который кричитъ, что въ Россіи нельзя сказать правды, или что правда глаза колетъ! Самъ же не съумѣетъ сказать правды, выразится какъ-нибудь аляповото, дерзко, такъ что уколетъ не столько правдой, сколько тѣми словами, которыми выразитъ свою правду, словами, знаменующими внутреннюю неопрятность невоспитавшейся своей души, и самъ же потомъ дивится, что отъ него не принимаютъ правды. Нѣтъ, имѣй такую стройную и прекрасную душу, какую имѣлъ Карамзинъ, такое чистое стремленіе и такую любовь къ людямъ—и тогда смѣло произноси правду. Все въ государствѣ, отъ Царя до послѣдняго подданнаго, выслушаетъ отъ тебя правду. Но довольно. Спѣшу укладываться...

Письма мои къ тебѣ, особенно послѣднія—тѣ, гдѣ какія-нибудь мѣста, относящіяся къ литературному дѣлу, (сбереги). Я не оставляю намѣренія издать выбранныя мѣста изъ писемъ, а потому, можетъ быть, буду сообщать къ тебѣ отнынѣ почаще тѣ мысли, которыя нужно будетъ пустить въ общій обиходъ. Но это, говорю по-прежнему, между нами...

Къ С. Т. Аксакову.

Мая 6 (1846. Римъ).

На выѣздѣ изъ Рима пишу къ вамъ нѣсколько словъ, почтеннѣйшій другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Ѣду я для того, чтобы ѣхать. Ѣзда, какъ вы знаете, мое всегдашнее средство, а потому и теперь, какъ я ни хилъ и болѣзненъ, но надѣюсь на дорогу и на Бога, и прошу у Него быть въ дорогѣ, какъ дома, т. е. какъ у Него самого, въ покойныя минуты души, дабы быть въ силахъ и возможности что-нибудь произвести. О томъ прошу молиться васъ и прошу васъ также попросить обо мнѣ всѣхъ, которые обо мнѣ молились прежде, потому что ихъ молитвами я былъ доселѣ чудно сохраняемъ и среди тягости болѣзненныхъ состояній зрѣлъ и укрѣплялся душой.

Напишите домой къ маминькѣ моей, запросъ, получила ли она два моихъ письма, писанныхъ послѣ того, которое приложено было при вашемъ. Послѣднее отъ 1 мая здѣшняго стиля весьма нужное. Объ этомъ пусть немедленно васъ увѣдомитъ она, или сестра, а вы сообщите мнѣ...

Къ П. А. Плетневу.

21 мая, 1846 г.

Пишу кѣ тебѣ на выѣздѣ изъ Рима и посылаю свидѣтельство о моей жизни. Деньги присылай во Франкфуртъ на имя Жуковскаго. У него я пробуду съ недѣлю, можетъ быть, и потомъ вновь въ дорогу по сѣверной Европѣ. Перемежевываю сіи разъѣзды холоднымъ купаньемъ въ Грефенбергѣ и купаньемъ въ морѣ: два средства, которыя и по докторскому отзыву, и по моему собственному опыту, мнѣ можно только употреблять. Какъ я ни слабъ и хилъ, но чувствую, что въ дорогѣ буду лучше, и вѣрю, что Богъ воздвигнетъ мой духъ до надлежащей свѣжести совершить мою работу всюду, на всякомъ мѣстѣ и въ какомъ бы ни было тяжкомъ состояніи тѣла: лежа, сидя, или даже не двигая руками. О комфортахъ не думаю. Жизнь наша—трактиръ и временная станція: это

уже давно сказано. О всемъ прочемъ скоро увѣдомлю. Мнѣ настоитъ о многомъ съ тобою поговорить...

Къ N F.

Карлсбадъ. іюля 4 (1846).

Отъ Р****, котораго я встрѣтилъ на дорогѣ въ Карлсбадъ, откуда и пишу, узналъ я объ васъ и о томъ, что вамъ сдѣлалось опять нѣсколько хуже. Я впрочемъ и не думалъ, чтобы холодное леченіе вамъ помогло много. Его достаточно взять столько, сколько нужно для освѣженія. Вамъ дорога и переѣздъ поможетъ больше. Благодарите Бога впередъ за все. Ваши болѣзненныя страданія я уже знаю и всѣ ихъ почти испыталъ. Эти болѣзненные страхи, эти непонятныя безпокойства, эти безпрестанныя ожиданія чего-то страшнаго, долженствующаго сей же часъ разразиться, все это уже у меня было, хотя я и скрывалъ это въ себѣ и не показывалъ наружно. Это было еще тогда, когда вы были въ Римѣ. Но вслѣдъ за тѣмъ настаетъ ясность и свѣтлость въ душѣ, и умъ проясняется въ нѣсколько кратъ больше. Выпомните только то, что̀ я потребую отъ васъ выполнить во имя Бога. Вы должны на нѣсколько времени отдать себя во власть мнѣ. Помните, какъ я потребовалъ отъ васъ того одинъ разъ въ Ниццѣ? Такъ же, какъ прежде, гоня отъ себя всякую мысль, вы занялись послушно ученьемъ наизустъ псалмовъ, такимъ же точно образомъ теперь займитесь буквальнымъ исполненіемъ того дѣла, о которомъ я васъ прошу въ прилагаемомъ при семъ большомъ письмѣ. Оно было написано прежде. Оно было писано въ искреннемъ моленіи къ Богу, чтобы хотя на этотъ разъ вы послушались словъ моихъ; потому что до сихъ поръ вы еще ни одинъ разъ не отвѣчали на тѣ изъ моихъ вопросовъ, на которые болѣе всего мнѣ нужны были отъ васъ отвѣты. Я уже хотѣлъ-было на полгода по крайней мѣрѣ прекратить нашу переписку, потому что она стала вовсе безполезна. А за всякое *слово праздно* съ насъ взыщется строго.

Пишу къ вамъ въ Петербургъ, адрессуя на имя F*, потому что Р*** мнѣ сказалъ, что вы къ этому времени располагали быть въ

Петербургъ. Увѣдомьте хотя въ нѣсколькихъ словахъ, какимъ вы нашли Петербургъ, какъ васъ приняли и не позабывайте, что все это не для пустого любопытства и что для письма, пишущагося ко мнѣ, не грѣхъ употребить больше времени, чѣмъ для тѣхъ писемъ, которыя вы пишете къ другимъ. Будьте же дружески внимательны къ желаніямъ души моей, и Богъ васъ да благословитъ!

Къ П. А. Плетневу.

Карлсбадъ. Іюля 4, 1846 г.

Не знаю, получилъ ли ты мое послѣднее письмо изъ Рима, со вложеніемъ свидѣтельства о моей жизни. По крайней мѣрѣ твоего отвѣта я еще не нашелъ, бывши во Франкфуртѣ, назадъ тому мѣсяцъ. Теперь я заѣзжалъ въ Грефенбергъ, чтобы вновь нѣсколько освѣжиться холодною водою, но это леченіе уже не принесло той пользы, какъ въ прошломъ году. Дорога дѣйствуетъ лучше. Видно, на то воля Божія, и мнѣ нужно болѣе чѣмъ кому-либо считать свою жизнь безпрерывной дорогой и не останавливаться ни въ какомъ мѣстѣ иначе, какъ на временной ночлегъ и минутное отдохновеніе. Головѣ моей и мыслямъ лучше въ дорогѣ; даже я зябну меньше въ дорогѣ, и сердце мое слышитъ, что Богъ мнѣ поможетъ совершить въ дорогѣ все то, для чего орудія и силы во мнѣ доселѣ созрѣвали.

Покамѣстъ теперь маленькая просьба [предвѣстіе большой, которая послѣдуетъ въ слѣдующемъ письмѣ]. Жуковскому нужно, чтобы публика была нѣсколько приготовлена къ принятію »Одиссеи«. Въ прошломъ году я писалъ къ Языкову о томъ, чѣмъ именно нужна и полезна въ наше время »Одиссея« и что такое переводъ Жуковскаго. Теперь я выправилъ это письмо и посылаю его для напечатанія, въ началѣ въ твоемъ журналѣ, а потомъ во всѣхъ тѣхъ журналахъ, которые больше расходятся въ публикѣ, въ видѣ статьи, заимствованной изъ »Современника«, съ оговоркой въ родѣ слѣдующей: *Зная, какъ всѣмъ въ Россіи любопытно узнать что-либо о важномъ трудѣ Жуковскаго, выписываемъ письмо о ней Н. Гоголя, помѣщенное въ такомъ-то по*

меръ »Современника«. Нужно особенно, чтобы въ провинціяхъ всякое простое читающее сословіе знало хоть что-нибудь объ этомъ и ждало бы съ повсемѣстнымъ нетерпѣніемъ; а потому сообщи немедленно потомъ и въ »Пчелу«, и въ »Инвалидъ«, и въ »О. З.« и даже въ »Б. для Ч.«, если примутъ. Въ Москву я самъ пошлю экземпляръ того же письма.

Недѣли черезъ двѣ жди отъ меня просьбы другой, которую я знаю, что ты выполнишь охотно, а до того не негодуй на меня ни за что̀ прежнее, что̀ приводило тебя въ недоумѣніе. Приходитъ уже то время, въ которое все объяснится. Обнимаю тебя впередъ, слыша сердцемъ, что ты меня обнимешь такъ, какъ еще не обнималъ дотолѣ.

Къ нему же.

Іюля 20 (1846). Швальбахъ.

Отъ Жуковскаго я получилъ вексель. Ожидалъ отъ тебя письма съ увѣдомленіемъ о томъ, останешься ли ты на лѣто въ Петербургѣ, или ѣдешь куда, что̀ мнѣ было весьма нужно знать для моихъ соображеній; но письма не было. На мѣсто его записка къ Жуковскому, гдѣ, какъ мнѣ показалось, есть даже маленькое неудовольствіе на меня. По крайней мѣрѣ ты выразился такъ: »Гоголь не выставилъ даже, по обыкновенію своему, числа.« Другъ мой, у нѣкоторыхъ людей составилось обо мнѣ мнѣніе, какъ о какомъ-то вѣтренникѣ, или человѣкѣ, пребывающемъ гдѣ-то въ пустыхъ мечтахъ. Не стыдно ли и тебѣ туда же? Одинъ, можетъ быть, человѣкъ нашелся на всей Руси, который именно подумалъ болѣе всѣхъ о самомъ *существенномъ*, заставилъ себя серьезно подумать о томъ, чѣмъ прежде всего слѣдовало бы каждому заняться изъ насъ, и этому человѣку не хотятъ простить мелкой оплошности и пропуска въ пустякахъ, человѣку притомъ еще больному и страждущему, у котораго бываютъ такія минуты, что не въ силахъ и руки поднять, не только мысли, не хотятъ извинить! Ну что̀ тебѣ въ числѣ на верху письма, когда въ свидѣтельствѣ о жизни моей, при немъ приложенномъ, было выставлено число и я ска-

залъ, что, сейчасъ его получивши, сейчасъ спѣшу отправить на почту, а самъ отправиться съ дилижансомъ изъ Рима?

Но отъ твоего увѣдомленія о мѣстѣ твоего пребыванія теперь у меня многое зависитъ. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, мои вопросы считаются за пустяки, считается ненужнымъ даже и отвѣчать на нихъ, а запросы, мнѣ дѣланные, считаются важными? скажешь: я не отвѣчалъ на многіе мнѣ дѣланные запросы? А что, если я докажу, что отвѣчалъ, но отвѣта моего не съумѣли услышать? Другъ мой, тяжело! Знаешь ли, какъ трудно мнѣ писать къ тебѣ? Или ты думаешь, я не слышу духа недовѣрчивости ко мнѣ, думаешь, не чувствую того, что тебѣ всякое слово мое кажется неискреннимъ, и чудится тебѣ, будто я играю какую-то комедію? Другъ мой, смотри, чтобы потомъ, какъ все объяснится, не разорвалось бы отъ жалости твое сердце. Я съ своей стороны употреблялъ по крайней мѣрѣ все, что могъ: просилъ повѣрить мнѣ на честное слово; но моему честному слову не повѣрили. Что мнѣ было больше сказать? что другое могъ сказать тотъ, кто не могъ себя высказать, а говорилъ давно: »У меня другое дѣло, у меня душевное дѣло; не требуйте, покуда, отъ меня ничего, не создавайте изъ меня своего идеала, не заставляйте меня работать по какимъ-нибудь планамъ, отъ васъ начертаннымъ. Жизнь моя другая, жизнь моя внутренняя, жизнь моя, покуда, вамъ невѣдомая. Потерпите — и все объяснится. Каплю терпѣнія!..« Но терпѣнія никто не хотѣлъ взять, и всякъ слова мои считалъ за фантазіи. Другъ мой, не думай, чтобы здѣсь какой-нибудь былъ упрекъ тебѣ. Крѣпко тебя цѣлую! вотъ все, что могу сказать, потому что ты обвинишь себя потомъ гораздо больше, чѣмъ ты виноватъ въ самомъ дѣлѣ. Вины твоей нѣтъ никакой. Великъ Богъ, все совершающій въ насъ для насъ же. Ты выполнишь, какъ вѣрный другъ, ту просьбу, которую я тебѣ изложу въ слѣдующемъ письмѣ, которую, я знаю, тебѣ будетъ пріятно выполнить, и послѣ ней все объяснится.

Здоровье то тяжело, то вдругъ легко — душа слышитъ свѣтъ. Свѣтло будетъ и во всѣхъ душахъ, омрачаемыхъ сомнѣніями и недоразумѣніями!

Недавно я встрѣтилъ одного Петербургскаго моего знакомаго, по фамиліи А***, который вмѣстѣ съ тѣмъ знакомъ и съ Проко-

повичемъ. Онъ мнѣ объявилъ, что Прокоповичъ послалъ мнѣ, въ началѣ прошлаго 1845 г., четыре тысячи руб. ассигн. во Франкфуртъ, на имя Жуковскаго. Этихъ денегъ я не видалъ и въ глаза (¹); но если бы получилъ ихъ, то отправилъ бы немедленно къ тебѣ. Упоминаю объ этомъ вовсе не для того, чтобы тебя вновь чѣмъ-нибудь затруднить по этому дѣлу, но единственно затѣмъ, чтобы довести это къ твоему свѣдѣнію. Въ дѣлѣ этомъ судья и господинъ Богъ, а ты исполнилъ съ своей стороны все, что только можно было требовать отъ благороднаго человѣка...

Къ Н. М. Языкову.

Швальбахъ. Іюля 22, 1846.

Наконецъ книги получены: оба сборника, »Новоселье«, »Невскій Альманахъ«, книга Шевырева и »Путешествіе къ Св. Мѣстамъ«. Благодарю очень, очень. Ты одинъ только балуешь и лакомишь меня. Письмо мое, со вложеніемъ статьи объ »Одиссеѣ«, ты, вѣроятно, уже получилъ. Жду твоихъ словъ объ этомъ. Письмо было адрессовано въ домъ Хомякова, какъ и это. Въ томъ же письмѣ я писалъ къ тебѣ чтобы прислалъ мнѣ копію съ моихъ писемъ къ тебѣ по поводу »Землетрясенія«. Мнѣ ихъ нужно пересмотрѣть. Они, вѣрно, очень вялы и неумны, какъ всѣ мои письма, писанныя прежде. Я даже любопытенъ знать, какъ я выразилъ ту мысль, которая бы могла имѣть на тебя нѣкоторое впечатлѣніе и не имѣла никакого. Она выразилась, вѣрно, безсильно, а, можетъ быть, даже не выступила вовсе изъ-за неопрятныхъ и неточныхъ словъ моихъ.

Пишу къ тебѣ изъ Швальбаха, куда заѣхалъ на время къ Жуковскому. Думаю отселѣ направиться въ Остенде къ морю. Полагаю, что, съ милостью Божьей, морской воздухъ будетъ мнѣ въ прокъ. Доселѣ только въ дорогѣ перевожу нѣсколько духъ и становлюсь свѣжѣе. Адрессуй во Франкфуртъ на имя Жуковскаго, потому что черезъ мѣсяцъ располагаю быть тамъ.

(¹) Причина пропажи этихъ денегъ объяснится въ дальнѣйшихъ письмахъ.
П. К.

Увѣдоми, каково идетъ твое холодное леченіе и твое состояніе духа. Твой »Сампсонъ« прекрасенъ; отъ него дышетъ библейскимъ величіемъ. Но смыслъ его я понимаю такъ: Сампсонъ, разсерженный своими врагами, глумящимися надъ его безсиліемъ, происшедшимъ отъ забвенія высшаго служенья Богу ради всякихъ свѣтскихъ мелочей, потрясаетъ наконецъ храмину, дабы погубить въ своихъ врагахъ враговъ себѣ и вмѣстѣ съ ними погубить прежняго самого себя, дабы на мѣсто его явился вновь, еще сильнѣйшій силачъ, служащій Богу..

Къ П. А. Плетневу.

Іюля 30 (1846). Швальбахъ.

Наконецъ моя просьба! Ее ты долженъ выполнить, какъ наивѣрнѣйшій другъ выполняетъ просьбу своего друга. Всѣ свои дѣла въ сторону и займись печатаньемъ этой книги, подъ названіемъ: ***Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями.*** Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ; вотъ что, покамѣсть, могу сказать; все прочее объяснитъ тебѣ сама книга. Къ концу ея печатанія, все станетъ ясно, и недоразумѣнія, тебя доселѣ тревожившія, исчезнутъ сами собою. Здѣсь посылается начало. Продолженіе будетъ посылаться немедленно. Жду возвратно нѣкоторыхъ писемъ еще, но за этимъ остановки не будетъ, потому что достаточно даже и тѣхъ, которыя мнѣ возвращены. Печатаніе должно происходить въ тишинѣ: нужно, чтобы, кромѣ цензора и тебя, никто не зналъ. — — Возьми съ него также слово никому не сказывать о томъ, что выйдетъ моя книга. Ее нужно отпечатать въ мѣсяцъ, чтобы къ половинѣ сентября она могла уже выйдти. Печатать на хорошей бумагѣ, въ 8 долю листа средн. формата, буквами четкими и легкими для чтенія; размѣщеніе строкъ такое, какъ нужно для того, чтобы книга наиудобнѣйшимъ образомъ читалась. Ни виньетокъ, ни бордюровъ никакихъ; сохранить во всемъ благородную простоту. Фальшивыхъ титуловъ передъ каждою статьею не нужно; достаточно, чтобы каждая начиналась на новой страницѣ, и былъ бы просторный пробѣлъ отъ заглавія до текста. Пе-

чатай два завода и готовь бумагу для второго изданія, которое, по моему соображенію, воспослѣдуетъ немедленно: эта книга разойдется болѣе, чѣмъ всѣ мои прежнія сочиненія, потому что это до сихъ поръ моя единственная дѣльная книга. Вслѣдъ за прилагаемою при семъ тетрадью будешь получать безостановочно другія. Надѣюсь на Бога, что Онъ подкрѣпитъ меня въ сей работѣ. Прилагаемая тетрадь занумерована № 1; въ ней предисловіе и шесть статей, и того семь; да включая сюда еще статью объ »Одиссеѣ«, посланную мною къ тебѣ за мѣсяцъ передъ симъ, которая въ печатаніи должна слѣдовать непосредственно за ними, — всего восемь. Страницъ въ прилагаемой тетради двадцать...

Къ матери.

Остенде. Августа 10, 1846.

Я нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ на письма ваши. Во время моихъ переѣздовъ нынѣшнихъ не бываетъ такъ легко отвѣчать въ ту же минуту. — — Благодарю васъ за то, что хотя вы пишете мнѣ, по возможности, подробно и не отговариваетесь ни гостями, ни увеселеніями. Скажу вамъ, однакоже, то, что вы бываете весьма часто подъ вліяніемъ нѣсколько разгоряченныхъ впечатлѣній. Письмо мое вы читали не въ хладнокровную и совершенно спокойную минуту, а потому истолковали все по-своему и приняли все въ такомъ смыслѣ, въ какомъ я вовсе и не думалъ. Этотъ за вами грѣхъ водится, моя почтенная маминька, и я вамъ долженъ это напомнить. Вы всѣ вещи принимаете въ бо́льшемъ видѣ, чѣмъ онѣ есть, и ничего не въ силахъ принимать равнодушно, а потому и жизнь ваша есть еще до сихъ поръ какое-то безпрерывное душевное безпокойство. Молитесь Богу въ такую минуту, когда почувствуете въ себѣ безпокойство: это лучшее средство. Послѣ молитвы въ такое время уясняется вдругъ нашъ взглядъ, распаленное состояніе проходитъ, и всякая вещь является въ своемъ надлежащемъ видѣ. Вы безпокоитесь за меня, думая, что я также, подобно вамъ всѣмъ, безпокоюсь, и пишете, чтобы я не принималъ къ сердцу писемъ сестеръ моихъ, думая, что это меня волнуетъ.

На это вамъ скажу только то, что я болѣе безпокоюсь тѣмъ, когда мнѣ ничего не пишутъ, а когда мнѣ пишутъ и пишутъ подробно, тогда я ничуть не безпокоюсь, и огорчительнаго для меня въ письмѣ не можетъ быть ничего. Что̀ само по себѣ не хорошо, то замѣчу, скажу, что оно не хорошо, и побраню за то, если по дѣломъ. Но чтобы сердиться, или горячиться, или сокрушаться, или же принимать къ сердцу всякой пустякъ, какъ вы это дѣлаете, этого за мной, слава Бугу, уже давно не водится. И всѣ вещи, даже несравненно больше огорчающія человѣка, съ меня — что̀ съ гуся вода. Стыдно вамъ до сихъ поръ такъ знать меня мало и представлять себѣ какой-то бабой. Но объ этомъ довольно. Смотрите же впередъ за собой и берегитесь. А мнѣ пишите подробно обо всемъ, не пропуская ничего, что̀ у васъ ни дѣлается, какъ собственно въ вашемъ домѣ, такъ равно и вокругъ васъ, у всѣхъ нашихъ знакомыхъ и сосѣдей...

—

Къ В. А. Жуковскому.

Остенде. Августъ 10 (1846).

Пишу и увѣдомляю о моемъ пріѣздѣ сюда, который, благодаря Бога, совершился благополучно. Двѣ-три морскія бани уже взялъ безъ отвращенья и безъ особеннаго удовольствія, какъ что-то прѣсное. Что̀ отъ нихъ будетъ — зна́етъ Богъ; но чувствую, что̀ все, что̀ ни будетъ отъ Него, будетъ въ милость и въ добро душевное.

Скажите вашей доброй и ангелоподобной хозяюшкѣ, чтобы она на меня не гнѣвалась за то, что я не простился съ нею. Это у меня случается весьма часто и вовсе не есть знакъ хладнокровья, или равнодушія, но, напротивъ, довѣренности. Если бы я зналъ, что разлучаюсь надолго, или же чувствовалъ потребность что-нибудь сказать нужное при разставаньи, я бы никакъ этого не пропустилъ и сдѣлалъ бы даже что-то торжественное изъ разставанья, какъ оно и должно̀ быть. Скажите ей, что я мысленно такъ же съ ней простился, какъ бы и лично, и давши лобзанье вамъ, и самъ поцѣловалъ въ то же время въ васъ обоихъ ее самоё. А въ подкрѣпленье этого, поцѣлуйте по три раза обѣ ея ручки и прочи-

тайте сіи мои строки, претворивъ ихъ во Французскій, или Нѣмецкій діалектъ.

Всѣ письма а съ ними и посылки, какія ни случатся, храните [какъ сказано и прежде] у себя. Если какое письмо въ слѣдствіе ошибки и распечатаете, то этимъ не конфузьтесь; смотрите только за тѣмъ, чтобы не пропало распечатанное письмо: это главное. Здѣсь есть нѣсколько Русскихъ, съ которыми я, покамѣстъ, не успѣлъ столкнуться. Видѣлъ, пока, только безногаго М****, женат. на кн. Т***, котораго вы, я думаю, знаете. Здѣсь еще пріятельница С***, гр. Б* урожденная Л***; прочіе, кажется, незамѣчательны.

На дорогѣ я встрѣтилъ одного, съ которымъ произо(шла) замѣчательная внутренняя исторія въ послѣднее время. Чудны дѣйствія Божіи, и никогда еще не были они такъ явны, какъ въ послѣднее время! Увѣдомьте меня о себѣ и дайте отвѣтъ на это письмо, дабы я зналъ, что оно вами получено. Въ началѣ сентября полагаю быть у васъ во Франкфуртѣ... но объ этомъ напишу еще. За тѣмъ Христосъ съ вами. Прощайте.

Въ здоровьи моемъ то не весьма хорошо, что начинаю вновь крѣпко зябнуть и не могу оставаться въ сидячемъ состояньи такъ долго, какъ было бы потребно мнѣ для переписыванія, или вообще для занятій. Малѣйшій холодокъ на меня ощетинивается бурею.

Къ П. А. Плетневу.

Остенде $\frac{13}{25}$ августа (1846).

Посылаю тебѣ вторую тетрадь. Въ ней отдѣльно отъ первой 27 страницъ, а въ совокупности съ нею 47, что̀ значится по выставленнымъ цифрамъ на каждой страницѣ. Статей же въ обѣихъ тетрадяхъ, вмѣстѣ съ прежде посланной отдѣльно объ »Одиссеѣ«, четырнадцать, а съ предисловіемъ пятнадцать. Это составитъ почти половину книги. Увѣдоми, покамѣстъ, на сколькихъ печатныхъ страницахъ все это размѣщается. Остальныя тетради будутъ высылаться немедленно; по крайней мѣрѣ со стороны моей лѣности не будетъ никакого помѣшательства. Работаю отъ всѣхъ

силъ надъ перечисткой, передѣлкой и перепиской. Море, въ которомъ я теперь купаюсь, благодаря Бога, освѣжаетъ и даетъ силы меньше уставать и изнуряться. Молю и тебя не уставать и не пренебрегать наидобросовѣстнѣйшимъ исполненіемъ этого дѣла. Вновь повторяю просьбу, чтобы, до времени выпуска въ свѣтъ книги, никто о ней, кромѣ тебя и цензора Никитенка, свѣдѣнія не имѣлъ. Типографію избери менѣе шумную, въ которую вхожъ былъ бы ты одинъ и которую почти вовсе не посѣщали бы литераторы-щелкоперы. Въ прежнемъ письмѣ я уже просилъ о томъ, чтобы печатать не слишкомъ разгонисто, не слишкомъ тѣсно, но именно такъ, чтобы книга легко и удобно читалась. Бумагу поставить лучшаго сорта, но не до такой степени тонкую, чтобы строки сквозили насквозь. Это и скверно для глазъ, и неудобно дла чтенія. О полученіи этой тетради увѣдоми немедленно, адрессуя попрежнему на имя Жуковскаго. Я забылъ въ статьѣ: »О помощи бѣднымъ« сдѣлать поправку, — именно: середина этой статьи; послѣ словъ: *туда несите помощь*, слѣдуетъ поставить такъ: »Но нужно, чтобы помощь эта произведена была истинно Христіанскимъ образомъ; если же она будетъ состоять въ одной только выдачѣ денегъ, она ровно ничего не будетъ значить и не обратится въ добро.« И потомъ въ той же статьѣ, немного повыше, поставлено, кажется, неправильно слово *расхлестывается*. Лучше поставить *расхлещется*. Впрочемъ ты самъ не пренебреги исправить ошибки въ слогѣ, какія тебѣ ни попадутся. У меня и всегда слогъ бывалъ нещегольской, даже и въ болѣе обработанныхъ вещахъ, а тѣмъ пуще въ такихъ письмахъ, которыя въ началѣ вовсе не готовились для печати...

Къ В. А. Жуковскому.

Ост(енде). Августа 25 (1846).

Одно письмо мое изъ Остенде [назадъ тому недѣли двѣ] вы уже, безъ сомнѣнья, получили. Пишу теперь второе. Остаюсь я здѣсь немного долѣе, то есть, отъ сего числа недѣли три, по крайней мѣрѣ, — тѣмъ болѣе, что море начинаетъ, кажется, меня освѣ-

жать, а это особенно необходимо для моей работы, и тѣмъ еще болѣе, что на дняхъ я былъ обрадованъ почти неожиданнымъ пріѣздомъ любезнаго моего гр. А. П. Т***, вамъ весьма извѣстнаго, который прибылъ сюда вмѣстѣ съ двумя братьями М***, изъ которыхъ одинъ также вамъ извѣстенъ и есть пріятель нашихъ общихъ знакомыхъ. Они всѣ пробудутъ здѣсь около мѣсяца ради морского купанья. А потому прошу васъ всѣ письма, какія ни пришли ко мнѣ доселѣ, запечатавши въ одинъ пакетъ, прислать сюды въ Остенде, адрессуя въ poste restante. Что же придетъ къ вамъ послѣ этого, то все удержать у себя до моего пріѣзда и не пересылать.

Въ одно время съ симъ письмомъ къ вамъ, послано къ Плетневу письмо, со вложеніемъ второй тетради о чемъ вы извѣстите его и отъ себя, дабы, въ случаѣ какой-нибудь неисправности на почтѣ, не произошло безтолковщины и можно было все дѣло поправить заблаговременно. Послѣ 15 сентября готовьте для меня мою комнату, гдѣ проживу съ вами недѣльки двѣ передъ отправленіемъ въ большую дорогу, и побесѣдуемъ о томъ, о чемъ еще доселѣ не бесѣдовали. За тѣмъ цѣлую и обнимаю васъ крѣпко, а вслѣдъ за вами хозяйку, дѣтокъ и весь домъ вашъ. Напишите непремѣнно нѣсколько строкъ...

Къ П. А. Плетневу.

Сентября 12 нов. ст. (1846). Остенде.

Посылаю тебѣ третью тетрадь. Въ ней семь статей, а съ прежними 21; страницъ тридцать двѣ, а съ прежними 80. Не сердись, если не такъ скоро высылаю. Вины моей нѣтъ: тружусь отъ всѣхъ силъ. Нѣкоторыя письма нужно было совсѣмъ передѣлать: такъ они оказались неопрятны. Еще двѣ небольшія тетради — и все будетъ кончено. Не лѣнюсь ни капли; даже черезъ это не выполняю какъ слѣдуетъ леченія на морскихъ водахъ, гдѣ до сихъ поръ еще пребываю. Прощай. Увѣдоми о полученіи этой тетради, адрессуя къ Жуковскому. Въ мѣсяцъ, надѣюсь на Бога, все будетъ кончено. Книжка выйдетъ въ свѣтъ немного позднѣй, но зато дѣло будетъ прочнѣй. Не скучай за работой и будь бодръ.

Къ В. А. Жуковскому.

Остенде. Сентября 12 (1846).

Увѣдомляю васъ, что буду къ вамъ или перваго октября, или первыхъ числъ октября, и что къ Плетневу послана третья тетрадь. Работа идетъ, благодаря Бога, трезво и здравомысленно; море придаетъ силъ и свѣжитъ. Еще немного свѣжаго времени — и все будетъ кончено. Обнимаю васъ и говорю: до свиданья...

Къ сестрѣ Елисаветѣ Васильевнѣ.

Остенде. Сентября 15 (1846).

Адрессую это письмо тебѣ потому, что ты хочешь непремѣнно письма, обращеннаго къ тебѣ лично. Впрочемъ, если я пишу къ одной изъ васъ, это значитъ — ко всѣмъ: я даже и не знаю, о чемъ бы мнѣ можно было сказать которой-нибудь изъ васъ по секрету, чего бы нельзя было сказать и другой. Жалобы твои на забвенье напрасны: я никого изъ васъ не забываю; но я слишкомъ уже много сказалъ вамъ въ прежнихъ письмахъ и теперь недоумѣваю, о чемъ еще сказать. Скажу развѣ вотъ что̀: если бы ты, любезный другъ мой Лиза, перечитывала болѣе мои прежнія письма, и перечитывала ихъ не въ обыкновенное время, а именно въ то время, когда тебѣ сдѣлается очень грустно, или очень скучно, тогда бы ты, можетъ быть, болѣе вникнула въ смыслъ моихъ писемъ, а вникнувши въ смыслъ ихъ, ты бы уже не чувствовала ни грусти, ни скуки, не предавалась.... (1) мнительности, ни малодушію, не вообр(ажала), что у тебя ракъ и прочее.... сказанною мною отъ тебя еще слишкомъ... и ты увидѣла въ моихъ письмахъ прав(ила) монастыря, тогда какъ въ нихъ правила... того, какъ быть среди самого мног(олюднаго) свѣта. Изъ писемъ вашихъ видно, что вамъ опротивѣли — — Но зачѣмъ же прежде они такъ нравились? а если прежде такъ нравились, зачѣмъ опротивѣли теперь? Въ томъ и въ

(1) Точки означаютъ оторванныя мѣста. *П. К.*

другомъ слѣдуетъ дать себѣ отчетъ, иначе все, что ни случается съ нами, случается напрасно, и мы никогда не сдѣлаемся умнѣй. Тогда-то и нужно ѣздить въ общество, когда оно опротивѣло, тогда-то и не опасно быть въ немъ. Опасно тамъ только, гдѣ все насъ прельщаетъ. А гдѣ мы уже видимъ большіе недостатки, тамъ мы можемъ даже помочь: иногда въ чемъ-нибудь поправить, иногда въ чемъ-нибудь поучить [разумѣется, осторожно и тонко, чтобы никакъ не замѣтили, что мы учимъ, а, напротивъ, увидѣли бы дружескій совѣтъ]. Не нужно отталкивать отъ себя совершенно дурныхъ людей и показывать имъ пренебреженіе; лучше стараться имѣть на нихъ доброе вліяніе. Наконецъ скажу тебѣ еще одинъ разъ, другъ мой Лиза, что ты очень далеко не поняла многаго въ письмахъ. Да и не ты (одна, а) всѣ вы. А потому я вамъ совѣтую.... особенно ихъ перечитывать всѣмъ рѣшительно.... и потомъ подумать серьезно о томъ, (какимъ) бы образомъ примѣнить написанное къ (себѣ) и къ самой жизни. Которая изъ васъ (пойметъ) лучше иное, та должна истолковать (прочимъ). А если покажется вамъ иное трудное и неудобоисполнимо и вы не найдете, какъ примѣнить къ дѣлу, помолитесь тогда Богу, но помолитесь усерднѣе, отъ всѣхъ силъ души, а не такъ, какъ читаются обыкновенно вседневныя молитвы. Богъ поможетъ вамъ найти и открыть, въ чемъ дѣло. Стараюсь еще припомнить, о чемъ бы сказать тебѣ, но не нахожу больше предметовъ: все уже сказано; но я невиноватъ, если не все понятно. Затѣмъ прощай! Богъ да хранитъ тебя и напутствуетъ во всемъ!

Твой братъ.

Маминьку попроси, если случится ей быть въ Диканькѣ, привезти оттуда образокъ Николая Чудотворца самой маленькой, который бы можно было носить на шеѣ въ видѣ благословенія. Прежній у меня давно изломался; теперь даже и не отыщу его. Вы перешлите его А***; она найдетъ оказію переслать съ кѣмъ-нибудь. Онъ долженъ быть самой простенькой...

Къ П. А. Плетневу.

Остенде. Сентября 26 (1846).

Посылаю тебѣ четвертую тетрадь. Еще маленькая тетрадка,— и конецъ дѣлу. Она будетъ выслана уже изъ Франкфурта, куда те-

перь ѣду, и будетъ заключать двѣ заключительныя статейки о поэзіи, поэтахъ и еще кое-что, относящееся до собственной души изъ насъ каждаго, безъ чего книга была бы безъ хвоста. О полученіи же четвертой, нынѣ посылаемой тетради увѣдоми меня сейчасъ же, адрессуя по-прежнему на имя Жуковскаго. Это необходимо для моего успокоенія. Въ ней 32 страницы, а считая съ прежними 112; статей 9, а считая съ прежними тридцать. Слогъ исправляй; гдѣ встрѣтишь грамматическія ошибки, поправь. Не скучай за работой. Мужествуй и гляди твердо впередъ. Все будетъ свѣтло. Говорю тебѣ это во имя Бога и обнимаю тебя крѣпко...

Къ С. П. Шевыреву.

Остенде. 26 сентября (1846).

Письмо твое получено нѣсколько поздно. Жуковскій, боясь, чтобы письма ко мнѣ не разъѣхались со мною, хранилъ ихъ до моего пріѣзда во Франкфуртъ, а я пробылъ въ Остенде, гдѣ беру, или бралъ морскія ванны, немного долѣе; теперь ѣду къ Жуковскому, а съ нимъ пробуду недѣли двѣ до отъѣзда моего въ Италію и тамъ отдѣлаю окончательно мои дѣла относительно всякихъ отвѣтовъ и писемъ. Предисловіе ко второму изданію »М. Д.« посылаю на дняхъ къ Плетневу. Отъ него ты получишь его процензерованное. Виньетку на обертку для книги закажи ту же самую Сиверсу.

Читаю я твои лекціи, по экземпляру, полученному отъ тебя и жду съ нетерпѣніемъ второй тетради. Это первое степенное дѣло въ нашей литературѣ. Но вотъ тебѣ, покамѣстъ, замѣчаніе: ты поторопился подать читателю, или слушателямъ впередъ тобою выведенные результаты, для полнаго уразумѣнія которыхъ еще не такъ подготовлены читатель, или слушатель; а потому твоя книга, покуда, не вся цѣликомъ поймется всѣми. Но это ничего. Можетъ быть, посчастливится мнѣ подставить ступеньку къ твоей книгѣ тѣмъ, которые безъ того не подымутся къ ней. Но прощай! Буду писать къ тебѣ скоро и подробнѣй...

Къ П. А. Плетневу.

Франкфуртъ. 3 окт. нов. ст. (1846).

Письмо твое отъ 27 авг. стар. стиля получилъ. Ничего не успѣваю тебѣ на этотъ разъ сказать. Посылаю только предисловіе ко второму изданію »Мертв. Душъ«, которое дай Никитенкѣ подписать и отправь немедленно Шевыреву. О прочемъ въ слѣдующемъ. Спѣшу не опоздать съ почтой.

Четвертую тетрадь, высланную на прошлой недѣлѣ изъ Остенде, ты, вѣроятно, получилъ. Занятъ пятою, которая будетъ готова съ небольшимъ черезъ недѣлю.

Переворотп страницу: тамъ есть поправки одного мѣста въ четвертой тетради.

Поправки въ статьѣ: »Занимающему важное мѣсто«.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о дворянствѣ сказано такъ:

»Сословіе это, въ своемъ ядрѣ, прекрасно, не смотря на шелуху, его облекающую.«

Нужно такъ:

»Сословіе это, въ своемъ истинно Русскомъ ядрѣ, прекрасно, не смотря на временно наросшую чужеземную шелуху.«

Въ серединѣ того же мѣста о дворянствѣ сказано такъ:

»Государь любитъ это сословіе больше всѣхъ другихъ, но любитъ въ его истинномъ видѣ.«

Нужно такъ:

»Государь любитъ это сословіе больше всѣхъ другихъ, но любитъ въ его истинно Русскомъ значеніи, — въ томъ прекрасномъ видѣ, въ какомъ оно должно быть по духу самой земли нашей.«

Къ С. П. Шевыреву.

Франкфуртъ. 5 октября (1846).

Спѣшу прибавить тебѣ нѣсколько строкъ. На дняхъ отправилъ къ Плетневу предисловіе къ »М. Д.« Вѣроятно, ты его уже имѣешь. Исправь пожалуста слогъ. Я не мастеръ на предисловія. Для меня труденъ этотъ приличный языкъ, которымъ долженъ разговаривать

авторъ съ нынѣшней публикою, а потому углaдь всякое неловкое выраженіе и устрой всякій неуклюжій періодъ. Мнѣ нужно было сказать дѣло весьма для меня нужное. Послѣ это почувствуешь и самъ, хотя теперь и не смѣкнешь, почему оно мнѣ нужно. Что книга выйдетъ нѣсколько позже, это ничего: ей даже и не слѣдуетъ выходить раньше нѣкотораго другого предисловія, не сдѣлавши котораго, мнѣ нельзя и въ дорогу. Дѣло это возложено на Плетнева. Это выборъ изъ нѣкоторыхъ моихъ писемъ къ друзьямъ, который долженъ выйти особой книгой. Но это, пока, между нами. Тамъ, между прочимъ, часть моей исповѣди и объясненіе того, что̀ такъ смущало нѣкоторыхъ относительно моей скрытности и прочее. Печатать я долженъ былъ въ Петербургѣ по причинамъ, которыя можешь смѣкнуть и самъ, по причинѣ близости цензурныхъ непосредственныхъ и высшихъ разрѣшеній. Въ это дѣло, кромѣ Плетнева и цензора, не введенъ никто, а поэтому и ты не сообщай о немъ никому, кромѣ развѣ Языкова, который имѣетъ одинъ объ этомъ свѣдѣніе, и то потому, что нѣчто изъ писемъ, мною къ нему писанныхъ, поступило въ выборъ. Изъ этой книги ты увидишь, что жизнь моя была дѣятельна даже и въ болѣзненномъ моемъ состояніи, хотя на другомъ поприщѣ, которое есть, впрочемъ, мое законное поприще, и что великъ Богъ въ Своихъ небесныхъ милостяхъ. Но обо всемъ этомъ послѣ. Можетъ быть, черезъ мѣсяцъ, то есть, если не въ концѣ октября, то въ началѣ ноября, должна выйти книга, а потому до того времени не выпускай »М. Д.« Плетневъ пришлетъ тебѣ нѣсколько экземпляровъ, а въ томъ числѣ и подписанный цензоромъ на второе изданіе, потому что, по моему соображенію, книга должна разойтиться въ мѣсяцъ. Это первая моя дѣльная книга, нужная у насъ многимъ, а можетъ быть, если Богъ будетъ такъ милостивъ, принесущая имъ дѣйствительную пользу: что̀ изошло отъ души, то нельзя, чтобы не принесло пользы душѣ. Чрезъ недѣлю, или полторы, буду писать къ тебѣ. Теперь захлопотался именно этимъ дѣломъ. Прощай.

Адрессуй письма въ Римъ, на имя посольства. Во Франкфуртѣ остаюсь только двѣ недѣли и едва управлюсь съ дѣлами, которыя долженъ кончить здѣсь, отправляюсь въ дорогу.

Къ Н. М. Языкову.

Франкфуртъ. Октября 5 (1846).

И ты противъ меня! не грѣхъ ли и тебѣ склонять меня на писаніе журнальныхъ статей,—дѣло, за которое уже со мной поссорились нѣкоторые пріятели? Ну, что во мнѣ толку и какое оживленіе »Московскому Сборнику« отъ статьи моей? Статья всё же будетъ моя, а не ихъ; стало быть, имъ никакой чести. Признаюсь, я не вижу никакой цѣли въ этомъ сборникѣ. Дѣла мало, а педантства много. А изъ чего люди въ немъ хлопочутъ, никакъ не могу себѣ опредѣлить. Вышелъ тотъ же мертвый номеръ »Москвитянина«, только немного потолще. У насъ воображаютъ, что все дѣло зависитъ отъ соединенія силъ и отъ какой-то складчины. Сложись-ка прежде самъ да сдѣлайся капитальнымъ человѣкомъ, а безъ того принесешь соръ въ общую кучу. Нѣтъ, дѣло нужно начинать съ другого конца,—прямо съ себя, а не съ общаго дѣла. Воспитай прежде себя для общаго дѣла, чтобы умѣть точно о немъ говорить, какъ слѣдуетъ. А они—надѣлъ кафтанъ да запустилъ бороду, да и воображаютъ, что распространяютъ этимъ Русской духъ по Русской землѣ! Они, просто, охаиваютъ этимъ всякую вещь, о которой дѣйствительно слѣдуетъ поговорить и о которой становится теперь стыдно говорить, потому что они обратили ее въ смѣшную сторону. Хотѣлъ я имъ кое-что сказать, но знаю, что они меня не послушаютъ, а слѣдовало бы каждому изъ нихъ войти получше въ собственныя силы и разсмотрѣть, къ какому дѣлу каждый созданъ, въ слѣдствіе ему данныхъ способностей. Имъ, слава Богу, уже по тридцати и по сорока лѣтъ; пора оглядѣться. А Панову скажи такъ, что я весьма понялъ всякіе ко мнѣ заѣзды, по части статьи, отдаленными и деликатными дорогами; но не хочетъ ли онъ понюхать нѣкотораго словца, подъ именемъ *ипъть?* Это словцо имѣетъ запахъ не совсѣмъ дурной; его нужно только получше разнюхать. Эти три строки можешь даже ему показать, а прочаго не показывай: ихъ не слѣдуетъ обезкураживать. Я ихъ выбраню, но потомъ, и притомъ такимъ образомъ, что они послѣ брани подымутъ носъ, а не опустятъ. Нельзя говорить человѣку: »Дѣлаешь не

такъ«, не показавши въ то же время, какъ должно дѣлать. А потому и (ты) также сиди до времени смирно и не шуми, и хорошенько ощупай себя и свой талантъ, который, видитъ Богъ, не затѣмъ тебѣ данъ, чтобы писать посланья къ К****, но на дѣло больше крѣпкое и прочное. Ты прочти внимательно книгу мою, которая будетъ содержать выборъ изъ разныхъ писемъ. Тамъ есть кое-что направленное къ тебѣ, посильнѣе прежняго, и если Богъ будетъ такъ милостивъ, что вооружитъ силою мое слово и направитъ его какъ разъ на то мѣсто, на которое слѣдуетъ ударить, то услышатъ отъ тебя другія посланія, а въ нихъ твою собственную силу со всѣмъ своеобразьемъ твоего таланта. Такъ я вѣрю и хочу вѣрить. Но до времени это между нами. Книгу печатаетъ въ Петербургѣ Плетневъ, и выйдетъ (она) не раньше, какъ черезъ мѣсяцъ (послѣ) полученія тобою этого письма. Въ Москвѣ знаетъ только Шевыревъ...

Къ NF.

Франкфуртъ. Октября 8 (1846).

Чтὸ жъ вы, другъ мой, моя наидобрѣйшая NF, чтὸ вы замолкнули? или вы находитесь не въ такомъ духѣ, чтобы писать ко мнѣ, или васъ озадачило длинное письмо мое? но длинныя письма своимъ чередомъ, а коротенькія своимъ. Хоть два словечка о состояньи своемъ душевномъ, чтобы я зналъ, о чемъ для васъ помолиться! Обо мнѣ же молитесь, да сопутствуетъ мнѣ неотлучно Богъ въ предстоящемъ мнѣ путешествіи и да держитъ меня неотлучно при Себѣ, не попустивъ никакой мысли не отъ Него поселиться мнѣ въ умъ и душу, и да будетъ ко мнѣ также безмѣрно милостивъ, какъ былъ доселѣ. А я буду о васъ молиться уже въ Святой Землѣ, въ надеждѣ, что тамъ будетъ лучше моя молитва. А вы крѣпитесь. Если жъ вамъ точно будетъ невыносимо въ NN, или гдѣ-либо, то это знакъ, что у васъ болитъ душа, и тогда нужно другое лекарство. Благословясь поѣзжайте съ Богомъ со мной въ Іерусалимъ, а деньги молельщикамъ и Богомольцамъ всегда будутъ на дорогу. Отсюда отправляюсь въ Италію, въ этомъ

же мѣсяцѣ. До декабря адрессуйте письма въ Римъ, до февраля будущаго года въ Неаполь. А первыхъ чиселъ февраля я, съ Богомъ, въ дорогу!...

Къ ней же.

Франкфуртъ. Октября 15 (1846).

Другъ мой NF, мнѣ скучно безъ вашихъ писемъ! Зачѣмъ вы замолчали? Но не изъ-за этого упрека я взялъ теперь перо писать къ вамъ: есть другая причина. Взываю къ вамъ о помощи. Вы должны ѣхать въ Петербургъ, если только позволитъ вамъ ваше здоровье. Отъ Плетнева узнаете все и съ нимъ обдумаете, какъ и чѣмъ можно быть лучше мнѣ полезнымъ. Приходитъ время, когда должна объясниться хотя отчасти свѣту причина долгаго моего молчанія и моей внутренней жизни. Другъ мой, если Богъ милостивъ, то можно собрать прекрасную жатву во славу святого имени Его. Вѣрю что Богъ дастъ наконецъ мнѣ радость принести добро многимъ душамъ. Другъ мой прекрасный, требую отъ васъ содѣйствія: одинъ человѣкъ, какъ бы онъ ни обдумалъ хорошо, всё ничего не значитъ. Встрѣтились разныя затрудненія по поводу появленія той книги, которая, по убѣжденію души моей, будетъ теперь очень нужна и которую передъ моимъ удаленьемъ въ Святую Землю нужно выдать непремѣнно. Но съ Плетневымъ переговорите обо всемъ. Кромѣ его и цензора, никто не знаетъ; по крайней мѣрѣ я такъ желалъ, чтобы было...

Адрессуйте письмо ваше въ Неаполь. Въ Римъ я врядъ ли заѣду, да и не зачѣмъ. Ѣду отсюда дней черезъ пять. Жуковскій здоровъ и вамъ кланяется. Я было-укрѣпился на морск. купаньи. Теперь опять какъ-то расклеился. Но Богъ все творитъ, вѣрно, къ какому-нибудь новому душевному добру.

Къ П. А. Плетневу.

Октября 16 (1846). Франкфуртъ.

Тороплюсь отправить тебѣ пятую заключительную тетрадь. Такъ усталъ, что нѣтъ мочи: въ-силу сладилъ, особенно со статьей

о поэзіи, которую въ три эпохи мои писалъ и вновь сожигалъ, и наконецъ теперь написалъ, потому именно, что она необходима моей книгѣ, въ объясненіе элементовъ Русскаго человѣка. Безъ этого она бы никогда не написалась: такъ мнѣ трудно писать что-нибудь о литературѣ. Самъ я не вижу, какой стороной она можетъ быть близка къ тому дѣлу, которое есть мое кровное дѣло. Скорбно мнѣ слышать происшедшія неустройства отъ медленности Н****. Но чѣмъ же виноватъ я, добрый другъ мой? я выбралъ его потому, что зналъ его все-таки за лучшаго изъ другихъ —— Н**** лѣнивъ, даже до невѣроятности: это я зналъ; но у него добрая душа, и на него особенно слѣдуетъ насѣдать лично. Говори ему безпрерывно то, о чемъ и я хочу съ своей стороны ему хорошенько растолковать: что съ книгой не нужно мѣшкать, потому что мнѣ нужно прежде новаго года собрать деньги за ея распродажу, съ тѣмъ чтобы пуститься въ дальнюю дорогу. Путешествіе на Востокъ не то, что по Европѣ. Удобствъ никакихъ, издержекъ множество; а мнѣ нужно, сверхъ этого, еще и помочь тѣмъ людямъ, которымъ, кромѣ меня, никто не поможетъ. ——— Извини, что такъ дурно пишу. Усталъ въ полномъ смыслѣ и разболѣлся вновь всѣмъ тѣломъ. Черезъ два дни получишь другое письмо, съ подробнѣйшимъ распоряженіемъ относительно книги, ея выпуска, продажи и прочаго. А между тѣмъ тутъ, въ этой тетради, найдешь вставку и перемѣну къ письму: »О Лиризмѣ нашихъ поэтовъ«. Нужно выбросить все то мѣсто, гдѣ говорится о значеніи власти Монарха, въ какомъ она должна явиться въ мірѣ. Это не будетъ понятно и примется въ другомъ смыслѣ. Къ тому же сказано нѣсколько нелѣпо. О немъ послѣ когда-нибудь можно составить умную статью. Теперь выбросить нужно ее непремѣнно, хотя бы статья была и напечатана, и на мѣсто ея вставить то, что написано на послѣдней страницѣ тетради.

Кусокъ, который слѣдуетъ выбросить, начинается словами: »Значеніе полномочной власти Монарха возвысится еще« и проч. и оканчивается словами: »Такое опредѣленіе не приходило еще Европейскимъ правовѣдцамъ«...

Къ нему же.

Франкфуртъ. 20 окт. (1846).

Назадъ тому два дни, отправилъ къ тебѣ пятую и послѣднюю тетрадь. Отъ усталости и отъ возвращенія вновь многихъ болѣзненныхъ недуговъ, не въ силахъ былъ написать объ окончательныхъ распоряженіяхъ. Пишу теперь. Ради Бога, употреби всѣ силы и мѣры къ скорѣйшему отпечатанію книги. Это нужно, нужно и для меня, и для другихъ; словомъ, нужно для общаго добра. Мнѣ говоритъ (это) мое сердце и необыкновенная милость Божія, давшая мнѣ силы потрудиться тогда, когда я не смѣлъ уже и думать о томъ, не смѣлъ и ожидать потребной для того свѣжести душевной. И все мнѣ далось вдругъ на то время: вдругъ остановились самые тяжкіе недуги, вдругъ отклонились всѣ помѣшательства въ работѣ, и продолжалось все это по тѣхъ поръ, покуда не кончилась послѣдняя строка. Это, просто, чудо и милость Божія, и мнѣ будетъ грѣхъ тяжкій, если стану жаловаться на возвращеніе трудныхъ болѣзненныхъ моихъ (припадковъ). Другъ мой, я дѣйствовалъ твердо во имя Бога, когда составлялъ мою книгу; во славу Его святаго имени взялъ перо; а потому и разступились передо мною всѣ преграды и все останавливающее безсильнаго человѣка. Дѣйствуй же и ты во имя Бога, печатая книгу мною, какъ бы дѣлалъ симъ дѣло на прославленіе имени Его, позабывши всѣ свои личныя отношенія къ кому бы то ни было, имѣя въ виду одно только общее добро, — и передъ тобой разступятся также всѣ препятствія.

Съ Н*** можно ладить, но съ нимъ необходимо нужно имѣть дѣло лично. Письмомъ и запиской ничего съ нимъ не сдѣлаешь. Въ немъ не то главное, что онъ лѣнивъ, но то, что онъ не видитъ и не чувствуетъ самъ, что онъ лѣнивъ. Я это испыталъ въ бытность мою въ Петербургѣ. Я его заставилъ въ три дни прочесть то, что̀ онъ не прочелъ бы самъ по себѣ (въ) два мѣсяца. А послѣ моего отъѣзда, всякая небольшая статья залеживалась у него по мѣсяцу. На него нужно серьезно насѣсть и на всѣ приводимыя имъ причины отвѣчать одними и тѣми же словами: »Послушайте: все это, что̀ вы говорите, такъ, и могло бы имѣть мѣсто въ дру-

гомъ дѣлѣ, но вспомните, что всякая минута замедленія разстроиваетъ совершенно всѣ обстоятельства автора книги. Вы человѣкъ умный и можете видѣть сами, что въ книгѣ содержится и предпринята она именно затѣмъ, чтобы возбудить благоговѣніе ко всему тому, что поставляется намъ всѣмъ въ законъ нашей же Церковью и нашимъ правительствомъ.« — — Если же имъ одолѣютъ какія-нибудь нерѣшительности отъ всякаго рода нелѣпыхъ слуховъ, которые сопровождаютъ всякій разъ печатанье моей книги, какого бы ни была она рода, то обо всемъ переговори, какъ я уже писалъ въ первомъ письмѣ, съ Алекс. Осиповной и, наперекоръ всѣмъ помѣшательствамъ, ускори выходъ книги. Какъ кремень, крѣпись, вѣрь въ Бога и двигайся впередъ — и все тебѣ уступитъ!

По выходѣ книги, приготовь экземпляры и поднеси всему Царскому Дому до единаго. Ни отъ кого не бери подарковъ: скажи, что поднесеніе этой книги есть выраженіе того чувства, котораго я самъ не умѣю себѣ объяснить, которое стало въ послѣднее (время) еще сильнѣе, чѣмъ было прежде, въ слѣдствіе котораго все относящееся къ ихъ Дому стало близко моей душѣ, даже со всѣмъ тѣмъ, что ни окружаетъ ихъ, и что поднесеніемъ этой книги имъ я уже доставляю удовольствіе себѣ, совершенно полное и достаточное; что, въ слѣдствіе и болѣзненнаго своего состоянія, и внутренняго состоянія душевнаго, меня не занимаетъ все то, что можетъ еще шевелить и занимать человѣка, живущаго въ свѣтѣ. Но если кто изъ нихъ предложитъ отъ себя деньги на вспомоществованіе многимъ тѣмъ, которыхъ я встрѣчу идущихъ на поклоненіе къ Святымъ Мѣстамъ, то эти деньги бери смѣло.

Другъ, много есть людей, требующихъ помощи, о которыхъ мы и не знаемъ, и не подозрѣваемъ, но которыхъ страдальческую повѣсть если бы услышало какое сердце, хотя бы самое безчувственное, заныло бы оно отъ скорби. Многимъ художникамъ, многимъ, многимъ талантамъ слѣдуетъ хотя нищенское вспомоществованіе, чтобы не погибнули съ голода, въ буквальномъ смыслѣ. Есть многіе, которые постигнули уже высшую тайну искусства и его высшее призваніе, и для нихъ такъ нужны Святыя Мѣста и Евангелическая земля, какъ народу Еврейскому была нужна манна въ пустынѣ. Много есть также людей и на другихъ поприщахъ,

которые принесутъ пользу истинную отечеству и все выплатятъ съ избыткомъ, на нихъ употребленное, и которые влекутся непостижимой душевной потребностью на поклоненіе Святымъ Мѣстамъ, именно въ наступающемъ году. А потому, если бы кто предложилъ изъ постороннихъ для этого деньги, бери и посылай ко мнѣ. Дамъ отчетъ во всякой копейкѣ и не брошу никому незаслуженно, если только Богъ не оставитъ вразумленіемъ умъ мой, какъ не оставлялъ доселѣ. Нужно слишкомъ соображать и взвѣшивать положеніе тѣхъ, которымъ стремишься подать помощь, а особливо если располагаешь не своими, но чужими деньгами.

Шесть экземпляровъ отдай [тотъ же часъ по выходѣ книги] Софьѣ Мих. С***, съ присоединеніемъ прилагаемаго письма. Шесть экземпляровъ и седьмой, съ подписаніемъ цензора на второе изданіе, отправь немедленно въ Москву къ Шевыреву. Второе изданіе должно быть напечатано въ Москвѣ, ради несравненно большей дешевизны и ради отдыха тебѣ. Шесть экземпляровъ отправь моей матери, съ надписаніемъ: »Ея Высокоб. Марьи Ивановнѣ Гоголь, въ Полтаву.« Одинъ экземпляръ въ Харьковъ Инокентію, съ присоединеніемъ при семъ слѣдующаго письмеца. Два экземпляра въ Ржевъ, Тверской губ., священнику Матвѣю Александровичу. Экземпляра же три, а если можно болѣе, отправь немедленно мнѣ съ курьеромъ. Попроси отъ меня лично графиню Н***, давши ей отъ имени моего экземпляръ; скажи ей, что она очень, очень большое сдѣлаетъ мнѣ одолженіе, если устроитъ такъ, что я получу эту книгу въ Неаполѣ наискорѣйшимъ порядкомъ, и попроси ее тоже отъ меня отправить немедленно въ Парижъ два экземпляра графу А. П. Т***. Но не забудь и Жуковскаго. Отдай еще Арк. Р*** три экземпляра съ письмомъ. Вотъ тебѣ все. Кажется, больше некому. Прочіе купятъ.

Ты спрашивалъ, когда же я въ Россію. Знаетъ это Тотъ, Кто правитъ всѣми нашими обстоятельствами. Что касается до меня, то скажу тебѣ, что еще никогда не было во мнѣ желанія такого сильнаго ѣхать въ Россію, и я думаю изъ Іерусалима послѣ Свѣтлаго праздника, первымъ весеннимъ путемъ, на Константинополь и Одессу, направить паруса къ берегамъ ея. Хочется очень обнять все близкое душѣ моей, а въ томъ числѣ и тебя.

———

Къ С. П. Шевыреву.

Стразбургъ, окт. 24 (1846).

Прошу тебя доставить это письмо Щепкину, которое долженъ онъ прочесть при тебѣ, а потомъ дать его прочесть тебѣ и больше никому. Если на случай Щепкинъ въ Петербургѣ, то письмо распечатай, прочти и потомъ отправь къ нему въ Петербургъ, хоть на имя Плетнева. Изъ него ты увидишь, въ чемъ дѣло. »Ревизоръ« долженъ быть напечатанъ въ своемъ полномъ видѣ, съ тѣмъ заключеніемъ, которое самъ зритель не догадался вывесть. Заглавіе должно быть такое: *Ревизоръ съ Развязкой. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, съ заключеніемъ.* Соч. Н. Гоголя. *Изданіе четвертое, пополненное, въ пользу бѣдныхъ.* Играться и выйти въ свѣтъ »Ревизоръ« долженъ не прежде появленья книги: »Выбранныя Мѣста«: иначе все не будетъ понятно вполнѣ. Объ остальныхъ распоряженіяхъ извѣщу тебя потомъ, вмѣстѣ съ присылкой необходимаго предисловія. Теперь же, за множествомъ всякаго рода хлопотъ и отвѣтовъ на письма, которыя врядъ ли кому-либо приходится получать со всѣхъ сторонъ въ такомъ множествѣ, не могу писать болѣе. Скажу только, что я на дорогѣ, въ Стразбургѣ; завтра ѣду, пробираясь на Ниццу, въ Италію.

Увѣдоми меня обо всемъ, что̀ ни дѣлается въ Москвѣ и что̀ ни говорится обо мнѣ, особенно всякіе невыгодные и дурные слухи: ихъ мнѣ нужно знать гораздо болѣе, чѣмъ всѣ хорошіе. Враки, враки, а во вракахъ бываетъ часто немало правды. За собой такъ трудно уберечься, что слѣдуетъ по-настоящему платить чистымъ золотомъ за всякую доставку намъ скверныхъ вѣстей о насъ. Теперь же вѣстей обо мнѣ должно̀ быть немало, потому что я еще не помню, чтобы печатанье какой бы то ни было книги моей не было сопровождено всякаго рода вѣстями, слухами, исторіями и вымыслами всѣхъ родовъ, какъ ни стараешься дѣло это производить сколько возможно потише. Но обнимаю тебя. Прощай. Жду съ нетерпѣньемъ твоего увѣдомленья въ Неаполь...

Къ М. С. Щепкину.

(1846).

Михаилъ Семеновичъ! вотъ въ чемъ дѣло: вы должны взять въ свой бенефисъ »Ревизора« въ его полномъ видѣ, то есть, слѣдуя тому изданію, которое напечатано въ полномъ собраніи моихъ сочиненій, съ прибавленіемъ хвоста, посылаемаго мною теперь. Для этого вы сами непремѣнно должны съѣздить въ Петербургъ, чтобы ускорить личнымъ присутствіемъ ускореніе цензурнаго разрѣшенія. Не знаю, кто театральный цензоръ. Если тотъ самый Г****, который былъ въ Римѣ съ графомъ Васильевымъ и съ которымъ я тамъ познакомился, то попросите его отъ моего имени крѣпко. Во всякомъ случаѣ, обратитесь по этому дѣлу къ Плетневу и графу М. Ю. В****, которымъ все объясните и которыхъ участіе можетъ оказаться нужнымъ. Скажите, какъ имъ, такъ и себѣ самому, чтобы это дѣло, до самого представленія, не разглашалось и оставалось бы въ тайнѣ между вами. Хлестакова долженъ играть Живокини. Дайте непремѣнно отъ себя мотивъ другимъ актерамъ, особенно Бобчинскому и Добчинскому. Постарайтесь сами съиграть передъ ними нѣкоторыя роли. Обратите особенное вниманіе на послѣднюю сцену. Нужно непремѣнно, чтобы она вышла картиной, и даже потрясающей. Городничій долженъ быть совершенно потерявшимся и вовсе не смѣшнымъ. Жена и дочь въ полномъ испугѣ должны обратить глаза на его одного. У смотрителя училищъ должны трястись колѣни сильно; у Земляники также. Судья, какъ уже извѣстно, съ присядкой. Почтмейстеръ, какъ уже извѣстно, съ вопросительнымъ знакомъ къ зрителямъ. Бобчинскій и Добчинскій должны спрашивать глазами другъ у друга объясненія этому всему. На лицахъ дамъ-гостей ядовитая усмѣшка, кромѣ одной жены Луканчика, которая должна быть вся въ испугѣ, блѣдна, какъ смерть, и ротъ открытъ. Минуту, или минуты двѣ, непремѣнно должна продолжаться эта нѣмая сцена, такъ чтобы Коробкинъ соскучившись успѣлъ попотчивать Растаковскаго табакомъ, а кто-нибудь изъ гостей даже довольно громко сморкнуть въ платокъ.

Что же касается до прилагаемой при семъ »Развязки Ре-

18*

визора«, которая должна слѣдовать тотъ же часъ послѣ »Ревизора«, то вы, прежде чѣмъ давать ее разучать актерамъ, вчитайтесь въ нее хорошенько сами, войдите въ значеніе и крѣпость всякаго слова, всякой роли, такъ какъ-бы вамъ пришлось всѣ эти роли съиграть самому, и когда войдутъ онѣ вамъ въ голову всѣ, соберите актеровъ прочитайте имъ, и прочитайте не одинъ разъ, прочитайте раза три-четыре, или даже пять. Не пренебрегайте, что роли маленькія и по нѣскольку строчекъ. Строчки эти должны быть сказаны твердо, съ полнымъ убѣжденьемъ въ ихъ истинѣ; потому что это споръ, и споръ живой, а не нравоученіе. Горячиться не долженъ никто, кромѣ развѣ Семена Семеновича, но слова произносить долженъ всякъ нѣсколько погромче, какъ въ обыкновенномъ разговорѣ, потому что это споръ. Николай Николаевичъ долженъ быть даже отчасти крикливъ; Петръ Петровичъ — съ нѣкоторымъ заливомъ. Вообще было бы хорошо, если бы каждый изъ актеровъ держался сверхъ того еще какого-нибудь ему извѣстнаго типа. Играющему Петра Петровича нужно выговаривать свои слова особенно крупно, отчетливо, зернисто. Онъ долженъ скопировать того, котораго онъ зналъ говорящаго лучше всѣхъ по-Русски. Хорошо бы, если бы онъ могъ нѣсколько придерживаться Американца Т***. Николаю Николаевичу должно, за неимѣніемъ другого, придерживаться Нил. Филипповича Пав., потому что у него самый ровный и пристойный голосъ изъ всѣхъ нашихъ литераторовъ; притомъ въ него не трудно попасть. Самому Семену Семеновичу нужно дать болѣе благородную замашку, чтобы не сказали, что онъ взятъ съ Николая Михайлов. (1) Заг... Вамъ же вотъ замѣчаніе. Старайтесь произносить всѣ ваши слова какъ можно тверже и покойнѣе, какъбы вы говорили о самомъ простомъ, но весьма нужномъ дѣлѣ. Храни васъ Богъ слишкомъ разчувствоваться. Вы разхныкаетесь, и выйдетъ у васъ чортъ знаетъ что̀. Лучше старайтесь такъ произнести слова, самыя близкія къ вашему собственному состоянью душевному, чтобы зритель видѣлъ, что вы стараетесь удержать себя отъ того, чтобы не заплакать, а не въ самомъ дѣлѣ заплакать. Впечатлѣніе будетъ оттого нѣсколько разъ сильнѣй. Старайтесь

(1) Гоголь ошибся: слѣдовало бы написать Михаила Николаевича. *П. К.*

заблаговременно, во время чтенія своей роли, выговаривать твердо всякое слово, простымъ, но проницающимъ языкомъ, — почти такъ, какъ начальникъ артели говоритъ своимъ работникамъ, когда выговариваетъ имъ, или попрекаетъ въ томъ, въ чемъ дѣйствительно они провиноватились. Вашъ большой порокъ въ томъ, что вы не умѣете выговаривать твердо всякаго слова. Отъ этого вы неполный владѣлецъ собою въ своей ролѣ. Въ Городничемъ вы лучше всѣхъ вашихъ другихъ ролей именно потому, (что) почувствовали потребность говорить выразительнѣе. Будьте же и здѣсь, и въ »Развязкѣ Ревизора«, тѣмъ же Городничимъ. Берегите себя отъ сентиментальности и караульте сами за собою. Чувство явится у васъ само собою; за нимъ не бѣгайте; бѣгайте за тѣмъ, какъ бы стать властелиномъ себя. Обо всемъ этомъ не сказывайте никому въ Москвѣ, кромѣ Шевырева, по тѣхъ поръ, покуда не возвратитесь изъ Петербурга. У васъ языкъ немножко длинноватъ; вы его на этотъ разъ поукоротите. Если жъ онъ начнетъ слишкомъ почесываться, то вы придите въ другой разъ къ Шевыреву и разскажите ему вновь, какъ-бы вы разсказывали свѣжему и другому человѣку. Развязку нужно будетъ переписать, потому что, кромѣ экземпляра, нужнаго для театральной цензуры, другой будетъ нуженъ для подписанія цензору Никитенкѣ, которому отдастъ Плетневъ, ибо »Ревизоръ« долженъ напечататься отдѣльно съ »Развязкой« ко дню представленія и продаваться въ пользу бѣдныхъ, о чемъ вы, при вашемъ вызовѣ, по окончаніи всего, должны возвѣстить публикѣ, что не благоугодно ли ей, ради такой Богоугодной цѣли, сей же часъ по выходѣ изъ театра купить »Ревизора« въ театральной же лавкѣ; а кто разохотится дать больше означенной цѣны, тотъ бы покупалъ ее прямо изъ вашихъ рукъ для большей вѣрности. А вы эти деньги потомъ препроводите къ Шевыреву. Но объ этомъ рѣчь еще впереди. Довольно съ васъ, покамѣстъ, этого.

Итакъ благословясь поѣзжайте съ Богомъ въ Петербургъ. Бенефисъ вашъ будетъ блистателенъ. Не глядите на то, что піеса заиграна и стара: будетъ къ этому времени такое обстоятельство, что всѣ пожелаютъ вновь увидать »Ревизора« даже и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ давался прежде. Сборъ вашъ будетъ съ верхомъ полонъ. Поговорите съ Сосницкимъ, чтобъ увидать, можно ли то

же самое сдѣлать въ Петербургѣ сколько возможно такимъ образомъ, какъ въ Москвѣ. Прежде его испытайте: онъ немножно упрямъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Скажите ему, что это стыдно — и всё въ Христіянскомъ духѣ — имѣть такое гордое мнѣніе въ своей безошибочности и что онъ первый, если бы только захотѣлъ истинно постараться о томъ, чтобы послѣдняя сцена вышла такъ, какъ ей слѣдуетъ быть, она бы сдѣлалась чистая натура; не примѣтилъ бы зритель такой искусственности и принялъ бы ее за вылившуюся непринужденно. Скажите ему, что для Русскаго человѣка нѣтъ невозможнаго дѣла, что нѣтъ даже на языкѣ его и слова *нѣтъ*, если онъ только прежде выучился говорить всякимъ собственнымъ страстишкамъ *нѣтъ*. Письмо это дайте прочесть Шевыреву, такъ же какъ и самую »Развязку Ревизора«, и о полученіи всего этого увѣдомьте меня тотъ же часъ...

Къ нему же.

(1846).

Пишу къ вамъ еще нѣсколько строкъ, Михаилъ Семеновичъ. Если вы совершенно сошлись и условились въ Сосницкимъ относительно постановки »Ревизора« въ новомъ видѣ, то вотъ вамъ маленькое письмецо къ Сосницкому, которое влагаю незапечатаннымъ, чтобы могли прочесть его также и вы, и встрѣтить тамъ, можетъ быть, что-нибудь нужное и для собственнаго соображенія. По дѣлу хлопочите живо и никакъ не пропускайте бывать у всѣхъ, у кого слѣдуетъ. У графа В****, Михаила Юрьевича, побывайте, какъ я вамъ говорилъ. Повидайтесь также съ меньшою дочерью его, графиней Анной Михайловной. Скажите ей, что я непремѣнно приказалъ вамъ къ ней явиться, и разскажите ей обо всемъ относительно постановки »Ревизора«. Скажите ваши мысли о »Ревизорѣ« и вообще обо всемъ по этой части, равно какъ и о ходѣ дѣла. Она будетъ хлопотать о многомъ лучше мужчинъ. На ней, между прочимъ, лежитъ одна изъ главныхъ обязанностей по поводу раздачи суммы для бѣдныхъ; а потому все это дѣло ей близко, и вы можете съ ней разговориться откровенно обо всемъ. Она

умна, многое пойметъ и на многое подвинетъ другихъ. А ко мнѣ не позабудьте написать въ Неаполь изъ Петербурга хоть нѣсколько строкъ, чтобы я зналъ, какъ расправлялись вы молодцомъ, или— къ вѣчному стыду — бабой, отъ чего Богъ да сохранитъ васъ...

Къ С. П. Шевыреву.

Ницца. 2 ноября (1846).

Спѣшу написать тебѣ нѣсколько строкъ съ дороги. Одно письмо мое изъ Франкфурта, съ извѣщеніемъ объ отправленіи предисловія къ »М. Д.« Плетневу, ты, вѣроятно, получилъ; другое, со вложеніемъ письма къ Щепкину, ты, безъ сомнѣнія, также (получилъ), вмѣстѣ съ продолженьемъ развязки »Ревизора«. Теперь посылаю къ тебѣ предъувѣдомленіе къ »Ревизору«. Прочитавши его и узнавши, въ чемъ дѣло, ты собери всѣхъ тѣхъ, которыхъ имена увидишь въ концѣ предъувѣдомленія, къ себѣ и съ ними потолкуй и объяви имъ мою просьбу, которую обращаю я къ людямъ, любящимъ меня. Кто изъ нихъ отшатнется и не захочетъ взять на себя обязанность раздачи бѣднымъ, грѣхъ будетъ на душѣ того, потому что дѣло это ради Христа, а не ради меня; кому же точно невозможно, за множествомъ дѣлъ и хлопотъ, этимъ заняться, тотъ пусть объявитъ это сейчасъ же, чтобы имя его вычеркнуть. Всѣхъ же остальныхъ напиши исправно имена и отчества, съ означеньемъ адрессовъ и мѣстъ ихъ жительства, и отправь немедленно въ Петербургъ, чтобъ это было припечатано въ такомъ же видѣ и въ Петербургскомъ экземплярѣ. Въ замѣнъ ты получишь отъ Плетнева обстоятельное поименованіе лицъ въ Петербургѣ съ ихъ адрессами. Одно изданіе »Ревизора« долженъ печатать ты въ Москвѣ [это будетъ числомъ четвертое]; другое [пятое] Плетневъ въ Петербургѣ. Заглавіе, какъ я уже писалъ, должно быть такое: »Ревизоръ съ Развязкой. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, съ заключеніемъ. Сочин. Н. Гоголя. Изданіе четвертое, въ пользу бѣдныхъ.« Цѣна 1 рубль серебромъ. Печатать два завода, въ Петербургѣ же одинъ заводъ; ибо у меня какое-то предчувствіе, что въ Москвѣ

разойдется больше экземпляровъ »Ревизора«; особенно, когда узнаютъ, съ какою цѣлью онъ издается. Оба изданія должны выйдти въ день представленія, въ Москвѣ въ бенефисъ Щепкина, въ Петербургѣ въ бенефисъ Сосницкаго; такъ что продаваться они должны тотъ же вечеръ, по представленіи піесы. Объявить объ этомъ публикѣ самъ бенефиціантъ, по вызовѣ его, присовокупивши, что всякъ изъ желающихъ дать болѣе положенныхъ цѣнъ за книгу, далъ бы въ его собственныя руки и принялъ бы отъ него самого экземпляръ, вошедши, по закрытіи занавѣси, къ нему самому на сцену. Деньги эти Щепкинъ долженъ принести къ тебѣ, равно какъ и всѣ деньги отъ театральныхъ и всякихъ книгопродавцевъ, а ты долженъ раздѣлить эти деньги всѣмъ поровну раздавателямъ вспомоществованія. Не сердись на меня за эти новыя, мною на тебя навязанныя хлопоты; выполни ихъ, какъ дѣло, угодное Богу, во имя Его дѣлаемое. Такъ же благодарю и въ такой же точности, какъ то, о которомъ ты знаешь, за которое не знаю, какъ возблагодарить тебя. Знаю только то, что Богъ тебя за него возблагодаритъ. На это письмо прошу отвѣта въ Неаполь. Прощай; тороплюсь отправить на почту...

P. S. Когда получишь изъ Петербурга экземпляръ книги: »Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями«, вручи слѣдующимъ лицамъ, по приложеннымъ при семъ надписаніямъ, которыя, разрѣзавши порознь, приклеи на первый листокъ въ книгѣ. Не смущайся тѣмъ, что LL придется на долю надпись нѣсколько крѣпкая. Это ему нужно. Онъ немножко чихнетъ, но этотъ чихъ будетъ во здравіе. Есть вещи, которыя одинъ я могу ему сказать и долженъ сказать, потому что получилъ на то право. Время свое я выждалъ и теперь буду его потчивать многимъ его собственнымъ добромъ, котораго онъ въ себѣ никакъ не подозрѣваетъ. Я свое дѣло исполню лучше, нежели онъ. Назадъ тому три года, если я не ошибаюсь, я просилъ открыто у васъ всѣхъ себѣ упрековъ, но упрековъ я не получилъ. Теперь стану я попрекать, но упреки мои будутъ не отъ гнѣва, — что-то другое подвигнетъ ими. О, какъ намъ нужно глядѣть и глядѣть ежеминутно на себя! Не отвращай и ты отъ себя взора. Многаго и многаго мы въ себѣ не видимъ, и почти всего, что ни есть въ насъ дурного. Но Богъ да хранитъ тебя!

благо, что ты сидишь надъ трудомъ, который уже невольно способенъ освятить человѣка и, оторвавши его отъ всего кружащагося, обратитъ на самого себя.

Не позабудь прислать мнѣ въ Неаполь сейчасъ же всѣ письма, какія ты получаешь на мое имя по поводу »Мерт. Д.« Они мнѣ очень и очень нужны, такъ какъ никто не можетъ предполагать и думать, опричь развѣ меня самого.

Къ П. А. Плетневу.

Ницца. Ноября 2, 1846.

Уже долженъ до сихъ поръ ты получить три письма моихъ изъ Франкфурта: одно съ присовокупленіемъ предисловія ко второму изданію »М. Д.«; другое со вложеніемъ пятой и окончательной тетради; третье съ приложеніемъ писемъ къ тѣмъ, которымъ должны быть посланы экземпляры. Присовокупляю остальныя мои распоряженія. Во-первыхъ, не позабудь внести въ книгу тѣ поправки, которыя мною сдѣланы, какъ въ письмѣ первомъ, относящіяся къ статьѣ »Занимающему важное мѣсто«, такъ и во второмъ письмѣ большую вставку, написанную на послѣдней страницѣ пятой тетради, долженствующую замѣстить выброшенный мною кусокъ изъ статьи: »О лиризмѣ нашихъ поэтовъ«. Сверхъ того нужно будетъ выбросить въ статьѣ: »Русскій помѣщикъ« выраженіе: »Выбрани Нѣмцемъ, если не хватитъ другого слова.« Это примутъ еще въ смыслѣ моего личнаго нерасположенія къ Нѣмцамъ, а этого мнѣ бы не хотѣлось, потому что я въ самомъ дѣлѣ его не имѣю. По мнѣ, между нами есть гораздо болѣе Русскихъ такого рода, которыхъ бы слѣдовало назвать Нѣмцами и которые повели себя гораздо хуже Нѣмцевъ. Въ письмѣ »Къ близорукому пріятелю«, не помню, вычеркнулъ ли я фразу въ началѣ письма, которая въ рукописномъ письмѣ могла остаться, но въ печати никакъ не должна пребыть, а именно: »Сѣлъ верхомъ на коротконосьи.« Нужно начать это письмо просто словами: »Вооружился взглядомъ современной близорукости и думаешь, что вѣрно судишь о событіяхъ«, и т. д. Не сердись и не гнѣвайся на

меня за всѣ эти поправки: онѣ послѣднія. Что же дѣлать? самъ видишь, какимъ образомъ составлялъ (я) эту книгу: среди леченій, среди разъѣздовъ, среди хлопотъ (и) дѣлъ, которыхъ затруднительности ты и не предполагаешь, среди отвѣтовъ на множество самыхъ разнородныхъ писемъ, требующихъ не пустыхъ, но обдуманныхъ отвѣтовъ. Я дивлюсь, какъ еще у меня, при такихъ обстоятельствахъ, не переворотилось все въ головѣ и не происходитъ гораздо большихъ оплошностей, промаховъ и пропусковъ, и какъ еще въ головѣ моей держится довольно точная память всего. Это Богъ такъ милостивъ ко мнѣ; ни чему другому не могу больше приписать.

Теперь поговоримъ о цѣнѣ книги. Если въ ней окажется не болѣе 500 страницъ, то пустить ее по два руб. сер.; если же болѣе, то есть, приблизится до 600 и даже перевыситъ, то пустить по три руб. серебромъ. Это не будетъ дорого, соображая то, что ее будутъ болѣе покупать люди богатые и достаточные, а бѣдные получатъ даромъ отъ ихъ великодушныхъ раздачъ. Всѣ вырученныя деньги присылай немедленно на имя посольства въ Неаполь. Жуковскій, вѣроятно, послалъ тебѣ изъ Франкфурта свидѣтельство о жизни, въ слѣдствіе котораго, взявши изъ казначества всѣ слѣдуемыя мнѣ по означенный день деньги, перешли въ Неаполь. Не позабудь переслать экземпляровъ книги ко всѣмъ тѣмъ, которые поименованы въ послѣднемъ моемъ письмѣ. Напоминаю еще разъ, кому именно. Царскому Дому всему до единаго, — вели переплетчику переплести для того заблаговременно въ приличные переплеты; Софьѣ Михайловнѣ [прежде всѣхъ] 6 экземпляровъ; Шевыреву, въ Москву [со включеніемъ процензерованнаго] 8 экз.; Марьи Ив. Гоголь, въ Полтаву 6; Арк. Р*** 3; въ Харьковъ, Инокентію 1; въ Ржевъ, священнику Матвѣю Александровичу 2; Жуковскому, во Франкфуртъ 1; гр. А. П. Т***, въ Парижъ 2; мнѣ, въ Неаполь, сколько можетъ взять курьеръ,—отъ трехъ до пяти экземпляровъ.

Объ отправкѣ безостановочной и поспѣшной за границу попроси отъ меня покрѣпче графиню Н***. Скажи, что этимъ она меня крѣпко обяжетъ. Ей дай отъ имени моего экземпляръ. Всѣ прочіе купятъ. Вотъ, кажется, все, что относится до оконча-

тельныхъ распоряженій по дѣлу книги: »Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями«.

Теперь другая просьба. Въ Петербургъ пріѣдетъ Щепкинъ хлопотать о постановкѣ »Ревизора« въ настоящемъ видѣ ко дню его бенефиса, съ присоединеніемъ доселѣ неиграннаго и неизвѣстнаго публикѣ окончанія піесы, подъ именемъ »Развязки Ревизора«. Прими Щепкина какъ можно получше, потому что онъ стоитъ того во всѣхъ отношеніяхъ, и окажи ему покровительство и посредничество свое во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ сможешь, какъ относительно театральнаго цензора, такъ и прочаго. А »Ревизора«, вырвавши изъ собранія моихъ сочиненій, гдѣ онъ напечатанъ въ полнѣйшемъ видѣ противу двухъ прежнихъ отдѣльныхъ изданій, поднеси его на процензированіе Н****, или другому цензору, какому найдешь приличнѣе, присоединивши къ тому и »Развязку Ревизора«, которая находится въ рукописи у Щепкина и которую, разумѣется, нужно переписать. Все это нужно произвести въ двухъ экземплярахъ, потому что »Ревизоръ« долженъ выйти вдругъ разомъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, въ двухъ изданіяхъ [на Московскомъ выставить *четвертое,* на Петербургскомъ *пятое*]. Выйти онъ долженъ ко дню бенефисовъ обоихъ актеровъ: въ Петербургѣ Сосницкаго, въ Москвѣ Щепкина, такъ чтобы въ день самого представленія могъ бы тутъ же въ большомъ количествѣ распродаться. Заглавіе ему: ***Ревизоръ съ Разрязкой. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, съ заключеніемъ. Соч. Н. Гоголя. Изданіе пятое. Продается въ пользу бѣдныхъ.*** Цѣна 1 р. сер. Корректуру его, мнѣ кажется, можно поручить Арк. Р***. Онъ человѣкъ степенный, надежный и дѣло это пойметъ, если ты не откажешься растолковать его и поучить. На его же можешь, я думаю, возложить многое, что̀ будетъ тебѣ тяжело и неудобно. Мнѣ становится уже и скорбно, что я на тебя вдругъ навьючилъ столько дѣлъ, но что̀ жъ дѣлать? мы всѣ труженики. Ты видишь, что я работаю тоже не для себя. Отъ графини А. М. В*** ты получишь »Предувѣдомленіе къ Ревизору«, изъ котораго узнаешь, какимъ бѣднымъ собственно принадлежатъ деньги за »Ревизора« и какимъ образомъ должна быть имъ произведена раздача. Предувѣдомленіе это, въ двухъ экземплярахъ,

поднеси на процензерованіе цензору и отправь одно въ Москву для напечатанія къ Шевыреву, который издастъ »Ревизора« въ Москвѣ. Въ Петербургѣ же долженъ взять это попеченіе на себя ты, Христа ради, а не ради меня. Прими хотя главный надсмотръ и дѣла съ книгопродавцами. Собравши отъ нихъ деньги, ты раздѣли эти деньги поровну между тѣми, на которыхъ возложилъ я обузу быть раздавателями вспомоществованій, какъ все это увидишь изложеннымъ въ предувѣдомленіи. За тѣмъ обнимаю тебя. Крѣпись и мужайся во всемъ и не негодуй на меня. Едва успѣваю писать. Руки мои коченѣютъ и леденѣютъ, хотя въ комнатѣ теплота юга...

Къ Н. Н. Ш—вой.

Ноября 8 (1846).

Пишу къ вамъ, добрый другъ Надежда Николаевна, изъ Флоренціи. Здоровье, благодаря молитвамъ молившихся обо мнѣ, а въ томъ числѣ и вашимъ, гораздо лучше. Слышу, что все въ волѣ Божіей, и если только угодно будетъ Его святой милости, если это будетъ признаннымъ Имъ нужнымъ для меня, то я буду и совсѣмъ здоровъ. Теперь всё подвигаюсь къ югу, чтобы быть ближе къ теплу, которое мнѣ необходимо, и къ Святымъ Мѣстамъ, которыя еще необходимѣй. Желанья въ груди больше, нежели въ прошедшемъ году; даже далъ мнѣ Всевышній силы больше приготовиться къ этому путешествію, нежели какъ я былъ готовъ къ нему въ прошедшемъ. Но при всемъ томъ покорно буду ждать Его святой воли и не пущусь въ дорогу безъ явнаго указанья отъ Неба. Есть еще много обстоятельствъ, отъ попутнаго устроенія которыхъ зависитъ мой отъѣздъ, надъ которыми властенъ Богъ и которыя всѣ въ рукахъ Его. Благоволитъ Онъ все устроить къ тому времени какъ слѣдуетъ — это будетъ знакъ, что мнѣ смѣло можно пускаться въ дорогу. Но знакомъ будетъ уже и то, когда все, что ни есть во мнѣ — и сердце, и душа, и мысли, и весь составъ мой — загорится въ такой силѣ желаніемъ летѣть въ Обѣтованную святую эту Землю, что уже ничто не въ силахъ будетъ удержать, и, покорный попутному вѣтру небесной воли Его,

понесусь, какъ корабль, не отъ себя несущійся. Путешествіе мое не есть простое поклоненіе: много, много мнѣ нужно будетъ тамъ обдумать у Гроба самого Господа, и отъ Него испросить благословеніе на все, въ самой той землѣ, гдѣ ходили Его небесныя стопы. Мнѣ нельзя отправиться неготовому, какъ иному можно, и весьма можетъ быть, что и въ этомъ годѣ мнѣ опредѣлено будетъ еще не поѣхать. Со многими изъ людей, близкихъ мнѣ, которые намѣревались тоже къ наступающему Великому посту ѣхать въ Іерусалимъ, случились тоже непредвидѣнныя препятствія, заставившія иныхъ возвратиться даже съ дороги, въ которую было уже пустились. А я иначе и не думалъ пускаться, какъ съ людьми, близкими сколько-нибудь моей душѣ. Я еще не такъ самъ по себѣ крѣпокъ и душевно, и тѣлесно, чтобы могъ пуститься одинъ. Нужно для того уже быть слишкомъ высокому Христіянину, нужно жить въ Богѣ всѣми помышленіями, чтобы обойтись безъ помощи другихъ и безъ опоры братьевъ своихъ; а я еще немощенъ духомъ. Другъ мой, молитесь же, да совершается во всемъ святая воля Бога и да будетъ все такъ, какъ Ему угодно. Молитесь, чтобы Онъ все во мнѣ пріуготовилъ такъ, чтобы не было во мнѣ ничего, останавливающаго меня отъ этого путешествія. Съ своей стороны, я готовлюсь отъ всѣхъ силъ и стремлюсь къ тому, и стремленье это Имъ же внушено. Да усилится же оно еще болѣе!

Вы получите отъ меня въ подарокъ на дняхъ книгу, которая покажетъ вамъ, что я готовлюсь и хочу быть готовымъ. Не скрывайте отъ меня вашихъ мыслей о моей книгѣ; скажите мнѣ все, что̀ скажетъ вамъ ваше сердце, по прочтеніи ея. Помолитесь обо мнѣ. Теперь больше, чѣмъ когда-либо, нужны обо мнѣ молитвы.

Къ N F.

Ноября 8. Флоренція (1846).

Письмо мое безъ означенія мѣсяца, числа и мѣста, откуда писано, вы, вѣроятно, получили. Не погнѣвайтесь за это забвеніе выставить въ надлежащемъ порядкѣ какъ слѣдуетъ все это на вер-

хушкѣ письма. Утѣшу васъ тѣмъ, что я сей же часъ же вспомнилъ о томъ по запечатаніи письма. Впрочемъ, имѣя въ это время столько дѣлъ и хлопотъ среди разъѣздовъ и въ то же время среди другихъ степеннѣйшихъ занятій, мнѣ извинительно было сдѣлать эту оплошность. Все же это по крайней мѣрѣ болѣе извинительно, чѣмъ не писать вовсе, какъ поступаете со мной вы. Но объ этомъ довольно. Повторяю вамъ опять то же, что писалъ въ послѣднемъ письмѣ: если уже вы исполнили все какъ слѣдуетъ и находитесь теперь въ Петербургѣ, то мнѣ не остается ничего болѣе, какъ поцѣловать мысленно прекрасныя ваши ручки. Если вы до сихъ поръ еще въ NN, то оставляйте все и поѣзжайте въ Петербургъ. Вы теперь будете тамъ такъ нужны мнѣ, какъ и самой себѣ. Поѣзжайте однѣ, безъ дѣтей, если это хлопотливо, остановитесь прямо у ZZ; они вамъ дадутъ комнатку. Нужно именно, чтобъ вы были у нихъ. Такъ я хочу, скажите имъ; впрочемъ они и сами почувствуютъ, что такъ нужно и такъ слѣдуетъ. Богъ васъ да напутствуетъ во всемъ! Больше ничего не хочу прибавлять. Вы поступите умно и безъ моихъ указаній, поговоривши съ Плетневымъ, которому тоже нужно придать болѣе жару и рвенія. Онъ нѣсколько какъ-будто вялъ, или разучился дѣйствовать живо и расторопно...

Къ Н. М. Языкову.

Ноября 8 (1846). Флоренція.

Пишу нѣсколько строкъ съ дороги. Я теперь во Флоренціи. Здоровье милостью Божіей стало лучше. Я слышу, что и твое лучше, стало быть, все возможно. Возможно и мертваго призвать къ жизни. Спѣшу въ Неаполь черезъ Римъ, гдѣ, можетъ быть, найду твои письма. Спроси у Шевырева, получены ли имъ три мои письма: одно съ увѣдомленіемъ о посланіи къ Плетневу предисловія ко 2 изданію »М. Д.«; другое съ приложеніемъ весьма нужнаго письма къ Щепкину; третіе съ приложеніемъ предувѣдомленія къ новому изданію »Ревизора«. Обо всемъ этомъ меня увѣдоми...

Къ А. С. Данилевскому.

8 ноября (1846). Флоренція.

Стыдно тебѣ позабывать меня и ни строчки не написать въ продолженіе какого-нибудь цѣлаго года! Стыдно такъ не уважать моими просьбами и считать ни за что мои душевные запросы! Но вмѣсто тебя, я прилагаю здѣсь письмо къ милой женѣ твоей; она, вѣрно, лучше твоего исполнитъ мою просьбу. Тебѣ же прощаю твое пренебреженіе и неисправность, и, въ доказательство этого прощенія, посылаю тебѣ экземпляръ моей книги, о которой скажи мнѣ подробно и чистосердечно мое мнѣніе, не скрывая ни котораго изъ ощущеній своихъ — все внаружу! Ты уже и самъ, я думаю, теперь можешь почувствовать, что мнѣ наиболѣе будутъ пріятны тѣ замѣчанія, которыя для всякаго другого были бы непріятны. Не скрой отъ меня также и мнѣній всѣхъ другихъ людей, какія ни услышишь. А потому я прошу тебя—старайся, при всякой встрѣчѣ съ людьми всѣхъ сословій и всѣхъ образованій, заводить разговоръ о моей книгѣ и все это тотъ же часъ записывать въ письмѣ, чтобы не позабыть, и не откладывая посылать мнѣ. Симъ только загладишь всѣ прежніе свои проступки и неотвѣты на мои письма. Пиши въ Неаполь, poste restante, и выставь мнѣ самый удовлетворительный твой адрессъ. Мнѣ очень жалко, когда письмо мое не доходитъ.

Къ матери.

Римъ. Ноября 14, 1846.

Не могу постигнуть причины вашего молчанія. Я думалъ-было, что застану, по крайней мѣрѣ, по пріѣздѣ моемъ въ Римъ отъ васъ письмо, но и здѣсь обманулся. Вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ слишкомъ, какъ я не имѣю о васъ ровно никакого извѣстія. Я начинаю безпокоиться, не пропадаютъ ли вновь какъ-нибудь письма, потому что если бы случилось что-нибудь у васъ въ домѣ, — какое-нибудь несчастіе, отъ котораго да сохранитъ васъ Богъ, кто-

нибудь меня бы увѣдомилъ. Жду, что скажетъ мнѣ Неаполь, куда отправляюсь на дняхъ; авось-либо тамъ лежитъ ваше письмо.

О себѣ скажу, что здоровье, слава Богу, становится нѣсколько крѣпче, и если всѣ обстоятельства хорошо устроятся, то надѣюсь въ началѣ будущаго года отправиться въ желанную дорогу на поклоненіе Гробу Господню.

Скоро послѣ этого письма, или, можетъ быть, вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, получите вы небольшую книгу мою, которая содержитъ отчасти мою собственную исповѣдь. Ее мнѣ слѣдовало принесть предъ моимъ отъѣздомъ. Посылаю вамъ выпущенный въ печати отрывокъ изъ завѣщанія, относящійся собственно къ вамъ и къ сестрамъ. Хотя, благодаря неизреченную милость Божью, я еще разъ спасенъ и живу, и вижу свѣтъ Божій, но вы всё-таки прочитайте это завѣщаніе и постарайтесь исполнить [какъ вы, такъ и сестры] хотя часть моей воли при жизни моей. Вы получите шесть экземпляровъ, изъ которыхъ одинъ для васъ, другой для сестеръ; третій экземпляръ отправьте теперь же немедленно, вмѣстѣ съ приложеннымъ при семъ письмомъ, къ Данилевскому, прося его, чтобы онъ увѣдомилъ, какъ васъ, такъ и меня, о его полученіи немедленно; четвертый экземпляръ передайте Андрею Андреевичу, если онъ гдѣ-нибудь близко около васъ; если жъ онъ въ Петербургѣ, тогда, разумѣется, нечего отправлять. Вы можете только сказать ему, что одинъ экземпляръ былъ для него, но вы не послали его потому, что, находясь въ Петербургѣ, онъ, вѣроятно, уже имѣетъ его и успѣлъ прочесть. Но, вмѣсто того, вы отдайте этотъ четвертый экземпляръ, вмѣстѣ съ двумя послѣдними, тѣмъ святымъ людямъ, которые молились обо мнѣ по монастырямъ; просите, чтобы они прочли мою книгу и помолились бы обо мнѣ еще крѣпче, чѣмъ когда-либо прежде. Мнѣ теперь еще болѣе нужны молитвы. Это сдѣлайте непремѣнно. У васъ будутъ выпрашивать, подъ разными предлогами, сестры лишній экземпляръ, или для себя, или для пріятельницъ своихъ. Вы имъ не давайте: эта книга отнюдь не для забавы и не для вѣтренныхъ свѣтскихъ дѣвушекъ. Прочіе могутъ купить и повременить ся чтеніемъ. Васъ прошу также, моя добрая и почтенная маминька, молиться обо мнѣ и о путешествіи моемъ и благополучномъ устроеніи всѣхъ обстоя-

тельствъ моихъ. Во все время, когда я буду въ дорогѣ, вы не выѣзжайте никуда и оставайтесь въ Васильевкѣ. Мнѣ нужно именно, чтобы вы молились обо мнѣ въ Васильевкѣ, а не въ другомъ мѣстѣ. Кто захочетъ васъ видѣть, можетъ къ вамъ пріѣхать. Отвѣчайте всѣмъ, что находите неприличнымъ въ то время, когда сынъ вашъ отправился на такое святое поклоненіе, разъѣзжать по гостямъ и предаваться какимъ-нибудь развлеченьямъ. Сестры мои, если имъ не посидится, могутъ однѣ ѣхать въ Полтаву.

Сестрамъ моимъ совѣтую особенно прочитать покрѣпче приложенный при этомъ листокъ изъ завѣщанія, и присоединяю имъ, сверхъ того, еще нѣсколько словъ, которыя прошу ихъ такъ свято исполнить, какъ-бы послѣднюю волю уже умершаго ихъ брата:

Чтобы съ этихъ поръ увеличили онѣ ко всѣмъ ласковость и привѣтливость, гораздо въ большей степени, чѣмъ прежде; чтобы на всѣхъ молодыхъ людей глядѣли онѣ такъ, какъ сестра глядитъ на брата; чтобы были съ ними искренни, простодушны, говорливы и говорили такъ просто, какъ-бы со мною, какъ-бы вѣкъ были знакомы со всѣми ими; чтобы на всякого пожилого и стараго человѣка глядѣли бы, какъ на родного и какъ на весьма любимаго дядю, если не какъ на отца; чтобы прислуживали ему и показывали такое вниманіе и такъ упреждали бы малѣйшее желаніе его, чтобы ему показалось дѣйствительно, какъ-бы передъ нимъ его племянницы, или внуки. Словомъ, чтобы повсюду вокругъ распространилась даже молва о радушномъ угощеніи всякаго гостя хозяйками деревни Васильевки и чтобы всѣ знали, что есть дѣйствительно такое мѣсто, гдѣ всякой гость есть братъ и наиближайшій сердцу человѣкъ, не смотря на то, какого бы онъ состоянія и званія ни былъ.

Вотъ мои прибавочныя слова. Въ нихъ мое душевное искреннее желаніе, и кто исполнитъ его, тотъ, значитъ, любитъ меня, и не безчувственно его сердце, и еще есть частица истиннаго благородства въ его душѣ. Когда все у меня устроится, какъ слѣдуетъ, и я буду готовъ къ путешествію, увѣдомлю васъ о томъ письмомъ изъ Неаполя. До того же времени, т. е. до половины января, адресуйте всѣ ваши письма въ Неаполь, poste restante. Теперь, покуда, вы можете посѣтить всѣ монастыри, прося молитвъ обо мнѣ, и бы-

вать вездѣ по дѣламъ вашимъ. Но съ половины января я попрошу васъ помолиться обо мнѣ уже въ самой Васильевкѣ. Прощайте до слѣдующаго письма...

Къ ней же.

Неаполь. Ноября 19, 1846.

Наконецъ въ Неаполѣ нашелъ я письмо отъ васъ [отъ октября 4], писанное вами по возвращеніи изъ Кіева. Оно меня очень утѣшило, такъ же какъ и письма всѣхъ троихъ сестеръ. Велика милость Божья, внушающая намъ благія помышленія: такъ и ваша поѣздка въ Кіевъ, она была внушена вамъ Богомъ, а потому и плоды ея благодатны. Благодарю васъ всѣхъ за ваши письма. Одного только мнѣ хотѣлось во время чтенія ихъ — чтобы они были подлиннѣе. Всякое слово мнѣ было пріятно и всякая строчка приносила мнѣ душевное удовольствіе. Нѣтъ, мои добрыя сестры, пишите мнѣ все, совершенно все; вы теперь не можете написать пустяковъ. Благодареніе вѣчное Богу: вы теперь на прекрасной дорогѣ. Всякое малѣйшее происшествіе, малѣйшій, ничтожный случившійся съ вами анекдотъ теперь будетъ неничтоженъ, потому что онъ выразитъ или чувство, въ то время васъ наполнявшее, или состояніе душевное ваше, или что-нибудь такое, что покажетъ мнѣ ближе и лучше васъ, и поможетъ мнѣ лучше понять васъ и ваше назначеніе, и братски помочь вамъ въ стремленьи къ тому совершенству, къ которому мы всѣ должны стремиться. Не скрывайте отъ меня никакихъ недостатковъ своихъ, пишите все и не стыдитесь передо мною. Теперь не упрекну я васъ ни въ чемъ, да и мнѣ ли, обремененному своими собственными несовершенствами, негодовать на васъ? Нѣтъ, мы посовѣтуемся обоюдно о томъ, какъ быть намъ лучшими и какъ исполнить на землѣ то, для чего мы призваны на землю. А потому постарайтесь такъ, чтобы письма ваши походили какъ-бы на журналъ всѣхъ дѣйствій вашихъ и всѣхъ даже помышленій и чувствъ вашихъ. Нужно, чтобы каждая изъ васъ писала ко мнѣ такъ, какъ-бы къ наилучшему другу своему, не только брату по земному родству здѣшнему, но брату по небесному, высшему родству...

Я еще не скоро отправлюсь въ Палестину. Есть еще много дѣлъ, которыя мнѣ нужно кончить, безъ чего будетъ неспокойна моя совѣсть и мнѣ будетъ невозможно поклониться Гробу Господню такъ, какъ бы я хотѣлъ. Итакъ да будетъ во всемъ Божья воля! Молитесь о томъ, чтобы далъ мнѣ силы Всевышній Промыслитель нашъ исполнить тотъ трудъ, который долженъ я совершить прежде отправленія моего, чтобы свѣжесть и здоровье не оставляли меня на все то время, какое нужно для написанія его. Вы уже, вѣроятно, имѣете въ рукахъ своихъ книгу, содержащую въ себѣ исповѣдь нѣкоторыхъ дѣлъ моихъ. Скажите мнѣ о ней все, что ни почувствуютъ сердца и души ваши, равно какъ и все, что ни услышите о ней отъ другихъ людей, всѣ отзывы, какіе ни услышите даже и отъ такихъ людей, которые почти неграмотны и почти вовсе ничего до того не читали. Особенно передавайте тѣ, которые не въ похвалу моей книги: такіе именно мнѣ нужны.

Не оставляйте увѣдомлять меня о хозяйствѣ по-прежнему. Расходы и приходы, записанные Лизою, получены мною въ исправности. Я бы желалъ, однакожъ, чтобы въ приходѣ было прибавляемо, кому именно продана всякая вещь и на какое употребленіе. Въ двухъ мѣстахъ сказано *съ проѣзжающихъ* и не сказано за что. Если это за проѣздъ черезъ греблю, или мосты, то этотъ сборъ нужно прекратить, онъ же и невеликъ; или пожалуй можно сбирать, но въ пользу бѣдныхъ и неимущихъ. А потому и мужикъ, приставленный при такомъ сборѣ, долженъ объ этомъ говорить всякой разъ тѣмъ, съ которыхъ беретъ деньги, и попросить ихъ сказать свое имя, чтобы знали бѣдные, о комъ слѣдуетъ имъ помолиться и за кого просить Бога. Прочее все хорошо и, вѣрно, будетъ еще лучше, когда станете перечитывать почаще расходы и взвѣшивать сравнительно всякую вещь одну съ другою, чтобы видѣть, которая изъ нихъ необходимѣй другой и безъ которой можно обойтись.

За тѣмъ обнимаю васъ всѣхъ. Отвѣтъ на это письмо дайте мнѣ немедленно. Да и вообще будетъ лучше, если заведете такъ, чтобы не откладывать отвѣтами на мои письма. Не можете отвѣчать на все, отвѣчайте на нѣкоторое; всё будетъ лучше, нежели совсѣмъ не отвѣчать. Итакъ до слѣдующей почты...

Изъ Петербурга вы получите еще четыре экземпляра, чтобы

такимъ образомъ всякой сестрѣ досталось по экземпляру: ибо теперь я вижу, что книга моя будетъ вамъ доступна и понятна, и вы сдѣлаете изъ нея прекрасное употребленіе, если будете почаще перечитывать ее. Объ этомъ я молюсь Богу и твердо увѣренъ, что будетъ такъ.

Къ В. А. Жуковскому.

Неаполь. Ноября 24 (1846).

Спѣшу увѣдомить, другъ мой безцѣнный, нѣсколькими строчками о себѣ. Я прибылъ благополучно въ Неаполь, который во всю дорогу былъ у меня въ предметѣ, какъ прекрасное перепутье. На душѣ у меня такъ тихо и свѣтло, что я не знаю, кого благодарить за это, кто вымолилъ своими чистыми молитвами мнѣ это состоянье у Бога! О, да будетъ за то вся жизнь его такъ же свѣтла, какъ свѣтлы мнѣ эти минуты!

Неаполь прекрасенъ, но чувствую, что онъ никогда не показался бы мнѣ такъ прекрасенъ, если бы не приготовилъ Богъ душу мою къ принятью впечатлѣній красоты его. Я былъ назадъ тому десять лѣтъ въ немъ и любовался имъ холодно. Во все время прежняго пребыванья моего въ Римѣ никогда не тянуло меня въ Неаполь; въ Римъ же я пріѣзжалъ всякой разъ какъ-бы на родину свою. Но теперь, во время проѣзда моего черезъ Римъ, уже ничто въ немъ меня не заняло, ни даже замѣчательное явленіе всеобщаго народнаго восторга отъ нынѣшняго истинно достойнаго папы. Я проѣхалъ его такъ, какъ проѣзжалъ дорожнюю станцію; обонянье мое не почувствовало даже того сладкаго воздуха, которымъ я такъ пріятно былъ встрѣчаемъ всякой разъ по моемъ въѣздѣ въ него; напротивъ, нервы мои услышали прикосновенье холода и сырости. Но какъ только пріѣхалъ въ Неаполь, все тѣло мое почувствовало желанную теплоту, утихнули нервы, которые, какъ извѣстно, у другихъ еще раздражаются отъ Неаполя. Я пріютился у Софьи Петровны А***, которой тоже, можетъ быть, внушилъ Богъ звать меня въ Неаполь и приготовить у себя квартиру. Безъ того, зная, что мнѣ придется жить въ трактирѣ и не имѣть слишкомъ близко подлѣ

себя желанныхъ душѣ моей людей, я бы, можетъ быть, не пріѣхалъ. Душѣ моей, еще немощной, еще не такъ какъ слѣдуетъ укрѣпившейся для жизненнаго дѣла, нужна близость прекрасныхъ людей, затѣмъ чтобы самой отъ нихъ похорошѣть.

Въ Римѣ встрѣтилъ я въ нашей церкви у обѣдни Б***, къ которому, разумѣется, я тотъ же часъ подошелъ. Онъ немного постарѣлъ, но нынѣшнее выраженье лица его мнѣ очень понравилось: въ немъ что-то пріятное и благосклонное. Онъ меня принялъ очень привѣтливо. Къ сожалѣнью, я не засталъ его дома, бывши на другой день у него, и не могу больше разсказать о немъ ничего. Покамѣстъ, какъ мнѣ показалось, онъ доволенъ своими дѣлами и папой, о которомъ отзывается съ большимъ уваженьемъ.

На почтѣ нашелъ я здѣсь себѣ письмо, пересланное мнѣ изъ Франкфурта, на конвертѣ котораго знакомая мнѣ рука, вычеркнувши всѣ прежнія строки, начертала весьма четко мое имя, вмѣстѣ съ словами poste restante, такъ что въ мысляхъ моихъ вдругъ предсталъ и самъ прекрасный хозяинъ ея.

Изъ Петербурга я не получилъ еще ни одного письма и не имѣю никакихъ извѣстій. Но это меня не безпокоитъ. Душа моя глядитъ свѣтло впередъ. Все будетъ такъ, какъ Богу угодно; стало быть, все будетъ прекрасно. Одно можетъ случиться, по-видимому, поперечное моимъ дѣламъ: то есть, что это замедленное появленіе моей книги можетъ на нѣсколько далѣе отодвинуть отъѣздъ мой къ Святымъ Мѣстамъ. Но если такъ дѣйствительно случится, то значитъ, что въ этомъ воля Божья и что такъ дѣйствительно долженствуетъ быть. Я и прежде никакъ не думалъ упрямо и по своей собственной волѣ предпринимать это путешествіе, но ожидалъ указаній Божьихъ, которые признаю въ попутномъ ходѣ всѣхъ къ тому способствующихъ обстоятельствъ и въ отстраненіи всѣхъ препятствій. Я и прежде думалъ не иначе отправляться въ такую дорогу, какъ въ сообществѣ хотя нѣсколькихъ близкихъ сердцу моему людей,—не потому, чтобы я боялся какихъ-либо опасностей въ незнакомыхъ земляхъ, но потому, что еще немощенъ духомъ, еще не могу обходиться безъ помощи людей, еще не имѣю силъ одинъ самъ собой возноситься къ Богу и жить, по примѣру праведниковъ, въ непосредственной бесѣдѣ съ Нимъ.

Наконецъ указаньемъ Божьимъ считаю я и возрастанье самого желанья ѣхать. Вѣрю, что когда приспѣетъ законное время и часъ садиться на корабль, желанье это возростетъ въ такой силѣ, что я не буду чувствовать самъ, какъ взойду на палубу, не почувствую самъ, какъ понесусь, подобно неодушевленному кораблю, послушному попутному вѣянью одушевленнаго небеснаго дыханья. А покамѣстъ, я долженъ сидѣть у моря и ждать погоды терпѣливо, приглядываясь и прислушиваясь ко всему, что ни дѣлается, и вопрошая ежеминутно, какъ собственной свой разумъ, такъ и всѣ силы и способности, данныя мнѣ Богомъ.

Но... братъ мой прекрасный, до слѣдующаго письма...

Къ С. П. Шевыреву.

Неаполь. Декабря 1. (1846).

Сейчасъ взялъ на почтѣ твое письмо отъ $\frac{\text{20 Октября}}{\text{1 Ноября}}$. Оно шло нѣсколько долго. Благодарю тебя за всѣ труды и старанія. Жду извѣстія по дѣлу »Ревизора«, равно какъ и мнѣнія твоего о посланной тебѣ развязкѣ его, въ письмѣ къ Щепкину. Теперь же прошу тебя еще вотъ о чемъ: устрой, чтобы въ »Московскихъ Вѣдомостяхъ« было напечатано объявленіе о второмъ изданіи »М. Д.« и выписано цѣликомъ предисловіе. Я опасаюсь, что тѣ, которые имѣютъ уже первое изданіе и, стало быть, не имѣютъ надобности во второмъ, не будутъ имѣть случая прочесть предисловія, а мнѣ слишкомъ важны всѣ замѣчанія. Всѣ же тѣ замѣчанія, которыя будутъ присланы къ тебѣ, не замедли никакъ доставлять мнѣ. Я надѣюсь, что ты будешь имѣть деньги на всѣ эти издержки отъ распродажи »М. Д.«, которыя, въ слѣдствіе книги: »Выбранныя Мѣста«, должны разойтись скоро.

Жду съ нетерпѣніемъ полученія второго выпуска твоихъ лекцій. Ты поступилъ умно и не безъ высшаго вразумленія, пріостановивъ ихъ печатанье. Черезъ годъ, или полгода времени, онѣ будутъ встрѣчены съ большей жаждой, чѣмъ теперь. Самое предуготовительное чтеніе исторіи всеобщей, по мо-

ему мнѣнію, рѣшительно необходимое теперь, и даже болѣе необходимое, чѣмъ когда-либо прежде, пріуготовитъ и введетъ читателей и слушателей въ существо твоего Русскаго курса, которое для многихъ иначе даже и не можетъ сдѣлаться доступнымъ. Богъ да сопутствуетъ тебѣ во всемъ! Дай мнѣ сей же часъ твое искреннее и чистосердечное мнѣніе о книгѣ моей, не скрывая ничего. Изъ нея ты болѣе почувствуешь, что мнѣ слѣдуетъ все говорить, что ни есть на душѣ: все, съ помощію Бога, обратится въ добро моей душѣ. Передай мнѣ также замѣчанія и другихъ, отъ кого ихъ ни услышишь, не выключая даже простыхъ и крѣпостныхъ людей и не скрывая именъ ихъ...

Къ П. А. Плетневу.

Неаполь. Декабря 4. (1846).

Долго, долго нѣтъ отъ тебя отвѣта. Дѣло, какъ видно, затянулось. Всё бы, однакоже, тебѣ слѣдовало меня увѣдомить хотя двумя строчками объ исправномъ полученіи моихъ писемъ, съ приложеніями, какъ пятой тетради, такъ и поправокъ, посланныхъ вслѣдъ за нею, писемъ къ Щепкину, В**** и пр. Но не смѣю, впрочемъ, винить тебя, зная, какъ много зависитъ не отъ насъ. Даже не смущаюсь и не безпокоюсь долгимъ молчаніемъ твоимъ. Сердце мое вѣритъ, что все будетъ хорошо и будетъ такъ, какъ быть должно; стало быть, еще лучше, чѣмъ намъ хочется.

Посылаю тебѣ при семъ прилагаемую статью, которую ты прочти внимательно и дай на нее чистосердечный и немедленный отвѣтъ. Я буду безпокоиться, если не получу его. Сверхъ означеннаго мною числа экземпляровъ книги для посылокъ кому слѣдуети, пришли мнѣ еще три, или четыре экземпляра. Къ тебѣ явится Л*** за ними. Ему можешь также поручить и другія присылки ко мнѣ посредствомъ курьеровъ, если тебѣ будетъ хлопотливо и скучно трактовать объ этомъ съ графиней Н***. Впрочемъ она добрая женщина, и я увѣренъ, что она постарается о томъ, чтобы все дошло поскорѣе въ мои руки. Не поскучай также немедленной отправкой ко мнѣ [также посредствомъ курьера] всѣхъ тѣхъ писемъ, которыя получились отъ разныхъ лицъ съ

замѣчаніями на »М. Д.« Эти письма мнѣ очень, очень нужны, однимъ словомъ—такъ нужны, какъ никто не можетъ знать, кромѣ развѣ одного меня.

Къ нему же.

Неаполь. Декабря 8 (1846).

»Ревизора« надобно пріостановить, какъ печатанье, такъ и представленье. Судя по тѣмъ вѣстямъ, которыя имѣю и по нѣкоторымъ препятствіямъ и наконецъ принимая къ свѣдѣнію нѣкоторыя замѣчанія Шевырева, изложенныя имъ въ письмѣ, которое я сейчасъ получилъ, я вижу, что »Ревизоръ съ Развязкой« будетъ имѣть гораздо больше успѣха, если будетъ данъ чрезъ годъ отъ нынѣшняго времени. Къ тому времени я и самъ буду имѣть время получше оглянуть это дѣло, выправить піесу и приспособить болѣе къ понятіямъ зрителей. Теперь же »Развязка Ревизора«, въ такомъ видѣ, какъ есть, можетъ произвести дѣйствіе противоположное и, при плохой игрѣ нашихъ актеровъ, можетъ выйти, просто, смѣшной сценой. А потому, если, къ счастью, еще не отдана въ цензуру рукопись, то удержи ее подъ спудомъ у себя. Если же отдана, то, взявши ее немедленно какъ-бы для нѣкоторой поспѣшной перемѣны, положи подъ спудъ, употребивъ елико возможныя мѣры къ тому, чтобы она не пошла во всеобщую огласку.

Отъ Шевырева я, между прочимъ, узналъ новость, о которой ты меня совсѣмъ не извѣстилъ, а именно: что »Современникъ« уже не въ твоихъ рукахъ —— А я послалъ [ничего объ этомъ не вѣдая], на прошлой недѣлѣ, тебѣ статью о »Современникѣ«, которую ты, вѣроятно, имѣешь уже въ рукахъ и прочелъ. Не смѣю теперь никакихъ дѣлать тебѣ замѣчаній. Онѣ могутъ быть и ошибочны, и не кстати; скажу тебѣ только то, что мнѣ кажется, что теперь именно въ нынѣшнее время, именно съ наступающаго 1847 года, твое участіе въ литературѣ гораздо нужнѣе, чѣмъ до этого времени; во все же минувшее время оно мнѣ казалось совершенно безплоднымъ; такъ что мнѣ кажется, если бы ты даже вмѣсто »Современника« сталъ издавать »Сѣверные Цвѣты«, то и это было бы полезно. А впрочемъ да вразумитъ тебя во всемъ

Богъ и наведетъ сдѣлать то, что тебѣ слѣдуетъ, что, вѣроятно, тебѣ извѣстно лучше, чѣмъ кому дрогому, а въ томъ числѣ и мнѣ. Что же касается до статьи моей, то поступи съ ней, какъ найдешь приличнѣй...

Къ П. А, Плетневу. ([1])

Наконецъ поговорю съ тобой о »Современникѣ«. »Современникъ« вышелъ плохимъ журналомъ, не смотря на прекрасную цѣль, которую ты имѣлъ въ виду. — — —

»Современикъ« даже и при Пушкинѣ не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть журналъ, не смотря на то, что Пушкинъ задалъ себѣ цѣль, болѣе положительную и близкую къ исполненію. Онъ хотѣлъ сдѣлать четвертное обозрѣніе въ родѣ Англійскихъ, въ которомъ могли бы помѣщаться статьи болѣе обдуманныя и полныя, чѣмъ какія могутъ быть въ еженедѣльникахъ и ежемѣсячникахъ, гдѣ сотрудники, обязанные торопиться, не имѣютъ даже времени пересмотрѣть то, что написали сами. Впрочемъ сильнаго желанія издавать этотъ журналъ въ немъ не было, и онъ самъ не ожидалъ отъ него большой пользы. Получивши разрѣшеніе на изданіе его, онъ уже хотѣлъ-было отказаться. Грѣхъ лежитъ на моей душѣ· я умолилъ его. Я обѣщался быть вѣрнымъ сотрудникомъ. Въ статьяхъ моихъ онъ находилъ много того, что можетъ сообщить журнальную живость изданію, какой онъ въ себѣ не признавалъ. Онъ дѣйствительно въ то время слишкомъ высоко созрѣлъ, для того чтобы заключить въ себѣ это юношеское чувство; моя же душа была тогда еще молода, я могъ принимать живѣй къ сердцу то, для чего онъ ужъ простылъ. Моя настойчивая рѣчь и обѣщаніе дѣйствовать его убѣдили. Но слова моего я бы не могъ исполнить даже и тогда, еслибъ онъ былъ живъ. Не зналъ я, какими путями поведетъ меня Провидѣніе, какъ отнимутся у меня силы ко всякой живой производительности литературной и какъ умру я надолго для всего того, что шевелитъ современнаго человѣка.

([1]) Письмо это составляетъ статью, о которой упомянуто въ предыдущемъ письмѣ. Мѣсяца и числа на немъ не означено, и потому помѣщаю его здѣсь, ради его связи съ предыдущимъ. *П. К.*

По смерти Пушкина, пораженный этой скорбной для всѣхъ утратой, а для тебя еще скорбнѣйшей, чѣмъ для всѣхъ, пораженный сиротствомъ современнаго общества, очутившагося безъ поэзіи, какъ безъ свѣта, осужденнаго выслушивать пустыя и черствыя пренія и споры объ искусствѣ, намѣсто дѣлъ самого искусства, пораженный этимъ сиротствомъ, которое, впрочемъ, началось уже и при Пушкинѣ, ты взялся горячо за изданіе журнала, стремясь насильно создать ту поэтическую Элладу, которая образовалась сама собою въ началѣ поприща Пушкина. Въ пылу великодушнаго увлеченія своего, ты даже позабылъ то, что не мы управляемъ дѣлами и событіями, но чертится свыше всему чередъ свой. Ты даже не примѣтилъ того, что имѣлъ такую цѣль, которой ни въ какомъ случаѣ нельзя было достигнуть листками періодическаго ежемѣсячнаго изданія.

»Современникъ«, какъ журналъ, не удался бы даже и тогда, если бы ты заключалъ въ себѣ всѣ качества журналиста. Признаюсь, я даже не могу и представить себѣ, чѣмъ можетъ быть нужно нынѣшнему времени появленіе новаго журнала. Это энциклопедическое образованіе публики посредствомъ журналовъ уже не такъ теперь потребно, какъ было прежде. Публика уже болѣе приготовлена. Уже все зоветъ нынѣ человѣка къ занятіямъ, болѣе сосредоточеннымъ. Не только значительность современныхъ вопросовъ, но даже самая пустота современнаго общества и легковѣсная вѣтренность дѣлъ его приглашаютъ нынѣ человѣка взглянуть строго на самого себя, вопросить съ большею отчетливостью свои силы и опредѣлить себѣ трудъ не временный, минутный, но тотъ живительный и полный, который отвѣтствуетъ однимъ тѣмъ способностямъ, которыми своеобразно надѣленъ изъ насъ каждый уже отъ самого рожденія своего. Никакой новой журналъ не можетъ дать теперь обществу пищи питательной и существенной.

»Современникъ« долженъ отбросить отъ себя названіе журнала; онъ долженъ сжаться по-прежнему въ книги, намѣсто листовъ, и болѣе еще, чѣмъ при Пушкинѣ, походить на альманахъ; онъ долженъ скорѣй напомнить собой »Сѣверные Цвѣты«, барона Дельвига, съ которымъ было у тебя такъ много сходства въ умѣніи наслаж-

даться и нѣжиться благоуханными звуками поэзіи. Пусть лучше будетъ выходить онъ три раза всякій годъ въ урочныя времена: первый разъ ко дню Свѣтлаго Воскресенія, какъ свѣтлый подарокъ на праздникъ, во второй разъ къ 1-му октябрю, то есть, ко времени, когда всѣ съѣзжаются у насъ изъ дачъ и деревень въ города, въ третій разъ къ новому году. Словомъ, пусть онъ будетъ современемъ тѣмъ эпохамъ, когда съ большею жадностью встрѣчается новая книга. Все собственно журнальное въ немъ не должно имѣть мѣста: ни возвѣщенья о новостяхъ ежедневныхъ, ни политическія извѣстія, ни поименованія всѣхъ выходящихъ книгъ, — развѣ только одинъ строгій отчетъ о замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ за всю треть, въ такомъ видѣ, чтобъ онъ самъ собой могъ уже составить замѣчательную литературную статью. Нужно, чтобы здѣсь ничего не напоминало читателю о томъ, что есть какія-нибудь распри въ литературѣ и существуетъ журнальная полемика. Самыя статьи должны быть допущены сосредоточенныя, полныя, которыя ничѣмъ не походили бы на торопливыя, отрывочныя статьи журналовъ. Нужно, чтобы здѣсь были одни лучшіе цвѣты современной нашей литературы. Этого можно достигнуть только такимъ изданіемъ, которое будетъ выходить не болѣе трехъ разъ въ годъ. Въ три мѣсяца можно набрать книжку. Современное намъ время, слава Богу, не безъ талантовъ. Часть прозаическая альманаха можетъ быть теперь гораздо значительнѣй и богаче, чѣмъ когда-либо прежде.

Поименуемъ нарочно тѣхъ современныхъ писателей, статьями которыхъ можетъ украситься »Современникъ«.

Прежде всего слѣдуетъ назвать графа Соллогуба, который безспорно есть нынѣшній нашъ лучшій повѣствователь. Никто не щеголяетъ такимъ правильнымъ, ловкимъ и свѣтскимъ языкомъ; слогъ его точенъ и приличенъ во всѣхъ выраженіяхъ и оборотахъ. Остроты, наблюдательности, познаній всего того, чѣмъ занято наше высшее модное общество, у него много. Одинъ только недостатокъ: не набралась еще собственная душа автора содержанія болѣе строгаго и не доведенъ еще онъ своими внутренними событіями къ тому, чтобы строже и отчетливѣе взглянуть вообще на жизнь. Но если и это въ немъ совершится, онъ будетъ вполнѣ вѣрный

живописецъ лучшаго общества; значительность творенiй его выиграетъ больше, чѣмъ сто на сто.

Непосредственно за нимъ слѣдуетъ назвать другого писателя, который скрылъ свое имя подъ выдуманнымъ: Казакъ Луганскiй. Онъ не поэтъ, не владѣетъ искусствомъ вымысла, не имѣетъ стремленiя производить творческiя созданiя; онъ видитъ всюду дѣло и глядитъ на всякую вещь съ ея дѣльной стороны. Умъ твердый и дѣльный виденъ во всякомъ его словѣ, и наблюдательность, и природная острота вооружаютъ живостью его слово. Все у него правда и взято такъ, какъ есть въ природѣ. Ему стоитъ, не прибѣгая ни къ завязкѣ, ни къ развязкѣ, надъ которыми такъ ломаетъ голову романистъ, взять любой случай, случившiйся въ Русской землѣ, первое дѣло, котораго производству онъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ, чтобы вышла сама собой наизанимательнѣйшая повѣсть. По мнѣ, онъ значительнѣй всѣхъ повѣствователей-изобрѣтателей. Можетъ быть, я сужу здѣсь пристрастно, потому что писатель этотъ болѣе другихъ угодилъ личности моего собственнаго вкуса и своеобразiю моихъ собственныхъ требованiй: каждая его строчка меня учитъ и вразумляетъ, придвигая ближе къ познанiю Русскаго быта и нашей народной жизни: но зато всякъ согласится со мной, что этотъ писатель полезенъ и нуженъ всѣмъ намъ въ нынѣшнее время. Его сочиненiя — живая и вѣрная статистика Россiи. Все, что̀ ни достанетъ онъ изъ своей многовмѣщающей памяти и что̀ ни разскажетъ достовѣрнымъ языкомъ своимъ, будетъ драгоцѣннымъ подаркомъ для твоего альманаха.

Я не знаю, почему замолчалъ Н. Павловъ, писатель, который первыми тремя повѣстями своими получилъ съ перваго раза право на почетное мѣсто между нашими прозаическими писателями и который повредилъ себѣ только тѣмъ, что, не захотѣвши быть самимъ собою, вздумалъ копировать (въ трехъ новыхъ повѣстяхъ своихъ) тѣхъ модныхъ нувелистовъ, которые гораздо его ниже. Онъ могъ бы всегда, не прибѣгая ни къ напряженнымъ вымысламъ поэтическимъ, ни къ мозаичнымъ украшенiямъ рѣчи, такъ изуродовавшимъ благородный и ясный слогъ его, взять на выдержку первое психологическое явленiе нашего общества и разсказать его такъ отчетливо и умно, что повѣсть его имѣла бы всѣ принадлеж-

ности тѣхъ строгихъ классическихъ произведеній, которыя остаются навсегда образцами въ литературѣ.

Я вижу тоже много достоинствъ въ писателѣ, который подписываетъ подъ своими сочиненіями имя Кулѣшъ. Цвѣтистый слогъ и большое познаніе нравовъ и обычаевъ Малой Россіи говорятъ о томъ, что онъ могъ бы прекрасно написать исторію этой земли. Онъ могъ бы еще съ большимъ успѣхомъ составить живыя статьи для альманаха и въ нихъ разсказать просто о нравахъ и обычаяхъ прежнихъ временъ, не вставляя этого въ повѣсть, или драматическій разсказъ, — подобно тому, какъ нѣкогда разсказывалъ Корниловичъ о временахъ до Петра и при Петрѣ. Романъ же его, довольно любопытный по частямъ, вялъ и скученъ въ цѣломъ. Эти драгоцѣнные перлы свѣдѣній историческихъ, которые разсыпаны на страницахъ его, погибаютъ тамъ совершенно безплодно. (1)

Мнѣ сказывали, что вообще въ послѣднее время *повѣсть* сдѣлала у насъ успѣхъ, и нѣсколько молодыхъ писателей показали особенное стремленіе къ наблюденію жизни дѣйствительной. Изъ того, что̀ удалось прочесть мнѣ самому, я замѣтилъ также тому признаки, хотя постройка самихъ повѣстей мнѣ показалась особенно неискусна и неловка; въ разсказѣ замѣтилъ я излишество и многословіе, а въ слогѣ отсутствіе простоты. Но я увѣренъ, что если въ каждомъ изъ этихъ писателей прежде сформируется человѣкъ, чѣмъ писатель, все прочее придетъ само собою, и каждый изъ нихъ, обнаружа еще сильнѣй особенности пера своего, не покажетъ ни одного изъ этихъ недостатковъ.

Не могу не упомянуть о писателѣ, выступившемъ на литературное поприще драмою »Смерть Ляпунова«. Не имѣя въ себѣ полной зрѣлости строенія драматическаго, которое доступно однимъ только опытнымъ драматургамъ, драма эта имѣетъ въ себѣ много тѣхъ достоинствъ, которыя пророчатъ въ творцѣ ея писателя замѣчательнаго. Слышать живость минувшаго и умѣть заговорить о немъ такимъ живымъ языкомъ — это свойство великое. Я бы на его мѣстѣ такъ и впился въ Русскія лѣтописи и ни на мигъ не оторвался бы отъ этого чтенія. Онъ можетъ много извлечь оттуда прекрасныхъ предметовъ. Почему знать? можетъ быть, отъ

(1) Говорится о »Михайлѣ Чарнышенкѣ«, изд. въ 1843 г. *П. К.*

такого чтенія родилась бы въ немъ благословенная мысль написать правдивую исторію времени, его преимущественно поразившаго. Вполнѣ историческое произведеніе, исполненное писателямъ умѣющимъ такъ живо чувствовать историческіе характеры и написанное такимъ живымъ перомъ, будетъ въ нѣсколько разъ значительнѣй историческихъ драмъ.

Кстати о молодыхъ и начинающихъ писателяхъ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ты отыскалъ Прокоповича и умѣлъ склонить его взяться за перо повѣствователя. Изъ всѣхъ тѣхъ, которые воспитывались со мною вмѣстѣ въ школѣ и начали писать въ одно время со мною, у него раньше, чѣмъ у всѣхъ другихъ, показалась наглядность, наблюдательность и живопись жизни. Его проза была свободна, говорлива, все изливалось у него непринужденно-обильно, все доставалось ему легко и пророчило въ немъ плодовитѣйшаго романиста. Онъ задремалъ теперь, я это знаю; онъ далъ заснуть въ себѣ желанію дѣйствовать на поприщѣ просторномъ; самый кругъ его сталъ тѣсенъ, и передъ нимъ мало жизненнаго поля для наблюденій. Но жизнь — вездѣ жизнь, и чѣмъ меньше ея просторъ и тѣснѣе ея кругъ, тѣмъ основательнѣй и глубже онъ можетъ быть нами изслѣдуемъ и проникнутъ. Уже самая своя собственная, душевная повѣсть, предметомъ которой будетъ взято собственное пробужденіе отъ мертвеннаго застоя, заставляющее съ ужасомъ взглянуть человѣка на животно-истраченную жизнь свою, можетъ быть высокимъ предметомъ для романа! Какой бы праздникъ былъ душѣ моей, если бы я встрѣтилъ въ »Современникѣ« повѣсть, подъ которою было бы подписано его имя!

Что̀ же касается до меня самого, то я по-прежнему не могу быть работящимъ и ревностнымъ вкладчикомъ въ твой »Современникъ«. Ты уже самъ почувствовалъ, что меня нельзя назвать писателемъ, въ строгомъ, классическомъ смыслѣ. Изъ всѣхъ тѣхъ, которые начали писать со мною вмѣстѣ еще въ лѣта моего школьнаго юношества, у меня менѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ, замѣчались тѣ свойства, которыя составляютъ необходимыя условія писателя. Скажу тебѣ, что даже въ самыхъ раннихъ помышленіяхъ моихъ о будущемъ поприщѣ моемъ никогда не представлялось мнѣ поприще писателя. Столкнулся я съ нимъ почти нечаянно. Нѣкоторыя мои

наблюденія надъ нѣкоторыми сторонами жизни, мнѣ нужными для дѣла душевнаго, издавна меня занимавшаго, были виной того, что я взялся за перо и вздумалъ преждевременно подѣлиться съ читателемъ тѣмъ, чѣмъ мнѣ слѣдовало подѣлиться уже потомъ, по совершеніи моего собственнаго воспитанія. Мнѣ доставалось трудно все то, что̀ достается легко природному писателю. Я до сихъ поръ, какъ ни бьюсь, не могу обработать слогъ и языкъ свой — первыя, необходимыя орудія всякаго писателя. Они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого даже изъ дурныхъ писателей, такъ что надо мною имѣетъ право посмѣяться едва начинающій школьникъ. Все мною написанное замѣчательно только въ психологическомъ значеніи, но оно ни какъ не можетъ быть образцомъ словесности, и тотъ наставникъ поступитъ неосторожно, кто посовѣтуетъ своимъ ученикамъ учиться у меня искусству писать, или, подобно мнѣ, живописать природу: онъ заставитъ ихъ производить каррикатуры. Доказательство этому можешь видѣть на нѣкоторыхъ молодыхъ и неопытныхъ подражателяхъ моихъ, которые именно черезъ это самое подражаніе стали несравненно ниже самихъ себя, лишивъ себя своей собственной самостоятельности. У меня никогда не было стремленія быть отголоскомъ всего и отражать въ себѣ дѣйствительность, какъ она есть вокругъ насъ, — стремленія, которое тревожитъ поэта во все продолженіе его жизни и умираетъ въ немъ только съ его собственною смертью. Я даже не могу заговорить теперь ни о чемъ, кромѣ того, что близко моей собственной душѣ. Итакъ, если я почувствую, что чистосердечный голосъ мой будетъ истинно нуженъ кому-нибудь и слово мое можетъ принести какое-нибудь внутреннее примиреніе человѣку, тогда у тебя въ »Современникѣ« будетъ моя статья; если же нѣтъ — ея не будетъ; и ты на меня за это ни какъ не гнѣвайся.

Я здѣсь не упомянулъ также ни объ одномъ изъ тѣхъ современныхъ прозаическихъ писателей нашихъ, которые, будучи заняты собственными изданіями, или же сидя надъ трудами болѣе отвлеченными, требующими полнаго вниманія, не имѣютъ ни возможности, ни досуга поработать для твоего »Современника.« Ихъ не слѣдуетъ и безпокоить.

—— У всякаго есть свое внутреннее дѣло, у всякаго совер-

шается въ душѣ свое собственное событіе, на время его отвлекающее отъ участія въ дѣлѣ общемъ; и никакъ нельзя требовать, чтобы другой жертвовалъ собою и своею собственною цѣлію для какой-нибудь нами любимоіі мысли, или нашей цѣли, къ которой мы предположили себѣ стремиться. Каждому опредѣляетъ Богъ дорогу, непохожую на ту, которую назначено проходить другому, и нельзя мѣрить всѣхъ однимъ и тѣмъ же аршиномъ. А потому уважай и самый отказъ другого, даже и тогда, если бы онъ не захотѣлъ объявить причины, почему не можетъ дать статьи въ »Современникъ«. Довольствуйся тѣмъ, что̀ дадутъ. Если только одни поименованные мною писатели датутъ статьи свои, то и этого уже будетъ достаточно. Но я знаю, что дадутъ еще и другіе, которыхъ я не назвалъ. Вопреки людямъ, жалующимся на недостатокъ талантовъ въ нынѣшнее время, я вижу ихъ теперь гораздо больше, чѣмъ когда-либо прежде. Они не попали на свою дорогу, еще никто изъ нихъ не умѣлъ стать самимъ собой, и это причина ихъ непримѣтности. Но многіе изъ нихъ уже болѣютъ этимъ желаніемъ, хотя и не знаютъ, какъ удовлетворить ему. Стремленіе узнать назначенье свое есть теперь страданье многихъ людей, одаренныхъ способностями. Оно-то есть настоящая, истинная причина дремоты и бездѣйственности на поприщѣ литературномъ.

Стихотворная часть »Современника« можетъ быть также весьма богата, не взирая на то, что, по-видимому, въ современномъ обществѣ угаснуло расположеніе къ поэзіи. Слава Богу, еще здравствуетъ самъ патріархъ нашей поэзіи: еще Небо хранитъ намъ Жуковскаго. Въ награду за безукоризненную, чистую жизнь, ему одному изъ всѣхъ насъ дано почувствовать свѣжесть молодости въ старческія лѣта и силу юноши для дѣла поэтическаго. Его нынѣшніе труды далеко полновѣснѣй и значительнѣй прежнихъ. Не нужно судить о немъ по тѣмъ стихотворнымъ сказкамъ и повѣстямъ, которыя были помѣщены въ послѣднее время въ »Современникѣ«: онѣ не могли и не должны были произвесть никакого впечатлѣнія на общество, и нечего удивляться, что общество, оцѣнивая всякое новое произведеніе относительно своихъ собственныхъ потребностей душевныхъ, ища въ немъ отвѣта на тревожныя исканія свои, назвало эти стихотворенія *ребячествомъ*

Жуковскаго. Онѣ точно назначены для малолѣтнихъ дѣтей. Повѣсти и сказки эти должны были выйдти особой книжкой, подъ названіемъ: »Подарокъ Дѣтямъ отъ Жуковскаго«. Онъ сдѣлалъ ошибку, пославши ихъ журналъ. Я говорилъ это ему тогда же, совѣтуя или ничего не посылать, или послать то, что̀ пришлось бы по душѣ взрослому человѣку. Но теперь я знаю, что онъ пришлетъ тебѣ въ альманахъ который-нибудь изъ тѣхъ перловъ, которые выработались въ глубинѣ его собственной души, гдѣ въ послѣднее время такъ много произошло прекраснаго. Еще слава Богу, здравствуютъ два другіе первоклассные наши поэты, князь Вяземскій и Языковъ, и могутъ подарить »Современникъ« новыми, дотолѣ нераздававшимися отъ нихъ звуками, — звуками, исторгнутыми изъ выстрадавшагося сердца, пѣснями самой души, уже набравшейся строгаго содержанія высшей поэзіи.

Самые наши молодые, недавно показавшіеся поэты, которыхъ я здѣсь не называю по именамъ и которые показали, покуда, одно благозвучіе, легкость и щегольство стихосложенія, но еще не показали истинныхъ и вѣрныхъ ощущеній своихъ, могутъ заговорить струнами поэзіи, болѣе намъ близкой. Поэзія есть чистая исповѣдь души, а не порожденіе искусства, или хотѣнія человѣческаго; поэзія есть правда души, а потому и всѣмъ равно можетъ быть доступна. Способность вымысла и творчества есть слишкомъ высокая способность и дается однимъ только всемірнымъ геніямъ, которыхъ появленіе слишкомъ рѣдко на землѣ. Опасно и вступать на этотъ путь другому. Многіе даже изъ первокласснѣйшихъ талантовъ становились ниже себя, зашедши въ область вымысла; но высоко возвышались даже и небольшіе таланты, когда событіями собственной души своей были наведены на то, чтобы передавать одну чистую правду души. Приспѣваетъ время, когда жажда исповѣди душевной становится сильнѣе и сильнѣе. Много поэтическихъ звуковъ издадутъ даже и тѣ, которые не помышляли быть поэтами; много прекрасныхъ цвѣтковъ, много драгоцѣнныхъ вкладовъ понесутъ къ тебѣ со всѣхъ сторонъ въ твой »Современникъ«.

Ты самъ, хотя уже давно не пробовалъ звуковъ оставленной и позабытой тобою лиры, примешься за нее вновь. Ты, вѣрно, испыталъ въ это время тоже немало скорбныхъ минутъ и никѣмъ

неуслышаннаго горя; твоя душа, вѣрно, томилась также желаніемъ передать и объяснить себя, искала друга, которому могло бы быть доступно тяжкое состояніе ея, и, не найдя его нигдѣ, обратилась наконецъ къ Тому родному всѣмъ намъ Существу, Которое одно умѣетъ принимать любовно на грудь къ Себѣ тоскующаго и скорбящаго и къ Которому наконецъ все живущее обратится. Припомни же всѣ эти минуты, какъ минуты скорбеій, такъ и минуты высшихъ утѣшеній, тебѣ ниспосланныхъ, передай ихъ, изобрази въ той правдѣ, въ какой онѣ были. Тебѣ помогутъ слезы умиленія и растроганныя чувства признательной души твоей; онѣ помогутъ тебѣ передать съ такой силой, съ какой не съумѣетъ передать ихъ великій, владѣющій чародѣйствомъ вымысла, но еще невыстрадавшійся поэтъ.

»Современникъ« тогда оправдаетъ данное ему названіе, но оправдаетъ его въ другомъ, высшемъ смыслѣ: онъ будетъ *современенъ* всѣмъ высшимъ минутамъ Русскаго писателя и человѣка; онъ тогда ближе приблизится къ той цѣли, которая доселѣ такъ отдаленно и неясно представлялась въ твоихъ мысляхъ: онъ соединитъ эстетическимъ союзомъ прекраснаго братства всѣхъ пишущихъ. Одинъ только ты въ Россіи можешь предпринять и выполнить такое изданіе, потому что одинъ только ты питалъ о немъ постоянную мысль, одинъ только ты не имѣлъ въ виду денежныхъ интересовъ и вознагражденій за труды, одинъ ты безотчетно питалъ чистую младенческую любовь къ искусству, сдѣлавшую тебя другомъ лучшихъ поэтовъ нашихъ и превратившую для тебя самое искусство въ твое собственное, какъ-бы родное и семейственное дѣло. Стало быть, одному только тебѣ можетъ быть ввѣрено такое изданіе.

Оно должно быть роскошно; оно должно быть во всѣхъ отношеніяхъ драгоцѣннымъ подаркомъ, — печататься со всей всевозможной типографической роскошью, украситься лучшими гравюрами и виньетками, какія могутъ только быть произведены у насъ въ Россіи [граверовъ выбери Русскихъ; иностранцевъ сюда не вмѣшивай]. Мѣрку книгамъ дай небольшую, — немного чѣмъ побольше »Сѣверныхъ Цвѣтовъ«. Словомъ, чтобы и по достоинству, и по виду, изданіе походило на драгоцѣнность. Все это можешь

исполнить одинъ только ты, потому что, не имѣя въ виду пользоваться доходами съ него для своего собственнаго содержанія и прокормленія, ты можешь употребить ихъ на красоту самого изданія и такимъ образомъ доставить хлѣбъ бѣднымъ художникамъ нашимъ, которымъ приходится иногда претерпѣвать горькую чашу.

Итакъ, если все это, что я теперь сказалъ, пришлось тебѣ по сердцу, то благословясь приступай съ Богомъ къ составленію первой книжки »Современника« ко времени наступающаго праздника Свѣтлаго Воскресенія 1847 года, а письмо мое поставь первой статьей, въ видѣ програмы, или вступленія въ самую книгу. До того же времени дай его прочесть всѣмъ тѣмъ, отъ которыхъ ты пожелалъ бы имѣть статью. Какъ ни слабо и ни поверхностно оно написано, но я увѣренъ, что, по прочтеніи его, всякъ согласится вмѣстѣ съ тобой и со мной въ необходимости такого изданія въ Россіи и, вѣрно, дастъ тебѣ найлучшее изъ своихъ произведеній. Въ газетныхъ листахъ ты можешь объявить о немъ только немногими словами: именно, что »Современникъ« будетъ выходить въ трехъ книгахъ, въ означенные сроки. Прибавь къ этому однѣ только имена тѣхъ, которыхъ статьи будутъ помѣщены: этого достаточно. Пусть лучше все остальное, какъ достоинство статей, такъ и роскошь самого изданія, будетъ пріятною неожиданностью для каждаго читателя...

Къ С. П. Шевыреву.

Декабря 8. Неаполь (1846).

Оба письма твои, писанныя одно за другимъ, получилъ. Благодарю за совѣты и мысли относительно развязки »Ревизора.« Я соглашаюсь, однакоже, больше съ тѣми, которые въ твоемъ первомъ письмѣ. Въ предстоящемъ обстоятельствѣ я особенно руководствуюсь первыми впечатлѣніями: они для меня уже и тѣмъ важны, что мнѣнье публики, даже и добродѣтельной, и просвѣщенной, будетъ ближе къ нимъ, нежели къ тѣмъ, которыя изложены въ твоемъ второмъ письмѣ и которыя принадлежатъ, можетъ быть,

одному тебѣ, или двумъ-тремъ, глядящимъ на вещи съ точки повыше. »Ревизора« нужно отложить, какъ игру, такъ и печатаніе. То и другое возымѣетъ мѣсто ко времени бенефиса Щепкина въ слѣдующемъ году. Публика къ тому времени будетъ больше приготовлена; а теперь, въ самомъ дѣлѣ, впечатлѣніе можетъ случиться совершенно противное тому, какое ожидается. Притомъ актеры наши такъ могутъ сгадить всю эту сцену, что она, просто, выйдетъ смѣшна. Да и самъ Щепкинъ, какъ нарочно заболѣлъ. Это я считаю новымъ указаньемъ отложить »Ревизора«. И я даже нѣсколько удивился, какъ ты рѣшился послать піесу въ Петербургъ, тогда какъ я именно писалъ Щепкину привезти ее въ Петербургъ не иначе, какъ лично.

Я радъ, что въ Москвѣ издается листокъ. Это гораздо нужнѣй, въ теперешнее время, всѣхъ толстыхъ журналовъ. Присылай мнѣ всякой номеръ его, начиная съ перваго; заворачивай въ пакетъ, просто, какъ письмо. Денегъ на пересылку не жалѣй [я надѣюсь, что за »Мертвыя Души« выручится для того достаточно], равно какъ и на пересылку всѣхъ тѣхъ писемъ, которыя ты будешь получать на мое имя съ замѣчаніями на »М. Д.« Эти письма мнѣ очень, очень нужны. Ты спрашиваешь уже, какъ распоряжаться съ деньгами. Ихъ еще, покамѣстъ, нѣтъ; но если будутъ, то все, остающееся отъ издержекъ за пересылку писемъ мнѣ, совокупляй въ капиталъ, который будетъ мнѣ очень нуженъ для моего путешествія на Востокѣ. Впрочемъ все это впереди и о немъ будемъ имѣть время поговорить. Всѣ письма адрессуй въ Неаполь. Неаполь я избралъ своимъ пребываніемъ потому, что мнѣ здѣсь покойнѣй, чѣмъ въ Римѣ, и потому, что воздухъ, по опредѣленью доктора, для меня лучше Римскаго, что, впрочемъ, я испыталъ: здѣсь я меньше зябну. Не оставляй меня пожалуста извѣстіемъ обо всѣхъ рѣчахъ, мнѣніяхъ и толкахъ, какъ обо мнѣ, такъ и объ моихъ сочиненіяхъ. Проси и другихъ также сообщать мнѣ ихъ и почаще браться за перо писать. Пришли мнѣ назадъ »Развязку Ревизора«, именно тѣ самые листки, которые я послалъ къ тебѣ. Они убористы, ихъ можно вложить въ небольшое письмо. Мнѣ надобно въ нихъ многое пересмотрѣть, исправить и обдѣлать лучше. Плетневу я писалъ — отправить къ тебѣ еще нѣсколько экземпляровъ книги:

»Выбранныя Мѣста изъ Переписки, для раздачи, кому найдется нужнымъ.

Отыщи пожалуста того самого священника, у котораго я говѣлъ и исповѣдывался въ Москвѣ. Имени его не помню. П***, или еще лучше — мать его должна знать его. Священникъ этотъ нѣсколько толстъ, съ лица рябъ, на манеръ С****, но мнѣ очень понравился. Простое слово у него проникнуто душевнымъ чувствомъ. Все, что я услышалъ о немъ потомъ, было въ его пользу. Отдай ему одинъ экземпляръ книги, скажи, что я его помню и книгу мою нахожу приличнымъ вручить ему, какъ продолженіе моей исповѣди. Узнай также при этомъ случаѣ его имя и увѣдоми, гдѣ онъ теперь: тамъ ли, или перешелъ въ другое мѣсто. Если найдешь приличнымъ и выгоднымъ имѣть у себя для продажи экземпляры, то напиши объ этомъ Плетневу, дабы онъ выслалъ. Какъ только получишь цензурный экземпляръ, начинай печатать второе изданіе. Въ немъ, какъ я полагаю, должна быть необходимо скорая потребность, особенно, принимая къ свѣдѣнію то, что многіе, кромѣ одного экземпляра для себя, купятъ еще и для раздачи людямъ простымъ и неимущимъ...

Къ П. А. Плетневу.

Неаполь. 1846 г., декабря 12.

Мнѣ пришло въ мысль: не пропадаютъ ли твои письма. Иначе ничѣмъ другимъ я не могу себѣ объяснить твоего молчанія. Во всякомъ случаѣ, вексель съ деньгами, слѣдуемый мнѣ изъ казначейства, долженъ бы быть уже здѣсь, по моему расчету, мѣсяцъ назадъ тому. Или Жуковскій позабылъ тебѣ послать свидѣтельство о моей жизни? Я взялъ здѣсь вновь свидѣтельство и посылаю его на всякій случай. Хорошо, что я здѣсь встрѣтилъ знакомыхъ и могъ занять у нихъ; не то—была бы бѣда. Въ чужой землѣ, знаешь самъ, не весьма весело сидѣть безъ денегъ. Я безпокоюсь не шутя на-счетъ пропажи. Зная тебя за человѣка аккуратнаго, не могу никакъ допустить, чтобы ты могъ позабыть. Странно, что эти денежныя замедленія случились именно въ это время, когда деньги,

такъ сказать, лежать въ моемъ собственномъ сундукѣ и нужно только протянуть руку, чтобы оттуда достать ихъ. Нужно теперь особенно такъ распорядиться намъ, чтобы этого не случалось въ наступающемъ году, которой доведется мнѣ изъѣздить по незнакомымъ землямъ, гдѣ не легко будетъ изворачиваться, не имѣя въ рукахъ наличныхъ денегъ. А потому ты присылай впередъ, не дожидаясь моихъ извѣщеній, въ Неаполитанское посольство съ курьерами всякую тысячу рублей, по мѣрѣ того, какъ она накопится отъ продажи книги. Лучше мнѣ въ рукахъ имѣть лишнее, чѣмъ рисковать встрѣтить подобный случай, который, какъ ты самъ видишь, можетъ случиться всегда. Увѣдоми, что̀ стало печатанье книги. Я полагалъ приблизительно около 3000 р. Не позабудь также прилагать записку, кому именно изъ книгопродавцевъ и сколько отпущено экземпляромъ, чтобы я могъ держать весь счетъ всегда въ головѣ и не могъ надѣлать, отъ невѣдѣнія его, глупостей и неосмотрительностей. Думаю, что тебѣ не слѣдуетъ говорить о томъ, чтобы не давать безъ денегъ никому изъ книгопродавцевъ. Это ты самъ знаешь, потому что и меня тому выучилъ. По твоей милости, я въ Петербургѣ такъ расторопно распоряжался съ печатаньемъ книгъ своихъ, какъ не знаю, распоряжается ли теперь кто изъ литераторовъ. Книгу мою я, бывало, отпечатаю въ мѣсяцъ тихомолкомъ, такъ что появленіе ея бывало сюрпризомъ даже и для самыхъ близкихъ знакомыхъ. Никогда у меня не бывало никакихъ непріятныхъ возней ни съ типографіями, ни съ книгопродавцами, какъ случилось у Прокоповича. Денежки мнѣ, бывало, принесутъ сполна всѣ напередъ; все это, бывало, у меня тотъ же часъ записано и занесено къ книгу, и сверхъ того весь мой книжный счетъ я носилъ всегда въ головѣ такъ обстоятельно; что могъ наизустъ его разсказать весь. Не смотря на то, что я считаюсь, въ глазахъ многихъ, человѣкомъ безпутнымъ и то, что̀ называется поэтомъ, живущимъ въ какомъ-то тридевятомъ государствѣ, я родился быть хозяиномъ и даже всегда чувствовалъ любовь къ хозяйству, и даже, невидимо отъ всѣхъ, пріобрѣталъ весьма многія качества хозяйственныя, и даже много кое-чего укралъ у тебя самого, хотя этого и не показалъ въ себѣ. Мнѣ слѣдовало до времени, бросивши всю житейскую заботу, поработать внутренно

надъ тѣмъ хозяйствомъ, которое прежде всего долженъ устроить человѣкъ и безъ котораго не пойдутъ никакія житейскія заботы. Но теперь, слава Богу, самое трудное устрояется; теперь могу приняться и за житейскія заботы и, можетъ быть, съ такимъ успѣхомъ займусь ими, что даже изумишься, откуда взялся во мнѣ такой положительный и обстоятельный человѣкъ. Когда приведетъ насъ Богъ увидѣться и усядемся мы въ уютной твоей комнаткѣ, другъ противъ друга, и поведемъ простыя рѣчи, понятныя ребенку, отъ которыхъ будетъ тепло душамъ нашимъ, ты подивишься и возблагоговѣешь передъ путями, которыми ведетъ Богъ человѣка, затѣмъ чтобы привести его къ нему же самому и сдѣлать его тѣмъ, чѣмъ долженъ онъ быть, въ слѣдствіе способностей и даровъ, выпавшихъ на его долю. Но это еще не близко. Обратимся къ дѣлу.

Шевыреву ты можешь послать экземпляровъ, сколько онъ ни востребуетъ, для продажи въ Москвѣ. На этого человѣка можно положиться. У него точность, какъ у банкира. Онъ такъ выгодно выпродалъ всѣ мои находившіяся у него книги, такъ изворотливо выплатилъ всѣ мои долги, не оставивъ меня въ невѣдѣніи даже въ послѣдней копейкѣ моихъ денегъ, что наиаккуратнѣйшій банкиръ ему бы подивился. Тысячу рублей отложи на уплату за письма ко мнѣ, на журналы и на книги, какія выйдутъ позамѣчательнѣй въ этомъ году. Я просилъ Аркадія Р*** заняться пересылкой ихъ, если это окажется тебѣ обременительнымъ и хлопотливымъ. Въ этомъ году мнѣ будетъ особенно нужно читать почти все, что ни будетъ выходить у насъ, особенно журналы и всякіе журнальные толки и мнѣнія. То, что почти не имѣетъ никакой цѣны для литератора, какъ свидѣтельство бездарности, безвкусія, или пристрастія и неблагородства человѣческаго, для меня имѣетъ цѣну, какъ свидѣтельство о состояніи умственномъ и душевномъ человѣка. Мнѣ нужно знать, съ кѣмъ я имѣю дѣло; мнѣ всякая строка, какъ притворная, такъ и непритворная, открываетъ часть души человѣка; мнѣ нужно чувствовать и слышать тѣхъ, кому говорю; мнѣ нужно видѣть *личность* публики; а безъ того у меня все выходитъ глупо и непонятно. А потому все, на чемъ ни отпечаталось выраженіе современнаго

духа Русскаго въ прямыхъ и косыхъ его направленіяхъ, для меня равно нужно; то самое, что̀ я прежде бросилъ бы съ отвращеніемъ, я теперь долженъ читать. А потому не изумляйся, если я потребую присылать ко мнѣ всѣ газеты и журналы литературные, въ которые тебя не влечетъ даже и заглянуть.

Къ Н. М. Языкову.

Декабрь 16. Неаполь (1846).

Твое письмо отъ 27 октября адрессованное въ Римъ на имя Иванова получилъ я здѣсь только теперь, что̀ довольно поздно. Вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ всѣ меня оставили письмами. Что̀ дѣлается въ Петербургѣ съ моей книгой, я рѣшительно ничего не знаю, а между тѣмъ отъ этихъ задержекъ и промедленій измѣнились мои собственныя обстоятельства и отдаляется мой собственный отъѣздъ, который предполагался въ такомъ случаѣ, если все потребное къ путешествію — какъ самыя деньги отъ продажи за книги, такъ равно и другія сопряженныя съ этимъ необходимости — устроится въ концѣ исходящаго, или въ началѣ наступающаго года. Но теперь, какъ вижу, Богу не угодно, чтобы я отправился этой зимой въ дорогу. Вижу и самъ, что далеко еще не такъ готова душа моя, какъ слѣдуетъ ей быть, чтобы это путешествіе принесло мнѣ именно то, чего хочу. Стало быть, и самый пріѣздъ мой въ Россію отлагается еще почти на годъ, то есть, отъ сего числа считай ровно полтора года до того времени, когда придется намъ [если Богъ будетъ такъ милостивъ] замѣнить словами нашу переписку. Назадъ тому уже болѣе мѣсяца я писалъ къ тебѣ письмо изъ Неаполя; а еще назадъ тому одинъ мѣсяцъ писалъ письмо съ дороги, въ которомъ просилъ тебя отвѣчать въ Неаполь: а потому я нѣсколько даже удивился, увидя на пакетѣ надпись въ Римъ.

При семъ прилагаю письмо, которое прошу не медля доставить Щепкину. Жду съ нетерпѣніемъ твоихъ замѣчаній и толковъ о моей книгѣ и еще разъ прибавляю: пожалуйста безъ церемоній!

Ты человѣкъ нѣсколько деликатный и всё какъ-то боишься говорить правду, какъ есть: ты всегда стараешься ее немножко присахарить. Въ глазахъ моихъ такое дѣло есть почти то же, что̀ замашки скверныя докторовъ, которые, желая больному доставить удовольствіе своею микстурою, подбавятъ къ ней или лакрецін, или сладкаго корня и тѣмъ сдѣлаютъ ее въ нѣсколько разъ противнѣй. Все пиши, не скрывая ни замѣтокъ ума, ни ощущеній внутреннихъ души. Мнѣ кажется, то и другое у тебя должно̀ родиться неминуемо по прочтеніи книги. А книгу прочти нѣсколько разъ отъ доски до доски, и послѣ всякаго прочтенія — ко мнѣ письмо, чтобы я зналъ твои и первыя, и вторыя, и третьи впечатлѣнья; это будетъ нужно и для тебя, и для меня. А на письмо это дай немедленный отвѣтъ...

Къ М. С. Щепкину.

(1846) декабря 16. Неаполь.

Вы уже, безъ сомнѣнія, знаете, Михаилъ Семеновичъ, что »Ревизора съ Развязкой« слѣдуетъ отложить до вашего бенефиса въ будущемъ 1848 (¹) году. На это есть множество причинъ, часть которыхъ, вѣроятно, вы и сами проникаете. Во всякомъ случаѣ я этому радъ. Кромѣ того, что дѣло будетъ не понято публикою нашею въ надлежащемъ смыслѣ, оно выйдетъ, просто, дрянь отъ дурной постановки піесы и плохой игры нашихъ актеровъ. »Ревизора« нужно будетъ дать такъ, какъ слѣдуетъ [сколько-нибудь сообразно тому, чего требуетъ по крайней мѣрѣ авторъ его], а для этого нужно время. Нужно, чтобы вы переиграли хотя мысленно всѣ роли, услышали цѣлое всей піесы и нѣсколько разъ прочитали бы самую піесу актерамъ, чтобы они такимъ образомъ невольно заучили настоящій смыслъ всякой фразы, который, какъ вы сами знаете, вдругъ можетъ измѣниться отъ одного ударенія, перемѣщеннаго на другое мѣсто, или на другое слово. Для этого нужно,

(¹) Эта цифра противорѣчитъ году, выставленному мною въ скобкахъ сверху письма; но письмо дѣйствительно писано въ концѣ 1846 года. *П. К.*

чтобы прежде всего я прочелъ вамъ самому »Ревизора«, а вы бы прочли потомъ актерамъ. Бывши въ Москвѣ, я не могъ читать вамъ »Ревизора«. Я не былъ въ надлежащемъ расположеніи духа; а потому не могъ даже съумѣть дать почувствовать другимъ, какъ онъ долженъ быть съигранъ. Теперь, слава Богу, могу. Погодите, можетъ быть, мнѣ удастся такъ устроить, что вамъ можно будетъ пріѣхать лѣтомъ ко мнѣ. Мнѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя заглянуть въ Россію раньше окончанія работы, которую нужно кончить. Можетъ быть, вамъ также будетъ тогда сподручно взять съ собою и какого-нибудь товарища, больше другихъ толковаго въ дѣлѣ. А до того времени вы всё-таки не пропускайте свободнаго времени и вводите, хотя понемногу, второстепенныхъ актеровъ въ надлежащее существо ролей, въ благородный, вѣрный тактъ разговора — понимаете ли? — чтобы не слышался фальшивой звукъ. Пусть изъ нихъ никто не отмѣняетъ своей роли и не кладетъ на нее красокъ и колорита, но пусть услышитъ общечеловѣческое ея выраженіе и удержитъ общечеловѣческое благородство рѣчи. Словомъ, изгнать вовсе каррикатуру и ввести ихъ въ понятіе, что нужно не *представлять*, а *передавать* прежде мысли, позабывши странность и особенность человѣка. Краски положить нетрудно, дать цвѣтъ роли можно и потомъ. Для этого довольно встрѣтиться съ первымъ чудакомъ и умѣть передразнить его; но почувствовать существо дѣла, для котораго призвано дѣйствующее лицо, трудно, и безъ васъ никто самъ по себѣ изъ нихъ этого не почувствуетъ. Итакъ сдѣлайте имъ близкимъ ваше собственное ощущеніе, и вы сдѣлаете этимъ истинно доблестный подвигъ, въ честь искусства. А между тѣмъ напишите мнѣ [если книга моя: »Выбран. Мѣста изъ Переписки«, уже вышла и въ вашихъ рукахъ] ваше мнѣніе о статьѣ моей: »О театрѣ и одностороннемъ взглядѣ на театръ«, не скрывая ничего и не церемонясь ни въ чемъ, равнымъ образомъ какъ и обо всей книгѣ вообще. Что ни есть въ душѣ, все несите и выгружайте наружу...

Къ П. А. Плетневу.

(Въ концѣ 1846 года).

Что̀ вы, добрый мой, замолчали, и никто изъ васъ не напишетъ мнѣ ни словечка? Я, однакожъ, знаю почти все, что̀ съ вами ни дѣлается: чего не дослышалъ слухомъ, дослышала душа. Принимайте покорно все, что̀ ни посылается намъ, помышляя только о томъ, что это посылается Тѣмъ, Который насъ создалъ и знаетъ лучше, что̀ намъ нужно. Именемъ Бога говорю вамъ: все обратится въ добро! Не въ слѣдствіе какой-либо системы говорю вамъ, но по опыту. Лучшее добро, какое ни добылъ я, добылъ изъ скорбныхъ и трудныхъ моихъ минутъ, и ни за какія сокровища не захотѣлъ бы я, чтобы не было въ моей жизни скорбныхъ и трудныхъ состояній, отъ которыхъ ныла вся душа и недоумѣвалъ умъ, (какъ) помочь. Ради самого Христа, не пропустите безъ вниманія этихъ словъ моихъ!...

Къ нему же.

Неаполь. $\frac{3}{15}$ января н. с. (1847).

Письмо это вручитъ тебѣ А** [Викт. Влад.] весьма дѣльный молодой человѣкъ, вовсе не похожій на юношей-щелкоперовъ. Онъ глядитъ на вещи съ дѣльной стороны и, будучи владѣлецъ огромнаго имѣнія, намѣренъ заняться благосостояніемъ его серьезно. Его мать прекраснѣйшая душой и добрѣйшая женщина, а братъ ея, гр. Ал. П. Т., мой большой другъ.

Назадъ тому недѣлю, я написалъ къ тебѣ письмо, въ отвѣтъ на твое (отъ $\frac{\text{21 ноября.}}{\text{3 декабря.}}$), содержащее извѣщеніе о проволочкѣ печатанья, которое, вѣроятно, ты уже получилъ. Съ почтой было какъ-то неловко обо всемъ этомъ трактовать и потому я написалъ не все, о чемъ слѣдовало. Теперь, пользуясь счастливой окказіей, я еще разъ прочелъ твое письмо, еще разъ взвѣсилъ все, еще разъ представилъ себѣ мысленно все содержаніе книги и никакъ не

вижу причины, почему лучше не печатать тѣхъ писемъ, которыя, мнѣ кажется, заставятъ оглянуться на себя построже нѣкоторыхъ должностныхъ людей, особенно тѣхъ, которые имѣютъ прекрасную душу и добрыя намѣренія и грѣшатъ по невѣдѣнію. Если во всей Россіи два-три только человѣка взглянутъ яснѣй на многія вещи послѣ моей книги, то и это уже весьма хорошо.— — Ты позабылъ также, что книгу эту я печатаю вовсе не для собственнаго удовольствія и также не для удовольствія другихъ; печатаю я ее въ увѣренности, что этимъ исполняю свой долгъ и служу свою службу. Прочитайте вмѣстѣ съ кн. В. и вмѣстѣ съ нимъ смягчите, елико возможно, все, что найдете неловкимъ и неприличнымъ услышать изъ моихъ устъ. Вдвоемъ вы будете и отважнѣй, и осмотрительнѣй относительно поправокъ. Скажи ему, что онъ сдѣлаетъ мнѣ этимъ большое благодѣяніе, котораго я никогда не позабуду, и покажи ему, въ удостовѣреніе, эти самыя мои строки. Два письма только я почитаю надобнымъ выбросить: »Близорукому пріятелю« и »Страхи и ужасы Россіи«, именно потому, что они болѣе другихъ пусты по содержанію и врядъ ли придутся кому-либо кстати. Прочее мнѣ все кажется нужнымъ. Итакъ, да благословитъ тебя Богъ и да вразумитъ, какъ умнѣй и лучше извороться!...

———

Къ нему же.

Неаполь. 1847 г., генв. 5, нов. ст.

Письмо твое [отъ $\frac{21\ \text{ноября.}}{3\ \text{декабря.}}$] получилъ; вексель полученъ за четыре дня прежде. Долгое молчаніе твое я приписывалъ именно не чему другому, какъ затяжкѣ дѣла и препятствіямъ — — Ты свое дѣло сдѣлалъ, хлопоталъ и старался изо всѣхъ силъ; но я своего дѣла не сдѣлалъ — — Если я, благословясь и молясь Богу, составлялъ книгу, взвѣшивая потребности современныя жаждущаго общества и многаго того, что, покамѣстъ, не видно поверхностнымъ и ничего нехотящимъ знать людямъ; если я до сихъ поръ нахожусь въ твердомъ убѣжденіи, что книга моя по-

лезна: то будетъ малодушно съ моей стороны остановиться при началѣ и не употребить всѣхъ силъ для того, чтобы довести къ концу дѣло. Если у насъ не будетъ столько любви къ доброму дѣлу, чтобы умѣть бороться изъ-за него съ препятствіями; если мы не станемъ употреблять хотя столько постоянства и настойчивости въ благихъ и добрыхъ подвигахъ, сколько человѣкъ низкій употребляетъ въ низкихъ, въ стремленіи къ своей своекорыстной и низкой цѣли: то гдѣ же тогда заслуга наша передъ добромъ? и чѣмъ же мы тогда доказали нашу любовь къ добру, когда изъ-за него не выдержали даже столько битвъ, сколько выдерживаетъ гадкой человѣкъ изъ своей привязанности къ гадкому? Итакъ, повторяю тебѣ, ты все почти сдѣлалъ, что̀ тебѣ казалось очевидно возможно; но я долженъ сдѣлать также отъ себя, что̀ мнѣ кажется очевидно возможнымъ — — Если книга уже вышла въ свѣтъ безъ этихъ писемъ, это ничего не значитъ. Это даже еще лучше — — — Какъ только же онѣ будутъ разрѣшены къ печатанію, ты ихъ тотчасъ же отправь въ Москву къ Шевыреву, чтобы онъ ихъ вмѣстилъ во *второе* изданіе, долженствующее печататься въ Москвѣ, прибавивъ къ слову »изданіе«— *пополненное и умноженное* — — —По крайней мѣрѣ совѣсть моя тогда будетъ спокойна, и на душѣ моей не останется тогда упрека, что я былъ лѣнивъ и недѣятеленъ въ дѣлѣ, требовавшемъ дѣятельности и благородной устойчивости характера; а безъ того я не могу успокоиться.

Относительно »Ревизора« ты уже, вѣрно, знаешь мое рѣшеніе — отложить до слѣдующаго 1848 года — — — Я и прежде предполагалъ дать ее [1] на театрѣ только въ такомъ разѣ, если бы протекло значительное разстояніе времени отъ появленія въ свѣтъ моей »Переписки«, чтобы многія мысли успѣли обойтись въ свѣтѣ и въ публикѣ: иначе, все покажется дико и странно. Что̀ же касается до напечатанія »Ревизора« отдѣльно, то это имѣло бы смыслъ и расходъ только въ такомъ случаѣ, еслибъ піеса возымѣла въ представленіи большой успѣхъ и произвела сильное впечатлѣніе; а безъ этого нечего объ этомъ и думать. »Развязку Ревизора« положи до времени подъ спудъ. Мнѣ нужно будетъ по-

[1] »Развязку Ревизора«. *П. К.*

томъ и самому ее хорошенько пересмотрѣть. Многое нужно будетъ сказать гораздо умнѣе и понятнѣй, чѣмъ тамъ сказано. Да и всего »Ревизора« нужно будетъ, хорошенько пообчиститши, дать совершенно въ другомъ видѣ, чѣмъ онъ дается нынѣ на театрѣ. Теперь же на него гадко и противно глядѣть: изъ него актеры сдѣлали такую тривьяльность, что, я думаю, нѣтъ человѣка, которому бы пріятно было на него поглядѣть.

На-счетъ аккуратности денежной не безпокойся. Счетъ векселямъ я веду и, кромѣ того, что у меня добрая память, не позабываю все записывать. Все приходится такъ, какъ слѣдуетъ; нигдѣ не проронено ни копейки: рубль въ рубль и копейка въ копейку.

Не гнѣвайся на меня за то, что я послалъ тебя къ графинѣ Н***. Если найдешь другую скорую оказію переслать мнѣ книги, — конечно хорошо; а если не найдешь, почему не обратиться къ ней, хоть, положимъ, для того, чтобы попробовать? Вѣдь она же не съѣстъ тебя за это! А мнѣ простительно это покушеніе, потому что она исполнила уже одну коммиссію мою въ то время, когда еще не знала меня вовсе лично, — и сама даже вызвалась. Почему жъ мнѣ не подумать, что она и теперь можетъ для меня сдѣлать одолженіе, уже узнавши меня лично? Вообще, я долженъ тебѣ замѣтить, что ты напрасно считаешь меня человѣкомъ, довѣрчиво предающимся людямъ и полагающимся на всякія сладкія обѣщанія. Въ твоихъ глазахъ, я какой-то прыткій юноша, довольно самолюбивый, котораго можно усластить похвалами и всякими вѣжливыми обхожденіями, со стороны всякаго рода значительныхъ людей; а мнѣ, говорю тебѣ не въ шутку, это приторно, и я чаще знакомлюсь даже съ такими людьми, отъ которыхъ надѣюсь получить именно черствый пріемъ. Мнѣ это нужно для многихъ, многихъ, слишкомъ многихъ причинъ, которыя я бы не умѣлъ даже и повѣдать и которыхъ ты, можетъ быть, не понялъ бы даже и тогда, если бы я умѣлъ повѣдать ихъ. Скажу тебѣ только, что настаетъ наконецъ такое время, когда упреки, жесткія слова и даже несправедливые поступки отъ другихъ становятся жизнью и потребностью душевною, и отъ нихъ удивительно уясняется глазъ, ростетъ умъ, силы и — словомъ — ростетъ все въ человѣкѣ... Но чувствую, что это не можетъ быть

тебѣ понятно. Ты меня не знаешь. Я думалъ, что многое объяснитъ тебѣ моя книга; но, кажется, ты считаешь ее за маску, которую я только надѣлъ для публики: иначе ты не сдѣлалъ бы мнѣ напоминанія во второй разъ, въ концѣ письма твоего — — — Я бы этихъ словъ не сказалъ бы и тому, который еще недавно началъ узнавать людей. Изъ всего того, что̀ мною написано, не смотря на все несовершенство написаннаго, можно, однакоже, видѣть, что авторъ знаетъ, что̀ такое люди, и умѣетъ слышать, что̀ такое душа человѣка, а потому не можетъ такъ грубо ошибиться, какъ можетъ ошибиться иной, а потому можетъ даже лучше другого взвѣшивать и свѣтскія отношенія людей къ себѣ, и отношенія людей вообще между собою. Чтобы разъ навсегда было тебѣ, хотя отчасти, понятно, какого рода у меня нынѣшнія отношенія къ людямъ, скажу тебѣ, что не безъ воли Промысла высшаго опредѣлено было мнѣ въ послѣднее время сталкиваться съ человѣкомъ въ его трудныя минуты и въ самыя тяжелыя состоянія душевныя, въ какія только и обнажается передо мною душа человѣка. Вотъ почему мнѣ случилось узнать насквозь многихъ такихъ людей, которыхъ никогда не узнать свѣтскому человѣку со всѣхъ сторонъ. Если бы случилось мнѣ познакомиться съ тобою теперь, именно въ послѣднее время, а не прежде, между нами бы вдругъ завязалась дружба навсегда, между нами никогда не произошло бы никакихъ недоразумѣній. Но я не введенъ былъ никогда вполнѣ въ твою душу. Твоя душа не занемогла тогда никакою скорбью, а потому и не могла обнаружить себя передо мною, да и я не въ силахъ былъ бы тогда ее услышать. Вотъ почему мы, умѣя цѣнить другъ друга, однакоже не знали другъ друга, и не было между нами истинно родного голоса, по которому человѣкъ человѣку въ нѣсколько разъ ближе, чѣмъ братъ брату.

Еще тебѣ скажу: не думай, чтобы я когда-либо обольщался словами человѣка, даже и тогда, когда меньше зналъ свѣтъ и былъ далеко невоспитаннѣе теперешняго. Драгоцѣнный даръ слышать душу человѣка мнѣ уже былъ издавна дарованъ Богомъ, и въ неразвитомъ своемъ состояніи онъ уже руководилъ меня въ разговорахъ съ людьми, и передо мной сами собой отдѣлялись звуки истинные словъ отъ звуковъ фальшивыхъ въ одномъ и томъ же

человѣкѣ. Поэтому я весьма рано сталъ примѣчать, что̀ есть дурного въ хорошемъ человѣкѣ и что̀ есть хорошаго въ дурномъ человѣкѣ. Ко мнѣ становился человѣкъ вовсе не тою стороною, какою онъ самъ хотѣлъ стать предо мною; онъ становился противувольно той стороной своей, которую мнѣ любопытно было узнать въ немъ, такъ что онъ иногда, самъ не зная какъ, обнаруживалъ себя передо̀ мною больше, чѣмъ онъ самъ себя зналъ. Итакъ слова твои и предостереженіе, изъявленныя тобою въ концѣ письма, которыя ты даже совѣтуешь мнѣ записать себѣ въ книгу, напрасны: ты ихъ сказалъ въ слѣдствіе того, что поторопился вывести заключеніе изъ дѣлъ, по-видимому, похожихъ на тѣ, изъ которыхъ выводятся подобныя заключенія, но въ самомъ дѣлѣ не тѣхъ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться сдѣланнымъ мнѣ твоимъ замѣчаніемъ, я сдѣлаю тебѣ нѣсколько своихъ замѣчаній и попрошу ихъ записать себѣ разъ навсегда въ свою памятную книжку.

1) Что люди знатные и вообще находящіеся въ высшихъ кругахъ имѣютъ горькія и скорбныя душевныя минуты и не находятъ даже и средства показать себя съ настоящей и съ лучшей стороны своей, и положенія ихъ, если разсмотришь внимательно всѣ обстанавливающія ихъ обстоятельства, такъ бываютъ трудны, что не бываетъ рѣшительно средствъ выйдти изъ необходимости быть въ черствыхъ и холодныхъ сношеніяхъ съ людьми.

2) Что всѣ живущіе въ Петербургѣ, хорошіе и дурные безъ исключенія, болѣе или менѣе, покрываются, сами не слыша, наружною [очевидною для другихъ и незамѣтною для себя] обмазкою эгоизма, — и, повѣрь, она у всѣхъ насъ. Разсмотри себя построже: ты и въ себѣ отыщешь признаки того. Вопроси построже свою душу, не ближе ли къ ней свои собственныя дѣла и страданія, чѣмъ дѣла и страданія другихъ, не боишься ли (ты) во всякомъ, даже великодушномъ дѣлѣ компрометировать прежде себя и не отказался ли ты изъ-за этой причины уже отъ многихъ добрыхъ дѣлъ, полезныхъ другимъ?

3) Что, если мы будемъ смотрѣть на холодный пріемъ, намъ оказанный, и остановимся какой-нибудь невнимательностью къ намъ, которая покажется намъ или пренебреженіемъ къ нашему званію, или неуваженіемъ къ нашимъ достоинствамъ, то никогда

не сойдемся мы съ человѣкомъ и никогда не придемъ къ душѣ его, и будемъ вѣчно играть въ жмурки между собою. Но если, не смутясь никакимъ наружнымъ холодомъ, сдѣлаешь прямо приступъ къ душѣ его и скажешь ему открыто: »Я, мимо всѣхъ приличій, пришелъ къ вамъ, въ увѣренности, что благородна душа ваша и свято вамъ чувство добра, и въ слѣдствіе этого я твердо говорю вамъ: вы должны сдѣлать такое-то дѣло!« Повѣрь, что тотъ же холодный человѣкъ окажется другимъ послѣ такихъ словъ. Я по крайней мѣрѣ уже испыталъ это.

Скажу тебѣ, что есть у меня знакомства, которыя начались съ перваго раза даже упреками съ моей стороны, и отъ меня приняты были благодарно такія замѣчанія, которыя отъ другого не были бы приняты и за которыя бы даже на другихъ разсердились,— и эти люди сдѣлались вдругъ мнѣ близкими людьми. Нѣтъ, напрасно ты думаешь, что ты знаешь людей, а я ихъ не знаю. Ты знаешь ихъ подъ свѣтской ихъ маской. Я очень понимаю, что на твоемъ мѣстѣ и при твоихъ отношеніяхъ съ ними, нельзя и узнать ихъ иначе. Даже тотъ человѣкъ, который изворотливѣй тебя и болѣе навыкся съ людьми и болѣе твоего одаренъ способностями слышать разнообразныя силы и способности человѣка, какъ открытыя, такъ и сокровенныя, даже и тотъ по тѣхъ поръ не узнаетъ вполнѣ человѣка, покуда не загорится весь любовью къ человѣку и покуда человѣкъ не сдѣлается его наукою и единственнымъ занятіемъ, а̀ душа человѣческая единственнымъ его помышленіемъ. Если хотя часть такой любви поселится въ душѣ, тогда все простишь человѣку, не оскорбишься никакимъ его пріемомъ; напротивъ, съ любопытствомъ ожидаешь отъ него всего, чтобы видѣть, въ какомъ состояніи душа его и какъ ему помочь потомъ освободиться отъ того, что̀ мѣшаетъ оказаться его достоинствамъ въ истинномъ ихъ свѣтѣ. Даже я, получившій теперь, можетъ быть, одну только песчинку этой любви, уже не могу теперь поссориться ни съ однимъ человѣкомъ, какъ бы онъ несправедливо ни поступалъ со мною. Несправедливый поступокъ мнѣ только дастъ новую власть надъ нимъ: я терпѣливъ, я дождусь своего времени и потомъ выставлю передъ нимъ такъ несправедливость его поступка, что онъ увидитъ самъ эту несправедливость [поло-

вина несправедливостей дѣлается отъ невѣдѣнія]; ему сдѣлается совѣстно и, желая загладить вину свою передо мною, онъ уже сдѣлаетъ тогда все, что̀ ни прикажу ему, какъ послушный рабъ для господина.

Другъ мой, не пропусти этихъ словъ. Прочитай письмо мое два, или три раза въ разныя расположенія духа твоего. Почему знать? можетъ быть, въ нихъ заключена правда, именно въ это время нужная душѣ твоей. Не мы управляемъ своими дѣйствіями; незримо правитъ ими Богъ; мы только орудія Его воли, и нами же Онъ говоритъ намъ; а потому не нужно пропускать ничьихъ словъ безъ того, чтобы не разсмотрѣть, что̀ изъ нихъ нужно взять въ примѣненье къ самому себѣ.

Но я заговорился; обращаюсь къ письму твоему. Ты говоришь, чтобы я издательскія распоряженія ограничилъ тобой и Шевыревымъ и не вмѣшивалъ сюда никого. Но я никого и не вмѣшивалъ: по поводу »Развязки Ревизора«, Шевыревъ написалъ безъ моего вѣдома письма къ В**** и В****; онъ позволилъ себѣ распорядиться такъ по случаю болѣзни Щепкина, которому поручено было лично хлопотать объ этомъ. Слово *лично* особенно подтвердилъ Шевыреву потому, что я боюсь переписки и хлопотъ письменныхъ, какъ огня: отъ нихъ только безтолковщина и недоразумѣнія. А.М.В**** назначена была часть вовсе не издательская: ей поручалась, просто, раздача суммъ бѣднымъ, въ случаѣ если бы былъ изданъ »Ревизоръ« и выпроданъ. Этого дѣла никто бы умнѣе ея не могъ произвесть. Я тебѣ особенно совѣтую съ ней познакомиться. У ней есть то, чего я не знаю ни у одной изъ женщинъ: не умъ, а разумъ; но ее не скоро узнаешь: она вся внутри. Р*** я тебѣ совѣтовалъ имѣть въ виду только въ такомъ случаѣ, когда не позволятъ твои собственныя дѣла заняться изданіемъ »Ревизора«, которыхъ я предполагалъ у тебя довольно; теперь же, какъ вижу изъ письма твоего, ихъ даже болѣе, чѣмъ я предполагалъ.

Р*** я поручалъ еще заняться пересылкою и покупкою мнѣ нововыходящихъ журналовъ и книгъ, тоже въ такомъ случаѣ, если бы тебѣ невозможно и затруднительно было этимъ заняться. Я, признаюсь, думалъ, что ты не повѣришь, чтобы мнѣ такъ нужны были новыя книги, и особенно всякая журнальная дрянь, которая

дѣйствительно для многихъ, и особенно для людей умныхъ, есть дрянь, но которая для меня теперь слишкомъ нужна, равно какъ всякое вообще литературное движеніе и голосъ, въ какомъ углу ни раздающійся, истинный, или притворный. Я думалъ, что ты все это примешь за одинъ капризъ и не уважишь такой моей просьбы, и вотъ почему я просилъ Р***, хорошенько узнавши отъ тебя, возможно ли, или невозможно, тебѣ затрудняться самому такими мелочами, взять часть этого дѣла на себя. Много уже моихъ просьбъ, слишкомъ для меня значительныхъ, и вопросовъ, слишкомъ для меня важныхъ, оставлено безъ отвѣта и удовлетворенія, именно потому, что они показались маловажными въ глазахъ тѣхъ людей, къ которымъ были обращены. Итакъ мнѣ извинительно питать въ этомъ отношеніи нѣкоторое недовѣріе вообще ко всѣмъ; мнѣ извинительно думать уже впередъ, что всякое мое слово будетъ принято за капризъ избалованнаго дитяти: такъ не похожи теперь надобности и потребности мои на потребности и надобности другихъ людей. Я очень знаю, что, если бы я изъяснилъ свою надобность не отрывчатымъ требованіемъ, но изложеніемъ подробнымъ всѣхъ причинъ, было бы ясно какъ день, почему я прошу чего-нибудь; но для всего этого требуется исписывать кругомъ листы, а для этого у меня нѣтъ времени. А потому я прошу тебя относительно всякаго рода просьбъ и требованій моихъ, поступать такимъ образомъ: всѣ тѣ, которыя покажутся въ твоихъ глазахъ важными, исполнять самому, прочія же передавать другимъ, по усмотрѣнію, кого найдешь изъ нихъ старательнѣй, добрѣй и готовѣй на услугу, сопровождая такими словами: »Не смотрите на то, что предметъ просьбы самъ по себѣ маловаженъ; исполненіемъ такой просьбы вы сдѣлаете большую услугу этому человѣку, которой онъ не позабудетъ во вѣкъ, и, если только вы терпѣливы и можете ожидать конца всякому дѣлу, увидите, что я не лгу и что онъ съумѣетъ потомъ отслужить вамъ.« На-счетъ отправки мнѣ литературныхъ новостей, поручи и другимъ узнавать обо всѣхъ ѣдущихъ за границу, чтобы не пропускать никакихъ случаевъ пересылать мнѣ. Я бы совѣтовалъ тебѣ особенно посовѣтоваться съ кн. В*** и Р***, какимъ бы образомъ устроить такъ, чтобы курьеры могли брать мнѣ всѣ новые жур-

шалы. Кн. В**** очень хорошъ съ гр. Н***, а Р*** можетъ подвигнуть В. П*** похлопотать, который, по своему доброму расположенію ко мнѣ и вообще по своей доброй душѣ, сдѣлаетъ отъ себя, что̀ сможетъ. Кн. В**** ты можешь дать, если онъ того пожелаетъ, просмотрѣть мои письма — — — Онъ человѣкъ умный, и его замѣчанія мнѣ будутъ особенно важны. Кромѣ того, что его умъ способенъ соображать многое и видѣть степень полезности у насъ многихъ вещей, онъ, я думаю, еще болѣе пополнѣлъ и сталъ многостороннѣй и осмотрительнѣй со времени разныхъ внутреннихъ событій и тяжелыхъ душевныхъ потрясеній, проясняющихъ взглядъ человѣка, которыя случились къ кн. В*** въ послѣднее время. Вообще я бы совѣтовалъ тебѣ сойтись съ нимъ теперь поближе: мнѣ кажется, вы теперь болѣе другъ друга оцѣните и поймете, и мое дѣло, или лучше — дѣло моей книги, будетъ хорошимъ для того предлогомъ...

Къ С. Т. Аксакову.

Неаполь. 1847, январь 20 новаго стиля.

Я получилъ ваше письмо, добрый другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Благодарю васъ за него. Все, что̀ нужно взять изъ него къ соображенію, взято. Симъ бы слѣдовало и ограничиться, но, такъ какъ въ письмѣ вашемъ замѣтно большое безпокойство обо мнѣ, то я считаю нужнымъ сказать вамъ нѣсколько словъ. Вновь повторяю вамъ еще разъ, что вы въ заблужденіи, подозрѣвая во мнѣ какое-то новое направленіе. Отъ ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду. Я былъ только скрытенъ, потому что былъ неглупъ — вотъ и все. Причиной нынѣшнихъ вашихъ выводовъ и заключеній обо мнѣ [сдѣланныхъ, какъ вами, такъ и другими] было то, что̀ я, понадѣявшись на свои силы и на [будто бы] совершившуюся зрѣлость свою, отважился заговорить о томъ, о чемъ бы слѣдовало до времени еще немножко помолчать, покуда слова мои не придутъ въ такую ясность, что и ребенку стали бы понятны. Вотъ вамъ вся исторія моего мисти-

цизма. Мнѣ слѣдовало еще нѣсколько времени поработать въ тишинѣ, еще жечь то, что̀ слѣдуетъ жечь, никому не говорить ни слова о внутреннемъ себѣ и не откликаться ни на что̀, особенно не давать никакого отвѣта моимъ друзьямъ на-счетъ сочиненій моихъ. Отчасти неблагоразумныя подталкиванья со стороны ихъ, отчасти невозможность видѣть самому, на какой степени собственнаго своего воспитанья нахожусь, были причиной появленія статей, такъ возмутившихъ духъ вашъ. Съ другой стороны, совершилось все это не безъ воли Божіей. Появленіе книги моей, содержащей переписку со многими замѣчательными людьми въ Россіи [съ которыми я бы, можетъ быть, никогда не встрѣтился, если бы жилъ самъ въ Россіи и оставался въ Москвѣ], нужно будетъ многимъ, не смотря на всѣ непонятныя мѣста, во многихъ истинно существенныхъ отношеніяхъ, а еще болѣе будетъ нужно для меня самого. На книгу мою нападутъ со всѣхъ угловъ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Эти нападенія мнѣ теперь слишкомъ нужны: они покажутъ мнѣ болѣе *меня самого* и покажутъ мнѣ въ то же время *васъ*, то есть, *моихъ читателей*. Не увидѣвши яснѣе, что̀ такое въ настоящую минуту я самъ и что̀ такое мои читатели, я былъ бы въ рѣшительной невозможности сдѣлать дѣльно свое дѣло. Но это вамъ, покуда, не будетъ понятно; возьмите лучше это просто на вѣру: вы чрезъ то останетесь въ барышахъ. А чувствъ вашихъ отъ меня не скрывайте никакихъ. По прочтеніи книги, тотъ же часъ, покуда еще ничто не простыло, изливайте все наголо, какъ есть, на бумагу. Никакъ не смущайтесь тѣмъ, если у васъ будутъ вырываться жесткія слова: это совершенно ничего; я даже ихъ очень люблю. Чѣмъ вы будете со мной откровеннѣе и искреннѣе, тѣмъ въ большихъ останетесь барышахъ. Руку для того употребляйте первую, какая вамъ подвернется. Кто почетче и побойчѣе пишетъ, тому и диктуйте. Секретовъ у меня въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ. Одинъ только секретъ и былъ, о которомъ я просилъ васъ никогда даже и мнѣ не напоминать и о которомъ вы неблагоразумно упомянули въ вашемъ письмѣ. — — Если вы почувствовали надобность упомянуть объ этомъ дѣлѣ для того, чтобы сдѣлать сравненіе съ распоряженіемъ по части продажи »Ревизора« [котораго изданіе и

представленіе мною отложено], то лучше было обойтись просто, безъ этого сравненія, — тѣмъ болѣе, что оно совсѣмъ невѣрно и не въ-попадъ. Есть дѣла, которыя дѣйствительно нужно производить открыто, въ виду всѣхъ, которыя суть, просто, нашъ непремѣнный долгъ, а не подвигъ благотворенія. Если почти всѣ наши писатели издавали книги для бѣдныхъ, если даже Б***, Г* и многіе другіе, укоряемые въ корыстолюбіи, производили въ пользу бѣдныхъ пожертвованья, публичныя чтенія и тому подобныя, — почему же я не могу также? и что̀ же я за исключеніе? и отчего копейка отъ другого есть долгъ, а отъ меня подвигъ благотворенія? Другъ мой, вы не взвѣсили какъ слѣдуетъ вещи, и слова ваши вздумали подкрѣплять словами самого Христа. Это можетъ безошибочно дѣлать одинъ только тотъ, кто уже весь живетъ во Христѣ, внесъ Его во всѣ дѣла свои, помышленія и начинанія, Имъ осмыслилъ всю жизнь свою и весь исполнился духа Христова. А иначе — во всякомъ словѣ Христа вы будете видѣть свой смыслъ, а не тотъ, въ которомъ оно сказано.

Но довольно съ васъ. Не позабудьте же: откровенность во всемъ, что̀ ни относится въ мысляхъ вашихъ до меня...

Къ Н. М. Языкову.

Неаполь. Генваря 20 (1847).

Я давно уже не имѣю отъ тебя писемъ. Ты меня совсѣмъ позабылъ. Вновь приступаю къ тебѣ съ просьбою: все сказать мнѣ, по прочтеніи книги моей, что̀ ни будетъ у тебя на душѣ, не смягчая ничего и не услащивая ничего, а я тебѣ за это буду въ большой потомъ пригодѣ. А если у тебя окажется побужденіе къ благотворенію, которое ты, по добротѣ своей, оказывалъ мнѣ доселѣ [я разумѣю здѣсь пересылку всякаго рода книгъ], то вотъ тебѣ и другая просьба: пришли мнѣ въ Неаполь слѣдующія книги: во-первыхъ, лѣтописи Нестора, изданныя археографическою коммиссіею, которыхъ я просилъ и прежде, но не получилъ и, въ pendant къ нимъ, »Царскіе Выходы«; во-вторыхъ, »Народные Празд-

ники«, Снегирева, и, въ pendant къ нимъ, »Русскіе въ своихъ Пословицахъ«, его же. Эти книги мнѣ теперь весьма нужны, дабы окунуться покрѣпче въ коренной Русскій духъ. Но прощай; обнимаю тебя. Пожалуйста не забывай меня письмами...

Къ М. С. Щепкину.

(1847).

Письмо ваше, добрѣйшій Михаилъ Семеновичъ, такъ убѣдительно и краснорѣчиво, что, если бы я и точно хотѣлъ отнять у васъ Городничаго, Бобчинскаго и прочихъ героевъ, съ которыми, вы говорите, сжились, какъ съ родными по крови, то и тогда бы возвратилъ вамъ вновь ихъ всѣхъ, — можетъ быть, даже и съ поддачей лишняго друга. Но дѣло въ томъ, что вы, кажется, не такъ поняли послѣднее письмо мое. Прочитайте »Ревизора«. Я именно хотѣлъ затѣмъ, чтобы Бобчинскій сдѣлался еще больше Бобчинскимъ, Хлестаковъ Хлестаковымъ, и словомъ — всякъ тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть. Передѣлку же я разумѣлъ только въ отношеніи къ піесѣ, заключающей »Ревизора«. Понимаете ли это? Въ этой піесѣ я такъ неловко управился, что зритель непремѣнно долженъ вывести заключеніе, что я изъ »Ревизора« хочу сдѣлать аллегорію. У меня не то въ виду. »Ревизоръ« »Ревизоромъ«, а примѣненіе къ самому себѣ есть непремѣнная вещь, которую долженъ сдѣлать всякъ зритель изо всего, даже и не-»Ревизора«, но которое прилично ему сдѣлать по поводу »Ревизора«. Вотъ что̀ слѣдовало было доказать по поводу словъ: »Развѣ у меня рожа крива«? Теперь осталось все при всемъ: и овцы цѣлы, и волки сыты. Аллегорія аллегоріей, а »Ревизоръ« »Ревизоромъ«. Странно, однакожъ, что свиданіе наше не удалось. Разъ въ жизни пришла мнѣ охота прочесть какъ слѣдуетъ »Ревизора«, чувствовалъ, что прочелъ бы дѣйствительно хорошо, — и не удалось. Видно, Богъ не велитъ мнѣ заниматься театромъ. Одно замѣчаніе на-счетъ Городничаго пріймите къ свѣдѣнію. Начало перваго акта нѣсколько у васъ холодно. Не позабудьте также: у Городничаго есть нѣкоторое ироническое выраженіе въ минуты самой досады,

какъ, напримѣръ, въ словахъ: »Такъ ужъ, видно, нужно. До сихъ поръ подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь и къ нашему«. Во второмъ актѣ, въ разговорѣ съ Хлестаковымъ, слѣдуетъ гораздо больше игры въ лицѣ. Тутъ есть совершенно различныя выраженья сарказма. Впрочемъ это ощутительнѣй по послѣднему изданію, напечатанному въ »Собраніи Сочиненій«.

Къ С. П. Шевыреву.

Неаполь. Января 20 (1847).

Отъ Плетнева я получилъ извѣстіе, что печатанье книги моей задержалось. — — Я послалъ ему кое-какія распоряженія по этому дѣлу: письма и просьбы, кому слѣдуетъ. — — Если книга выйдетъ очень толста, можно поставить потонѣе бумагу, или употребить шрифтъ болѣе вмѣстительный, а строки почаще. Впрочемъ ты будешь знать и самъ, какъ распорядиться заблаговременно, чтобы форма книги была опрятна, прилична и даже щеголевата. Если ты поудержалъ выпускомъ въ продажу второе изданіе »Мер. Душъ«, то сдѣлалъ хорошо, потому что предисловіе можетъ быть понятно читателямъ только по прочтеніи моей »Переписки«, а безъ этого все это будетъ дико, и никто не увидитъ сильной нужды моей въ исполненіи моей просьбы. Прилагаю тебѣ оглавленіе, или перечень статей книги, дабы ты видѣлъ порядокъ и мѣсто всякой и куда именно слѣдуетъ вставить тѣ, которыя не попали въ первое изданіе. (1)

Два письма: 1е »Къ близорукому пріятелю« и 2е »Страхи и ужасы Россіи«, я вычеркнулъ самъ, потому что мнѣ они показались лишними: ихъ содержаніе незначительно и врядъ ли они придутъ кому кстати. Если же они помѣщены уже въ первомъ изданіи, то пусть остаются и во второмъ. Въ предисловіи должны быть поименованы одни заглавія статей. Въ самомъ же текстѣ книги подъ заглавіемъ другая строка: къ кому какое письмо писано, удерживая однѣ

(1) Слѣдуетъ оглавленіе. *П. К.*

только заглавныя буквы имен и фамилій, не выключая и писаннаго къ Языкову объ »Одиссеѣ«. Еще разъ прошу тебя крѣпко не позабыть мнѣ передать твои собственныя впечатлѣнія, по прочтеніи книги, никакъ не скрывая ничего. Я думаю, ты еще болѣе почувствуешь, по прочтеніи книги, что мнѣ слѣдуетъ выставлять напоказъ всѣ заблужденья и грѣхи мои, никакъ не осматриваясь и не взвѣшивая словъ моихъ и даже ни въ какомъ случаѣ не оговариваясь, какъ бы ни показались жесткими замѣчанія...

Пожалуста не позабудь исправить всякія ошибки, какъ мои собственно, такъ и типографическія. У Плетнева, вѣроятно, ихъ набралось много. Онъ проглядываетъ это: я замѣтилъ по моей статьѣ объ »Одиссеѣ« въ »Современникѣ«.

Къ матери.

1847 г., генваря 25. Неаполь.

Сейчасъ я получилъ ваше письмо и спѣшу на него отвѣчать нѣсколько строкъ. Никакъ я не могъ думать, чтобы васъ могло такъ огорчить мое письмо и присланный вмѣстѣ съ нимъ отрывокъ изъ моего завѣщанія, которое было сдѣлано тогда, какъ я точно былъ не далеко отъ смерти, отъ которой Божія милость меня избавила. Вы, какъ видно, не хорошенько вчитавшись въ письмо мое: *прошедшее* приняли за *настоящее*. Я послалъ вамъ отрывокъ изъ завѣщанія, расчитывая на то, что вы уже получили мою книгу, въ которой завѣщаніе мое напечатано цѣликомъ, въ объясненіе причины, зачѣмъ напечатана самая книга и статьи, въ ней находящіяся. Если бы я зналъ, что книга моя замедлитъ выходомъ въ свѣтъ, я бы не послалъ вамъ этого отрывка, или послалъ бы съ надлежащимъ изъясненіемъ и вразумленьемъ. Какъ мнѣ это прискорбно, что вы всѣ не въ мѣру опечалились! Вотъ какъ дурно не думать о смерти и не помышлять о будущей жизни: и малѣйшій намекъ о нихъ уже можетъ смутить такихъ людей, тогда какъ мы ежеминутно и ежечасно должны приготовляться къ смерти и такъ распоряжать дѣла свои, какъ-бы завтра намъ приходилось

разставаться съ жизнью и отдавать отчетъ въ дѣлахъ своихъ Богу. Только одна моя сестра Ольга показала высокое спокойствіе духа, въ строкахъ письма своего, и твердую вѣру въ Бога. Она одна не смутилась и приняла дѣло въ настоящемъ видѣ, а не въ томъ, въ какомъ представляетъ человѣку напуганное воображеніе.

Въ слѣдующемъ письмѣ я буду писать къ вамъ подробнѣе обо всемъ, а теперь спѣшу отправить эти строки, чтобы васъ успокоить. Съ вами нужно быть слишкомъ осторожну. Нужно смотрѣть и взвѣшивать всякое слово. Не понимаю, отчего вамъ представляется, что я намѣренъ остаться навсегда въ Іерусалимѣ, тогда какъ я именно затѣмъ ѣду въ Іерусалимъ, чтобы имѣть право возвратиться въ Россію и начать наконецъ мою службу истинную отечеству, къ которой такъ долго приготовляюсь или лучше — къ которой готовитъ меня самъ Богъ. Я удивляюсь, какъ вы даже не прочитали въ письмѣ моемъ послѣднемъ, что путешествіе это мною отложено до слѣдущаго года, по причинѣ многихъ не совсѣмъ устроившихся дѣлъ моихъ, и говорите, какъ-бы я уже теперь туда ѣхалъ. Ради Бога, смотрите за собой получше: у васъ у всѣхъ разстроены нервы и оттого все на васъ наводитъ безпокойство. Я бы очень хотѣлъ, чтобы вы меня хотя сколько-нибудь умѣли любить любовью во Христѣ. Донынѣ мнѣ кажется, что одна только сестра Ольга начинаетъ меня любить такою любовью. Зато и радость наша при встрѣчѣ съ нею будетъ велика взаимно...

Къ ней же.

Неаполь. Января 25 (1847).

Пишу къ вамъ вновь по поводу вашихъ писемъ, перечитавши ихъ снова. Сначала мнѣ было очень непріятно, что письмо мое, пришедши не вмѣстѣ съ книгой, ввело васъ въ заблужденіе и тревожное состояніе духа. Теперь я вижу, что случилось это не безъ воли Божіей. Письмо мое нечаяннымъ образомъ послужило пробою вашего состоянія душевнаго и обнаружило предо мною, на какой степени любви и вѣры, и вообще на какой степени Христіянскихъ

познаній и добродѣтелей находитесь вы всѣ, — тѣмъ болѣе, что по письмамъ, писаннымъ по пріѣздѣ изъ Кіева, мнѣ уже было-показалось, что сестры мои поняли, что̀ такое Христіянство и чѣмъ оно необходимо въ дѣлахъ жизни. Я обманулся. Духовное распоряженіе, которое я сдѣлалъ во время тяжкой болѣзни, отъ которой меня Богъ Своею милостью избавилъ, распоряженье, которое дѣлаетъ въ такія минуты всякъ, распоряженіе, которое, по-настоящему, всякъ Христіянинъ долженъ сдѣлать заблаговременно и безъ болѣзни, хотя бы надѣялся на свои силы и совершенное здоровье, потому что не мы правимъ днями своими — человѣкъ сегодня живъ, а завтра его нѣтъ, — это самое распоряженіе сдѣлало такое впечатлѣніе на васъ всѣхъ, кромѣ одной Ольги, какъ-бы я уже умеръ и меня нѣтъ на свѣтѣ. Я изумился только тому, какъ могутъ упасть духомъ тѣ, которые только молятся Богу, а не живутъ въ Немъ, какъ Богъ наказываетъ ихъ помраченьемъ разсудка; потому что такъ перетолковать строки письма моего можетъ одинъ тотъ, у котораго въ затмѣніи разсудокъ. — — Завѣщанье мое, сдѣланное во время болѣзни, мнѣ нужно было напечатать по многимъ причинамъ въ моей книгѣ. Сверхъ того, что это было необходимо въ объясненье самого появленья такой книги, оно нужно затѣмъ, чтобы напомнить многимъ о смерти, о которой рѣдко кто помышляетъ изъ живущихъ. Богъ не даромъ далъ мнѣ почувствовать во время болѣзни моей, какъ страшно становится передъ смертью, чтобы я могъ передать это ощущеніе и другимъ. Если бы вы истинно и такъ какъ слѣдуетъ были наставлены въ Христіянствѣ, то вы бы всѣ до единой знали, что память смертная — это первая вещь, которую человѣкъ долженъ ежеминутно носить въ мысляхъ своихъ. Въ Священномъ Писаніи сказано: что тотъ, кто помнитъ ежеминутно конецъ свой, никогда не согрѣшитъ. Кто помнитъ о смерти и представляетъ ее себѣ передъ глазами живо, тотъ не пожелаетъ смерти, потому что видитъ самъ, какъ много нужно надѣлать добрыхъ дѣлъ, чтобъ заслужить добрую кончину и безъ страха предстать на судъ предъ Господа. По тѣхъ поръ, покуда человѣкъ не сродиится съ мыслью о смерти и не сдѣлаетъ ее какъ-бы завтра его ожидающею, онъ никогда не станетъ жить такъ, какъ слѣдуетъ, и всё будетъ откладывать отъ дня до дня на будущее время. Посто-

янная мысль о смерти воспитываетъ удивительнымъ образомъ душу, придаетъ силу для жизни и подвиговъ среди жизни. Она нечувствительно крѣпитъ нашу твердость, бодритъ духъ и становитъ насъ нечувствительными ко всему тому, что возмущаетъ людей малодушныхъ и слабыхъ. Моимъ помышленьямъ о смерти я обязанъ тѣмъ, что живу еще на свѣтѣ. Безъ этой мысли, при моемъ слабомъ состояньи здоровья, которое всегда было во мнѣ болѣзненно и при тѣхъ тяжелыхъ огорченьяхъ, которыя на моемъ поприщѣ предстоятъ человѣку болѣе чѣмъ на всѣхъ другихъ поприщахъ, я бы не перенесъ многаго и меня бы давно не было на свѣтѣ. Но, содержа въ мысляхъ передъ собою смерть и видя передъ собою неизмѣримую вѣчность, насъ ожидающую, глядишь на все земное, какъ на мелочь и на малость, и не только не падаешь отъ всякихъ огорченій и бѣдъ, но еще вызываешь ихъ на битву, зная, что только за мужественную битву съ ними можно удостоиться полученья вѣчности и вѣчнаго блаженства. Безъ этой мысли о смерти и вѣчности, я бы не перенесъ и нынѣшней моей печальной утраты, о которой, вѣроятно, вы уже слышали. Я лишился наилучшаго моего друга, съ которымъ я жилъ душа въ душу, Н. М. Языкова, къ которому я питалъ истинно родственную любовь, потому что питать истинно родственную любовь я могу только къ тѣмъ, которые понимаютъ мою душу и живутъ сколько-нибудь во Христѣ дѣлами жизни своей. Еще за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, эта смерть сокрушила бы меня, можетъ быть, совершенно. Теперь я принялъ эту вѣсть покойно и, зная, что этотъ человѣкъ, за небесную душу свою, удостоенъ небеснаго блаженства, стараюсь отъ всѣхъ силъ, чтобы и меня удостоилъ Богъ быть съ нимъ вмѣстѣ, а потому молю Его ежеминутно, чтобы продлилъ сколько возможно подолѣе жизнь мою, дабы я въ силахъ былъ надѣлать много добрыхъ дѣлъ и удостоиться, подобно ему, небеснаго блаженства; и чрезъ это у меня и бодрости больше въ жизненномъ дѣлѣ, и я гляжу свѣтло впередъ. И такъ вотъ что̀ значитъ смерть и мысль о смерти. — —

Кстати о моемъ пріѣздѣ въ Россію. Чтобы вы не перетолковывали по-своему словъ моихъ и не выводили изъ нихъ своихъ заключеній, я вамъ объявлю мое намѣреніе. Если Богъ мнѣ поможетъ устроить мои дѣла, кончить мое сочиненіе, безъ котораго мнѣ

нельзя ѣхать въ Іерусалимъ, то я отправлюсь въ началѣ будущаго 1848 года въ Святую Землю, съ тѣмъ чтобы оттуда лѣтомъ того же года возвратиться въ Россію. Итакъ помните, что это можетъ случиться только въ такомъ случаѣ, если Богъ мнѣ поможетъ все устроить такъ, какъ я думаю, и не пошлетъ мнѣ препятствій, какія остановили въ нынѣшнемъ году поѣздъ мой, что, впрочемъ, случилось къ лучшему и въ нѣсколько разъ умнѣе того, какъ мы предполагаемъ. Итакъ, если хотите видѣть меня скорѣе, то молитесь Богу и просите у Него. У меня есть точно желаніе ѣхать въ Россію, и желаніе сильное; это я вамъ объявляю, но это не *обѣщаніе*,— понимаете ли вы это? Обѣщанія я и прежде никому не давалъ въ этомъ дѣлѣ, и не даю, да и глупо мнѣ было бы обѣщать и обманывать васъ. Также я васъ просилъ оставаться въ Васильевнѣ и не выѣзжать только въ такомъ случаѣ, если бы отправился дѣйствительно въ этомъ году въ Іерусалимъ; но я не просилъ васъ вообще не выѣзжать въ Полтаву, или въ другія мѣста. Напротивъ, если бы васъ стали упрашивать навѣстить, вы не можете совершенно отказать. Въ городѣ можно узнать больше людей, чѣмъ въ деревнѣ, и если бы взглянули только другими и высшими глазами на общество, то вы бы увидѣли, что предстоитъ множество на всякомъ шагу прекрасныхъ подвиговъ и дѣлъ. Но для этого прежде нужно предварительно и долго узнавать людей, иначе всякая помощь, какую мы ни станемъ оказывать людямъ, обратится мнѣ во вредъ, а не въ пользу. Потому-то я и просилъ ихъ, сестеръ моихъ, которыя имѣютъ болѣе на то времени, нежели мать, занятая и безъ того добрымъ дѣломъ хозяйства и попеченья о семействѣ дома, и которыя притомъ молоды и всему еще могутъ выучиться; потому-то я и просилъ ихъ разспрашивать всѣхъ людей, какъ о нихъ самихъ, такъ и о всѣхъ другихъ, ихъ окружающихъ. Человѣкъ страждетъ на всякомъ шагу, и на всякомъ мѣстѣ часто происходятъ безмолвныя страданія тамъ, гдѣ мы не подозрѣваемъ и не предполагаемъ. — — Если бы онѣ дали себѣ трудъ разспросить только однихъ городскихъ священниковъ о томъ, каковы у нихъ люди въ ихъ приходахъ и чѣмъ они страждутъ и какія у нихъ болѣзни душевныя и нужды, то они узнали бы уже много того, чего не знаютъ и не видятъ многіе люди. Кромѣ того всякій чиновникъ,

если только его разспросишь, въ чемъ состоитъ его должность, то увидишь, что онъ состоитъ въ какомъ-нибудь соприкосновеньи съ людьми и знаетъ людей и вещи съ такой стороны, съ какой не знаетъ другой. Словомъ, отъ всѣхъ можно учиться на всякомъ шагу. И если только одинъ годъ такъ проведешь, терпѣливо узнавая и выпытывая, и не спѣша съ-горяча помогать на Донкишотскій образецъ, когда еще не умѣешь помогать, тогда наконецъ дойдешь точно до того, что узнаешь душу человѣка и увидишь, что на всякомъ шагу предстоитъ дѣло и занятіе высокое для души — и вся жизнь обратится въ наслажденье. Писалъ я также о гостепріимствѣ и хлѣбосольствѣ, но о хлѣбосольствѣ всѣмъ тѣмъ, что̀ Богъ послалъ, что̀ производитъ собственная земля и хозяйство, а не тѣмъ, что̀ берется въ городѣ изъ бакалейныхъ лавокъ, или что̀ привозятъ разнощики. Этой дрянью никого не удивишь и не насытишь, — только что трата на-счетъ неимущихъ; потому что, если разсмотришь къ концу года расходы да подведешь итогъ и смѣту всему, такъ увидишь, что на это ушла одна и другая тысяча. Но если бы хозяйки распорядились, чтобы на столѣ у нихъ не было ничего покупного, и говорили бы гостю своему: »Мы васъ угощаемъ не тѣмъ, что̀ вы ѣдите всякой день: это, мы знаемъ, вамъ прискучило, да и вышло оно бы, во всякомъ случаѣ, хуже того, что̀ вы ѣдите всякой день, потому что городъ отъ насъ далекъ, вина къ намъ могутъ придти дурныя, а не хорошія; но угощаемъ мы васъ нашими національными Малороссійскими блюдами, которыхъ вы, вѣрно, въ городахъ не найдете«; то, повѣрьте мнѣ, гостю будутъ въ нѣсколько разъ пріятнѣе эти простыя вкусныя блюда, чѣмъ тѣ, которыя хотятъ быть на манеръ Нѣмецкой и выходятъ ни се, ни то. А домашнія хорошо сдѣланныя наливки ему понравятся гораздо больше Французскихъ порченныхъ (винъ), и такимъ образомъ одна-другая тысяча осталась бы въ карманѣ, и можетъ быть, отъ нея досталось бы на долю и тѣмъ, которые умираютъ отъ нужды. Истинное хлѣбосольство не въ томъ, чтобы завести у себя столъ ничѣмъ не хуже другихъ людей, обезьянничая на манеръ другихъ и боясь на всякомъ шагу того, чтобы гость не осудилъ чего и не посмѣялся надъ чѣмъ. Истинное хлѣбосольство состоитъ въ радушномъ вниманіи къ гостю, въ умѣньи разспрашивать и интересоваться его положеніемъ и обстоятель-

ствами, въ умѣніи показать ему сочувствіе въ его горѣ и въ его весселіи, въ умѣньи сказать ему утѣшительное слово, такъ чтобы ему, по уѣздѣ отъ васъ, стало бы легко на душѣ и показалось бы ему, что онъ былъ у близкихъ и родныхъ себѣ людей. Но довольно; я усталъ, у меня и безъ того мало времени. — —

Къ В. А. Жуковскому.

Неаполь. 25 января (1847).

И Языкова уже нѣтъ! Небесная родина наша наполняется ежеминутно болѣе и болѣе близкими нашими сердцу, и тѣмъ какъ-бы становится намъ желаннѣй и драгоцѣннѣй. Братъ мой прекрасный, отнынѣ мы должны быть еще ближе другъ другу и, живя на землѣ, глядѣть такъ другъ на друга, какъ-бы встрѣтившіеся, въ дому небеснаго Родителя нашего, братья. Посылаю выписку изъ письма Шевырева...

Къ N F.

Неаполь. Января 30 (1847).

По дѣламъ моимъ произошла совершенная безтолковщина. Изъ книги моей напечатана только одна треть. — — — Другъ мой, прошу васъ, молитесь обо всемъ этомъ и особенно молитесь о томъ, чтобы послалъ Богъ необходимое спокойствіе въ мою душу, которое теперь слишкомъ трудно будетъ сохранить мнѣ, потому что недуги приступили ко мнѣ вновь. Безсонницы, продолжающіяся уже болѣе мѣсяца, извѣстіе о смерти Языкова, съ которымъ мы жили душа въ душу, наконецъ извѣстіе о бѣдѣ, постигшей мою книгу, и о *нелѣпомъ* ея появленіи въ свѣтъ, все это изнурило меня. Другъ мой, молитесь обо мнѣ, да Господь подастъ мнѣ силы и укрѣпитъ меня...

В. А. Жуковскому.

Неаполь. Февраль 10 (1847).

По дѣламъ моимъ, относительно печатанія книги, произошла совершенная безтолковщина. — — Вышла не то книга, не то брошюра. Лица и предметы, на которые я обращалъ вниманіе читателя, исчезнули, и выступилъ одинъ я, своей собственной личной фигурой, точно какъ-бы издавалъ книгу затѣмъ, чтобы показать себя. Безтолковщина эта меня прежде бы очень разсердила, но теперь, слава Богу, спокойствіе мое не возмутилось. — — Рука Божья чьими-то чистѣйшими молитвами хранитъ меня!

Здоровье мое нѣсколько вновь разстроилось. Ночи я не сплю и самъ не могу понять, отчего, потому что волненья нервическаго нѣтъ, ниже волненья въ крови. Слабость усилилась, и нѣкоторые прежніе недуги стали возвращаться. Но Божьей милостью духъ унынья далеко отъ меня. И самая неожиданная смерть Языкова не повергнула меня въ печаль, но въ какое-то тихое упованье. Всею душою обнимаю всѣхъ васъ, отъ мала до велика, составляющихъ прекрасную и близкую душѣ моей семью...

Къ П. А. Плетневу.

Неаполь. Февраля 11 (1847).

Я пишу къ тебѣ эту маленькую записочку только затѣмъ, чтобы увѣдомить тебя, что письмо твое, со вложеніемъ векселя, мною получено. Книга до меня не дошла, чему я отчасти даже радъ, потому что, признаюся, мнѣ бы тяжело было на нее глядѣть. — — Ты, вѣроятно, теперь уже получилъ три письма мои, съ распоряженіями по части второго изданія ея, въ полномъ видѣ, со включеніемъ всѣхъ мѣстъ и приведеніемъ всего въ полный порядокъ. Первое письмо, весьма длинное, писанное тотчасъ по извѣщеніи твоемъ о происшедшей безтолковщинѣ; второе, посланное съ А*** третье отправленное, назадъ тому нѣсколько дней, въ отвѣтъ на увѣдомленіе о выпускѣ въ свѣтъ обгрызеннаго И*** оглодка. Я

предполагалъ прежде второе изданіе печатать въ Москвѣ, разсчитывая на меньшія издержки и на доставленіе отдыха тебѣ; но вижу, что весьма легко можетъ случиться отъ этого какая-нибудь новая безтолковщина и, во всякомъ случаѣ, замедленіе; а книгѣ слѣдуетъ быть выпущенной къ Свѣтлому Воскресенію, ибо послѣ этого времени, какъ самъ знаешь, все книжное останавливается. Возьми въ помощь Р***. Онъ человѣкъ весьма аккуратный, и если его немножко введешь въ это дѣло, онъ съумѣетъ хорошо держать корректуру. Впрочемъ самъ смѣкни, какъ уладить. Если же, прежде пропуска статей, окажется сильная потребность второго изданія книги даже въ нынѣшнемъ ея видѣ, то отпечатай наскоро, елико возможно, еще заводъ, если не два, и печатай полное изданіе третіе, не заботясь о томъ, что не разошлось второе. Не позабудь того, что я прошу читателей покупать не только для себя, но и для тѣхъ, которые не въ силахъ сами купить; а для раздачи людямъ простымъ, я думаю, даже лучше придется книга въ ея нынѣшнемъ видѣ. Цѣну можешь положить меньшую; впрочемъ это зависитъ отъ твоего соображенія. Что̀ касается до книги въ ея полномъ видѣ, то ей цѣна три руб. сер., не меньше. Какъ бы то ни было, но въ ней должно̀ быть около 600 страницъ. Денегъ мнѣ больше не присылай, потому что поѣздка моя, въ слѣдствіе этихъ смутъ и хлопотъ, равно какъ и самого моего здоровья, нынѣ вновь ослабѣвшаго, равно какъ и неполученіе тоже до сихъ поръ паспорта, отодвинута далѣе; а отправь, покуда, двѣ тысячи моей матери, если удосужишься и если деньги накопились. Не благодарю тебя, покамѣстъ, еще ни за что̀, — ни за дружбу, ни за аккуратность, ни за хлопоты по дѣламъ моимъ. Что̀ же дѣлать? Есть дѣла, которыя должны быть впереди нашихъ личныхъ дѣлъ, а такимъ я почитаю пропускъ именно тѣхъ самыхъ статей, которыя не показались тебѣ важными и на-счетъ которыхъ ты согласился, что ихъ лучше не печатать.

Къ нему же.

$\frac{\text{22 февраля.}}{\text{6 марта н. с.}}$ 1847 г.

Прости меня, добрый другъ, за тѣ большія непріятности, которыя я, можетъ быть, нанесъ тебѣ моими нескромными прось-

бами о возстановленіи моей книги въ ея прежнемъ видѣ. Прости меня, если у меня вырвалось какое-нибудь слово, тебя оскорбившее, въ томъ письмѣ моемъ, въ которомъ вложено было письмо къ доброй А. О. Ишимовой. Думаю такъ потому, что писалъ его въ тревожномъ состояніи, среди одолѣвшихъ меня недуговъ и печальныхъ извѣстій. Одолѣлъ меня также и страхъ за мою книгу, которая могла быть непонятна отъ выпуска многихъ статей, потому что въ ней было все въ связи и послѣдовательности, въ которой, только опираясь на предыдущее, я позволялъ себѣ сказать послѣдующее. — — — Не ради достоинства самихъ статей, но ради важности самого предмета, мнѣ хотѣлось, чтобы по поводу ихъ было сказано другими умнѣе и лучше моего и отъ этого распространилось бы у насъ большее знаніе земли своей и народа своего. Я былъ увѣренъ, и теперь въ этомъ увѣренъ, что статьи мои не могли напечататься отъ неприличія тона рѣчи, что, облегчивши и уничтоживши многое, онѣ придутъ въ такой видъ, въ какомъ могутъ быть пропущены. Я писалъ къ кн. В**** и гр. М.Ю.В**** разсмотрѣть строго мою книгу. Кн. В**** писалъ потомъ еще письмо, умоляя уничтожить сначала заносчивыя выходки, неприличныя выраженія, всѣ мѣста, показывающія самонадѣянность, самоувѣренность и гордость того, кто писалъ ихъ, и попробовать прочитать всю книгу сплошь въ исправленномъ видѣ, чтобы увидѣть еще разъ, можно ли ее представить. Я не упрямъ. Я вѣрю, что они лучше знаютъ меня многія вещи и приличія, и если скажутъ, что и тогда нельзя, то ни слова не скажу и покорюсь. Но, другъ мой, мнѣ бы хотѣлось, чтобы хотя два-три человѣка прочли мою книгу въ связи, всю сплошь. Это мнѣ очень нужно потому, что этими статьями я хотѣлъ не столько учить другихъ, но самому многому учиться, потому что — говорю тебѣ не ложь — мнѣ нужно слишкомъ много набраться отъ умныхъ людей, чтобы написать какъ слѣдуетъ мои »Мертвыя Души«, которыя, право, могутъ быть очень нужная у насъ вещь, и притомъ дѣльная вещь. Мнѣ нужно много практическихъ и положительныхъ свѣдѣній, которыя я думалъ вызвать этими статьями, — именно затѣмъ, чтобы быть также ясну и просту въ »М. Д.«, какъ неясенъ и загадоченъ въ этой книгѣ моей. Нужно взять изъ на-

шей же земли людей, изъ нашего же собственнаго тѣла, такъ чтобы читатель почувствовалъ, что это именно взято изъ того самого матеріала, изъ котораго и онъ самъ составленъ: иначе не будутъ живы образы и не произведутъ благотворнаго дѣйствія. А потому, Богъ вѣсть, можетъ, по прочтеніи моей книги сплошь, придетъ кн. В**** благая мысль подарить и Русскую литературу, и меня такими письмами, которыя, разумѣется, въ нѣсколько разъ будутъ лучше моихъ, прямѣй и ближе къ дѣлу, и могутъ быть напечатаны отдѣльной книгой. Можетъ быть, и добрѣйшій гр. М. Ю. В*** снабдитъ меня такими замѣчаніями, за которыя всю жизнь мою буду ему благодаренъ. Я не знаю, какъ передъ нимъ извиняться, не смѣю даже и писать къ нему. Я думаю, что я слишкомъ огорчилъ моими всѣми докуками. Покажи имъ лучше это письмо мое, то есть, и ему, и кн. В****. Можетъ быть, они, прочитавши его, сколько-нибудь извинятъ меня и простятъ меня. Мнѣ кажется, что все семейство его, мною нѣжно любимое, мною недовольно, потому что, съ появленія моей книги, никто изъ нихъ не писалъ ко мнѣ. Скажи имъ, что всѣ мои проступки, въ которыхъ видятъ и самонадѣянность, и самолюбіе, и самоослѣпленіе, происходятъ, просто, отъ глупости, отъ нетерпѣнія переждать немного, пока придешь въ такое состояніе, что можешь заговорить просто и безъ напыщенности о томъ, что̀ теперь выражается грубо, неотесанно и напыщенно. Такъ бываетъ со всякимъ юношей, который не созрѣлъ: онъ всегда хватитъ нотой ниже, или выше того, чѣмъ нужно. Итакъ желаніе мое, чтобы гр. М. Ю. В***, кн. В*** и даже В. А. П***, если захотятъ, были моими судьями, и для этого мнѣ бы хотѣлось, чтобы вся книга была переписана сплошь, со включеніемъ всего [кромѣ двухъ статей »Къ близорукому пріятелю« и »Страхи и ужасы«, которыя совсѣмъ не для печати и на мѣсто которыхъ у меня готовились другія, подъ тѣмъ же заглавіемъ]. Скажи, что никакое рѣшеніе ихъ не огорчитъ меня, что увидать свѣтъ эти статьи должны были только затѣмъ, чтобы доставить мнѣ замѣчанія [если я вмѣстѣ съ тѣмъ и питалъ сокровенное желаніе доставить ими пользу]; что, если мнѣ сдѣлаютъ они замѣчанія и побранятъ меня, я тогда помирюсь совершенно съ судьбой моихъ писемъ. Другъ мой, не

сердись на меня и ты ни за что и употреби съ своей стороны все, чтобы подвигнуть ихъ къ сему последнему делу. Дело это будетъ истинно Христіянское, потому что обратится въ добро.

Уведомляю тебя, что отъездъ мой на Востокъ, по случаю расклеившагося моего здоровья, позднаго полученія пашпорта [его получилъ только вчера, стало, я бы не поспелъ въ Іерусалимъ къ Светлому празднику, если бы и могъ ехать] и, наконецъ, по случаю всякаго рода препятствій, случившихся съ теми моими пріятелями, которые должны были также ехать въ Іерусалимъ [я же одинъ, по немощи душевной и телесной, не могъ пуститься въ такую дорогу], — итакъ, по случаю всего этого и вместе съ темъ по случаю надобности ехать на железныя воды и на морское купанье, отъездъ мой отодвинутъ. А потому мне всякія письма следуетъ, до мая первыхъ чиселъ, отправлять еще въ Неаполь, а отъ мая до сентября во Франкфуртъ, на имя Жуковскаго, а съ сентября вновь въ Неаполь, откуда, если Богъ благословитъ, на Востокъ, а съ Востока на нашу Русскую сторону.

Уведомляю также тебя, что книгъ до сихъ поръ не получилъ ни одной. Я полагаю, это оттого, что, вероятно, оне были адрессованы на мое имя; а такъ какъ самъ по себе я человекъ невеликъ, не смотря на великую возню, которая идетъ обо мне теперь въ литературе, то курьеръ ихъ и оставилъ въ какой-нибудь канцеляріи по дороге. Всего бы лучше адрессовать или на имя посланника, или, по крайней мере, секретаря посольства. Что касается до векселя Прокоповича, то онъ, вероятно, полученъ кемъ-нибудь другимъ. Надобно тебе знать, что во Франкфурте, во время нашего пребыванія вместе съ Жуковскимъ, завелся другой Жуковскій и другой Гоголь. Эти господа весьма часто получали наши письма. Какого бы рода ни былъ этотъ другой Гоголь, или не-Гоголь, воспользовавшійся деньгами, но онъ, безъ сомненія, былъ чаовекъ безпутный и безденежный, стано быть, и теперь остался безпутнымъ и безденежнымъ; а потому взыскивать пришлось бы или съ несчастной семьи, или съ родственниковъ, чего Боже сохрани. Жуковскаго я просилъ разузнать, если можно, но не взыскивать. Ты видишь самъ: деньги эти были посланы противъ моего желанія, когда уже было сделано имъ другое распоряженіе,

а потому и не судьба была прійти имъ въ мои руки. Прокоповичу скажи, чтобы онъ объ этомъ не сокрушался: что случилось, то случилось. Скажи ему также, что у меня на душѣ не только нѣтъ противъ него какого-нибудь неудовольствія, но, напротивъ того, самое дружески-товарищественное расположеніе; потому грѣхъ будетъ ему, если онъ питаетъ противъ меня какое-нибудь неудовольствіе.

Прошу тебя также сдѣлать мнѣ истинно дружескую услугу: посылать прямо по почтѣ въ письмѣ, вырвавши изъ журналовъ, листки, гдѣ говорится о моей книгѣ, въ какомъ бы ни было смыслѣ и кѣмъ бы ни были они сказаны. Я хочу лучше заплатить подороже за пересылку, чѣмъ совсѣмъ не получить ихъ, или получить тогда, когда они не будутъ мнѣ нужны. Деньги, я полагаю, у тебя для этого будутъ отъ второго изданія, которое я просилъ [въ письмѣ, вѣроятно, доставленномъ уже тебѣ отъ Ар. Р***] напечатать, сходно съ первымъ, какъ можно поскорѣе, если настоятъ требованія отъ книгопродавцевъ. Жуковскій, который получилъ мою книгу, пишетъ, что въ ней множество опечатокъ. Пожалуста похлопочи объ исправленіи.

Къ матери.

Неаполь. Февраля 16, 1847.

Назадъ тому недѣли двѣ, я писалъ вамъ довольно длинное письмо, со вложеніемъ другого, еще болѣе длиннаго, къ сестрѣ Ольгѣ. Вы его, вѣроятно, получили. Вѣроятно, вы уже получили также и самую книгу, въ которой находится выборъ изъ моихъ писемъ къ тѣмъ близкимъ моему сердцу людямъ, которые меня понимали и любили, просьбы мои и желанья исполняли и стали душой и жизнью своей мнѣ родными людьми.

Вы, можетъ быть, уже получили и деньги двѣ тысячи рублей, которыя я поручилъ переслать къ вамъ изъ Петербурга, какъ только будетъ выпродана моя книга. Тысячу изъ этихъ денегъ употребите въ уплату процентовъ въ ломбардъ, 500 въ уплату за ученье племянника моего, остальныя 500 раздѣлите между собой

для собственныхъ нуждъ своихъ, то есть: по сту рублей всякой сестрѣ и двѣсти рублей для маминьки. Повторяю вамъ всѣмъ вновь, что, относительно денежныхъ расходовъ, нужно, болѣе чѣмъ когда-либо, наблюдать бережливость и благоразуміе, чтобы умѣть не только содержать самихъ себя, но еще прійти въ возможность помогать другимъ; потому что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, нуждающихся. Если вамъ вообразилось, что вы уже распоряжаетесь очень умно и хозяйничаете совершенно такъ, какъ слѣдуетъ истинно хорошимъ хозяйкамъ, и достигнули уже такой мудрости, что умѣете чувствовать границу между излишнимъ и необходимымъ, и не издерживаете ни на что, какъ только на самое нужное; то знайте, что духъ гордости овладѣлъ вами и самъ сатана подсказываетъ вамъ такія рѣчи, потому что и напопытнѣйшій хозяинъ и наиумнѣйшій человѣкъ дѣлаетъ ошибки. Счастливъ тотъ, кто видитъ свои ошибки и перебираетъ въ мысляхъ всѣ сдѣланныя дѣла свои именно затѣмъ, чтобы отыскать въ нихъ ошибки: онъ достигнетъ совершенства и во всемъ успѣетъ. Горе тому, кто самоувѣренъ и не разсматриваетъ прежнихъ поступковъ, въ убѣжденіи, что они всѣ умны: ему никогда не добыть разума; Богъ его оставитъ. — — — Я и въ чужой землѣ, будучи нѣкоторое время совершенно безъ всякихъ средствъ, вовсе не живя на всемъ готовомъ, добывая слишкомъ трудно копейку для самаго скуднаго содержанія, протянулся, однакожъ, съ помощію Божіей, до сихъ дней и увидѣлъ, что причина скудности человѣка заключается почти всегда въ немъ самомъ, именно отъ увѣренности, что онъ уже совершенно ограничилъ себя во всемъ и не издерживаетъ ни на что лишняго. Храни васъ Богъ всѣхъ отъ этой смѣшной увѣренности. Перечтите хорошенько всѣ ваши расходы и приходы — — и взвѣсьте всякую вещь по степени ея надобности и необходимости одну передъ другою; вы увидите сами, что многія издержки были такія, о которыхъ вы и не думали въ началѣ года, которыя сюрпризъ для васъ самихъ, именно потому, что вы о нихъ не думали въ началѣ года. Вы увидите, что многія издержки сдѣлали собственно затѣмъ, чтобы не отстать отъ другихъ, чтобы избѣгнуть нареканья, что у васъ что-нибудь не такъ хорошо, или не такъ, какъ у другихъ людей, изъ боязни выставить недостатокъ

и бѣдность на многихъ вещахъ, начиная отъ мебелей, экипажа, стола, кушаньевъ, прислуги, дворовыхъ людей и всего, что̀ ни есть въ домѣ. Не говорю я это съ тѣмъ, чтобы васъ попрекнуть въ чемъ-либо по этой части, но говорю это съ тѣмъ, чтобы сказать, что для тѣхъ людей, которые смущаютъ себя мыслію въ продолженіе года, что имѣнье ихъ опишутъ въ казну за невнесенье процентовъ и что имъ нечѣмъ уплачивать казенныхъ податей, слѣдовало бы подумать прежде въ началѣ года о томъ, чтобы первыя деньги отложить для этого дѣла, а на все прочее только въ такомъ случаѣ позволять себѣ расходы, когда уже совершенно обезпечено главное. Иначе никогда не будетъ толку и сколько ни будетъ увеличиваться доходъ, онъ будетъ весь разлетаться невидимо, такъ что и самъ не будешь знать, куда ушли деньги, и всё по-прежнему будешь всегда въ безденежьи и въ несостояніи ни помочь бѣдному, ни самому за себя внести при какомъ-нибудь внезапномъ требованіи. — — Нѣтъ, да отгонитъ отъ васъ Богъ духъ самоувѣренности въ себѣ и внушитъ вамъ лучше духъ недовѣрія къ себѣ! Пусть лучше каждая изъ васъ говоритъ себѣ: »А разсмотрю-ка я получше, точно ли все это такъ, какъ мнѣ кажется, точно ли я поступаю такъ безошибочно-умно, какъ мнѣ думается!« Я писалъ, чтобы всѣ сестры серьезно въ концѣ каждаго мѣсяца свѣряли счеты и повѣряли степень необходимости всякой издержки, и въ концѣ года вновь разсмотрѣли бы всѣ расходы до малѣйшихъ подробностей, подведя вѣрный итогъ всему, затѣмъ чтобы извлечь оттуда себѣ инструкцію въ надоумленье, какъ быть въ слѣдующемъ году. Повторяю и теперь все это. Прибавлю въ придачу: представлять себѣ въ началѣ года всѣ издержки, могущія быть во все продолженіе года, чтобы не имѣть потомъ всякаго рода сюрпризовъ, которые не любятъ соображать впередъ и лѣнятся обнимать умомъ вещи во всѣхъ подробностяхъ. — — Я бы желалъ даже, чтобы тѣмъ людямъ, которымъ поручена продажа, поручено было вмѣстѣ съ тѣмъ разговаривать со всякимъ продавцомъ и развѣдывать всякого продавца [разумѣется, какъ-будто бы отъ собственнаго любопытства своего, а не потому, что это ему наказано дѣлать], на что̀ и зачѣмъ онъ покупаетъ, куда и въ какія руки потомъ перепродастъ, не пропуская при этомъ случаѣ разспросить, откуда и

самъ онъ и какъ у нихъ живутъ, въ чемъ достатокъ и недостатокъ, на чемъ добываютъ копейку и выигрываютъ, въ чемъ терпятъ, — такъ, чтобы разспросивши хорошенько продавца, могъ бы онъ потомъ разсказать Лизѣ и о бытѣ, и образѣ жизни тѣхъ людей, которые живутъ не въ вашей деревнѣ. Всѣ эти подробности мнѣ очень нужны, и вы потомъ только узнаете, какая потомъ будетъ польза отъ этого для васъ. — — При этомъ прилагаю письмо племяннику, котораго заставляйте писать ко мнѣ почаще, но писемъ его сами не читайте: это его свяжетъ, онъ будетъ стыдиться, а ему слѣдуетъ быть со мной откровеннымъ во всемъ.

Пишу къ вамъ такъ часто теперь потому, что мнѣ улучилось имѣть свободное время, и потому, что вижу надобность хоть сколько-нибудь васъ укрѣпить въ *дѣлѣ жизни*. Я никогда не думалъ до сихъ поръ, чтобы вы были такъ мало Христіянки. Я думалъ, что вы всё-таки хоть сколько-нибудь понимаете существо Христіянства. А вы, какъ видно, мастерицы только исполнять наружные обряды, не пропускать вечерни, поставить свѣчку да ударить лишній поклонъ въ землю. А на практикѣ и въ дѣлѣ, гдѣ нужно именно показать человѣку, что онъ живетъ точно во Христѣ, вы, какъ говорится, на *попятный дворъ*. Вотъ почему я написалъ къ вамъ сряду два длинныхъ письма, нынѣшнее и предыдущее, еще не получивши отвѣта на прежнія, — чтобы мнѣ не быть за васъ въ отвѣтѣ передъ Богомъ. Но теперь, въ продолженіе цѣлаго года, вы не будете отъ меня получать писемъ, кромѣ развѣ изрѣдка самыхъ маленькихъ, съ извѣщеньемъ, что, слава Богу, живъ; потому что у меня есть дѣло, которымъ слѣдуетъ заняться и которое важнѣй нашей переписки. А потому совѣтую вамъ почаще перечитывать мои прежнія письма во все продолженіе года, такъ какъ-бы новыя.

Къ NF.

Февраля 22. Неаполь (1847).

Какъ мнѣ пріятно было получить ваши строчки, моя добрая NF! Ко мнѣ мало теперь пишутъ: съ появленья моей книги еще никто не писалъ ко мнѣ. Кромѣ короткихъ увѣдомленій, что книга

вышла и производитъ разнообразные толки, я ничего еще не знаю,— какіе, именно толки не знаю, не могу даже и опредѣлить ихъ впередъ. — — Я до сихъ поръ не получалъ ее и даже боюсь получить. Какъ ни крѣплюсь, но, признаюсь вамъ, мнѣ будетъ тяжело на нее взглянуть. Все въ ней было въ связи и въ послѣдовательности и вводило постепенно читателя въ дѣло—и вся связь теперь разрушена! Будьте свидѣтелемъ моей слабости душевной и моего неумѣнья переносить. — — — Я, писавши къ вамъ, имѣлъ уже въ виду многихъ другихъ и желалъ добиться вѣрныхъ и настоящихъ свѣдѣній о внутреннемъ состояніи душевномъ люда, живущаго у насъ повсюду. Мнѣ это нужно; вы не знаете, какъ это вразумляетъ меня. Я бы давно былъ гораздо умнѣе нынѣшняго, если бы мнѣ доставлялась вѣрная статистика. Если бы вы доставляли мнѣ въ продолженіе года хотя такія извѣстія, какія содержатся въ нынѣшнемъ вашемъ миломъ письмѣ, на которое я вамъ отвѣчаю, [хотя въ немъ говорится только о невозможности дѣлать добро], то я чрезъ это самое къ концу года пришелъ бы въ возможность сказать вамъ вещи, гораздо болѣе удобныя къ приведенію въ исполненіе. У меня голова находчива, и затруднительность обстоятельствъ усиливаетъ умственную изобрѣтательность; душа же человѣка съ каждымъ днемъ становиться яснѣй. Но когда я не введенъ въ тѣ подробности, которыя другой считаетъ незначительными, душа моя тоскуетъ, и мнѣ точно какъ-будтобы душно и не развязаны мои руки. Вся книга моя долженствовала быть пробою: мнѣ хотѣлось сю попробовать, въ какомъ состояніи находятся головы и души; мнѣ хотѣлось только поселить, посредствомъ ея, въ головѣ идеалъ возможности дѣлать добро; потому что есть много истинно доброжелательныхъ людей, которые устали отъ борьбы и омрачились мыслью, что ничего нельзя сдѣлать. Идею возможности, хотя и отдаленную, нужно носить въ головѣ, потому что съ ней, какъ съ свѣтильникомъ, всё-таки отыщешь что-нибудь дѣлать, а безъ нея вовсе останешься въ-потьмахъ. Письма эти вызвали бы отвѣты; отвѣты эти дали бы мнѣ свѣдѣнія. Мнѣ нужно много набрать знаній; мнѣ нужно хорошо знать Россію. Другъ мой, не позабывайте, что у меня есть постоянный трудъ: эти самыя »Мертвыя Души«, которыхъ начало явилось въ такомъ неприглядномъ видѣ. Другъ

мой, искусство есть дѣло великое. Знайте, что всѣ тѣ идеалы, которыхъ напичкали въ головы Французскіе романы, могутъ быть выгнаны другими идеалами, и образы ихъ можно произвести такъ живо, что они станутъ неотразимо въ мысляхъ и будутъ преслѣдовать человѣка въ такой степени, что львицы возжелаютъ попасть въ другія львицы. Способность созданья есть способность великая, если только она оживотворена благословеньемъ высшимъ Бога. Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю ее, какъ слѣдуетъ, въ дѣло; а употребить ее, какъ слѣдуетъ, въ дѣло я въ силахъ только тогда, когда разумъ мой озарится полнымъ знаніемъ дѣла. Вотъ почему я съ такою жадностью прошу, ищу свѣдѣній, которыхъ мнѣ почти никто не хочетъ, или лѣнится доставлять. Не будутъ живы мои образы, если я не сострою ихъ изъ нашего матеріала, изъ нашей земли, такъ что всякъ почувствуетъ, что это изъ его же тѣла взято. Тогда только онъ проснется и тогда только можетъ сдѣлаться другимъ человѣкомъ.

Другъ мой, вотъ вамъ исповѣдь литературнаго труда моего. Ее объявляю вамъ, потому что васъ удостоилъ Богъ понимать многое [благословите же всякіе недуги и сокрушенія, возведшіе до этой степени вашу душу]. Съ Московскими моими пріятелями объ этомъ не разсуждайте. Они люди умные, но многословны, и отъ нечего дѣлать толкутъ воду въ ступѣ. Оттого ихъ можетъ смутить всякая бабья сплетня и сдѣлаться для нихъ предметомъ неистощимыхъ споровъ. Пусть ихъ путаются обо мнѣ; я ихъ вразумлять не буду. А между тѣмъ ихъ мнѣнья обо мнѣ имѣютъ ту выгодную сторону, что всё-таки заставятъ меня лишній разъ оглянуться на себя, а это очень не мѣшаетъ; и потому я любопытенъ знать все, что говорятъ обо мнѣ. Не скрывайте же и вы отъ меня ничего, откуда ни услышите. Не лѣнитесь и не забывайте меня вашими письмами. Ваши письма всегда мнѣ приносили радость душевную, а теперь болѣе, чѣмъ когда-либо прежде.

Ваши мысли о трудности имѣть какое-нибудь доброе вліяніе на жителей города NN, очень основательны и разумны. Но не смущайтесь этимъ и вообще тѣмъ, что душа ваша остается безъ большихъ подвиговъ. Уже и это подвигъ, если добрый человѣкъ, подобный вамъ, захотѣлъ жить въ городѣ NN; а подвиги придутъ. Не по-

забывайте, что разумъ нашъ въ распоряженьи у Бога: сегодня онъ видитъ невозможность, завтра Богу угодно раздвинуть предъ нимъ горизонтъ шире, и онъ уже видитъ тамъ возможность, гдѣ встрѣчалъ прежде невозможность. Пишите ко мнѣ чаще, и говорю вамъ нелицемѣрно, что это будетъ съ вашей стороны истинно Христіянскій подвигъ, и если хотите доброе даянье ваше сдѣлать еще существеннѣе, присоединяйте къ концу вашего письма всякой разъ какой-нибудь очеркъ и портретъ какого-нибудь изъ тѣхъ лицъ, среди которыхъ обращается ваша дѣятельность, чтобы я по немъ могъ получить хоть какую-нибудь идею о томъ сословіи, къ которому онъ принадлежитъ въ нынѣшнемъ и современномъ видѣ. Напримѣръ, выставьте сегодня заглавіе: *Городская львица*, и, взявши одну изъ нихъ такую, которая можетъ быть представительницей всѣхъ провинціяльныхъ львицъ, опишите мнѣ ее со всѣми ухватками — и какъ садится, и какъ говоритъ, и въ какихъ платьяхъ ходитъ, и какого рода львамъ кружитъ голову, словомъ — личный портретъ во всѣхъ подробностяхъ. Потомъ завтра выставьте заглавіе: *Непонятая женщина*, и опишите мнѣ такимъ же образомъ непонятую женщину. Потомъ: *Городская добродѣтельная женщина*; потомъ: *Честный взяточникъ*; потомъ: *Губернскій левъ*. Словомъ, всякаго такого, который вамъ покажется типомъ, могущимъ подать собою вѣрную идею о томъ сословіи, къ которому онъ принадлежитъ. Вспомните прежнюю вашу веселость и умѣнье замѣчать смѣшныя стороны человѣка, и, вооружась ими, вы сдѣлаете для меня живой портретъ. Мысль, что это вы сдѣлаете не для празднаго пересмѣханья, а для добра, одушевитъ васъ охотою рисовать съ такими подробностями портреты, съ какими бы вы пренебрегли прежде. Послѣ вы увидите, если только милость Божія будетъ сопровождать меня въ трудѣ моемъ, какое Христіянски-доброе дѣло можно будетъ сдѣлать мнѣ, наглядѣвшись на портреты ваши, и виновницей этого будете вы. Я не думаю, чтобы эта работа была для васъ трудна и утомительна. Тутъ нѣтъ ни системы, ни плана. Я думаю даже, что это будетъ пріятно вамъ, потому что, составляя портреты, вы будете представлять передъ собою меня и будете чувствовать, что вы для меня это дѣлаете. Для того все пріятно дѣлать, кого любишь, а вы меня любите, за что̀ да наградитъ васъ

Богъ много, много! Много есть людей, которые говорятъ мнѣ тоже, что они меня любятъ, но любви ихъ я не довѣряю: она шатка и подвержена всякимъ измѣненьямъ и вліяньямъ. Вы же любите меня *во Христѣ*, а потому и любовь ваша вѣчна, какъ самая жизнь во Христѣ. Но прощайте, моя добрая, до слѣдующаго письма! Мнѣ чувствуется, что мы теперь чаще, нежели прежде, будемъ писать другъ къ другу. Цѣлую ручки ваши и Богъ да хранитъ васъ!...

Къ С. Т. Аксакову.

1847 г., 6 марта. Неаполь.

Благодарю васъ, мой добрый и благородный другъ, за ваши упреки; отъ нихъ хоть и чихнулось, но чихнулось во здравіе. Поблагодарите также добраго N N и скажите ему, что я всегда дорожу замѣчаньями умнаго человѣка, высказанными откровенно. Онъ правъ, что обратился къ вамъ, а не ко мнѣ. Въ письмѣ его есть точно нѣкоторая жесткость, которая была бы неприлична въ объясненіяхъ съ человѣкомъ, не очень коротко знакомымъ. Но этимъ самимъ письмомъ *къ вамъ* онъ открылъ себѣ теперь дорогу высказывать съ подобной откровенностью мнѣ самому все то, что высказалъ вамъ. Поблагодарите также и милую супругу его за ея письмецо. Скажите имъ, что многое изъ ихъ словъ взято въ соображеніе и заставило меня лишній разъ построже взглянуть на самого себя. Мы уже такъ странно устроенны, что до тѣхъ поръ не увидимъ ничего въ себѣ, покуда другіе не наведутъ насъ на это. Замѣчу только, что одно обстоятельство не принято ими въ соображеніе, которое, можетъ быть, иное показало бы имъ въ другомъ видѣ; а именно: что человѣкъ, который съ такой жадностью ищетъ слышать все о себѣ, такъ ловитъ всѣ сужденія и такъ умѣетъ дорожить замѣчаніями умныхъ людей даже тогда, когда они жестки и суровы, такой человѣкъ не можетъ находиться въ *полномъ* и *совершенномъ* самоослѣпленіи. А вамъ, другъ мой, сдѣлаю я маленькой упрекъ. Не сердитесь: уговоръ былъ принимать не сердясь взаимно другъ отъ друга упреки. Не слишкомъ ли вы уже поло-

жились на вашъ умъ и непогрѣшительность его выводовъ? Дѣлать *замѣчанія* — это другое дѣло; это имѣетъ право дѣлать всякой умной человѣкъ и даже, просто, всякой человѣкъ; но выводить изъ своихъ замѣчаній *заключеніе* обо всемъ человѣкѣ—это есть уже нѣкотораго рода *самоувѣренность*. Это значитъ—признать свой умъ вознесшимся на ту высоту, съ которой онъ можетъ обозрѣвать *со всѣхъ сторонъ* предметъ. Ну, что если я вамъ разскажу слѣдующую повѣсть?

Поваръ вызвался угостить хорошимъ и даже необыкновеннымъ обѣдомъ тѣхъ людей, которые сами не бывали на кухнѣ, хотя и ѣли довольно вкусные обѣды. Поваръ самъ вызвался; ему никто не заказывалъ обѣда. Онъ сказалъ только впередъ, что обѣдъ его иначе будетъ сготовленъ, и потому потребуется больше времени. Что̀ слѣдовало дѣлать тѣмъ, которымъ обѣщано угощеніе? Слѣдовало молчать и ожидать терпѣливо. Нѣтъ, давай кричать: »Подавай обѣдъ!« Поваръ говоритъ: »Это физически невозможно, потому что обѣдъ мой совсѣмъ не такъ готовится, какъ другіе обѣды: для этого нужно поднимать такую возню на кухнѣ, о которой вы и подумать не можете.« Ему въ отвѣтъ: »Врешь, братъ!« Поваръ видитъ, что нечего дѣлать, рѣшился наконецъ привести гостей своихъ на кухню, постаравшись, сколько можно было, разставить кастрюли и весь кухонный снарядъ въ такомъ видѣ, чтобъ изъ него хоть какое-нибудь могли вывести заключеніе объ обѣдѣ. Гости увидѣли множество такихъ странныхъ и необыкновенныхъ кастрюль и наконецъ такихъ орудій, о которыхъ и подумать бы нельзя было, чтобы они требовались для пріуготовленія обѣда, что у нихъ закружилась голова.

Ну, что̀, если въ этой повѣсти есть маленькая частица правды? Другъ мой, вы видите, что дѣло, покуда, еще темно. Хорошо дѣлаетъ тотъ, кто снабжаетъ меня своими замѣчаніями, все доводитъ до ушей моихъ, упрекаетъ и склоняетъ другихъ упрекать, но самъ въ то же время не смущается обо мнѣ, а вмѣсто того тихо молится въ душѣ своей, да спасетъ меня Богъ отъ всѣхъ обольщеній и самоослѣпленій, погубляющихъ душу человѣка. Это лучше всего, что̀ онъ можетъ для меня сдѣлать, и, вѣрно, Богъ, за такія чистыя и жаркія молитвы, которыя суть лучшее благодѣяніе, какое можетъ

сдѣлать на землѣ братъ брату, спасетъ мою душу даже и тогда, если бъ невозвратно одолѣли ее всякія обольщенія.

Но, покуда, прощайте. Передавайте мнѣ всѣ толки и сужденія, какія откуда ни услышите — и свои, и чужіе, — первыя, вторыя, третьи и четвертыя впечатлѣнія.

Къ В. А. Жуковскому.

Неаполь. 6 марта (1847).

Письмо отъ $\frac{6}{18}$ февраля, пущенное изъ Франкфурта тобою съ извѣстіемъ о книгѣ моей, получено мною только третьяго дни, то есть, 4 марта. Появленье книги моей разразилось точно въ видѣ какой-то оплеухи: оплеуха публикѣ, оплеуха друзьямъ моимъ и, наконецъ, еще сильнѣйшая оплеуха мнѣ самому. Послѣ нея я очнулся, точно какъ-будто послѣ какого-то сна, чувствуя, какъ провинившійся школьникъ, что напроказилъ больше того, чѣмъ имѣлъ намѣреніе. Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее. Но тѣмъ не менѣе книга эта отнынѣ будетъ лежать всегда на столѣ моемъ, какъ вѣрное зеркало, въ которое мнѣ слѣдуетъ глядѣться, для того чтобы видѣть все свое неряшество и меньше грѣшить впередъ. При всемъ томъ книга моя полезна. Въ одну недѣлю исчезнули всѣ экземпляры ея [хотя печатано было два завода] (¹). Всѣ дотолѣ бывшіе вопросы въ литературѣ вдругъ замѣнились другими, и всѣ предметы разговоровъ умныхъ людей нашихъ обществъ замѣнились другими предметами. Я ожидалъ, что послѣ моей книги явится нѣсколько умныхъ и дѣльныхъ сочиненій, потому что въ моей книгѣ есть именно что-то зарывающее на умственную дѣятельность человѣка. Не смотря на то, что сама по себѣ она не составляетъ капитальнаго произведенія нашей литературы, она можетъ породить многія капитальныя произведенія. Но, признаюсь, радостнѣй всего мнѣ было услышать вѣсть о благодатномъ замыслѣ твоемъ — писать письма по поводу моихъ

(¹) Не извѣстно, кто сообщилъ Гоголю такое извѣстіе. Книга пошла очень тупо. *П. К.*

писемъ. Я думаю, что появленіе ихъ въ свѣтъ можетъ быть теперь самымъ приличнымъ и *нужнымъ* у насъ явленіемъ, потому что послѣ моей книги все какъ-то напряжено, всѣ болѣе или менѣе, какъ противники, такъ и защитники, находятся въ положеніи неспокойномъ, а многіе недоумѣваютъ, просто, куды пристать, не умѣя согласить многихъ, по-видимому, противоположныхъ вещей, отъ той рѣзкости, съ какою онѣ выражены. Появленіе твоихъ писемъ можетъ теперь произвести благотворное и примиряющее дѣйствіе. Но какъ мнѣ стыдно за себя, какъ мнѣ стыдно передъ тобою, добрая душа! Стыдно, что возмнилъ о себѣ, будто мое школьное воспитанье уже кончилось и могу я стать наравнѣ съ тобою. Право, есть во мнѣ что-то Хлестаковское. А ты кротко, безъ негодованья подаешь мнѣ братскую руку свою, которой посылаю заочный поцѣлуй. Прощайте, мои добрые! Богъ да хранитъ васъ всѣхъ цѣлыхъ и невредимыхъ!...

Назадъ тому дня два, я отправилъ уже одно письмо къ тебѣ, занумерованное 4-мъ мартомъ, въ которомъ содержится мой маршрутъ. Ночи мои всё по-прежнему безъ сна; я слабъ, тѣломъ, но духомъ, слава Богу, довольно свѣжъ.

Къ С. П. Шевыреву.

Неаполь. 10 марта (1847).

Письмо твое отъ 30 января со вложеніемъ векселя [182 р. серебромъ] получилъ. Деньги, выручаемыя за »М. Д.«, держи у себя и не посылай до моего извѣщенія. Въ прежнемъ письмѣ моемъ [отъ 4 марта] я просилъ тебя выслать матери моей двѣ-тысячи-сто рублей ассигнаціями и проповѣди Инокентія сестрѣ Ольгѣ. Будь по-прежнему добръ ко мнѣ и не замедли этой отсылкой, если деньги есть на лицо. На-счетъ поступка моего съ LL, ты уже, вѣроятно, получилъ объясненіе, если получилъ мое письмо отъ 4 марта; LL также введенъ въ загадку этого дѣла, потому что и къ нему было отправлено письмо того же числа. Въ письмѣ твоемъ мало словъ о моей книгѣ, но благодарю и за немного. Ты правъ, отыскавши въ моей книгѣ слѣды состоянія не-

реходнаго. Скажу тебѣ въ утѣшенье только то, что состоянье, во время котораго писалась она, миновалось. Мнѣ было страшно самому за многое въ моей книгѣ, когда она печаталась, и повѣрь мнѣ, что книгой моей я далъ себѣ самому гораздо сильнѣйшую оплеуху, нежели друзьямъ моимъ. Но много было причинъ къ ея изданію, а между прочимъ и та, чтобы увидали наконецъ читатели и почитатели мои [увы! и самые друзья], что не слѣдуетъ торопить меня къ печатанью, когда я самъ чувствую, что не пришелъ еще въ силы выражаться ясно и просто [до̀ простоты надобно вырости]. По моимъ прежнимъ письмамъ, которыя я писалъ къ вамъ, по тому болѣзненному стону, который былъ въ нихъ слышенъ всякій разъ, когда мнѣ приходилось отвѣчать на понуканье выступить на поприще литературное, можно бы, казалось, смѣкнуть, что незачѣмъ торопить меня. О, если бы LL съ самого начала повѣрилъ мнѣ на честное слово! не произошло бы между нами этихъ загадочныхъ явленій. Но что̀ сдѣлано, то сдѣлано. Все дѣлается не безъ воли Божіей. Не явись моя книга, не сдѣланы были бы мнѣ упреки, заставившіе меня гораздо строже оглянуться на самого себя; ускользнуло бы отъ меня *вѣдѣніе* моего собственнаго состоянія душевнаго; я бы остался въ предположеньи, даже, можетъ быть, въ увѣренности, что я совершеннѣе, чѣмъ я есмь, и — что я почти готовъ на умное дѣло.

Въ другихъ твоихъ замѣчаніяхъ о моей книгѣ есть сторона и несправедливая. Послѣднее произошло не отъ ошибочнаго твоего взгляда, но оттого, что во многихъ мѣстахъ осталась одна половина мысли. Частица *если*, хоть и небольшая частица, но если все выбросишь, если вымараешь фразу, условливающую сказанную мысль, дѣло можетъ предстать совсѣмъ въ другомъ. — — Теперь я помирился и съ этимъ. Слышу *ощутительнѣй*, что свыше все распоряжается лучше, чѣмъ мы думаемъ. На меня, можетъ быть, не напали бы такъ много, если бъ многія вещи сказаны были умнѣй и осторожнѣй, а чрезъ это и толковъ было бы меньше. Но эта рѣзкость, дикость и заносчивость многаго въ моей книгѣ разшевелитъ и задѣнетъ за живое многихъ умныхъ людей. Что̀ же дѣлать, если такова натура Русскаго человѣка, что его не заставишь до тѣхъ поръ говорить, покуда не выведешь его изъ тер-

пѣнія, зацѣпя за самую живую струну. Повѣрь, что безъ этой книги мнѣ бы не узнать всего того, что̀ мнѣ необходимо знать для того, чтобы мои »Мертвыя Души« вышли *то*, чѣмъ имъ слѣдуетъ быть. По поводу моего *невѣдѣнія* многихъ вещей, которыя у меня выдаются съ такою дерзостію за *знаніе*, многіе невольно будутъ заставлены высказать свое *вѣдѣніе*, котораго я добиваюсь. Другъ мой, не сердись на меня за темноту словъ и выраженій моихъ, если и теперь покажется тебѣ что̀ неяснымъ, или неискреннимъ. Вспомни только, что я слишкомъ долго страдалъ отъ неумѣнья высказать себя. Прими, просто, на вѣру эти слова мои: »Покуда не заговоритъ общество о тѣхъ предметахъ, о которыхъ говорится въ моей книгѣ, мнѣ физически невозможно двинуть свою работу.« Прости меня, добрая душа моя, за всѣ неудовольствія, которыя я нанесъ тебѣ, за тяжесть тѣхъ хлопотъ, которыми я обременилъ тебя по поводу дѣлъ, за мое грубое подъ-часъ обращеніе съ тобою, за оскорбленье того, что̀ близко твоему нѣжному сердцу, словомъ — за все прости меня и, въ заключеніе благодѣяній твоихъ, сдѣлай еще одно благодѣяніе, которое будетъ теперь значительнѣй всѣхъ прежнихъ: собирай всѣ толки, всѣ замѣчанья, все, что̀ ни будетъ сказано обо мнѣ и о книгѣ моей и, преимущественно, о предметахъ, заключенныхъ въ моей книгѣ, даже хотя бы, по-видимому, иные изъ нихъ были и незначительны. Это уже мое дѣло будетъ разобрать и взвѣсить. Передавай самыя жесткія, самыя язвительныя слова. Говорю тебѣ истинно, что отъ всего этого такая польза уму, сердцу и душѣ моей, какъ ты и представить себѣ не съумѣешь. Что̀ жъ дѣлать, если мнѣ такимъ, а не другимъ образомъ опредѣлено добраться до зрѣлости и разума! Проси и другихъ записывать въ простотѣ и безхитростно всѣ слова, какія ни услышатъ, именно, какъ ихъ услышатъ. Мнѣ кажется, что даже нѣкоторые изъ студентовъ, которые поумнѣе и побойчѣе и къ тому же имѣютъ случаи побольше обращаться съ людьми, могли бы записать многія слова и мнѣнія, слышанныя отъ людей всякаго сословія, къ которымъ принадлежатъ и сами, — хоть, положимъ, въ видѣ тебѣ подаваемыхъ упражненій въ словесности, по части пріобрѣтенія простого слога и искусства передавать природу просто, какъ она есть. Право, трудъ мой больше *полезный* и *существенный*, чѣмъ

думаютъ многіе, и онъ стóитъ того, чтобы друзья мои, все мнѣ простивши, всѣ мои несправедливости, поработали грудью за меня. Ты, Погодинъ и Аксаковъ, какъ люди, болѣе другихъ долженствующіе быть близкими мнѣ и отнынѣ соединенные со мною неразрывнѣе; чѣмъ когда-либо прежде [потому что именно съ этихъ поръ только должно начаться прямое познаніе другъ друга], можете много для меня сдѣлать. Говорю *для меня,* тогда какъ по-настоящему слѣдовало бы сказать *для добра,* потому что, видитъ Богъ, работаю для добра, и себя хочу сдѣлать лучшимъ за тѣмъ, чтобы быть въ силахъ сдѣлать добро. Погодинъ, мнѣ кажется, многое бы могъ записать, чтò услышитъ отъ простыхъ людей и купцовъ, съ которыми ему весьма часто случается говорить. Прочти имъ эти строки. Почему знать? можетъ быть, Богъ вразумитъ ихъ сдѣлать что-нибудь такое для меня, чтò будетъ мнѣ наиболѣе полезно. Имъ подскажетъ любящее и всепрощающее сердце, которое находчиво. Мнѣ бы очень нужно было имѣть всегда у себя въ ящикѣ одинъ-другой портретъ, набросанный ловкою рукою, хотя и бѣгло, съ человѣка, котораго бы можно было назвать *типомъ* и представителемъ своего сословія въ его современномъ, нынѣшнемъ видѣ. Прощай, моя добрая душа! обнимаю тебя крѣпко...

Къ В. А. Жуковскому.

12 марта (1847). Неаполь.

Едва только успѣлъ я отправить отвѣтъ на добрѣйшее письмо твое [отъ $\frac{6}{18}$ февраля], какъ принесли мнѣ вновь твои строчки съ извѣстіемъ о высылкѣ мнѣ денегъ и векселя. Вслѣдъ за тѣмъ я получилъ письмо отъ Убриля [котораго не знаю, какъ благодарить за его доброту и хлопоты обо мнѣ], со вложеніемъ *секунды* векселя. Я извѣстилъ его тотъ же часъ о полученіи моемъ, какъ письма, такъ и векселя, назадъ тому два дни [письмомъ отъ 10 марта]. Въ безтолковщинѣ по части этого векселя и его чудныхъ странствій я совершенно невиноватъ, потому что не получалъ изъ Петербурга никакого предварительнаго предувѣдомленья о томъ, что мнѣ будетъ высланъ вексель, ниже извѣщенія послѣдую-

щаго о томъ, что мнѣ посланъ вексель. Узналъ я объ этомъ случаемъ, весьма недавно: встрѣтившись съ однимъ знакомымъ Прокоповича и разговорившись съ нимъ о самомъ Прокоповичѣ, я узналъ неожиданно и нечаянно, что имъ были посланы ко мнѣ деньги, и въ ту же минуту далъ объ этомъ знать Плетневу, и Плетневъ, уже въ слѣдствіе моего отзыва, сдѣлалъ розысканіе. Надобно знать, что этотъ вексель былъ посланъ ко мнѣ уже тогда, когда я не просилъ денегъ и назначилъ совершенно другое употребленіе тѣмъ деньгамъ, изъ которыхъ онъ былъ посланъ. Оттого-то и не судьба ему прійти въ мои руки. И какъ странно! и теперь, въ ту самую минуту, когда здѣшній Неаполитанскій Ротшильдъ уже далъ-было повелѣніе своей кассѣ выдать мнѣ по немъ деньги, имъ овладѣло вдругъ сомнѣніе. Ни удостовѣреніе Гамбургскаго Гейне, ни ручательство Франкфуртскаго кровнаго брата не могло его успокоить. Еврейская душа почувствовала въ эту минуту только то, что дѣло идетъ о деньгахъ, стало быть, о предметѣ, священнѣйшемъ всего на свѣтѣ, а потому просила меня дать ему время сдѣлать еще отъ себя розысканіе и снестись съ Гамбургомъ; а потому я распорядился такъ, чтобы онъ все взялъ на свои руки, какъ разъясненье по дѣлу векселя, такъ и доставку его обратно къ барону Штиглицу, для выдачи денегъ Плетневу, на употребленіе уже назначенное; что̀ все взялся онъ исполнить въ непродолжительное время. Денегъ мнѣ теперь не нужно: я богатъ. Но въ сторону объ этомъ и поговоримъ о томъ, что̀ поближе.

Меня очень занимаетъ теперь здоровье Елисаветы Алексѣевны. Мнѣ кажется, ей лучше бы всего помогли морскія купанья. Изъ всѣхъ женщинъ, страдающихъ нервами, я не знаю ни одной, которой бы не помогли удивительно морскія купанья. Это леченіе такъ безвредно, такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ пріятно! Мы бы всѣ вмѣстѣ отправились въ Остенде, потому что мнѣ море необходимо. Это я вижу самъ: изъ всѣхъ другихъ оно болѣе всего прочаго помогало, и я сдѣлалъ только въ томъ оплошность, что не два, или три года сряду купался, какъ мнѣ совѣтовали непремѣнно, а понадѣялся на достаточность одного раза. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, если дастъ Богъ, я буду во Франкфуртѣ, и мы потолкуемъ о многомъ, о чемъ бы слѣдовало мнѣ давно потолковать, но Богъ от-

нимал у меня язык, и я не мог простого дѣла разсказать просто. Как я рад, что отъѣзд мой на Восток немного отодвинулся! для этого путешествія нужно хоть сколько-нибудь лучше приготовиться, не говоря уже о том, чтобы и самому нѣсколько поопрятнѣй принарядиться. А покуда, обнимаю тебя заочно, добрая душа моя, и да хранит вас Бог всѣх здравых и невредимых...

Къ П. А. Плетневу.

Марта $\frac{15}{27}$ (1847). Неаполь.

Давно не имѣю отъ тебя извѣстія, добрый другъ мой. [Я писалъ къ тебѣ еще не такъ давно, именно 6 марта]. Если тебя затруднили дѣла по моей книгѣ, то, повторяю тебѣ вновь, торопиться съ представленіемъ рукописныхъ статей не нужно, — тѣмъ болѣе, что, во всякомъ случаѣ, полное изданіе книги не поспѣло бы прежде лѣта. Лучше получше выправить эти статьи, выбросить изъ нихъ все рѣзкое и оскорбляющее. Я просилъ кн. В**** въ письмѣ къ нему, которое, вѣроятно, вручилъ ему Р*** [оно было отъ 28 февр.], чтобы онъ, читая эти статьи, имѣлъ неотлучно въ своихъ мысляхъ то, что писавшій ихъ есть не болѣе, какъ чиновникъ 8 класса, чтобы черезъ то видѣть лучше, гдѣ нужно облегчить жесткое выраженіе помѣщеніемъ необходимой оговорки, а гдѣ уничтожить вовсе иное заносчивое, ни въ какомъ случаѣ неприличное. Все можно сказать, что̀ есть правда, и тѣмъ болѣе та правда, которую я хочу сказать, но нужно созрѣть для того, чтобы умѣть ее сказать. И настоящей виной того, что̀ вооружаетъ противъ меня людей, есть не другое что̀, какъ незрѣлость моя.

Я получилъ отъ Жуковскаго секунду векселя и въ то же время отъ нашего посланника изъ Франкфурта, Убриля, извѣстіе, что мнѣ будутъ выданы по немъ отъ здѣшняго банкира Ротшильда всѣ деньги, въ слѣдствіе его переговоровъ съ его братомъ, Франкфуртскимъ Ротшильдомъ. Но какъ странно и какъ видно, что мнѣ не судьба получить эти деньги! Ротшильдомъ здѣшнимъ овладѣло вдругъ сомнѣніе [хотя онъ уже приказалъ-было мнѣ вы-

дать деньги]. Всѣ справки, сдѣланныя во Франкфуртѣ и въ Гамбургѣ относительно незаплаты по первому векселю, показались ему недостаточны, и онъ попросилъ у меня времени вновь списаться съ Гамбургомъ: въ слѣдствіе чего я и просилъ его распорядиться такъ, чтобы этотъ вексель былъ изъ Гамбурга препровожденъ обратно къ Штиглицу, а Штиглицъ выдалъ бы деньги эти тебѣ. Ты ихъ держи у себя. У Прокоповича денегъ моихъ достаточно. Но объ этомъ дѣлѣ мы поговоримъ съ тобою потомъ.

Дѣло, которое должно̀ остаться между нами, совсѣмъ не такъ глупо, какъ кажется съ виду; но я надлежащимъ образомъ объяснилъ свою мысль.

Не могу постигнуть, почему я до сихъ поръ не получилъ ни одной книги, ни моей, ни чужихъ, тогда какъ въ прошломъ году мнѣ случилось получить нѣсколько книгъ весьма скоро. Я помню, что получилъ чрезъ Л***, на имя А***, нѣсколько книжекъ въ полтора мѣсяца изворота. Теперь пишетъ Л*** А***ой, что онъ былъ у тебя именно съ тѣмъ, чтобы взять книги для меня; но я не получилъ ихъ. Видно, не судьба мнѣ видѣть мою книгу и вообще читать вышедшія теперь у насъ книги. Пожалуйста посылай хотя въ письмѣ листки тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о чемъ-нибудь по поводу моей книги. Не жалѣй на это денегъ: онѣ скоро должны у тебя вновь накопиться отъ второго изданія книги, которое я просилъ тебя произвести въ скорости по первому изданію, если проволочка по поводу включенныхъ и невключенныхъ статей окажется долгой, и которое просилъ тебя возложить на Р***, если тебѣ окажется невозможность заняться имъ самому. Но удивляетъ меня то, что ни отъ Р***, ни отъ всѣхъ тѣхъ людей и друзей, которые обѣщали мнѣ сообщать все, что̀ ни услышатъ изъ толковъ о моей книгѣ, не получилъ почти ни строчки. Маршрутъ мой тебѣ уже извѣстенъ изъ письма моего отъ 6-го марта. Все, что̀ ни будетъ высылаться ко мнѣ съ первыхъ чиселъ мая, слѣдуетъ адрессовать во Франкфуртъ, на имя посольства, или Жуковскаго.

Кстати: совѣтуй тѣмъ, которые страдаютъ нервами, ѣхать на морское купанье въ Остенде, которое рѣшительно лучшее изъ всѣхъ прочихъ и помогаетъ чудесно, а самая поѣздка туда необыкновенно легка. Изъ Петербурга можно прямо моремъ, не

бравши съ собою экипажа, въ одну недѣлю достигнуть Остенде или вплоть моремъ, или съ пересѣстомъ на желѣзную дорогу, что не требуетъ тоже экипажа и хлопотъ. Изъ Остенде день ѣзды въ Парижъ, по желѣзной дорогѣ, и день ѣзды въ Лондонъ, съ пароходомъ. А мнѣ бы хотѣлось очень переговорить, будучи въ Остенде, со многими изъ Русскихъ, и особенно съ тѣми, которые поумнѣй и могли бы мнѣ сообщить многое интересное. Прежняя моя дикость исчезла, и мнѣ теперь не трудно разговариваться...

Къ А. С. Данилевскому и его супругѣ.

Неаполь. Марта 18, 1847.

Я получилъ ваши строчки, милые друзья мои. Пишу къ вамъ обоимъ, потому что вы составляете *одно*. Хотя письма ваши коротеньки, но я глоталъ съ жадностью подробности *житья* вашего и перечиталъ ихъ не одинъ разъ. Хотѣлъ бы вамъ заплатить тѣмъ же, то есть, повѣстью о себѣ; но повѣсть эта такъ чудна, такъ необыкновенна, что нужно слишкомъ собраться съ духомъ и привести себя въ очень покойное расположеніе, въ то расположеніе, въ какомъ находится старый инвалидъ, уже помѣстившійся дома, на родинѣ, среди дѣтей и внучатъ, когда ему легко разсказывать о прошедшихъ битвахъ. Послѣ, когда приведетъ меня Богъ побывать въ Кіевѣ [который еще заманчивѣй отъ вашего въ немъ пребыванія], я, можетъ быть, съумѣю вамъ разсказать просто и ясно многое; но теперь во внутреннемъ домѣ моемъ происходитъ еще столько мытья, уборки и всякой возни, что хозяину, просто, невозможно быть толкову въ рѣчахъ даже и съ наиближайшимъ другомъ. Покуда, скажу тебѣ вотъ что, мой добрый Александръ. Ты никакъ не смущайся обо мнѣ по поводу моей книги и не думай, что я избралъ другую дорогу писаній. Дѣло у меня то же, какое и было всегда и о которомъ замышлялъ еще въ юности, хотя не говорилъ о томъ, чувствуя безсиліе свое выражаться ясно и понятно [всегдашняя причина моей скрытности]. Нынѣшняя книга моя есть только свидѣтельство того, какую

возню нужно было мнѣ поднимать для того, чтобы »Мертвыя Души« мои вышли тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдуетъ быть. Трудное было время, испытанья были такія страшныя и тяжелыя, битвы такія сокрушительныя, что чуть не изнемогла до конца душа моя. Но, слава Богу, все пронеслось, все обратилось въ добро. Душа человѣка стала понятнѣй, люди доступнѣй, жизнь опредѣлительнѣй, и чувствую, что это отразится въ моихъ сочиненіяхъ. Въ нихъ отразится та вѣрность и простота, которой у меня не было, не смотря на живость характеровъ и лицъ. Нынѣшняя моя книга выдана въ свѣтъ затѣмъ, чтобы пощупать ею, во-первыхъ, самого себя, а во-вторыхъ, другихъ, — узнать посредствомъ ея, на какой степени душевнаго состоянья своего стоитъ теперь каждый изъ нашего современнаго общества. Вотъ почему я съ такою жадностью собираю всѣ толки о ней. Мнѣ важно, кто и что̀ именно сказалъ, важна и самая *личность* того человѣка, который сказалъ, его черты характера. Итакъ знай, что всякой разъ, когда ты передашь мнѣ мысли какого-нибудь человѣка о моей книгѣ, прибавя къ тому и портретъ самого человѣка, то этимъ ты сдѣлаешь мнѣ большой подарокъ, мой добрый Александръ. А васъ прошу, моя добрая Юлія, или по-Русски *Улинька*, что̀ звучитъ еще пріятнѣй [вашего отечества вы не захотѣли мнѣ объявить, желая остаться и въ моихъ мысляхъ подъ тѣмъ же именемъ, какимъ называетъ васъ супругъ вашъ], васъ прошу, если у васъ будетъ свободное время въ вашемъ домѣ, набрасывать для меня слегка маленькіе портретики людей, которыхъ вы знали, или видаете теперь, хотя въ самыхъ легкихъ и бѣглыхъ чертахъ. Не думайте, чтобъ это было трудно. Для этого нужно только помнить человѣка и умѣть его себѣ представить мысленно. Не рассердитесь на меня за то, что я, еще не успѣвши ничѣмъ заслужитъ вашего расположенія, докучаю вамъ такою просьбою. Но мнѣ теперь очень нуженъ Русской человѣкъ, вездѣ, гдѣ бы онъ ни находился, въ какомъ бы званіи и сословіи онъ ни былъ. Эти бѣглые наброски съ натуры мнѣ теперь такъ нужны, какъ живописцу, который пишетъ большую картину, нужны этюды. Онъ, хоть, по-видимому, и не вноситъ этихъ этюдовъ въ свою картину, но безпрестанно сображается съ ними, чтобы не напутать, не наврать и не отдалиться

отъ природы. Если же васъ Богъ наградилъ замѣчательностью особенною и вы, бывая въ обществѣ, умѣете подмѣчать его смѣшныя и скучныя стороны, то вы можете составить для меня *типы*, то есть, взявши кого-нибудь изъ тѣхъ, которыхъ можно назвать представителемъ его сословія, или сорта людей, изобразить въ лицѣ его то сословіе, котораго онъ представитель,— хоть, напримѣръ, подъ такими заглавіями: *Кіевскій левъ; Губернская femme incomprise; Чиновникъ-Европеецъ; Чиновникъ-староверъ*, и тому подобное. А если душа у васъ сердобольная и состраждетъ къ положенью другихъ, опишите мнѣ раны и болѣзни вашего общества. Вы сдѣлаете этимъ подвигъ Христіянскій, потому что изъ всего этого, если Богъ поможетъ, надѣюсь сдѣлать доброе дѣло. Моя поэма, можетъ быть, очень нужная и очень полезная вещь, потому что никакая проповѣдь не въ силахъ такъ подѣйствать, какъ рядъ *живыхъ примѣровъ*, взятыхъ изъ той же земли, изъ того же тѣла, изъ котораго и мы. Вотъ вамъ, мои добрые, моя собственная повѣсть и подробности того, что составляетъ нынѣшнюю жизнь мою, въ отплату вамъ за ваши тоже весьма коротенькія извѣстія о себѣ. Но вы, однакоже, не забывайте себя показывать мнѣ почаще и не пренебрегайте этими, по-видимому, незначительными подробностями, но которыя, однакожъ, для меня драгоцѣнны. Сами посудите: если мнѣ теперь дорогъ и близокъ всякой человѣкъ на Руси, то во сколько кратъ долженъ быть мнѣ дороже и ближе человѣкъ, связанный узами дружбы со мной? Вѣдь я васъ не вижу, а эти маленькія, по-видимому, пустыя подробности дѣлаютъ то, что вы рисуетесь передъ моими глазами и я какъ-бы ощущаю въ маломъ видѣ радость свиданья.

Вотъ вамъ мой маршрутъ. До мая я въ Неаполѣ, а тамъ отправляюсь на воды и морское купанье, по случаю вновь пришедшихъ недуговъ и разстроившихся нервъ моихъ. Укрѣпивши мои нервы, проберусь разными дорогами по Европѣ вновь въ Неаполь къ осени, съ тѣмъ чтобы оттуда двинуться на Востокъ. Всю зиму и начало весны проведу на Востокѣ, а оттуда, если Богъ благословитъ, пущусь въ Русь, на Константинополь, Одессу и, стало быть, на Кіевъ; а въ Кіевѣ, около іюня мѣсяца, обниму васъ, что имѣетъ быть, по моему расположенію, въ будущемъ году.

Къ князю В. В. Л — ву.

Неаполь 1847, марта 20.

Благодарю васъ за письмо ваше, исполненное такого искренняго участія. Я разсматривалъ долго вашу надпись. Одного князя Л** я зналъ, но тотъ, кажется, въ Петербургѣ.

Вы спрашиваете, зачѣмъ вышла книга моихъ писемъ; на что никакъ не въ силахъ отвѣчать. Было столько причинъ разнаго рода, что описать ихъ понадобились бы безконечные листы и страницы, которые произвели бы, можетъ, новыя недоразумѣнія. Что сдѣлано, то сдѣлано. Ничего не происходитъ въ мірѣ безъ воли Божіей. Есть святая сила въ мірѣ, которая все обращаетъ въ доброе, даже и то, что отъ дурного умысла: Но книга моя была не отъ дурного умысла: на ней только лежитъ печать неразумія человѣческаго, лучше — моего, и потому я вѣрю въ Божью милость, что не допуститъ Онъ, дабы изъ книги моей почерпнули вредъ. Покуда, я могу сказать только, что появленіе этой книги полезно мнѣ самому больше, чѣмъ кому-либо другому. Одно помышленье о томъ, съ какимъ неприличіемъ и самоувѣренностію сказано въ ней многое, заставляетъ меня горѣть отъ стыда. [Я не видалъ моей книги въ печати; знаю только, что она выпущена въ обезображенномъ видѣ, съ пропусками, выключеніемъ большей половины статей и мѣстъ. Въ статьяхъ и размѣщеніи ихъ была, нѣкоторая связь, а въ связи всё-таки нѣкоторое объясненіе дѣла]. Стыдъ этотъ мнѣ нуженъ. Не появись моя книга, мнѣ бы не было и въ половину извѣстно мое состояніе душевное. Всѣ эти недостатки мои, которые васъ такъ поразили, не выступили бы передо мною въ такой наготѣ: мнѣ никто ихъ не указалъ. Люди, съ которыми я нахожусь нынѣ въ сношеніяхъ, увѣрены не шутя въ моемъ совершенствѣ. Гдѣ же мнѣ добыть голосъ осужденья? Безъ появленья этой книги моей, я бы точно остался въ самоослѣпленіи, не изучилъ многаго въ себѣ. Безъ появленья этой книги, не устремилось бы за мою душу столько чистыхъ молитвъ, съ такою святою мыслью—молить Бога о спасеніи моемъ. Молитвы эти мнѣ нужны; я вѣрю въ ихъ силу. Нѣтъ, не допуститъ Богъ впасть меня въ ту *прелесть*, въ

которую подозрѣваютъ меня впадшимъ. Ради молитвъ тѣхъ праведниковъ, которые о мнѣ молятся, Онъ спасетъ меня. Сколько могу судить о толкахъ, до меня дошедшихъ, читатели мои находятся еще подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній. Я бы очень желалъ услышать мнѣнія тѣхъ, которые прочли мою книгу не одинъ разъ, но нѣсколько, въ различные часы, въ различныя расположенія душевныя. Тамъ есть нѣкоторыя душевныя тайны, которыя не вдругъ постигаютъ и которыя, покуда, приняты [можетъ быть, отъ неумѣнья моего просто и ясно выражаться] совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Такъ какъ вы питаете такое искренно доброе участіе ко мнѣ и къ сочиненіямъ моимъ, то считаю долгомъ извѣстить васъ, что я отнюдь не перемѣнялъ направленья моего. Трудъ у меня всё одинъ тотъ же, всё тѣ же »Мертвыя Души«, и одна изъ причинъ появленья нынѣшней моей книги была — возбудить ею тѣ разговоры и толки въ обществѣ, въ слѣдствіе которыхъ непремѣнно должны были выказаться многія мнѣ незнакомыя стороны современнаго Русскаго человѣка, которыя мнѣ очень нужно взять къ соображенью, чтобы не попасть въ разные промахи при сочиненіи той книги, которая должна быть вся природа и правда. Если Богъ дастъ силъ, то »Мертвыя Души« выйдутъ такъ же просты, понятны и всѣмъ доступны, какъ нынѣшняя моя книга загадочна и непонятна. Что̀ же дѣлать, если мнѣ суждено сдѣлать большой крюкъ для того, чтобы достигнуть той простоты, которою Богъ надѣляетъ иныхъ людей уже при самомъ рожденьи ихъ! Итакъ вотъ вамъ, покуда, посильное изъясненіе того, зачѣмъ вышла моя книга. Не знаю, будете ли вы довольны имъ, но во всякомъ случаѣ приношу вамъ еще разъ душевную благодарность за доброе письмо ваше, за которое да наградитъ васъ Богъ всѣмъ тѣмъ, что̀ есть наижелательнѣйшаго и наинужнѣйшаго вашей душѣ...

Къ А. А. Иванову.

(1847).

Пишу къ вамъ нѣсколько строчекъ съ граф. И. П. Т**, который есть родной братъ моего закадычнаго пріятеля, А. П., стало

быть, съ тѣмъ вмѣстѣ родной братъ и С. П., вамъ довольно знакомой; а потому вы, если вамъ не будетъ это въ тягость, позвольте взглянуть имъ на вашу картину. Графъ и графиня [урожд. графиня С****] очень добрые люди, а потому вы можете имъ даже объяснить ваше положеніе. Они же ѣдутъ не останавливаясь въ Россію, стало быть, будутъ имѣть случай поговорить и съ другими о вашемъ положеніи. Мнѣ кажется, что непремѣнно нужно, дабы всѣмъ сдѣлалось извѣстно и очевидно ваше положеніе. Теперь же, я думаю, вы больше спокойны, чѣмъ прежде, а потому можете разсказать все, что претерпѣли, покойно, не жалуясь ни на кого, не обвиняя никого, изобразя только вѣрную картину испытаній, черезъ которыя провелъ васъ Богъ. Не нужно скрывать ничего въ своей исторіи, ни даже черныхъ несправедливостей, вамъ оказанныхъ [въ словахъ должно быть всегда справедливу], но нужно разсказать такъ, чтобы слушающій васъ оставилъ въ сторону судъ надъ врагами вашими [подобно вамъ самимъ] и проникнулся бы въ такой степени участіемъ къ тому положенію, въ какомъ можетъ очутиться всякой истинный духожникъ, взглянувшій на трудъ, какъ на святое дѣло, что сталъ бы горой за васъ и употреблялъ бы съ тѣхъ поръ все, чтобы образумить тѣхъ, кому слѣдуетъ взглянуть разумно на всѣ эти вещи.

Отъ Чижова я получилъ письмо съ извѣстіемъ о томъ, что онъ оставляетъ внезапно Римъ. Это мнѣ прискорбно: я бы желалъ очень о многомъ переговорить съ нимъ лично. Передайте ему при семъ слѣдуемое письмо. За тѣмъ будьте здоровы, и Богъ да помогаетъ вамъ работать вашу картину.

Нѣчто, какъ о вашей картинѣ, такъ и о положеніи вашемъ, какъ художника, сказано мною въ одномъ изъ моихъ писемъ, напечатэнныхъ отдѣльною книгою. Книги этой я не получилъ — — а потому и не могу знать, что̀ изъ этого письма оставлено, а что̀ выброшено. — — Совѣтую вамъ также не гнѣваться на тѣ мои жесткія письма, которыя я писалъ къ вамъ изъ Неаполя. Повѣрьте, что ихъ полезно перечитывать, не смотря даже и на то, если бы они были совершенно несправедливы. Говорю вамъ это по опыту. Если имѣете что̀ сказать мнѣ, обратитесь къ графу, или лучше графинѣ С* С*, и она мнѣ это передастъ.

———

Къ Ѳ. В. Чижову.

Неаполь. 25 марта (1847).

Мнѣ было очень прискорбно узнать изъ письма вашего [отъ 20 марта] о вашемъ рѣшеніи такъ рано оставить Италію. А я думалъ-было съ вами увидаться въ Римѣ, въ первыхъ числахъ мая. Мнѣ хотѣлось о многомъ съ вами переговорить лично, и это была единственная причина тому, что я не отвѣчалъ на ваше прежнее, очень доброе и милое письмецо. Объясненья письменныя вообще меня сильно затрудняютъ: я, просто, боюсь теперь выражать мысли свои на бумагѣ, хотя вообще люблю читать все выраженное другими. Столько недоразумѣній случалось мнѣ производить... но оставимъ объ этомъ рѣчь. Повторяю вамъ вновь, что мнѣ очень жаль, и я бы возрадовался не шутя внезапному повороту вашихъ обстоятельствъ, который заставилъ бы васъ остаться май мѣсяцъ въ Римѣ. Во всякомъ случаѣ, вы не позабудьте меня по крайней мѣрѣ вашими письмами; и если вы хотите получать и отъ меня также письма, и притомъ толковыя, а можетъ быть, даже и нужныя, то не поскучайте прежде познакомить меня обстоятельно и подробно съ вашими мыслями, намѣреніями и даже движеньями доброй души вашей. Тогда мнѣ будетъ легко говорить съ вами и на письмѣ. Никакъ не смущайтесь тѣмъ, если не получите сначала отвѣта [кромѣ развѣ самого короткаго]. Это будетъ значить только то, что я еще не умѣю вамъ отвѣчать, что я еще недостаточно введенъ во все то, что̀ касается до вашихъ намѣреній, занятій и помышленій, и желалъ бы писемъ, еще обстоятельнѣйшихъ и чистосердечнѣйшихъ относительно такого предмета. Но какъ только разоблачится передо мною человѣкъ со всѣми изгибами его особенностей и наклоненьями его взгляда на вещи, мнѣ тогда такъ же съ нимъ свободно, какъ съ товарищемъ, съ которымъ росли и воспитывались вмѣстѣ. Но прощайте; Богъ въ помощь вамъ!

Искренно васъ любящій,

Н. Г.

Къ Н. Н. Ш — вой.

(1847).

Я получилъ доброе письмо ваше, безцѣнный другъ мой Надежда Николаевна, сегодня, въ страстной четвергъ, и сегодня же вамъ отвѣчаю. Я было уже начиналъ думать, скучая долгимъ молчаніемъ вашимъ, что и вы негодуете на меня за мою книгу, какъ вдругъ получаю два листа вашего письма, и какого письма! Богъ да наградитъ васъ за него! Оно мнѣ было—какъ благодатная роса. Я было уже утомился отъ упрековъ слишкомъ тяжкихъ и жесткихъ отовсюду и уже почти со страхомъ распечатывалъ письмо ваше. Но въ письмѣ вашемъ та же любовь, тѣ же молитвы обо мнѣ и о бѣдной душѣ моей! Весьма мало вы себѣ позволили замѣчаній на мою книгу, и даже и за нихъ просите у меня извиненія. Другъ мой, если бъ вы даже сдѣлали и самые тягостные, самые суровые, самые жесткіе мнѣ упреки и сопроводили бы ихъ не голосомъ ангела, сострадающаго о человѣкѣ, но голосомъ строгаго судьи, да прибавили бы только, въ заключеніе письма вашего, что вы съ той же любовью обо мнѣ молитесь и помните, какъ о своемъ возлюбленномъ сынѣ, данномъ вамъ Богомъ,—облобызалъ бы я тогда ваши строки, въ которыхъ начертались эти упреки. Упреки мнѣ нужны, упреками воспитывается моя душа, и упреки составляютъ теперь мою книгу, которою питаюсь. Какъ ни несправедливы многіе изъ нихъ, но въ основаніи ихъ лежитъ всегда какая-нибудь правда, и это меня заставляетъ всякой разъ построже оглянуться на себя, и внутренній глазъ мой становится послѣ того свѣтлѣе, точно какъ-будто бы слетаетъ съ него какая-нибудь шелуха. Главной виной того множества упрековъ, которымъ подвергнулась моя книга, есть *незрѣлость* ея. Тѣ же самыя вещи можно было сказать гораздо обдуманнѣе, точнѣе, опредѣлительнѣй, проще, скромнѣе, и искреннѣе—и книга моя имѣла бы больше защитниковъ. Но зато я бы не досталъ бы себѣ этого множества упрековъ, которые мнѣ нужны, и мнѣ бы не было средствъ поумнѣть, какъ слѣдуетъ, для того, чтобъ умѣть говорить, какъ слѣдуетъ. Большая часть упрековъ родилась отъ всякихъ недоразумѣній, къ которымъ я подалъ самъ поводъ неясностью словъ моихъ; въ томъ числѣ и самое

дѣло о портретѣ. Поступки П**** относительно меня были совершенно неумышленны. Онъ дѣйствовалъ, вовсе не думая оскорбить меня. Надобно вамъ знать получше П****. Это добрѣйшая душа и добрѣйшее сердце. Великодушіе составляетъ главную черту его характера. Но съ тѣмъ вмѣстѣ нѣкоторая грубость, незнаніе приличій, безпамятство и разсѣянность [по причинѣ множества дѣлъ, которыми онъ всегда опутанъ] поставляли его безпрестанно въ непріятныя отношенія съ людьми, въ возможность огорчать ихъ, безъ желанія огорчать. Я долго думалъ о томъ, какъ объяснить ему все это и заставить его оглянуться на себя, какъ вдругъ моя книга почти безъ моего вѣдома нанесла ему пораженіе [я совершенно позабылъ слова и фразы статей и, если бы самъ печаталъ, то, вѣроятно бы, ослабилъ ихъ, имѣя намѣреніе болѣе объяснить неприкосновенность правъ собственности писателя]. Скажу вамъ, что я этому даже обрадовался, имѣя случай черезъ это съ нимъ прямо объясниться. Я писалъ къ нему письмо [отъ 4 марта], которымъ, вѣроятно, онъ удовлетворился. Скажу вамъ еще, для полнаго успокоенія вашего, что я никогда еще не любилъ такъ П****, какъ люблю его теперь. Человѣкъ этотъ, кромѣ того, что всегда былъ достоинъ всякаго уваженія, въ послѣднее время значительно измѣнился. Несчастія и разныя душевныя потрясенія умягчили его душу до того, что она теперь способна понимать многое изъ того, къ чему прежде была менѣе чувствительна. И я чувствую, что отнынѣ у насъ съ нимъ будетъ дружба бо́льшая и здѣсь, и тамъ. Вотъ вамъ, мой другъ, непритворный отчетъ по этому дѣлу!

Поѣздка моя въ Іерусалимъ нѣсколько отодвинулась, по причинѣ всякихъ хлопотъ, переписокъ по поводу печатанія книги, по причинѣ нѣсколько вновь поразстроившагося моего здоровья, а наконецъ и по той причинѣ, что я не отважился отправляться одинъ. Почти со всѣми, имѣвшими тоже намѣреніе отправиться въ этомъ году въ Іерусалимъ, случились непревидѣнныя препятствія. А мнѣ — надобно вамъ знать — необходимо для этой дороги товарищество близкихъ сердцу душъ. Я не такъ крѣпокъ душой и тѣломъ, я не такъ живу въ Богѣ, чтобы обойтись безъ помощи людей, и мнѣ братская помощь человѣка еще болѣе нужна въ этомъ путешествіи, которое для меня есть важнѣйшее изъ событій моей

жизни. Кромѣ того, мнѣ необходимо также получше приготовиться, побольше утвердиться въ здоровьи, и душевномъ, и тѣлесномъ. Лѣтомъ, по причинѣ разстроившихся нервъ моихъ, я долженъ буду ѣхать на воду въ Германію и на морское купанье, а потому отвѣтъ на это письмо вы адрессуйте уже во Франкфуртъ, или попрежнему на имя Жуковскаго, или же на имя нашего посольства. Не позабывайте писать ко мнѣ. Письма друзей моихъ теперь мнѣ очень нужны. Со времени смерти незабвеннаго моего Языкова, никто ко мнѣ теперь не пишетъ часто. Онъ да вы только умѣли меня такъ любить, что, не смущаясь ничѣмъ—ни долгимъ молчаніемъ моимъ, ни неумѣньемъ моимъ быть признательну за такую нѣжную дружбу—писали ко мнѣ всегда и не забывали меня никогда въ мысляхъ и молитвахъ вашихъ...

Къ матери.

(1847, апрѣля 6.)

Христосъ Воскресъ!

Поздравляю васъ всѣхъ отъ всей души съ радостнымъ для всего міра праздникомъ. Благодарю васъ за письма ваши отъ 12 февраля, и преимущественно васъ, маминька, за ваше довольно обстоятельное письмо. Не оставляйте меня и впердь подобными извѣстіями, какъ о книгѣ, такъ и о прочемъ. Не думайте только, что послѣ этой книги моей будутъ всѣ примирены со мной. Напротивъ, можетъ быть, никогда еще не раздавались въ такомъ большомъ количествѣ противъ меня крики и осужденія, какъ будутъ раздаваться отнынѣ. Но вы этимъ не смущайтесь: все дѣлается не безъ воли Божіей. Мнѣ нужны несравненно строжайшіе упреки, чѣмъ какіе когда-либо доселѣ мнѣ были дѣланы. Они будутъ казаться съ виду вовсе несправедливы, но въ основаніи ихъ будетъ по зернышку правды. Эти зернышки мнѣ нужно всѣ собрать, чтобы поумнѣть такъ, какъ слѣдуетъ, затѣмъ чтобы умѣть сказать точно умное. Мнѣ нужно строже, чѣмъ когда-либо, теперь оглянуться на себя, а потому мнѣ нужно все выслушать. Итакъ не смущайтесь никакими непріятными заключеніями обо мнѣ, но передавайте ихъ мнѣ про-

сто такъ, какъ ихъ услышите. А между тѣмъ помолитесь обо мнѣ и просите всѣхъ молиться. Молитесь о томъ, чтобы прогналъ милосердый Богъ далеко отъ меня духа самоувѣренности, гордости, самоослѣпленія, который ежеминутно можетъ овладѣть нами, такъ что мы и сами не можемъ того замѣтить. Молитесь, чтобы осѣнилъ меня Богъ свѣтомъ разума своего и дѣйствовалъ бы я по святой Его волѣ, чтобы здорово и ясно глядѣлъ я и на себя, и на другихъ, и могъ бы видѣть даже издали приближеніе нечистаго духа искушеній, отъ котораго одна только небесная милость Божія можетъ избавить насъ да чистыя, усердныя молитвы, призывающія эту милость на насъ. Передайте мой искренній душевный поклонъ доброй Софьѣ Васильевнѣ С** и вообще поклонитесь отъ меня всѣмъ, которые помнятъ меня. А сами пишите обо всемъ и обо всѣхъ, потому что мнѣ все интересно, и я бы хотѣлъ знать обо всѣхъ...

Къ Н. Н. Ш — вой.

(1847.)

Христосъ Воресе!

Знаю, что и вы произнесли мнѣ это святое привѣтствіе, добрый другъ мой. Дай Богъ воспраздновать намъ вмѣстѣ этотъ святой праздникъ во всей красотѣ его еще здѣсь, еще на землѣ, еще прежде того времени, когда, по неизреченной милости Своей, допуститъ насъ Богъ воспраздновать на невечерѣющемъ днѣ Его царствія. Мнѣ скорбно было услышать объ утратѣ вашей, но скоро я утѣшился мыслью, что для Христіянина нѣтъ утраты, что въ вашей душѣ живутъ вѣчно образы тѣхъ, къ которымъ вы были привязаны; стало быть, ихъ отторгнуть отъ васъ никто не можетъ; стало быть, вы не лишились ничего; стало быть, вы не сдѣлали утраты. Молитвы ваши возсылаются за нихъ по-прежнему; доходятъ такъ же къ Богу, можетъ быть, еще лучше прежняго; стало быть, смерть не разорвала вашей связи. Итакъ Христосъ воскресъ, а съ Нимъ и всѣ близкіе душамъ нашимъ!

Что сказать вамъ о себѣ? Здоровьемъ не похвалюсь, но велика милость Божія, поддерживающая духъ и дающая силы терпѣть и переносить. Вы уже знаете, что я весь этотъ годъ опредѣлилъ на ѣзду:

средство, которое болѣе всего мнѣ помогало. Въ это время я постараюсь, во время ѣзды и дороги, продолжать доселѣ плохо и лѣниво происходившую работу. На это подаетъ мнѣ надежду свѣжесть головы и болѣе зрѣлость, къ которой привели меня именно недуги и болѣзни. Итакъ вы видите, что они были не безъ пользы и что все намъ ниспосылаемое ниспосылается на пользу нашего же труда, предпринятаго во имя Божіе, хотя и кажется въ началѣ, какъ-будто и препятствуетъ намъ. Молитесь же Богу, добрый другъ, дабы отнынѣ все потекло успѣшно и заплатилъ бы я тотъ долгъ, о которомъ говоритъ мнѣ немолчно моя совѣсть, и могъ бы я безъ упрека предстать предъ Гробомъ Господа нашего и совершить Ему поклоненіе, безъ котораго не успокоится душа и не въ силахъ я буду принести ту пользу, которую бы искренно и нелицемѣрно хотѣла принести душа моя...

Къ В. А. Жуковскому.

Неаполь. 17 апрѣля (1847).

Пріятное и грустное письмо твое, безцѣнный другъ мой, я получилъ. Но прежде всего поговоримъ о моей неаккуратности. Право, я не такъ неаккуратенъ самъ, сколько неаккуратны обстоятельства и вокругъ меня ворочающіяся происшествія. Я, не медля ни мало, вслѣдъ за письмомъ къ Убрилю, написалъ другое къ тебѣ, съ обстоятельнымъ увѣдомленіемъ о векселѣ и съ приложеніемъ росписки въ полученіи третьей тысячи. Прилагаю, на всякой случай, еще разъ росписку, если письмо мое какъ-нибудь пропало.

Но обратимся къ сладостно-грустной сторонѣ письма. Разумѣю высоко-Христіянскій подвигъ семейства Рейтерновъ. О, дай Богъ многимъ тѣмъ [если не всѣмъ], которые тщеславятся православіемъ своимъ и истиною Церкви своей и тѣмъ, что одни они только спасутся, такую высокую добродѣтель! Я другого ничего не могъ придумать, въ изъявленье моего участія Рейтерну, какъ послать ему отрывокъ изъ Златоуста, который потрудись имъ изъяснить какъ-нибудь по-Нѣмецки. Выписываю еще, на всякой случай, изъ Тертуліана о *воскресеніи тѣлъ*. Мнѣ кажется, истинна воскресенія тѣлъ

недостаточно объяснена и признана у Лютеранъ. Статья эта покажется Рейтерну очень усладительной, особенно послѣ прочтенія Златоуста. Вотъ она. (1)

Къ П. А. Плетневу.

Апрѣля 17 (1847).

Отъ А. О. Р*** я узналъ кое-что изъ тѣхъ непріятностей, которыя случилось тебѣ потерпѣть отъ нѣкоторыхъ людей, тебя незнающихъ и неумѣющихъ цѣнить. Другъ мой, прости имъ все. Отъ него же я узналъ о томъ, что ты много натерпѣлся изъ-за меня, слушая всякіе толки обо мнѣ. Не знаю, какъ благодарить за доброту твою, но вѣрь, что умѣю цѣнить безцѣнную дружбу твою теперь болѣе, нежели когда-либо прежде. А толками не смущайся. Говорю тебѣ откровенно, что я теперь ежеминутно благодарю Бога за то, что книга моя произвела именно эти толки, а не такіе, которые были бы въ мою пользу. Отъ этихъ толковъ я значительно поумнѣю, какъ даже и не думаютъ тѣ, которые обо мнѣ толкуютъ: уже и теперь я заставленъ ими гораздо строже взглянуть на самого себя. Безъ этихъ толковъ, передо мною не раскрылось бы такъ общество и люди, которыхъ мнѣ нужно непремѣнно знать. У меня долго еще будетъ все не въ-попадъ, и языкъ мой не будетъ доступенъ для всѣхъ, покуда не узнаю такъ людей, какъ мнѣ хочется узнать. Повѣрь, что безъ этой книги не было бы на чемъ испробовать нынѣшняго человѣка. А проба эта нужна, и въ этомъ отношеніи книга моя, не смотря на всѣ ея недостатки, сокровище. Ты самъ это испытаешь, если будешь на ней пробовать человѣка. Онъ отъ тебя не скроется въ своихъ сокровенныхъ и главнѣйшихъ помышленіяхъ, и состояніе души его выступитъ передъ тобою какъ разъ. А черезъ это самое ты будешь имѣть возможность оказать благодѣяніе мнѣ, тебя любящему, сообщая наблюденія свои, которыя многому меня научатъ.

О дѣлахъ по книгѣ я уже писалъ, отъ 15 апрѣля, Арк. Ос. Письмо это, вѣроятно, онъ уже тебѣ сообщилъ. Мнѣ кажется, что

(1) Слѣдуетъ выписка изъ Тертуліана. *П. К.*

ты теперь нѣсколько усталъ, изнурился отъ хлопотъ и дѣлъ; тебѣ нужно освѣжиться. Удаленіе лѣтомъ на дачу, или даже въ Финляндію, не удалитъ тебя совершенно отъ того, отъ чего на время слѣдуетъ удалиться. Мнѣ кажется, ты бы лучше сдѣлалъ, если бы взялъ на мѣсяцъ, или на два, отпускъ за границу и прилетѣлъ бы ко мнѣ моремъ. Въ семь дней въ Остенде. Переѣздъ моремъ дѣйствуетъ удивительно на силы и на духъ. Ты бы тогда привезъ самъ статьи, просмотрѣнныя В***, съ его замѣчаніями, и захватилъ бы съ собою журналы и книги, потому что я до сихъ поръ не получилъ ни печатнаго листка. Мы бы о многомъ переговорили съ тобою и перетолковали, съѣздили бы вмѣстѣ даже въ Лондонъ. Изъ Остенде день ѣзды въ Лондонъ и день ѣзды въ Парижъ. Ни экипажей, ни дорожнихъ запасовъ ненужно: вездѣ пароходъ и желѣзныя дороги; даже къ Жуковскому можно съѣздить по желѣзной дорогѣ. Мнѣ кажется, что ласки дружбы и родныя рѣчи о томъ, что̀ есть родное душамъ нашимъ, много бы тебя освѣжили, и ты съ новой бодростью началъ бы полезную свою дѣятельность, по возвращеніи въ Петербургъ. Но соображайся во всемъ съ твоими собственными обстоятельствами и возможностью. Какъ мнѣ ни радостно было бы съ тобою свиданіе, но я бы не хотѣлъ его купить цѣною пожертвованій...

Къ N F.

Апрѣля 20 (1847). Неаполь.

Я получилъ ваши безцѣнныя строчки, моя добрѣйшая N F. Не бойтесь, я не смущаюсь. Все, что̀ ни творится относительно меня, творится мнѣ въ науку; а потому не смущайтесь и вы, и пожалуста не вѣрьте никакимъ разсказамъ обо мнѣ, кромѣ развѣ тѣхъ, которые услышите отъ меня самого. Въ письмѣ къ Аксакову вовсе не было изложено мысли, или опасеній моихъ, что общество, дискать, не созрѣло для моихъ писемъ: ее вывели умники сами собою. Вы видите, что они изъ книги моей выводятъ тоже не то, что̀ въ ней есть, а то, что̀ имъ хочется вывесть. Всякому хочется основать свою точку взгляда, затѣмъ чтобы красно поговорить и самому пори-

соваться: отсюда католицизмы, формализмы и всякіе *измы*. Такимъ образомъ вамъ тоже кто-то навралъ, что я въ Римѣ, тогда какъ до сихъ поръ изъ Неаполя никуда ноги не заносилъ. Держитесь тѣхъ адрессовъ, которые я вамъ даю, и если не получите новаго, продолжайте по старому. Мнѣ жалко, что ваше милое письмецо скиталось почти два мѣсяца. Еще одна къ вамъ просьба: не спорьте обо мнѣ никогда ни съ кѣмъ изъ людей умныхъ [разумѣю особенно тѣхъ, которые живутъ въ умѣ своемъ, а не преимущественно въ душѣ и сердцѣ], и никогда не сердитесь ни на кого изъ-за меня, и Боже васъ сохрани съ кѣмъ-нибудь посорится изъ за меня. Лучше собирайте все, что ни говорится обо мнѣ, и все мнѣ передавайте. Меня ничто не смутитъ, если Богъ меня не оставитъ, а Богъ милостивъ,— Ему ли оставить меня, если я искренно молюсь Ему, молясь о томъ, чтобы умѣть Ему вѣчно молиться, и если много людей Ему угодныхъ и лучшихъ возносятъ за меня грѣшнаго жаркія молитвы? Но мнѣ нужно непремѣнно всѣхъ выслушать, чтобы поступить умно. Путь мой твердъ, и я до сихъ поръ одинъ и тотъ же, съ нѣкоторыми улучшеніями [по милости Божіей]. Но я такъ уже устроенъ, что мнѣ нужны нападенія брани и даже самые противуположные толки обо мнѣ, чтобы взглядъ мой на самого себя былъ ясенъ и чтобы дорога моя была передо мною ясна и не только ничѣмъ не потемнилась, но даже прояснялась бы, чѣмъ дальше, больше. Всѣ эти брани, толки, противурѣчія обо мнѣ еще также нужны затѣмъ, чтобы показать мнѣ гораздо ближе общество, какъ никому другому оно не можетъ показаться.

Замѣтили ли вы одно необыкновенное свойство моей книги, какое врядъ ли имѣла доселѣ какая-нибудь книга,—именно то, что она, не смотря на всѣ безчисленные свои недостатки, можетъ служить пробнымъ камнемъ для узнанія нынѣшняго человѣка? Въ сужденьяхъ своихъ о ней обнаружится передъ вами весь человѣкъ, даже позабывши свою осторожность. Это весьма не бездѣлица для писателя, а особливо такого, для котораго предметомъ сталъ не шутя человѣкъ и душа человѣка. Богъ недаромъ отнялъ у меня на время силу и способность производить произведенія искусства, чтобы я не сталъ произвольно выдумывать отъ себя, не отвлекался бы въ идеальность, а держался бы самой существенной правды. И

правда Руси передо мной теперь выступала, какъ никогда прежде. Не нужно только зѣвать, а подбирать все, потому что другой такой благопріятной минуты, заставившей даже многихъ скрытныхъ людей разстегнуться на-распашку, не скоро дождешься. Вотъ почему мнѣ такъ дороги всѣ толки, даже и людей, по-видимому, самыхъ простыхъ и глупыхъ: Они мнѣ открываютъ ихъ душевное состояніе...

Мая первыхъ чиселъ я отсюда выѣзжаю. Лѣто провожу на водахъ, іюль и августъ въ Остенде на морскомъ купаньи, а оттуда на осень въ Италію, дабы оттуда въ Іерусалимъ. А у Гроба Господня укрѣплюсь и духомъ, и тѣломъ, да и можетъ ли быть иначе? Богъ милостивъ. Не Онъ ли самъ внушилъ стремленье поработать и послужить Ему? Кто же другой можетъ внушить намъ это стремленье, кромѣ Его самого? Или я не долженъ ничего дѣлать на прославленье имени Его, когда всякая тварь Его прославляетъ, когда и безсловесныя слышатъ силу Его? Мнѣ ставятъ въ вину, что я заговорилъ о Богѣ, что я не имѣю права на это, будучи зараженъ и самолюбіемъ, и гордостью, доселѣ неслыханною. Что̀ жъ дѣлать, если и при этихъ порокахъ всё-таки говорится о Богѣ? Что̀ жъ дѣлать, если наступаетъ такое время, что невольно говорится о Богѣ? Какъ молчать, когда и камни готовы завопить о Богѣ? Нѣтъ, умники не смутятъ меня тѣмъ, что я недостоинъ и не мое дѣло, и не имѣю права: всякъ изъ насъ до единаго имѣетъ это право, всѣ мы должны учить другъ друга и наставлять другъ друга, какъ велитъ и Христосъ, и апостолы. А что не умѣемъ выражаться мы хорошо и прилично, что иногда выскочатъ слова самонадѣянности и увѣренности въ себѣ, за то Богъ и смиряетъ насъ, и намъ же благодѣтельствуетъ, посылая намъ смиреніе. Если бы книга моя сдѣлала успѣхъ и много бы людей было на моей сторонѣ, тогда бы точно могла бы овладѣть мною гордость и всѣ тѣ пороки, которые мнѣ приписываютъ. Теперь, въ слѣдствіе всѣхъ этихъ толковъ, осмотрѣвшись со всѣхъ сторонъ на себя, я могу заговорить такимъ взвѣшеннымъ и умѣреннымъ голосомъ, что трудно будетъ имъ придраться ко мнѣ.

Но я заговорился съ вами, другъ мой. Прощайте; не позабывайте меня. Пишите почаще. Будемъ молиться — и все бутетъ хо-

рошо. Просите обо мнѣ молиться по-прежнему всѣхъ умѣющихъ молиться людей. Просите молиться именно о томъ, чтобы отогналъ отъ меня Богъ духа обольщенія, гордости и всѣхъ тѣхъ пороковъ, которыми попрекаютъ меня, и чтобы не отходилъ отъ меня мой ангелъ-хранитель. Да содержитъ его Богъ и при васъ неотлучно...

Къ С. П. Шевыреву.

Неаполь. 27 апрѣля (1847).

Благодарю очень за милое письмецо твое отъ 22 марта. Мнѣ было такъ пріятно читать его! Прежде всего поговоримъ о LL, то есть, о моемъ печатномъ отзывѣ о LL. Позабылъ я о моихъ словахъ, потому, что, право, не думалъ писать ихъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онѣ кажутся тебѣ [хотя я самъ изумился разности словъ моихъ, когда прочелъ въ печати]. Причиной невѣрности твоего вывода моя же статья. Таково дѣйствіе всякаго сочиненія, въ которомъ разсматривается половина дѣла, а не все дѣло. Умолчавши о достоинствахъ, вывести недостатки — всегда будетъ казаться отверженьемъ и непризнаньемъ достоинствъ. Я вовсе нехотѣлъ попрекнуть LL за то, что онъ работалъ тридцать лѣтъ, какъ муравей, но за то, что онъ не умѣлъ поступить такъ, чтобы увидѣли всѣ, что онъ тридцать лѣтъ, какъ муравей, работалъ *для добра*. Статьи этой не нужно уничтожать, но вслѣдъ за ней я помѣщу письмо къ тебѣ, подъ заглавіемъ: »О достоинствѣ сочиненій и литературныхъ трудовъ LL« — и мы увидимъ, въ состояніи ли эти недостатки затмить тѣ его достоинства, которыя принадлежатъ ему одному и которыхъ никто другой не имѣетъ; мы разсмотримъ также и то, умѣетъ ли теперь кто-нибудь изъ насъ такъ любить Россію, какъ любитъ онъ. Повѣрь, что статья эта теперь гораздо полезнѣй для сочиненій LL, — тѣмъ болѣе, что послѣ моихъ жесткихъ словъ о LL, меня никто не станетъ упрекать въ лицепріятіи. Я не отрекусь отъ моихъ нападеній, но рядомъ съ ними выставлю только, что слѣдуетъ взять на вѣски, когда произносишь полный судъ надъ человѣкомъ. — — —

Слово о моемъ отреченіи отъ искусства. Я не могу понять, отчего поселилась эта нелѣпая мысль объ отреченіи моемъ отъ своего таланта и отъ искусства, тогда какъ изъ моей же книги можно бы, кажется, увидѣть было хотя нѣкоторыя… какія страданія я долженъ былъ выносить изъ любви къ искусству, желая себя приневолить и принудить писать и создавать тогда, когда я не въ силахъ былъ, — когда изъ самого предисловія моего ко второму изданію »Мертвыхъ Душъ« видно, какъ я занятъ одною и тою же мыслью и какъ хочу забрать тѣхъ свѣденій, которыя мнѣ нужны для моего труда. Что жъ дѣлать, если душа стала предметомъ моего искусства? виноватъ ли я въ томъ? Что жъ дѣлать, если заставленъ я многими особенными событіями моей жизни взглянуть строже на искусство? Кто жъ тутъ виноватъ? виноватъ Тотъ, безъ воли Котораго не совершается ни одно событіе.

Появленіе моей книги, не смотря на всю ея чудовищность, есть для меня слишкомъ важный шагъ. Книга имѣетъ свойство пробнаго камня: повѣрь, что на ней испробуешь какъ разъ нынѣшняго человѣка. Въ сужденіяхъ о ней непремѣнно выскажется человѣкъ со всѣми своими помышленіями, даже тѣми, которыя онъ осторожно таитъ отъ всѣхъ, и вдругъ станетъ видно, на какой степени своего душевнаго состоянія онъ стоитъ. Вотъ почему мнѣ такъ хочется собрать всѣ толки всѣхъ о моей книгѣ. Хорошо бы прилагать при всякомъ мнѣніи портретъ того лица, которому мнѣніе принадлежитъ, если лицо мнѣ незнакомо. Повѣрь, что мнѣ нужно основательно и радикально пощупать общество, а не взглянуть на него во время бала, или гулянья: иначе у меня долго еще будетъ все не въ-попадъ, хотя бы и возросла способность творить. —— А этихъ вещей никакими просьбами нельзя вымолить. Одно средство: выпустить заносчивую, задирающую книгу, которая заставила бы встрепенуться всѣхъ. Повѣрь, что Русскаго человѣка, покуда не разсердишь, не заставишь заговорить. Онъ всё будетъ лежать на боку и требовать, чтобы авторъ попотчивалъ его чѣмъ-нибудь *примиряющимъ съ жизнью* [какъ говорится]. Бездѣлица! какъ-будто можно *выдумать* это примиряющее съ жизнью. Повѣрь, что какое ни выпусти художественное произведеніе, оно не возъимѣетъ теперь вліянья, если нѣтъ въ немъ

именно тѣхъ вопросовъ, около которыхъ ворочается нынѣшнее общество и если въ немъ не выставлены тѣ люди, которые намъ нужны теперь и въ нынѣшнее время. Не будетъ сдѣлано этого — его убьетъ первый романъ, какой ни появится изъ фабрики Дюма. Слова твои о томъ, какъ чорта выставить дуракомъ, совершенно попали въ тактъ съ моими мыслями. Уже съ давнихъ поръ только и хлопочу о томъ, чтобъ послѣ моего сочиненія насмѣялся въ волю человѣкъ надъ чортомъ.

Я бъ очень желалъ знать, откуда происхожденьемъ тотъ старикъ, съ которымъ ты говорилъ. Судя по его отзывѣ о чортѣ, онъ долженъ быть Малороссіяниnъ.

Жду съ нетерпѣніемъ всѣхъ печатныхъ критикъ. Отнынѣ адрессуй все къ Жуковскому. Изъ Неаполя отправляюсь на дняхъ. Іюнь буду близъ Франкфурта на водахъ. Конецъ іюля, весь августъ и начало сентября буду на морскомъ купаньи въ Остенде, которое одно доселѣ мнѣ помогало. Осенью вновь въ Неаполь затѣмъ, чтобы оттуда на Востокъ. Не позабудь прислать съ какой-нибудь оказіей тѣ книги, о которыхъ я просилъ, то есть Русскія лѣтописи и »Русскіе Праздники«, Снегирева. А если накопятся деньги, то памятники раскрашенные Москвы Снегирева. При семъ отдай письмо Щепкину и напиши мнѣ, что̀ онъ скажетъ на него въ отвѣтъ. Обнимаю тебя отъ всей души. Ради Бога, не забывай меня и пиши ко мнѣ. Письма ко мнѣ любящихъ меня — сущія для меня благодѣянія, почти то же, что̀ милостыня нищему...

Къ Ф. Ф. Вигелю.

(1847).

Мнѣ было очень чувствительно ваше доброе участіе ко мнѣ. Благодарю васъ много за ваше письмо! Вы, не оскорбившись ни дерзкимъ тономъ моей книги, ни неизвинимой самонадѣянностью ея автора, обратили вниманіе на *существенную* ея сторону. За *алканье добра*, которое прозрѣли вы въ страницахъ ея, вы умѣли простить мнѣ всѣ ея недостатки. Нѣтъ, я не ослѣпленъ собой въ такой мѣрѣ, какъ думаютъ. Даже и ваша оцѣнка моей книги

[слишкомъ высокая] меня не наполнила той гордостью, которую мнѣ приписываютъ теперь вообще, хотя, признаюсь вамъ чистосердечно, я всегда васъ почиталъ за очень умнаго человѣка и, стало быть, имѣлъ бы право отъ вашего мнѣнія возгордиться. Книга моя есть отчетъ въ моей внутренней вознѣ. Въ ней видно, что строился человѣкъ точно для чего-то добраго, хотя и не состроился; оттого и всѣ эти заносчивыя замашки, неряшество, неосмотрительность, темнота, и проч., и проч. Зрѣлость и юность вмѣстѣ! То состояніе, котораго представитель моя книга, уже во мнѣ миновалось. Доказательствомъ этого служитъ мнѣ то, что я краснѣю отъ стыда за многое, въ ней выраженное. Но безъ этой книги, можетъ быть, мнѣ трудно было бы достигнуть той простоты, которая мнѣ необходима. Она точно есть для меня какое-то очищеніе. Послѣ нея я сталъ проще и яснѣе духомъ, и мнѣ кажется, что я теперь могу заговорить такимъ образомъ, что меня выслушаютъ безъ гнѣва. Не могу вамъ изъяснить, какъ мнѣ было пріятно прочесть тѣ строки вашего письма, гдѣ мелькомъ показали вы мнѣ вашу душу и дали мнѣ случай познакомиться съ вами ближе. Не питать негодованія противъ личныхъ враговъ — это уже очень много! это начало любви. Любить же *добро земли своей*, какъ любили его всегда вы, есть еще болѣе *необщее* всѣмъ качество и стоитъ многихъ громкихъ заслугъ и выслугъ. Я увѣренъ, что въ вашихъ запискахъ есть много того, что способно сообщить это качество и другимъ. Ваше имя не будетъ позабыто въ Россіи, хотя, можетъ быть, теперь на время и позабыли о васъ. Это одно уже должно утѣшить васъ въ минуты грустныя. Но мнѣ кажется, что Богъ пошлетъ вамъ минуты сладкія, описаніемъ которыхъ вы увѣнчаете искреннюю исповѣдь вашу, которая, какъ я слышалъ, находится въ вашихъ запискахъ...

Къ W O.

Я прочелъ съ прискорбіемъ статью вашу обо мнѣ въ »Современникѣ«, — не потому, чтобы мнѣ прискорбно было униженіе, въ ко-

торое вы хотѣли меня поставить въ виду всѣхъ, но потому, что въ немъ слышенъ голосъ человѣка, на меня разсердившагося. А мнѣ не хотѣлось бы разсердить человѣка, даже нелюбящаго меня, тѣмъ болѣе васъ, который — думалъ я — любилъ меня. Я вовсе не имѣлъ въ виду огорчить васъ ни въ какомъ мѣстѣ моей книги. Какъ же вышло, что на меня разсердились всѣ до единаго въ Россіи? Этого, покуда, я еще не могу понять. Восточные, западные, нейтральные — всѣ огорчились. Это правда, я имѣлъ въ виду небольшой щелчокъ каждому изъ нихъ, считая это нужнымъ, испытавши надобность его на собственной кожѣ [всѣмъ намъ нужно побольше смиренія]; но я не думалъ, чтобъ щелчокъ мой вышелъ такъ грубо неловокъ и такъ оскорбителенъ. Я думалъ, что мнѣ великодушно простятъ все это и что въ книгѣ моей зародышъ примиренія всеобщаго, а не раздора. Вы взглянули на мою книгу глазами человѣка разсерженнаго, а потому почти все приняли въ другомъ видѣ. Оставьте всѣ тѣ мѣста, которыя, покамѣстъ, еще загадка для многихъ, если не для всѣхъ, и обратите вниманіе на тѣ мѣста, которыя доступны всякому здравому и разсудительному человѣку, и вы увидите, что вы ошиблись во многомъ.

Я не даромъ молилъ всѣхъ прочесть мою книгу нѣсколько разъ, предугадывая впередъ всѣ недоразумѣнія. Повѣрьте, что не легко судить о книгѣ, гдѣ замѣшалась собственная душевная исторія автора, скрытно и долго жившаго въ самомъ себѣ и страдавшаго неумѣньемъ выразиться. Не легко также было и рѣшиться на подвигъ выставить себя на всеобщій позоръ и посмѣяніе, выставивши часть той внутренней своей исторіи, настоящій смыслъ которой не скоро почувствуется. Уже одинъ такой подвигъ долженъ былъ бы заставить мыслящаго человѣка задуматься и, не торопясь подачею своего голоса о ней, прочесть ее въ различные часы душевнаго расположенія, болѣе спокойнаго и болѣе настроеннаго къ собственной исповѣди, потому что только въ такія минуты душа способна понимать душу, а въ книгѣ моей дѣло души. Вы бы не сдѣлали тогда тѣхъ оплошныхъ выводовъ, которыми наполнена ваша статья. Какъ можно, напримѣръ, изъ того, что я сказалъ, что въ критикахъ, говорившихъ о недостаткахъ моихъ, есть много справедливаго, вывести заключеніе, что

критики, говорившія о достоинствахъ моихъ, несправедливы? Такая логика можетъ присутствовать только въ головѣ разсерженнаго человѣка, ищущаго только того, что способно раздражать его, а не оглядывающаго предметъ спокойно со всѣхъ сторонъ. Я долго носилъ въ головѣ, какъ заговорить о критикахъ, которые говорили о достоинствахъ моихъ и которые, по поводу моихъ сочиненій, распространили много прекрасныхъ мыслей объ искусствѣ; я безпристрастно хотѣлъ опредѣлить достоинство каждаго и оттѣнки эстетическаго чутья, которымъ болѣе или менѣе одаренъ былъ каждый; я выжидалъ только времени, когда мнѣ можно будетъ сказать объ этомъ, или, справедливѣе, когда мнѣ прилично будетъ сказать объ этомъ, чтобы не говорили потомъ, что я руководствовался какой-нибудь своекорыстной цѣлью, а не чувствомъ безпристрастія и справедливости. Пишите критики самыя жестокія, прибирайте всѣ слова, какія знаете, на то, чтобъ унизить человѣка, способствуйте къ осмѣянію меня въ глазахъ вашихъ читателей, не пожалѣвъ самыхъ чувствительныхъ струнъ, можетъ быть, нѣжнѣйшаго сердца, — все это вынесетъ душа моя, хотя и не безъ боли, и не безъ скорбныхъ потрясеній; но мнѣ тяжело, очень тяжело — говорю вамъ это искренно — когда противъ меня питаетъ личное озлобленіе даже и злой человѣкъ. А васъ я считалъ за добраго человѣка. Вотъ вамъ искреннее изліяніе моихъ чувствъ...

Къ нему же. (1)

Съ чего начать мой отвѣтъ на ваше письмо, если не съ вашихъ же словъ: »Опомнитесь, вы стоите на краю бездны«! Какъ

(1) Письмо это найдено въ черневомъ видѣ. Оно было написано на двухъ тетрадкахъ почтовой бумаги, въ осьмушку. Обѣ тетрадки изорваны Гоголемъ въ клочки, такъ что изъ каждаго листка вышло по десяти лоскутковъ (считая и потерянные). Издатель сложилъ лоскутки, списалъ и, по возможности, дополнилъ нѣкоторыя фразы словами въ скобкахъ. Недостающія слова означены точками. — Между этимъ и предыдущимъ письмомъ прошло нѣсколько недѣль, въ теченіе которыхъ Гоголь получилъ отвѣтъ на предыдущее письмо; но, по отсутствію даты, помѣщаю ихъ рядомъ. *П. К.*

далеко вы сбились съ прямого пути! въ какомъ вывороченномъ видѣ стали передъ вами вещи! въ какомъ грубомъ, невѣжественномъ смыслѣ приняли вы мою книгу! какъ вы ее истолковали!.. О, да внесутъ святыя силы миръ въ вашу страждущую душу! Зачѣмъ было вамъ перемѣнять разъ выбранную, мирную дорогу? Что̀ могло быть прекраснѣе, какъ показывать читателямъ красоты въ твореньяхъ нашихъ писателей, возвышать ихъ душу и силы до пониманья всего прекраснаго, наслаждаться трепетомъ пробужденнаго въ нихъ сочувствія и такимъ образомъ невидимо дѣйствовать на ихъ души? Дорога эта привела бы васъ къ примиренію съ жизнью, дорога эта заставила бы васъ благословлять все въ природѣ. А теперь уста ваши дышатъ желчью и ненавистью.... Зачѣмъ вамъ, вамъ, съ вашею пылкою душою, вдаваться въ этотъ омутъ политической (жизни), въ эти мутныя событія современности, среди которой и твердая осмотрительность многосторонняго (ума) теряется? Какъ же съ вашимъ одностороннимъ, пылкимъ какъ порохъ умомъ, уже вспыхивающимъ прежде, чѣмъ еще успѣли узнать, что̀ истина, а что̀ (ложь), какъ вамъ не потеряться? Вы сгорите, какъ свѣчка, и другихъ сожжете..... О, какъ сердце мое ноетъ въ эту минуту за васъ! Что̀, если и я виноватъ? что̀, если и мои сочиненія послужили вамъ къ заблужденію? Но нѣтъ, какъ ни разсмотрю всѣ прежнія сочиненія (мои), вижу, что они не могли (соблазнить васъ). — — Когда я писалъ ихъ, я благоговѣлъ передъ (всѣмъ, передъ) чѣмъ человѣкъ долженъ благоговѣть. Насмѣшки и нелюбовь слышались у меня не надъ властью, не надъ коренными законами нашего государства, но надъ извращеньемъ, надъ уклоненьемъ, надъ неправильными толкованьями, надъ дурнымъ (приложеніемъ ихъ). Нигдѣ не было у меня насмѣшки надъ тѣмъ, что̀ составляетъ основанье Русскаго характера и его великія силы. Насмѣшка была только надъ мелочью, несвойственной его характеру. Моя ошибка въ томъ, что я мало обнаружилъ Русскаго человѣка, я не развергнулъ его, не обнажилъ до тѣхъ великихъ родниковъ, которые хранятся въ его душѣ. Но это нелегкое дѣло. Хотя я и больше наблюдалъ за Русскимъ человѣкомъ, хотя мнѣ могъ помогать нѣкоторый даръ ясновидѣнья, но я не былъ ослѣпленъ собой, глаза у меня были ясны. Я видѣлъ,

что я еще незрѣлъ для того, чтобы бороться съ событьями выше тѣхъ, какія доселѣ были въ моихъ сочиненіяхъ, и съ характерами сильнѣйшими. Все могло показаться преувеличеннымъ и напряженнымъ. Такъ и случилось съ этой моей книгой, на которую вы такъ напали. Вы взглянули на нее распаленными глазами, и все вамъ представилось въ ней въ другомъ видѣ. Вы ее не узнали. Не стану защищать мою книгу. Я самъ на нее напалъ и нападаю. Она была издана въ торопливой поспѣшности, несвойственной моему характеру, разсудительному и осмотрительному. Но движеніе было честное. Никому я не хотѣлъ ею польстить, или покадить. Я хотѣлъ только остановить нѣсколько пылкихъ головъ, готовыхъ закружиться и потеряться въ этомъ омутѣ и безпорядкѣ, въ какомъ вдругъ очутились всѣ вещи міра, когда внутренній духъ сталъ померкать, какъ-бы готовый погаснуть. Я попалъ въ излишества, но — говорю вамъ — я этого даже не замѣтилъ. Своекорыстныхъ же цѣлей я и прежде не имѣлъ, когда меня еще нѣсколько занимали соблазны міра, а тѣмъ болѣе (теперь, когда мнѣ) пора подумать о смерти...... Ничего не хотѣлъ (я) ею выпрашивать. Это не въ моей натурѣ. Слава Богу, я возлюбилъ свою бѣдность и не промѣняю ее на тѣ блага, которыя вамъ кажутся такъ обольстительными. Вспомнили бъ вы по крайней мѣрѣ, что у меня нѣтъ даже угла, и я стараюсь о томъ, какъ бы еще облегчить мой небольшой походный чемоданъ, чтобъ легче было разставаться съ міромъ. Стало быть, вамъ бы слѣдовало поудержаться клеймить меня тѣми обидными подозрѣніями, которыми, признаюсь, я бы не имѣлъ духа запятнать послѣдняго мерзавца...... Вы извиняете себя (тѣмъ, что вы писали) въ гнѣвномъ расположеніи духа. Но въ какомъ же (расположеніи духа) вы рѣшаетесь говорить (неуважительно о такихъ) важныхъ предметахъ? — — —

Какъ мнѣ защищаться противъ вашихъ нападеній, когда нападенья не въ-попадъ? — — Нѣтъ, каждому изъ насъ слѣдуетъ напоминать, что званье его свято. — — Пусть вспомнитъ, какой строгой отвѣтъ потребуется отъ него... Но если каждаго изъ насъ званье свято, то тѣмъ болѣе того, кому достался трудный и страшный удѣлъ заботиться о милліона(хъ). Да, мы должны даже другъ другу напоминать о свя(тости на)шихъ обязанностей. Безъ (этого

человѣкъ) погрязнетъ въ матеріяльныхъ чувст(вахъ). — — Или, вы думаете, этого не знаетъ никто изъ Русскихъ? Разсмотримъ пристально, отчего это? Не оттого ли эта склонность (къ роскоши) и чудовищное накопленіе (пороковъ), что мы всѣ — кто въ лѣсъ, кто по дрова? Одинъ смотритъ въ Англію, другой въ Пруссію, третій во Францію; тотъ выѣзжаетъ на однихъ началахъ, другой на другихъ; одинъ суетъ тотъ проэктъ, другой (— другой, третій —) опять иной. Что ни человѣкъ, (то и ра)зныя мысли......... (Какъ же не) образоваться посреди (такой разладицы вор)амъ и возможнымъ (плутнямъ и несправе)дливостямъ, когда всякой (видитъ, что вездѣ) завелись препятствія, (всякой) думаетъ только о себѣ и о томъ, какъ бы себѣ запасти потеплѣй квартиру?... Вы говорите, что спасенье Россіи въ Европейской *цивилизаціи;* но какое это безпредѣльное и безграничное слово! Хоть бы вы опредѣлили, что такое нужно разумѣть подъ именемъ Европейской цивили(заціи)! Тутъ и фаланстьеры, и красные, и всякіе, и всѣ другъ друга готовы съѣсть, и всѣ носятъ такія разрушающія, такія уничтожающія начала, что трепещетъ въ Европѣ всякая мыслящая голова и спрашиваетъ невольно: гдѣ наша цивилизація? Пустой призракъ явился въ видѣ этой цивилизаціи......

Отчего вамъ показалось, что я спѣлъ тоже пѣснь нашему — — духовенству? Я сказалъ, что проповѣдникъ Восточной Церкви долженъ жизнью и дѣлами проповѣдать. И отчего у васъ такой духъ ненависти? Я очень много зналъ дурныхъ поповъ и могу вамъ разсказать множество смѣшныхъ про нихъ анекдотовъ, но встрѣчалъ зато и такихъ, которыхъ святости жизни и подвигамъ я дивился, и видѣлъ, что они — созданье нашей Восточной Церкви, а не Западной. Итакъ я вовсе не думалъ воздавать пѣснь духовенству, опозорившему нашу Церковь, но духовенству, возвысившему нашу Церковь.

Какъ странно мое положеніе, что я долженъ защищаться противъ тѣхъ нападеній, которыя всѣ направлены не противъ меня и не противъ моей книги! Вы говорите, что вы прочли будто сто разъ мою книгу, тогда какъ ваши же слова говорятъ, что вы ее не читали ни разу. Гнѣвъ отуманилъ глаза вамъ и ничего не далъ вамъ увидѣть въ настоящемъ смыслѣ. Блуждаютъ кое-гдѣ блестки

правды посреди огромной кучи софизмовъ и необдуманныхъ юношескихъ увлеченій. Но какое невѣжество! Какъ дерзнуть съ такимъ малымъ запасомъ свѣдѣ(ній) толковать о такихъ велик(ихъ явленіяхъ)? Вы отдѣляете Церковь отъ..... Христіянства, ту самую Церковь, тѣхъ самыхъ пастырей, которые мученичествомъ своей смерти запечатлѣли истину всякаго слова Христова, которые тысячами гибли подъ ножами и мечами убійцъ, молясь о нихъ, и наконецъ утомили самихъ палачей, такъ что побѣдители упали къ ногамъ побѣжденныхъ, и весь міръ исповѣдалъ (ея ученіе). И этихъ самыхъ пастырей, этихъ мучениковъ-епископовъ, (которые) вынесли на плечахъ святыню Церкви, вы хотите отдѣлить отъ Христа, называя ихъ несправедливыми истолкователями Христа! Кто же, по-вашему, ближе и лучше можетъ истолковать теперь Христа? Неужели нынѣшніе коммунисты и соціалисты, объясняющіе, что Христосъ повелѣлъ отнимать имущества и грабить тѣхъ, которые нажили себѣ состояніе? Опомнитесь, куда вы зашли! Вольтера называ(ете вы) оказавшимъ услугу Христіян(ству) и говорите, что это извѣстно всякому ученику гимна(зіи). Да я, когда былъ еще въ гимназіи, я и тогда не восхищался Вольтеромъ. У меня и тогда было на столько ума, чтобъ видѣть въ Вольтерѣ ловкаго остроумца, но далеко не глубокаго человѣка. Вольтеромъ не могли восхищаться ни Пушкинъ, ни Суворовъ, ни всѣ сколько-нибудь полные умы. Вольтеръ, не смотря не всѣ блестящія замѣтки, остался тотъ же Французъ, который увѣренъ, что можно говорить обо всѣхъ предметахъ высокихъ шутя и легко. О немъ можно сказать то, что Пушкинъ говоритъ вообще о Французѣ:

Французъ — дитя:
Онъ такъ, шутя,
Разрушитъ тронъ
И дастъ законъ;
И быстръ, какъ взоръ,
И пустъ, какъ вздоръ,
И удивитъ,
И насмѣшитъ.

. . . .

Нельзя, получа легкое журнальное образованіе, (судить) о такихъ предметахъ. Нужно для этого изучить исторію Церкви. Нужно сызнова прочитать съ размышленіемъ всю исторію чело-

вѣчества въ источникахъ, а не въ нынѣшнихъ легкихъ брошюркахъ, (написанныхъ) Богъ вѣсть кѣмъ. Эти поверхностныя (энциклопед)ическія свѣдѣнія разбрасываютъ умъ, а не сосредоточиваютъ его.

Что̀ мнѣ сказать вамъ на рѣзкое замѣчаніе (о) Русско(мъ) мужик(ѣ) — — замѣчаніе, которое вы съ такою самоувѣренностію произносите, какъ-будто вѣкъ обращались съ Русскимъ мужикомъ? Что̀ мнѣ тутъ говорить, когда такъ краснорѣчиво говорятъ тысячи церквей и монастырей, покрывающихъ (Русскую землю), которые они строятъ не дарами богатыхъ, но бѣдными лептами неимущихъ? — — Нѣтъ, нельзя судить о̀ Русскомъ народѣ тому, кто прожилъ вѣкъ въ Петербургѣ, безпрестанно занятый легкими журнальными (статейками) Французскихъ ро(манистовъ, которые) такъ пристрасти(ы къ своимъ идеямъ, и не замѣчаетъ) того, какъ уродливо и (нелѣпо) изобра(жена у) нихъ жизнь. Позвольте также сказать, что я болѣе предъ вами имѣю права заговорить (о Русскомъ) народѣ. Всѣ мои сочиненія, по единодушному убѣжденію, показываютъ знаніе природы Русскаго человѣка, (какъ въ писателѣ), который былъ съ народомъ наблюд(ателенъ и, можетъ) быть, уже имѣетъ даръ входить (въ его жизнь), что̀ подтвердили (и вы) въ вашихъ критикахъ. А что̀ же *вы* представите въ доказательсво вашего знанія.... природы Русскаго народа? Что̀ вы произвели такого, въ которомъ видно (это знаніе)? Предметъ (этотъ) великъ, и объ этомъ я могъ бы вамъ (написать цѣлыя) книги. Вы бы устыдились сами того грубаго смысла, который вы придали совѣтамъ моимъ помѣщику. Какъ эти совѣты ни (маловажны), но въ нихъ нѣтъ протеста противу грамотности.... развѣ протестъ противъ развращенія (народа Русск)аго грамотою, намѣсто того, что грамота намъ дана, чтобъ стремить къ высшему свѣту человѣка. Отзывы ваши о помѣщикѣ вообще отзываются временами Фонвизина. Съ тѣхъ поръ много, много измѣнилось въ Россіи, и теперь показалось многое другое. Что для крестьянъ выгоднѣе правленіе одного помѣщика, который воспитался и въ университетѣ и, стало быть, уже многое долженъ чувствовать.........................
Да и много (есть такихъ предмето)въ, о которыхъ слѣдуетъ (каж-

дому изъ насъ) подумать заблаговременно, прежде нежели съ пылкостью невоздержнаго рыцаря и юноши тол(коват)ь — — Вообще (у на)съ какъ-то болѣе заботятся о перемѣнѣ (назв)аній и именъ, (нежели о сущности дѣла).... Не стыдно ли вамъ въ уменьшительныхъ именахъ нашихъ, которыя даемъ мы иногда и товарищамъ, видѣть (порабощеніе)? Вотъ до какихъ ребяческихъ выводовъ доводитъ невѣрный взглядъ на главный предметъ!

Еще изумила меня эта отважная самонадѣянность, съ которою вы говорите, что: »Я знаю общество наше и духъ его.« Какъ можно ручаться за этотъ ежеминутно мѣняющійся хамелеонъ? Какими данными вы можете удостовѣрить, что знаете общество? Гдѣ ваши средства къ тому? Показали ли вы гдѣ-нибудь въ сочиненьяхъ своихъ, что вы глубокій вѣдатель души человѣка? Живя почти безъ прикосновенья съ людьми и свѣтомъ, ведя мирную жизнь журнальнаго сотрудника, во всегдашнихъ занятіяхъ фельетонными статьями, какъ вамъ имѣть понятіе объ этомъ громадномъ страшилищѣ, которое (неожи)данными явленіями (ловитъ насъ) въ ту ловушку, въ которую (попадаютъ) всѣ молодые писатели (разсуждающіе обо) всемъ мірѣ и человѣчествѣ, тогда какъ (довольно) заботъ намъ и вокругъ себя. Нужно (прежде всего) ихъ исполнить, такъ общество (само) собою пойдетъ хорошо. А если (пренебрежемъ) свои обязанности относительно лицъ (близкихъ и погонимся) за обществомъ, (то запутаемся)... такъ же точно. Я (встрѣчалъ) въ послѣднее время много прекрасныхъ людей, (которые) совершенно сбились на этомъ (предметѣ)....

Многіе, видя, что общество идетъ дур(ной дорогой), что порядокъ дѣлъ безпрестанно запутывается, думаютъ, что преобразованьями и реформами, обращеньемъ на такой и на другой ладъ можно поправить міръ. Другіе думаютъ, что посредствомъ какой-то особенной, довольно посредственной литературы, которую вы называете беллетристикой, можно подѣйствовать на воспитаніе общества. Мечты! кромѣ того, что прочитанная книга лежитъ (безъ примѣненія)... плоды если происходятъ, то вовсе не тѣ, о которыхъ думаетъ авторъ, а чаще такіе, отъ которыхъ онъ съ испугомъ отскакиваетъ самъ..... Общество образуется само собою, слагается изъ единицъ. (Надобно, чтобы каждая) единица испол-

нила (должность свою)..... (Пускай) вспомнитъ человѣкъ, (что) онъ вовсе не матеріяльная скотина, а высокій гражданинъ высокаго небеснаго гражданства, и до тѣхъ поръ, покуда (каждый) сколько-нибудь не будетъ жить жизнью небеснаго гражданства, до тѣхъ поръ не придетъ въ порядокъ и земное гражданство.

(Вы) говорите, что Россія долго (и напрасно) молилась. Нѣтъ, Россія... помолилась въ 1612, и спасла отъ Поляковъ; она помолилась въ 1812, и спасла отъ Французовъ. Или это вы называете молитвою, что одна тысячная молится, а всѣ прочіе кутятъ..... съ утра до вечера на всякихъ зрѣлищахъ, закладывая послѣднее свое имущество, чтобы насладиться всѣмъ комфортомъ, которымъ надѣлила насъ эта (безтолковщина) Европейской цивилизаціи?...

Нѣтъ, оставимъ (подобныя мечты).... Будемъ исполнять (свое) дѣло честно. (Будемъ) стараться, чтобъ не зарытъ въ землю талантовъ. Будемъ отправлять (по совѣсти) свое ремесло. Тогда все будемъ хорошо, и состоянье (общества) поправится само собою. — — — Владѣльцы разъѣдутся по помѣстьямъ. Чиновники увидятъ, что не нужно жить богато, перестанутъ (брать взятки); а честолюбецъ, увидя, что важныя мѣста не награждаютъ ни деньгами, (н)и богатымъ жалованьемъ..... ни вы, ни я не рождены..... Позвольте мнѣ напомнить (вамъ) прежнюю вашу дорогу. Литераторъ сущ(ествуетъ для истины). Онъ долженъ служить искуству (честно), вносить въ души міра примиреніе... а не вражду... Начните ученье. Примитесь за тѣхъ поэтовъ и мудрецовъ, которые воспитываютъ душу. Журнальныя занятія вывѣтриваютъ душу, и вы замѣчаете наконецъ пустоту въ себѣ. Вспомните, что вы учились кое-какъ, не кончили даже университетскаго курса. Вознаградите (это) чтеньемъ большихъ сочиненій, а не современныхъ брошюръ, писанныхъ разгоряченнымъ (умомъ), совращающимъ съ прямого взгляда.

Отрывокъ изъ того же письма, найденный въ другомъ мѣстѣ.

Слова мои о грамотности вы приняли въ буквальномъ, тѣсномъ смыслѣ. Слова эти были сказаны помѣщику, у котораго

крестьяне земледѣльцы. Мнѣ даже было смѣшно, когда изъ этихъ словъ вы поняли, что (я) вооружился противъ грамотности; точно какъ-будтобы объ этомъ теперь вопросъ, — когда (это) вопросъ, рѣшенный уже давно нашими отцами. Отцы (и) дѣды наши, даже безграмотные, рѣшили, что грамотка нужна. Не въ этомъ дѣло. Мысль, которая проходитъ сквозь всю мою книгу, есть та, какъ просвѣтить прежде грамотныхъ, чѣмъ безграмотныхъ, какъ просвѣтить прежде тѣхъ, которые имѣютъ близкія столкновенія съ народомъ, чѣмъ самый народъ. Всѣ эти мелкіе чиновники и власти, которые всѣ грамотны и которые между тѣмъ много дѣлаютъ злоупотребленій.... Повѣрьте, что для этихъ господъ нужнѣе издавать тѣ книги, которыя, вы думаете, полезны для народа. Народъ меньше испорченъ, чѣмъ все это грамотное населеніе. Но издавать книги для этихъ господъ, которыя бы открывали имъ тайну, какъ быть съ народомъ и съ подчиненными, которые имъ поручены, — не въ томъ обширномъ смыслѣ, въ которомъ повторяются слова *не крадь, соблюдай правду*, или: *помни, что твои подчиненные люди такіе жъ, какъ и ты*, но которыя могли бы ему открыть, какъ именно не красть (и) чтобы точно то была правда...

Къ матери.

Неаполь. Мая 3, новаго, стиля 1847.

Я получилъ письмо ваше отъ 12 марта, исполненное упрековъ. Простите меня: я передъ вами виноватъ. Виноватъ также и передъ моими добрыми сестрами, которыя меня искренно и нелицемѣрно любятъ и которымъ я показалъ, какъ-бы вовсе не замѣчаю любви ихъ. У меня былъ нѣкоторый свой умыселъ: получая самъ отовсюду упреки, любя упреки и находя неоцѣненную пользу для души моей отъ всякихъ упрековъ [даже и несправедливыхъ], я хотѣлъ прислужиться и вамъ тѣмъ же. Я хотѣлъ попрекнуть васъ, и особенно сестеръ, съ тѣмъ, чтобы уже никогда ни въ чемъ не попрекать. Я не имѣлъ намѣренія оскорбить ихъ. Повѣрьте, что я совсѣмъ не думаю, чтобы кто-нибудь изъ нихъ былъ безтолковъ

въ дѣлахъ жизни. Если бы я вамъ сказалъ откровенно, что я о каждой изъ васъ думаю, то слова мои могли бы даже оскорбить вашу скромность. Скажу вамъ откровенно, что я горжусь вами: вами горжусь, что вы мать моя, сестрами — что онѣ сестры мои. Но, зная по себѣ, какъ способны мы задремать, когда окружающіе насъ люди говорятъ намъ объ однихъ только нашихъ достоинствахъ и ни слова не упоминаютъ о недостаткахъ нашихъ, я принялъ на себя на время мнѣ непринадлежащую должность, видя, что никто другой, кромѣ меня, не отважился бы взять ее. Упрекъ мой въ распоряженіяхъ и расходахъ экономическихъ былъ совершенно несправедливъ. Это я увидѣлъ ясно изъ вашего письма, гдѣ вы означили обстоятельно, на какія именно потребности забираются товары у разнощиковъ и въ лавкахъ. — — Я имѣлъ въ виду не столько попрекнуть сестеръ за сдѣланное дѣло, сколько напомнить вообще объ аккуратности впредь, которой вообще у всѣхъ насъ, грѣшныхъ Русскихъ людей, очень мало, начиная съ меня. Еще разъ прошу прощенія, какъ у васъ, маминька, такъ равно и у всѣхъ сестеръ. Отнынѣ не только вы, которой, какъ матери, я не имѣю права давать упрековъ, но даже никто изъ моихъ сестеръ не получитъ отъ меня ни за что̀ выговора. И скажу вамъ искренно, что я очень радъ, сложивши съ себя наконецъ эту непріятную и мнѣ непринадлежащую должность. Не сердитесь же на меня. Помните только то, что передъ вами вновь стоитъ благодарный и признательный сынъ вашъ. А сестры пусть вспомнятъ вновь то, что̀ я говорилъ имъ всегда: что онѣ мнѣ всѣ равно дороги сердцу моему и всѣхъ ихъ люблю съ равной любовью; а если покажется которой-нибудь изъ нихъ, что я лучше люблю другую, то она можетъ вдругъ сама стать на ея мѣсто и быть завтра же мнѣ еще ближайшей. Также никто изъ нихъ не долженъ смущаться тѣмъ, если я пишу къ одной, а къ другой не пишу: завтра же я напишу къ другой. Вновь повторяю вамъ, если вы думаете, что я увѣренъ въ совершенствѣ моемъ и въ томъ, что я могу учить другихъ, вы впадете въ то же самое заблужденіе, въ которое впали и другіе. Никогда еще я не чувствовалъ такъ живо, что я ученикъ, что мнѣ нужно многому учиться и никогда еще не сгаралъ я такимъ желаніемъ учиться. Письмо ваше,

исполненное мнѣ выговоровъ, я принялъ съ благодарностью. Говорю вамъ это искренно и перечитываю его нѣсколько разъ, потому что мнѣ это очень нужно. Не сердитесь же на меня. Меня это очень огорчитъ, — тѣмъ болѣе, что я и безъ того неспокоенъ. Я чувствую уже и безъ того упреки совѣсти на душѣ своей...

Къ П. А. Плетневу.

Неаполь. Мая 9 (1847).

Я получилъ милое письмо твое [отъ $\frac{4}{16}$ апр.] передъ самимъ моимъ отъѣздомъ изъ Неаполя; спѣшу, однакожъ, написать нѣсколько строчекъ. Отвѣтъ на твои запросы ты, вѣроятно, уже имѣешь отчасти изъ письма моего къ Р*** [отъ 15 апр.], отчасти изъ письма къ тебѣ [отъ 17 апр.]. Благодарю тебя также за приложеніе двухъ писемъ, для меня очень значительныхъ. В**** я написалъ маленькій отвѣтъ, при семъ прилагаемый, который пожалуйста передай ему немедленно. Что̀ касается до письма Б****, то надобно отдать справедливость нашему духовенству за твердое познаніе догматовъ. Это познаніе слышно во всякой строкѣ его письма. Все сказано справедливо и все вѣрно. Но, чтобы произнести полной судъ моей книгѣ, для этого нужно быть глубокому душевѣдцу, нужно почувствовать и услышать страданіе той половины современнаго человѣчества, съ которою даже не имѣетъ и случаевъ сойтись монахъ; нужно знать не свою жизнь, но жизнь многихъ. Поэтому никакъ для меня не удивительно, что имъ видится въ моей книгѣ смѣшеніе свѣта съ тьмой. Свѣтъ для нихъ та сторона, которая имъ знакома; тьма та сторона, которая имъ незнакома; но объ этомъ предметѣ нечего намъ распространяться. Все это ты чувствуешь и понимаешь, можетъ быть, лучше моего. Во всякомъ случаѣ, письмо это подало мнѣ доброе мнѣніе о Б****. Я считалъ его, основываясь на слухахъ, просто, дамскимъ угодникомъ.

Нѣсколько словъ на-счетъ изумленія твоего моему любопытству знать всѣ толки, даже пустые, обо мнѣ и о моей книгѣ. Другъ мой, какъ ты до сихъ поръ не можешь почувствовать, что

это мнѣ необходимо! Въ толкахъ этихъ я ищу не столько поученія себѣ, сколько короткаго знанія тѣхъ людей, которыхъ мнѣ нужно знать. Въ сужденіяхъ о моихъ сочиненіяхъ обнаруживается самъ человѣкъ. Говоритъ журналистъ, но вѣдь за журналистомъ стоитъ двѣ тысячи людей, его читателей, которые слушаютъ его ушами и смотрятъ на вещи его глазами. Это не бездѣлица! Мнѣ очень нужно знать, на что̀ нужно напирать. Не позабудь, что я, хотя и подвизаюсь на поприщѣ искусства, хотя и художникъ въ душѣ, но предметомъ моего художества современный человѣкъ, и мнѣ нужно его знать не по одной его внѣшней наружности. Мнѣ нужно знать душу его, ея *нынѣшнее состояніе.* Ни Карамзинъ, ни Жуковскій, ни Пушкинъ не избрали этого въ предметъ своего искусства, потому и не имѣли надобности въ этихъ толкахъ. Будь покоенъ на мой счетъ: меня не смутятъ критики и ни въ чемъ не заставятъ меня пошатнуться, что̀ здраво и крѣпко во мнѣ. Изъ всѣхъ писателей, которыхъ мнѣ ни случалось читать біографіи, я еще не встрѣтилъ ни одного, кто бы такъ упрямо преслѣдовалъ разъ избранный предметъ. Эту твердость мою я чту знакомъ Божіей милости къ себѣ. Безъ Него, какъ бы мнѣ сохранить ее, сообразя то, что рѣдкому давалось выдержать такія битвы со всякими отвлекающими отъ избраннаго пути обстоятельствами! Послѣ всѣхъ этихъ толковъ, у меня только лучше прочищаются глаза на то же самое, на что̀ я гляжу, и больше рвенія къ дѣлу. Повторяю тебѣ, что я слишкомъ твердъ въ главныхъ моихъ убѣжденіяхъ; но у меня правило: всѣхъ выслушай, а сдѣлай по-своему. И что̀ я сдѣлаю по-своему, всѣхъ выслушавши, то уже трудно поднять будетъ на публичное посмѣшище, даже и *временное.*

Р*** правъ на-счетъ письма къ его сестрѣ. Совершенно въ такомъ видѣ, какъ оно есть, ему неприлично быть въ печати. Попроси его, чтобы онъ назначилъ карандашомъ всѣ мѣста, по его мнѣнію, неловкія. Ихъ очень легко умягчить,—тѣмъ болѣе, что я чувствую уже и самъ, какъ слѣдуетъ чему быть.

Вексель секунду я послалъ обратно къ тебѣ чрезъ Штиглица, потому что здѣсь не взялся по немъ выдать деньги банкиръ. Стало быть, тутъ уже не мое распоряженіе. Такова судьба его. Деньги эти береги у себя. Прокоповичу не слѣдуетъ ничего говорить....

Обнимаю тебя крѣпко. Богъ да хранитъ тебя! Ради Бога, хоть нѣсколько словъ о самомъ себѣ! Я собственно о тебѣ почти ничего не знаю; всѣ письма твои наполнены мной. Книга твоя о Крыловѣ прекрасна *во всѣхъ отношеніяхъ*. Это первая біографія, въ которой переданъ такъ вѣрно писатель...

— —

Къ отцу Матвѣю. (1)

(1847.)

Я прошу васъ убѣдительно прочитать мою книгу и сказать мнѣ хотя два словечка о ней, первыя, какія придутся вамъ, какія скажетъ вамъ душа ваша. Не скройте отъ меня ничего и не думайте, чтобы ваше замѣчаніе, или упрекъ былъ для меня огорчителенъ. Упреки мнѣ сладки, а отъ васъ еще будетъ слаще. Не затрудняйтесь тѣмъ, что меня не знаете; говорите мнѣ такъ, какъ-бы меня вѣкъ знали. Напишите мнѣ письмецо въ Неаполь... Приложите въ моемъ письмѣ маленькое письмецо, хотя также изъ двухъ строчекъ, къ гр. А. П. Т***, который также къ этому времени пріѣдетъ въ Неаполь, съ тѣмъ чтобы выпроводить меня къ Святымъ Мѣстамъ и, можетъ быть, даже и самому туды пуститься, если Богу будетъ угодно поселить ему такую мысль. Вашими двумя строками вы его много обрадуете.

Въ заключеніе прошу васъ молиться обо мнѣ крѣпко во все время путешествія, которое, видитъ Богъ, хотѣлось бы совершить въ потребу истинную души моей, дабы быть въ силахъ потомъ совершить дѣло во славу Святаго имени Его. Помолитесь же обо мнѣ, и Богъ вамъ воздастъ за это десятерицею.

Посылается вамъ книга въ двухъ экземплярахъ: одинъ для васъ, а другой для того, кому вы захотите дать...

———

(1) По содержанію этого письма видно, что оно писано гораздо раньше слѣдующаго за нимъ; но какъ дата его вовсе неизвѣстна, то, по тождеству предмета, помѣщаю оба письма рядомъ. *П. К.*

Къ нему же.

Неаполь. 9 мая (1847).

Что̀ могу сказать вамъ въ отвѣтъ на чистосердечное письмо ваше? Благодарность! вотъ первое слово, которое я долженъ сказать вамъ, хотя очень хотѣлось бы мнѣ имѣть отъ васъ не такое письмо. Всѣ слова ваши, какъ о Евангельскомъ значеніи милостыни, такъ и о прочемъ, святая истина. Въ нихъ я убѣжденъ; противъ нихъ не спорю. А между тѣмъ въ книгѣ моей изложено такъ, какъ-бы я былъ противъ этого. Какъ изъяснить это явленіе? Скажу болѣе: статью о театрѣ я писалъ не съ тѣмъ, чтобы пріохотить общество къ театру, а съ тѣмъ, чтобы отвадить его отъ развратной стороны театра, отъ всякаго рода балетныхъ плясавицъ и множества самыхъ страстныхъ піесъ, которыя въ послѣднее время стали кучами переводить съ Французскаго. Я хотѣлъ отвадить отъ этого указаніемъ на лучшія піесы и выразилъ все это такимъ нелѣпымъ и неточнымъ образомъ, что подалъ поводъ вамъ думать, что я посылаю людей въ театръ, а не въ церковь. Храни меня Богъ отъ такой мысли! Никогда я не имѣлъ ея даже и тогда, когда гораздо меньше чувствовалъ святыню святыхъ истинъ. Я только думалъ, что нельзя отнять совершенно отъ общества увеселеній ихъ, но надобно такъ распорядиться съ ними, чтобы у человѣка возраждалось само собою желаніе послѣ увеселенія идти къ Богу — поблагодарить Его, а не идти къ чорту — послужить ему. Вотъ была основная мысль той статьи, которую я не съумѣлъ хорошо написать! Скажу вамъ нелицемѣрно и откровенно, что виной множества недостатковъ моей книги не столько гордость и самоослѣпленіе, сколько незрѣлость моя. Я началъ поздо свое воспитаніе, — въ такіе годы, когда другой человѣкъ уже думаетъ, что онъ воспитанъ. Обрадовавшись тому, что удалось въ себѣ побѣдить многое, я вообразилъ, что могу учить и другихъ, издалъ книгу и на ней увидѣлъ ясно, что я — ученикъ. Желаніе и жажда добра, а не гордость, подтолкнули меня издать мою книгу; а какъ вышла моя книга, я увидѣлъ на ней же, что есть во мнѣ и гордость, и самоослѣпленіе, и много того, чего бы я не увидалъ, если бы не была

издана моя книга. Эта строптивость, дерзкая замашка, которая такъ оскорбила васъ въ моей книгѣ, произошла тоже отъ другого источника. Воспитывая себя самого суровою школою упрековъ и пораженій и находя отъ нихъ пользу существенную душѣ, я былъ не шутя одно время увѣренъ въ томъ, что и другимъ это полезно, и выразился грубо и жестко. Я позабылъ, что голосомъ любви слѣдуетъ говорить, когда хочешь чему поучить другихъ, и чѣмъ святѣе истина, тѣмъ смиреннѣе нужно быть тому, который хочетъ возвѣщать о ней. Я попался самъ въ тѣхъ самыхъ недостаткахъ, въ кокорыхъ попрекнулъ другихъ. Словомъ — все въ этой книгѣ обличаетъ невоспитаніе мое. Богъ далъ большое имѣніе; множество въ немъ всякихъ угодій и удобствъ; земли не окинешь глазомъ; а самъ управитель, которому поручено это имѣніе, еще не умѣетъ управлять имъ. Вотъ вамъ портретъ мой! Силъ много, но умѣнья править этими силами мало, — можетъ быть, отъ того самого, что слишкомъ много дано силъ. Не могу скрыть отъ васъ, что меня очень испугали слова ваши, что книга моя должна произвести вредное дѣйствіе и я дамъ за нее отвѣтъ Богу. Я нѣсколько времени оставался послѣ этихъ словъ въ состояніи упасть духомъ; но мысль, что безгранично милосердіе Божіе, меня поддержала. Нѣтъ, есть хранящая сила, которая не дремлетъ въ мірѣ, которая направляетъ къ хорошему даже и то, что̀ отъ дурного умысла произвелъ человѣкъ. А книга моя не отъ дурного умысла: мое неразуміе всему причиною; за то Богъ и наказалъ меня, — наказалъ меня тѣмъ, что всѣ до единаго вопіютъ противъ моей книги, хотя и разнообразны до безконечности причины этихъ криковъ. Но какъ милостиво и самое наказаніе Его! Въ наказаніе, Онъ даетъ мнѣ почувствовать смиреніе — лучшее, что̀ только можно дать мнѣ. Какимъ бы другимъ образомъ я могъ взглянуть (на) себя, если бы не посыпались на меня градомъ со всѣхъ сторонъ упреки и обвиненія? [Если бы кто увидалъ тѣ жестокія письма, исполненныя упрековъ, которыя я получаю во множествѣ отовсюду, и прочиталъ бы тѣ статьи, которыя теперь печатаются во множествѣ противъ меня, у него бъ закружилась на время голова.] Вы сами, вѣрно, знаете, что отъ людей близкихъ и всегда съ нами живущихъ не услышишь осужденія: за наши небольшія имъ услуги, иногда даже, про-

сто, за одну ровность нашего характера, они уже готовы почитать насъ за совершеннѣйшаго человѣка. Но когда раздадутся со всѣхъ сторонъ крики по поводу какого-нибудь публичнаго нашего дѣйствія и разберутъ по ниткѣ всякую рѣчь нашу и всякое слово, и когда, руководимые и личными нерасположеніями, и недоразумѣніями, станутъ открывать въ насъ даже и то, чего нѣтъ, тогда и самъ станешь искать въ себѣ того, чего прежде и не думалъ бы искать. Есть люди, которымъ нужна публичная, въ виду всѣхъ данная оплеуха. Это я сказалъ гдѣ-то въ письмѣ, хотя и не зналъ еще тогда, что получу самъ эту публичную оплеуху. Моя книга есть точная мнѣ оплеуха. Я не имѣлъ духу заглянуть въ нее, когда получилъ ее отпечатанную; я краснѣлъ отъ стыда и закрывалъ лицо себѣ руками, при одной мысли о томъ, какъ неприлично и какъ дерзко выразился о многомъ. Отсутствіе мѣстъ, выпущенныхъ — — и незамѣненныхъ ничѣмъ другимъ, разрушивши связь и сдѣлавши темнымъ, почти безсмысленнымъ многое, еще болѣе увеличило недостатки ея въ глазахъ моихъ. Итакъ книга моя, прежде чѣмъ быть полезной для другихъ, полезна для меня, и это считаю знакомъ ко мнѣ милости Божіей. Мнѣ нужно зеркало, въ которое я долженъ глядѣться всякой день, чтобы видѣть мое неряшество. Что же до вліянія на другихъ, то мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы отъ книги моей распространился вредъ на нихъ. За что Богу такъ ужасно меня наказывать? Нѣтъ, Онъ отклонитъ отъ меня такую страшную участь, если не ради моихъ безсильныхъ молитвъ, то ради молитвъ тѣхъ, которые Ему молятся обо мнѣ и умѣютъ угождать Ему, — ради молитвъ моей матери, которая изъ-за меня вся превратилась въ молитву. Теперь я собираю весьма тщательно толки о моей книгѣ со всѣхъ сторонъ, равно какъ и отчетъ о всѣхъ впечатлѣніяхъ, ею производимыхъ. Сколько могу судить по тѣмъ, которыя доселѣ имѣю, книга моя не произвела почти никакого впечатлѣнія на тѣхъ людей, которые находятся уже *въ нѣдрѣ Церкви*, что весьма естественно: кто имѣетъ у себя дома лучшій обѣдъ, тотъ не станетъ по чужимъ домамъ искать худшаго; кто добрался до самого родника водъ, тому не за чѣмъ бѣгать за полугрязными ручьями, хотя бы и они стремились въ ту же рѣку. Напротивъ, изъ тѣхъ, которые находятся въ нѣдрѣ Церкви и дѣй-

ствительно вѣруютъ, многіе даже вооружились противъ моей книги и стали еще бдительнѣе на стражѣ собственной своей души. Книга моя подѣйствовала только на тѣхъ, которые *не ходятъ въ церковь* и которые не захотѣли бы даже выслушать словъ, если бы вышелъ сказать имъ попъ съ рясѣ. Если это правда и если точно нѣкоторые пошатнулись въ невѣріи своемъ и пошли хотя изъ любопытства въ церковь, то это одно уже можетъ меня успокоить. Тамъ, то есть, въ церкви, они найдутъ лучшихъ учителей. Достаточно, что занесли уже ногу на порогъ дверей ея. О книгѣ моей они позабудутъ, какъ позабываетъ о складахъ ученикъ, выучившійся читать по верхамъ. Причину этого для васъ, можетъ быть, страннаго явленія я могу объяснить тѣмъ, что въ книгѣ моей, не смотря на всѣ великіе недостатки ея, есть, однакоже, одна только та правда, которую, покуда, замѣтили немногіе. Въ ней есть душевное дѣло — исповѣдь человѣка, который почувствовалъ сильно, что воспитаніе наше начинается съ тѣхъ только поръ, когда кажется, что оно уже кончилось. Тамъ изложенъ отчасти и процессъ такого дѣла, понятный даже и не для Христіянина, не смотря на неточность моихъ словъ и выраженій, непонятныхъ для нестрадавшаго тѣми недугами, какими сураждутъ невѣрующіе люди нынѣшняго времени. Мнѣ кажется, что если кто-нибудь только помыслитъ о томъ, чтобы сдѣлаться лучшимъ, то онъ уже непремѣнно потомъ встрѣтится со Христомъ, увидѣвши ясно какъ день, что безъ Христа нельзя сдѣлаться лучшимъ, и, бросивши мою книгу, возьмемъ въ руки Евангеліе. И потому-то, я думаю, напрасно не обратили вниманія на эту сторону моей книги всѣ тѣ, которые имѣютъ дѣло съ душою человѣка. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы даже, отбросивши на время въ сторону всѣ оскорбляющія слова, рѣзкія выраженія и даже цѣликомъ тѣ статьи, на которыхъ отразились мое несовершенство, недостатки и невѣжество, прочитать внимательно и даже нѣсколько разъ нѣкоторыя статьи, особенно тѣ, гдѣ умъ не можетъ быть вдругъ судьей и которые провѣрить можно только *собственной душой* своей. Какъ бы то ни было, но, если вы замѣтите, что книга моя произвела на кого-нибудь вредное вліяніе и соблазнила его, увѣдомьте меня, ради самого Христа, обстоятельно и отчетливо, не скрывая ничего. Мнѣ нужно знать

это. Богъ милостивъ. Если Онъ попустилъ меня сдѣлать злое дѣло, то Онъ же поможетъ мнѣ и исправить его. Хотя (я) положилъ себѣ долгомъ не писать по тѣхъ поръ, пока не научусь лучше дѣлу и не пріобрѣту языка болѣе кроткого и никого неоскорбляющаго; но нѣкоторыя необходимыя объясненія на мою книгу, равно какъ и сознаніе въ томъ, въ чемъ я ошибся, я долженъ буду сдѣлать непремѣнно, чтобы не соблазнялись юноши и люди неопытные. ——— Письмо о театрѣ я писалъ, имѣя въ виду публику, пристрастившуюся къ балетамъ и операмъ, пожирающимъ нынѣ страшныя суммы денегъ, и въ то же самое время имѣлъ въ виду журналъ »Маякъ«, С. А. Бурачка, который, судя по статьямъ его, долженъ быть истинно почтенный и вѣрующій человѣкъ, но который, однакожъ, слишкомъ горячо и безъ разбора напалъ на всѣхъ нашихъ писателей, утверждая, что они безбожники и деисты, потому только, что тѣ не брали въ предметъ Христіанскихъ сюжетовъ. Я вовсе не хотѣлъ оскорбить издателя »Маяка«: я хотѣлъ только напомнить ему самому, какъ Христіанину, о смиреніи, но выразился такъ, что словами моими дѣйствительно онъ могъ быть обиженъ. Изъ нѣкоторыхъ словъ вашего письма мнѣ показалось, что вы его знаете. Скажите ему, что я умоляю его простить меня; попросите за меня и вы также. Наконецъ, простите меня и вы сами, добрая и молящаяся о всѣхъ насъ душа. Очень понимаю, что для васъ оскорбительнѣе, чѣмъ для многихъ, появленіе такой книги, отъ которой соблазняются тѣ, за спасеніе которыхъ вы молитесь. Еще разъ повторяю вамъ, что цѣль моей книги была добрая; но вы видите сами, что обо мнѣ нужно молиться болѣе, чѣмъ о всякомъ другомъ человѣкѣ. Если Богъ меня не вразумитъ Своимъ разумомъ, что̀ я буду тогда? Участь моя будетъ страшнѣе участи всѣхъ прочихъ людей. Молитесь же обо мнѣ, ради самого Христа.

Все прочее, чего не вмѣститъ письмо, передастъ вамъ лично А* П*, съ которымъ, если дастъ Богъ, надѣюсь увидѣться въ Парижѣ и который стремится къ вамъ, какъ птица изъ клѣтки на волю [и, вѣрно, не даромъ стремится]. Еще разъ прося молитвъ вашихъ, прошу васъ увѣдомить меня хотя двумя строчками, что письмо это вами получено, безъ чего я не буду спокоенъ...

Къ NF.

Май 10 (1847). Неаполь.

Сейчасъ, наканунѣ моего выѣзда изъ Неаполя, получилъ безцѣнное письмо ваше, добрѣйшій другъ мой NF. Очень благодарю васъ за него. [Оно отъ 22 марта]. Вы и среди болѣзни вашей, среди тоски, среди немощи не позабываете меня. Какъ возблагодарить васъ! Не могу объяснить себѣ причинъ вашей болѣзни, не могу понять, зачѣмъ вы такъ долго болѣете. Не затѣмъ ли, чтобы оставить вновь на время Россію? Не нужны ли вамъ морскія купанья — единственное средство въ нервическихъ недугахъ, которые всѣмъ равно помогаютъ. Не проѣздиться ли вамъ въ Остенде? Какъ бы мы вновь провели прекрасно время вмѣстѣ! и какъ бы поблагодарили Бога за самые недуги наши, заставившіе насъ вновь увидѣться! Прекрасна встрѣча съ родными и съ старыми товарищами нашего дѣтства, но встрѣча съ тѣми, съ которыми породнились душами во имя Христа еще прекраснѣй. А тамъ — почему знать? если самая дорога вамъ станетъ помогать и ѣзда, почему вамъ не съѣздить въ одно время со мною въ Іерусалимъ? Можетъ быть, послѣ этого путешествія, все бы отлегло тоскливое отъ души вашей. По крайней мѣрѣ въ Остенде всегда можно проѣздиться. Ѣзда моремъ; экипажа брать съ собой не нужно; изъ Петербурга прямо на корабль — и въ недѣлю съ небольшимъ вы въ Остенде. Если жъ изъ Остенде захотите отправиться подальше, то теперь вездѣ желѣзныя дороги, и всё-таки не нужно экипажа. Если только отложить въ сторону всѣ Русскія барскія замашки, то можно такъ дёшево съѣздить, какъ не съѣздите по Россіи.

Письма, покуда, адрессуйте ко мнѣ на имя Жуковскаго во Франкфуртъ. Не могу понять, почему вы такъ сильно безпокоитесь на-счетъ моего мѣстопребыванія и адресса, тогда какъ я вамъ не писалъ ни слова о томъ, что оставляю Неаполь. Отъ октября прошлаго года до 10 мая нынѣшняго, сижу въ Неаполѣ и никуды ноги не заносилъ отсюда. Уже въ двухъ письмахъ подтвердилъ я вамъ, что я въ Неаполѣ. Но не знаю, или не доходятъ мои письма? Повѣрьте, что я ни въ какомъ случаѣ не замедлилъ бы васъ увѣдо-

мить, если бы только перемѣнилъ мѣстопребываніе мое. Неужели вы думаете, что мнѣ легко обходиться безъ вашихъ писемъ? Итакъ вотъ вамъ мои нынѣшнія маршруты: май въ дорогѣ; іюнь во Франкфуртѣ, или въ окружности его, на водахъ, словомъ — гдѣ будетъ Жуковскій; конецъ іюля, августъ и сентябрь [половина если не весь] въ Остенде; а потомъ опять въ Неаполь, дабы отсюда уже въ Іерусалимъ. Но прощайте... какъ бы хотѣлось сказать: до скораго свиданья! Тороплюсь укладываться. Богъ да пошлетъ вамъ облегченье и благополучные роды! Молитесь Ему: Онъ милостивъ, Онъ все совершитъ по вашей молитвѣ. Отвѣчайте хоть двумя строчками на это письмо...

Къ ней же.

Генуя. 20 мая (1847).

Хотя не болѣе десяти дней тому назадъ, какъ я писалъ къ вамъ послѣднее мое письмо изъ Неаполя [отъ 10 мая, въ отвѣтъ на ваше милое письмо изъ NN, отъ 22 марта, въ день Свѣтл. воскресенія]; но такъ какъ мои письма, можетъ быть, васъ хоть на двѣ минуты развлекутъ въ часы болѣзненныхъ томленій вашихъ, напомнивъ вамъ о томъ признательномъ человѣкѣ и другѣ, который благодаритъ Бога ежеминутно за нѣжную дружбу вашу и молитъ о вашемъ выздоровленіи, такъ какъ только въ силахъ онъ молиться: то я пишу къ вамъ еще разъ съ дороги. Да не смущается сердце ваше! молитесь покойно и тихо, и вѣруйте въ безпредѣльную Божью любовь къ намъ. Недуги ваши пройдутъ, и самое страданье обратится во благо. Если же вамъ послѣ родовъ окажется необходимымъ укрѣпиться и возстановить разстройство нервъ вашихъ, то повторяю вамъ вновь то же предложеніе, которое вы уже прочли въ моемъ прежнемъ письмѣ, то есть, посовѣтовавшись съ умнымъ докторомъ, пуститься моремъ въ Остенде. Для нервъ морское купанье дѣйствительнѣе всего, какъ я увидѣлъ это и на себѣ, и на другихъ. Поѣздка самая покойная въ Петербургъ, въ 7 дней, съ помощью пароходовъ, или желѣзныхъ дорогъ, какъ хотите на выборъ, и вы въ Остенде. Мнѣ всё кажется, какъ-будто для васъ дорога, воздухъ, другія небеса и вообще временная перемѣна мѣста

могутъ послужить необходимымъ освѣженіемъ. Не смѣю васъ уговаривать, чувствуя, что, можетъ быть, сюда примѣшивается сильное желаніе васъ видѣть, и оно-то заставляетъ меня убѣждаться въ необходимости для васъ такой поѣздки; но во всякомъ случаѣ прошу васъ имѣть это въ виду, сообразить и потолковать съ умнымъ докторомъ въ Москвѣ, или въ Петербургѣ. Богъ вѣсть, можетъ быть, и тѣлесно, и душевно это вамъ будетъ полезно; можетъ быть, опять придется намъ оказать другъ другу ту кроткую помощь, освѣжающую силы душевныя, которую способны оказать возлюбившіе другъ друга во имя Христа.

Будьте покойны на-счетъ меня, относительно моей книги. Я совершенно твердъ и больше ничего, какъ только благодарю Бога именно за тѣ толки, которые она производитъ, хотя, конечно, сначала многіе изъ нихъ мнѣ были очень непріятны. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вижу, что безъ этихъ толковъ мнѣ бы не узнать, какъ слѣдуетъ, людей и нашего общества, и въ то же самое время безъ нихъ мнѣ бы никакъ не поумнѣть въ такой мѣрѣ, въ какой нужно мнѣ поумнѣть для моего дѣла. Что касается до словъ вашихъ, чтобы я не смущался измѣною друзей моихъ; то на это замѣчу вамъ, что измѣны съ ихъ стороны нѣтъ никакой. У нѣкоторыхъ изъ нихъ не хватило разумѣнія, они спутались — вотъ и все. Впрочемъ я на многихъ изъ нихъ вовсе не надѣялся и не называлъ ихъ никогда своими друзьями: они себя считали моими друзьями, но не я ихъ. Вы знаете, что я нѣсколько недовѣрчивъ и, зная слабость человѣческую, вообще не-охотникъ понадѣяться черезъ-чуръ на какого-нибудь человѣка. Объ SS, какъ вы можете себѣ припомнить, я даже и не говорилъ вамъ никогда. Хотя я очень уважалъ старика и добрую жену его за ихъ доброту, любилъ ихъ сына за его юношеское увлеченіе, рожденное отъ чистаго источника, не смотря на неумѣренное, излишнее выраженіе его; но я всегда, однакожъ, держалъ себя вдали отъ нихъ. Бывая у нихъ, я почти никогда не говорилъ ничего о себѣ; я старался даже вообще сколько можно меньше говорить и выказывать такія качества, которыми бы могъ привязать ихъ къ себѣ. Я видѣлъ съ самаго начала, что они способны залюбить не на животъ, а на смерть. Это не та разумная, неизмѣнно-твердая любовь во Хри-

стѣ, возвышающая человѣка, но скорѣе чувственная, родственная любовь, дѣлающая малодушнымъ человѣка, дрожащая, какъ робкій листъ, за предметъ любви своей. Словомъ, я бѣжалъ отъ ихъ любви, ощущая въ ней что-то приторное; я видѣлъ, что они способны смотрѣть распаленными глазами на предметъ любви своей. Эту распаленную любовь къ моимъ сочиненіямъ возчувствовалъ ихъ сынъ, потому что въ душѣ его заключено дѣйствительно чувство высокой поэтической красоты. Эту распаленную любовь сообщилъ онъ и отцу своему, который безъ этого, можетъ быть, былъ бы умѣреннѣе и не пришелъ бы въ такое отчаянье отъ мысли, что я погибъ для искусства. Почувствовать, что все, совершающееся въ насъ, совершается не безъ воли Божіей и что событіе, во мнѣ случившееся, случилось не во вредъ искусству, но къ возвышенію искусства, почувствовать этого изъ нихъ никто не въ силахъ, ни отецъ ни сынъ; а потому вы не смущайтесь также ихъ рѣчами противъ меня. Рѣчи эти пройдутъ. Но довольно. Не оставляйте меня, покуда, извѣстіями объ вашемъ здоровьи. Это для меня теперь нужнѣе всего. Прощайте, мой безцѣнный и неизмѣнный другъ!..

Къ С. П. Шевыреву.

Марсель. 25 мая (1847).

Передъ самымъ выѣздомъ изъ Неаполя получилъ твои два пакета, со вложеніемъ двухъ критикъ изъ газетъ и маленькой твоей записочки. Благодарю тебя за все это много, безцѣнный другъ мой. Переписывать статьи прежнія не трудись. Нѣкоторыя я получилъ, то есть, тѣ, которыя напечатаны въ первыхъ двухъ номерахъ »Современника« и »Отечественныхъ Записокъ«. Я бы очень желалъ, однакожъ, знать, что̀ сказано обо мнѣ въ »Библіотекѣ для Чтенія« и во второстепенныхъ журналахъ, какъ то: »Иллюстраціи«, »Литературныхъ Прибавленіяхъ« и не было ли чего въ »Инвалидѣ«. Все это мнѣ важно не ради толковъ о мнѣ самомъ, но ради желанья знать, на какой высотѣ собственнаго мышленія своего стоитъ нынѣ дѣйствительно всякъ изъ пишущихъ, а за нимъ, разумѣется, часто и публика, его читающая. Книга моя, не смотря на всѣ ея

грехи, есть удивительный оселокъ, для испробованія нынѣшняго человѣка. Повторяю это тебѣ вновь и совѣтую провѣрить истину словъ моихъ на всѣхъ тѣхъ людяхъ, съ которыми тебѣ ни случится столкнуться. И потому, какъ ни пусты означенныя критики, ты всё-таки постарайся переслать мнѣ ихъ. Теперь же это можно съ оказіей: съ весной подымается, вѣроятно, много людей изъ Москвы. Передать они могутъ во Франкфуртѣ или Жуковскому, или мнѣ самому, а я до іюля послѣднихъ чиселъ въ Остенде.

Заплачено за оба твои письма, если не ошибаюсь, два піастра съ чѣмъ-то. Вышло нѣсколько дороже оттого, что письма ко мнѣ пришли посредствомъ банкира. Впрочемъ, если бы стоило въ пятеро больше, я заплатилъ бы охотно. Деньги эти для меня совсѣмъ не потеряны. Напротивъ, я остаюсь только въ большихъ барышахъ. Статья Григорьева, довольно молодая, говоритъ больше въ пользу критика, чѣмъ моей книги. Онъ, безъ сомнѣнія, юноша очень благородной души и прекрасныхъ стремленій. Временный гегелизмъ пройдетъ, и онъ станетъ ближе къ тому источнику, откуда черпается истина. Статья Павлова говоритъ тоже въ пользу Павлова и вмѣстѣ съ тѣмъ въ пользу моей книги. Я бы очень желалъ видѣть продолженіе этихъ писемъ: любопытствую чрезмѣрно знать, къ какому результату приведутъ Павлова его послѣднія письма. Покуда, для меня въ этой статьѣ замѣчательно то, что самъ же критикъ говоритъ, что онъ пишетъ письма свои затѣмъ, чтобы привести себя въ то самое чувство, въ какомъ онъ былъ предъ чтеніемъ моей книги, и сознается самъ невинно, что эта книга [въ которой, по его мнѣнію, ничего нѣтъ новаго, а что и есть новаго, то ложь] сбила, однакоже, его совершенно съ прежняго его положенія, [какъ онъ называетъ] *нормальнаго*. Хорошо же было это нормальное положеніе! Онъ, разумѣется, еще не видитъ теперь, что этотъ возвратъ уже для него невозможенъ и что даже въ этомъ первомъ своемъ письмѣ самъ онъ сталъ уже лучше того Павлова, какимъ является въ своихъ *трехъ послѣднихъ повѣстяхъ*. Пожалуста этого явленія не пропусти изъ виду, когда возчувствуешь желанье сказать также нѣсколько словъ по поводу моей книги. Когда же будешь писать критику, то обрати вниманіе на *главные предметы* книги, о которыхъ разсужденья только и могутъ доставить пользу обще-

ству, а не какіе-нибудь пункты завѣщанія, относящіеся къ моей личной оригинальности, безполезной для публичныхъ трактатовъ. Имѣй въ виду не защиту меня, но защиту добра, и тогда статья твоя сдѣлаетъ гораздо болѣе добра мнѣ самому. Ты можешь уже и самъ, я думаю, почувствовать, что, каковъ я ни есть, но любовь къ добру всё-таки у меня сильнѣе, чѣмъ любовь къ собственной личности моей, не смотря на то, что послѣдняя выразилась у меня, по мнѣнію многихъ, весьма ярко въ моей книгѣ. Относительно послѣдняго обстоятельства скажу тебѣ всю правду. [Правды этой, однакожъ, ненадобно пускать въ ходъ; она пусть будетъ между нами]. Я разъялъ себя анатомически, разсмотрѣлъ себя строго и разспросилъ себя еще разъ, поставляя себя мысленно какъ-бы предъ судъ самого Того, Кто будетъ судить меня, и вижу, что этой личной любви нѣтъ; виной всему моя твердая вѣра въ свое будущее, которое произошло отъ сознанья силъ своихъ. Я чувствовалъ всегда, что я буду участникъ сильный въ дѣлѣ общаго добра и что безъ меня не обойдется примиренье многаго, между собою враждующаго. Объ этомъ слѣдовало бы молчать,—тѣмъ болѣе, что я всегда чувствовалъ, что это послѣдуетъ только тогда, если я воспитаю себя такъ, какъ слѣдуетъ; но что жъ, если у молодыхъ силъ нѣтъ столько благоразумія, чтобъ умѣть до времени не похвастаться? Но какъ бы то ни было, когда будешь писать критику, имѣй въ виду дѣло *общаго добра*, а не меня; гляди на то, чтобы не сказать чего-либо противнаго *добру*, а не мнѣ, и умѣй обратить вниманіе на *важное* и главнѣйшее, на то, что болѣе нужно и полезно обществу. Пусть критика будетъ не длинна и не охватываетъ много, но пусть скажетъ о нѣкоторомъ, но *многозначительномъ*. Скажи объ этомъ и Хомякову, если онъ захочетъ что написать. Напечатать, по-моему, слѣдуетъ непремѣнно въ двухъ газетахъ: въ »Московскихъ Вѣдомостяхъ« особенно, а потомъ и въ »Листкѣ«, а подписать: »Изъ такой-то газеты«. Нужно всячески стараться о томъ, чтобы *значительныя* и *полезныя* статьи разошлись не только въ равномъ числѣ съ тѣми, которыя легко расходятся, но даже въ большемъ.

Я получилъ извѣстіе, что В***, который принимаетъ участіе большое въ моей книгѣ, готовитъ также письмо. Я это отчасти

предчувствовалъ. Обыкновенно завариваютъ сраженье прежде мальчишки, а потомъ выходятъ тузы, обсмотрѣвшіе хорошенько и спокойно, съ кѣмъ и противъ чего слѣдуетъ воевать...

Къ С. Т. Аксакову.

Франкфуртъ. Іюнь 10, 1847.

Погодинъ мнѣ сдѣлалъ запросъ: отчего я такъ долго не писалъ къ вамъ и не сердитъ ли я на васъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ? Я къ вамъ не писалъ потому, что, во-первыхъ, вы сами не отвѣчали мнѣ на послѣднее письмо мое, а во-вторыхъ, потому, что вы, какъ я слышалъ, на меня за него разсердились. Ради самого Христа, войдите въ мое положеніе, почувствуйте трудность его и скажите мнѣ сами: какъ мнѣ быть, какъ, о чемъ и что̀ я могу теперь писать? Если бъ я и въ силахъ былъ сказать слово искреннее — у меня языкъ не поворотится. Искреннимъ языкомъ можно говорить только съ тѣмъ, кто сколько-нибудь вѣритъ нашей искренности: но если знаешь, что передъ тобою стоитъ человѣкъ, уже составившій о тебѣ свое понятіе и въ немъ утвердившійся, тутъ у найискреннѣйшаго человѣка онѣмѣетъ слово, не только у меня, человѣка, какъ вы знаете, скрытнаго, котораго и скрытность произошла отъ неумѣнья объясниться. Ради самого Христа, прошу васъ теперь не изъ дружбы, но изъ милосердія, которое должно̀ быть свойственно всякой доброй и сострадущей душѣ, — изъ милосердія прошу васъ взойти въ мое положеніе, потому что душа моя изныла, какъ ни крѣплюсь и ни стараюсь быть хладнокровнымъ. Отношенія мои стали слишкомъ тяжелы со всѣми тѣми друзьями, которые поторопились подружиться со мною, не узнавши меня. Какъ у меня еще совсѣмъ не закружилась голова, какъ я не сошелъ еще съ ума отъ всей этой безтолковщины—этого я и самъ не могу понять. Знаю только, что сердце мое разбито и дѣятельность моя отнялась. Можно еще вести брань съ самыми ожесточенными врагами, но храни Богъ всякаго отъ этой страшной битвы съ друзьями! Тутъ все изнеможетъ, что̀ ни есть въ тебѣ.

Другъ мой, я изнемогъ, — вотъ все, что могу вамъ сказать теперь. Что же касается до неизмѣнности моихъ сердечныхъ отношеній, то скажу вамъ, что любовь, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, теперь доступнѣе душѣ. Если я люблю и хочу любить даже тѣхъ, которые меня не любятъ, то какъ я могу не любить тѣхъ, которые меня любятъ? Но я прошу васъ теперь не о любви. Не имѣйте ко мнѣ любви, но имѣйте хотя каплю милосердія, потому что положеніе мое, повторяю вамъ вновь, тяжело. Если бы вы вошли въ него хорошенько, вы бы увидѣли, что мнѣ труднѣе, нежели всѣмъ тѣмъ, которыхъ я оскорбилъ. Другъ мой, я говорю вамъ правду.

Не знаю самъ, хорошо ли дѣлаю, что пишу. Можетъ быть, и это письмо приведетъ васъ въ неудовольствіе. Я теперь раскаеваюсь, что завелъ переписку съ П****. Хотя я только и думалъ, принимаясь за перо, какъ бы не оскорбить его, но однакоже замѣчаю, что письма мои не приносятъ ему никакого успокоенья. При тѣхъ же понятіяхъ, какія у него обо мнѣ, нынѣ всякое слово съ моей стороны обо мнѣ самомъ можетъ только его еще больше спутать. Другъ мой, тяжело очутиться въ этомъ вихрѣ недоразумѣній! Вижу, что мнѣ нужно надолго отказаться отъ пера во всѣхъ отношеніяхъ и отъ всего удалиться...

Къ П. А. Плетневу.

10 іюня (1847). Франкфуртъ.

Письмецо твое отъ $\frac{16}{28}$ мая получилъ. Жуковскій, какъ ты уже, вѣроятно, знаешь, отложилъ отъѣздъ въ Россію, по причинѣ болѣзни жены, заставляющей его провести вмѣстѣ съ нею все лѣто въ Интерлакенѣ, въ Швейцаріи. Жаль конечно, что празднованіе юбилея его не состоится, но, по мнѣ, въ юбилеяхъ здѣшнихъ есть что-то грустное. Не оттого ли, что приходишь въ такія лѣта, когда чувствуется сильнѣй, чѣмъ прежде, что слѣдуетъ помышлять о юбилеѣ небесномъ? Во всякомъ случаѣ, хорошо бы намъ хотя половиною мыслей стремиться жить въ иной, обѣтованной, истинной странѣ. Блаженъ, кто живетъ на той землѣ, какъ владѣлецъ, который купилъ уже себѣ имѣніе въ другой губерніи, от-

правилъ туда всѣ свои пожитки и сундуки, и самъ остался налегкѣ, готовый пуститься вслѣдъ за ними. Его не въ силахъ смутить тогда никакая земная скорбь и огорченіе отъ всякаго мелкаго дрязга жизни. Я радъ, что ты, какъ вижу изъ письма твоего, спокоенъ. Я самъ тоже спокоенъ. Путь мой, слава Богу, твердъ. Хотя тебѣ кажется, что я нѣсколько колеблюсь и какъ-бы недоумѣваю, чѣмъ заняться и какую избрать дорогу, но дорога моя всё одна и та же. Она трудна, это правда, скользка, и не разъ уже я уставалъ, но сила святая, о насъ заботящаяся, воздвигала меня вновь и становила еще крѣпче на ноги. Даже и то, что̀ казалось прежде какъ-бы воздвигавшимся въ-поперегъ пути, служило къ ускоренію шаговъ; а потому во всемъ слѣдуетъ довѣряться Провидѣнію и молиться.

Очень понимаю, что нѣкоторыхъ истинно доброжелательныхъ мнѣ друзей — въ томъ числѣ, можетъ быть, и самого тебя — нѣсколько смущаетъ нѣкоторая многосторонность, выражающаяся въ моей книгѣ, и какъ-бы желаніе заниматься многимъ намѣсто одного. Для этого-то я готовлю теперь небольшую книжечку, въ которой хочу, сколько возможно яснѣе, изобразить повѣсть моего писательства, — то есть, въ видѣ отвѣта на утвердившееся, неизвѣстно почему, мнѣніе, что я возгнушался искусствомъ, почелъ его низкимъ, безполезнымъ и тому подобное. Въ немъ скажу, чѣмъ я почитаю искусство, что̀ я хотѣлъ сдѣлать съ даннымъ мнѣ на долю искусствомъ, развивалъ ли я точно самого себя изъ данныхъ мнѣ матеріаловъ, или хитрилъ и хотѣлъ переломить свое направленіе, — ясно, сколько возможно ясно, чтобы и не-литераторъ могъ видѣть, я ли виновенъ въ недѣятельности, или Тотъ, Кто располагаетъ всѣмъ и противъ Кого идти трудно человѣку. Мнѣ чувствуется, что мы здѣсь сойдемся съ тобой душа въ душу, относительно дѣла литературы. Молю только Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ силы изложить все просто и правдиво. Оно разрѣшитъ тогда и тебѣ самому нѣкоторыя недоразумѣнія на-счетъ меня, которыя всё-таки должны въ тебѣ еще оставаться. Покамѣстъ, это да будетъ еще между нами. Книжечка можетъ выходомъ своимъ устремить вниманіе на перечтеніе »Переписки съ Друзьями«, въ исправленномъ и пополненномъ изданіи; а потому пожалуйста перешли

мнѣ не медля статьи, снабженныя вашими замѣчаніями, для передѣлки, адрессуя во Франкфуртъ, на имя посольства.

Въ слѣдующемъ письмѣ я пришлю тебѣ свидѣтельство о моей жизни для взятія денегъ изъ казначейства, которыя держи у себя вмѣстѣ съ прежними, къ тебѣ посланными чрезъ Штиглица. Онѣ, можетъ быть, мнѣ понадобятся къ концу года. На Востокъ будетъ присылать мнѣ трудно, а остаться тамъ, Богъ вѣсть, можетъ быть, придется долѣе разсчитываемаго времени; стало быть, нужно будетъ деньгами запастись. Путешествіе, доселѣ откладываемое съ года на годъ, становится чрезъ то самое мнѣ болѣе желаннымъ и заманчивымъ. Точно какъ-бы душа моя говоритъ мнѣ, что я тамъ найду искомое издавна и лучшее всего того, что̀ находилъ донынѣ...

При семъ письмецо къ В****. Передай отъ меня поклонъ Б**** — особенно М*П*. Напиши мнѣ хоть нѣсколько строчекъ о томъ, какъ она живетъ своимъ домомъ. Я слышалъ, что она, просто, чудо въ домашнемъ быту, и хотѣлъ бы знать, въ какой мѣрѣ и какъ она все дѣлаетъ. А. О. Ишимову поблагодари за книжечку: »Розенштраухъ.« Я нашелъ, что она очень хороша. Письмо же о легкости ига Христова — сущій перлъ...

Къ N F.

Франкфуртъ. Іюня 20 (1847).

Я получилъ ваше маленькое, но очень милое письмецо отъ 22 мая. Благодарю васъ очень, безцѣнный другъ мой, что вы не позабыли увѣдомить меня о себѣ въ это время, когда мои мысли были заняты вами и душа моя молилась, какъ могла, о васъ. Богъ милостивъ, я надѣюсь, что Онъ, и безъ моихъ безсильныхъ и вялыхъ молитвъ, возстановитъ васъ и что, вѣроятно, вы уже разрѣшились, по Его милости, благополучно.

Отъ вашего братца я получилъ такое прекрасное и такое *нужное* письмо, что не знаю, какъ благодарить его. Онъ собралъ въ немъ всѣ толки, какіе случилось ему слышать о моей книгѣ, и прибавилъ въ концѣ собственные свои. Я бы очень желалъ, чтобы вы

упросили и другого вашего братца, N N, сдѣлать то же, то есть, собрать всѣ толки тѣхъ лицъ, которыхъ сужденіе случилось ему слышать, присоединивши къ тому и портреты ихъ самихъ, и присоединить, въ заключенье, и свой собственный выводъ, какъ о книгѣ моей, какъ о толкахъ на мою книгу, такъ равно и людяхъ, подымающихъ толки. Это бы у него вышло, безъ всякаго сомнѣнія, очень умно и, стало быть, мнѣ нужно. Вы же никакъ не огорчайтесь всякими печатными статьями — —, въ которыхъ какъ вы пишете, слышна лакейская натура. Какова бы ни была натура того, который пишетъ [это его дѣло, и за это онъ дастъ отвѣтъ, а не я], но тѣмъ не менѣе мнѣ нужно, послѣ всякой такой статьи, осмотрѣться получше на самого себя и замотать, какъ говорится, многое себѣ на усъ. И это уже совершенно мое дѣло, за это я дамъ отвѣтъ, а не кто другой. Я не знаю ни одной статьи, которая бы чему-нибудь меня не научила, такъ что, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вижу истину словъ: *Все можетъ насъ учить, если только захочешь самъ учиться.*

Я знаю только одного моего пріятеля, очень почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, отъ котораго одного я ничему не научился. Этотъ пріятель мой есть бѣдный LL. Все, что ни говорилъ онъ обо мнѣ и мнѣ, все было не въ-попадъ. Ни разу во всю жизнь свою не опредѣлилъ мнѣ справедливо ни одного моего дѣйствія. Вы можете сами постигнуть, каково было положенье мое съ этимъ человѣкомъ въ тѣ поры, когда я сердился на всякую напраслину, особливо, когда эта напраслина возводится на насъ любящимъ насъ человѣкомъ. А человѣкъ этотъ точно любилъ меня, но по-своему; но отъ этой любви мнѣ приходило до слезъ. Теперь, разумѣется, все это прошло. Я самъ пришелъ въ положеніе человѣка, могущаго о себѣ слышать все хладнокровно. Онъ, кажется, самъ почувствовалъ, что я его не отталкиваю и что я хочу стать съ нимъ въ прямыя отношенія; но при всемъ томъ [изумительное дѣло!], какъ только заговоритъ онъ обо мнѣ, или о моей книгѣ, по мѣрѣ того, какъ онъ отыскиваетъ въ ней меня, — все до послѣдняго слова, не въ-попадъ, такъ что Б***, С***, П** и наконецъ всѣ щелкоперы и наѣздники, которые налетаютъ въ еженедѣльныхъ газетахъ затѣмъ, чтобы порисоваться самому и показать, что и у него

есть чѣмъ боднуть, словомъ—самый несправедливѣйшій и бранчивый изъ нихъ сказалъ мнѣ что-нибудь нужнаго принять къ свѣдѣнью; одинъ онъ ничего,—кромѣ развѣ той истины, которою мнѣ безъ сомнѣнія, слѣдовало бы воспользоваться, а именно: умѣть вынести полное исковерканье себя, смолчать все, принять на свой счетъ и не хотѣть оправдаться. Я бы очень желалъ, чтобы вы познакомились съ нимъ, разспросили бы его сами, какихъ онъ мыслей обо мнѣ, не сердясь ни на что̀ и руководствуясь изряднымъ запасомъ терпѣнія. Оправдывать меня передъ нимъ не нужно. Лучше всего, если бы его можно было возвести до Христіянскаго сознанія, что онъ можетъ ошибиться, что весьма трудно судить о такомъ человѣкѣ, который еще строится, но не состроился, и потому весь внутри, что здѣсь можно всякое дѣйствіе принять ошибочно, истолковавъ его въ дурную сторону, что такого человѣка можетъ понять развѣ одинъ такой, который самъ тоже строится; словомъ, если бы могли его убѣдить хотя въ справедливости, этой мысли то это было бы уже доброе дѣло. Положеніе подобныхъ людей точно жалко. Какъ бы то ни было, но они должны страдать обо мнѣ, если только меня любятъ. Они теперь — точно малыя дѣти, и у нихъ Богъ вѣсть что̀ въ головѣ: они, напримѣръ, думаютъ, что я имѣю необыкновенную страсть къ знатнымъ, знакомлюсь только съ ними, что для меня незнатный человѣкъ, будь благороднѣйшій и высокихъ добродѣтелей, ни почемъ; словомъ, такія вещи, что мнѣ сдѣлалось даже стыдно писать о себѣ, не только разъувѣрять. Не позабудьте при этомъ что LL, сверхъ того, еще истинный Христіянинъ, который очень расположенъ видѣть собственные недостатки. Но онъ до такой степени позабывчивъ, что его во всякомъ дѣлѣ и дѣйствіи нужно приводить ко Христу. Ставши лицомъ къ самому Христу, онъ вдругъ опомнится и увидитъ какъ слѣдуетъ вещь. На мигъ отнесешь отъ него образъ Христа—онъ вдругъ отдалится отъ справедливаго воззрѣнія на житейское дѣло и думаетъ уже обо всемъ вновь какъ LL, а не какъ Христіянинъ.

Если вы будете когда-либо въ Москвѣ, не позабудьте также познакомиться съ Шевыревымъ. Человѣкъ этотъ стоитъ на точкѣ разумѣнія, несравненно высшей, чѣмъ всѣ другіе въ Москвѣ, и въ немъ зрѣетъ много добра для Россіи. Я вамъ также писалъ нѣ-

сколько о Вигелѣ, въ прежнемъ письмѣ, и просилъ васъ не позабыть его также въ вашъ проѣздъ. Я всегда о немъ думалъ, что онъ умный и притомъ честный и благородный человѣкъ, въ чемъ согласны были всѣ знавшіе его недостатки и грѣхи; но я никогда не думалъ, чтобы онъ тамъ высоко чувствовалъ и умѣлъ понимать вещи, какъ увидѣлъ теперь изъ его письма, и мнѣ стало очень грустно за его одиночество.

Но прощайте. Будьте бодры духомъ! Не смущайтесь ничѣмъ и предоставьте все Богу, Который такъ умно все дѣлаетъ, какъ намъ и во снѣ не можетъ привидѣться. Недуги ваши, вѣрно, дѣло свое сдѣлали: душа ваша стала, вѣрно, еще лучше и колебалась затѣмъ, чтобы сдѣлаться чрезъ то тверже и крѣпче, а отъ нея окрѣпнетъ и тѣло, которое зависитъ все отъ состоянія души. Во мнѣ тоже было нѣсколько смущался и колебался духъ, затѣмъ чтобы стать покрѣпче: не даромъ говорятъ, что деревья, шатаемыя вѣтромъ, пускаютъ глубже въ землю корни. Зато теперь яснѣе передо мною путь мой, и никогда еще не хотѣлось мнѣ такъ въ Іерусалимъ, какъ теперь...

Къ матери.

Франкфуртъ. Іюля 7, 1847.

Пріѣхавши во Франкфуртъ, я нашелъ ваши письма. Вы удивляетесь, почему я васъ всѣхъ вознесъ похвалами въ послѣднемъ письмѣ. Я самъ не знаю, какъ это случилось. Отчасти, можетъ быть, оттого, что я замѣтилъ въ васъ какое-нибудь уныніе отъ своего несовершенства, отчасти, можетъ быть, оттого, что вы показали сами въ вашихъ письмахъ какія-нибудь хорошія черты свои, отчасти, можетъ быть, и оттого, что я почувствовалъ вину свою, попрекнувши васъ въ томъ, въ чемъ не имѣлъ права попрекать, и въ слѣдствіе этого приписалъ больше цѣны вашимъ достоинствамъ, чѣмъ приписывалъ прежде. Какъ бы то ни было, но вѣрно то, что мы всѣ бываемъ прекрасны и всѣ бываемъ безобразны. Прекрасны бываемъ тогда, когда почувствуемъ истинно, что мы безобразны, и безобразны тогда, когда подумаемъ, что мы

прекрасны. Упреки же, равно какъ и совѣты мои, я прекратилъ потому, что увидѣлъ получше свое собственное безобразіе и почувствовалъ, что мнѣ необходимѣй дѣлать себѣ самому упреки и давать себѣ самому совѣты. Повѣрьте, что это гораздо лучше, если человѣкъ начнетъ самъ себѣ самому давать упреки, а не ожидать ихъ отъ другихъ. Одна изъ сестеръ моихъ сказала, что совѣты мои нужны, но чтобы я подавалъ ихъ, какъ братъ и другъ, щадя немощь человѣческую. Дѣло въ томъ, что я теперь не нахожусь и не знаю, какой и въ чемъ можетъ быть отъ меня совѣтъ.— — Никто не можетъ такъ опредѣлить, что намъ нужно, какъ мы сами себѣ, если только дадимъ себѣ трудъ разсмотрѣть наши способности и всѣ тѣ орудія, которыя намъ далъ Богъ, затѣмъ чтобы ими работать. Которой же хочется упрековъ и совѣтовъ, та можетъ перечесть мои прежнія письма, гдѣ множество и того и другого, и изъ этого множества выберетъ себѣ тотъ, который ей приличнѣе. Но до слѣдующаго раза. Повторяю вамъ еще, что отнынѣ я буду рѣже писать къ вамъ: некогда, да и меньше предметовъ. О себѣ увѣдомляйте, по-прежнему, почаще. Кто любитъ кого во Христѣ, тотъ не скучаетъ и разлукой, да и врядъ ли есть для того человѣка слово *разлука:* во Христѣ всѣ вмѣстѣ, всѣ живы, всѣ неразлучны; стало быть, намъ нужно стремиться другъ ко другу...

Къ С. П. Шевыреву.

Франкфуртъ. 7 іюля (1847).

Два письма твои, со вложеніемъ писемъ и двухъ критикъ Павлова, получилъ. Не знаю, какъ благодарить тебя за все, что ты для меня дѣлаешь. Мнѣ, просто, становится даже совѣстно. Ты такъ добръ, а я еще ни въ чемъ не показалъ тебѣ свою признательность. Обѣ критики Павлова значительно слабѣе первыхъ, а главное, какъ мнѣ показалось, въ нихъ не слышна необходимая потребность душевная писавшаго, или даже какая-нибудь иная цѣль, кромѣ желанья нѣсколько порисоваться самому передъ публикою. Изо всѣхъ отзывовъ я вижу только то, что мнѣ слѣдуетъ отвѣ-

чать на одинъ вопросъ, который, кажется, есть всеобщій: зачѣмъ я оставилъ поприще писателя, или перемѣнилъ направленіе его? На это мнѣ слѣдуетъ сдѣлать чистосердечное изъясненіе моего авторскаго дѣла, чтобъ читатель видѣлъ самъ, оставлялъ ли я поприще, перемѣнялъ ли направленіе, умничалъ ли самъ, желая измѣнить себя, или есть посильнѣе насъ общіе законы, которымъ мы подвержены, всѣ бѣдные человѣки...

Къ N F.

Іюль 8 (1847). Франкфуртъ.

Очень меня обрадовало появленье на свѣтъ Михаила, котораго уже одно имя, переводя съ Еврейскаго на Русской, значитъ: кто равенъ Богу? Вѣроятно, онъ и родился затѣмъ, чтобы доказать вамъ самимъ рожденьемъ своимъ, какъ Богу все возможно и какъ онъ не выдаетъ того, кто обратится къ Нему. Помните, какъ всегда боялись вы родовъ, какъ самое ваше болѣзненное состояніе говорило вамъ, что вы никакимъ образомъ не въ силахъ будете родить, и вотъ теперь у васъ сынъ, и вы сами, слава Богу, едва ли стали еще не крѣпче. И такъ — кто равенъ Богу?

Думалъ-было съ вами увидаться, но м. NN пишетъ, что вашъ путь назначенъ въ Гельсингфорсъ. Не дурно и то: вы повидаетесь съ ZZ, съ F*, съ Плетневымъ и Вяземскимъ. А мнѣ слѣдуетъ, видно, пріучаться жить заочно съ вашимъ милымъ образомъ, — тѣмъ болѣе, что намъ обоимъ это возможно: и вы, и я хотимъ жить во Христѣ, а живущіе во Христѣ видятся вѣчно между собою. ND передайте поклонъ, м. NN благодарность за извѣстіе, а дѣтокъ всѣхъ перецѣлуйте...

Къ П. А. Плетневу.

Франкфуртъ. Іюль 10 (1847).

Посылаю тебѣ свидѣтельство о жизни. Деньги возьми, но храни у себя до времени отсылки ихъ въ Константинополь, что

нужно будетъ сдѣлать въ началѣ весны будущаго года. Если какой-нибудь можно получить въ это время на нихъ наростъ, что̀, какъ говоритъ Жуковскій, будто-бы дѣлается, то конечно не дурно; если же это пустякъ, то, разумѣется, не стоитъ изъ-за него хлопотать. Ожидаю отъ тебя извѣстія о томъ, гдѣ проводишь лѣто и когда къ тебѣ посылать небольшую вещь, которую бы мнѣ хотѣлось напечатать въ видѣ отдѣльной небольшой книжки, о которой я уже тебѣ сказывалъ. Можно ли тебѣ будетъ прислать ее черезъ мѣсяцъ отъ сего дня? Хочу послать къ тебѣ также передѣланную »Развязку Ревизора«, которая вышла теперь, кажется, ловче.

Спроси у того художника, который предлагалъ мнѣ изданіе »Мертвыхъ Душъ« съ рисунками: не хочетъ ли онъ издать съ виньетками »Ревизора«, съ присоединеніемъ означенной заключительной піесы, разумѣя по виньеткѣ къ головѣ и къ хвосту всякаго дѣйствія, на той же страницѣ, гдѣ и слова...

Къ Н. Н. Ш—вой.

Іюля 20 (1847). Франкфуртъ.

Благодарю васъ, добрый другъ мой, за письма, которыми вы меня не оставляете. Ваши слова, что упреки, даваемые кому бы то ни было, должны сопровождаться любовью истинною къ тому, кого упрекаешь, очень справедливы. Нужно слишкомъ много любви, чтобы умѣть сдѣлать полезнымъ другому упрекъ нашъ, и притомъ какой любви! нѣжной, сострадательной, полной снисхожденья къ бѣдной и слабой нашей природѣ, ничего неумѣющей переносить, какъ нужно. Отнынѣ постараюсь это имѣть въ виду неотлучно во всѣхъ сношеніяхъ съ кѣмъ бы то ни было, если придется въ чемъ попрекнуть. Покуда же вижу, что больше всего приходится попрекать самого себя, и всѣ эти упреки, которые посыпались на меня со всѣхъ сторонъ, — не безъ воли Божіей. Хотя и очень заболѣла отъ многихъ душа, и тяжка была эта операція для моихъ еще очень щекотливыхъ струнъ, но да будетъ

благословенна мудрость Божія, все строющая! Мнѣ очень нужно смотрѣть строго и во всѣ глаза на себя. Если и нѣтъ многаго изъ того, что̀ мнѣ приписуютъ,— всё нужно пріостеречься, чтобы оно не вошло. Духъ мой, который, признаюсь, по немощи моей, было уже немного поупалъ и поколебался, воздвигнулся вновь и какъ-бы еще сильнѣй сталъ. И вѣрю я твердо, что Богъ не оставитъ того, кто молится, какъ бы ни слабы и ничтожны были его молитвы. Съ другой стороны меня радуетъ то, что послѣ этихъ тревогъ хочется сильнѣй въ Іерусалимъ, и сердце какъ-бы говоритъ мнѣ, что тамъ какъ-бы найду искомое. Но да хранитъ васъ Богъ! Не позабывайте меня; по-прежнему пишите и молитесь обо мнѣ. Ваши молитвы теперь еще нужнѣй, чѣмъ прежде. Не ради ихъ ли укрѣпилъ меня Богъ и хранитъ?..

Къ графу А. П. Т—му.

(8 августа 1847, Остенде.)

Письмо ваше отъ 5 августа получилъ; порошковъ еще нѣтъ, но, вѣроятно, они скоро придутъ вслѣдъ. Благодарю васъ много за доброту и попеченье о здоровьѣ моемъ. Дай вамъ Богъ за это и здоровья, и блаженной участи — творить то, что̀ угодно Ему. На-счетъ Черкесовъ я съ вами совершенно согласенъ. — —

Напишите мнѣ заглавіе той Испанской исторіи, которую вы читаете: мнѣ хотѣлось бы также прочесть ее. Она, какъ видно, написана хорошо и толково. Старая Испанія, точно, все могла бы имѣть, и все потеряла; но новая Испанія, въ ея нынѣшнемъ видѣ, стоитъ того, чтобъ ее разсмотрѣть: это начало чего-то. Я пробѣжалъ, на дняхъ, напечатанныя въ »Современникѣ« письма Русскаго, тамъ бывшаго, Боткина, которыя, во многихъ отношеніяхъ, очень интересны, особенно тамъ, гдѣ обнаруживаютъ свѣжесть силъ народа и характеръ, очень похожій на характеръ добрыхъ, простыхъ народовъ, образовавшійся, однакожъ, въ это время смутъ, которыя не допустили воцариться тамъ ни новой гражданственности, ни новой роскоши.

Хомяковъ, между прочимъ, привезъ съ собой катихизисъ, отысканный имъ на Греческомъ языкѣ въ рукописи, и переводъ его на Русскій, тоже въ рукописи. Катихизисъ необыкновенно замѣчательный. Еще нигдѣ не была доселѣ такъ отчетливо и ясно опредѣлена Церковь, ея границы, ея предѣлы. Все въ такомъ видѣ и въ такой логической послѣдовательности, что можетъ сильно подѣйствовать на Нѣмцевъ и Англичанъ. По моему мнѣнію, на Французскій языкъ его не слѣдуетъ вовсе переводить. Французовъ могутъ познакомить съ нимъ Нѣмцы и Англичане своими собственными сочиненіями, которыя, безъ сомнѣнія, появятся не въ маломъ количествѣ по поводу этой книги въ той и другой землѣ.

Наконецъ вотъ вамъ новости Остендскія. Сюда собирается Z* Z*, съ FZ и Z. Они уже въ Висбаденѣ, гдѣ Z* Z* лечится отъ глазъ, а сынъ, отъ небольшой ранки на ногѣ, которая, однакожъ, почти совершенно прошла. FZ кажется здорова, по крайней мѣрѣ ни отъ чего не лечится. Въ то же самое время я узналъ, что племянникъ вашъ Викторъ Вл. А**, находится въ Нордернеу, гдѣ беретъ морскія ванны. Я написалъ ему письмо, въ которомъ прошу его заглянуть въ Остенде, гдѣ, можетъ быть, онъ встрѣтитъ васъ, что, безъ сомнѣнія, и вамъ, и ему будетъ пріятно, и, признаюсь, въ то же время подумалъ: хорошо, если бы онъ познакомился и узналъ FZ. Почему знать? можетъ быть, они бы понравились другъ другу. У Виктора Вл. желанье сильное сдѣлаться помѣщикомъ и заняться не шутя благоустройствомъ крестьянъ. Въ такомъ случаѣ врядъ ли ему во всей Россіи найти гдѣ лучшую помѣщицу, которая дѣйствуетъ и разсуждаетъ такъ умно объ этомъ дѣлѣ, какъ я не встрѣчалъ никого изъ нашей братьи мущинъ. Впрочемъ да будетъ все такъ, какъ угодно Богу! А намъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ искать тѣхъ знакомствъ и встрѣчъ, отъ которыхъ хотя сколько-нибудь можетъ похорошѣть душа. Сами мы не можемъ дойти ни къ чему, безъ помощи другихъ. И къ Богу мы можемъ доходить только посредствомъ частыхъ обращеній съ людьми, тоже къ нему стремящимися...

———

Къ Н. Н. Ш—вой.

Остенде (1847).

Ваши письма, одно черезъ Хомякова, другое по почтѣ, получилъ одно за другимъ. По-прежнему изъявляю вамъ благодарность мою за нихъ: они почти всегда приходятся кстати, всегда болѣе или менѣе говорятъ моему состоянію душевному, сердце слышитъ освѣженіе, и я только благодарю Бога за то, что Онъ внушилъ вамъ мысль полюбить меня и обо мнѣ молиться. Только сила любви и сила молитвы могли вамъ сказать такія нужныя душѣ слова и наставленія. Они одни только могли направить рѣчь вашу отвѣтно на то, что во мнѣ, и пролить цѣленье въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ больше болитъ. Другъ мой Надежда Николаевна, молите Бога, чтобъ Онъ удостоилъ меня такъ поклониться Святымъ Мѣстамъ, какъ слѣдуетъ человѣку, истинно любящему Бога, поклониться. О, если бы Богъ, со дня этого поклоненья моего, не оставлялъ меня никогда и утвердилъ бы меня во всемъ, въ чемъ слѣдуетъ быть крѣпку, и вразумилъ бы меня, какъ ни на одинъ шагъ не отступаться отъ воли Его! Мысли мои донынѣ были всегда устремлены на доброе, желанье добра меня всегда занимало прежде всѣхъ другихъ желаній, и только во имя его предпринималъ я дѣйствія свои. Но какъ на всякомъ шагу способны мы увлекаться! какъ всюду способна замѣшаться личность наша! какъ и въ самоотверженіи нашемъ еще много тщеславнаго и себялюбиваго! какъ трудно, будучи писателемъ и стоя на томъ мѣстѣ, на которомъ стою, я, умѣть сказать только такія слова, которыя дѣйствительно угодны Богу! какъ трудно быть благоразумнымъ, и какъ мнѣ въ нѣсколько разъ труднѣй, чѣмъ всякому другому, быть благоразумнымъ! Безъ Бога мнѣ не поступить благоразумно ни въ одномъ моемъ поступкѣ, а не поступлю я благоразумно — грѣхъ мой несравненно большій противу всякаго другаго человѣка. Вотъ почему обо мнѣ слѣдуетъ, можетъ быть, больше молиться, чѣмъ о всякомъ другомъ человѣкѣ. Итакъ благодарю васъ много за все, за ваши письма и молитвы, и вновь прошу васъ, такъ какъ и прежде, не оставлять меня ими...

Къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

(1847.)

На письмо твое, сестра Анна Васильевна, я не отвѣчалъ, хотя былъ имъ доволенъ. На-счетъ племянника нашего скажу тебѣ, что — — я думалъ только, не вырвется ли какъ-нибудь въ словахъ его любовь и охота къ какому-нибудь *близкому* дѣлу, которое подъ рукой и о которомъ мальчикъ въ его лѣта можетъ имѣть понятіе. — — — Ты внуши ему по крайней мѣрѣ желанье читать побольше историческихъ книгъ и желанье узнавать собственную землю, географію Россіи, исторію Россіи, путешествія по Россіи. Пусть онъ разспрашиваетъ и узнаетъ про всякое сословіе въ Россіи, начиная съ собственной губерніи и уѣзда: что̀ такое крестьяне, на какихъ они условіяхъ, сколько работаютъ въ этомъ мѣстѣ, сколько въ другомъ, какими работами занимаются, — что̀ такое мѣщане въ городахъ, чѣмъ занимаются, — что̀ такое купцы и чѣмъ торгуютъ, — что̀ производитъ такой-то уѣздъ, или губернія и чѣмъ промышляютъ въ другомъ мѣстѣ. Словомъ, нужно, чтобы въ немъ пробудилось желанье узнавать *бытъ людей*, населяющихъ Россію. Съ этими познаньями онъ можетъ сдѣлаться потомъ хорошимъ чиновникомъ и нужнымъ человѣкомъ государству. Ты можешь слегка пріучать его къ этому даже въ деревнѣ Васильевкѣ. Напримѣръ, въ первую ярмарку, какая случится у васъ, вели ему высмотрѣть хорошенько, какихъ товаровъ больше и какихъ меньше, и записать это на бумажкѣ, — скажи, что для меня. Потомъ пусть запишетъ, откуда и съ какихъ мѣстъ больше привезли товаровъ и чьи люди больше торгуютъ и больше привозятъ. Это заставитъ его и переспросить, и поразговориться со многими торговцами. А потомъ можетъ такимъ образомъ и въ Полтавѣ замѣчать многое. Нужно, чтобы онъ не пропускалъ ничего безъ *наблюдательности*. Если въ немъ пробудится *наблюдательность* всего, что̀ ни окружаетъ, тогда изъ него выйдетъ человѣкъ; безъ этого же свойства, онъ будетъ кругомъ *ничто*. Вотъ все, что̀ почитаю нужнымъ передать тебѣ по предмету племянника. — — —

Къ П. А. Плетневу.

Остенде. Августа 24 (1847).

Твое милое письмецо отъ $\frac{29 \text{ іюля}}{10 \text{ авг.}}$ получилъ. Оставимъ на время все. Поѣду въ Іерусалимъ, помолюсь, и тогда примемся за дѣло, разсмотримъ рукописи и все обдѣлаемъ сами лично, а не заочно. А потому, до того времени, отобравши всѣ мои листки, отданные кому-либо на разсмотрѣніе, положи ихъ подъ спудъ и держи до моего возвращенія. Не хочу ничего ни дѣлать, ни начинать, покуда не совершу моего путешествія и не помолюсь, какъ хочется мнѣ помолиться, поблагодаря Бога за все, что̀ ни случилось со мною. Теперь только, выслушавши всѣхъ, могу послѣдовать совѣту Пушкина: »Живи одинъ« и пр. А безъ того врядъ ли бы мнѣ пришелся этотъ совѣтъ, потому что всё-таки, для того, чтобы идти дорогой собственнаго ума, нужно прежде изрядно поумнѣть. Сообразя всѣ критики, замѣчанія и нападенія, какъ изустныя, такъ и письменныя, вижу, что прежде всего нужно всѣхъ поблагодарить за нихъ. Вездѣ сказана часть какой-нибудь правды, не смотря на то, что главная и важная часть книги моей едвали, кромѣ тебя да двухъ-трехъ человѣкъ, кѣмъ-нибудь понята. Рѣдко кто могъ понять, что мнѣ нужно было также вовсе оставить поприще литературное, заняться душой и внутреннею своею жизнью для того, чтобы потомъ возвратиться къ литературѣ создавшимся человѣкомъ и не вышли бы мои сочиненія блестящая побрякушка.

Ты правъ совершенно, признавая важность литературы [разумѣя, въ ея высокомъ смыслѣ, ея вліяніе на жизнь]; но какъ много нужно, чтобы дойдти до того! какое полное знаніе жизни, сколько разума и безпристрастія старческаго нужно для того, чтобы создать такіе живые образы и характеры, которые пошли бы на-вѣки въ урокъ людямъ, которыхъ бы никто не назвалъ въ то же время идеальными, но почувствовалъ, что они взяты изъ нашего же тѣла, изъ нашей же Русской природы! Какъ много нужно сообразить, чтобы создать такихъ людей, которые были бы истинно нужны *нынѣшнему времени!* Скажу тебѣ, что, безъ этого внутренняго воспитанія, я бы не въ силахъ былъ даже хорошенько

прекрасною рощею. Это очень небольшой, но хорошенькій домикъ, который въ особенности украшенъ множествомъ отборныхъ голландскихъ картинъ. Царь бо́льшею частію почуетъ въ немъ, когда бываетъ въ Петергофѣ; здѣсь онъ совершенно въ своей сферѣ, и потому справедливо далъ этому мѣсту названіе *Monplaisir*. Поводивъ насъ по саду, расположенному среди рощи (о которой я сейчасъ упомянулъ), и по дому, смотритель поднесъ намъ по доброму стакану венгерскаго. Въ это время пришелъ русскій священникъ, которому онъ подалъ, одинъ за другимъ, 5 большихъ стакановъ съ разными напитками; тотъ всѣ ихъ выпилъ и, казалось, нисколько не опьянѣлъ. Послѣ того хозяинъ нашъ притворился, что совершенно забылъ показать намъ самое замѣчательное въ домѣ — подземную кухню. Въ самомъ дѣлѣ, мѣсто это аршина на два ниже поверхности Невы, протекающей возлѣ, но полъ и стѣны въ немъ такъ хорошо обдѣланы цементомъ, что вода не можетъ туда проникнуть. Только что мы вошли въ эту такъ называемую кухню, мною овладѣло непріятное чувство, и я понялъ намѣреніе смотрителя. Но уходить было уже поздно: заманивъ въ свой погребъ, который называлъ кухнею, онъ началъ страшно принуждать насъ пить, говоря, что, по здѣшнему обычаю, надобно пить за здоровье каждаго гостя отдѣльно, и поклялся, что мы безъ того оттуда не выйдемъ. Хорошо еще, что онъ угощалъ насъ самыми лучшими винами, какія только были въ погребѣ; однакожъ, кромѣ разныхъ другихъ, намъ пришлось пить венгерское, рейнвейнъ, шампанское и бургонское. До его дома всѣ мы, впрочемъ, еще могли дойдти; но я тотчасъ же всталъ изъ-за стола, за который было сѣли, и легъ въ постель. На слѣдующее утро, когда мы напились кофе, смотритель велѣлъ одному изъ своихъ людей показать намъ Петергофъ [53]). Онъ лежитъ,

---

53) Петергофскій дворецъ построенъ въ 1711 году по плану архитектора Лёблонда. См. тамъ же, ч. IV, стр. 167.

я никогда не былъ особенно откровененъ съ вами и почти ни о чемъ томъ, что было близко душѣ моей, не говорилъ съ вами, такъ что вы скорѣе могли меня узнать только какъ писателя, а не какъ человѣка, и этому, можетъ быть, отчасти способствовалъ милый сынъ вашъ Конст. Сергѣевичъ. Въ противность составившейся въ Москвѣ обо мнѣ сказкѣ, которой вы такъ охотно вѣрите, что я, т. е., люблю угожденія и похвалы какихъ-то знатныхъ Маниловыхъ, скажу вамъ, что я скорѣе старался отталкивать отъ себя, чѣмъ привлекать всѣхъ тѣхъ, которые способны слишкомъ сильно любить; я и съ вами обращался нѣсколько не такъ, какъ бы слѣдовало. Обольстили меня не похвалы другихъ, но я самъ обольстилъ себя, какъ обольщаемъ себя мы всѣ, какъ обольщаетъ себя всякъ, кто сколько-нибудь имѣетъ свой собственный образъ мыслей и слышитъ въ чемъ-нибудь свое превосходство, какъ обольщаетъ себя, въ великодушныхъ мечтахъ своихъ, и любезный сынъ вашъ Конст. Сергѣевичъ, какъ обольщаемъ мы себя всѣ до единаго, грѣшные люди; и чѣмъ кто больше получилъ даровъ и талантовъ, тѣмъ больше себя обольщаетъ. А демонъ излишества, который теперь подталкиваетъ всѣхъ, раздуетъ такъ наше слово, что и смыслъ, въ которомъ оно сказано, не поймется.

Не сердитесь на N F; не называйте ее безразсудною женщиною. Женщина эта почтена была короткою дружбой Пушкина и Жуковскаго, которые любили ее именно за здравый разсудокъ и за добрую душу. Она меня знала еще прежде, чѣмъ вы меня знали, — знала какъ человѣка, а не какъ писателя, видѣла меня въ тѣ душевныя состоянія мои, въ которыя вы меня не видѣли. Съ ней мы были издавна, какъ братъ и сестра, и безъ нея Богъ вѣсть, былъ ли бы я въ силахъ перенести многое трудное въ моей жизни; а потому и немудрено, что, не смотря пристрастіе ея ко мнѣ, многое въ моей книгѣ она почувствовала полнѣй и не перетолковала въ такую превратную сторону, какъ перетолковали вы.

Да, книга моя нанесла мнѣ пораженье; но на это была воля Божія. Да будетъ же благословенно имя Того, Кто поразилъ меня! Безъ этого пораженія, я бы не очнулся и не увидалъ бы такъ ясно, чего мнѣ не достаетъ. Я получилъ много писемъ очень значительныхъ, гораздо значительнѣе всѣхъ печатныхъ критикъ. Не смотря

на все различіе взглядовъ, въ каждомъ изъ нихъ, такъ же какъ и въ вашемъ, есть своя справедливая сторона. Но вывести вполнѣ вѣрнаго заключенія о всей книгѣ вообще никто не могъ, и не мудрено. Осудить меня за нее справедливо можетъ одинъ Тотъ, Кто вѣдастъ помышленія и мысли наши въ ихъ полнотѣ. Изъ насъ же, грѣшныхъ людей, можетъ справедливѣе другихъ произнесть ей окончательный судъ только тотъ, кто имѣетъ полный умъ, способный обнимать всѣ стороны дѣла и не влюбился еще самъ ни въ какую свою собственную мысль; потому что, какъ бы то ни было, не смотря на все ребячество и незрѣлость этой книги, въ ней видны слѣды взгляда болѣе полнаго, чѣмъ у тѣхъ, которые дѣлаютъ на нее замѣчанія и критики, не смотря на то, что въ авторѣ ея и нѣтъ тѣхъ знаній, какія могутъ быть по частямъ у всякаго критика.

Къ чему вы также повторяете нелѣпости, которыя вывели изъ моей книги недальнозоркіе, что я отказываюсь въ ней отъ званія писателя, перемѣняю призванье свое, направленіе, и тому подобные пустяки? Книга моя есть законный и правильный ходъ моего образованія внутренняго, нужнаго мнѣ для того, чтобы стать писателемъ, не мелкимъ и пустымъ, но почувствовавшимъ святость и своего званія, какъ и всѣхъ другихъ званій, которыя всѣ должны быть святы. Выразилось все это заносчиво, получило торжественный тонъ отъ мысли приближенія къ такой великой минутѣ, какова смерть. А дьяволъ, который надмеваетъ всякаго изъ насъ самоувѣренностью, раздулъ до чудовищности кое-какія мѣста. Невоздержаніе заставило меня издать мою книгу. Видя, что еще не скоро я совладаю съ моими »Мертвыми Душами«, и скорбя истинно о безхарактерности направленія и совершенную анархію въ литературѣ, проводящей время въ пустыхъ спорахъ, я поспѣшилъ заговорить о тѣхъ вопросахъ, которые меня занимали и которые готовился развить, или создать въ живыхъ образахъ и лицахъ. Опрометчивая, а по-вашему *несчастная*, книга вышла въ свѣтъ. Она меня покрыла позоромъ, по словамъ вашимъ. Она мнѣ точно позоръ, но благодарю Бога за этотъ позоръ, благодарю за то, что попустилъ Онъ явиться ей въ свѣтъ. Не увидѣлъ бы я безъ нея ни неряшества моего, ни самоослѣпленія, ни многаго того, чего

не хочетъ видѣть въ себѣ человѣкъ; не изъяснилось бы безъ нея много того, что мнѣ необходимо нужно знать для моихъ »М. Д.« и не узналъ бы ни въ какомъ состоянiи находится наше общество, ни какіе образы, характеры, лица ему нужны, и что именно слѣдуетъ поэту-художнику избрать нынѣ въ предметъ творенія своего.

Другъ мой! не будьте и вы также самоувѣренны въ непреложности своихъ заключеній. Повторяю вамъ вновь: по частямъ разбирая мою книгу, вы можете быть правы, но произнести такъ рѣшительно окончательный судъ моей книгѣ, какъ вы произносите, это гордость въ умѣ своемъ. Мнѣ показалось даже, какъ-бы въ устахъ вашихъ раздались не ваши, а какія-то юношескія рѣчи, какъ-бы въ этомъ мѣстѣ вашего письма сказалъ, нѣсколько понадѣясь на себя, Конст. Сергѣевичъ, а не вы. Въ нихъ отзывается такой смыслъ: »Твоя голова не здрава, а моя здрава; я вижу ясно вещь и потому могу судить о тебѣ.« Другъ мой, теперь такое время, что врядъ ли у кого изъ насъ здрава, какъ слѣдуетъ, голова. Глядѣть на меня, какъ на блуднаго сына, и ожидать моего возвращенія на путь истинный можетъ только тотъ, кто самъ стоитъ уже на этомъ истинномъ пути. А это одинъ только Богъ вѣдаетъ, кто изъ насъ на какомъ именно мѣстѣ стоитъ. Лучше всѣмъ намъ имѣть больше смиренія и меньше увѣренности въ непреложной истинѣ и вѣрности своего взгляда. Что касается до меня, я буду отъ всѣхъ моихъ силъ, сколько ихъ есть во мнѣ, молиться Богу на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя зрѣли Его въ образѣ Христа, чтобы простилъ мнѣ за все, на что подтолкнула меня моя самоувѣренность, гордость и самоослѣпленіе.

За ваше гостепріимно-дружеское приглашеніе остановиться у васъ во время пріѣзда моего въ Москву благодарю отъ души, но не воспользуюсь имъ только потому, что въ разсужденіи помѣщенія своего гляжу, просто, на матеріальныя удобства. Во всякомъ случаѣ, у кого бы то ни остановился, вы этого никакъ не считайте знакомъ какого-нибудь предпочтенія, или чего другого тому подобнаго. Притомъ, если Богъ благословитъ возвратъ мой въ Россію, я въ Москвѣ не думаю пробыть долго. Мнѣ хочется заглянуть въ губерніи: есть много вещей, которыя для меня совершенная, покуда,

загадка, и никто не можетъ мнѣ дать такихъ свѣдѣній, какъ бы я желалъ. Я вижу только то, что и всѣ другіе такъ же, какъ и я, не знаютъ Россіи.

Что̀ касается до зимняго моего пребыванія, то я еще не увѣренъ, останусь ли на зиму въ Россіи. Послѣ моей послѣдней тяжкой болѣзни, во мнѣ осталась такая зябкость, что даже Римъ сталъ для меня холоденъ, и я долженъ былъ переѣхать въ Неаполь. Послѣдняя зима, проведенная мною въ Москвѣ, мнѣ была очень тяжела и оставила грустное воспоминаніе. Натура моя сдѣлалась нѣсколько похожею на стариковскую, требующую юга: крови мало, и та движится медленно, а нервы въ то же время такъ чувствительны, что малѣйшая сѣверная мгла дѣйствуетъ сильно, отъ морознаго же дня у меня захватываетъ духъ въ груди. Вы говорите, что воздухъ родины подѣйствуетъ благотворно на мое здоровье и сами надѣятесь тоже себѣ возобновленія силъ. Другъ мой, не позабудемъ того, что вы находитесь уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда не возможенъ совершенный возвратъ прежняго здоровья, а я, будучи слабымъ и болѣзненнымъ отъ дня рожденія моего и перешедши за лучшую половину жизни моей, не могу тоже быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Будемъ лучше просить Бога о томъ, чтобы остальные дни наши помогъ намъ провести въ полномъ мирѣ съ совѣстью нашей, гдѣ бы ни случилось намъ провесть ихъ, и чтобы хоть чѣмъ-нибудь далъ намъ возможность загладить часть прежняго, искупя хоть чѣмъ-нибудь безполезность и праздность нашей жизни.

Мнѣ кажется, что, если бы вы стали диктовать кому-нибудь воспоминанія прежней жизни вашей и встрѣчи со всѣми людьми, съ которыми случилось вамъ встрѣтиться, съ вѣрными описаніями характеровъ ихъ, вы бы усладили много этимъ послѣдніе дни ваши, а между тѣмъ доставили бы дѣтямъ своимъ много полезныхъ въ жизни уроковъ, а всѣмъ соотечественникамъ лучшее познаніе Русскаго человѣка. Это не бездѣлица и не маловажный подвигъ въ нынѣшнее время, когда такъ нужно намъ узнать истинныя начала нашей природы, которыя, покуда, мы разсматриваемъ только въ мужикѣ, да и то плохо.

Но прощайте. Богъ да хранитъ васъ! Благодарю О* С*: мнѣ

кажется, что она обо мнѣ молится. Это лучшая услуга, какую только на землѣ мы можемъ оказать своему брату...

Къ С. П. Шевыреву.

Остенде. 28 августа (1847).

Я уже давно не получалъ отъ тебя писемъ. Здоровъ ли ты? Отъ Хомякова узналъ нѣсколько отрывочныхъ о тебѣ извѣстій. Книгъ, покуда, еще никакихъ отъ тебя не получаю. Пробѣжалъ нѣкоторые номера Русскихъ журналовъ, которые попались мнѣ въ руки и которыхъ въ-силу можно было держать въ рукахъ, по причинѣ толщины. Взглядъ на нихъ мнѣ былъ нуженъ. Всё-таки въ нихъ выражается часть того общества, которое больше всѣхъ другихъ читаетъ книги. Это нужно принять къ свѣдѣнію всякому, кто ни заводитъ рѣчь съ обществомъ. Своя собственная рѣчь сдѣлается доступнѣе. Не снизойдя къ другимъ, нельзя ихъ возвести къ себѣ; а теперь, право, всякъ изъ насъ требуетъ снисхожденія: какъ ему не заблудиться въ это время броженья и смѣшенья всего!

Что̀ касается до объясненій на мою книгу, то я рѣшился дѣло это оставить. Покуда не съѣзжу во Іерусалимъ, не предприму ничего, а до того и другіе отъ многаго очнутся.

Прилагаю тебѣ при семъ письмо къ Сергѣю Т. Аксакову, которое ты можешь прочесть, во-первыхъ, потому, что тутъ есть кое-что, относящееся до меня лично, а во-вторыхъ, потому, что ты долженъ читать всѣ мои письма, радъ, или не радъ, потому что ты долженъ меня знать лучше другихъ, имѣя всё-таки больше противу другихъ данныхъ узнавать *со всѣхъ сторонъ* человѣка...

Къ нему же.

Остенде. Сентября 2. (1847).

На прошедшей недѣлѣ отправилъ къ тебѣ письмо [со вложеніемъ письма къ С. Т. Аксакову]. Теперь пишу вновь. — — Къ Чижову я пишу при семъ письмо [которое ты вручи ему лично],

гдѣ рекомендую ему взять въ сотрудники Григорьева и Малиновскаго, какъ людей очень способныхъ и талантливыхъ. Пожалуста ты замолвь за нихъ доброе слово съ своей стороны.

Еще прошу особенно тебя наблюдать за тѣми изъ юношей, которые уже выступили на литературное поприще. Въ ихъ положеніе хозяйственное стоитъ, право, взойти. Они принуждены бываютъ весьма часто изъ-за дневного пропитанья брать работы не по силамъ и не по здоровью. Цѣна 5 рублей серебромъ за печатный листъ, просто, безчеловѣчная. Сколько ночей онъ долженъ просидѣть, чтобъ выработать себѣ нужныя деньги! особенно, если онъ при этомъ сколько-нибудь совѣстливъ и думаетъ о своемъ добромъ имени. Не позабудь также принять въ соображеніе и то, что нынѣшнее молодое поколѣніе и безъ того болѣзненно, разстроено нервами и всякими недугами. Придумай, какъ бы прибавлять имъ отъ имени журналистовъ плату, которые будто-бы не хотѣли сдѣлать этого гласно, словомъ—какъ легче и лучше придумается. Это твое дѣло. Твоя добрая душа найдетъ, какъ это сдѣлать, отклоня всякую догадку и подозрѣніе о нашемъ съ тобою тепломъ личномъ участіи въ этихъ дѣлахъ.

Сейчасъ только что проводилъ Хомякова. Какъ мнѣ пріятно было съ нимъ встрѣтиться! Пріѣздъ его былъ точно Божій подарокъ. Но онъ пробылъ такъ мало. Я не успѣлъ съ нимъ наговориться и только по отъѣздѣ его почувствовалъ, что о многомъ не разспросилъ. Напиши мнѣ о себѣ: я соскучилъ, не имѣя такъ долго о тебѣ вѣсти...

Къ отцу Матвѣю.

24 сентября (1847). Остенде.

Богъ да наградитъ васъ за ваши добрыя строки! Многое въ нихъ пришлось очень кстати моей душѣ. Со многимъ я уже согласился еще прежде, чѣмъ пришло ваше письмо. Напримѣръ, насчетъ того, чтобы не оправдываться предъ міромъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь судить насъ будетъ Богъ, а не міръ. Не знаю, брошу

ли я имя литератора, потому что не знаю, есть ли на это воля Божія; но, во всякомъ случаѣ, разсудокъ мой говоритъ мнѣ не выдавать ничего въ свѣтъ въ продолженіе долгаго времени, покуда не созрѣю лучше самъ *внутренно* и *душевно*. А, покуда, съѣзжу въ Іерусалимъ, помолюсь у Гроба Господня, какъ только въ силахъ помолиться. Помолитесь обо мнѣ, добрая душа, чтобы я въ силахъ былъ тепло и сильно помолиться. Просите Бога, чтобы на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ проходили Божественныя стопы единороднаго Сына Его, сказало бы мнѣ сердце мое все, что̀ мнѣ нужно. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы со дня этого поклоненія моего понесъ бы я повсюду образъ Христа въ сердцѣ моемъ, имѣя ежеминутно Его предъ мысленными глазами своими. Признаюсь вамъ, я до сихъ поръ увѣренъ, что законъ Христовъ можно внести съ собой повсюду, даже въ стѣны тюрьмы, и можно исполнять его, пребывая во всякомъ званіи и сословіи: его можно исполнять также и въ званіи писателя. Если писателю данъ талантъ, то, вѣрно, недаромъ и не на то, чтобы обратить его во злое. Если въ живописцѣ есть склонность къ живописи, то, вѣрно, Богъ, а не кто другой, виновникъ этой склонности. Вольно было живописцу, на мѣсто того, чтобы изображать кистью предметы высокіе, образа угодниковъ Божіихъ и высшихъ людей, писать соблазнительныя сцены развратныхъ увеселеній и униженія человѣческаго. Развѣ не можетъ и писатель, въ занимательной повѣсти, изобразить живые примѣры людей лучшихъ, чѣмъ какихъ изображаютъ другіе писатели, — представить ихъ такъ живо, какъ живописецъ? Примѣры сильнѣе разсужденія; нужно только для этого писателю умѣть прежде самому сдѣлать(ся) добрымъ и угодить жизнью своей сколько-нибудь Богу. Я бы не подумалъ о писательствѣ, если бы не было теперь такой повсемѣстной охоты къ чтенію всякаго рода романовъ и повѣстей, большею частью соблазнительныхъ и безнравственныхъ, но которые читаются потому только, (что) написаны увлекательно и не безъ таланта. А я, имѣя талантъ, умѣя изображать живо людей и природу [по увѣренію тѣхъ, которые читали мои первоначальныя повѣсти], развѣ я не обязанъ изобразить съ равною увлекательностію людей добрыхъ, вѣрующихъ и живущихъ въ законѣ Божіемъ? Вотъ вамъ [скажу откровенно] причина моего писатель-

ства, а не деньги и не слава. Но... теперь я отлагаю все до времени и говорю вамъ, что долго ничего не издамъ въ свѣтъ и всѣми силами буду стараться узнать волю Божію, какъ мнѣ быть въ этомъ дѣлѣ. Если бы я зналъ, что на какомъ-нибудь другомъ поприщѣ могу дѣйствовать лучше, во спасенье души моей и во исполненье всего того, что̀ должно мнѣ исполнить, чѣмъ на этомъ, я бы перешелъ на то поприще. Если бы я узналъ, что я могу въ монастырѣ уйти отъ міра, я бы пошелъ въ монастырь. Но и въ монастырѣ тотъ же міръ окружаетъ насъ, тѣ же искушенья вокругъ насъ, такъ же воевать и бороться нужно со врагомъ нашимъ. Словомъ, нѣтъ поприща и мѣста въ мірѣ, на которомъ мы бы могли уйти отъ міра. А потому я положилъ себѣ, покуда, вотъ что̀. Теперь, именно со дня полученія вашего письма, я положилъ себѣ удвоить ежедневныя молитвы, отдать больше времени на чтеніе книгъ духовнаго содержанія; перечту снова Златоуста, Ефрема Сирянина и все, что̀ мнѣ совѣтуете, а тамъ — что̀ Богъ дастъ. Нельзя, чтобы сердце мое, послѣ такого чтенія и такого распредѣленія времени, не настроилось лучше и не сказало мнѣ яснѣе путь мой. А васъ прошу, такъ какъ вы стали уже Богомолецъ мой и вѣдаете уже отчасти мою душу [о, какъ бы мнѣ хотѣлось открыть вамъ всю мою душу, быть у васъ во Ржевѣ, исповѣдаться у васъ и сподобиться причащенію тѣла и крови Христовой, преподанныхъ рукою вашею!] Прошу васъ молиться тѣмъ временемъ обо мнѣ, особенно во все время путешествія моего въ Іерусалимъ. Я отправляюсь туда ко времени Пасхи; до того же времени пробуду въ Неаполѣ. Если получу отъ васъ нѣсколько напутственныхъ строкъ, буду очень, очень радъ. Гр(афа) А* П* я видѣлъ на одинъ день во время проѣзда его въ Англію. — — Онъ обрадовался необыкновенно, узнавши, что я получилъ отъ васъ письмо, будучи увѣренъ, что вы, писавши ко мнѣ, вспомнили и о немъ, и лишній разъ за него помолились. Напишите ему хотя двѣ строчки, какія скажетъ вамъ сердце ваше, и вложите ихъ, въ видѣ особеннаго письмеца, въ письмо ко мнѣ. Я увѣренъ, что эти строчки придадутъ ему большую бодрость...

Въ непродолжительномъ времени, можетъ быть, вы получите изъ С. Петербурга деньги, которыя попрошу васъ раздать тѣмъ

изъ страждущихъ, которые больше другихъ нуждаются. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онѣ пришли въ руки тѣхъ, которые усерднѣе другихъ молятся Богу. Впрочемъ вы лучше моего знаете, кому слѣдуетъ давать. Какъ я жалѣю, что я не богатъ и не могу теперь послать болѣе!...

Къ А. С. Данилевскому.

Ноября 20 (1847). Неаполь.

Письмо твое отъ 4 октября я получилъ. Адрессъ я тебѣ выставилъ [въ прежнемъ письмѣ], но ты это позабылъ, что̀ съ нами, грѣшными, случается. Подтверждаю тебѣ вновь, что я въ Неаполѣ и остаюсь здѣсь по крайней мѣрѣ до февраля. Потомъ — въ дорогу Средиземнымъ моремъ; и если только Богъ благословитъ возвратъ мой на Русь, не подцѣпитъ меня на дорогѣ чума, не поглотитъ море, не ограбятъ разбойники и не доконаетъ морская болѣзнь, наконецъ, не задержатъ карантины, то въ іюнѣ, или въ іюлѣ увидимся. Писалъ я: »Побесѣдуемъ денька два вмѣстѣ«, потому, что самъ знаешь, всякъ изъ насъ на этомъ свѣтѣ — дорожній человѣкъ, куда-нибудь да держущій путь, а потому оставаться на ночлегѣ слишкомъ долго, изъ-за того только, что пріютно и тепло, и попались хорошіе тюфяки, есть уже баловство. У всякаго есть дѣло, прикрѣпляющее его къ какому-нибудь мѣсту. Я же не зову тебя въ Москву, или въ Петербургъ, или въ Неаполь, хотя (бы) мнѣ и пріятно было имѣть тебя объ руку. Я, хотя и не имѣю никакой службы, собственно говоря о формальной службѣ, но тѣмъ не менѣе долженъ служить въ нѣсколько разъ ревностнѣе всякаго другого. Жизнь такъ коротка, а я еще почти ничего не сдѣлалъ изъ того, что̀ мнѣ слѣдуетъ сдѣлать. Въ продолженье лѣта мнѣ нужно будетъ непремѣнно заглянуть въ нѣкоторые, хотя главные, углы Россіи. Вижу необходимость существенную взглянуть на многое собственными глазами. А потому, какъ бы ни радъ былъ прожить подолѣ въ Кіевѣ, но не думаю, чтобъ удалось больше двухъ дней. Столько полагаю пробыть и у матушки. Осень — въ Петербургѣ, а зиму — въ Москвѣ, если позволитъ,

разумѣется, здоровье. Если же сдѣлается хуже — отправлюсь зимовать на югъ. Теперь я долженъ себя холить и ухаживать за собой, какъ за нянькой, выбирая мѣсто, гдѣ *лучше* и *удобнѣе работать*, а не гдѣ веселѣй проводить время...

Къ N F.

Ноября 20 (1847) Неаполь.

Наконецъ отъ васъ письмецо, добрая моя! Благодарю васъ, милый другъ, за ваши молитвы и всегдашнюю память. Я очень понимаю, что если я живу на свѣтѣ и все обращается мнѣ въ добро, то, вѣрно, это дѣлается силою молитвъ людей, любящихъ меня. Я теперь въ Неаполѣ, затѣмъ что здѣсь мнѣ какъ-то покойнѣе и отсюда я ближе къ выгрузкѣ на корабль. Думаю пуститься въ февралѣ. Но если слишкомъ будетъ бурно, что [по словамъ моряковъ] случается особенно въ февралѣ, то отложу до весны. Прежде у меня было въ мысли говѣть и быть во время Пасхи въ Іерусалимѣ, потомъ побывать во всѣхъ мѣстахъ, ознаменованныхъ святыми событіями. Теперь ничего другого не хочется, какъ только поклониться въ тишинѣ святому Гробу, принеся на немъ благодарность за все, со мной случившееся, испросить силъ и мужества на свое дѣло, и потомъ возвратиться прямо въ Россію. Прошу васъ, добрый другъ, попросить всѣхъ умѣющихъ молиться — помолиться о моемъ благополучномъ возвратѣ. О васъ я постараюсь молиться, какъ съумѣю. Но, признаюсь вамъ, молитвы мои такъ черствы! Я прежде думалъ, что я лучше молюсь, что я почти умѣю молиться временами. Но теперь вижу, что если не захочетъ самъ Тотъ, Которому молишься, никакъ нельзя помолиться. Но какъ бы то ни было, я произнесу мои слова, какъ бы ни были они безсильны, какъ бы ни было черство на душѣ и какъ бы ни былъ неповоротливъ лѣнивый, грубый языкъ. Я попрошу, кого встрѣчу изъ умѣющихъ. А вы успокойтесь, моя страдалица. Сложите тихо руки крестомъ, какъ младенецъ, и предайтесь довѣрчиво волѣ Того, Кто посылаетъ вамъ страданье. Страданья эти только затѣмъ, чтобы выработалась получше душа ваша, и когда

это совершится, они потомъ удалятся. Такъ какъ васъ всё еще занимаетъ [судя по письму вашему] судьба моей книги, то я вамъ скажу еще разъ: не имѣйте ничего противу тѣхъ, которые противъ нея. Говорю вамъ искренно, что они мои благодѣтели. Безъ нихъ я бы никогда не осмотрѣлся пристально вокругъ себя, не взвѣсилъ самого себя и не созрѣлъ бы для моего труда. Ничего не бываетъ безъ смысла у Бога. И я очень благодарю Бога за то, что допустилъ явиться моей книгѣ въ свѣтъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ допустилъ вооружиться противъ нея. Но довольно.

Напишите мнѣ сколько-нибудь объ образѣ жизни своей и объ образѣ жизни тѣхъ, которые васъ окружаютъ теперь. Хоть маленькой листочекъ изъ вашего дневника!

Въ Остенде я видѣлся съ Z* Z* и ея дочерью, умницей FZ. Море имъ помогло обѣимъ. Тамъ же я видѣлъ графиню П*** и М****. Разумѣется, была рѣчь и о васъ. Онѣ васъ всѣ любятъ...

Къ С. П. Шевыреву.

Неаполь декабря 2 (1847.)

Наконецъ отъ тебя письмо. Благодарю очень за вѣсти. Въ нихъ все мнѣ было любопытно. Весьма жалѣю, если моимъ письмомъ огорчилъ моего добраго Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова. Но что̀ дѣлать? Ты видишь, что я именно уже какъ-бы рожденъ на то, чтобы огорчать тѣхъ, которые меня наиболѣе любятъ. Уговоръ вѣдь у насъ былъ — писать все, что̀ ни есть на душѣ. Я писалъ, что̀ въ ней было. Въ письмахъ С. Т. было тоже не мало того, отъ котораго бы другой огорчился. Но зачѣмъ же одинъ я только не въ-правѣ огорчаться ничѣмъ, а прочіе въ-правѣ огорчаться? Слово *размолвка* напрасно ты употребилъ. Храни Богъ отъ размолвки даже съ людьми менѣе мнѣ близкими, чѣмъ Аксаковъ! Что я меньше любилъ Аксаковыхъ, чѣмъ они меня, это совершенная правда, и зачѣмъ мнѣ это скрывать? Но дѣло въ томъ, что я теперь больше люблю все то, что̀ достойно любви, чѣмъ когда-либо прежде; стало быть, неминуемо должно̀ быть, что и любовь

моя къ друзьямъ моимъ стала большею, чѣмъ когда-либо прежде. Это также правда, и ее ты передай Сергѣю Тимоѳеевичу, если только онъ дѣйствительно на меня въ неудовольствіи. Но довольно объ этомъ.

Замѣчаніе твое, что мои нервы страдаютъ именно отъ климата Неаполитанскаго, я не думаю, чтобъ было справедливо; по крайней мѣрѣ я здѣсь чувствую не только лучше, чѣмъ въ Германіи, но даже, чѣмъ въ Римѣ. Впрочемъ попробую прожить въ Россіи. Очень былъ бы радъ и почелъ бы за особенную милость Божію, если бъ климатъ нашъ пришелся мнѣ теперь въ пору. Я очень соскучился по Россіи и жажду съ нетерпѣніемъ услышать вокругъ себя Русскую рѣчь. А тебя прошу заблаговременно отмѣчать для меня на особенной записочкѣ все то, что, по твоему мнѣнію, мнѣ нужно видѣть и слышать, равно какъ и имена всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми мнѣ слѣдуетъ познакомиться. Твой слѣпецъ, о которомъ ты упоминаешь, долженъ быть для меня очень потребный человѣкъ. Мнѣ теперь особенно будутъ нужны бесѣды съ тѣми людьми, которые могутъ подать мнѣ свѣдѣнія вѣрныя и *близкія* обо всѣхъ сословіяхъ вообще, и особенно низшихъ. Пожалуста не забывай также отмѣчать и всякія книжки, выходящія по этой части. DQ я получилъ; дивлюсь, какъ этого человѣка разбрасываетъ во всѣ стороны! по дорогѣ онъ никакъ не можетъ идти, но, точно съ похмѣлья, и вправо, и влѣво, повторяя нѣсколько разъ одно и то же. Нужно имѣть четыре головы, чтобы его читать. Даже эту малую толику, которую онъ собралъ въ своей книгѣ, трудно увидѣть изъ его же книги. Лѣтописи также получилъ и благодарю очень за все это.

На замѣчанье твое, что »Мертвыя Души« разойдутся вдругъ, если явится второй томъ, и что всѣ его ждутъ, скажу то, что это совершенная правда; но дѣло въ томъ, что написать второй совсѣмъ не бездѣлица. Если жъ инымъ кажется это дѣло довольно легкимъ, то пожалуй пусть соберутся да и напишутъ его сами, совокупясь вмѣстѣ; а я посмотрю, что изъ этого выйдетъ. Мнѣ нужно будетъ очень много посмотрѣть въ Россіи самолично вещей, прежде чѣмъ приступить ко второму тому. Теперь уже стыдно будетъ дать промахъ. Ты видишь [или по крайней мѣрѣ долженъ видѣть болѣе прочихъ], что предметъ не бездѣлица и

что бѣда, не будучи вполнѣ готовымъ и состроившимся, приняться за это дѣло. Сдѣлавши это дѣло хорошо, можно принести имъ большую пользу; сдѣлавши же дурно, можно принести *вредъ*. Если и нынѣшняя моя книга, »Переписка«, [по мнѣнію даже неглупыхъ людей и пріятелей моихъ] способна распространить *ложь* и *безнравственность*, и имѣетъ свойство увлечь; то самъ посуди, во сколько разъ больше я могу увлечь и распространить ложь, если выступлю на сцену съ моими живыми образами. Тутъ вѣдь я буду посильнѣе, чѣмъ въ »Перепискѣ«. Тамъ можно было разбить меня въ пухъ и Павлову, и барону Розену, а здѣсь врядъ ли и Павловымъ, и всякимъ прочимъ литературнымъ рыцарямъ и наѣздникамъ будетъ подъ силу со мной потягаться. Словомъ, на всѣ эти ребяческія ожиданія и требованія 2 тома глядѣть нечего. Вѣдь мнѣ же никто не хочелъ помочь въ этомъ самомъ дѣлѣ, котораго ждетъ! Я не могу ни отъ кого добиться записокъ его жизни. Записки современника, или лучше — воспоминанья прежней жизни, съ окруженьемъ всѣхъ лицъ, съ которыми была въ соприкосновеніи его жизнь, для меня вещь безцѣнная. Если бъ мнѣ удалось прочесть біографію хотя двухъ человѣкъ, начиная съ 1812 года и до сихъ поръ, т. е. до текущаго года; мнѣ бы объяснились многіе пункты, меня затрудняющіе. Но довольно обо всемъ этомъ. Богъ милостивъ, и у Него все возможно. Можетъ быть, мнѣ будетъ дано здоровье, силы и возможность не полагаться ни на кого, высмотрѣть все самому.

Я еще остаюсь въ Неаполѣ до половины февраля, а въ февралѣ думаю сѣсть на корабль, хотя, признаюсь, по малодушію моему, сильно боюсь моря. Я страдаю ужасно отъ морской болѣзни, а пути почти одинадцать дней, включая туда остановки по одному дню въ Мальтѣ, Александріи и Аѳинахъ. Со мной ни души: все, что и собиралось прежде въ Іерусалимъ, отложило поѣздку. Погодинъ даже не отвѣчалъ мнѣ на мой запросъ: ѣдетъ ли онъ, или нѣтъ въ этомъ году? а потому я думаю, что онъ не ѣдетъ. Признаюсь, часто даже находитъ на меня мысль: »Зачѣмъ я поѣду теперь въ Іерусалимъ? Прежде я былъ по крайней мѣрѣ въ заблужденіи на-счетъ самого себя. Я думалъ, что я хоть немного лучше того, что я есмь. Я думалъ, что я подвинулся ближе къ

тому дѣлу, за которымъ ѣхалъ въ Іерусалимъ, я думалъ, что молитвы мои что-нибудь будутъ значить у Бога, если только помолятся мои земляки, люди той же земли, чтобы значили что-нибудь мои молитвы. Теперь думаю: не будетъ ли оскорбленіемъ святыни мой пріѣздъ и поклоненье мое? Если бы Богу было угодно мое путешествіе, возгорѣлось бы въ груди моей и желаніе сильнѣе и все бы меня тянуло туда, и не посмотрѣлъ бы я на трудности пути. Но въ груди моей равнодушно и черство, и меня устрашаетъ мысль о затрудненіяхъ.«

Вотъ какая мысль приходитъ мнѣ часто въ умъ, а прежде она не приходила. Не показывай пожалуста никому этой странички моего письма; покажи развѣ одной только старушкѣ Над. Ник. Ш*****, если она будетъ обо мнѣ спрашивать: она обо мнѣ помолится въ простотѣ сердца. Прочіе будутъ выводить изъ этого всякія заключенія и умничать...

Къ А. А. Иванову.

Неаполь. Декабря 5 (1847).

Давно уже я о васъ не имѣю никакихъ вѣстей, Александръ Андреевичъ. Пожалуста увѣдомляйте меня отъ времени до времени о себѣ, о томъ, что̀ дѣлается, какъ въ васъ, такъ и около васъ. Не опасайтесь отъ меня жесткихъ писемъ: я ихъ теперь даже и не съумѣю написать, ибо вижу, что если и нужно кого попрекать, такъ это больше себя, а не другого. Я живу въ Неаполѣ довольно уединенно и мирно, не смотря на то, что̀ живу въ трактирѣ. Какъ-то лѣнь искать квартиръ, и я день за днемъ остаюсь въ Hôtel de Rome. Съ Софьей Петровной вижусь довольно часто. Полагаю прожить здѣсь до половины февраля, а въ половинѣ февраля сажусь на корабль, съ тѣмъ чтобы пуститься въ Іерусалимъ, а оттуда въ Россію. Если встрѣтите кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ, пріѣхавшихъ въ Римъ, которые бы пожелали со мною видѣться, то скажите имъ, что отъ нихъ воли заглянуть въ Неаполь. Узнайте, не отправляется ли кто также въ Іерусалимъ около этого

времени: въ такомъ случаѣ, дайте ему адрессъ. Мнѣ очень будетъ пріятно имѣть попутчика земляка. Передайте при семъ прилагаемое письмецо Моллеру и будьте бодры духомъ и здоровы...

Не отправляется ли на Востокъ кто-нибудь изъ художниковъ-архитекторовъ? ему бы со мною было выгодно; притомъ и издержекъ меньше.

Къ С. П. Шевыреву.

Декабря 12. Неаполь (1847)

Письмо мое отъ 2 декабря ты уже, безъ сомнѣнія, получилъ. Хочется еще поговорить съ тобой. Я прочелъ вторую книжку твоихъ лекцій. Она еще значительнѣе первой; это ты чувствуешь, вѣроятно, и самъ. Въ ней *ощутительнѣй* и *ближе* показывается читателю дѣло. Но и въ ней проглядываетъ *поспѣшность* подѣлиться съ читателемъ всѣмъ, даже и тѣмъ, что̀ еще для самого себя видится нѣсколько въ отдаленной перспективѣ: общій порокъ всѣхъ, идущихъ впередъ людей! Что̀ для себя еще перспектива, пусть и останется въ себѣ. Говорить нужно только о томъ, къ чему уже пришелъ совершенно. Увы! я узналъ это на опытѣ. Еще, мнѣ кажется, не нужно читателю говорить впередъ о всей огромности того горизонта, который намѣренъ захватить своею книгою; лучше высказать ему *словесно* скромнѣйшее и болѣе частное намѣреніе, а книга пусть ему сама собою обнаружитъ этотъ горизонтъ. Мнѣ кажется, можно было не говорить впередъ: »Я хочу показать *всего* Русскаго человѣка въ литературѣ«, развѣ прибавивши: »на сколько онъ въ ней выразился«; а вмѣсто того, просто, раскрыть своей книгой дѣйствительно всего Русскаго человѣка, какъ ты, вѣроятно, и сдѣлаешь, но что̀ не всякій можетъ, покуда, смѣкнуть даже изъ тѣхъ, кому нравится твоя книга. Ты не можешь себѣ представить, какъ сердитъ всякаго человѣка, недошедшаго до нашей точки зрѣнія, похвальба открыть то, что̀ ему еще не открыто и чье существованіе, разумѣется, онъ долженъ отвергать, какъ несбыточное. Его бѣситъ это, какъ бѣситъ ложь, проповѣдываемая съ видомъ истины, и бѣситъ еще болѣе, когда онъ видитъ, какъ увле-

каются другіе. Увы! весь неуспѣхъ добраго дѣла отъ насъ, и всему виноваты мы сами. Какъ трудно умѣрить себя! Какъ трудно сдѣлать такъ, чтобы въ твореньи нашемъ дѣло выступало *само* и говорило собою, а не слова наши говорили о дѣлѣ! Какъ трудно также уберечься отъ этихъ двухъ-трехъ выходокъ, которыя проскользнутъ гдѣ-нибудь въ книгѣ, на которыя упершись, читатель уже подымаетъ войну противъ всей книги! А человѣкъ такъ всегда готовъ, выражаясь не совсѣмъ опрятной пословицей: *разсердясь на вши, да всю шубу въ печь!* Мнѣ особенно понравилось, что ты развилъ въ своей книгѣ мысль о *безличности* нашихъ первоначальныхъ писателей, успѣвшихъ всегда позабыть о себѣ. По прочтеніи твоей книги, передо мною обнаружилось еще болѣе мое собственное безразсудство въ моей »Перепискѣ съ Друзьями«. Я уже давно питалъ мысль — выставить на видъ свою *личность*. Я думалъ, что если не пощажу самого себя и выставлю на видъ всѣ человѣческія свои слабости и пороки, и процессъ, какимъ образомъ я ихъ побѣждалъ въ себѣ и избавлялся отъ нихъ, то этимъ придамъ духу другому не пощадить также самого себя. Я совершенно упустилъ изъ виду то, что это имѣло бы успѣхъ только въ такомъ случаѣ, если бъ я самъ былъ похожъ на другихъ людей, то есть, на большинство другихъ людей. Но выставлять себя въ образецъ человѣку, непохожему на другихъ, оригинальному уже въ слѣдствіе оригинальныхъ даровъ и способностей, ему данныхъ, это невозможно даже и тогда, если бы такой человѣкъ и дѣйствительно почувствовалъ возможность достигать того, какъ быть на всякомъ поприщѣ тѣмъ, чѣмъ повелѣлъ быть человѣку самъ Богочеловѣкъ. Я спуталъ и сбилъ всѣхъ. Поэтическія движенія, впрочемъ, сродныя всѣмъ поэтамъ, всё-таки прорвались и показались въ видѣ чудовищной гордости, несовмѣстимой никакъ съ тѣмъ смиреньемъ, которое отыскивалъ читатель на другой страницѣ, и ни одинъ человѣкъ не сталъ на ту надлежащую точку, съ которой слѣдовало глядѣть на эту загадочную книгу. Гляжу на все, дивлюсь до сихъ поръ и думаю только о томъ, какимъ бы образомъ я могъ придти въ мое нынѣшнее состояніе безъ этой публичной оплеухи, которою я попотчивалъ самого себя въ виду всего Русскаго царства. Только теперь чувствую силу того, что говоришь въ книгѣ твоей о лич-

ности писателя. Прежде я бы не понялъ и долго бъ изъ-за моихъ героевъ показывалъ бы непережеваннаго себя, не замѣчая и самъ того.

Напиши мнѣ пожалуста, какъ идетъ въ продажѣ твоя книга и сколько экземпляровъ ея было напечатано. За тѣмъ къ тебѣ просьба вотъ какая. Пошли изъ моихъ денегъ, вырученныхъ за »Мертвыя Души«, сто рублей ассигнаціями, при слѣдуемомъ здѣсь письмецѣ, сестрѣ Ольгѣ, если можно, не откладывая времени. А на другіе *сто* рублей ассигнаціями накупи книгъ такого рода, которыя могли бы отрока, вступающаго въ юношеской возрастъ, познакомить сколько-нибудь съ Россіею [отрока лѣтъ тринадцати], какъ-то: путешествія по Россіи, исторія Россіи и всѣ такія книги, которыя безъ скуки могутъ познакомить собственно со статистикой Россіи и бытомъ въ ней живущаго народа, всѣхъ сословій. Я не знаю и не могу теперь припомнить, что у насъ выходило хорошаго по этой части. Нельзя, чтобы не вышло чего-нибудь въ послѣдніе годы, гдѣ бъ посущественнѣй и поближе показывалось внутреннее состояніе государства и что могло бы легко и съ интересомъ читаться людьми. Начни тѣмъ, что купи у самого себя лекціи Русской литературы, вышедшіе доселѣ выпуски, и записки твоего путешествія, если только онѣ выдутъ [я жду ихъ съ большимъ аппетитомъ: мнѣ кажется, что эта книга будетъ больше для меня, чѣмъ для всякаго другого]. Купивши всѣ такія книги, уложи ихъ въ ящикъ и отправь въ Полтаву на имя сестры моей Анны. Прости, что обременяю тебя такими скучными хлопотами и пользуюсь безгранично твоей добротой. У меня есть племянникъ, почти брошенный мальчикъ, которому получить воспитанья блестящаго не удастся; но если въ немъ чтеньемъ этихъ книгъ возбудится *желаніе* любить и знать Россію, то это все, что я желаю: это, по-моему, лучше, чѣмъ если бъ онъ зналъ языки и всякія науки. Объ участи его я тогда не буду заботиться: онъ, вѣрно, и самъ пойдетъ своей дорогой и будетъ добрымъ служакой гдѣ-нибудь въ незамѣтномъ уголкѣ государства. А этого и предовольно для Русскаго гражданина. Все прочее можетъ поселить только заносчивость въ бѣдномъ человѣкѣ.

Присоедини къ этому Русской переводъ Гуфланда о сохраненіи жизни. Онъ существуетъ. Поручи книгопродавцамъ его отыскать. У

меня есть одна сестра, которая воспиталась сама собою въ глуши. Языка иностраннаго не знаетъ; но Богъ наградилъ ее чуднымъ даромъ лечить и тѣло, и душу человѣка. — — Она лечитъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ всякими травами. — — Читать ей медицинскихъ книгъ не слѣдуетъ; пусть ее ведетъ натура. Но ей нужна такая книга, которая бы дала ей ближайшее понятіе вообще о природѣ человѣка, какъ въ немъ движется кровь, какъ переваривается пища и прочее. Пожалуста спроси какого-нибудь умнаго врача, нѣтъ ли у насъ на Русскомъ такой книги, которая бы могла быть по этой части доступна простолюдину, а не какому-нибудь ученому и воспитанному человѣку, въ которой была бы полная и коротенькая, понятная самому дитяти *анатомія* человѣка. Если кто найдется по этой части, то пожалуйста приложи къ посылкѣ. — — Еще пошли ей получшее, какое у насъ вышло изъясненіе Литургіи. Ты, вѣрно, это имѣешь. Не сердись на меня, мой добрый, за мои просьбы. Не забывай меня, пиши, какъ можно чаще. Ради Бога, пиши...

При семъ слѣдуетъ также письмецо къ Сергѣю Т. Аксакову. Хотя я увѣренъ, что неудовольствіе его на меня прошло, но тѣмъ не менѣе пусть онъ изъ этихъ строкъ увидитъ, что совсѣмъ не нужно давать серьезнаго, строгаго толкованія многимъ нашимъ словамъ, которыя вырываются весьма часто безъ разсчета и намѣренія.

Если хватитъ денегъ, то пожалуста присовокупи къ книгамъ новую, недавно вышедшую книгу Инокентія, въ которой, говорятъ, очень хорошія поучительныя слова, и книгу: »Новая Скрижаль«, преосвященнаго Веніамина...

Къ С. Т. Аксакову.

(1847, декабря 12).

Шевыревъ мнѣ пишетъ, что въ моемъ письмѣ къ вамъ было что-то для васъ огорчительное, такъ что онъ даже не хотѣлъ его вамъ показывать, опасаясь имъ разстроить васъ. Правда ли это, любезный другъ мой? Вѣдь мы обѣщали писать другъ другу все чув-

ства и ощущенія, какъ они есть, не скрывая ничего, хоть бы въ нихъ было и непріятное для насъ. Если въ письмѣ моемъ нашлось кое-что занозистое и колкое, то это ничуть не дурно. Это новыя горючія вещества, подкладываемыя въ костеръ дружбы, который безъ того пламенѣлъ бы лѣниво и вяло, что̀ всегда почти бываетъ, если друзья живутъ вдали другъ отъ друга. Разсудите сами, что̀ за соусъ, если не поддадутъ къ нему лучку, уксусу и даже самого перцу! выйдетъ прѣсное молоко. Въ письмѣ моемъ къ вамъ я сказалъ сущую правду: я васъ любилъ, точно, гораздо меньше, чѣмъ вы меня любили. Я былъ въ состояніи всегда [сколько мнѣ кажется] любить всѣхъ вообще, потому что я не былъ способенъ ни къ кому питать ненависти; но любить кого-либо особенно, предпочтительно, я могъ только изъ интереса. Если кто-нибудь доставилъ мнѣ существенную пользу и чрезъ него обогатилась моя голова, если онъ подтолкнулъ меня на новыя наблюденія или надъ нимъ самимъ, надъ его собственной душой, или надъ другими людьми, словомъ — если чрезъ него какъ-нибудь раздвинулись мои познанія, я уже того человѣка люблю, хоть будь онъ и меньше достоинъ любви, чѣмъ другой, хоть онъ и меньше меня любитъ. Что̀ жъ дѣлать? вы видите, какое твореніе человѣкъ: у него прежде всего свой собственный интересъ. Почему знать? можетъ быть, я и васъ полюбилъ бы несравненно больше, если бы вы сдѣлали что-нибудь собственно для головы моей, положимъ хоть бы написаніемъ записокъ жизни вашей, которыя бы мнѣ напоминали, какихъ людей слѣдуетъ не пропустить въ моемъ твореніи и какимъ чертамъ Русскаго характера не дать умереть въ народной памяти. Но вы въ этомъ родѣ ничего не сдѣлали для меня. Что̀ жъ дѣлать, если я не полюбилъ васъ такъ, какъ слѣдовало бы полюбить васъ! Кто же изъ насъ властенъ надъ собою? и кто умѣетъ принудить себя къ чему бы то ни было? Мнѣ кажется, что я теперь всё-таки люблю васъ больше, нежели прежде, но это потому только, что любовь моя ко всѣмъ вообще увеличилась: она должна была увеличиться, потому что это любовь во Христѣ. Такъ я увѣренъ; а на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, и это ложь, и я ничуть не умѣю любить лучше, чѣмъ прежде. Поэты лгутъ иногда невинным образомъ, обманывая сами себя. Рожденные понимать многое, постигать мы-

сли, красоту чувствъ и высокія явленія въ душѣ человѣческой, они часто думаютъ, что уже вмѣщаютъ въ самихъ себѣ то, что̀ могутъ только нѣсколько оцѣнить и съ нѣкоторой живостью выставить на глаза другимъ, и величаются чужимъ, какъ своимъ собственнымъ добрымъ.

Напишите мнѣ что-нибудь. Письмо ваше еще застанетъ меня въ Неаполѣ. Пожалуста не глядите на то, если какая колкость слетитъ съ пера. Что̀ толку въ прѣсномъ молокѣ!...

Къ П. А. Плетневу.

Неаполь. Декабря 12 (1847).

Я думалъ, что, по пріѣздѣ въ Неаполь, найду отъ тебя письмо; но вотъ уже скоро два мѣсяца минетъ, какъ я здѣсь, а отъ тебя ни строчки, ни словечка. Что̀ съ тобой? пожалуйста не томи меня молчаніемъ и откликнись. Мнѣ теперь такъ нужны письма близкихъ, самыхъ близкихъ друзей! Если я не получу, до времени моего отъѣзда, отъ тебя письма и дружескаго напутствія въ дорогу, мнѣ будетъ очень грустно. Предстоящая дорога не легка. Я стражду сильно, когда бываю на морѣ, а моря мнѣ придется много. Я одинъ; со мною нѣтъ никого, кто бы поддержалъ меня на пути въ мои малодушныя минуты, равно какъ и въ минуты безсилія моего тѣлеснаго. Если даже и письменнаго ободренія не пошлетъ мнѣ близкая душа — это будетъ жестоко. Ради Бога, не медли и напиши не одинъ разъ, по два и три. Если, дастъ Богъ, мы увидимся въ наступающемъ 1848 году, — поблагодарю за все лично. До февраля я буду еще здѣсь. Адрессуй въ Неаполь, poste restante. А съ тѣхъ поръ, то есть, съ половины февраля новаго штиля, адрессуй въ Константинополь, на имя нашего посланника Титова. Денегъ посылать не нужно. Если не обойдусь съ своими, то прибѣгну въ Константинополѣ къ займу. Свидѣтельство о жизни при семъ прилагается. Вытребуй слѣдуемыя мнѣ деньги и сто рублей серебромъ отправь, въ скорѣйшемъ какъ можно времени, въ городъ Ржевъ [Тверской губ.] тамошнему про-

тоіерею Матвѣю Александровичу, для передачи кому слѣдуетъ, присоединивъ при семъ прилагаемое письмо, а остальныя присовокупи къ прежнимъ...

Къ отцу Матвѣю.

Неаполь. Декабря 12 (1847).

При этомъ письмецѣ вы получите, почтеннѣйшій и добрѣйшій Матвѣй Александровичъ, сто рублей серебромъ. Половину этихъ денегъ прошу васъ убѣдительно раздать бѣднымъ, то есть, беднѣйшимъ, какіе вамъ встрѣтятся, прося ихъ, чтобы помолились они о здоровьи душевномъ и тѣлесномъ того, который, отъ искренняго желанья помочь, далъ имъ эти деньги. Другую же половину, то есть, остальные 50, раздѣлите на-двое: 25 рублей назначаю на три молебня о моемъ путешествіи и благополучномъ возвращеньи въ Россію, которыя умоляю васъ отслужить въ продолженіе Великаго поста и послѣ Пасхи, какъ вамъ удобнѣй. 25 рублей остальные оставьте, покуда, у себя, издерживая изъ нихъ только на тѣ письма, которыя вы писали, или будете писать ко мнѣ, равно какъ и тѣ, которыя получали отъ меня и будете получать. Я васъ ввелъ въ издержки, потому что уже такое постановленіе: съ тѣхъ не берутъ за письма, которые находятся за границей, за все платятъ вдвойнѣ тѣ, которые остаются въ Россіи. Оттого и упала на васъ одного тягость. Еще разъ прошу васъ помолиться о благополучномъ путешествіи моемъ и возвращеніи на родину, въ Россію, въ благодатномъ и угодномъ Богу состояньи душевномъ.

Отъ всей души признательный вамъ за молитвы и добрые совѣты,

Ник. Г.

Къ матери.

Неаполь. Декабря 12, 1847.

Очень давно я уже не получалъ отъ васъ писемъ и не знаю, что съ вами дѣлается. Если вамъ некогда, почему же сестры не пишутъ? Увѣдомляю васъ, что я остаюсь въ Неаполѣ до февраля

мѣсяца, а въ февралѣ думаю двинуться въ путь, если Богъ благословитъ его. Дорога мнѣ предстоитъ не малая, ѣзда почти всё моремъ, на которомъ, я обыкновенно страдаю сильно отъ морской болѣзни. Притомъ на Востокѣ не мало затрудненій всякихъ, словомъ — много всего того, что заставляетъ человѣка покрѣпче помолиться; а потому прошу и васъ молиться обо мнѣ усерднѣе, чѣмъ когда-либо прежде, во все то время, когда я буду въ дорогѣ, и если я возвращусь къ вамъ, то считайте не иначе, какъ великой милостью Божіей. Я такъ мало заслужилъ того, чтобы жизнь моя хранима была ангелами отъ всякаго зла [по крайней мѣрѣ мнѣ такъ временами кажется, въ тѣ минуты, когда гордость, всегда сопровождающая человѣка, отступаетъ отъ него]. Какъ бы то ни было, но я прошу васъ теперь всѣхъ молиться обо мнѣ крѣпко, какъ только можете. На это письмо вы еще можете написать отвѣтъ. Если не будете откладывать и отправите его тотъ же часъ, то онъ меня застанетъ еще въ Неаполѣ. За тѣмъ Богъ да хранитъ васъ всѣхъ! Обнимаю васъ мысленно...

Къ А. А. Иванову.

Неаполь. Декабря 14 (1847).

Благодарю васъ за письмецо, не смотря на то, что въ немъ и немного говорите о себѣ самомъ. Бодритесь, крѣпитесь! Вотъ все, что долженъ говорить на этой страждущей землѣ человѣкъ человѣку! А потому, вѣроятно, и я сказалъ бы вамъ эти же самыя слова, если бъ вы что-нибудь написали о вашемъ состояніи душевномъ. Итакъ вы правы, что умолчали. С* П* съ братомъ своимъ, графомъ А* П*, хотятъ, въ концѣ февраля, быть къ вамъ въ Римъ и, безъ сомнѣнія, васъ утѣшатъ и успокоятъ, сколько смогутъ. Но помните, что ни на кого въ мірѣ нельзя возлагать надежды тому, у кого особенная дорога и путь, непохожій на путь другихъ людей. *Совершенно* понять ваше положеніе никто не можетъ, а потому и *совершенно* помочь вамъ никто не можетъ въ мірѣ. Какъ вы до сихъ поръ не можете понять хорошенько, что вамъ безъ Бога ни до порога, что и вставая, и ложась вы

должны молиться, чтобы день вашъ и наступилъ, и прошелъ благополучно — безъ помѣхи, чтобы Богъ далъ вамъ силъ, даже если и случится помѣшательство, не возмутиться оттого! Но довольно объ этомъ. Поговоримъ о прочемъ въ вашемъ письмѣ.

Г*** я не знаю, но слышалъ, что онъ благородный и умный человѣкъ, хотя, говорятъ, черезъ-чуръ вѣритъ въ благодатность нынѣшнихъ Европейскихъ прогрессовъ и потому врагъ всякой Русской старины и коренныхъ обычаевъ. Напишите мнѣ, какимъ онъ показался вамъ, что̀ онъ дѣлаетъ въ Римѣ, что̀ говоритъ объ искусствахъ и какого мнѣнія о нынѣшнемъ политическомъ и гражданскомъ состояніи Рима, о Чивикахъ и о прочемъ.

Я не зналъ, что вы не читали моего письма о васъ; я думалъ, что вы прочли всю мою книгу у С* П* въ Неаполѣ. Если вы любопытны знать его, то посылаю его при семъ, выдравши изъ книги. А книгу привезетъ вамъ С* П*. Я не знаю, сдѣлало ли мое письмо что̀-нибудь въ вашу пользу, но по крайней мѣрѣ въ то время, когда я его писалъ, я былъ увѣренъ, что оно у насъ нужно. Но прощайте! увѣдомьте меня, сдѣлали ли вы что-нибудь относительно того почталіона, о которомъ я васъ просилъ въ Римѣ передъ выѣздомъ моимъ...

Къ нему же.

Неаполь. Канунъ новаго Русскаго года (1847).

Поздравляю васъ, Александръ Андреичъ, новымъ годомъ и желаю отъ всей души, чтобы онъ исполненъ былъ для васъ весь благодати небесной. За мои два письма, нѣсколько жесткія, не сердитесь. Что̀ жъ дѣлать, если я долженъ именно такія, а не другія, письма писать къ вамъ? Посылаю вамъ молитву, молитву, которою нынѣ молюсь я всякой день. Она придется и къ вашему положенію, и если вы съ вѣрою и отъ всѣхъ чувствъ будете произносить ее, она вамъ поможетъ. Читайте ее поутру всякой день. А если замѣтите за собой, что находитесь въ тревожномъ и особенно — безпокойномъ состояніи духа, тогда читайте ее всякой часъ, и никакъ не позабывайте этого дѣлать...

Къ отцу Матвѣю.

Неаполь. Генваря 12 дня. 1848 г.

Благодарю васъ много за безцѣнныя ваши строки. Прочиталъ нѣсколько разъ ваше письмо; прочиталъ потомъ еще въ минуты другихъ расположенiй душевныхъ. Смыслъ намъ не вдругъ открывается, а потому нужно повторять чтенiе того, что̀ относится до души нашей. Я вѣрю, что вы молитесь обо мнѣ и просили у Бога вразумленья сказать мнѣ то, что̀ для меня нужно, а потому, вѣрно, послѣ откроется мнѣ въ немъ и больше, хотя и теперь вы сказали много того, за что̀ душа моя будетъ благодарить васъ и въ будущей, и въ здѣшней жизни [1]. Не могу только рѣшить того, дѣйствительно ли дѣло, которое меня занимаетъ и было предметомъ моего обдумыванiя съ давнихъ поръ, есть учительство. Мнѣ оно кажется только долгомъ и обязанностью службы, которую я долженъ былъ сослужить моему отечеству, какъ воинъ, гражданскiй и всякой другой чиновникъ, если только онъ получилъ для этого способности. Я точно моей опрометчивой книгой [которую вы читали] показалъ какiе-то исполинскiе замыслы на что̀-то въ родѣ вселенскаго учительства. Но книга моя есть произведенье моего переходнаго душевнаго состоянiя, временнаго, едва освободившагося отъ болѣзненнаго состоянья. Опечаленный нѣкоторыми непрiятными происшествiями, у насъ случающимися, и не-Христiянскимъ направленiемъ современной литературы, я опрометчиво поспѣшилъ съ этой неразсудительной книгой и нечувствительно забрелъ туда, гдѣ мнѣ неприлично. А дiаволъ, который какъ тутъ, раздулъ до чудовищной преувеличенности даже и то, что̀ было даже и безъ умысла учительствовать, что̀ случается всегда съ тѣми, которые понадѣются нѣсколько на свои силы и на свою *значительность* у Бога. Дѣло въ томъ, что книга эта не мой родъ. Но то, что̀ меня издавна и продолжительнѣй занимало, это было — изобразить въ большомъ сочиненiи добро и зло, какое есть въ нашей Русской землѣ, послѣ котораго Русскiе читатели узнали бы

[1] Гоголь такъ дорожилъ письмами отца Матвѣя, что носилъ ихъ всегда при себѣ. *П. К.*

лучше свою землю, потому что у насъ многіе, даже и чиновники, и должностные, попадаютъ въ большія ошибки по случаю незнанія коренныхъ свойствъ Русскаго человѣка и народнаго духа нашей земли. Я имѣлъ всегда свойство замѣчать всѣ особенности каждаго человѣка, отъ малыхъ до большихъ, и потомъ изобразить его такъ передъ глазами, что, по увѣренью моихъ читателей, человѣкъ, мною изображенный, оставался, какъ гвоздь въ головѣ, и образъ его такъ казался живъ, что отъ него трудно было отдѣлаться. Я думалъ, что если я, съ моимъ умѣньемъ изображать живо характеры, узнаю получше многія вещи въ Россіи и то, что̀ дѣлается внутри ея, то я введу читателя въ большее познаніе Русскаго человѣка. А если я самъ, по милости Божіей, проникнусь болѣе познаньемъ долга человѣка на землѣ и познаньемъ истины, то отъ этого нечувствительно и въ сочиненіи моемъ добрые Русскіе характеры и свойства людей, получатъ привлекательность, а нехорошіе — такую непривлекательность, что читатель не возлюбитъ ихъ даже и въ себѣ самомъ, если отыщетъ. Вотъ какъ я думалъ, и потому узнавалъ все, что̀ ни относится до Россіи, узнавалъ души людей и вообще душу человѣка, начиная съ своей. Еще я не зналъ самъ, какъ съ этимъ слажу и какъ успѣю, а уже вѣрилъ, что это будетъ мнѣ возможно тогда, когда я самъ сдѣлаюсь лучшимъ. Вотъ въ чемъ я полагалъ мое писательство. Итакъ учительство ли это? Я хотѣлъ представить только читателю замѣчательнѣйшіе предметы Русскіе въ такомъ видѣ, чтобы онъ самъ увидѣлъ и рѣшилъ, что̀ нужно взять ему, и такъ сказать—самъ поучилъ бы самого себя. Я не хотѣлъ даже выводить правоученья. Мнѣ казалось [если я самъ сдѣлаюсь лучше], все это нечувствительно, мимо меня, выведетъ самъ читатель. Вотъ вамъ исповѣдь моего писательства! Богъ вѣсть, можетъ быть, я въ этомъ неправъ, а потому вопрошу себя еще, стану наблюдать за собой, буду молиться. Но, увы! молиться не легко. Какъ молиться, если Богъ не захочетъ? Вижу такъ много въ себѣ дурного, такую бездну *себялюбія* и неумѣнья пожертвовать земнымъ *небесному!* Прежде мнѣ казалось, что я уже возвысился душой, что я значительно сталъ лучше прежняго, въ минуты слезъ и умиленій, которыя я ощущалъ во время чтенья святыхъ книгъ. Мнѣ казалось, что я удостоивался

уже милостей Божьихъ, — что эти сладкія ощущенья есть уже свидѣтельство, что я сталъ ближе къ небу. Теперь только дивлюсь своей гордости, дивлюсь тому, какъ Богъ не поразилъ меня и не стеръ съ лица земли. О другъ мой и самимъ Богомъ данный мнѣ исповѣдникъ! горю отъ стыда и не знаю, куда дѣться отъ несмѣтнаго множества неподозрѣваемыхъ во мнѣ прежде слабостей и пороковъ. И вотъ вамъ моя исповѣдь уже не въ писательствѣ! Исписалъ бы вамъ страницы во свидѣтельство моего малодушія, суевѣрія, боязни. Мнѣ кажется даже, что во мнѣ и вѣры нѣтъ вовсе. — — Хочу вѣрить и, не смотря на все это, я дерзаю теперь идти поклониться святому Гробу. Этого мало: хочу молиться о всѣхъ и всемъ, что ни есть въ Русской землѣ и отечествѣ нашемъ. О, помолитесь обо мнѣ, чтобы Богъ не поразилъ меня за мое недостоинство и удостоилъ бы объ этомъ помолиться! Скажите мнѣ: зачѣмъ мнѣ, вмѣсто того, чтобы молиться о прощеніи всѣхъ прежнихъ грѣховъ моихъ, хочется молиться о спасеніи Русской земли, о водвореніи въ ней мира, намѣсто смятенія, и любви, намѣсто ненависти къ брату? зачѣмъ я помышляю объ этомъ, намѣсто того, чтобы оплакивать собственные грѣхи мои? зачѣмъ мнѣ хочется молиться еще и о томъ, чтобы Богъ далъ силы мнѣ загладить новымъ, лучшимъ дѣломъ и подвигомъ мои прежніе худые, даже и въ дѣлѣ писательства? О, молитесь обо мнѣ, добрая душа моя! молитесь, чтобъ Богъ избавилъ меня отъ всякаго духа искушенія и далъ бы мнѣ уразумѣть Его истинную волю. Молитесь, молитесь крѣпко обо мнѣ, и Богъ вамъ да поможетъ обо мнѣ молиться!

Порученье ваше исполняю: Евангеліе читаю и благодарю васъ за это много. Увѣдомьте меня двумя строчками, получены ли вами изъ Петербурга деньги 100 рублей серебромъ на молебны и на бѣдныхъ...

Къ матери.

Неаполь. 1848, генваря $\frac{15}{3}$.

Наконецъ я получилъ письмо ваше, почтеннѣйшая матушка. Вы, слава Богу здоровы, сестры тоже. Да хранитъ васъ всѣхъ Богъ и впредь! Увѣдомляю васъ, что я полагаю отправиться къ Святымъ Мѣстамъ въ срединѣ февраля здѣшняго штиля. Вы ни-

шете о радости, которую принесетъ вамъ пріѣздъ мой. Не радуйтесь ничему заранѣ. Все въ рукахъ Того, Кто располагаетъ судьбой нашей. Какъ Онъ повелитъ, такъ тому и быть. Молитесь и больше ничего. Не забывайте также и того, что мы всѣ на землѣ странники и существованье наше здѣсь минутно. Если и доставитъ намъ Богъ минутное удовольствіе пожить недѣлю, или двѣ вмѣстѣ въ вашей деревнѣ Васильевкѣ, то нужно поблагодарить только безмолвно во глубинѣ души Бога, а радостью своей мы можемъ только оскорбить Его: не такое время, чтобы кому-либо теперь радоваться. Повсюду смущенья, повсюду бѣды, повсюду голосъ неудовольствій и вражда намѣсто любви. Намъ остается только молиться и просить у Бога, чтобы научилъ насъ, какъ молиться ему о спасеньи нашемъ. Прошу васъ отправить молебенъ, и, если можно, даже не одинъ, [во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ умѣютъ лучше молиться] о благополучномъ моемъ путешествіи. Чувствую, что нѣтъ силъ помолиться самому: силы мои какъ-бы ослабѣли, сердце черство, малодушна душа. Я требую отъ васъ всѣхъ помощи, какъ погибающій братъ проситъ у братьевъ. Соедините ваши моленья и помогите воскрылиться къ Богу моей молитвѣ. За все, что я вамъ когда-либо нанесъ непріятнаго, какъ вамъ, такъ и сестрамъ, прошу простить меня. Хотя я и знаю, что вы, по добротѣ душъ вашихъ, простили, но всё объ этомъ прилично въ такую минуту напомнить еще разъ. Передъ отъѣздомъ, можетъ быть, еще напишу нѣсколько строкъ. — — Прилагаю здѣсь, на всякой случай, на особенной бумажкѣ содержаніе того, о чемъ бы я хотѣлъ, чтобы священникъ, сверхъ содержимаго въ обыкновенныхъ молебнахъ, молился. Васъ всѣхъ прошу также, и въ особенности сестру Ольгу [какъ болѣе другихъ имѣющую время и досугъ для моленій], прочитать нѣсколько разъ въ сердцѣ своемъ эти строки, которыми хотѣлось бы мнѣ отъ всей души помолиться...

Когда будете писать, увѣдомляйте подробно обо всемъ. Мнѣ будутъ, больше чѣмъ когда-либо, интересны и нужны вѣсти изъ родины.

На особомъ листкѣ.

Боже, содѣлай безопаснымъ путь его, пребыванье во Святой

землѣ благодатнымъ, а возвратъ на родину счастливымъ и благополучнымъ!

Преклони сердца людей на пути къ доставленью ему покровительства, возстанови тишину морей, укротивъ бурное дыханье вѣтровъ!

Тишину же души его исполни благодатныхъ мыслей во все время дороги его! Удали отъ него духа колебаній, духа помысловъ мятежныхъ и волнуемыхъ, духа суевѣрія, пустыхъ примѣтъ и малодушныхъ предчувствій, ничтожнаго духа робости и боязни!

Духъ же твердости и силы, и несокрушимой надежды въ Тебя, Боже, всели въ него! Да окрѣпнетъ во всемъ благомъ и угодномъ Тебѣ!

Исправи молитву его и дай ему силу помолиться у Гроба святаго о собратьяхъ и кровныхъ своихъ, о всѣхъ людяхъ земли нашей и о всей отчизнѣ нашей, о ея мирномъ времени, о примиреніи всего въ ней враждующаго и негодующаго, о водвореньи въ ней любви и о воцареніи въ ней Твоего царствія, Боже!

Боже, не погляди на недостоинство его, но, ради молитвъ нашихъ, усердныхъ и горячихъ молитвъ, возсылаемыхъ нами отъ глубины сердецъ нашихъ, и ради молитвъ людей, Тебѣ угодныхъ, о немъ Тебѣ молящихся, удостой его недостойнаго, грѣшнаго о семъ помолиться и не возгнушайся принять сердечныя прошенья его, простя ему за все!

И сподоби его, Боже, возстать отъ святаго Гроба съ обновленными силами, бодростью и рвеніемъ возвратиться къ дѣлу и труду своему, на добро землѣ своей и на устремленье сердецъ къ прославленью святаго имени Твоего!

Къ А. А. Иванову.

Неаполь. Генваря 18 (1848).

Чтобы не осталось чего-нибудь между нами, увѣдомляю васъ, мой добрый Александръ Андреичъ, что въ письмѣ моемъ я не имѣлъ никакого намѣренія упрекнуть васъ. Напротивъ, я хотѣлъ

только показать вамъ, что я ничуть не умнѣе васъ во многихъ дѣлахъ. Если вы прочтете еще разъ мое письмо, то почувствуете это сами. Бога ради, не будьте такъ подозрительны и не приписывайте простымъ словамъ какого-то сокровеннаго смысла, желанья васъ обидѣть какимъ-то обиднымъ заключеньемъ. Этимъ подозрѣньемъ вы, во-первыхъ, обидите васъ дѣйствительно любящаго человѣка, а во-вторыхъ, себѣ самому нанесете много смущенья и всякаго горя. Скажу вамъ истинно и откровенно, что я никогда въ васъ не подозрѣвалъ никакой хитрости. Но было время, когда я нарочно хотѣлъ кольнуть васъ и попрекнуть нѣкоторыми письмами, желая васъ заставить взять нѣкоторую власть надъ самимъ собою и устыдиться своего малодушія. Это было сдѣлано неловко. Пожалуйста сожгите всѣ мои письма. Я теперь вижу, какъ разны человѣческія природы и какъ нельзя судить по себѣ о другомъ. Вы пишете о желаніи со мною увидѣться, но для этого никакъ не будетъ времени. Какъ ни пріятно мнѣ тоже васъ видѣть, но чувствую, что ничего не могу теперь сказать вамъ нужнаго. Я занятъ теперь совершенно самимъ собой и столько вижу въ себѣ самомъ достойнаго осужденія и упрековъ, что не въ силахъ ни осудить кого бы то ни было, ни дать умнаго совѣта. Чувствую только, что прежде всего слѣдуетъ заняться душой своей, хотя и самъ не знаю, какъ это сдѣлать. Что̀ же касается до житейскихъ заботъ и обстоятельствъ, то они теперь у всѣхъ плохи, положенье всѣхъ затруднительно. Все это заставляетъ меня не полагаться на то, что̀ будетъ, и ускорить отъѣздъ мой въ Святую Землю...

Я полагаю выѣхать на дняхъ,—тѣмъ болѣе, что оставаться въ Неаполѣ не совсѣмъ весело: въ городѣ неспокойно: что̀ будетъ, Богъ вѣсть.

Къ Н. Н. Ш — вой.

Неаполь. Генваря 22 (1848).

Ваше письмо, добрѣйшая Надежда Николаевна, получилъ. Благодарю васъ много за то, что не забываете меня. Въ слѣдствіе вашего наставленія, я осмотрѣлъ себя и вопросилъ, не имѣю ли чего

на сердцѣ противъ кого-либо, и мнѣ показалось, что ни противъ кого ничего не имѣю. Вообще у меня сердце незлобное, и я думаю, что я въ силахъ бы былъ простить всякому за какое бы то ни было оскорбленіе. Труднѣй всего примириться съ самимъ собой,— тѣмъ болѣе, что видишь, какъ всему виной самъ: не любятъ меня черезъ меня же, сердятся и негодуютъ на меня потому, что собственнымъ неразумнымъ образомъ дѣйствій заставилъ я на себя сердиться и негодовать. А неразумны мои дѣйствія оттого, что я не проникнулся святыней помысловъ, какъ слѣдуетъ на землѣ человѣку, и не умѣю исполнять съ младенческой и чистой простотой сердца слова и законы Того, Кто ихъ принесъ намъ на землю. Собираюсь въ путь, готовлюсь сѣсть на корабль ѣхать въ Святую Землю, а между тѣмъ — какъ мало похожу на человѣка, собирающагося въ путь! какъ много въ душѣ мелочныхъ земныхъ привязанностей, земныхъ опасеній! какъ малодушна моя душа! Другъ мой, молитесь обо мнѣ, молитесь крѣпче, чѣмъ когда-либо молились! Молитесь о томъ, чтобы Богъ далъ силы помолиться такъ, какъ долженъ молиться Ему на землѣ человѣкъ, Имъ созданный и облагодѣтельствованный! Поручите отслужить молебенъ о благополучномъ моемъ путешествіи такому священнику, о которомъ вы знаете, что онъ отъ всей души обо мнѣ помолится. Я прилагаю при семъ записочку того, о чемъ бы я хотѣлъ, чтобъ помолились, сверхъ того, что находится въ обоихъ молебнахъ...

На особомъ листкѣ.

Боже, сдѣлай безопаснымъ путь его, пребыванье въ Святой Землѣ благодатнымъ, а возвратъ на родину счастливымъ и благополучнымъ!

Преклони сердца людей къ доставленію ему покровительства, повсюду, гдѣ будетъ проходитъ онъ; возстанови тишину морей и укроти бурное дыханіе непогоды!

Душу же его исполни благодатныхъ мыслей во все время дороги его! Удали отъ него духа колебаній, духа помысловъ мятежныхъ и волнуемыхъ, духа суевѣрія, пустыхъ примѣтъ и малодушныхъ предчувствій, ничтожнаго духа робости и боязни!

Духъ же бодрости и силы, и несокрушимой въ Тебѣ надежды, Боже, всели въ него! Да окрѣпнетъ во всемъ благомъ и Тебѣ угодномъ, Господи!

Исправи его молитву и дай ему помолиться у Святаго Гроба о собратьяхъ и кровныхъ своихъ, о всѣхъ людяхъ земли нашей и о всей отчизнѣ нашей, о ея мирномъ времени, о примиреніи всего въ ней враждующаго и негодующаго, о водвореніи въ ней любви и о воцареніи Твоего царства, Боже!

Боже, не погляди на недостоинства его, но, ради молитвъ нашихъ усердныхъ и горячихъ, возсылаемыхъ нами отъ глубины сердецъ нашихъ, и ради молитвъ людей, Тебѣ угодныхъ, о немъ молящихся, удостой его, недостойнаго, грѣшнаго, о семъ помолиться и не возгнушайся принять отъ недостойныхъ устъ его сердечныя прошенія!

И сподоби его, Боже, возстать отъ Святаго Гроба съ обновленными силами, съ духомъ бодрымъ и освѣженнымъ возвратиться къ дѣлу и труду своему, на добро землѣ своей, на устремленье сердецъ нашихъ къ прославленью святаго имени Твоего!

Къ ней же.

1848. Мальта. Генваря 23.

Спѣшу написать къ вамъ нѣсколько строчекъ изъ Мальты. Вы видите, я уже въ дорогѣ. Хотя и не таково состояніе души моей, какого бы мнѣ хотѣлось, хотя случилось страдать немало моимъ слабымъ тѣломъ даже и во время этого небольшого морского переѣзда [въ сравненіи съ предстоящимъ большимъ]; но, слава Богу, я еще живъ, я еще могу надѣяться, что Богъ приведетъ состоянье души моей въ болѣе благодатное состояніе. О, если бы я приведенъ былъ въ возможность такъ помолиться, какъ угодно Богу, чтобы помолились Ему люди! Не останавливайтесь молиться о благополучномъ моемъ путешествіи, добрѣйшій другъ, Надежда Николаевна...

Къ С. П. Шевыреву.

(1848) генваря 25. Мальта.

Я всё ожидалъ, не будетъ ли отъ кого-нибудь изъ васъ мнѣ писемъ и не дождался! Отъ тебя, мой милый [и болѣе всѣхъ прочихъ исправный и великодушный другъ], мнѣ бы, право, уже слѣдовало имѣть отвѣтъ хотя на одно изъ моихъ трехъ довольно длинныхъ писемъ. Но, можетъ быть, гадкія Итальянскія почты въ эту минуту политической безтолковщины обезтолковѣли еще болѣе обыкновеннаго. Письма друзей и близкихъ въ это время мнѣ были нужны уже затѣмъ, чтобы видѣть, не осталось ли у кого чего-нибудь въ душѣ противу меня.

Что̀ касается до меня, то говорю тебѣ искренно и пожалуста скажи это отъ меня всѣмъ, какъ близкимъ друзьямъ, такъ и просто знакомымъ, что никакого неудовольствія ни противъ кого не питаю; что, напротивъ, разсмотря себя даже построже, вижу [такъ покрайней мѣрѣ мнѣ кажется], что любви у меня прибавилось скорѣе, чѣмъ убавилось, что, наконецъ, обвинять не могу никого, даже и тѣхъ, которыхъ бы, можетъ быть, прежде въ чемъ-нибудь обвинялъ, потому что виной всему самъ, и на какую сторону ни переворочу дѣло, всё вижу, что самъ подалъ поводъ я быть въ грѣхѣ другимъ людямъ. Обними пожалуста покрѣпче всѣхъ любящихъ и поблагодари крѣпче за любовь. Прочихъ проси простить. Какъ бы то ни было, но нужно прощать все тому человѣку, который отправляется въ дальній путь затѣмъ только, чтобы помолиться. Что̀ тутъ помышлять о современныхъ и тому подобныхъ всякихъ вопросахъ? Безъ этаго прощенья, какъ я помолюсь, и безъ того неумѣющій молиться? Какъ растопить мнѣ мою душу, холодную, черствую, неумѣющую отдѣлиться отъ земныхъ, себялюбивыхъ, низкихъ помышленій и даже отъ тѣхъ недостатковъ, которые видитъ она сама и которыхъ сама ненавидитъ?

Поблагодари пожалуста добрую Надежду Николаевну за то, что она не оставляла меня во все это время и писала ко мнѣ безпрестанно, не смотря на то, что отвѣчаю ли я, и если не отвѣчаю на письмо. Передай ей при семъ записку. Проси всѣхъ и особенно

добраго Сергѣя Тимооеевича, совокупно съ Константин. Сергѣев. и всѣмъ семействомъ, писать ко мнѣ въ Константинополь, или просто на имя Т***, или же на имя совѣтника посольства, моего соученика и однокашника, Халчинскаго Ивана Дмитріевича. Милаго Погодина проси также: скажи ему, что мнѣ будетъ особенно пріятно получить отъ него письмецо... За тѣмъ Богъ да хранитъ тебя со всѣми твоими цѣло и здраво, какъ въ душевномъ, такъ и въ тѣлесномъ здравіи!

Въ Мальтѣ я остаюсь немного дней, только затѣмъ, чтобы дождаться парохода, идущаго въ Александрію. Морская болѣзнь измучила меня сильно. Это для меня зло, котораго я боюсь больше всего въ моемъ путешествіи. Еще не было сильной бури, а уже меня привело въ такое состояніе безпрерывной рвоты, всякія десять минутъ, что я походилъ скорѣй на умирающаго, чѣмъ на сохраняющго въ себѣ залогъ жизни. До сихъ поръ едва прійти въ состояніе мыслить и чувствовать, и, какъ подумаю, что предстоятъ цѣлые дни безостановочнаго пребыванья на морѣ безъ заѣздовъ на твердую землю,—духъ захватываетъ. О, если бы Богъ былъ ко мнѣ милостивъ и далъ бы мнѣ все перенести невредимо, хотя и стоило бы меня за многое наказать всѣмъ этимъ! Но милосердіе Его такъ безмѣрно! Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты заказалъ два-три молебна о моемъ благополучномъ путешествіи, въ такихъ мѣстахъ и церквахъ, гдѣ увидишь священниковъ, усерднѣе другихъ молящихся...

Къ матери.

Іерусалимъ. Февраля 19, 1848.

Нѣсколько строкъ къ вамъ изъ Іерусалима. Благодаря Бога, я прибылъ сюда благополучно. Молился кое-какъ о себѣ, о васъ же поручилъ молиться тѣмъ, которые умѣютъ получше моего молиться. Пробуду здѣсь недолго, и если только благословитъ Богъ, то, можетъ быть, въ іюнѣ, или іюлѣ мѣсяцѣ загляну къ вамъ въ Малороссію. А вы по-прежнему не переставайте молиться обо мнѣ. Напоминаю вамъ объ этомъ потому, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствую безсиліе моей молитвы...

Къ Н. Н. Ш — вой.

Іерусалимъ. Февраля 19 (1848).

Увѣдомляю васъ, добрый другъ Надежда Николаевна, что я прибылъ сюда благополучно, помянулъ у Гроба Господня ваше имя. Примите отъ меня отсюда, изъ этого святого мѣста, благодарность за ваши молитвы. Безъ этихъ молитвъ, которыя возсылали и возсылаютъ обо мнѣ люди, умѣющіе лучше меня молиться, я бы ни въ чемъ не успѣлъ, — даже и въ томъ, чтобы попристальнѣе обсмотрѣть самого себя и увидѣть все недостоинство свое. Молитесь теперь о благополучномъ возвращеніи моемъ въ Россію и о дѣятельномъ вступленіи на поприще съ новыми и обновленными силами. Лѣтнее время проведу въ Малороссіи, а въ августѣ мѣсяцѣ, можетъ быть, загляну въ Москву...

Къ отцу Матвѣю.

Іерусалимъ. 1848 г., февраля $\frac{28}{16}$.

Пишу къ вамъ съ тѣмъ, чтобы сказать вамъ, что я здѣсь. Молитвами вашими и молитвами людей, угождающихъ Богу, я прибылъ сюда благополучно. У Гроба Господня я помянулъ ваше имя; молился какъ могъ моимъ сердцемъ, неумѣющимъ молиться. Молитва моя состояла только въ одномъ слабомъ изъявленіи благодарности Богу за то, что послалъ мнѣ васъ, безцѣнный другъ и Богомолецъ мой. Ваши письма мнѣ были очень нужны: они заставили меня лучше осмотрѣть себя и разобрать строже мои дѣйствія. Примите же еще разъ мою благодарность отсюда, изъ этого мѣста, освященнаго стопами Того, Кто принесъ намъ искупленье наше...

Къ В. А. Жуковскому.

1848. Іерусалимъ. Февраля $\frac{28}{16}$.

Пишу къ тебѣ нѣсколько строчекъ, безцѣнный другъ. И я, по примѣру многихъ другихъ, удостоился видѣть мѣсто и землю, гдѣ

совершилось дѣло искупленья нашего. Прибылъ я сюда благополучно, безъ всякихъ затрудненій, едва примѣтивши, что изъ Европы переступилъ въ Азію, почти безъ всякихъ лишеній и даже безъ утомленья. Уже успѣлъ произнесть твое имя у Гроба Господня. О, да поможетъ намъ Богъ, и тебѣ и мнѣ, собрать всѣ силы наши на произведенье твореній, нами несенныхъ въ глубинѣ душъ нашихъ, въ добро земли нашей, и да просвѣтитъ насъ свѣтомъ разума святого Евангелія Своего! Я здѣсь не остаюсь долго, спѣша возвратиться въ Россію вмѣстѣ съ моимъ старымъ школьнымъ товарищемъ, Базили, съ которымъ и прибылъ сюда и который, будучи нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Сиріи, завѣдываетъ дѣлами Іерусалима. Итакъ будь покоенъ на мой счетъ. Если Богъ не будетъ вопреки желанью, то увидимся въ Москвѣ и заживемъ вблизи другъ отъ друга...

Базили проситъ передать тебѣ свой поклонъ. Онъ написалъ пресудивительную вещь, которая покажетъ Европѣ Востокъ въ его настоящемъ видѣ, подъ заглавіемъ: »Сирія и Палестина«. Знанія бездна, интересъ силенъ. Я не знаю никакой книги, которая бы такъ давала знать читателю существо края.

Къ С. П. Шевыреву.

Байрутъ. Марта $\frac{18}{30}$ (1848).

Со времени выѣзда изъ Неаполя, я не имѣю (извѣстій) ни отъ кого изъ Россіи и не знаю, что̀ въ ней дѣлается. Здоровъ ли ты и здоровы ли всѣ близкіе намъ? Путешествіе мое, благодаря Бога, идетъ, покуда, довольно благополучно. Съ помощью генеральнаго нашего консула въ Сиріи, Базили, моего стараго товарища по школѣ, путь въ Іерусалимъ, черезъ Сидонъ и древній Тиръ и Акру, а оттуда черезъ Назаретъ, совершилъ. Жду здѣсь въ Байрутѣ только парохода, чтобы переѣхать въ Константинополь черезъ Смирну, гдѣ двѣнадцать дней буду въ карантинѣ. Пробывши нѣсколько времени въ Константинополѣ — въ Одессу, изъ Одессы — въ Малороссію, что̀ придется, можетъ быть, въ концѣ іюня. Лѣто проведу въ Малороссіи.

Въ августѣ мѣсяцѣ хочется въ Москву и въ ней обнять васъ. Пиши мнѣ въ Полтаву, прибавляя: »Оттуда въ деревню Васильевку.« Твои письма мнѣ будутъ лучшій подарокъ, какой можно придумать. Увѣдоми подробнѣе, сколько возможно, о себѣ и о всѣхъ нашихъ знакомыхъ, съ извѣщеньемъ, кто куда перебирается на лѣто, а кто остается въ Москвѣ. Погодину скажи, что я жду съ нетерпѣньемъ извѣстій обо всемъ, что̀ онъ дѣлаетъ. Сергѣю Тимоѳеевичу дай при семъ прилагаемую записочку. Кто также ко мнѣ напишетъ о себѣ, много обяжетъ. Я точно въ потьмахъ и чувствую только одно алканіе *знать*...

Если что̀ вышло замѣчательнаго на дняхъ изъ книгъ, пожалуста пришли.

Скажи Малиновскому, что я его очень благодарю за письма. Я перечелъ ихъ въ другой разъ и, въ слѣдствіе того, осмотрѣлся еще построже и на себя, и на разныя другія вещи. Я его прошу журнала не прерывать. Отъ этого обоюдная польза, и его, и моя. Онъ меня очень обяжетъ, если пришлетъ еще нѣсколько листковъ ко мнѣ въ Полтаву.

Къ П. А. Плетневу.

1848, апрѣля 2. Байрутъ.

Увѣдомляю тебя, безцѣнный другъ мой, что я, слава Богу, живъ и здоровъ, въ удостовѣреніе чего и посылаю тебѣ сіе свидѣтельство, по которому ты можешь взять изъ казначейства остальныя мои деньги и держать ихъ у себя до времени пріѣзда моего на родину. Покуда, въ путешествіи, я въ нихъ не предвижу надобности: кажется, станетъ съ тѣмъ, что̀ при себѣ, возвратиться въ Россію. Путешествіе въ Іерусалимъ совершилъ я благополучно. Отсюда отправляюсь въ Константинополь черезъ Смирну, гдѣ предстоитъ 12 дней карантина. Обозрѣвши Константинополь и все, что̀ вблизи его,—въ Одессу; въ серединѣ лѣта—въ Малороссію, гдѣ долженъ буду погостить у матери; осенью — въ Москву, а тамъ увижу, можно ли мнѣ будетъ успѣть съѣздить въ Петербургъ обнять тебя и немногихъ близкихъ намъ, или отложить до весны.

Во всякомъ случаѣ, ты меня увѣдомь о себѣ и обо всемъ, что ни относится къ тебѣ—и гдѣ ты будешь лѣтомъ, и гдѣ потомъ. Напиши теперь же, не отлагая времени, и адрессуй письмо въ Полтаву, присовокупя: »А оттуда въ деревню Васильевку.« Доставь при семъ слѣдующее письмецо С**ой. Обнимаю тебя отъ всей души, безцѣнный и добрый мой, и Богъ да хранитъ тебя здрава и невредима.

Усердная просьба: возьми у графа сочиненіе подъ названіемъ: »Анализъ Греческаго Языка«, изданное на Латинскомъ языкѣ, въ концѣ прошлаго, кажется, вѣка, Французомъ Бодо, или Будуа,—большой томъ in-folio, и перешли мнѣ его въ Полтаву. Увѣдоми меня также, посланы ли деньги, 100 р. с., Ржевскому священнику. А самое главное — ради Бога, не позабудь меня надѣлить извѣстіями о себѣ...

Къ N F.

Байрутъ. Апрѣля 4 (1848).

Увѣдомляя васъ, добрый, безцѣнный другъ мой N F, что путешествіе мое въ Іерусалимъ я совершилъ благополучно и что лѣтомъ надѣюсь быть въ Россіи, прошу васъ убѣдительно увѣдомить меня о себѣ подробно и обстоятельно, гдѣ и какъ мнѣ васъ найти. Адрессуйте въ Полтаву, а оттуда въ Васильевку. Это деревенька моей матери, у которой я долженъ буду прогостить конецъ лѣта. Напишите теперь же не откладывая. Мнѣ хочется, по пріѣздѣ моемъ, застать ваше письмо уже тамъ...

Къ В. А. Жуковскому.

1848 г. Байрутъ. Апрѣля 6.

Пишу къ тебѣ, безцѣнной и родной мой, нѣсколько строчекъ изъ Байрута, за нѣсколько часовъ до отъѣзда съ пароходомъ въ Смирну и Константинополь. Уже мнѣ почти не вѣрится, что и я былъ въ Іерусалимѣ. А между тѣмъ я былъ точно, я говѣлъ и

пріобщался у самого Гроба святого. Литургія совершалась на самомъ Гробовомъ камнѣ. Какъ это было поразительно! Ты уже знаешь, что пещерка, или вертепъ, въ которомъ лежитъ Гробовая доска, не выше человѣческаго роста; въ нее нужно входить нагнувшись въ поясъ; больше трехъ поклонниковъ въ ней не можетъ помѣститься. Передъ нею маленькое преддверіе, кругленькая комнатка почти такой же величины съ небольшимъ столбикомъ посерединѣ, покрытымъ камнемъ [на которомъ сидѣлъ ангелъ, возвѣстившій о воскресеніи]. Это преддверіе на это время превратилось въ олтарь. Я стоялъ въ немъ одинъ; передо мною только священникъ, совершавшій литургію; діаконъ, призывавшій народъ къ моленію, уже былъ позади меня, за стѣнами Гроба; его голосъ уже мнѣ слышался въ отдаленіи. Голосъ же народа и хора, ему отвѣтствовавшаго, былъ еще отдаленнѣе. Соединенное пѣніе Русскихъ поклонниковъ, возглашавшихъ *Господи помилуй* и прочіе гимны церковные, едва доходило до ушей, какъ-бы исходившее изъ какой-нибудь другой области. Все это было такъ чудно! Я не помню, молился ли я. Мнѣ кажется, я только радовался тому, что помѣстился на мѣстѣ, такъ удобномъ для моленья и такъ располагающемъ молиться; молиться же собственно я не успѣлъ. Такъ мнѣ кажется. Литургія неслась, мнѣ казалось, такъ быстро, что самыя крылатыя моленья не въ силахъ бы угнаться за нею. Я не успѣлъ почти опомниться, какъ очутился передъ чашей, вынесенной священникомъ изъ вертепа, для пріобщенья меня, недостойнаго..... Вотъ тебѣ всѣ мои впечатлѣнія изъ Іерусалима. Дай мнѣ извѣстія о себѣ и о всемъ, чтò тебя касается, скорѣй, какъ можно. Я не имѣю до сихъ поръ еще отвѣта ни на длинное мое письмо изъ Неаполя, ни на письмо изъ Іерусалима...

П. А. Плетневу.

Конст. апрѣля $\frac{14}{26}$ (1848).

Въ Константинополѣ мнѣ не размѣняли векселя, который просроченъ. Въ другія времена эта просрочка не значила бы ничего, и мнѣ выдавали бы даже съ выгодою; но теперь, при безпрестан-

ныхъ нынѣшнихъ банкротствахъ, не выдаютъ ни по какому векселю, не сдѣлавши прежде предварительныхъ изслѣдованій, живъ ли такой-то домъ, на имя котораго дается вексель. Посылаю тебѣ этотъ вексель и убѣдительно прошу переговорить съ самимъ Штиглицемъ, изъяснивъ ему, что я долго скитался на Востокѣ, въ такихъ странахъ, гдѣ нѣтъ банкировъ, и потому акцентировать его не могъ; а маленькіе банкиры не что иное, какъ мѣнялы, и по векселямъ не выдаютъ. Если деньги получишь, то двѣ тысячи руб. асс. пришли мнѣ въ Полтаву, остальныя держи при себѣ...

Къ матери.

Одесса. Апрѣля 21, 1848 г.

Я ступилъ на Русской берегъ довольно благополучно. Пишу къ вамъ изъ карантина, въ которомъ просижу недѣли двѣ, да недѣли двѣ, можетъ быть, проживу въ Одессѣ. Успѣлъ видѣться два раза съ нашимъ добрымъ Андреемъ Андреевичемъ, который не забылъ навѣстить меня на другой день по прибытіи. Вѣсти встрѣтили меня печальныя. Безпрестанно узнаешь про смерть кого-нибудь изъ близкихъ людей, или же какія-нибудь смуты. Не знаю еще навѣрно, проживу ли я у васъ больше двухъ недѣль. Мнѣ нужно успѣть въ продолженіе лѣта сдѣлать многія нужныя поѣздки. Времена наступили такія, въ которыя нельзя думать о собственныхъ удовольствіяхъ и мирномъ провожденіи времени; нужно покрѣпче молиться. Помолитесь о мирѣ и соединеніи всѣхъ, а также и моемъ благополучномъ путешествіи. Если не въ концѣ мая, то, можетъ быть, въ іюнѣ могу быть въ Полтавѣ. Покамѣстъ, я здоровъ...

Къ С. П. Шевыреву.

Одесса. 21 апрѣля (1848).

Благодаря Бога, достигнулъ я благополучно Россіи. Пишу къ тебѣ изъ карантина. Твое милое письмо отъ $\frac{16}{28}$ февраля получилъ я въ Константинополѣ [большого письма твоего я не получилъ, хотя

и оставилъ въ Неаполѣ свой адрессъ]. Я вижу изъ письма твоего, что тебѣ было трудно и, можетъ быть, даже очень трудно. Теперь ты, вѣрно, успокоился. Я такъ подумалъ, пробѣжавши 4 № »Москвитянина«. Въ письмѣ Жуковскаго, бывшемъ для меня истинно пріятною нечаянностью, есть столько утѣшительнаго! Оно, вѣрно, сказало тебѣ много и ободрило. Я замѣтилъ уже силу и твердость въ тѣхъ строкахъ твоихъ, которыя успѣлъ пробѣжать въ томъ же № журнала. Храни тебя Богъ! Я вижу, что ты не напрасно взялся за журналъ. Голосъ твой теперь нуженъ, но, мнѣ кажется, всѣмъ намъ слѣдуетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ теперь, больше чѣмъ когда-либо прежде, *умѣрять себя*, помня ежеминутно, что мы всѣ нервически-неспокойны въ нынѣшнюю эпоху. Очень было бы хорошо, если бы мы въ печатныхъ статьяхъ нашихъ, обращенныхъ противу кого-либо, исполняли этотъ простой долгъ въ отношеніи къ ближнему, который предписанъ намъ въ простомъ быту нашемъ. Часто я думаю: »Неужели невозможно это литератору? Неужели нельзя, во время писанья статьи своей, поставить себя передъ лицо Того, Котораго законы и повелѣнія намъ уже почти извѣстны?« Я думаю, что отъ этого все бы у насъ вылилось яснѣе и лучше. Душа была бы спокойнѣе. Что сказать тебѣ объ этихъ сплетняхъ, въ которыя иногда впутываются люди, близкіе намъ? Я испыталъ эти положенья. Мнѣ не мало удавалось слышать о себѣ всякихъ сплетней; въ этихъ сплетняхъ мнѣ открывалось только нѣсколько глубже человѣческое сердце; а выводъ я сдѣлалъ себѣ тотъ, что нужно быть съ людьми, которые распустили про насъ сплетни, такъ, какъ-бы они о насъ ничего не распускали. [Едва ли сплетни есть произведеніе людское.] Нужно входить всюду просто, съ открытымъ лицомъ; нужно, чтобы увѣрились наконецъ люди, что ты такой человѣкъ, надъ которымъ сплетни не имѣютъ никакой власти: тогда, мнѣ кажется, сплетни и всякія путанья исчезнутъ сами собою. Но я, кажется, заговорился, и письмо мое начинаетъ отзываться нравоученьемъ. Прости, меня подвигнуло къ тому желанье сказать тебѣ что-нибудь утѣшительное на двѣ грустныя строки твоего письма.

Подпишись за меня на »Москвитянинъ« въ конторѣ, мимо свѣдѣнія Погодина. Даромъ мнѣ бъ не хотѣлось, — тѣмъ болѣе, что

онъ долженъ высылаться на имя матери моей. Мнѣ кажется, что и всѣ прочіе пріятели Погодина и »Москвитянина« должны бы поступать такъ же: оно, кажется, бездѣлица, но сдѣлай это человѣкъ семь-восемь да посовѣтуй и другимъ то же, — отъ этого обстоятельства Погодина всё бъ таки были лучше.

Прощай! обнимаю тебя крѣпко, такъ же, какъ и всѣхъ близкихъ намъ.

Скажи тѣмъ, которые усомнились во мнѣ, что, каковы бы ни были обстоятельства и случаи, и какъ бы кто ни перемѣнился относительно меня, все это не имѣетъ ни какого совершенно вліянія на степень и количество моей привязанности къ нимъ. Всѣ образы людей, съ которыми я ни столкнулся въ моей жизни, такъ стали теперь милы душѣ, даже и тѣ, которые не были очень близки, они такъ уже вошли въ самое существо мое, что не могу ихъ вырвать, даже если бы въ минуту глупости своей и захотѣлъ это сдѣлать: безъ нихъ было бы пустыней мое сердце. Прощай!

Мнѣ кажется подъ-часъ, что все то, о чемъ такъ хлопочемъ и строимъ, есть, просто, суета, какъ и все въ свѣтѣ, и что объ одной только *любви* слѣдуетъ намъ заботиться. Она одна только есть истинно вѣрная и доказанная *истина.* Кто проникнутъ ею, тотъ говори прямо обо всемъ: правда повѣетъ отъ словъ его. О, да поможетъ намъ Богъ, и тебѣ, и мнѣ, возрастить эту любовь въ сердахъ нашихъ!...

Къ отцу Матвѣю.

Одесса. 21 апрѣля (1848).

Въ Константинополѣ нашелъ я драгоцѣнное для меня письмо ваше. Оно было для меня освѣжающимъ напутствіемъ. Всякая строка его была какъ-бы отвѣтомъ на вопросъ моего бѣднаго, пребывающаго въ грѣховной тьмѣ сердца. Но только какъ вы добры, какъ милосерды! Вы, сверхъ писемъ, за которыя я въ силахъ буду возблагодарить развѣ *тамъ,* а не *здѣсь,* положили себѣ молиться обо мнѣ всякій день. Часто я думалъ: »За что Богъ такъ милуетъ меня и такъ много даетъ мнѣ вдругъ?« и могу только объ-

яснить себѣ это тѣмъ, что мое положенье дѣйствительно всѣхъ опаснѣе, и мнѣ труднѣе спастить, чѣмъ кому другому. Много мнѣ бы захотѣлось сказать вамъ, но это заняло бы страницы и весьма легко перешло бы въ многословіе, — можетъ быть, даже въ ложь... Духъ-обольститель такъ близко отъ меня и такъ часто обманывалъ, заставляя меня думать, что я уже владѣю тѣмъ, къ чему еще только стремлюсь и что̀, покуда, пребываетъ только въ головѣ, а не въ сердцѣ! Скажу вамъ, что еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима. Только развѣ что больше увидѣлъ черствость свою и свое себялюбье, вотъ весь результатъ! Была одна минута... но какъ смѣть предаваться какой бы то ни было минутѣ, испытавши уже на дѣлѣ, какъ близко отъ насъ искуситель! Страшусь всего, видя ежеминутно, какъ хожу опасно. Блеститъ вдали какой-то лучъ спасенья — святое слово *любовь*. Мнѣ кажется, какъ-будто теперь становятся мнѣ милѣе образы людей, чѣмъ когда-либо прежде, какъ-будто я гораздо больше способенъ теперь любить, чѣмъ когда-либо прежде. Но Богъ знаетъ, можетъ быть, и это такъ только кажется; можетъ быть, и здѣсь играетъ роль искуситель... Молитесь обо мнѣ, великодушная душа! вотъ все, что̀ можетъ сказать вамъ мое сердце; и слезы, въ эту минуту упавшія на этотъ листъ бумаги, просятъ васъ о томъ же. Не позабывайте меня иногда двумя-тремя строками письма. Вѣдь вамъ это легко; вамъ нечего думать надъ тѣмъ, что̀ сказать мнѣ. Вы знаете, что вы сами по себѣ ничего не можете сдѣлать и ничего не можете мнѣ сказать, безъ Бога, могущаго направить все мнѣ кстати...

Къ графу А. П. Т—му.

Апрѣля $\frac{25}{13}$ (1848).

Узнавши, что вы будете въ Константинополѣ, оставляю вамъ нѣсколько строчекъ, безцѣнный другъ мой Александръ Петровичъ. Я не писалъ къ вамъ потому только изъ Іерусалима, что не зналъ, гдѣ вы. Путешествіе свое совершилъ я благополучно. Я былъ здоровъ во все время,—больше здоровъ, чѣмъ когда-либо прежде. Удо-

стоился говѣть и пріобщиться Св. Тайнъ у самого святаго Гроба. Все это свершилось силою чьихъ-то молитвъ, чьихъ именно — не знаю; знаю только, что не моихъ. Мои же молитвы даже не въ силахъ были вырваться изъ груди моей, не только возлетѣть, и никогда еще такъ ощутительно не видѣлась мнѣ моя безчувственность, черствость и деревяность Пріѣхавши въ Константинополь, нашелъ я здѣсь письмо ко мнѣ Матвѣя Александровича. Что вамъ сказать о немъ? По-моему, это умнѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ, какихъ я доселѣ зналъ, и если я спасусь, такъ это, вѣрно, въ слѣдствіе его наставленій, если только, нося ихъ передъ собой, буду входить больше въ ихъ силу.

Напишите мнѣ о себѣ. Не позабудьте подробностей. Вы можете почувствовать сами, какъ мнѣ хочется знать все, что ни относится къ вамъ: многое уже насъ такъ связало... адрессуйте въ Полтаву а оттуда въ деревню Васильевку. Это имѣньице моей матери, гдѣ я пріостановлюсь на лѣто. А между тѣмъ рекомендую вамъ моего сотоварища по школѣ, Х****. Онъ очень добраго сердца, благороденъ и весьма дѣльный человѣкъ. Софья Петровна, кажется, его не узнала...

Къ N F.

(1848.)

Какъ мнѣ грустно, что вы до сихъ поръ еще такъ страждете, другъ мой! Бодритесь и крѣпитесь духомъ, или лучше — сложите руки крестомъ и произносите: »Да будетъ воля Твоя, Господи!« Нервы—этотакого рода болѣзнь, которая не оставитъ насъ по тѣхъ поръ, покуда весь не выболѣешься и не наберется душа въ этой болѣзни запасовъ на всю остальную жизнь. Не попробуете ли вы моря? оно одно помогаетъ нервамъ. Извѣстите, сколько времени вы остаетесь еще въ Петербургѣ. Я слышалъ, что ND назначенъ въ Москву. Это бы хорошо. Мы бы тогда всю зиму были вмѣстѣ. Жуковскій также. Прощайте; обнимаю васъ. Меня еще Богъ держитъ на свѣтѣ, хотя вокругъ повсюду холера и всякія болѣзни. Люди умираютъ толпами...

Къ F Z.

(1848.)

Гдѣ вы и что̀ съ вами, моя добрая FZ? Напишите мнѣ нѣсколько строкъ о себѣ, о Z* Z*, о Z* Z и обо всемъ, что̀ касается всѣхъ васъ, отъ мала до велика. Я еще существую и кое-какъ держусь на свѣтѣ. Уцѣлѣю ли дальше среди множества вокругъ меня болѣющихъ и умирающихъ отъ холеры и всякихъ смертоносныхъ недуговъ — это, разумѣется, зависитъ отъ воли Бога. Но если я не смущусь ничѣмъ и пребуду твердъ среди явленій возмущающихъ, и, не упавши духомъ, буду въ силахъ, посреди потрясающей безтолковщины времени, удержаться на своемъ мирномъ поприщѣ литературномъ и быть пѣвцомъ мира и тишины посреди брани; то это будетъ истинное чудо, милость Божья, которой и надѣяться не смѣю, но о которой просить всё-таки хочется...

Къ Н. Н. Ш—вой.

Мая 16 (1848). Деревня Васильевка.

Ваше письмо получилъ съ особеннымъ удовольствіемъ, мой добрый другъ Надежда Николаевна. Благодаря Бога, достигнулъ я земной родины благополучно; достигну ли благополучно небесной? вотъ вопросъ, который долженъ бы меня занимать теперь всего. Но, къ стыду моему, долженъ признаться, что я далеко сердцемъ отъ этого вопроса. Голова думаетъ о немъ, но сердце не растопилось, не пламенѣетъ стремленьемъ къ нему. У Гроба Господня я былъ какъ-бутто затѣмъ, чтобы *тамъ*, на мѣстѣ, почувствовать, какъ много во мнѣ холода сердечнаго, какъ много себялюбія и самолюбія. Итакъ *далеко* отъ меня то, что̀ я полагалъ чуть не *близко*. При всемъ томъ, меня живитъ еще лучъ надежды. Я и доселѣ также лепечу холодными устами и черствымъ сердцемъ ту же самую молитву, которую лепеталъ и прежде. Мысль о моемъ давнемъ трудѣ, о сочиненіи моемъ, меня не оставляетъ. Всё мнѣ такъ же, какъ и прежде, хочется такъ произвесть его, чтобъ оно

имѣло доброе вліяніе, чтобъ образумились многіе и обратились бы къ тому, что должно быть вѣчно и незыблемо. Другъ мой, молитесь обо мнѣ. Если Богъ, молитвами вашими и другихъ Ему угодныхъ людей, спасъ меня и пронесъ благополучно сквозь всѣ земли, то Онъ властенъ также озарить меня мудростью, необходимой для совершенья труда моего...

Къ А. С. Данилевскому.

16 мая (1848). Васильевка.

Твое письмо принесло мнѣ также много удовольствія. Ты спрашиваешь меня о впечатлѣніяхъ, какія произвелъ во мнѣ видъ давно покинутыхъ мѣстъ. Было нѣсколько грустно, вотъ и все. Подъѣхалъ я вечеромъ. Деревья — одни разрослись и стали рощей, другія вырубились. Я отправился того же вечера одинъ степовой дорогой, позади церкви, ведущей въ Яворовщину, по которой любилъ ходить нѣкогда, и почувствовалъ *сильно*, что тебя нѣтъ со мной. Вѣроятно, того же вечера я былъ бы въ Толстомъ, но Толстое пусто, и мнѣ стало еще грустнѣе. Все это было въ день моихъ имянинъ, 9 мая. Матушка и сестры, вѣроятно, были рады до nec plus ultra моему пріѣзду, но наша братья, холодной мужеской полъ, не скоро растапливается. Чувство непонятной грусти бываетъ къ намъ ближе, чѣмъ что-либо другое...

Къ К. С. Аксакову.

Іюнь 3 (1848). Васильевка.

Откровенность прежде всего, Константинъ Сергѣевичъ. Такъ какъ вы были откровенны и сказали въ вашемъ письмѣ все, что было на душѣ, то и я долженъ сказать о тѣхъ ощущеніяхъ, которыя были во мнѣ при чтеніи письма вашего. Во-первыхъ, меня нѣсколько удивило, что вы, намѣсто извѣстій о себѣ, распространились о книгѣ моей, о которой я уже не полагалъ услышать что-

либо по возвратѣ моемъ на родину. Я думалъ, что о ней уже всѣ толки кончились и она предана забвенію. Я, однакоже, прочелъ со вниманьемъ три большія ваши страницы. Многое въ нихъ дало мнѣ знать, что вы съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались, слѣдили [историческимъ и философическимъ путемъ] существо природы Русскаго человѣка и, вѣроятно, сдѣлали не мало значительныхъ выводовъ. Тѣмъ съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ жажду прочесть вашу драму, которой, покуда, въ рукахъ не имѣю. Вотъ еще вамъ одна мысль, которая пришла мнѣ въ голову въ то время, когда я прочелъ слова письма вашего: »Главный недостатокъ книги есть тотъ, что она — ложь.« Вотъ что̀ я подумалъ. Да кто же изъ насъ можетъ такъ рѣшительно выразиться, кромѣ развѣ того, который увѣренъ, что̀ онъ стоитъ на верху истины? Какъ можетъ кто-либо [кромѣ говорящаго развѣ Святымъ Духомъ] отличить, что̀ ложь и что̀ истина? Какъ можетъ человѣкъ, подобный другому, страстный, на всякомъ шагу заблуждающійся, изречь справедливый судъ другому въ такомъ смыслѣ? Какъ можетъ онъ, неопытный сердцезнатель, назвать ложью сплошь, съ начала до конца, какую бы то ни было душевную исповѣдь, онъ, который-и самъ есть ложь, по слову апостола Павла? Неужели вы думаете, что въ вашихъ сужденіяхъ о моей книгѣ не можетъ также закрасться ложь? Въ то время, когда я издавалъ мою книгу, мнѣ казалось, что я ради одной истины издаю ее; а когда прошло нѣсколько времени послѣ изданія, мнѣ стало стыдно за многое, многое, и у меня не стало духа взглянуть на нее. Развѣ не можетъ случиться того же и съ вами? Развѣ и вы не человѣкъ? Какъ вы можете сказать, что вашъ нынѣшній взглядъ непогрѣшителенъ и вѣренъ, или что вы не измѣните его никогда? тогда какъ, идя по той же дорогѣ изслѣдованій, вы можете найти новыя стороны, дотолѣ вами незамѣченныя; въ слѣдствіе чего, и самый взглядъ уже не будетъ совершенно тотъ, и, что̀ казалось прежде *цѣлымъ*, окажется только частью цѣлаго. Нѣтъ, Константинъ Сергѣевичъ, есть духъ обольщенія, духъ-искуситель, который не дремлетъ и который такъ же хлопочетъ и около васъ, какъ около меня, и, увы! чаще всего бываетъ онъ возлѣ насъ въ то время, когда думаемъ, что онъ далеко, что мы освободились отъ него и отъ лжи и что самая истина го-

ворить нашими устами. Вотъ какія мысли пришли мнѣ въ то время, когда я читалъ приговоръ вашъ книгѣ, на которую до сихъ поръ еще не имѣлъ духу взглянуть! Скажу вамъ также, что мнѣ становится теперь страшно всякой разъ, когда слышу человѣка, возвѣщающаго слишкомъ утвердительно свой выводъ, какъ непреложную, непогрѣшительную истину. Мнѣ кажется, лучше говорить съ меньшей утвердительностью, но приводить больше *доказательствъ*.

Драму вашу (1) я прочту со вниманьемъ и даю вамъ слово не скрыть своего мнѣнія. Она тѣмъ болѣе для меня интересна, что, вѣроятно, въ ней я отыщу яснѣйшее изложеніе всего того, о чемъ вы говорите въ письмѣ вашемъ нѣсколько неопредѣленно и неясно. Покуда, не сердитесь на критики въ журналахъ и не называйте ихъ также слѣдствіями вражды, зависти и тому подобнаго. Во всякой изъ нихъ можетъ быть та частица правды, которая только сначала колетъ въ глаза, но если прочтешь нѣсколько разъ, она будетъ цѣлительна и полезна...

Къ С. Т. Аксакову.

(1848) іюня 8-го. Васильевка.

Какъ вы меня обрадовали вашими строчками, добрый другъ мой! Но меня печалитъ, что вы такъ часто хвораете. Ради Бога, берегите себя. Не позабывайте ни на часъ, что ваша натура, нервически-пылкая, склонна болѣе другихъ къ простудамъ. Теперь вечера очень опасны, — именно оттого, что дни невыносимо жарки и въ воздухѣ засуха. Имѣйте всегда кого-нибудь при себѣ съ плащомъ, который бы могъ набросить его на васъ въ ту же минуту, какъ только станетъ холодѣть..... Теперь тысячами вокругъ болѣютъ и мрутъ. Въ Полтавской губерніи свирѣпствуетъ холера почти повсемѣстно, и въ самой Полтавѣ. Богъ да хранитъ васъ!

Драмы Константина Сергѣевича я еще не имѣю; сегодня, однако, пришло объявленіе о посылкѣ. Вѣроятно, это она. Я ее

(1) »Освобожденіе Москвы.« *П. К.*

прочту съ любопытствомъ уже потому, что въ ней долженъ заключаться вопросъ, рѣшеніемъ котораго я серьезно теперь занятъ не менѣе самого Константина Сергѣевича...

Къ П. А. Плетневу

Іюня 8 (1848). Д. Васильевка.

Жаль векселя! Но такъ какъ въ нынѣшнее время всѣмъ приходится нести потери и утраты имуществъ, то почему же не понести и мнѣ! Размѣняй 3-й билетъ въ 571 р. и пришли сюда въ Полтаву. Увѣдоми меня, поступилъ ли въ число означенныхъ тобою четырехъ билетовъ тотъ вексель, который былъ посланъ мнѣ Прокоповичемъ и препровожденъ, много годъ тому назадъ, ко мнѣ. Въ это время пролетѣло столько событій всякаго рода, какъ мимо меня, такъ и внутри меня, что я начинаю позабывать совершенно порядокъ дѣлъ моихъ. У тебя же все это, по обыкновенію, въ порядкѣ, съ означеніемъ, безъ сомнѣнія, и мѣсяцевъ, и дней, въ какіе что̀ было ко мнѣ отправлено. Если когда-нибудь въ свободное время не побрезгаешь сдѣлать объ этомъ записочку [ее же выйдетъ пять-шесть строчекъ всего], то меня весьма обяжешь.

Я еще ни за что̀ не принимался. Покуда, отдыхаю отъ дороги. Брался-было за перо, но — или жаръ утомляетъ меня, или я всё еще не готовъ; а между тѣмъ я чувствую, что, можетъ, еще никогда не былъ такъ нуженъ трудъ, составляющій предметъ давнихъ обдумываній моихъ и помышленій, какъ въ нынѣшнее время. Хоть что̀-нибудь вынести на свѣтъ и сохранить отъ этого всеобщаго разрушенія — это уже есть подвигъ всякаго честнаго гражданина.

Какъ мнѣ скорбно, что бѣдная С**ва такъ страдаетъ! Передай ей это маленькое письмецо...

Къ С. П. Шевыреву.

(1848). Д. Васильевка, 14 іюня.

Благодарю тебя за милое письмецо [отъ 17 мая]. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я на родинѣ, гдѣ, кажется, мнѣ, покуда, нѣсколько пусто, хотя самъ не знаю, отчего; ничего не мыслится и не пишется; голова тупа. Въ будущемъ предстоитъ голодъ и та же повсюдная безтолковщина. Если Богъ не вмѣшается наконецъ Самъ въ дѣло, люди погибнутъ отъ собственной глупости. Глупость дѣлаетъ въ послѣднее время успѣхи неимовѣрные, и кто кого глупѣе — это теперь неразрѣшаемая задача. Чрезъ мѣсяцъ, или съ небольшимъ, если Богъ дастъ, надѣюсь быть съ тобой. Ты, однакоже, отзовись на это письмо, и извѣсти меня, гдѣ ты и какъ тебя найти.

Отъ Сергѣя Тимоѳ. я получилъ письмо доброе и радушное. Если увидишь его, скажи, что я ему отвѣчалъ, адрессуя, по его же указанію, въ Сергіевскій посадъ. Я получилъ письмо и отъ Константина Серг., болѣе юношеское, нежели когда-либо прежде. Драму его я пробѣжалъ, но такъ бѣгло, что, безъ сомнѣнья, еще не могу дать никакого рѣшительнаго своего сужденія. Покуда, развѣ вотъ вопросъ: отчего же она пробѣжалась бѣгло и не заставила втянуться въ себя? и еще вопросъ: отчего историческія драмы наши кажутся блѣднѣй и одностороннѣй исторіи?

Прохладно ли сколько-нибудь въ Сокольникахъ? Здѣсь такіе жары повсюду, что не находишь мѣста, куда укрыться. Я не помню въ Италіи такой томительной духоты, даже во время широкко.

Передай поклонъ мой Ч***, если она еще въ Москвѣ. Щепкина обними и скажи, что нетерпѣливо желаю его видѣть. За тѣмъ обними себя и всю дорогую семью, начиная съ С. Б. и оканчивая лицомъ, можетъ быть, мнѣ неизвѣстнымъ, если только Богъ его тебѣ далъ...

Къ В. А. Жуковскому.

Полтава. Іюнь 15, 1848.

Твое милое письмецо, посланное изъ Франкфурта въ Полтаву, получилъ. Большое же, напечатанное въ »Москвитянинѣ«, прочелъ

еще въ Одессѣ, на другой день послѣ того, какъ ступилъ на Русской берегъ. Оно очень, очень дѣльно, понравилось многимъ, а меня освѣжило. Никогда еще такъ вѣрно и такъ прекрасно не было сказано о долгѣ писателя; никогда еще, можетъ быть, не было такъ нужно сказать это, какъ въ нынѣшнее время. Я, покуда, слава Богу, еще здравствую и живу, хотя время не весьма здоровое и вокругъ вездѣ болѣзни. Еще не принимаюсь серьезно ни за что̀ и отдыхаю съ дороги, но между тѣмъ внутренно молюсь и собираю силы на работу. Какъ ни возмутительны совершающіяся вокругъ насъ событія, какъ ни способны они отнять миръ и тишину, необходимые для дѣла, но тѣмъ не менѣе нужно быть вѣрну главному поприщу; о прочемъ позаботится Богъ. Что̀ мы можемъ выдумать теперь для нашего земного благосостоянія, или обезпеченія себя, или обезпеченія близкихъ намъ, когда все невѣрно и непрочно, и за завтрешній день нельзя ручаться? Будемъ же исполнять то, для (чего) намъ даны Богомъ силы и способности и въ истинѣ чего залогомъ служатъ тѣ сладкія минуты, которыя мы въ жизни ощущали, послѣ которыхъ и лучше молилось, и лучше благодарилось, и лучше чувствовалось добро. Что̀ намъ до того, производятъ ли вліянье слова наши, слушаютъ ли насъ! Дѣло въ томъ, остались ли мы сами вѣрны прекрасному до конца дней нашихъ, умѣли ли возлюбить его такъ, чтобы не смутиться ничѣмъ, вокругъ насъ происходящимъ, и чтобы пѣть ему безустанно пѣснь и въ ту минуту, когда бы валился міръ и все земное разрушалось. Умереть съ пѣньемъ на устахъ — едва ли не таковъ неотразимой долгъ для поэта, какъ для воина умереть съ оружьемъ въ рукахъ.

Еще съ полмѣсяца я пробуду здѣсь, потомъ ѣду въ Москву, изъ Москвы съѣзжу на мѣсяцъ въ Петербургъ, чтобы взглянуть на многое собственнымъ глазомъ. По дорогѣ зацѣплю нѣкоторыя мѣста и даже, можетъ быть, сворочу нѣсколько съ дороги вовнутрь Руси, чтобы освѣжить свою память и все-таки набраться кое-какихъ нужныхъ матеріаловъ. О дальнѣйшемъ извѣщу. Письма адрессуй мнѣ всегда въ Москву, на имя Шевырева...

Къ П. А. Плетневу.

Д. Васильевка. Іюля 7 (1848).

Пишу къ тебѣ больной, едва оправившійся отъ изнурительнаго (недуга), который въ три дни оставилъ отъ меня одну тѣнь. Впрочемъ это, слава Богу, еще не холера, а просто (недугъ) отъ нестерпимыхъ жаровъ, томительнѣе которыхъ, я думаю, не бываетъ въ самой Африкѣ. Никакого освѣженія даже по ночамъ. Холера вездѣ вокругъ, и, я думаю, еще никогда не была она такъ повсемѣстна и скоро разносима. Маленькую довѣренность [въ разсужденіи того, что она на восьмушкѣ] при семъ прилагаю. Если по ней еще нельзя будетъ взять вдругъ, то обяжешь меня, если вышлешь мнѣ хоть изъ своихъ, какія найдутся у тебя подъ рукою, хоть рублей 150 сер. Я совсѣмъ на безденежьи. Вокругъ— тоже ни у кого, начиная съ моихъ родныхъ, которымъ долженъ буду помочь. Голодъ грозитъ повсемѣстный. Хлѣба, покуда, еще нечего даже собирать: все не выросло и выжглось такъ, что не жнутъ, а вырываютъ руками по колоскамъ. Надежда есть еще коекакая на поздніе хлѣба, особенно на гречу, если перепадетъ нѣсколько дождей и засуха не будетъ такъ жестока. Я ничего не въ силахъ ни дѣлать, ни мыслить отъ жару. Не помню еще такого тяжелаго времени. Деньги посылай по такому же адрессу, какъ и письма: въ Полтаву. Пришли двѣ тысячи асс., а остатокъ, въ видѣ пятаго билета, примкни къ прежнимъ четыремъ. Если жъ тебѣ почему-нибудь удержать при себѣ не захочется, или будетъ хлопотливо возиться, то пожалуй, пришли хоть и весь вексель, въ два пріема, или въ одинъ. . .

Къ С. Т. Аксакову.

Іюля 12 (1848). Васильевка.

И за письмо, и за книги благодарю васъ, добрый другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ. Какъ ни слабъ я послѣ недуга, отъ котораго

еще не оправился какъ слѣдуетъ, но не могу отказать себѣ написать къ вамъ нѣсколько строчекъ. Какое убійственно-нездоровое время и какой удушливо-томительный воздухъ! Только три, или четыре дни, по пріѣздѣ моемъ на родину, я чувствовалъ себя хорошо; потомъ безпрерывныя разстройства въ желудкѣ, въ нервахъ и въ головѣ отъ этой адской духоты, томительнѣе которой нѣтъ подъ тропиками. Все переболѣло и болѣетъ вокругъ насъ. Холера — — не даетъ перевести духъ. Тоска [еще болѣе оттого, что никакое умственное занятіе не идетъ въ голову]. Даже читать самаго легкаго чтенія не въ силахъ. А потому не ждите отъ меня никакихъ отчетовъ, относительно впечатлѣній, произведенныхъ присланными книгами. Я послѣ напишу Константину Сергѣевичу мое мнѣніе о его драмѣ. Статья его о современномъ спорѣ мнѣ понравилась, можетъ быть, оттого, что во время чтенія голова моя была свѣжа и вниманія достало на небольшую статью. Вашъ разборъ драмы я бы желалъ нетерпѣливо прочесть, хотя по кусочкамъ. Мнѣ кажется, вы сдѣлаете очень нелишнее дѣло, если займетесь (имъ), — тѣмъ болѣе, что самый предметъ, о которомъ пойдетъ рѣчь, такъ важенъ для всѣхъ насъ, что и сама драма, и самъ сочинитель могутъ остаться почти въ сторонѣ.

Въ драмѣ (1) постигнуто высшее свойство нашего народа. Вотъ ея главное достоинство! Недостатокъ — что, кромѣ этого высшаго свойства, народъ не слышенъ своими другими сторонами, не имѣетъ грѣшнаго тѣла нашего, безтѣлесенъ. Зачѣмъ Константинъ Сергѣевичъ выбралъ форму драмы? зачѣмъ не написалъ прямо исторію этого времени? Странное дѣло: когда разворачиваю исторію нашу, мнѣ въ ней видится такая живая драма на каждой страницѣ, такъ просторно открывается весь кругозоръ тогдашнихъ дѣйствій и видятся всѣ люди, и на первомъ, и на второмъ планѣ, и дѣйствующіе, и молчащіе; когда же я читаю извлеченную изъ нея нашу такъ называемую историческую драму, кругозоръ передо мною тѣсенъ; я вижу только тѣ лица, которыя выбралъ сочинитель для доказанія любимой своей мысли; полнота

(1) Въ этомъ мѣстѣ были написаны слова: »что̀ всего важнѣе«, потомъ зачеркнуты тройною чертою. *П. К.*

жизни отъ меня уходитъ; запаха свѣжести, первой весенней свѣжести, я не слышу; намѣсто дѣйствія, я слышу словопренія, и мнѣ кажется все блѣдно. Не распространяю этихъ словъ на драму Константина Сергѣевича. Въ ней вялости нѣтъ, языкъ свѣжъ, рѣчь жива. Но зачѣмъ, не бывши драматургомъ, писать драму? Какъ-будто свойства драматурга можно пріобрѣсть! Какъ-будто для этого достаточно живо чувствовать, глубоко цѣнить, высоко судить и мыслить! Для этого нужно *осязательное, пластическое* творчество, и ничто другое. Его ничѣмъ нельзя замѣнить. Безъ него, исторія всегда останется выше всякаго извлеченнаго изъ нея сочиненія. Можетъ быть, все это, чтò я вамъ теперь говорю, есть плодъ нынѣшняго мутнаго состоянія моей головы, неспособной разсуждать отчетливо и ясно; можетъ быть, въ другой разъ, когда прочту внимательно это сочиненіе, и притомъ въ минуту свѣтлую, я выражусь иначе и лучше; но мнѣ кажется, я и тогда не соглашусь съ Константиномъ Сергѣевичемъ, будто драма есть художественное пониманіе исторіи въ извѣстную эпоху. Скорѣй развѣ можно сказать художественное *воспроизведеніе* ея. Пониманія одного мало для драмы. Но обо всемъ этомъ потолкуемъ послѣ. Сочиненіе это, во всякомъ случаѣ, *немаловажно* и всегда останется замѣчательно тою высокою задачей, которую оно задало намъ и надъ которою стòитъ всякому истинно Русскому поразмыслить и поразсудить серьезно.

Не знаю, когда съ вами увижусь. Хотѣлъ-было ѣхать теперь, не смотря на болѣзненную слабость, но узналъ, что дилижансы изъ Харькова въ Москву уничтожились. Заводить свой экипажъ нѣтъ средствъ и скука. Попутчика, покуда, не отыскивается...

Къ П. А. Плетневу.

1 сентября (1848). Черниговская губ., с. Сварп.

Деньги 150 р. сер. получилъ исправно. Здоровье мое, слава Богу, немного получше. Выѣзжаю на дняхъ, затѣмъ чтобы пораньше пріѣхать въ Москву и оттуда имѣть возможность заглянуть въ Петербургъ. Поздно осенью и во время холодовъ ѣхать мнѣ

невозможно. Не согрѣваюсь въ дорогѣ вовсе, не смотря ни на какія шубы. Послѣ 15-го сентября, или около того, можетъ быть, обниму тебя. Поговорить намъ придется о многомъ...

Къ нему же.

(16 сентября 1848. Въ С. Петербургѣ).

Былъ у тебя уже два раза. На дачу не могу попасть и не попаду, можетъ быть, ни сегодня, ни завтра. Тѣмъ не менѣе обнимаю тебя крѣпко, въ ожиданіи обнять лично. Я ѣду сейчасъ съ М. Ю. В*** въ Павлино, а оттуда въ Павловскъ. По случаю торжественнаго фамильнаго ихъ дня, отказаться мнѣ было невозможно.

Къ А. С. Данилевскому.

Петерб. Сентября 24 (1848).

Письмо твое я получилъ уже въ Петербургѣ. Оно меня встревожило, во-первыхъ, тѣмъ, что бричка не привезена, какъ видно, извощикомъ, привезшимъ меня въ Орелъ, во-вторыхъ, что я точно позабылъ въ-торопяхъ дать отъ себя какой-нибудь удовлетворительный видъ Прокофію. Теперь я въ страхѣ и смущеніи. — — —

Въ Петербургѣ я успѣлъ видѣть Прокоповича, вокругъ котораго роща своей семьи, и А***, пріѣхавшаго на дняхъ изъ-за границы. Все, что разсказываетъ онъ, какъ очевидецъ, о Парижскихъ происшествіяхъ; просто, страхъ: совершенное разложенье общества! Тѣмъ болѣе это безотрадно, что никто не видитъ никакого исхода и выхода, и отчаянно рвется въ драку, затѣмъ чтобы быть только убиту. Никто не въ силахъ вынесть страшной тоски этого рокового переходнаго времени, и почти у всякаго ночь и тьма вокругъ. А между тѣмъ слово *молитва* до сихъ поръ еще не раздалось ни на чьихъ устахъ...

Къ NF.

Москва. Октября 14 (1848).

Я васъ ожидалъ, добрая моя NF, у В***. Я думалъ потомъ, авось-либо вы заѣдете въ контору дилижансовъ. Но васъ не было, и мнѣ сгрустнулось. Мы съ вами такъ немного видѣлись! едва только-что успѣли разговориться. Не оставляйте меня хотя письмами и дайте надежду увидѣть васъ скоро въ Москвѣ. Здѣсь привольнѣе. Тутъ найдется болѣе свободнаго, удобнаго времени для бесѣдъ нашихъ, чѣмъ въ безпутномъ Петербургѣ. Еще одна просьба: не оставляйте Z Z, особенно тѣхъ изъ нихъ, которымъ вы можете быть нужнѣе. Ничего больше, какъ старайтесь только почаще видѣться съ Z*Z* и FZ, хотя бы вамъ показалось что онѣ съ своей стороны и не очень хотятъ этого. Мнѣ, признаюсь вамъ, очень жалко за FZ. У ней было такъ много прекрасныхъ матеріяловъ! Ея нынѣшнее состояніе душевное, мнѣ кажется, должно́ болѣе преклонить къ участію къ ней, чѣмъ къ порицанію. Отъ долговременной борьбы съ собой, или лучше сказать — съ хандрой своей, она утомилась и устала. Чувствуя это временное безсиліе свое, она не борется, не дѣйствуетъ и покорилась, дала увлекать себя этому минутному развлеченью свѣта, какъ покорились вы невиннымъ временнымъ развлеченьямъ, въ родѣ игры въ карты и т. подобное. Тѣмъ не менѣе ея положенье опасно. Она дѣвица, надѣлена большимъ избыткомъ воображенья. Ея слова меня испугали, когда она сказала мнѣ: »Я хотѣла бы, чтобы меня что-нибудь схватило и увлекло: я не имѣю собственныхъ силъ.« Старайтесь быть съ ней какъ можно чаще. Не придумывайте ничего, чѣмъ помочь ей, или развлечь. Всѣ наши средства смѣшны и ничтожны. Отъ насъ требуется только одной любовной, исполненной участья бесѣды, а все прочее обдѣлываетъ и устрояетъ Богъ. Говорите съ ней больше всего о томъ, что̀ ближе всего должно̀ быть сердцу Русскаго человѣка. Все, что̀ клонится къ тому, чтобы узнать, въ чемъ именно состоитъ наше истинно Русское добро, есть уже неистощимый предметъ разговоровъ. Тутъ воспитывается твердыня нашего характера, и разумъ озаряется свѣтомъ. Но боюсь много заговориться.. Времени нѣтъ теперь писать больше...

Къ отцу Матвѣю.

Москва. Ноября 9 (1848).

Я къ вамъ долго не писалъ, почтеннѣйшій и близкій душѣ моей Матвѣй Александровичъ. Сначала я думалъ-было скоро увидѣться съ вами лично; потомъ, когда случилось такъ, что намѣреніе мое ѣхать къ вамъ отложились до весны, я долго не могъ взяться за перо, — можетъ, по причинѣ большого неудовольствія на самого себя. Я былъ недоволенъ состояніемъ души своей и теперь также. Въ ней бываетъ такъ черство! То, о чемъ бы слѣдовало мнѣ думать всякой часъ и всякую минуту, такъ рѣдко бываетъ у меня въ мысляхъ, и это самое рѣдкое помышленье о немъ такъ бываетъ холодно, такъ безъ любви и одушевленья, что въ иное время становится даже страшно. Иногда кажется, какъ-бы отъ всей души молюсь, то есть, хочу молиться; но этой молитвы бываетъ одна, двѣ минуты. Далѣе мысли мои расхищаются, приходятъ въ голову незванные, непрошенные гости и уносятъ помышленья Богъ знаетъ куда, Богъ вѣсть въ какія мѣста, прежде чѣмъ успѣваю очнуться. Все какъ-то дѣлается не во время: когда хочу думать объ одномъ, думается о другомъ; когда думаю о другомъ, думается о третьемъ. А между тѣмъ въ теперешнее время, когда отвсюду грозятъ бѣды человѣку, можетъ быть, только и нужно дѣлать, что молиться, обратить все существо свое въ слезы и молитву, позабыть себя и собственное спасенье, и молиться о всѣхъ. Все это чувствуется и ничего не дѣлается, и оттого еще страшнѣе все вокругъ, и слышишь одну необходимость повторять: »Господи, не введи меня во искушенье и избави отъ лукаваго!« Другъ мой и Богомолецъ, скажите мнѣ какое-нибудь слово; можетъ быть, оно мнѣ придется...

Къ N F.

Ноября 18. Москва (1848).

Виноватъ, что отвѣчаю вамъ не вдругъ на ваше письмо, добрѣйшая моя FN. Есть на то причины: опять вожусь съ собой,

открываю въ себѣ столько гадостей, что отлетаетъ всякая мысль о другихъ. Притомъ принимаюсь серьезно обдумывать тотъ трудъ, для котораго далъ Богъ средства и силы, чтобы смерть по крайней мѣрѣ застала за дѣломъ, а не за празднымъ бездѣльемъ. Все это отвлекаетъ меня отъ прочихъ дѣлъ и даже отъ писемъ. Ѣхать въ NN не достало силы. Мнѣ представилось, что я ничего не могу сказать полезнаго и нужнаго ND. Если мнѣ и удавалось на вѣку своемъ помочь кому добрымъ совѣтомъ въ горѣ, такъ это тѣмъ, которые уже отыскали себѣ высшаго Совѣтника, и мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ только имъ напомнить, къ Кому нужно обращаться за всѣми надобностями.

Вашимъ совѣтомъ позаняться хандрящею дѣвицею также не воспользовался. Я думаю, что обращаться съ дѣвушкой есть дѣло женщины, а не мущины. Повѣрьте, дѣвушка не способна почувствовать возвышенно-чистой дружбы къ мущинѣ; непремѣнно заронится инстинктивно другое чувство, ей сродное, и бѣда обрушится на несчастнаго доктора, который съ истинно братскимъ, а не другимъ какимъ чувствомъ, подбросилъ ей лекарство. Женщина— другое дѣло: у нея уже есть обязанности. Притомъ она не ищетъ уже того, къ чему дѣвушка стремится всѣмъ существомъ. Все, что я сдѣлалъ, это было то, что я, въ слѣдствіе письма вашего, постарался узнать, которая изъ дочерей SS называется NN. Надобно вамъ сказать, что я былъ въ пріязни только со стариками да съ дѣтьми мужескаго пола; что же до женскаго, то я зналъ имена только двухъ старшихъ дочерей, съ остальными же только раскланивался, не говоря ни слова. Не забывайте ZZ. Видайтесь съ ними какъ можно почаще. Говорите съ ними о Русскомъ и о всемъ, что драгоцѣнно Русскому сердцу; теперь же кстати у нихъ завелись Русскія лекціи. Отъ этого и онѣ, и вы будете въ барышахъ. Свѣтлая тишина воцарится въ вашемъ духѣ. Нѣтъ ничего на свѣтѣ лучше, какъ бесѣда съ тѣми, у которыхъ души прекрасны и притомъ бесѣда о томъ, отчего становятся еще прекраснѣе прекрасныя души...

Къ П. А. Плетневу.

Москва, 20 ноября (1848).

Здоровъ ли ты, другъ? Отъ Шевырева я получилъ экземпляръ »Одиссеи«. Ея появленіе въ нынѣшнее время необыкновенно значительно. Вліяніе ея на публику еще вдали; весьма можетъ быть, что въ пору нынѣшняго лихорадочнаго своего состоянія бо́льшая часть читающей публики не только ее не разнюхаетъ, но даже и не примѣтитъ. Но зато это сущая благодать и подарокъ всѣмъ тѣмъ, въ душахъ которыхъ не погасалъ священный огонь и у которыхъ сердце пріуныло отъ смутъ и тяжелыхъ явленій современныхъ. Ничего нельзя было придумать для нихъ утѣшительнѣе. Какъ на знакъ Божьей милости къ намъ, должны мы глядѣть на это явленіе, несущее ободреніе и освѣженіе въ наши души...

О себѣ, покуда, могу сказать немного. Соображаю, думаю и обдумываю второй томъ »Мортвыхъ Душъ«. Читаю преимущественно то, гдѣ слышится сильнѣй присутствіе Русскаго духа. Прежде чѣмъ примусь серьезно за перо, хочу назвучаться Русскими звуками и рѣчью. Боюсь нагрѣшить противу языка.

Между прочимъ просьба. Пошли въ академію художествъ *за* (¹) по художника Зенькова и, призвавши его къ себѣ, вручи ему пятьдесять руб. асс. на вновь устроенную обитель, для которой они работаютъ иконостасъ. Деньги запиши на мнѣ...

Письмецо твое получилъ. Отъ всей души и отъ всего сердца желаю тебѣ возможнаго счастія вмѣстѣ съ тою, которую избираетъ твое сердце себѣ въ подруги, — хотя признаюсь въ то же время, что я мало вѣрю какому-нибудь счастію на землѣ. Тревоги начинаются именно въ то время, когда мы думаемъ, что причалили къ берегу и желанному спокойствію. Блаженъ тотъ, кто живетъ въ здѣшней жизни счастіемъ нездѣшней жизни. — — Идите же оба къ Тому, Кто одинъ *путь* и *дорога* къ нездѣшнему міру, безъ

(¹) Этотъ предлогъ *за* былъ написанъ и зачеркнутъ Гоголемъ, а вмѣсто него употребленъ *по*, такъ, какъ онъ употребляется въ Малороссійскомъ языкѣ. Гоголь, во время пребыванія своего за границею и потомъ на родинѣ, такъ отвыкъ отъ Русскаго языка, что усомнился, правильно ли будетъ написать: *Пошли за художникомъ*, и выразился по-Малороссійски, вовсе того не замѣчая. *П. К.*

Котораго въ мірѣ идей еще больше можно запутаться, чѣмъ въ прозаическомъ мірѣ повседневныхъ дѣлъ. Чѣмъ далѣ, тѣмъ яснѣе вижу, что въ нынѣшнее время шатаній ни на часъ, ни на минуту не должно отлучаться отъ Того, Кто одинъ ясенъ, какъ свѣтъ. Время опасно. Всѣ шаги наши опасны...

Къ В. А. Жуковскому.

28 февраля. Москва (1849).

Почувствовавъ облегченье отъ болѣзни, въ которой пробылъ недѣли полторы, принимаюсь отвѣчать. Другъ, ты требуешь отъ меня изображеній Палестины, со всѣми ея мѣстными красками, въ такомъ видѣ, чтобы они могли послужить въ пользу твоему »Вѣчному Жиду«. Знаешь ли, какую тяжелую ты мнѣ задалъ задачу? Что̀ могу сказать я, чего бы не сказали уже другіе? какія краски, какія черты представлю, когда все уже пересказано, перерисовано со всѣми малѣйшими подробностями? Да и къ чему эти бѣдныя черты, когда всякое событіе Евангельское и безъ того уже обставливается въ умѣ Христіянина такими окрестностями, которыя гораздо ближе даютъ чувствовать *минувшее* время, чѣмъ всѣ нынѣ видимыя мѣстности, обнаженныя, мертвыя? Что̀ могутъ сказать, напримѣръ, нынѣ мѣста, по которымъ прошелъ ***скорбный путь*** Спасителя ко кресту, которыя всѣ теперь собраны подъ одну крышу храма, такъ что и св. Гробъ, и Голгоѳа, и мѣсто, гдѣ Спаситель показанъ былъ Пилатомъ народу, и жилище архіерея, къ которому Онъ былъ приводимъ, и мѣсто нахожденія животворнаго креста, все очутилось вмѣстѣ? Что̀ могутъ всѣ эти мѣста, которыя привыкли мы мѣрять разстояніями, произвести другого, какъ развѣ только сбить съ толку любопытнаго наблюдателя, если только они уже не врѣзались заблаговременно и прежде въ его сердце и, въ свѣтѣ пламенѣющей вѣры, не предстоятъ ежеминутно передъ мысленными его очами? Что̀ можетъ сказать поэту-живописцу нынѣшній видъ всей Іудеи, съ ея однообразными горами, похожими на безконечныя сѣрыя волны взбугрившагося моря? Все это, вѣрно, было живописно во времена Спасителя, когда вся Іудея

была садомъ и каждый Еврей сидѣлъ подъ тѣнью имъ насажденнаго древа; но теперь, когда рѣдко, рѣдко гдѣ встрѣтишь пять-шесть оливъ на всей покатости горы, цвѣтомъ земли своей такъ же сѣроватыхъ и пыльныхъ, какъ и самые камни горъ, когда одна только тонкая плева моха да урывками клочки травы зеленѣютъ посреди этого обнаженнаго, неровнаго поля каменьевъ, да черезъ какихъ-нибудь пять-шесть часовъ пути попадется гдѣ-нибудь приклеившаяся къ горѣ хижина Араба, больше похожая на глиняной горшокъ, печурку, звѣриную нору, чѣмъ на жилище человѣка,— какъ узнать въ такомъ видѣ землю *млека и меда?* Представь же себѣ посреди такого опустѣнія Іерусалимъ, Виѳлеемъ и всѣ восточные города, похожіе на безпорядочно-сложенныя груды камней и кирпичей; представь себѣ Іорданъ, тощій посреди обнаженныхъ гористыхъ окрестностей, кое-гдѣ осѣненный небольшими кустиками ивъ; представь себѣ посреди такого же опустѣнья у ногъ Іерусалима долину Іосафатову съ нѣсколькими камнями и гротами, будто-бы гробницами Іудейскихъ царей. Что̀ могутъ проговорить тебѣ эти мѣста, если не увидишь мысленными глазами надъ Виѳлеемомъ звѣзды, надъ струями Іордана голубя, сходящаго изъ разверстыхъ небесъ, въ стѣнахъ Іерусалимскихъ страшный день крестной смерти, при помраченьи всего вокругъ и землетресеньи, или свѣтлый день Воскресенья, отъ блеска котораго помрачится все окружающее, и нынѣшнее, и минувшее? Право, не знаю, что̀ могу сообщить тебѣ такого о Палестинѣ, что̀ бы навело тебя на благодатныя мысли и побудило тебя вдохновенно приняться за перо и свою поэму. Я думаю, что вмѣсто меня всякой простой человѣкъ, даже Русской мужичокъ, если только онъ съ трепетомъ вѣрующаго сердца поклонился, обливаясь слезами, всякому уголку Святой Земли, можетъ разсказать тебѣ болѣе всего того, что̀ тебѣ нужно. Мое путешествіе въ Палестину точно было совершено мною затѣмъ, чтобы узнать лично и какъ-бы узрѣть собственными глазами, какъ велика *черствость* моего сердца. Другъ, велика эта черствость! Я удостоился провести ночь у Гроба Спасителя, я удостоился пріобщиться отъ Святыхъ Таинъ, стоявшихъ на самомъ Гробѣ вмѣсто алтаря, — и при всемъ томъ я не сталъ лучшимъ, тогда какъ все земное должно̀ бы во мнѣ

сгорѣть и остаться одно небесное. Что̀ могутъ доставить тебѣ мои сонныя впечатлѣнія? Видѣлъ я какъ во снѣ эту Землю. Подымаясь съ ночлега до восхожденья солнца, садились мы на муловъ и лошадей, въ сопровожденьи и пѣшихъ, и конныхъ провожатыхъ; гусемъ шелъ длинной поѣздъ черезъ малую пустыню по мокрому берегу, или дну моря, такъ что съ одной стороны море обмывало плоскими волнами лошадиныя копыты, а съ другой стороны тянулись пески, или бѣловатыя плиты начинавшихся возвышеній, изрѣдка поросшіе приземистымъ кустарникомъ; въ полдень колодезь, выложенное плитами водохранилище, осѣненное двумя-тремя оливами, или сикоморами. Здѣсь привалъ на полчаса и снова въ путь, пока не покажется на вечерномъ горизонтѣ уже не синемъ, но мѣдномъ отъ заходящаго солнца пять-шесть пальмъ и вмѣстѣ съ ними прорѣзающійся сквозь радужную мглу городокъ, картинный издали и бѣдный вблизи, какой-нибудь Сидонъ, или Тиръ. И этакой путь до самого Іерусалима. Какъ сквозь сонъ, видится мнѣ самый Іерусалимъ съ Элеонской горы, — одно мѣсто, гдѣ онъ кажется обширнымъ и великолѣпнымъ: подымаясь вмѣстѣ съ горою, какъ-бы на приподнятой доскѣ, онъ выказывается весь, малые дома кажутся большими, небольшія выбѣленныя выпуклости на ихъ плоскихъ крышахъ кажутся безчисленными куполами, которые, отдѣляясь рѣзко своей бѣлизной отъ необыкновенно синяго неба, представляютъ вмѣстѣ съ остреями минаретовъ какой-то играющій видъ. Помню, что на этой Элеонской горѣ видѣлъ я слѣдъ ноги Вознесшагося, чудесно вдавленный въ твердомъ камнѣ, какъ-бы въ мягкомъ воскѣ, такъ что видна малѣйшая выпуклость и впадина необыкновенно правильной пяты. Еще помню видъ, открывшійся мнѣ вдругъ посреди однообразныхъ сѣрыхъ возвышеній, когда, выѣхавъ изъ Іерусалима и видя передъ собою всё холмы да холмы, я уже не ждалъ ничего — вдругъ съ одного холма, вдали, въ голубомъ свѣтѣ, огромнымъ полукружьемъ предстали горы. Странныя горы: онѣ были похожи на бока, или карнизы огромнаго высунувшагося угломъ блюда. Дно этого блюда было Мертвое море. Бока его были голубовато-красноватаго цвѣта; дно голубовато-зеленовато. Никогда не видалъ я такихъ странныхъ горъ. Безъ пикъ и остроконечій, онѣ сливались верхами въ одну ровную линію, со-

ставляя повсюду ровной высоты исполинскій берегъ надъ моремъ. По нимъ не было примѣтно ни отлогостей, ни горныхъ склоновъ; всѣ онѣ какъ-бы состояли изъ безчисленнаго числа граней, отливавшихъ разными оттѣнками сквозь общій мглистый голубовато-красноватый цвѣтъ. Это вулканическое произведеніе — нагроможденный валъ безплодныхъ каменьевъ — сіяло издали красотой несказанной. Никакихъ другихъ видовъ, особенно поразившихъ, не вынесла сонная душа. Гдѣ-то въ Самаріи сорвалъ полевой цвѣтокъ, гдѣ-то въ Галилеѣ другой, въ Назаретѣ, застигнутый дождемъ, просидѣлъ два дни, позабывъ, что сижу въ Назаретѣ, точно какъ-бы это случилось въ Россіи, на станціи. Повсюду и на всемъ видѣлъ я только признаки явные того, что всѣ эти нынѣ обнаженныя страны, и преимущественно Іудея [нынѣ всѣхъ безплоднѣйшая], были дѣйствительно землей млека и меда. По всѣмъ горамъ высѣчены уступы — слѣды нѣкогда бывшихъ виноградниковъ; и теперь даже стóитъ только бросить одну горсть земли на эти обнаженныя каменья, чтобы показались на ней вдругъ сотни растеній и цвѣтовъ: столько влажности, необходимой для прозябенья, заключено въ этихъ безплодныхъ каменьяхъ! Но никто изъ нынѣшнихъ жителей ничего не заводитъ, считая себя кочевыми, преходящими, только на время скитающимися въ сей пораженной Богомъ странѣ. Только въ Яфѣ небольшое количество деревъ ломится отъ тягости плодовъ, поражая красотой своего роста. Другъ, сообразилъ ли ты, чего просишь, прося отъ меня картинъ и впечатлѣній для той повѣсти, которая должна быть вмѣстѣ и внутренней исторіей твоей собственной души. Нѣтъ, всѣ эти Святыя Мѣста уже должны быть въ твоей душѣ. Соверши же, помолясь жаркой молитвой, это внутреннее путешествіе — и всѣ святыя окрестности возстанутъ предъ тобою въ томъ свѣтѣ и колоритѣ, въ какомъ они должны возстать. Какую великолѣпную окрестность поднимаетъ вокругъ себя всякое слово въ Евангеліи! Какъ бѣденъ передъ этимъ неизмѣримымъ кругозоромъ, открывающимся живой душѣ, тотъ узкой кругозоръ, который озирается мертвыми очами ученаго изслѣдователя! Не вознегодуй же на меня, если ничего больше не съумѣлъ тебѣ сказать, кромѣ этой малой толики. Мнѣ кажется, если бы ты сдѣлалъ то же съ Библіей, что съ Евангеліемъ, то есть, всякой день

переводилъ бы изъ нея по главѣ, то Святая Земля неминуемо бы предстала бы тебѣ благословенной Богомъ и украшенной именно такъ, какъ была *древле*.

Шевыреву я передалъ и твой поклонъ, и твою просьбу. Теперь онъ загроможденъ дѣлами по университету, которыхъ навалили на него кучу. Но »Одиссеей« онъ займется непремѣнно, какъ только сколько-нибудь удосужится,—тѣмъ болѣе, что это занятье его много занимаетъ. Что же мнѣ написать тебѣ объ »Одиссеѣ«? Сказавши въ первомъ письмѣ, что много есть въ Россіи людей, тебѣ особенно за нее благодарныхъ, и что она совершенство, я сказалъ все. Да и что сказать о трудѣ, въ которомъ всѣ части приведены въ такую стройность и согласіе? Если бы что-нибудь выступало сильнѣй другого, или было обработано лучше, или же отстало, тогда бы нашлись рѣчи; а теперь вся оцѣнка сливается въ одно слово: прекрасно! Притомъ, если даже и хвалить картины, то похвалы всѣ достанутся Гомеру, а не тебѣ. Переводчикъ поступилъ такъ, что его не видишь: онъ превратился въ такое прозрачное стекло, что кажется, какъ-бы нѣтъ стекла. Во II томѣ »Одиссеи« это еще болѣе поразительно, чѣмъ въ первомъ. Но прощай. Да поможетъ тебѣ Тотъ, Кто одинъ только можетъ быть вдохновителемъ въ трудѣ твоемъ!...

Къ нему же.

(1849.)

Въ дополненье къ письму моему о мѣстностяхъ Палестины, ознаменованныхъ стопами Спасителя, посылаю тебѣ при семъ прилагаемую замѣчательную книжку: »Іисусъ Христосъ на Голгоѳѣ«. Авторъ ея скрылъ свое имя, не скрывши только того, что онъ перечелъ по этому предмету и еще болѣе, можетъ быть, перечувствовалъ. Отъ души буду радъ, если книжка придется по душѣ. Все въ Москвѣ тебѣ кланяется...

Къ С. Т. Аксакову.

(19 марта, 1849.)

Любезный другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, имѣютъ сегодня подвернуться вамъ къ обѣду два пріятеля: Петръ Мих. Языковъ и

я, оба грѣховодники и скоромники. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ по той причинѣ, чтобы вы могли приказать прибавить кусокъ бычачины на одно лишнее рыло...

Къ В. А. Жуковскому.

3 апрѣля (1849).

Христосъ воскресъ! Больше ничего не знаю сказать тебѣ. Не могу понять, отчего не пишется и отчего не хочется говорить ни о чемъ. Можетъ быть, оттого, что не стало наконецъ ничего любопытнаго на свѣтѣ. Нѣтъ извѣстій. Только и есть одно извѣстіе, которое ежеминутно мы должны сообщать другъ другу: это, что Христосъ воскресъ. Та же недвижность и въ моихъ литературныхъ занятіяхъ. Я ничего не издалъ въ свѣтъ, и ничего не готовлю; что̀ и пріуготовляю, то идетъ медленно̀ и не можетъ никакъ выйти скоро, и Богъ одинъ знаетъ, когда выйдетъ. Отчего, зачѣмъ нашло на меня такое оцѣпенѣніе, этого не могу понять. Чувствуется только, что не безъ смысла. Время настало сумасшедшее. Умнѣйшіе люди завираются и набалтываютъ кучи глупостей, такъ что едва ли не долженъ теперь всякой истинный поэтъ и мыслитель думать прежде всего о воздержаніи, произнося: *Господи, положи храненіе устомъ моимъ.* Ты счастливъ, подчинивши себя слѣпцу Гомеру. Онъ не увлечетъ тебя съ дороги въ омутъ, хоть и слѣпецъ. Свой же собственный умъ, того и гляди, занесетъ куды-нибудь въ оврагъ. Кстати объ »Одиссеѣ«. Я уже было-написалъ къ тебѣ письмо собственно о ней, но письмо это осталось неконченнымъ: оказалось, что по поводу этого предмета такъ много нужно говорить, что я испугался. Наговоримся при свиданьи. Покуда, передаю тебѣ всеобщее неудовольствіе на *печать,* которое раздѣляю и я. Штрифтъ такъ неудобенъ для чтенія, что я, у котораго глаза, слава Богу, хороши, заикался и попырхивался едва ли не на всякой строчкѣ. По моему мнѣнію, »Одиссею« слѣдовало бы издать особо,—разгонисто, буквами крупными, форматъ книгѣ дать большой, словомъ — прилично важности труда. Но слава Богу, что, во всякомъ случаѣ, она издана и ее читаютъ. Чтѣніе это вноситъ особенное спокойствіе въ душу, безпрестанно возмущаемую мятежнымъ

временемъ. Я всю зиму прожилъ въ Москвѣ. Лѣто полагаю провесть, также если не въ самой Москвѣ, то по крайней мѣрѣ въ окружности ея. Мнѣ всё кажется, что хорошо бы тебѣ завести подмосковную. Въ деревнѣ подлѣ Москвы можно жить еще лучше, нежели въ Москвѣ, и еще уединеннѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Въ деревню никто не заглянетъ, и чѣмъ она ближе къ Москвѣ, тѣмъ меньше въ нее навѣдываются,—это уже такой обычай; такъ что представляются двѣ выгоды: отъ людей не убѣжалъ и въ то же время не торчишь у нихъ на глазахъ. Если, въ отвѣтъ на это мое письмо [которое, какъ ни коротко, но есть уже подвигъ, принимая въ соображеніе непостижимую лѣнь и бездѣйствіе силъ моихъ], наградишь меня, съ обычной твоей благостью и кротостью снисхожденья, вѣсточкой о себѣ, объ »Одиссеѣ«, о миломъ твоемъ домѣ и о томъ, когда ждать тебя и въ какой уголокъ Русскаго царства; то симъ, можетъ быть, освѣжишь и дремлющую мою дѣятельность, и силы...

Къ П. А. Плетневу.

3 апрѣля (1849).

Христосъ воскресъ!

Отъ всей души поздравляю съ Свѣтлымъ Праздникомъ и тебя, и твою милую супругу, съ которою желалъ бы душевно познакомиться. Напиши мнѣ хоть что-нибудь изъ новой жизни своей. Что̀ до меня, хоть и не такъ живу, какъ бы хотѣлъ, хоть и не такъ тружусь, какъ бы слѣдовало, но спасибо Богу и за то. Могло бы быть еще хуже...

Къ матери.

(1849.)

Христосъ воскресе!

Наконецъ получилъ отъ васъ письмо. Вы, слава Богу, здоровы; но все вокругъ васъ нездорово, обстоятельства тяжелы. Нужно много молиться. Мы сами виноваты и по грѣхамъ терпимъ наказанье Божье. Своей неразумной, неосмотрительной жизнью мы навлекаемъ печальныя слѣдствія. Какъ ни разсмотрю и себя самого, и дру-

гихъ, вижу, что всѣ — а въ томъ числѣ и я самъ — живемъ далеко не такъ, какъ слѣдуетъ. Всѣ мы живемъ, надѣясь на благополучіе въ слѣдующемъ году; всякой гонитъ отъ себя и мысль о томъ, что его можетъ посѣтить злополучіе еще тягчайшее, нежели въ прошедшемъ году. Отъ этого никто не думаетъ о запасахъ; ни въ комъ нѣтъ благоразумія Іосифова; всѣ заботятся только о томъ, какъ бы получше провести сегодняшній день, — подальше отъ работъ тяжкихъ, но полезныхъ и дающихъ намъ пропитаніе, поближе къ работамъ легкимъ, безплоднымъ, дающимъ забвеніе всего насъ окружающаго. И такъ проходитъ вся жизнь наша. Счастливы мы еще тѣмъ, что Богъ поражаетъ насъ бичами несчастій и заставляетъ насъ хотя по временамъ опомниться и оглянуться на себя. Безъ того мы бы не опомнились до послѣднихъ дней Страшнаго Суда. Всего ужаснѣе, когда изъ-за насъ и виною нашею страждутъ невинные, и отъ грѣховъ и заблужденій нашихъ терпятъ праведные. О, нужно намъ теперь крѣпко молиться! молиться о томъ, чтобы вразумилъ насъ Богъ, какъ нужно вести жизнь, чтобъ отъ неустройства и небреженья нашего не терпѣли другіе! Прежде всего я прошу васъ помолиться обо мнѣ ото всѣхъ силъ, сколько станетъ общаго соединеннаго усердія вашего и любви ко мнѣ, чтобы не отступался отъ меня Богъ и далъ бы мнѣ умъ и силы исполнять свои обязанности, которыя я позабываю ежеминутно.

Посылаю пятьдесятъ рублей серебромъ въ пользу страждущихъ. 25 рублей серебр. поступятъ сестрѣ Ольгѣ на извѣстное употребленье; другіе же двадцать-пять сестрѣ Аннѣ на раздачу необходимаго хлѣба голоднымъ. Всего лучше, если бы эта раздача производилась въ видѣ платы за работу въ саду. Даромъ не долженъ человѣкъ получать, — развѣ тогда уже, когда не станетъ силъ работать. Благодарю отъ души сестру Анну за то, что она старается доказать на дѣлѣ ко мнѣ любовь исполненьемъ просьбъ на-счетъ работъ въ саду. Я увѣренъ, что эти занятія доставятъ потомъ усладу и ей самой. Благодарю также и племянника Колю за то, что помогаетъ ей. Въ самихъ же работахъ нужно руководствоваться возможностями и никакъ не отрывать для саду отъ другихъ, важнѣйшихъ работъ, особенно не занимать подводъ, которыя, по случаю скотского падежа, стали теперь дороги и рѣдки.

Нужно помнить, что есть занятія, еще важнѣйшія въ хозяйствѣ, которыя [увы!] мы бросили, какъ скучныя и ничего неговорящія душѣ. Много, много мы бросили душеспасительныхъ трудовъ и, заботясь только о себѣ, въ то время, когда вся жизнь наша должна быть забыта (для заботъ) о другихъ, потеряли свое. Оттого и труднѣе намъ въ нынѣшнее (время) спасти душу свою, чѣмъ когда-либо прежде. Помолитесь, добрѣйшая моя матушка, о бѣдной душѣ моей, и вы также, милыя сестры. Никогда еще не были мнѣ такъ нужны молитвы...

Къ С. Т. Аксакову.

(7 мая, 1849.)

Мнѣ хотѣлось бы, держась старины, послѣ-завтра отобѣдать въ кругу короткихъ пріятелей, въ Погодинскомъ саду. Звать на именины самому неловко. Не можете ли вы дать знать, или сами, или чрезъ Константина Сергѣевича Армфельду, Загоскину, Самарину и Павлову совокупно съ Мельгуновымъ? Придумайте, какъ это сдѣлать ловче и дайте мнѣ потомъ отвѣтъ, если можно, заблаговременно...

Къ матери.

Мая 12 (1849).

Посылаю, добрая матушка, полтораста руб. сер. не для васъ собственно, но для раздачи тѣмъ бѣднымъ мужичкамъ нашимъ, которые больше всѣхъ другихъ нуждаются, на обзаведеніе и возможность производить работу въ текущемъ году, и особенно тѣмъ, у которыхъ передохъ весь скотъ. Авось они помолятся обо мнѣ. Молитвы теперь очень нужны. Я скорблю и болѣю не только тѣломъ, но и душою. Много нанесъ я оскорбленій. Ради Бога, помолитесь обо мнѣ. О, помолитесь также о примиреніи со мною тѣхъ, которыхъ наиболѣе любитъ душа моя! На слѣдующей недѣлѣ буду писать къ вамъ...

Къ П. А. Плетневу.

Мая 24 (1849).

Ты позабылъ меня, мой добрый другъ. Обвинять тебя не могу. У тебя было много заботъ и вмѣстѣ съ ними много, безъ сомнѣнія, такихъ счастливыхъ минутъ, въ которыя позабывается все. Дай Богъ, чтобъ онѣ длились до конца дней твоихъ и чтобы безъ устали благословлялось въ устахъ твоихъ святое имя Виновника всего.

А я все это время былъ не въ такомъ состояніи, въ какомъ желалъ быть. Можетъ быть, неблагодарность моя была виновницей всего. Я не снесъ покорно и безропотно безплоднаго, черстваго состоянія, послѣдовавшаго скоро за минутами нѣкоторой свѣжести, пророчившими вдохновенную работу, и самъ произвелъ въ себѣ опять тяжелое разстройство нервическое, которое еще болѣе увеличилось отъ нѣкоторыхъ душевныхъ огорченій. Я до того расколебался и духъ мой пришелъ въ такое волненіе, что никакія медицинскія средства и утѣшенія не могли дѣйствовать. Уныніе и хандра мною одолѣли снова. Но Богъ милостивъ. Мнѣ кажется, какъ-будто теперь легче чувствую слабость и разстройство физическое. Но духъ какъ-будто лучше. О, если бы все это обратилось мнѣ въ пользу, и вслѣдъ за этимъ недугомъ наступило то благодатное расположеніе духа, которое мнѣ потребно!

Къ нему же.

6 іюля (1849). Москва.

Благодарю тебя за письмо и за вѣсти о своемъ житьѣ-бытьѣ, близкомъ моему сердцу. Очень благодаренъ также за то, что познакомилъ меня заочно съ А* В*. — — Въ нынѣшнее время быть у одра страждущаго есть лучшее положеніе, какое можетъ быть для человѣка. Тутъ не приходитъ въ мысли то, что теперь кружитъ и обольщаетъ головы. Тутъ молитва, смиреніе и покорность, стало быть, все то, что воспитываетъ душу, блюдетъ и хранитъ ее. Начать такимъ образомъ жизнь свою надежнѣе и лучше — —

Я думалъ-было навѣдаться въ Петербургъ, но приходится отложить эту (поѣздку) по крайней мѣрѣ до осени...

В. А. Жуковскому.

Мая 14. Москва (1849).

Мнѣ былъ переданъ упрекъ твой. Виноватъ, но не совсѣмъ. Я писалъ къ тебѣ немного дней спустя послѣ того, какъ получилъ »Одиссею«. Письмо адрессовалъ въ Баденъ; видно, не дошло. Я много изстрадался въ это время. Много было слезъ. Безплодную землю сердца моего нужно было много оросить, чтобы она въ силахъ была произвести что-либо. Жду нетерпѣливо прочесть тебѣ все, что среди колебанiй и тревогъ удалось создать. Тревоги и колебанья не прошли и донынѣ, и сердце мое сильно болитъ. Но какъ отрадно мнѣ было услышать, что »Одиссея« приближается къ концу! О, это Божья благодать и Божье чудо: если среди возмущенiй, объемлющихъ всѣхъ и всѣхъ волнующихъ, посылаетъ Онъ кому-нибудь изъ насъ силы исполнять на землѣ долгъ свой, то это вѣрный знакъ Его небесной милости. Лучшаго счастья нельзя имѣть на землѣ. О, помоги же Онъ тебѣ, какъ вѣрному рабу Своему, все сполна принести Ему, ничего не зарывши въ землю! А я буду ждать тебя въ Москвѣ, или тамъ, гдѣ захочешь. Только увѣдоми объ этомъ заранѣ, хотя двумя словами...

Къ матери.

Москва. 1849, мая 15.

Спѣша отправить вамъ посылку съ сѣменами, которую, вѣроятно, вы уже получили, я позабылъ сказать многое на-счетъ вашего дома. Изъ писемъ сестеръ я узналъ, что вы всѣ въ немъ очень зябли въ продолженiе зимы. Этому горю слѣдуетъ помочь. Домъ надобно весь снова запаковать, выштукатурить, а многое и вновь передѣлать. Разумѣется, это можно сдѣлать только при мнѣ: иначе вновь выйдетъ дурно, потому что ни на какихъ работниковъ нельзя

полагаться. Если мнѣ случится ѣхать въ Константинополь, тогда я могу пробыть съ мѣсяцъ у васъ и устроить такъ, чтобы при мнѣ все было кончено, а до того времени прошу васъ заблаговременно пріискивать плотниковъ, штукатурщиковъ и хорошихъ печниковъ. Отчасти могутъ вамъ въ этомъ помочь Тимченковы, которые еще недавно выстроили домъ и кое-что, безъ сомнѣнія, о нихъ знаютъ. Можете также разузнать въ Полтавѣ отъ строившихъ дома. Понадобится также лѣсъ, сухой, давно срубленной. Какъ жалко, что строенье бывшей фабрики вами продано въ Полтаву! теперь оно было бы весьма кстати. Узнайте, нѣтъ ли у кого изъ сосѣдей готоваго сруба, или амбара изъ крѣпкихъ брусьевъ не совсѣмъ стараго дерева, которые можно бы пріобрѣсть было покупкою, а также хорошаго сухого дерева, годнаго на столярную работу, на двери и проч.; потому что многое придется перемѣнить, а другое прибавить. Все это имѣйте въ виду, а иное можете и купить, съ разсрочкой денегъ до моего пріѣзду, если не дорого и случай можетъ быть пропущенъ, — особенно досокъ. Обо всемъ напишите...

Къ ней же.

Москва. 1849, мая 24.

Благодарю васъ, добрѣйшая матушка, за поздравленіе съ протекшими имянинами. Радуюсь, что вы были въ это время въ Диканькѣ. Опечалило меня только извѣстіе, что черезъ нашу деревню хотятъ пролагать дорогу. Отъ этого только новыя повинности, новыя заботы и развратъ, присутствующій всегда въ деревняхъ, находящихся при большихъ дорогахъ. Всякая проѣзжая сволочь будетъ подущать и развращать мужиковъ, которые, слава Богу, до сихъ поръ всё еще нравственнѣй другихъ. Дослѣ деревенька наша, если заманивала меня, такъ это только тѣмъ, что она въ сторонѣ отъ большой дороги. Теперь и эта прелесть для меня готовится исчезнуть. Не предавайтесь также мечтамъ, будто вы отъ этого выиграете относительно доходовъ. Выиграютъ только торгаши да переторжники, да Жиды, да содержатели кабаковъ и

постоялыхъ дворовъ, которые настроятся вокругъ васъ во множествѣ и съ которыми у васъ еще заведутся дѣла по судамъ, отъ чего да сохранитъ васъ Богъ! Употребите лучше всѣ мѣры и всѣ силы, чтобы все то, что̀ вы разсказали губернатору о пользѣ дороги черезъ нашу деревню, не имѣло бы никакого дѣйствія и осталось бы такъ только въ предположеніи. Повѣрьте, что если бы даже и случилось выиграть какой-нибудь рубль лишній, то онъ не выкупитъ разврата крестьянъ, за которыхъ вы дадите отвѣтъ Богу. Лучше думать о томъ, что̀ есть, хранить то, что̀ есть, благодарить Бога за то, чѣмъ пользуемся; тогда и взглядъ нашъ будетъ яснѣе, и душа покойнѣе, и хозяйство нечувствительно станетъ идти лучше. А всѣ эти предположенья въ будущемъ только распаляютъ воображенье, повергаютъ человѣка въ состоянье вѣчной тревоги и потемняютъ взглядъ на вещи. Ради Христа, берегите себя отъ этого тревожно-нервическаго состоянія, котораго начала у васъ уже есть! Вотъ и теперь, уже при одной вѣсти о посылкѣ, вамъ пришла мысль, что это непремѣнно должно̀ быть продолженье моего сочиненья, и вы уже поспѣшили предаться радости, и все позабыто,—позабыто, что я еще въ прежнемъ письмѣ обѣщалъ сестрамъ прислать огородныхъ сѣменъ. Лучше, вмѣсто всѣхъ этихъ обманчивыхъ ожиданій, молиться съ тихой покорностью и полной довѣренностью Богу, не покидая своей обычной поденной работы. *Довлѣетъ дню злоба его.* Этого ни вамъ, ни мнѣ, да и никому не должно позабывать.

Вы ничего мнѣ не сказали на-счетъ того, какова у насъ стоитъ погода и каковы удались посѣвы. Это важно тѣмъ болѣе, что опасаются во многихъ мѣстахъ засухи. Увѣдомьте также, сколько въ этомъ году высѣяно всякаго хлѣба и на какихъ мѣстахъ. При прежнемъ письмѣ моемъ, которое, вѣроятно, вы уже получили, я говорилъ о потребности перестроить, или лучше—перечинить и обконопатить потеплѣе домъ, чтобы вамъ можно было въ немъ проводить споснѣе зиму. Я просилъ для этого имѣть въ виду сколько-нибудь хорошо высушеннаго дерева и даже пріискать у кого-нибудь изъ сосѣдей готовый срубъ, или амбаръ [съ сырового лѣса никакъ нельзя] и чтобы срубъ состоялъ изъ бревенъ крѣпкаго и прочнаго лѣса. На заплату я кое-что сберегъ, и если онъ

не дорогъ, то станетъ денегъ и печникамъ, и даже штукатурщикамъ, потому что нѣкоторыя комнатки нужно будетъ, для большей теплоты, внутри выштукатурить. Я просилъ въ томъ же письмѣ хлопотать о печникахъ заранѣе, забравъ свѣдѣнія отъ тѣхъ, которые недавно строили себѣ дома и были своими печниками довольны, — также позаботиться и объ отысканіи плотниковъ, которые, сверхъ умѣнья мостить полы, умѣли бы плотно дѣлать двери и всякую столярную работу около дома. Ожидаю обо всемъ этомъ отъ васъ увѣдомленія.

Слухи на-счетъ болѣзни бывшаго Харьковскаго архіерея, о которыхъ вы пишете, ложны. Онъ недавно проѣхалъ чрезъ Москву, и хотя я его не видалъ, но тѣ, которые его видѣли, говорятъ, что онъ здоровъ совершенно.

Что́ же до дурныхъ слуховъ вообще, то они распространяются теперь обо всѣхъ въ такомъ изобиліи, какъ никогда доселѣ. Теперь время лжей и слуховъ. И о себѣ я слышалъ такіе слухи, что волосы могли бы подняться на головѣ, если бъ я ими покрѣпче смущался, — въ чемъ отчасти я виноватъ: зачѣмъ пріѣхалъ на родину! Мнѣ больше, чѣмъ кому-либо другому, нужно было держаться вдали.

Андрею Андреевичу, когда будете писать, передайте мой душевный, искренній поклонъ и скажите ему, что нѣтъ дня, въ который бы я не вспоминалъ о немъ. Дай Богъ, чтобы дѣла его устроились хорошо. За его доброту къ вамъ и ко мнѣ, я много ему признателенъ...

Къ N F.

Мая 27 (1849).

Благодарю васъ за доброе и милое ваше письмецо. Много бы я заплатилъ за то, чтобъ успокоились ваши нервы и вы бы отдохнули хотя на время. Мое здоровье лучше. Зиму я провелъ хорошо. Въ концѣ ея только пришла хандра, которую я старался всячески побѣждать. Но съ приближеньемъ весны не устоялъ. Нервы расшатали меня всего, — ввергнули въ такое уныніе, въ такую нерѣшимость, въ такую тоску отъ собственной нерѣшимости, что я весь истомился. Скажите GZ, что письмецо ея произвело надо мной

чудо: съ того же самого дня, или лучше — съ той минуты, какъ получилъ его, я сталъ себя чувствовать лучше. Теперь съ каждымъ днемъ укрѣпляюсь замѣтно. Во время болѣзни моей сильно молились обо мнѣ нѣкоторыя добрыя души. Богъ внялъ ихъ молитвамъ. Куды ѣхать, не рѣшился. Предполагалъ уже было снова въ Іерусалимъ. Если бы вы ѣхали теперь же, я бы съ удовольствіемъ поѣхалъ съ вами въ NN. Можетъ быть, мы бы снова прожили вмѣсти съ обоюдною душевною пользой. Дайте объ этомъ мнѣ вѣсточку...

Мнѣ сказывалъ М***, что у васъ есть подмосковная, весьма удобная для жительства, и что онъ, на вашемъ мѣстѣ, предпочелъ бы ея обитанью въ NN. Не зная ни подмосковной, ни NN, не могу судить, правъ ли онъ, или нѣтъ.

Къ ней же.

Мокща. Іюля 29 (1849).

Такъ какъ Л* П* не отыскалъ для васъ »Домостроя«, то посылаю вамъ свой экземпляръ. Книга называется »Временникъ«, а »Домостроіі« помѣщенъ въ ней посерединѣ. Можете его вырвавши переплести особо. Мнѣ очень грустно было отъѣзжать отъ васъ. Я жалѣю, что пріѣхалъ къ вамъ рано. Нужно было мнѣ пріѣхать мѣсяцъ спустя, чтобы вы хорошенько обжились. Я бы тогда прожилъ дольше, можетъ быть. Напишите строчки три. Я всё еще просыпаюсь съ мыслью, что я въ NN, и всё мнѣ кажется, что обѣдать буду съ вами; но вмѣсто Кристофора, является съ приглашеніемъ къ обѣду Иванъ и тѣмъ напоминаетъ мнѣ, что я въ Москвѣ... Хотя я и поѣду черезъ недѣли полторы колесить снова, но письмо найдетъ меня....

Кланяется вамъ Тентетниковъ.

Къ ней же.

Москва. Сентябрь 15 (1849).

Что̀ съ вами, безцѣнный другъ N F? Зачѣмъ вы ни строчкой не отвѣчали на письмо мое? Я слышалъ, что вамъ много хлопотъ

и даже непріятностей; но всё-таки хоть два слова, хоть одно слово! Съ меня довольно и коротенькаго *здравствуй...*

Къ ней же.

Октября 20. Москва (1849).

Я о васъ часто думаю, N F; вѣроятно, и вы тоже иногда обо мнѣ вспоминаете, но всё же этого мало: нужно иногда перекинуться письмецомъ. Я, слава Богу, не чувствую, что я хворъ; время летитъ въ занятіяхъ, такъ что некогда подумать о болѣзни. Больше читаю, чѣмъ пишу. Вижу, что много нужно еще приготовиться; нужно внимательно, и даже очень внимательно, прочесть все то, что знакомитъ насъ съ краемъ нашимъ, нами позабытымъ. Вижу мало кого, потому что, просто, не имѣю времени. G Z, которая здѣсь, еще не видалъ ни разу. Здоровье ея, говорятъ, хорошо. Видѣлъ вскользь T S съ супругою, возвратившагося изъ путешествія по заводамъ и обширнымъ Демидовскимъ землямъ. Вскользь видѣлъ WW, неизмѣннаго и того же. Александръ Петров. T** возвратился изъ Петербурга здоровъ и вамъ кланяется. Напишите же, что дѣлаете вы и какъ живется? Вѣдь описывать немного: вѣрно, строкъ пять-шесть всего. Поклонитесь тѣмъ, кто помнитъ меня въ NN, и пришлите мнѣ пакетъ, посланный на ваше имя мнѣ въ NN графиней T**: онъ заключаетъ въ себѣ два письма, одно изъ которыхъ мнѣ очень нужно. Да и всё-таки, мнѣ кажется, этому пакету приличнѣе быть у меня, чѣмъ оставаться гдѣ-нибудь въ конторѣ Ж***. Въ ожиданіи вашихъ добрыхъ дружескихъ строкъ [всегда отрадныхъ моей душѣ], остаюсь...

Къ матери.

Москва. Ноября 1, 1849.

Не писалъ къ вамъ долго потому, что всё ожидалъ вашихъ писемъ, которыя, по случаю отлучки моей изъ Москвы, гонялись

за мною повсюду и до сихъ поръ еще не пришли сюда. Я ожидалъ ихъ всякой день и прождалъ цѣлый мѣсяцъ. Опасаюсь, чтобы они вовсе не пропали. Здоровье мое, слава Богу, кое-какъ идетъ. Понемногу занимаюсь, понемногу прогуливаюсь, пользуясь урывками хорошей погоды, которая, однакожъ, начала портиться, а зимы всё нѣтъ. Напишите мнѣ: сдѣланы ли были какія посадки деревъ въ саду. Я полагаю, что всѣ тѣ деревья, которыя пропали въ прошломъ году, замѣщены теперь новыми. За этимъ дѣла немного, и потому не думаю, чтобы сестры полѣнились. — — —

Къ N F.

Ноября 28. Москва. (1849).

Иногда такъ хочется васъ видѣть, что много бы далъ за то, чтобы одинъ часъ побыть съ вами и поболтать; а примусь за письмо — не пишется, и не знаю, что̀ сказать вамъ. Лѣнь ли это, или въ самомъ дѣлѣ всѣ предметы стали нестоющими письма, рѣшите сами. Всё, однакоже, я думаю, у васъ есть больше о чемъ сказать мнѣ, чѣмъ мнѣ вамъ. У меня все лѣниво и сонно. Работа движется медленно, а неумолимое, невозвратное время летитъ и летитъ такъ быстро, что иногда страхъ врывается въ сонную душу...

Къ матери.

Москва. 28 ноября, 1849.

Я получилъ ваши письма изъ Полтавы и изъ Когорлыка. — — — Что̀ касается на-счетъ вашихъ ожиданій моего пріѣзда, то я вамъ опять повторю то, что̀ всегда говорю. Слова я не даю никогда; обѣщать — не обѣщаю тоже. Говорю: »Можетъ быть пріѣду, а можетъ быть, и не пріѣду«, разумѣя всегда возможность и устроеніе обстоятельствъ. Я не такъ богатъ, чтобы для одного удовольствія свиданія бросать по 1000 рублей на переѣздъ, и не такъ досуженъ, чтобы жертвовать временемъ, которое у меня до-

рого. Мнѣ такъ нужно много видѣть мѣстъ, еще невиданныхъ мною, что не знаю, успѣю ли и ихъ осмотрѣть. Пріѣхать къ вамъ я имѣлъ намѣреніе только тогда, если бъ мнѣ удалось къ этому времени окончить мой трудъ и напечатать его, и управиться совершенно со всѣми хлопотами. У меня, напротивъ, вотъ какой обычай обѣщать: »Я къ вамъ пріѣду, можетъ быть, черезъ годъ, а можетъ быть, черезъ пятнадцать лѣтъ.« Такъ я говорю всѣмъ, зная, что все зависитъ не отъ моей воли, а отъ устроенія обстоятельствъ. А обстоятельства устроетъ Богъ. Мы всѣ на землѣ поденщики и работники. Прежде всего должны думать о работѣ своей, а потомъ уже объ удовольствіи свиданія...

Къ ней же.

Москва. 1849.

Давно не получалъ отъ васъ писемъ, почтеннѣйшая матушка. Здоровы ли вы, и какъ у васъ? Я не знаю до сихъ поръ, благополучно ли вы возвратились изъ Когорлыка въ Васильевку. Я кое-какъ живу, но прихварываю больше эту зиму, чѣмъ прежнюю. Какъ видно, холодный климатъ прижимаетъ. А можетъ быть, и оттого, что самъ не живешь и не молишься какъ слѣдуетъ. Я получилъ много отъ Бога и долженъ бы быть лучше васъ всѣхъ, но ежеминутно убѣждаюсь, что я хуже васъ всѣхъ. А потому нужно терпѣливо нести болѣзни, какъ должное и праведное наказаніе. Молитесь обо мнѣ всѣ вмѣстѣ и будьте здоровы.

Къ N F.

Декабря 6. Москва (1849).

Только-что, отправилъ къ вамъ письмо, какъ, два часа спустя, пришло ваше. Гадостей, какъ видно, около васъ не мало: но какъ же быть? не будь ихъ, не достигнуть намъ и царствія небеснаго. Какъ разъ забудетъ человѣкъ, что онъ здѣсь затѣмъ, чтобы нести крестъ. Что же касается до сплетней, то не позабывайте, что ихъ распус-

каетъ чортъ, а не люди; затѣмъ чтобы смутить и низвести съ того высокаго спокойствія, которое намъ необходимо для житія жизнью высшей, стало быть, той, какой слѣдуетъ жить человѣку. Эта длиннохвостая бестія, какъ только примѣтитъ, что человѣкъ сталъ остороженъ и неподатливъ на большіе соблазны, тотчасъ спрячетъ свое рыло и начинаетъ заѣзжать съ *мелочей*, очень хорошо зная, что и безстрашный левъ наконецъ долженъ взревѣть, когда нападутъ на него безсильные комары со всѣхъ сторонъ и кучею. Левъ реветъ оттого, что онъ животное, а если бъ онъ могъ соображать, какъ человѣкъ, что отъ комаровъ, блохъ и прочаго не умираютъ, что съ наступившимъ холодомъ все это сгинетъ, что кусанья эти, можетъ быть, и нужны, какъ отнимающія лишнюю кровь, то, можетъ, и у него достало бы великодушія все это перенесть терпѣливо. Я совершенно убѣдился въ томъ, что сплетня плетется чортомъ, а не человѣкомъ. Человѣкъ отъ праздности и съ-глупа брякнетъ слово безъ смысла, котораго бы и не хотѣлъ сказать. Это слово пойдетъ гулять; по поводу его другой отпуститъ въ праздности другое, и мало-помалу сплетется сама собою исторія, безъ вѣдома всѣхъ. Настоящаго автора ея безумно и отыскивать, потому что его не отыщешь. Не обвиняйте также и домашнихъ никого: вы будете несправедливы. Помните, что все на свѣтѣ обманъ, все кажется намъ не тѣмъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Чтобы не обмануться въ людяхъ, нужно видѣть ихъ такъ, какъ велитъ намъ видѣть ихъ Христосъ; въ чёмъ да поможетъ вамъ Богъ! Трудно, трудно жить намъ, забывающимъ всякую минуту, что будетъ наши дѣйствія ревизовать Тотъ, Кого ничѣмъ не подкупишь.

Гр. Т** очень благодаритъ васъ за память. Съ Н**** я мало знакомъ; видѣлся съ нимъ раза два; отзываются же о немъ другіе хорошо. Если вамъ имѣется въ немъ надобность, можетъ быть, насчетъ Б****, то посовѣтуйте ему обратиться къ Г***, который съ нимъ еще недавно служилъ вмѣстѣ.

Здоровье мое кое-какъ плетется, хотя и не совсѣмъ такъ, какъ нужно для произведенія моей поденной работы...

Къ В. А. Жуковскому.

Москва. 1849, декабря 14.

Прежде всего благодарность за милыя строки, хоть въ нихъ и упрекъ. Самъ я не знаю, виноватъ ли я, или не виноватъ. Всѣ на меня жалуются, что мои письма стали неудовлетворительны и что въ нихъ видно одно — *нехотѣніе писать*. Это правда: мнѣ нужно большое усиліе, чтобы написать не только письмо, но даже короткую записку. Что̀ это? старость, или временное оцѣпенѣніе силъ? сплю ли я, или такъ сонно бодрствую, что бодрствованье хуже сна? Полтора года моего пребыванья въ Россіи пронеслось, какъ быстрый мигъ, и ни одного такого событія, которое бы освѣжило меня, послѣ котораго, какъ-бы послѣ ушата холодной воды, почувствовалъ бы, что дѣйствую трезво и точно дѣйствую. Только и кажется мнѣ трезвымъ дѣйствіемъ поѣздка въ Іерусалимъ. Творчество мое лѣниво. Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу отъ стола, не отодвигаю бумаги, не выпускаю пера; но строки лѣпятся вяло, а время летитъ невозвратно. Или въ самомъ дѣлѣ 42 года есть для меня старость, или такъ слѣдуетъ, чтобы мои »Мертвыя Души« не выходили въ это мутное время, когда, не успѣвши отрезвиться, общество еще находится въ чаду и люди еще не пришли въ состояніе читать книгу, какъ слѣдуетъ, то есть, прилично, не держа ее вверхъ ногами? Здѣсь все, и молодежь, и старость, до того запуталось въ понятіяхъ, что не можетъ само себѣ дать отчета. Одни, въ полномъ невѣжествѣ, дожевываютъ Европейскіе уже выплюнутые жеваки; другіе изблевываютъ свое собственное несваренье. Рѣдкіе, очень рѣдкіе слышатъ и цѣнятъ то, что̀ въ самомъ дѣлѣ составляетъ нашу *силу*. Можно сказать, что только одна Церковь и есть среди насъ еще здоровое тѣло.

Появленье »Одиссеи« было не для настоящаго времени. Ее привѣтствовали уже отходящіе люди, радуясь и за себя самихъ, что еще могутъ чувствовать вѣчныя красоты Гомера, и за внуковъ своихъ, что имъ есть чтеніе свѣтлое, неотмемняющее головы. Я знаю людей, которые нѣсколько разъ съ-ряду прочли »Одиссею«, съ полной признательностью и глубокой благодарностью къ перевод-

чику. Но такихъ [увы!] немного. Никакое время не было еще такъ бѣдно читателями хорошихъ книгъ, какъ наступившее. Шевыревъ пишетъ рецензію; вѣроятно, онъ скажетъ въ ней много хорошаго; но никакія рецензіи не въ силахъ засадить нынѣшнее поколѣніе за чтеніе свѣтлое и успокоивающее душу. Временами мнѣ кажется, что II-й томъ »Мертвыхъ Душъ« могъ бы послужить для Русскихъ читателей нѣкоторою ступенью къ чтенью »Гомера«. Временами приходитъ такое желанье прочесть изъ нихъ что-нибудь тебѣ и кажется, что это прочтенье освѣжило бы и подтолкнуло меня!... Но... когда это будетъ? когда мы увидимся? Вотъ тебѣ все, что въ силахъ сказать! Прости великодушно, если и это письмо не удовлетворительно. По крайней мѣрѣ я хотѣлъ, чтобы оно было удовлетворительно...

Къ П. А. Плетневу,

Декабря 15 (1849. Москва).

Мы давно уже не переписывались. И ты замолчалъ, и я замолчалъ. Я не писалъ къ тебѣ отчасти потому, что самъ хотѣлъ быть въ Петербургѣ, а отчасти потому, что нашло на меня *неписательное* расположеніе. Всѣ кругомъ на меня жалуются, что не пишу. При всемъ томъ, мнѣ кажется, виноватъ не я, но умственная спячка, меня одолѣвшая. »Мертвыя Души« тоже тянутся лѣниво. Можетъ быть, такъ оно и слѣдуетъ, чтобъ имъ не выходить. Теперь люди не годятся какъ-будто въ читатели, не способны ни къ чему художественному и спокойному. Сужу объ этомъ по пріему »Одиссеи«. Два-три человѣка обрадовались ей, и то люди уже отходящаго вѣка. Никогда не было еще замѣтно такого умственнаго безсилія въ обществѣ. Чувство художественное почти умерло. Но ты и самъ, безъ сомнѣнія, свидѣтель многаго.

Объ »Одиссеѣ« не говорю. Что сказать о ней? Ты, вѣрно, наслаждался каждымъ словомъ и каждой строчкой. Благословенъ Богъ, посылающій намъ такъ много добра посреди золъ!...

Къ С. Т. Аксакову.

(1849.)

Посылаю вамъ I-й томъ и желаю, чтобы доставилъ вамъ развлеченіе. Ради Бога, берегите здоровье и дѣлайте все съ *умѣренностью*. Это большая добродѣтель. Жалко, если до весны не увидимся. Извѣстіе о кончинѣ Панова меня опечалило. Всё позабывается, что чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе съ каждымъ годомъ должны убывать и отходить всѣ близкіе сердцу, а не прибывать...

Къ N F.

(1849.)

Какія странныя мнѣ привезъ отъ васъ Аксаковъ слова! Вы потому ко мнѣ не пишете, что не въ силахъ принять отъ меня совѣтовъ. Другой мой NF, еслибъ вы знали, какъ я далекъ отъ того, чтобы съумѣть кому-либо дать умный совѣтъ! Я весь изстрадался. Я такъ боленъ и душой, и тѣломъ, такъ расколебался весь, что одна сострадущая строчка вашего добраго участія могла бы быть мнѣ освѣжающей каплей; а вы, вмѣсто (того) приказали передать мнѣ такія слова, точно какъ-бы въ насмѣшку надо мной. Добрый другъ мой, я боленъ...

Къ В. А. Жуковскому.

(1850).

Поздравляю тебя съ наступающимъ новымъ годомъ: Богъ въ помощь, добрый другъ! Вездѣ, гдѣ бы ты ни былъ, гдѣ бы ни нашло тебя письмо мое, за какой бы работой ты ни сидѣлъ и какимъ бы дѣломъ и мыслью ни былъ занятъ — Богъ въ помощь! Мы давно другъ къ другу не писали; не писали потому, что не писалось, но, вѣрно, мы думали часто другъ о другѣ. Предметъ, связавшій тѣснѣй прежняго насъ, близокъ равно сердцамъ нашимъ, и, мысля о немъ, нельзя, чтобы мы не вспоминали другъ о другѣ. Милосердый Богъ меня еще хранитъ, силы еще не слабѣютъ, не смотря на слабость

Послѣ отъѣзда его высочества въ половинѣ двѣнадцатаго, вода все продолжала подниматься, и мы не мало безпокоились о герцогѣ, пока наконецъ не получили извѣстія, что онъ у тайнаго совѣтника Бассевича. Между тѣмъ, такъ какъ вода проникла въ конюшни и опасались, что она еще болѣе поднимется (что̀ и случилось), отъ чего обѣ остальныя каретныя и три верховыя лошади его высочества могли утонуть въ стойлахъ, то мы, хоть и не безъ труда, поспѣшили провести ихъ наверхъ, сдѣлавъ наскоро изъ двухъ комнатъ конюшни. Изъ дома его высочества можно было видѣть все, что̀ происходило на рѣкѣ. Невозможно описать, какое страшное зрѣлище представляло множество оторванныхъ судовъ, частію пустыхъ, частію наполненныхъ людьми; они неслись по водѣ, гонимыя бурею, на встрѣчу почти неминуемой гибели. Со всѣхъ сторонъ плыло такое огромное количество дровъ, что можно было бы въ одинъ этотъ день наловить ихъ на цѣлую зиму; вѣроятно, многіе и сдѣлали это, потому что, сколько я знаю, русскіе не щадятъ ничего, если идетъ дѣло о какой-нибудь прибыли. На дворѣ герцога вода, при самомъ большомъ ея возвышеніи, доходила лошадямъ по брюхо; на улицахъ же почти вездѣ можно было ѣздить на лодкахъ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что срывалъ черепицы съ крышъ, отчего мундшенкъ Кей Сиверсъ едва не лишился жизни. Когда онъ стоялъ около двери, въ квартирѣ каммеррата Негелейна, одна изъ такихъ черепицъ упала ему прямо на голову и непремѣнно убила бы его до смерти, еслибъ на немъ не было большой мѣховой шапки; однакожь ему все-таки пробило на головѣ большую дыру, отъ которой онъ упалъ безъ чувствъ. Около половины втораго часа вода начала наконецъ уменьшаться, а въ половинѣ третьяго его королевское высочество благополучно возвратился домой, но, чтобъ попасть въ свою комнату, долженъ былъ пройдти черезъ новоустроенную конюшню. Съ герцогомъ пріѣхали тайный совѣтникъ Геспенъ, подполковникъ Сальдернъ, полковникъ Лорхъ, ассессоръ

дѣла, даже письма къ людямъ близкимъ,—и при всемъ томъ такъ немного изъ меня выходитъ строкъ! Кажется, просидѣлъ за работой не больше, какъ часъ, смотрю на часы—уже время обѣдать. Некогда даже пройтись и прогуляться. Вотъ тебѣ вся моя исторія! Конецъ дѣлу еще не скоро, т. е. разумѣю конецъ »Мертвыхъ Душъ.« Всѣ почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, какъ *набросаны*; собственно написанныхъ двѣ-три и только. Я не знаю даже, можно ли творить быстро собственно художническое произведеніе. Это можетъ только одинъ Богъ, у Котораго все подъ рукой: и Разумъ, и Слово съ Нимъ. А человѣку нужно за словомъ ходить въ карманъ, а разума доискиваться.—У С** ой я точно прогостилъ осенью...

Къ А. С. Данилевскому.

Февраля 25 (1850).

Прости меня, — я, кажется, огорчилъ тебя прежнимъ письмомъ. Самъ не знаю, какъ это случилось. Знаю только то, что я и въ мысляхъ не имѣлъ говорить проповѣди. Что̀ чувствовалъ на ту пору въ душѣ, то и написалось. Можетъ быть, состояніе хандры и нѣкотораго унынія отъ всего того, что̀ дѣлается на свѣтѣ, и даже неудачи по твоему дѣлу; можетъ быть, болѣзнь, въ которой я находился тогда [отъ которой еще не вполнѣ освободился и теперь], ожесточила мои строки! Радуюсь отъ всей души твоей радости и желаю, чтобы новорожденный былъ въ большое утѣшеніе вамъ обоимъ.

На счетъ II тома »М. Д.« могу сказать только, (ч)то не скоро ему до печати. Кромѣ того, что самъ авторъ не приготовилъ его къ печати, не такое время, чтобъ печатать что-либо; да я думаю, что и самыя головы не въ такомъ состояніи, чтобы умѣть читать спокойное художественное твореніе. Вижу по »Одиссеѣ«. Если Гомера встрѣтили равнодушно, то чего же ожидать мнѣ? Притомъ недуги мало даютъ мнѣ возможности заниматься. Въ эту зиму я какъ-то разболѣлся. Суровый сѣверный климатъ начинаетъ допекать.

Ты говоришь, что у васъ много слуховъ на мой счетъ. Увѣдоми, какого рода. Не скрывай, особенно дурныхъ. Послѣдніе тѣмъ хороши, что заставляютъ лишній разъ оглянуться на себя самого; а это мнѣ особенно необходимо...

Къ отцу Матвѣю.

28 февраля. Москва (1850).

Какъ вы доѣхали? какъ нашли все, по пріѣздѣ вашемъ во Ржевъ? О васъ нѣтъ никакихъ извѣстій, и графъ Александръ Петровичъ, и я, и всѣ ваши вамъ близкіе о васъ безпокоятся. Дайте намъ о себѣ одну только строчку. Я между тѣмъ, по желанью вашему, обратился къ Ш***** съ просьбой о дѣвочкѣ вашей. Она была такъ добра, что поѣхала тотъ же часъ хлопотать, и привезла отвѣтъ благопріятный, ее можно помѣстить, привезя ее въ домъ Шереметьева, къ В. С. Ш*****. Впрочемъ вотъ записочка отъ нея самой. Ее здѣсь же прилагаю. Увѣдомьте, пришлась ли по вкусу вашему сыну »Всеобщая Исторія« и не нужно ли вамъ еще какихъ книгъ?...

Къ нему же.

Марта 24. Москва (1850).

Медлилъ отсылкою къ вамъ книгъ, по той причинѣ, что нигдѣ не нашелъ »Еврейской Грамматики« на Русскомъ, или Латинскомъ языкѣ. Рѣшился наконецъ взять на Нѣмецкомъ, хоть, можетъ быть этотъ языкъ вамъ и не такъ знакомъ. Впрочемъ мнѣ показалось, что въ лексиконѣ есть почти всѣ грамматическія принадлежности и объясненія. Если же нѣтъ, то вы меня увѣдомьте: я могу послать въ Петербургъ, куда я уже и послалъ за грамматикой Еврейской, нѣкогда изданной Павскимъ, которой здѣсь въ Москвѣ нигдѣ не отыскалось. Искренно и отъ всей души желая вамъ успѣховъ въ священномъ языкѣ, утѣшаю себя мыслью, что, отыскивая какое-нибудь слово въ лексиконѣ, вы помолитесь и обо мнѣ, грѣшномъ, чтобы Богъ спасъ мою душу, не смотря на всю мою лѣность въ

дѣлахъ спасенія. Несказанно благодарю васъ за увѣдомленія о себѣ и о домашнихъ. Не переставайте хотя изрѣдка давать о себѣ вѣсть. Графъ и графиня посылаютъ вамъ поклоны...

Къ нему же.

(1850.)

Христосъ воскресе!

Благодарю васъ, безцѣннѣйшій, добрѣйшій Матвѣй Александровичъ, за ваше поздравленіе съ Свѣтлымъ Праздникомъ. Не сомнѣваюсь, что, если пріобрѣла что-нибудь доброе душа моя, то это вашими молитвами и другихъ угождающихъ Богу подвижниковъ. О, если бы Онъ не оставилъ меня ни на минуту и сказалъ бы мнѣ путь мой! Какъ бы хотѣлось сердцу повѣдать славу Божью! Но никогда еще не чувствовалъ такъ безсилья своего и немощи. Такъ много есть, о чемъ сказать, а примешься за перо—не подымается! Жду, какъ манны, орошающаго освѣженья свыше. Всѣ бы мои силы отъ него двинулись. Видитъ Богъ, ничего бы не хотѣлось сказать, кромѣ того, что̀ служитъ къ прославленью Его святого имени. Хотѣлось бы живо, въ живыхъ примѣрахъ, показать темной моей братіи, живущей въ мірѣ (и) играющей жизнью, какъ игрушкою, что жизнь—не игрушка. И все кажется, обдумано и готово, но — перо не подымается. Нужной свѣжести для работы нѣтъ, и [не скрою предъ вами] это бываетъ предметомъ тайныхъ страданій, чѣмъ-то въ родѣ креста. Впрочемъ, можетъ быть, все это происходитъ отъ изнуренья тѣлеснаго. Силы физическія мои ослабѣли. Я всю зиму былъ боленъ. Не уживается съ нашимъ холоднымъ климатомъ мой холоднокровный, несогрѣвающійся темпераментъ! Ему нуженъ югъ. Думаю опять, съ Богомъ, пуститься въ дорогу, въ странствіе, на Востокъ, подъ благодатнѣйшій климатъ, навѣваемый окрестностями Святыхъ Мѣстъ. Дорога всегда дѣйствовала на меня освѣжительно — и на тѣло, и на духъ. О, если бы и теперь всемилосердый Богъ явилъ надо мною Свое безграничное милосердіе, столько разъ уже явленное надо мною, когда я уже думалъ, что не воскреснутъ мои силы! И не было, казалось, возможности физической имъ воскреснуть, но силы воскре-

сали, и свѣжесть появлялась вновь въ мою душу. Помолитесь обо мнѣ крѣпко, крѣпко, безцѣннѣйшій Матвѣй Александровичъ, и напишите два словца вашихъ...

Къ П. А. Плетневу.

Христосъ Воскресе! (1)

Поздравляю тебя съ наступающимъ радостнымъ днемъ! Отъ тебя давно нѣтъ вѣсти. Послѣднее письмо было мое. Если ты опять за что-нибудь сердитъ на меня, то, ради Христа воскресшаго, истреби въ сердцѣ своемъ всякое неудовольствіе на человѣка, все время болѣвшаго, страдавшаго много и душевно, и тѣлесно, и теперь едва только кое-какъ поднявшагося на ноги. Обнимаю тебя отъ души вмѣстѣ со всѣми милыми твоему сердцу и еще разъ говорю: Христосъ воскресе!

Собирался-было ѣхать къ тебѣ въ Петербургъ, кое о чемъ поговорить, кое-что прочесть изъ того, что написалось среди болѣзней и всякихъ тревогъ, но теперь не знаю, какъ это будетъ. —— Какъ только все сколько-нибудь устроится, увидимся, братски обнимемся...

Къ А. А. Иванову.

Москва. Апрѣля (1850).

Христосъ воскресе!

Что вы, безцѣнный, добрый Александръ Андреевичъ, позабыли меня вовсе? Вотъ уже годъ, какъ я не имѣю о васъ ни слуху, ни духу. На послѣднее мое письмо вы не отвѣчали. Можетъ быть, оно не дошло къ вамъ. Напишите мнѣ слова два о намѣреньяхъ вашихъ, не встрѣтимся ли мы съ вами гдѣ-нибудь хоть на Востокѣ, если вы не располагаете пріѣхать скоро въ Россію. Пронеслись слухи о вашей картинѣ, что она будто бы совершенно окончена. Въ та-

(1) Это письмо не имѣетъ даты, но видно, что оно писано въ апрѣлѣ 1850 года, изъ Москвы. Рукой г. Плетнева приписано сверху: »Отв. 2 мая 1850.« *П. К.*

комъ случаѣ вы ее, вѣрно, отправите въ Петербургъ, а можетъ быть, и сами лично поспѣшите вслѣдъ за нею. Мнѣ будетъ очень жаль, если какъ-нибудь съ вами разъѣдусь...

Моллеру пожалуста передайте мой душевный поклонъ и скажите ему, что я прошу и молю его написать хоть строчку. Увѣдомьте также о томъ, спокойно ли теперь въ Римѣ и не мѣшаютъ ли вамъ заниматься.

Къ сестрѣ Елисаветѣ Васильевнѣ.

(1850).

Христосъ воскресе, добрая моя Лиза! Отвѣчаю тебѣ на твои два письма. Ими я гораздо больше доволенъ, чѣмъ всѣми твоими прежними письмами, хотя въ нихъ заключается грустное извѣстіе о смерти Прасковьи Ивановны Р***, которой безмятежная и чистая душа уже ликуетъ теперь на небесахъ. Не грусти о ней, но молись, чтобы и она помолилась о тебѣ потомъ на небесахъ. Извѣстіе твое о бѣдственной судьбѣ твоей крестницы также трогательно. Но зачѣмъ же ты не возьмешь ее къ себѣ? или мѣста нѣтъ въ домѣ, что ли? И зачѣмъ тебѣ уступать свою комнату? Можно особенно опредѣлить для этого комнату и назвать ее, просто, дѣтскою, потому что, Богъ вѣсть, можетъ быть, опять отыщется какая-нибудь сиротка, которой негдѣ пріютиться на свѣтѣ. Теперь, когда ты глядишь на это, какъ на Христіанскую обязанность — другое дѣло. А о невозможности содержать не стоитъ говорить: эти слова пустяки: дѣвочка немного съѣстъ и немного сноситъ платья. Одѣвать ее можно очень просто; чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Воспитывать тоже можно очень просто. Нужно только, чтобы она была добра душой и сердцемъ, хозяйка, услужлива, привѣтлива, ласкова, какъ ласточка, и готова на всякую работу и трудъ, какъ для себя, такъ и для другихъ. По-моему, я бы не отдавалъ ее въ институтъ, потому что дома можно лучше выучиться всему тому, что нужно для дѣвушки, для того, чтобы сдѣлаться хорошей хозяйкой, хорошей женой и хорошей матерью. Дѣвушкѣ бѣдной вовсе ненужны тѣ таланты, которые пріобрѣтаются для того, чтобы блистать въ

обществѣ. Иначе она себѣ не сыщетъ и мужа, потому что мущины теперь сдѣлались смѣтливѣй и начинаютъ выбирать себѣ, просто, добрыхъ хозяекъ. А потому больше всего старайся возлагать маленькія порученности по домоводству; онѣ найдутся и для ребенка. Въ домашнемъ быту есть каждому кое-что по силамъ. [Лучше такія избирать занятья по этой части, которыя бы заставляли дѣвочку поболѣе двигаться на воздухѣ. Это будетъ полезнѣе для здоровья, да и для ней самой пріятнѣе]. Что̀ же касается до ученья, то не дѣлай изъ этого ничего педантскаго и не заставляй долго сидѣть за книгой; напротивъ, рѣже сколько можно. Старайся лучше все полезное внушать посредствомъ разсказовъ; это будетъ гораздо дѣйствительнѣе. Прочитай прежде сама, что̀ найдешь нужнымъ для ребенка, и потомъ подумай о томъ, какъ бы разсказать ему такимъ образомъ, какъ самую занимательную сказку, такъ чтобы твой урокъ былъ ему какъ-бы въ награду. Повѣрь, что это будетъ такъ нравиться дѣтямъ, что они будутъ приступать къ тебѣ ежеминутно съ просьбой разсказать что-нибудь, и посредствомъ этого ты можешь внушить въ немного времени много того, чего въ цѣлые годы не внушатъ учителя. Умъ твоей воспитанницы будетъ чрезъ это гораздо больше развитъ, чѣмъ у той, которая выходитъ изъ института. Поэтому я тебѣ совѣтую читать самой особенно такія книги, изъ которыхъ можно извлечь что-нибудь хорошее для дѣтей: по части исторіи, путешествій по разнымъ землямъ, по части естественной исторіи и вообще всего того, что̀ знакомитъ съ мудростью твореній Божьихъ. Изъ повѣстей избирай въ свои разсказы такія, гдѣ изображено, какъ сдѣлалась какая-нибудь дѣвочка отличною хозяйкой и заслужила отъ всѣхъ похвалу, какъ привела себя въ возможность дѣлать всѣмъ добро и всюду благотворить. Все это будетъ и для тебя гораздо пріятнѣе, и для твоихъ воспитанницъ, которыхъ ты сможешь безъ труда учить разомъ всѣхъ; потому что, какъ только онѣ почувствуютъ пріятность твоихъ разсказовъ, то обсядутъ тебя кучкой и не сведутъ съ тебя глазъ. Не говори имъ только, что это урокъ, но что это разсказъ и повѣсть имъ въ награду за исправность, услужливость, прилежанье и внимательность. Воспитанье производится очень легко, если только хоть сколько-нибудь прежде воспитаетъ себя

тотъ, который воспитываетъ другихъ. Уже достаточно присутствовать только въ обществѣ воспитанныхъ и добросердечныхъ людей, чтобы отъ нихъ нечувствительно набраться и себѣ самому того же. Я помѣстилъ тебя къ Прасковьѣ Ивановнѣ совсѣмъ не затѣмъ, чтобы чему-нибудь выучиться, но чтобы нечувствительно сдѣлаться и самой доброю, находясь ежеминутно окруженной кроткими и незлобивыми людьми. Живя тамъ и видя предъ собой безпрестанно свѣтлое и исполненное доброты лицо Прасковьи Ивановны, ты и сама стала нечувствительно выражать на лицѣ своемъ больше свѣтлости и спокойствія. Такъ достаточно даже и немного времени пробыть въ той комнатѣ, гдѣ пріуготовляются ароматы, чтобы пахнуть потомъ и самой. Итакъ будь свѣтла и добра, какъ Прасковья Ивановна; умѣй только привязать къ себѣ воспитанницъ своихъ, такъ чтобы онѣ любили тебя безъ памяти, и онѣ воспитаются сами собою. Тебя же Богъ не обидѣлъ умомъ, а потому ты еще болѣе можешь сдѣлать, если только наполнишь свой умъ такимъ запасомъ, который будетъ пригоденъ въ разсказы дѣтямъ. Чего нельзя передать тому, кто насъ любитъ? Чего не приметъ отъ насъ тотъ, кто насъ любитъ? Путемъ любви можно все передать человѣку. Но довольно объ этомъ предметѣ; обратимся къ другому.

Я тебя пожурилъ за неумѣніе вести аккуратно счетъ и въ то же время далъ промахъ самъ, сочевши за два года, намѣсто одного, такъ что, намѣсто десяти, у меня вышло почти двадцать тысячъ. Пожалуста свѣрь хорошенько за весь годъ, то есть, подведи точный итогъ всему расходу и всему приходу въ продолженіе года. У меня двухъ мѣсяцевъ недостаетъ. На-счетъ веденія приходовъ и расходовъ прочитай еще разъ все, что ни было мною писано въ письмахъ. Статья эта вовсе не маловажная и отъ нея зависитъ много всякихъ улучшеній и возможностей умнѣй распоряжаться во всемъ. Отъ упрековъ моихъ не приходи въ сокрушеніе: ты видишь — я сегодня попрекну, а завтра похвалю. Таковъ ужъ человѣкъ: въ немъ пребываетъ рядомъ одно съ другимъ, и то, что̀ достойно похвалы, и то, что̀ достойно порицанья. Хотя я тебѣ кажусь гораздо совершеннѣе тебя, но во мнѣ также пребываютъ они рядомъ, а потому я не смущаюсь ни отъ какого

упрека, но благодарю за него, потому что онъ заставляетъ меня построже взглянуть на себя. Но, покамѣстъ, довольно...

Къ матери.

(1850.)

Христосъ Воскресъ!

Поздравляю васъ, почтеннѣйшая и многолюбимая матушка, съ радостнѣйшимъ для всѣхъ насъ праздникомъ! Письма, и ваше, и сестеръ, получилъ. Посылокъ пожалуйста никакихъ не присылайте. Варенья и въ Москвѣ довольно. Вмѣсто того, посылаю вамъ сѣмянъ для огорода и конфектовъ. Тутъ же и книга съ полнымъ наставленіемъ, какъ обходиться съ посѣвомъ всякой зелени и кореньевъ. Аннѣ Васильевнѣ и Николаю Павловичу поручаю особенно заняться этою частію...

Къ К. С. Аксакову.

(1850, въ маѣ.)

Оказывается, что вамъ очень недурно съѣздить въ Кіевъ, Константинъ Сергѣевичъ. Во-первыхъ, чтобы не обидѣть первопрестольной столицы, а во-вторыхъ, чтобы, задавши работу ногамъ, освѣжить голову, совершая путь пополамъ съ подсѣдомъ на телегу и съ напускомъ пѣхондачка, совокупно съ ними оттопавши дорогу до Глухова, откуда Кіевъ уже подъ носомъ, и потомъ, по благоусмотрѣнію, можете устроить возвратъ...

Къ С. Т. Аксакову.

(1850, мая 13.)

Мы съ Максимовичемъ заѣдемъ къ вамъ по дорогѣ, то есть, передъ самымъ отъѣздомъ, часу во второмъ, стало быть, во время вашего завтрака, чтобъ и самимъ у васъ чего-нибудь перехватить:

одного блюда, не больше, или котлетъ, или пожалуй вареников и запить бульонцемъ.

Къ N. F.

(Іюня 15 1850.)

Да, я точно въ Москвѣ, добрый другъ N F, и очень желаю васъ видѣть, и замедлилъ къ вамъ пріѣздомъ только потому, чтобъ не разминуться съ F*; а онъ, сказываютъ, будетъ на дняхъ. Отъ него надѣюсь узнать, между прочимъ, и о томъ, какимъ путемъ къ вамъ добраться; доселѣ же свѣдѣнія, на этотъ счетъ собираемыя, крайне темны. Прискорбно мнѣ узнать изъ вашего письма, что вы не домогаете; но Богъ милостивъ: все строитъ и обращаетъ намъ въ пользу. Графъ и графиня Т. очень васъ благодарятъ и кланяются. До свиданья...

Къ ней же.

Москва (1850).

Въ какое время пришло ко мнѣ милое письмо ваше! Самъ боленъ, изнемогаю духомъ, самъ требую молитвъ и утѣшенія и не нахожу нигдѣ. О, какъ трудно быть тому, кто не умѣетъ быть въ Богѣ! Чувствую это во всей силѣ на себѣ. Съ болѣзнью моей соединилось такое нервическое волненіе, что ни минуты не посидитъ мысль моя на одномъ мѣстѣ и мечется, бѣдная, безпокойнѣй самого больного. Вѣрю только тому, что Богъ милосердъ и что строитъ всегда лучше того, какъ замышляемъ мы. О, не смущайтесь, что могутъ нанести вамъ всякія непріятности жизни! Путь нашъ долженъ быть предъ Богомъ, а не предъ людьми. Если мы чисты, если правы предъ Богомъ, кто можетъ изъ людей опорочить насъ, заклеймить пятномъ наше имя? А скорби... но если уже самъ Спаситель сказалъ, что только ими очищается душа, какъ же быть безъ нихъ? Гдѣ же человѣку показать величіе души, какъ не въ минуты невзгоды? Всюду скорби; на кого ни погляжу, всякой скорбитъ; я самъ такъ скорблю, что не въ силахъ и молиться. Твержу

ваше имя всякой день, но что это за молитва безкрылая! О, спаси васъ Богъ, спаси, покрой, осѣни святымъ щитомъ Своимъ, проведи сквозь эту ничтожную, пугающую тревогу здраво, цѣло, со внесеньемъ богатыхъ сокровищъ въ вашу испытанную бѣдами душу! Прощайте! да не смущается сердце ваше!...

Болѣзнь отнимаетъ силы думать теперь о пріѣздѣ; но если станетъ лучше и докторъ позволитъ... Впрочемъ, говоря откровенно, не знаю, чѣмъ могу быть вамъ нуженъ теперь. Думаю даже, не повредилъ бы чѣмъ-нибудь мой пріѣздъ; пойдутъ еще новые какіе-нибудь нелѣпые слухи. Вѣрьте, однакожъ, тому, что сердцу было бы очень сладко, если бы Богъ сподобилъ меня быть какимъ-нибудь орудіемъ къ вашему утѣшенью. Зачѣмъ же не обратиться намъ прямо къ Тому, Кто самъ проситъ насъ и увѣщеваетъ къ Нему обращаться? Съ Богомъ же снова въ путь вашъ! Глядите твердо кверху и да не смущается ваше сердце! Все нечистое пронесется мимо!...

Къ отцу Матвѣю.

(1850.)

Къ вамъ моя сильная просьба, безцѣннѣйшій Матвѣй Александровичъ: добрая старушка Надежда Николаевна Ш*****, которую вы встрѣтили у меня и которая съ такой готовностью бросилась исполнить просьбу вашу о помѣщеніи дѣвочки въ Шереметьевское заведеніе, послѣ 74 лѣтъ жизни, исполненной добрыхъ дѣлъ, скончалась 11 мая. Она меня любила, какъ сына, хотя я не сдѣлалъ ничего, достойнаго любви ея, и не былъ къ ней даже въ половину такъ внимателенъ, какъ она ко мнѣ. Помолитесь о ней, добрѣйшая душа, и за себя, и за меня. Отслужите по ней панихиду и не позабывайте упомянуть ея имя въ то время, когда поминаете имена усопшихъ рабовъ Божіихъ, вами чаще поминаемыхъ...

Къ сестрѣ Елисаветѣ Васильевнѣ.

(1850.)

Я пріѣхалъ въ Сорочинцы благополучно, но въ чужомъ экипажѣ. Пожалуста, не сказывая матушкѣ, вели заложить коляску и

завтра же, т. е. въ субботу пораньше, прежде чѣмъ станетъ свѣтать, часа въ 3, выѣхать за мною, такъ чтобы въ часовъ въ 7 она была здѣсь. Матушкѣ можешь сказать на другой день поутру: иначе она не будетъ спать...

Къ графу А. П. Т—му.

Село Васильевка, близъ Полтавы. 10 Іюля (1850).

Спѣшу написать вамъ нѣсколько строкъ. Ѣхалъ я, слава Богу, благополучно. Небольшія кое-какія неудобства не стоятъ того, чтобы быть замѣченными посреди неисчетнаго множества благодѣяній, которыми дождитъ на насъ неустающій въ даяніяхъ Богъ. И, право, мнѣ кажется человѣку не очемъ помышлять, какъ только о томъ, чтобы превратиться въ благодарственный гимнъ и въ неумолкаемую пѣснь Ему. Я заѣзжалъ на дорогѣ въ Оптинскую пустынь и навсегда унесъ о ней воспоминанье. Я думаю, на самой Аѳонской горѣ не лучше. Благодать видимо тамъ присутствуетъ. Это слышится въ самомъ наружномъ служеніи, хотя и не можемъ объяснить себѣ, почему. Нигдѣ я не видалъ такихъ монаховъ. Съ каждымъ изъ нихъ, мнѣ казалось, бесѣдуетъ все небесное. Я не разспрашивалъ, кто изъ нихъ какъ живетъ: ихъ лица сказывали сами все. Самые служки меня поразили свѣтлой ласковостью ангеловъ, лучезарной простотой обхожденья; самые работники въ монастырѣ, самые крестьяне и жители окрестностей. За нѣсколько верстъ, подъѣзжая къ обители, уже слышишь ея благоуханіе: все становится привѣтливѣе, поклоны ниже и участья къ человѣку больше. Вы постарайтесь побывать въ этой обители; не позабудьте также заглянуть въ Маломъ Ярославцѣ, который вамъ тоже будетъ по дорогѣ къ тамошнему игумену, который родной братъ Оптинскому игумену и славится также своей жизнью; третій ихъ братъ игуменомъ Соровской обители и тоже, говорятъ, очень достойный настоятель. Я увѣренъ, что эта обитель оставитъ у васъ, какъ и у меня, одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній.

Если вы еще въ Петербургѣ, то передайте мои душевные поклоны Софьѣ Петровнѣ и обѣимъ вашимъ искренно мной люби-

мымъ племянницамъ. Дай Богъ, чтобы онѣ всѣ были здоровы и преуспѣвали во всемъ, что̀ возвышаетъ душу человѣка. Скурыдыну и Бурачку передайте также мои заочные поклоны. Не позабудьте и преосвященнаго Евсевія, котораго, вѣроятно, вы иногда видаете, и напишите хоть строчку, въ какомъ бы расположеніи духа она ни написалась...

Спросите у Натальи, или Марьи Владимировны, не оставилъ ли я у нихъ въ Неаполѣ трехъ тетрадей съ видами Палестины. Если на случай они въ Петербургѣ, то я бы попросилъ ихъ переслать мнѣ въ Полтаву.

На дняхъ буду писать къ вамъ, можетъ быть, побольше и обстоятельнѣй, а особливо если получу что-нибудь отъ васъ.

Къ NF.

Деревня Васильевка. Іюля 10 (1850).

Два безцѣнныя письмеца ваши, добрый другъ NF, получилъ. Благодарю васъ отъ всей души и отъ всего сердца за все. Совѣтами воспользуюсь. Все пріиму въ соображеніе и примусь за написанье такого письма, которое бы только изобразило открыто и чистосердечно мое положенье, и ничего больше. Я думаю, что если только Богу угодно, то все обдѣлается само собою. Вы сами помните, что я вовсе не просилъ о томъ пансіонѣ, который мнѣ былъ пожалованъ неожиданно, на время пребыванья моего за границею для леченья. Я даже вамъ не заикался объ этомъ.

Недѣли черезъ двѣ, вы получите отъ меня то, что̀ внушитъ мнѣ мой разсудокъ и сердце. А ихъ да вразумитъ Богъ! о семъ молитесь и вы. А на-счетъ чортика и всякихъ лѣзущихъ въ голову постороннихъ гостей, скажу вамъ: просто, плюньте на нихъ! Скажите: »Мнѣ некогда, у меня есть теперь много заботъ поважнѣе, въ томъ числѣ, положимъ, и дѣло Гоголя.« А еще лучше скажите: »У меня есть другія, высшія обязанности: мнѣ нужно благодарить Бога за то, что сохранилъ меня до сихъ поръ, что я еще живу на свѣтѣ, что жизнь моя еще нужна для добрыхъ дѣлъ. Некогда, неко-

гда, сатана! убирайся себѣ въ свою преисподнюю!« Онъ, скотина, убѣжитъ, поджавши хвостъ...

Къ ней же.

Іюль 18 (1850). Деревня Васильевка, близъ Полтавы.

Посылаю вамъ все, что̀ могъ придумать. Письмо это доставитъ вамъ племянникъ мой, Трушковскій, юноша, ѣдущій въ Казанскій университетъ продолжать тамъ свое ученіе по факультету Восточныхъ языковъ. Дѣло вотъ въ чемъ: я нахожусь въ какомъ-то нравственномъ безсиліи — — — а что̀ самое главное, ничего не могу написать начисто, ошибаюсь безпрестанно, пропускаю, не дописываю, приписываю, надписываю сверху, испорчу десть бумаги и ничего не сдѣлаю. Я думаю, что мое дѣло только—изобразить свое положеніе и сдѣлать его очевиднымъ другому. Остальное все управитъ Богъ. Онъ, вѣрно, внушитъ и вамъ, и Т., и всякому другому, съ кѣмъ бы вы нашли нужнымъ обо мнѣ посовѣтоваться, именно то, что̀ нужно. Впрочемъ увѣдомьте меня объ этомъ двумя-тремя небольшими строчками...

Къ ней же.

Августа 20 (1850). Деревня Васильевка.

Письмо ваше, добрый, безцѣнный другъ N F, получилъ. Мнѣ кажется, что и вы, и Т. совершенно правы. Хочу поступить совершенно такъ, какъ вы придумали, хоть и не знаю, дастъ ли мнѣ это исполнить какая-то непостижимая лѣнь и неохота писанья. Вы сами знаете, какъ гадко хлопотать о самомъ себѣ, и особенно просить, когда со всѣхъ сторонъ всѣ просятъ денегъ, точно нищіе. Просто, не подымается рука, и, кажется, какой-то голосъ говоритъ: »Тебѣ бы не слѣдовало объ этомъ хлопотать; тебѣ бы хотя одному слѣдовало бы сдѣлать свое дѣло честно, не забирая впередъ платы.« — — Нужнѣй всего мнѣ теперь, просто, хлопотать о пашпортѣ,

потому что за этими письмами прошло много времени и боюсь крайне опоздать. Мнѣ нужно непремѣнно эту зиму хорошенько поработать въ ненатопленномъ теплѣ, съ благодатными прогулками на воздухѣ благораствореннаго юга; и если только милосердный Богъ приведетъ мои силы въ состоянье полнаго вдохновенья, то второй томъ эту же зиму будетъ готовъ. Вы сами знаете, что бываютъ времена, когда въ одинъ день больше дѣлается, чѣмъ въ мѣсяцы.

Отъ Стурдзы я получилъ на дняхъ изъ Одессы весьма милое письмо съ дружелюбнымъ зазывомъ въ Одессу. Если бы Одесса сдѣлана хоть на этотъ годъ Коринѳомъ, или Байрутомъ, съ какою бы я радостью остался въ Россіи! Весной увидался бы съ вами раньше обыкновеннаго, май—въ Москвѣ, іюнь, іюль и августъ устроился бы гдѣ-нибудь на морскихъ водахъ близъ Ревеля, или Риги, въ совокупности съ Жуковскимъ, съ присоединеньемъ Плетнева. Тамъ прочитали бы совокупно написанное, а сентябрь и октябрь—въ Петербургѣ, для печатанья и окончательнаго устроенья дѣлъ. Въ Одессу я выѣзжаю не раньше 15 сентября, стало быть, вы еще можете дать о себѣ вѣсточку въ Полтаву; а послѣ этого числа адрессуйте, для лучшей вѣрности, къ Стурдзѣ. Р*** также въ Одессѣ и, кажется, остаются тамъ всю зиму...

Напишите, чѣмъ занимаетесь. Вразуми васъ Богъ найти занятіе и физическимъ силамъ: какую-нибудь рукопашную работу на вольномъ воздухѣ. Я тѣломъ не очень здоровъ, но голова, слава Богу, вся сидитъ во 2 томѣ.

Къ ней же.

Одесса. 26 октября (1850).

Пріѣхавши въ Одессу, сію же минуту, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, пишу къ вамъ. Ваше письмо получилъ еще въ Малороссіи, передъ самымъ моимъ выѣздомъ. Хоть и говорите вы, что оно писано въ вяломъ и пошломъ расположеніи духа, но оно мнѣ было такъ же пріятно и отрадно, какъ всѣ ваши письма. Великое дѣло, когда душа сродна душѣ: въ какомъ бы растрепанномъ и неопрятномъ видѣ ни вышелъ, хоть и при нуждѣ бываютъ стро-

ки, всё-таки увидишь въ нихъ того же человѣка, котораго любишь. Вы правы на-счетъ моихъ распоряженій, по части денежныхъ пособій и выѣзда. Точно я плохо распорядился. Такая находитъ лѣнь по этой части, что, просто, не могу съ собой сладить, хоть и силюсь давать себѣ шпоры и понуканья. Можетъ быть, придется остаться въ Одессѣ и всю зиму. Хоть и страшатъ меня здѣшніе вѣтры, которые, говорятъ, зимой невыносимо суровы; но сила моря была такъ полезна моимъ нервамъ! Авось-либо и Черное море хоть сколько-нибудь будетъ похоже на Средиземное! Что̀ бы вамъ прожить зиму въ Одессѣ! Мы бы опять тряхнули стариной, вспомня Ниццу и всякія пріятныя встрѣчи, послѣ долгихъ скитаній. Бѣда только, что время становится позднее и дороги гадки. Я успѣлъ уже видѣть Стурдзу, хоть и на весьма короткое время. У него куча новостей о Востокѣ и обо всемъ, для насъ интересномъ; но выслушиванье я отложилъ до другого времени, желая поскорѣй вамъ нацарапать нѣсколько строкъ. Не взыщите за царапанье...

Къ С. П. Шевыреву.

7 ноября (1850). Одесса.

Благодарю тебя много и много, безцѣнный другъ, за твои заботы о моемъ племянникѣ. Поблагодари также и Погодина. Онъ устроился въ Казани очень хорошо и, кажется, имъ довольны. Денегъ ему, покуда, еще ненужно. Да и лучше, если молодой человѣкъ будетъ знать заранѣе, что всякая копейка алтыннымъ гвоздемъ прибита. Онъ точно снабженъ всѣмъ необходимымъ.

Я теперь, какъ видишь, сижу въ Одессѣ; пріѣхалъ сюда затѣмъ, чтобъ отсюда двинуться въ теплые края, но это, кажется, не состоится, по неимѣнью еще пашпорта. Я полѣнился хлопотать о немъ пораньше. Получить его могу или въ концѣ декабря, или въ началѣ января, стало быть, выѣзжать поздо весной; но мнѣ нужно быть въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Боюсь и суровости зимы, которая далась мнѣ знать въ прошломъ году, боюсь и разлучиться съ друзьями и близкими. Здѣшняя зима, по забраннымъ свѣдѣ-

ніямъ, мало чѣмъ лучше Московской, такъ, что если бъ не страшили меня совершенно испортившіяся дороги и невыгоды зимняго пути, совершенно невыносимаго для моего тѣла, я бы потащился снова въ Москву — обнять сызнова васъ всѣхъ, и тебя въ особенности.

На-счетъ печатанья сочиненій: напиши мнѣ, что̀ стоитъ бумага, на которой печатается »Москвитянинъ«, и можно ли ее заготовить достаточно на 2-е изданіе моихъ сочиненій. Я бы желалъ листъ ея перегнуть въ 12-ю долю. Они велики, и двѣнадцатая доля будетъ почти равняться прежней осьмушкѣ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ изданье продавалось дешевле: за 5 томовъ пять, шесть цѣлковыхъ, не больше. Нужно необходимо, чтобъ къ выходу II тома »М. Д.« подоспѣло изданіе сочиненій, которыхъ, вѣроятно, потребуется тогда вдругъ много. Увѣдоми меня также, что̀ возьмутъ типографщики за листъ Смирдинскаго изданія Русскихъ писателей, которые тоже въ двѣнадцатую долю и которыхъ рамка страницъ такая, какъ потребна моимъ сочиненіямъ. Съ той только разницей, что мнѣ хотѣлось бы пустить поля вокругъ пошире, и потому бумагу форматомъ побольше.

Живу я въ Одессѣ, покуда, слава Богу. Общество у меня весьма пріятное. Добрѣйшій Струдза, съ которымъ вижусь довольно часто, семейство кн. Р***, тебѣ тоже знакомое. Изъ здѣшнихъ профессоровъ Павловскій, преподаватель Богословія и философіи Михневичь, Мурзакевичъ, потомъ нѣсколько добрыхъ товарищей еще по Нѣжинскому лицею. Словомъ, со стороны пріятнаго препровожденія грѣхъ пожаловаться. Дай Богъ только, чтобъ не подгадило здоровье. Помѣстился я тоже такимъ образомъ, что мнѣ покойно и никто не можетъ мнѣ мѣшать, въ домѣ родственника моего, котораго, впрочемъ, самого въ Одессѣ нѣтъ, такъ что мнѣ даже очень просторно и подъ-часъ весьма пустынно.

Увѣдоми о себѣ, о добрѣйшей С* Б*, о дѣткахъ и, словомъ, обо всемъ, что̀ до васъ относится. Я уже давно не имѣю вѣстей изъ Москвы. Да, есть ли у тебя экземпляръ, чтобы отдать въ цензуру и какому цензору? — — Приложенное при семъ письмо пожалуста пошли Аксакову. Не позабудь слова два написать о погодѣ: когда въ Москвѣ началась зима и выпалъ первый снѣгъ. Здѣсь его во множествѣ выпало третьяго дни, и съ одного разу

сдѣлалась санная дорога: диво, доселѣ, говорятъ, невиданное. Вообще климатъ Одессы я нахожу мало чѣмъ лучше Московскаго...

Къ С. Т. Аксакову.

7 ноября (1850). Одесса.

Увѣдомляю васъ, безцѣнный другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, что я въ Одессѣ и, можетъ быть, останусь здѣсь всю зиму, хоть, признаюсь, здѣшняя зима мало чѣмъ лучше Московской. Но нечего дѣлать: съ паспортомъ я опоздалъ. А отсюда подыматься на сѣверъ тоже поздно. Видѣлъ я К***, который мнѣ показался весьма добрымъ человѣкомъ. Часто видаюсь съ Стурдзой, съ кн. Р****, Т**** и со многими старыми товарищами по школѣ; но чувствую, что васъ не достаетъ. Пожалуста увѣдомьте меня о себѣ, о всѣхъ вашихъ и о всемъ, чтò до васъ относится; о семъ прошу и Конст. Сергѣевича. Продолжаете ли записки? Смотрите, чтобы намъ, какъ увидимся, было не стыдно другъ передъ другомъ и было бы чтò прочесть. Константину и Ивану Сергѣевичамъ также...

Къ П. А. Плетневу.

Декабря 2, 1850. Одесса.

Пишу, какъ видишь, изъ Одессы, куда убѣжалъ отъ суровости зимы. Послѣдняя зима, проведенная мною въ Москвѣ, далась мнѣ знать сильно. Думалъ-было, что укрѣпился и запасся здоровьемъ на югѣ надолго, но не тутъ-то было. Зима третьяго года кое-какъ перекочкалась, но прошлаго — едва-едва вынеслась. Не столько были для меня несносны самые недуги, сколько то, что время пропало даромъ; а время мнѣ дорого. Работа — моя жизнь; не работается — не живется, хотя, покуда, это и не видно другимъ. Отнынѣ хочу устроится такъ, чтобы три зимніе мѣсяцы въ году проводить внѣ Россіи, подъ самымъ благотворнѣйшимъ климатомъ, имѣющимъ свойство весны и осени въ зимнее время, то

есть, свойство благотворное для моей головы во время работы. Я испыталъ, что дѣло идетъ у меня какъ слѣдуетъ только тогда, когда все утружденіе, нанесенное головѣ поутру, развѣется въ остальное время дня прогулкой и добрымъ движеніемъ на благорастворенномъ воздухѣ [а здѣсь, въ прошломъ году, мнѣ нельзя было даже выходить изъ комнаты]. Если это не дѣлается, голова на другой день тяжела, неспособна къ работѣ, и никакія движенія въ комнатѣ [сколько ихъ ни выдумывалъ] не могутъ помочь. Слабая натура моя такъ уже устроилась, что чувствуетъ жизненность только тамъ, гдѣ тепло *не-натопленное*. Слѣдовало бы и теперь выѣхать хоть въ Грецію: затѣмъ, признаюсь, и пріѣхалъ въ Одессу. Но такая одолѣла лѣнь, такъ стало жалко разлучаться и на короткое время съ православной Русью, что рѣшился остаться здѣсь, понадѣясь на Русскій авось, то есть, авось-либо Русская зима въ Одессѣ будетъ сколько-нибудь милостивѣй Московской. Разумѣется, при этомъ случаѣ стало представляться, что и вонь, накуренная послѣдними политическими событіями въ Европѣ, еще не совершенно прошла, — и просьба о паспортѣ, которую хотѣлъ-было отправить къ тебѣ, осталась у меня въ портфелѣ. Впрочемъ уже и поздно: къ веснѣ, во всякомъ случаѣ, мнѣ нужно бы возвращаться въ Россію. Намѣренія мои теперь вотъ какого рода: въ концѣ весны, или въ началѣ лѣта предполагаю быть въ Петербургѣ, затѣмъ чтобы, во-первыхъ, повидаться съ тобой и съ Жуковскимъ и перечесть вмѣстѣ все то, что хочется вамъ прочитать, а во-вторыхъ, если будетъ Божья воля, то и приступать къ печатанію. Увѣдомь меня теперь же, какіе у тебя планы на лѣто. Какъ бы устроиться намъ такъ, чтобы провести его гдѣ-нибудь на морскихъ водахъ, въ Ревелѣ, или въ иномъ мѣстѣ? Я думаю, что взаимныя бесѣды намъ будутъ нужнѣй, чѣмъ когда-либо прежде. Не полѣнись, напиши теперь же, присообща къ этому хоть два слова о своемъ житьѣ и о милыхъ, близкихъ твоему сердцу, которымъ всѣмъ передай душевный мой поклонъ...

Къ С. П. Шевыреву.

Одесса. 15 декабря (1850).

Пользуюсь оказіей и отвѣчаю тебѣ на твое письмо черезъ Николая Никифоровича Мурзакевича, который къ Рождеству, вѣроятно, уже будетъ въ Москвѣ. Благодарю тебя много за все. Всякое письмо къ тебѣ начинается, какъ видишь, благодарностію. Такъ ужъ, видно, опредѣлено свыше. Относительно распоряженія твоего на-счетъ 1000 р. сер. изъ благотворительной суммы, совершенно согласенъ, и мнѣ кажется самому, что это будетъ полезнѣе прочаго. Сочиненія можно отдать въ цензуру. Что́ же до отпуска всѣхъ экземпляровъ »М. Д.« одному книгопродавцу, то, мнѣ кажется, лучше этого не дѣлать, потому что отъ этого выгоды мнѣ никакой, а бѣдному покупщику вредъ. Забравши остальныя книги, книгопродавецъ дѣлается тотчасъ монополистомъ и деретъ Жидовскія цѣны.

Письма Базили не ищи: не отыщешь: оно давно въ моихъ рукахъ: ты его отправилъ тотъ же часъ ко мнѣ, какъ получилъ. Обнимаю тебя. Поздравляю впередъ съ грядущимъ 1851 годомъ, отъ всей души желая, чтобъ онъ былъ тебѣ благотворнѣйшимъ изъ всѣхъ, доселѣ тобою встрѣчаемыхъ. Богъ да хранитъ тебя, какъ зѣницу ока, вмѣстѣ со всѣмъ твоимъ семействомъ!...

Къ С. Т. Аксакову.

Одесса. Декабря 23 (1850).

Очень обрадовали меня вашимъ письмецомъ, добрый другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ. Слава Богу, вы здравствуете, хоть и не такъ, можетъ быть, какъ хотѣлось бы; но... за все слава Богу! Если будемъ довольствоваться малымъ, дастся и больше. Меня так же Богъ милуетъ и хранитъ: зима здѣшняя благопріятна мнѣ. Занятія мои потихоньку идутъ. Весной хочется быть въ Москвѣ, повидаться съ вами и съ Москвой. Очень радъ, что драма Конст. Сер-

гѣевича попала на сцену. Весьма меня обяжете, если увѣдомите, какъ она шла, какъ вообще впечатлѣніе и что̀ говорятъ о ней порознь. За тѣмъ обнимаю васъ отъ всей души и поздравляю совокупно со всѣмъ милымъ вашимъ семействомъ всѣхъ съ наступающимъ новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобъ онъ каждому изъ васъ принесъ въ душу много радостей такихъ, за которыя безпрерывно хочется благодарить Бога!...

Къ N F.

Декабря 23 (1850).

Письмо ваше отъ 24-го ноября получилъ добрый другъ N F. Все правда, что̀ вы въ немъ ни пишете. Много развѣвается холоднаго, безнравственнаго по бѣлу свѣту; много порывается отовсюду всякихъ пропагандъ, грызущихъ, по-видимому, какъ мыши, всѣ твердыя основы. Но какъ вспомнишь, что надъ нами всѣми Богъ, безъ воли Коего не падетъ волосъ съ главы, что Онъ превосходитъ все неизмѣримостью Своего милосердія, что одна молитва праведника можетъ отвратить многое и спасти многое, что, наконецъ, Онъ—высшій разумъ, превыше всѣхъ нашихъ ежеминутно ошибающихся умозаключеній; такъ станетъ вдругъ ничтожно и низко все то, чѣмъ мы смущаемся! и видишь, что нужно человѣку только молиться и благодарить,—молиться за всѣхъ, благодарить за все, съ псалмопѣвцемъ въ рукахъ: то стремиться къ Нему воплемъ души о водвореніи посреди насъ правды, то славословить Его такъ же неумолкаемо, какъ онъ Его славословитъ. Дай Богъ и вамъ, и мнѣ такого препровожденія жизни! тогда мірское смущенье не смутитъ насъ.

О себѣ, покуда, скажу, что Богъ хранитъ, даетъ силу работать и трудиться. Утро постоянно проходитъ въ занятіяхъ, не тороплюсь и осматриваюсь. Художественное созданье и въ словѣ то же, что̀ картина. Нужно то отходить, то вновь подходить къ ней, смотрѣть ежеминутно, не выдается ли что-нибудь рѣзкое и не нарушается ли нестройнымъ крикомъ всеобщаго согласія. Зима здѣсь въ этомъ году особенно благопріятна. Временами солнце глянетъ

такъ радостно, такъ по-южному! такъ вдругъ и напомнится кусочекъ Ниццы! Не прожить ли слѣдующую зиму въ Крыму? Вѣдь Крымъ отталкиваетъ только тѣмъ, что нѣтъ людей. Но если соберемся человѣка два-три, вы да я, да еще кто-нибудь, право, этого будетъ довольно. Мы вѣдь люди уже старые; что̀ намъ за рауты? Вѣдь старики, по-настоящему, должны только глядѣть другъ на друга да благодарить Бога за все,—за то, что прожили до этихъ поръ и что глядятъ другъ на друга. Поздравляю васъ съ наступающимъ новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобы въ немъ вамъ много было и здоровья, и силъ, и всякихъ милостей Божьихъ...

Къ отцу Матвѣю.

Одесса. Декабря (1850).

Пишу къ вамъ нѣсколько строчекъ, добрѣйшій Матвѣй Александровичъ, только затѣмъ, чтобы напомнить вамъ о себѣ, только затѣмъ, чтобы вновь повторить ту же просьбу: молитесь обо мнѣ, добрая душа! Намѣреніе мое ѣхать въ теплые отдаленные края, для поправленья хилаго моего здоровья, не состоялось. Я остался здѣсь въ Одессѣ и этому радъ. По великой милости Божіей, зима здѣсь въ этомъ году вовсе не похожа на суровыя зимы предыдущія: она тепла и благопріятна моему здоровью. Что̀ же касается до душевнаго состоянія... но что̀ говорить? Можетъ быть, вамъ душа моя извѣстна больше, чѣмъ мнѣ самому. Молюсь, чтобы Богъ превратилъ меня всего въ одинъ *благодарный гимнъ* Ему, которымъ бы должно̀ быть всякое творенье, а тѣмъ болѣе *словесное*,—чтобы, очистивши меня отъ всѣхъ моихъ скверпъ, не помянувши всего недостоинства моего, сподобилъ бы Онъ меня недостойнаго и грѣшнаго превратиться въ одну благодарную пѣснь Ему. Молюсь, молюсь и, видя безсиліе своихъ молитвъ, вопію о помощи. Молитесь, добрая душа!..

Къ матери.

(1850.)

Я получилъ ваше большое и весьма обстоятельное письмо, почтеннѣйшая и добрѣйшая матушка. Весьма за него благодарю, еще больше — за ваши молитвы. Здоровье мое, слава Богу, лучше, но климатъ, можетъ быть, придется перемѣнить. Впрочемъ ничего еще на этотъ счетъ вѣрнаго не могу сказать. Положеніе бѣднаго Ан. А. меня искренно трогаетъ. Пошли ему, Богъ, дни утѣшеній въ остальное время его жизни! Передайте отъ меня поклонъ добрѣйшей Софьѣ Васильевнѣ С**.

— — Еще я не понимаю, отчего вы такъ заботитесь о пріобрѣтеніяхъ для дѣтей вашихъ въ нынѣшнее время, когда все такъ шатко и невѣрно и когда имѣющій имущество въ нѣсколько разъ больше неспокоенъ бѣдняка. Слава Богу, Богъ Самъ пристроиваетъ дѣтей вашихъ: ни я не женился, ни сестры мои не вступили въ бракъ; стало быть, меньше заботъ и хлопотъ. И въ этомъ великая милость Божія. Какъ посмотрѣть вокругъ, сколько несчастныхъ родителей, незнающихъ, куда дѣть своихъ дѣтей! Сердце дрожитъ, когда помыслишь, какая страшная участь грозитъ имъ посреди ихъ ожидающаго разврата! А не пристроенныя семейства умножаются съ каждымъ годомъ всё больше и больше, а прихоти всё ростутъ, и каждому хочется жить такъ же, какъ живетъ его сосѣдъ. Жить по-просту, какъ долженъ жить человѣкъ, никто не хочетъ. Удерживать, умѣрять себя никто не умѣетъ, потому что никто не занятъ истиннымъ дѣломъ, а въ праздности много приходитъ человѣку тѣхъ прихотей, о которыхъ бы онъ и не подумалъ, если бы былъ точно занятъ.

Сестру Анну благодарю за приписку и прошу ее позаботиться о насажденьи свѣжихъ деревъ намѣсто усохнувшихъ и непринявшихся, вмѣстѣ съ племянникомъ. Можетъ быть, пришлю сіи сѣменъ огородныхъ овощей. А на приглашенье пріѣхать самому скажу, что отъ моего пріѣзда никакого не было бы толку, если бы и можно было пріѣхать. Все дѣлается не безъ воли Божіей. Притомъ надобно сказать и то, что издали какъ-то любится лучше, а вблизи какъ увидишь то да другое, то и это не такъ—

еще и поссоришься. ——Очень можетъ быть, что я не правъ, но тѣмъ не менѣе какая-то грусть проникаетъ мнѣ душу, и мнѣ становится тяжело. Вдали же я совершенно мирюсь со всѣми и вижу, что я меньше всѣхъ исполняю долгъ свой, принимая въ соображенье то, что мнѣ больше другихъ Богъ далъ способностей и силъ къ произведенью дѣлъ полезныхъ. ——

Къ ней же.

Генваря 20, 1851. Одесса.

Отъ васъ что-то давно нѣтъ писемъ, почтеннѣйшая матушка. Здоровы ли вы? На послѣднее мое письмо я еще не имѣлъ до сихъ поръ отъ васъ отзыва. Что же до меня, то здоровье мое нѣсколько было опять поиспортилось. Весь декабрь [т. е. покуда было тепло] я чувствовалъ себя очень хорошо, но съ началомъ генваря и съ наступленіемъ холодовъ опять пошли недуги. Впрочемъ теперь, слава Богу, они нѣсколько угомонились. Сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ скажите, что я отсюда нотъ ей не посылаю, потому что и дороги, и ничего нѣтъ новаго, да и съ пересылкой возня, и продавцы народъ продувной. А вмѣсто того я рѣшилъ написать къ Шевыреву, чтобы онъ выслалъ изъ Москвы, что есть поновѣе и получше. Тамошніе книгопродавцы или нотопродавцы гораздо лучше снабжены здѣшнихъ. Увѣдомьте меня о здоровьи васъ всѣхъ, начиная съ Андрея Андреевича, и какова стоитъ въ Когорлыкѣ зима, и какова она также въ Васильевкѣ, и что тамъ дѣлается...

Къ П. А. Плетневу.

Одесса. Января 25, 1851.

Благодарю тебя много за обстоятельное и милое твое письмо. Отъ всей души поздравляю тебя съ замужествомъ милой дочери и прошу также отъ меня передать ей поздравленіе. Радъ, что здоровье твое укрѣпилось отъ холоднаго леченія. Я тоже имѣлъ отъ него пользу. Намъ всѣмъ, Русскимъ, нужно помнить и твердить

себѣ безпрестанно: »Ничего не доводи до излишества!« Въ наши съ тобой лѣта совершенно переламывать привычки и прежній обычай жизни опасно, а понемногу оставлять ихъ, трезвиться тѣломъ и духомъ очень недурно и даже непремѣнно слѣдуетъ. Иначе какъ разъ потеряешь равновѣсіе между тѣломъ и духомъ. Я уже давно веду образъ жизни регулярный, или лучше — необходимый слабому моему здоровью. Занимаюсь только поутру; въ одиннадцатомъ часу вечера — въ постели. Стаканъ холодной воды натощакъ и ввечеру. Но большое употребленіе холодной воды и обливаніе вредитъ, производя во мнѣ большую испарину. Въ Одессѣ полагаю пробыть до апрѣля. Пріѣздъ Жуковскаго въ Москву, можетъ быть, нѣсколько измѣнитъ мой маршрутъ, и, вмѣсто весны, придется, можетъ быть, въ Петербургъ осенью. Впрочемъ это еще вреднѣе. Покуда, будь здоровъ; не забывай меня. А мнѣ хочется очень съ тобой, по старинѣ, запершись въ кабинетѣ, въ виду книжныхъ полокъ, на которыхъ стоятъ друзья наши, уже нынѣ отшедшіе, потолковать и почитать, вспомнивъ старину. Но это не могло и не можетъ быть, покуда не готово то, о чемъ нужно говорить. Будь готовъ — разговоримся такъ, что и языка не уймемъ. Вѣдь старость болтлива, а мы, благодаря Богу, уже у вратъ ся...

Къ матери.

Одесса. 1851, 4 марта.

Отъ всей души поздравляю и васъ, добрѣйшая матушка, и васъ, милыя сестры, съ наступившимъ Великимъ постомъ. Отъ души желаю вамъ того же, чего и себѣ, т. е. провести его какъ слѣдуетъ Христіанину. О, если бы мы съумѣли хоть время поста отдать *всецѣло* Богу! О, если бы мы хоть въ это святое время провели жизнь, сообразуять съ тѣмъ, что̀ скажетъ о насъ *Богъ*, а не *люди!* какъ бы тогда разумнѣй потекло все прочее время года, а съ нимъ и всѣ наши хозяйственныя и всякія дѣла, по слову Божію: »Ищите *прежде* правды и царствія Божія — и *сія вся* приложатся вамъ.« А мы глядимъ безпрестанно на то, что̀ скажутъ *люди*. Оттого и

безпокойно у насъ въ душѣ, и имѣніе въ разстройствѣ, и издержки за издержками, и голова идетъ кругомъ отъ хлопотъ, и раскаянье гложетъ при видѣ, какъ на всякомъ шагу дѣлается нами опрометчивая издержка, тогда какъ деньги нужны были на гораздо нужнѣйшее. — — Позабыты вдругъ всѣ соображенья, отнялось предвидѣнье въ даль, взоры на будущее, что всякую минуту нужно ожидать повѣстки, требованья отъ казны, и проч. и проч. О, пусть погибнетъ эта обманчивая, заводящая человѣка въ бездну и въ погибель философія — *соображаться съ тѣмъ, что̀ скажутъ люди!* Съ нею и людямъ не угодишь, и Бога потеряешь на-вѣки. Счастливецъ же, соображающій свою жизнь съ тѣмъ, что̀ скажетъ Богъ, сдѣлается потомъ неминуемо любезенъ всѣмъ людямъ. Ради самого Христа, пострадавшаго за насъ, прошу и умоляю, не пропустите нынѣшняго поста и воспользуйтесь имъ. И вы, добрѣйшая матушка, и вы, милыя сестры, молитесь Богу о томъ, чтобы вразумилъ всѣхъ насъ. О, какъ нужно намъ всѣмъ вразумленье свыше! Я знаю это по себѣ. Какъ только было у меня что-нибудь сдѣлано безъ Божьяго вразумленья — всегда выходила такая глупость, что я краснѣлъ и не зналъ, куда дѣться отъ стыда предъ самимъ собой. Пора, пора намъ приняться наконецъ за главное дѣло и, бросивъ всякія наружныя украшенья, какихъ требуютъ люди, позаботиться не въ шутку объ украшеньи душъ! Вспомните, что мы всѣ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ и что прожили уже больше, чѣмъ остается намъ жить. Пора, пора за дѣло! Не всё быть дѣтьми. Другую, другую жизнь нужно повести, — простую, простую, какую ведетъ уже человѣкъ, думающій о Богѣ. Для этой жизни немного нужно. Для жизни Евангельской, какую любитъ Христосъ, немного издержекъ. Говорю вамъ это потому, что невольно обнимается душа ужасомъ, видя, какъ съ каждымъ днемъ мы отдаляемся всё больше и больше отъ жизни, предписанной намъ Христомъ. А смерть подходитъ между тѣмъ къ намъ всё ближе и ближе... Боже, спаси и помоги! Но и Богъ не можетъ помочь, если мы не хотимъ устроить жизнь нашу сообразно съ тѣмъ, что̀ написано въ Евангеліи. Ни къ чему не послужитъ то, что̀ мы только сохраняемъ въ теоріи, а не воплощаемъ тутъ же въ дѣло. — — Этому не радуйтесь, что уменьшены пошлины на заграничные, бакалейные и всякіе товары. Не

мнѣ, лучше бы вовсе запечатать эти бакалейныя и всякія лавки: туды спровадили помѣщики всѣ деньги, слѣдуемыя на уплату податей и казенныхъ повинностей. По-видимому, кажется, не большая вещь издерживать по десяткамъ рублей; а какъ подведешь въ годъ итогъ, видишь, что помѣщикъ тысячи двѣ въ годъ посадилъ на эти сыры да сельди, тогда какъ, по-настоящему, не слѣдовало бы и покупать того, чего не производитъ собственная земля: и этого достаточно для того, чтобы не только наѣсться, но даже и *объѣсться*. Удивляться ли тому, что милосердый Богъ, видя такое неустроенье нашей жизни, насылаетъ намъ наконецъ тяжелыя времена неурожая?... Онъ, милосердый, хочетъ насъ заставить насильно вспомнить о томъ, что нужно повести другую жизнь, насильно хочетъ насъ спасти, позабывшихъ святое Его слово, что узкій только путь ведетъ въ царствіе небесное, а широкій вводитъ въ пагубу. Помыслимъ же объ этомъ не въ шутку въ нынѣшнее благопріятное время поста. Храни насъ Богъ думать, что слова Христовы говорятся такъ, лишь бы только, чтобы только постращать, напугать насъ! Нѣтъ, Онъ самъ сказалъ про непреложность словъ Своихъ: »Небо и земля прейдутъ, а словеса Мои не прейдутъ.«

Еще разъ желая вамъ отъ всей души и провести постъ, и говѣть благодатно, прошу молитвъ и о себѣ грѣшномъ, да поможетъ Богъ и вамъ, и мнѣ. А вамъ особенно совѣтую, мои сестры, читать въ это время наиболѣе такія книги, которыя обличаютъ и поражаютъ душу, ни какъ ея не щадя, но выказывая всю некрасоту ея. У всѣхъ просите себѣ обличенныя и указанья всѣхъ вашихъ недостатковъ. А сами всѣхъ прощайте, въ томъ числѣ и меня...

О моемъ выѣздѣ навѣрно еще ничего не могу сказать. Все будетъ зависѣть отъ погоды и какъ установится дорога. По дурной дорогѣ отваживаться нельзя въ не весьма крѣпкой колясчонкѣ, и безъ того уже пострадавшей въ распутную осеннюю дорогу прошлаго года. Во всякомъ случаѣ буду стараться пріѣхать къ праздникамъ.

Къ С. П. Шевыреву.

Одесса. Марта 18 (1851).

Наконецъ отъ тебя письмо. Слава Богу, ты здоровъ. Благодарю за труды и всѣ твои добрыя о мнѣ попеченія. На дняхъ выѣзжаю изъ Одессы. Недѣли три проживу у родныхъ, а тамъ обниму тебя, если все устроитъ Богъ благополучно. Очень меня обяжешь, если возмешь въ синодальной лавкѣ и перешлешь ко мнѣ въ Полтаву: »Общую Минею« [большая книга, въ листъ] и »Четьи Минеи« [въ 12 книгахъ, въ осьмушку]. Къ этому присовокупи два экземпляра Евангелія [Библейскаго изданія]. Разумѣется, все это въ переплетѣ [какомъ-нибудь].

Съ деньгами, полученными за проданные экземпляры »М Д.« распорядись такъ: тысячу руб. сереб. въ банкъ [если найдешь нужнымъ], 150 руб. сереб. перешли мнѣ въ Полтаву, а остальныя держи у себя до моего пріѣзда. Впрочемъ можно въ банкъ положить даже и полторы тысячи: я думаю, что будетъ достаточно для прожитья въ годъ находящихся у тебя прежнихъ...

Къ А. А. Иванову.

Одесса. Марта 18 (1851).

Не велико ваше письмецо, но спасибо и за то; по крайней мѣрѣ я знаю, что вы, слава Богу, здравствуете. Вы называете меня прекраснымъ теоретическимъ человѣкомъ. Не думаю, чтобъ это была правда. Мнѣ кажется, я плохоі теоретической человѣкъ, да и практической также. Изо всей моей жизни я вывелъ только ту истину, что если Богъ захочетъ — все будетъ, не захочетъ — ничего не будетъ. Какъ умолить Бога помогать намъ, для этого у всякаго есть своя дорога, и онъ, какъ самъ знай, такъ и добирайся. Но на мнѣ по крайней мѣрѣ вы должны научиться снисходительности къ людямъ. Если я, человѣкъ, долго близъ васъ жившій и притомъ всё-таки понимающій, хоть, положимъ, теоретически, художество, такъ еще далекъ отъ того, чтобы понимать вещи и

обстоятельства въ настоящемъ видѣ.... Повѣрьте, никто не можетъ понять насъ даже и такъ, какъ мы себя понимаемъ, и счастливъ тотъ, кто все это сообразя впередъ, прокладываетъ самъ себѣ дорогу, не опираясь ни на кого, кромѣ на Бога...

Что̀ бы вамъ написать хоть что-нибудь о вашемъ житьѣ-бытьѣ, не о томъ, которое проходитъ взаперти, въ студіи, но о движущемся на улицѣ, въ прекрасныхъ окрестностяхъ Рима, подъ благодатнымъ воздухомъ и небомъ! Гдѣ вы обѣдаете, куда ходите, на что̀ глядите, о чемъ говорите? Въ иной разъ много бы далъ за то, чтобы побесѣдовать вновь такъ же радушно, какъ бесѣдовали мы нѣкогда у Фалькона. Не будьте скупы и напишите о себѣ, не какъ о художникѣ, погруженномъ въ созерцанье, но какъ о добромъ, миломъ моему сердцу человѣкѣ, развеселившемся отъ воспоминаній о прежнемъ. Съ вами теперь, какъ я слышалъ, Брюловъ. Какъ вы съ нимъ ладите, и что̀ дѣлаетъ братъ вашъ, которому передайте поклонъ мой?...

Къ матери.

3 апрѣля, 1851.

Христосъ воскресъ! Отъ всей души поздравляю васъ всѣхъ съ радостнѣйшимъ праздникомъ. Я провелъ его, слава Богу, не безъ душевнаго веселія. Вѣроятно, и вы также были счастливы въ этотъ день, по мѣрѣ того, какъ умѣла душа возрадоваться воскресенью Того, Кто воскрешаетъ всѣхъ, въ Него вѣрующихъ. Письмо ваше [отъ 19 марта] съ поздравленіемъ пришло ко мнѣ въ тотъ день, когда я удостоился пріобщиться Святымъ Тайнамъ. За поздравленіе благодарю васъ, и васъ, почтеннѣйшая матушка, и васъ, милыя сестры, хотя и удивило меня то, что отъ одной сестры Ольги не было приписано ни строчки. Удивляюсь я также тому, отчего не получили вы письма моего, писаннаго мѣсяца полтора тому назадъ, въ которомъ есть кое-что по поводу запросовъ о герольдіи, документовъ дворянства, и проч. и проч.

Ваши безпокойства и мысли о томъ, что я могу въ чемъ-либо нуждаться, напрасны. Вы ихъ гоните отъ себя подальше. Все зависитъ отъ экономіи. Я, просто, стараюсь не заводить у себя ненуж-

ныхъ вещей и сколько можно менѣе связываться какими-нибудь узами на землѣ: отъ этого будетъ легче и разлука съ землей. Довольство во всемъ намъ вредитъ. Мы сейчасъ станемъ думать о всякихъ удовольствіяхъ и веселостяхъ, задремлемъ, забудемъ, что есть на землѣ страданья и несчастья; заплыветъ тѣломъ душа — и Богъ будетъ позабытъ. Человѣкъ такъ способенъ оскотиниться, что даже страшно желать ему быть въ безнуждіи и довольствіи. Лучше желать ему спасти свою душу. Это всего главнѣй.

Вы мнѣ ничего не пишете о хозяйствѣ и о томъ, какія начались работы. Прошу васъ почаще выѣзжать смотрѣть самимъ на посѣвы и всѣ полевыя работы. Васъ наиболѣе объ этомъ прошу, милыя сестры. Если не любите хозяйничать, по крайней мѣрѣ взгляните. Какъ бы то ни было: бѣдные крестьяне въ потѣ лица работаютъ на насъ, а мы, ѣдя ихъ хлѣбъ, не хотимъ даже взглянуть на труды рукъ ихъ. Это безбожно. Оттого и наказываетъ насъ Богъ, насылая на насъ голодъ, невзгоды и всякія болѣзни, лишая насъ даже и скудныхъ доходовъ. Жестоко наказываются цѣлыя поколѣнія, когда, позабывъ о томъ, что они въ мірѣ затѣмъ, чтобы трудами снискивать хлѣбъ и въ потѣ лица воздѣлывать землю, приведутъ себя въ состояніе бѣлоручекъ. Все тогда, весь міръ идетъ на-выворотъ, и начинаются казни, хлещетъ бичъ гнѣва небеснаго.

Передайте мой душевный поклонъ Андрею Андреевичу, а вмѣстѣ съ нимъ и поздравленье съ праздникомъ, съ моимъ искреннимъ желаніемъ ему такъ же, какъ и вамъ, наслаждаться отнынѣ болѣе, нежели когда-либо, высокимъ внутреннимъ веселіемъ душевнымъ...

Къ С. П. Шевыреву.

Одесса (1851).

Отъ тебя давно нѣтъ извѣстій, безцѣнный другъ. Здоровъ ли ты? увѣдоми хоть двумя строчками. Я писалъ къ тебѣ съ Мурзакевичемъ. Получилъ ли ты это письмо? А между тѣмъ мнѣ сгрустнулось по тебѣ, и такъ хотѣлось бы взглянуть на тебя!... Въ маѣ первыхъ чиселъ, или въ серединѣ его, если Богъ поможетъ, буду въ Москвѣ. Здѣшняя зима была еще довольно сносна,

и голова моя была свѣжѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Будетъ о чемъ потолковать и что̀ почитать.

Приступилъ ли ты къ печатанью моихъ сочиненій? Недавно мнѣ попалóсь въ руки Смирдина изданіе Русскихъ авторовъ, и я увидѣлъ, что шрифтъ уже черезъ-чуръ густъ и убористъ [что̀ не годится для моихъ сочиненій: книжки выйдутъ очень тоненькія и притомъ читать трудно]. Рамку можно взять такую же, или хоть и больше, но строки непремѣнно порѣже, а буквы крупнѣе. Если можно, такой величины, какъ напечатана твоя поѣздка, и бумагу нужно бы выбрать поплотнѣе, такъ чтобъ строки не сквозили. Всѣ эти обстоятельства такъ важны, что если, паче чаянія, уже нѣсколько листовъ отпечатано, то можно ихъ бросить и начать печатать снова. Увѣдоми также, во сколькихъ типографіяхъ печатается и около какого времени книга выйдетъ...

Къ N F.

(1851.)

Христосъ воскресъ!

Спѣшу поздравить васъ, добрый другъ, съ радостнымъ днемъ Свѣтлаго воскресенья. Дай Богъ и вамъ, и мнѣ того же — радоваться о Христѣ, любить всѣхъ о Христѣ, позабыть себя со всѣмъ черствымъ окруженіемъ собственныхъ заботъ и, дорожа всякой минутой, спѣшить благодарить за нее Бога; живя подобно птицамъ небеснымъ, не сѣя, не собирая въ житницы, радуясь о томъ только, что совершается Его Божья воля. О, пошли намъ Богъ, и вамъ, и мнѣ, силу любить всѣхъ! Въ ней потонетъ все грустное. Еще разъ — Христосъ воскресе!...

Къ П. А. Плетневу.

Полтава. Мая 6 (1851).

Милое, доброе твое письмо получилъ уже здѣсь, въ деревнѣ моей матушки. Изъ Одессы выслали мнѣ его довольно поздно, —

видно, въ наказанье за то, что я свое отправилъ къ тебѣ довольно поздно. Все дѣйствительно случилось такъ, какъ ты предположилъ: ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ оно было написано, запечатано и, казалось, какъ-бы уже и отправлено на почту, нашлось оно въ моемъ письменномъ столѣ. Что̀ прикажешь дѣлать? Видно, *горбатаго могила исправитъ.* Кажется, какъ-бы я преуспѣваю со дня на день въ этой добродѣтели! Зато тѣмъ признательнѣе принялъ и прочелъ я знакъ твоего непамятозлобія, твое милое и милующее письмо. На замѣчаніе только твое о моей молодости скажу: Увы! два года, какъ уже пошелъ мнѣ пятый десятокъ, а сталъ ли я умнѣй, Богъ вѣсть одинъ. Знать, что прежде не былъ уменъ, еще не значитъ поумнѣть. Что второй томъ »Мертвыхъ Душъ« умнѣй перваго — это могу сказать, какъ человѣкъ, имѣющій вкусъ и притомъ умѣющій смотрѣть на себя, какъ на чужого человѣка, такъ что̀, можетъ быть, С*** отчасти и права; но какъ разсмотрю весь процессъ, какъ творилось и производилось его созданье, вижу, что уменъ только Тотъ, Кто творитъ и зиждетъ все, употребляя насъ всѣхъ вмѣсто кирпичей для постройки по тому фасаду и плану, котораго Онъ одинъ истинно разумный Зодчій...

Къ С. Т. Аксакову.

Мая 14 (1851). Д. Васильевка.

Милое ваше письмо, добрый другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, получилъ уже здѣсь въ Малороссіи и благодарю васъ за поздравленіе съ днемъ рожденія моего, и васъ, и О* С*, и Конст. Сергѣевича, и всю семью. На дняхъ выѣзжаю въ Москву. Вѣроятно, вы уже будете въ вашей подмосковной, по постараюсь заглянуть къ вамъ и туда. О Максимовичѣ не имѣю никакихъ вѣстей; слышалъ только, что былъ онъ боленъ, и ничего больше. Весна здѣсь такъ благопріятна, какъ давно не была...

Къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

(1851).

Пишу къ тебѣ слова два изъ Сваркова, куда прибылъ благополучно. Завтра отсюда выѣзжаю весьма покойно въ Орелъ, въ экипажѣ А. М. Марковича, а оттуда въ Москву, съ дилижансомъ, о чемъ ты можешь извѣстить матушку. Когда пріѣдетъ Кочубейскій лѣсоводъ, не позабудь спросить у него, когда именно онъ будетъ садить желуди у Кочубея, и объ этомъ меня увѣдоми, равно какъ и о томъ, какъ ты расправляешься съ работами въ саду, о чемъ, какъ ты сама знаешь, мнѣ бесѣдовать всегда пріятно...

Къ матери.

Москва. Іюля 5 (1851).

Спѣшу увѣдомить васъ, почтеннѣйшая и добрѣйшая матушка, что пріѣхалъ я въ Москву благополучно. Только за васъ, признаюсь, мое сердце было неспокойно. Какъ вспомню, сколько вамъ трудовъ и заботъ теперь и всякихъ, можетъ быть, огорченій!... Вы же теперь все такъ близко принимаете къ сердцу! О, спаси васъ Богъ, за ваши безпрестанныя молитвы о насъ недостойныхъ! спаси васъ Богъ отъ всякихъ смущеній! и да будутъ всѣ ваши годы, до поздней старости, исполнены одними только выраженьемъ признательности къ вамъ дѣтей вашихъ! ——— Вотъ почему я такъ просилъ васъ всѣхъ молиться. Сестеръ убѣждалъ даже отправиться пѣшкомъ въ Диканьку, а васъ ѣхать. Я думаю, кучеръ Левко́ передалъ вамъ мою изустную просьбу, какъ себя приберегать въ дорогѣ, и если пройтиться, то развѣ очень немного, потому что излишнее движенье волнуетъ кровь и вамъ вредно. Всего лучше молитва.

А къ сестрамъ моя теперь просьба. Если желаютъ, чтобы супружество это было счастливо, то лучше не составлять впередъ никакихъ радужныхъ плановъ. Лучше заранѣе пріуготовлять себя ко всему печальному и рисовать себѣ въ будущемъ всѣ трудности, недостатки, лишенья и нужды; тогда, можетъ быть, супружество и

будетъ счастливо; потому что и умъ, привыкнувъ къ осмотрительности заранѣе, обратитъ вниманье на то, на что̀ нужно обращать вниманье сначала. О, счастливъ тотъ, кто мирится съ своими настоящими обстоятельствами! Будущее не вѣрно. Вотъ и теперь смущаетъ меня одно печальное событіе, случившееся, говорятъ, во Владимірѣ 21 мая. Во время хода церковнаго, провалился мостъ, такъ что перешли одни священники, несшіе иконы, а весь народъ обрушился въ рѣку. Дай Богъ, чтобы капитана миновала эта опасность! Не помните вы, отъ котораго числа написалъ онъ свое письмо и когда думалъ онъ выѣхать въ Кіевъ?

Посылаю вамъ деньги, занятыя мною у васъ въ Когорлыкѣ, Васильевкѣ и по дорогѣ, при разныхъ случаяхъ. По моему расчету, ихъ набралось на 10 рублей серебромъ. Остальные пятнадцать рублей сер. должны остаться въ капиталѣ, для произведенія изъ нихъ уплаты въ свое время столяру, по мѣрѣ изготовленья вещей. Передайте ихъ сестрѣ Аннѣ, или сестрѣ Ольгѣ. Другія же 25 рублей на лекарство и церковь Ольгѣ.

Жду съ нетерпѣніемъ извѣстій о всѣхъ васъ...

Къ ней же.

Москва. 9 Іюля (1851).

Письмо ваше отъ 27 мая получилъ. Говоря о передѣлкѣ въ домѣ, я вовсе не разумѣлъ совершенную его перестройку, но поправку, переборку половъ, перестановку нѣкоторыхъ печей, перемѣну нѣкоторыхъ дверей и оконъ, иначе устроить сѣни и, наконецъ, штукатурку внутри. Словомъ, устроить домъ такъ, чтобы вы могли въ немъ провести эту зиму. Хочу произвести работу при себѣ потому, что женщины многихъ вещей никакъ не съумѣютъ сдѣлать и вовсе не знаютъ, какъ быть съ мастеровыми и чего именно отъ нихъ требовать. Для этого я занялъ не какую-либо большую сумму, но рублей 700, не больше ассигн. Можно даже употребить и до 1000. Хотѣлось мнѣ именно въ это лѣто, потому что есть у меня теперь свободное время. Въ будущемъ же году у меня будетъ много заботъ другихъ. Если я пробуду въ

Малороссіи, то дня три не больше, проѣздомъ; стало быть, тогда мнѣ не до того. Поэтому прошу похлопотать только о томъ, что бы достать наемныхъ плотниковъ и человѣка два столяра, для того чтобы въ скорости произвести всѣ тѣ вещи внутри дома, которыя я придумалъ для теплоты, да штукатурщиковъ. Разспросите только о всемъ, какъ можно достать досокъ. Если не иначе, какъ изъ Кременчуга, то что будутъ стоить двухъ-вершковыя и полуторныя съ доставкою продающаго; ибо намъ высылать своихъ людей нельзя. Все нужно сдѣлать руками наемными. Хорошій печникъ будетъ также нуженъ, но нужно, чтобы онъ былъ испытанный и дѣйствительно хорошій печникъ. Конечно было бы недурно передѣлать хотя съ одной стороны [съ сѣверной] пристройку, такъ чтобы вышла лишняя комната: отъ этой было бы потеплѣй всему дому. Впрочемъ это еще посмотримъ при свиданіи, которое, если Богъ дастъ, можетъ быть въ началѣ будущаго мѣсяца, то есть, іюля...

Къ сестрамъ.

Москва. Іюл. (1851).

О суетѣ вы хлопочете, сестры. Никто ничего отъ васъ не требуетъ, такъ давай самимъ задавать себѣ и выдумыватъ хлопоты! —— Мой совѣтъ: свадьбу поскорѣй, да и безъ всякихъ приглашеній и затѣй: обыкновенный обѣдъ въ семьѣ, какъ дѣлается это и между тѣми, которые гораздо насъ побогаче, да и все тутъ———

Хотѣлъ бы очень пріѣхать, если не къ свадьбѣ, то черезъ недѣли двѣ послѣ свадьбы; но плохи мои обстоятельства: не устроилъ дѣлъ своихъ такъ, чтобъ имѣть средства прожить эту зиму въ Крыму [проѣздъ не по карману, платить за квартиру и столъ тоже не по силамъ], и поневолѣ долженъ остаться въ Москвѣ. Послѣдняя зима была здѣсь для меня очень тяжела. Боюсь, чтобы не проболѣть опять, потому что суровый климатъ дѣйствуетъ на меня съ каждымъ годомъ вредоноснѣй и не хотѣлось бы мнѣ очень здѣсь остаться. Но наше дѣло — покорность, а не

ропотъ. Сложить руки крестомъ и говорить: *Да будетъ воля Твоя, Господи!* а не: *Сдѣлай такъ, какъ я хочу!*

Посылаю тебѣ, сестра Елисавета, просимыя тобою Евангеліе и Библію. Желаю отъ всей души заниматься болѣе внутреннимъ духомъ ихъ, чѣмъ наружностью и переплетомъ. А тебѣ, сестра Анна, »Лавсаикъ«, золотую книгу, если только ты ее раскусишь и будешь безпрестанно молиться молитвой Ефрема Сирина: »Духъ же терпѣнія, смиренія, любве даруй мнѣ!« —— О, настави и вразуми всѣхъ насъ, Боже! Молитесь обо мнѣ: я сильно изнемогъ и усталъ отъ всего...

Къ В. И. Быкову.

Москва. Іюля 14 (1851).

Душевно радъ имѣть васъ какъ родного и близкаго человѣка. Сестра моя Елисавета не безъ качествъ, могущихъ составить счастіе мужа, если только будетъ постоянно о томъ молиться Богу. Въ письмѣ своемъ къ моей матушкѣ пишете вы, что узнали нужду и уже привыкли къ неприхотливой жизни. Ради Бога, не оставляйте такой жизни никогда, но напротивъ, полюбите болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, бѣдность и поведите жену свою такимъ же образомъ, съ первыхъ же дней замужества. Ковать желѣзо нужно, покуда горячо: жена въ первый годъ замужества гибкой воскъ, съ которымъ можно сдѣлать все. Пропустите—будетъ поздно. Счастливъ тотъ, кто съ первыхъ же дней послѣ бракосочетанья установитъ у себя въ домѣ правильное распредѣленіе времени и часовъ и для себя, и для жены, такъ чтобы и минуты не оставалось, пропадающей даромъ, и чтобы такимъ образомъ ко времени, когда имъ сходиться другъ съ другомъ, накопилось бы у обоихъ, о чемъ пересказать другому и предметъ для разговора никогда бы не истощевался. Такими, по-видимому, неважными вещами надолго скрѣпляется связь. Я видѣлъ много на вѣку своемъ всякихъ супружествъ. Счастливѣй изъ нихъ были тѣ, когда тотъ и другой, т. е. мужъ и жена, соединялись затѣмъ, чтобы вести истинно дѣятельную, отданную трудамъ жизнь. Но Богъ васъ благослови и

вразуми во всемъ! Буду стараться пріѣхать къ вамъ на свадьбу, хоть и не знаю, дадутъ ли на это возможность, покуда, нѣсколько затруднительныя мои обстоятельства...

Къ сестрѣ Елисаветѣ Васильевнѣ.

Москва. Іюля 14 (1851).

Милая сестра моя Елисавета! письмецо твое, съ извѣстіемъ объ обрученіи, получилъ. Отъ всей души желаю, чтобы супружество ваше было счастливо **вполнѣ**. Молился объ этомъ, не смотря на безсиліе молитвъ моихъ; просилъ твоего прежняго духовника, отца Сергія, молиться о тебѣ. Онъ человѣкъ истинно благочестивый и молящійся. Можетъ быть, Богъ вонметъ его молитвамъ. Но повторяю тебѣ—всего этого мало. Нужно тебѣ самой молиться [и молиться безпрестанно], чтобы вразумилъ тебя Богъ, какъ быть въ этомъ новомъ званьи, какъ сбросить съ себя, какъ искоренить въ себѣ всѣ эти [увы! мы ихъ называемъ незначительными мелочами], которыми наносимъ мы несчастіе связаннымъ съ нами людямъ и, стало быть, себѣ самимъ. Богъ тебя да наставитъ! О прочемъ не заботься. Пожалуста уговаривай всѣхъ въ домѣ не дѣлать никакихъ сборовъ и приготовленій къ твоей свадьбѣ. Они будутъ для тебя, по добротѣ своей, лѣзть изо всѣхъ силъ и жертвовать всѣмъ, чтобы накопить тебѣ всякаго тряпья; но всякій сундукъ будетъ тебѣ въ тягость: ты женщина походная, твой мужъ военный, у котораго квартира не должна быть велика, а потому не слѣдуетъ стѣснять ее и загромождивать женнинымъ дрязгомъ. Толкуй пожалуста всѣмъ это. Я видѣлъ и графинь, выходившихъ замужъ за военныхъ и у которыхъ, кромѣ узелка и небольшой шкатулки, ничего не было.

— — Другъ мой сестра! говорю тебѣ, что если я умру, то не на чтò будетъ, можетъ быть, похоронить меня; вотъ какого рода мои обстоятельства! Я думалъ-было, пріѣхавши въ Москву, поправить житейскія дѣла свои, но встрѣтилъ препятствія на всякомъ шагу. Денежныя обстоятельства мои плохи. Видно, Богу угодно, чтобы

мы оставались въ бѣдности. Да и признаюсь, полная бѣдность гораздо лучше средственнаго состоянія. Въ средственномъ состояніи приходятъ на умъ всякія замашки свыше состоянія; а когда бѣденъ, тогда говоришь: »Я этого не могу«, и спокоенъ. Милая сестра моя, люби *бѣдность*. Тайна великая скрыта въ этомъ словѣ: кто полюбитъ бѣдность, тотъ уже не бѣденъ, тотъ богатъ. Истину говорю тебѣ и чѣмъ долѣ живу, тѣмъ болѣе ее чувствую. Недаромъ Богъ не хочетъ, чтобы иные люди были богаты: трудно богатому спастись. Сказавши тебѣ все это, буду, однакожъ, всячески стараться достать хоть сколько-нибудь денегъ, чтобы купить для васъ маленькую подержанную колясочку; иногда онѣ достаются дешево; и если будетъ возможность и средства, пріѣду, можетъ быть, въ ней самъ. Но ничего не могу обѣщать навѣрно, какъ бы ни желалось мнѣ обнять тебя лично, поздравить и пожелать всякаго добра, добра истиннаго, прекраснаго, а не ложнаго и обманчиваго, за которымъ такъ гонятся люди...

Напиши мнѣ, въ какой день сентября назначена ваша свадьба.

Къ П. А. Плетневу.

Москва, 15 іюля (1851).

Пишу къ тебѣ изъ Москвы, усталый, изнемогшій отъ жару и пыли. Поспѣшилъ сюда съ тѣмъ, чтобы заняться дѣлами по части приготовленья къ печати »Мертвыхъ Душъ« втораго тома, и до того изнемогъ, что едва въ силахъ водить перомъ, чтобы написать нѣсколько строчекъ записки, а не то, что поправить, или даже переписать то, что нужно переписать. Гораздо лучше просидѣть было лѣто дома и не торопиться; но желаніе повидаться съ тобой и съ Жуковскимъ было тоже причиной моего нетерпѣнья.— — — Второе изданіе моихъ сочиненій нужно уже и потому, что книгопродавцы дѣлаютъ разныя мерзости съ покупщиками, требуютъ по сту рублей за экземпляръ и распускаютъ подъ рукой вѣсти, что второго изданія не будетъ. — — — Прежде хотѣлъ-было вмѣстить нѣкоторыя прибавленія и перемѣны, но теперь не хочу: пусть все остается въ томъ видѣ, какъ было въ первомъ изда-

нія. — — — Писалъ бы еще кое о чемъ, но въ-силу вожу перомъ — весь расклеился. Передай душевный поклонъ моей достойной твоей супругѣ, о которой кое-что слышалъ отъ С***ой; Балабинымъ, если увидишь, также мой душевный поклонъ. Получилъ пересланное тобою описаніе Филармоническаго быта въ большомъ свѣтѣ, по поводу »Мертвыхъ Душъ«. Двѣ страницы пробѣжалъ: правописанье не уважается и грамматика плоха, но есть, показалось мнѣ, наблюдательность и жизнь...

Къ матери.

Москва. Іюля 30 (1851).

По возвращеніи въ Москву, получилъ ваши письма отъ 12 іюля. Очень жалѣлъ, что дожди у васъ такъ сильны и мѣшали до сихъ поръ хлѣбной уборкѣ. Увѣдомьте, какъ теперь. Удалось ли собрать и спасти хотя половину? Адрессуйте письма по-старому въ Москву. Я, хоть и поѣду еще кое-куда въ окрестности, но не надолго. Здоровье, покуда, порядочно. Прощайте...

Къ сестрѣ Елисаветѣ Васильевнѣ.

Сентября 2 (1851).

Душевно возскорбѣлъ я объ утратѣ нашего добрѣйшаго сосѣда Гаврила Семеновича, о которой ты извѣщаешь меня, любезная сестра. Миръ душѣ его! Молился и молюсь о немъ. Передай мое душевное участіе Надеждѣ Гавриловнѣ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы обѣ при ней теперь неотлучно. Въ это время нужно все позабыть свое и думать о другомъ. Не благодари еще, покуда, меня за подарокъ, хоть мнѣ и очень бы хотѣлось его сдѣлать тебѣ. Ты, кажется, не хорошо прочла мое письмо; тамъ столько было всякихъ условій: если поѣду въ Крымъ, если достану денегъ и если отыщу подержанную дешевую колясочку. Видишь ли, сколько

всякихъ *если!* Что жъ дѣлать? нужно снизойти и къ моему затруднительному положенію и быть терпѣливу. Покуда, не сдѣлалъ ничего; но Богъ милостивъ: не теперь — позже, авось какъ-нибудь; но обѣщать навѣрно — не обѣщаю ничего и не могу. Богъ тебя да хранитъ, надѣлившп кротостью и небесной красотой терпѣнья, такъ необходимыхъ въ предстоящемъ тебѣ новомъ званіи!

Твой искренно любящій тебя братъ.

Къ матери.

Москва. Сентября 2, 1851.

Будемъ жить собственными трудами. Этихъ словъ не въ-правѣ сказать даже и тѣ, которые умѣютъ трудиться. Думалъ и я, что буду всегда трудиться, а пришли недуги — отказалась голова. Радъ бы летѣть къ вамъ; со страхомъ думаю о зимѣ. Крымъ мнѣ нуженъ. Здоровье мое сызнова не такъ хорошо, и, кажется, я самъ причиною. Желая хоть что-нибудь приготовить къ печати, я усилилъ труды и чрезъ это не только не ускорилъ дѣла, но и отдалилъ еще года, можетъ быть, на два. Бѣдная моя голова! Доктора говорятъ, что надо ее оставить въ покоѣ. Вижу и знаю, что работа, при моемъ болѣзненномъ организмѣ, тяжела; это не то, что работа рукъ, или на воздухѣ и даже обыкновенная письменная. Головная работа такого рода, какъ моя, всѣхъ тяжелѣй. Молитесь обо мнѣ, добрѣйшая моя матушка. На ваши теплыя, на ваши близкія моему сердцу молитвы много у меня надежды. Трудно, трудно бываетъ мнѣ!..

Замѣчанья мои я говорю *очень не даромъ*, и почему знать? если бы ихъ смиренно принять, вмѣсто того чтобы раздражаться, можетъ быть, въ нихъ открылся бы другой смыслъ. Многое я говорю, соображая и будущее, и настоящее. Стало быть, замѣчанья мои были очень не даромъ. Но знаю и то, что если трудно умѣть давать умные совѣты, то еще труднѣе умѣть ихъ выслушать и воспользоваться. Это дѣло или очень умнаго, или очень смиреннаго человѣка.— — О, какъ нужно всѣмъ намъ вразумленье

свыше! Но если не достаетъ въ сердцахъ нашихъ полнаго смиренья, то какъ намъ вразумиться свыше? Молитесь обо мнѣ, добрѣйшая моя, родная душѣ моей матушка. Часто мнѣ бываетъ трудно, очень, очень трудно. Дѣла такъ много, а силъ такъ мало! О, да подастъ Богъ вашими материнскими, угодными Ему молитвами здоровье и силу на трудъ и святое вразумленье для него свыше!...

На поѣздку мою въ Крымъ мало имѣю надежды. Одинъ было мой знакомый хотѣлъ подвезти въ своемъ экипажѣ и на своихъ издержкахъ, но теперь оказывается, что онъ ѣдетъ день и ночь, спѣшитъ такъ, что, если бы я васъ и увидѣлъ, то на двѣ минуты.

Объясните, почему вы всё-таки не присылаете адресса Владиміра Ивановича...

Къ ней же.

1851).

Поздравляю васъ и обнимаю отъ всей души, почтеннѣйшая, добрѣйшая моя матушка, и васъ также, милыя сестры. Богъ да ниспошлетъ вамъ, что̀ нужно для спокойствія и счастія прочнаго! До самыхъ сихъ поръ всё думалъ, что какъ-нибудь изворочусь съ своими обстоятельствами и попаду къ вамъ. Но какъ экономно ни расчитывалъ, все видѣлъ, что поѣздка моя въ Крымъ не по возможности и деньгамъ. Душа скорбитъ, что не могу провести съ вами эти дни и оттого еще больше расклеплся весь мой составъ. Но Богъ милостивъ. Вашими усердными молитвами Онъ меня подкрѣпитъ. Молитесь обо мнѣ, безцѣннѣйшая, добрѣйшая моя матушка; чувствую, что все здоровье мое зависитъ отъ вашихъ молитвъ...

Къ ней же.

Москва. Сентября 4 (1851).

Письмо отъ августа 1-го получилъ. Радъ, что у васъ хлѣба гораздо лучше прошлаго, и удивляюсь только тому, что такая засуха. Здѣсь повсюду дожди; продолжались они до 1-го сентября и не

давали убирать до сихъ поръ хлѣба. Съ сентябремъ началась только ясная погода. Совѣтую вамъ держать хлѣбъ и не продавать его. Цѣны становятся очень низки. Продадите за безцѣнокъ, а потомъ сами будете покупать. Душевно меня огорчаетъ разрушающееся здоровье Андрея Андреевича. — — Здоровье мое, покамѣстъ, не въ дурномъ состояніи, хотя и нѣтъ свѣжести крѣпкихъ юношескихъ лѣтъ. Передайте поклонъ всѣмъ тѣмъ, которые прислали мнѣ его отъ себя въ вашихъ письмахъ.

Къ матери.

18 сентября 1851.

Сейчасъ только-что получилъ письмо ваше, безцѣннѣйшая моя матушка. Обстоятельства мои, можетъ быть, еще такъ устроются, что я попаду къ вамъ 1-го октября, проѣздомъ въ Крымъ. Очень меня только тревожитъ, что вы не такъ здоровы. Богъ да возстановитъ и укрѣпитъ васъ! Ради Бога, ничѣмъ не смущайтесь и молитесь. Все Богъ устроитъ къ найлучшему. Далъ бы Онъ только силы мнѣ окончить свое дѣло...

Къ С. Т. Аксакову.

Москва. 20 сент. (1851).

Отъ всей души и отъ всего сердца поздравляю васъ, безцѣнный другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, съ днемъ вашего рожденія; весьма жалѣю, что не съ вами сижу за кулебякой, но тѣмъ не менѣе и душой, и мыслями съ вами. Здравствуйте, бодрствуйте, готовьте своихъ птицъ, а я приготовлю вамъ душъ, пожелайте только чтобы онѣ были такъ же живыя, какъ ваши птицы. Прошу не забывать меня въ молитвахъ...

Пишите ко мнѣ въ Полтаву, а потомъ въ Симферополь, на имя Княжевича.

Къ нему же.

(21 сентября, 1851.)

Передъ выѣздомъ захотѣлось мнѣ еще разъ поздравить васъ, безцѣнный другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, и со днемъ рожденія, и съ наступающимъ днемъ имянинъ. Вспомните обо мнѣ, а я о васъ, и мысленно помолимся другъ о другѣ, чтобы далъ Боснодь силъ. А О* С* и милыя ваши дѣтки, можетъ быть, помолятся и у самого Сергія...

Къ матери.

Сентября 22 (1851).

Еще пишу къ вамъ нѣсколько строчекъ, почтеннѣйшая матушка. Послѣднее письмо, съ извѣстіемъ, что вы нездоровы, меня много огорчило. Вѣроятно, нездоровье ваше—отъ множества хлопотъ по случаю свадьбы сестр(ы). Но если думать обо всемъ, то конца не будетъ хлопотамъ. Я, чтобъ васъ утѣшить, рѣшился ѣхать самъ; но вы никакъ не останавливайтесь съ днемъ свадьбы и меня не ждите. Мнѣ нельзя скоро ѣхать. Нервы мои такъ расколебались отъ нерѣшительности, ѣхать, или не ѣхать, что ѣзда моя будетъ нескорая; даже опасаюсь, чтобы она не разстроила меня еще болѣе. Притомъ я на васъ только взгляну, и поскорѣе въ Крымъ, а потому вы пожалуста меня не удерживайте. Въ Малороссіи остаться зиму — для меня еще тяжелѣй, чѣмъ въ Москвѣ. Я захвораю и впаду въ ипохондрію. Мнѣ необходимъ такой климатъ, гдѣ бы я могъ всякой день прогуливат(ься). Въ Москвѣ по крайней мѣрѣ теплы и велики дома, есть тротуары и улицы. Разстройство же нынѣшнее моего здоровья произошло отъ безпокойства и волненья, и въ то же время отъ сильнаго жару, какой былъ во все это время, который такъ же, какъ и холодъ, раздражаетъ сильно мои нервы, особенно, если духъ не спокоенъ. А виной этого неспокойства былъ я самъ, какъ и всегда мы сами

биваемъ творцы своего безпокойства,—именно оттого, что слишкомъ много даемъ цѣны мелочнымъ, нестоющимъ вещамъ.

Богъ да хранитъ ваше здоровье, такъ нужное намъ! Повѣрьте, что ваши молитвы о насъ гораздо полезнѣе вашихъ безпокойствъ. Ваши теплыя материнскія молитвы гораздо лучше устроятъ обстоятельства всѣхъ насъ, чѣмъ ваши хлопоты и заботы. И я вѣрю, что, если, въ тихомъ настроеніи умиленнаго духа, будете молиться обо мнѣ, то Богъ мнѣ дастъ силы исполнить свое дѣло и трудъ честно и добросовѣстно, и притомъ безъ изнуренья здоровья...

Къ С. П. Шевыреву.

(30 сентября, 1851).

Очень жалѣю, что тебя не дождался. Я ждалъ до 12 ч. П**** на другой день послѣ моего отъѣзда, 23 октября, пріѣзжалъ съ извѣстіемъ, что нужно обыкновеннымъ порядкомъ доставить цензору. Я ѣду къ Троицѣ, съ тѣмъ чтобы тамъ помолиться о здоровьи моей матушки, которая завтра имянинница. Духъ мой крайне изнемогъ; нервы расколеблены сильно. Чувствую, что нужно развлеченіе, а какое — не найду силъ придумать...

Боюсь я, чтобы не произошла опять каша. До моего пріѣзда ничего не предпринимай.

Къ матери.

1851 октября 3. Москва.

Не удалось мнѣ съ вами повидаться, добрѣйшая моя матушка и мои милыя сестры, нынѣшней осенью. Уже было-выѣхалъ изъ Москвы, но, добравшись до Калуги, заболѣлъ и долженъ былъ возвратиться. Нервы мои отъ всякихъ тревогъ и колебаній дошли до такой раздражительности, что дорога, которая всегда была для меня полезна, теперь стала даже вредоносна. Видно, уже такъ слѣ-

дуетъ и угодно Богу, чтобы эту зиму остался я въ Москвѣ. На прожитье въ Крыму врядъ ли бы достало средствъ. Здѣсь же, въ Москвѣ, теперь докторъ, успѣшно лечащій нервическія болѣзни наружными вытираньями и обливаньями холодной водой. Богъ *идѣ же хощетъ, побѣждаетъ естества чинъ;* а потому вѣрю, что, если вы будете обо мнѣ усердно молиться, то и здѣсь соберутся во мнѣ силы, и я буду здоровъ и годенъ для труда и работы. — — — Христосъ съ вами, мои добрыя и милыя! молитесь обо мнѣ всѣ. Молитесь обо мнѣ, дражайшая моя матушка. Мнѣ теперь очень нужны молитвы всѣхъ васъ...

Въ день вашихъ имянинъ, матушка, молился я у мощей святого Сергія о васъ и о всѣхъ насъ. Здоровье ваше и новобрачныхъ было пито мной за обѣдомъ у Аксаковыхъ, которые всѣ васъ поздравляютъ. Къ Владиміру Ивановичу буду писать.

Къ С. Т. Аксакову.

(4 октября, 1851.)

Очень васъ благодарю, безцѣнный другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ. Доѣхалъ я весьма благополучно; кучеръ не грубилъ. Здоровье мое идетъ понемногу, нервы еще успокоились не совсѣмъ, но кажется, какъ-будто покрѣпче. Работается крайне туго, и времени не хватаетъ ни на что, точно крадетъ его лукавый. Какъ вы? Я боялся за васъ въ эти сырые солнечные дни, чтобы вы, сидя надъ прудомъ, не простудились. Пожалуста не поддайтесь сами на удочку, которою поддѣваетъ насъ нынѣшняя обманчивая погода. Если будетъ тепло, то на слѣдующей недѣлѣ, можетъ быть, загляну къ вамъ...

Къ нему же.

(Въ октябрѣ 1851.)

Слава Богу за все! Дѣло кое-какъ идетъ. Можетъ быть, оно и лучше, если мы прочитаемъ другъ другу зимой, а не теперь. Те-

перь время еще какого-то безпорядка, какъ всегда бываетъ осенью, когда человѣкъ возится и выбираетъ мѣсто, какъ усѣсться, а еще не усѣлся. Мѣсяца черезъ два мы, вѣрно, съ Божьею помощію, приведемъ въ большой порядокъ тетради и бумаги; тогда и чтеніе будетъ съ бо́льшимъ толкомъ и съ большей охотой. Обнимаю васъ отъ всей души. Здоровье приберегайте, да и приготовляйтесь тоже понемногу къ сооруженію конторки для писанія, предоставляя работу, требующую силы, Конст. Сергѣевичу, а все, что̀ относится до аккуратности и мелкой отдѣлки, себѣ...

Къ сестрѣ Елисаветѣ Васильевнѣ и ея супругу.

Москва. 8 ноября (1851).

Очень васъ благодарю, милые братъ и сестра. Богъ васъ да настроитъ и вразумитъ въ новомъ житіи! Не позабывайте только моей убѣдительной мольбы, чтобы вся ваша жизнь проходила въ трудѣ и особенно въ такомъ, который бы приводилъ всю кровь въ движенье, и не давалъ бы засиживаться на мѣстѣ. Опишите мнѣ вашъ день...

Къ отцу Матвѣю.

Москва. Ноября 9 (1851).

Я къ вамъ долго не писалъ, почтеннѣйшій и близкій душѣ моей Матвѣй Александровичъ! Сначала я думалъ-было скоро увидѣться съ вами лично. Потомъ, когда случилось такъ, что намѣреніе мое ѣхать къ вамъ отложилось до весны, я долго не могъ взяться за перо, можетъ, по причинѣ большого неудовольствія на самого себя. Я былъ недоволенъ состояніемъ души своей и теперь также. Въ ней бываетъ такъ черство! То, о чемъ бы слѣдовало мнѣ думать всякой часъ и всякую минуту, такъ рѣдко бываетъ у меня въ мысляхъ! И это самое рѣдкое помышленье о немъ такъ бы-

ваетъ холодно, такъ безъ любви и одушевленья, что въ иное время становится даже страшно. Иногда кажется, какъ-бы отъ всей души молюсь, то есть, хочу молиться, но этой молитвы бываетъ одна, двѣ минуты; далѣе мысли мои расхищаются; приходятъ въ голову незванные, непрошенные гости и уносятъ помышленья Богъ вѣсть въ какія мѣста, прежде чѣмъ успѣваю очнуться. Все какъ-то дѣлается не во время: когда хочу думать объ одномъ, думается о другомъ; когда думаю о другомъ, думается о прежнемъ. А между тѣмъ въ теперешнее опасное время, когда отвсюду грозятъ бѣды человѣку, можетъ быть, только и нужно дѣлать, что молиться, обратить все существо свое въ слезы и молитву, позабыть себя и собственное спасенье и молиться о всѣхъ. Все это чувствуется, и ничего не дѣлается, и оттого еще страшнѣе все вокругъ — и слышишь одну необходимость повторять: »Господи, не введи меня въ искушенье и избави отъ лукаваго!« Другъ мой и Богомолецъ, скажите мнѣ какое-нибудь слово. Можетъ быть, оно мнѣ придется...

Къ матери.

1851, ноября 20. Москва

Письмо ваше отъ 24 октября получилъ, почтеннѣйшая матушка. Здоровье мое, слава Богу, понемногу поправляется, хоть я не могу похвалиться совершеннымъ возстановленіемъ его. Все зависитъ отъ Бога. Будемъ молиться Богу. Не стройте, повторяю снова, никакихъ затѣй и плановъ для дѣтей своихъ въ будущемъ и останавливайте воображеніе, которое такъ любитъ у человѣка разгуливать. Лучше смиренно молитесь о томъ, чтобы дѣти ваши спаслись и ничего больше, а тамъ — кому Богъ что̀ пошлетъ; это Его дѣло. — — Нужно быть довольну нынѣшнимъ состояніемъ, въ которомъ каждый уже находится; нужно молить Бога, чтобы далъ силы въ нынѣшнемъ состояніи исполнить свои обязанности, а не искать новыхъ. И этихъ много обязанностей, и на эти едва достаетъ времени; а мы еще это драгоцѣнное время да тратимъ на всякія мечтанія! Помолитесь обо мнѣ, добрѣйшая ма-

тушка, чтобы далъ Богъ силы мнѣ сколько-нибудь уплатить всякіе долги, мною задолженные. Намъ нужно прежде попросить у Бога вразумленія, чтобы съ помощью Его видѣть, что хорошо и что нехорошо, и видѣть, о чемъ даже и просить. О, вразуми насъ всѣхъ Богъ прежде исполнить главное, — прежде Ему послужить!...

Пожалуста не позабудьте извинить меня предъ Софьею Васильевною, что до сихъ поръ еще не собрался благодарить за доброе и радушное исполненіе порученностей.

Къ отцу Матвѣю.

28 ноября (1851). Москва.

Графъ А. П. Т** передалъ мнѣ вашъ поклонъ и разсказалъ мнѣ о своемъ душеусладномъ пребываніи у насъ въ Ржевѣ. Благодарю васъ много и много за то, что содержите меня въ памяти вашей. Одна мысль о томъ, что вы молитесь обо мнѣ, уже поселяетъ въ душу надежду, что Богъ удостоитъ поработать Ему лучше, чѣмъ какъ работалъ доселѣ, немощный, лѣнивый и безсильный. Ваши два послѣднія письма держу при себѣ неотлучно. Всякой разъ, когда ихъ въ тишинѣ перечитываю, вижу новое въ нихъ, прежде незамѣченное указаніе и напутствіе и всякой разъ благодарю Бога, помогшаго вамъ написать ихъ. Не забывайте меня, добрая душа, въ молитвахъ вашихъ. Знаете и сами, какъ онѣ мнѣ нужны. И да не оставляетъ васъ за то Богъ до послѣднихъ дней вашей земной жизни, покуда не соедините съ Нимъ!...

Къ П. А. Плетневу. (1)

Москва. Ноября 30 (1851).

Извини, что не писалъ къ тебѣ. Всё собираюсь. Время такъ летитъ, свѣжихъ минутъ такъ немного, такъ торопишься ими

(1) На этомъ письмѣ стоитъ печальная отмѣтка того, къ кому оно адресовано: »24 февраля получено извѣстіе, что Н. В. скончался въ Москвѣ 21 февраля, 1852.«

воспользоваться, такъ занятъ тѣмъ дѣломъ, которое бы хотѣлось скорѣйi привести къ окончанiю, что и двѣ строчки къ другу кажутся какъ-бы тягостью. Прости великодушно и добродушно. Печатанье сочиненiй, слава Богу, устроилось и здѣсь. Что́ же до печатанья новыхъ, то, впрочемъ, въ нихъ, кажется, все такъ ясно и должно быть отчетливо, что, я думаю, и они пойдутъ въ дѣло.

Что́ дѣлаешь ты? Напиши также хоть строчки двѣ о С***. Я о ней ни слуху, ни духу...

Къ А. С. Данилевскому.

Москва. 16 декабря (1851).

Благодарю тебя за письмо, которое было такъ отрадно и утѣшительно описанiемъ прекрасной кончины Михаи(ла) Алексѣевича Литвинов(а). Да утѣшитъ Богъ и всѣхъ такимъ свѣтлымъ разставаньемъ съ жизнью! Не гнѣвайся, что мало пишу: у меня такъ мало свѣжихъ минутъ и такъ въ эти минуты торопишься приняться за дѣло, котораго окончанье лежитъ на душѣ моей и которому безпрестан(ныя) помѣхи, что я ни къ кому не успѣваю писать. Всѣ такъ же, какъ ты, меня упрекаютъ. Второй томъ, который именно требуе(тъ) около себя возни, причина всего. Ты на него и пѣняй. Если не будетъ помѣшательств(ъ) и Богъ подаритъ больше свѣжих(ъ) расположенiй, то, можетъ быть, я тебѣ его привезу лѣтомъ самъ, а можетъ быть, и въ началѣ весны...

Къ В. А Жуковскому.

1851, декабря 20. Москва.

Богъ въ помощь, милый другъ и братъ! Отъ всей души поздравляю тебя съ новымъ наступающимъ годомъ. Гдѣ бы ты ни былъ и надъ какимъ занятьемъ ни сидѣлъ — Богъ въ помощь! говорю тебѣ по-прежнему, да вездѣ будетъ неразлучна съ тобой Его святая помощь! Я тружусь, работаю въ тишинѣ по-прежнему.

Иногда хвораю, иногда же милость Божія даетъ мнѣ чувствовать свѣжесть и бодрость; тогда и работа идетъ свѣжѣе, а работа всё та же, съ той разницей, что меньше, можетъ быть, юношеской самонадѣянности и больше сознанія, что безъ смиренной молитвы нельзя ничего...

Всѣхъ твоихъ обнимаю и говорю имъ тоже — Богъ въ помощь!

Къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ.

22 декабря, 1851 года.

Всё собирался писать къ тебѣ, милая сестра Ольга, и всё, за разными помѣхами, не удосужился. Не знаю, какъ благодарить за здоровье матушки Бога. Вѣрно, молитвы тѣхъ святыхъ людей, которыхъ мы просили за нее молиться, причиной. Во всякомъ случаѣ намъ слѣдуетъ ежеминутно благодарить Бога, благодарить Его радостно, весело. Не быть радостнымъ, не ликовать духомъ — даже грѣхъ. Поэтому и ты не грусти, ничѣмъ не смущайся, не пребывай въ тоскѣ, но веселись безпрестанно, въ безпрестанномъ выраженіи благодарности. Вся наша жизнь должна быть неумолкаемой, радостной пѣсней благодаренія Богу. О, если бы сдѣлать такъ, чтобы никогда и времени не доставало для всякихъ другихъ рѣчей, кромѣ ликующихъ рѣчей вѣчной признательности Богу!

Жаль мнѣ, что отецъ Григорій плохо прочелъ народу »Бѣседы Сельскаго Священника«. Не лучше ли бы прочелъ твой кумъ? Ты его заставь прочитать тебѣ самой прежде, подъ тѣмъ предлогомъ, что духовная книга тебѣ самой становится понятнѣй, когда читаетъ ее принявшій рукоположеніе Св. Духа. Прочитавъ сначала тебѣ, онъ въ другой разъ прочитаетъ лучше народу, какъ уже знакомое.

За посадку деревъ тебя очень благодарю, за наливки также. Весной, если поможетъ Богъ управиться со всѣми здѣшними дѣлами, надѣюсь заглянуть къ вамъ и, можетъ быть, часть лѣта проведемъ вмѣстѣ. Какъ только сдѣлается потеплѣе, пришлю тебѣ сѣмянъ для посѣва кое-какой огородины...

Къ матери.

1851 декабря 22 Москва.

Отъ всей души васъ поздравляю съ наступающимъ новымъ годомъ, почтеннѣйшая матушка. Дай Богъ, чтобы онъ принесъ вамъ много Божьихъ милостей, и да пребудетъ съ вами неразлучно Его святая благодать! О прочемъ не заботтесь: все устроится само собою. Вся бѣда оттого, что мы мало заботимся о главномъ. А если бы прежде подумали о Божескомъ, отложивши все земное, — само бы собой устроилось земное, какъ и самъ Спаситель сказалъ: «Ищите прежде правды и царствія небеснаго, а сія вся вамъ приложатся.« Прошу васъ особенно позаботиться о томъ, чтобы священники хорошо и внятно читали народу бесѣды изъ той книжки, которую я прислалъ. Книга эта много сдѣлала добра и значительно поправила нравственность крестьянъ. Я вамъ совѣтую въ свободные часы прочесть эту книжку со вниманіемъ, или еще лучше — заставить прежде священниковъ вамъ прочесть, чтобы они получше привыкли произносить ясно и внятно всякое слово.

Богъ да настроитъ васъ во всемъ, относящемся къ спасенію душъ порученныхъ вамъ людей!...

Къ отцу Матвѣю.

28 декабря (1851).

Не знаю, какъ благодарить васъ, добрѣйшій Матвѣй Александровичъ, за вашъ поклонъ мнѣ въ письмѣ къ графу А. П. Извѣстіе, что вы будете сюда, меня много обрадовало. Вы напрасно думали, что пріѣздъ вашъ на праздникъ Рождества можетъ быть не въ пору. А. П. живетъ такъ уединенно и такимъ монастыремъ, что и я, любящій тоже тишину, переѣхалъ къ нему на время пребыванья моего въ Москвѣ. Онъ проситъ васъ прямо въѣхать на дворъ къ нему, не останавливаясь въ трактирѣ. Комната для васъ готова...

Къ С. Т. Аксакову.

(Въ концѣ 1851 года.)

Поздравляю васъ отъ всей души. Что же до меня, то хотя и не могу похвалиться тѣмъ же, но если Богъ будетъ милостивъ и пошлетъ нѣсколько деньковъ, подобныхъ тѣмъ, какіе иногда удаются, то, можетъ быть, и я какъ-нибудь управлюсь...

Къ С. П. Шевыреву.

(Въ концѣ 1851).

Здоровъ ли ты? Давно тебя не видѣлъ. Я въ это время сильно расхворался, да и теперь еще не совсѣмъ оправился. Загляни ко мнѣ, если будетъ (время), захвати съ собою деньги, оставшіяся отъ вклада въ опекунскій совѣтъ, а если есть какія-нибудь письма, то и письма...

Къ нему же.

(Въ концѣ 1851.)

Посылаю остававшіяся у меня книги: Палласа, Записки и описаніе растеній, 6 книгъ, и прошу тѣхъ, о которыхъ оставилъ у тебя записочку, то есть:

Рычкова
Сѣвергина } Записки о Россіи.
и Зуева

Твой весь, признательный много за твою обязательность Н. Г.

Къ нему же.

(Въ концѣ 1851.)

Извини, другъ! было некогда доселѣ. Къ митрополиту я хотѣлъ ѣхать вовсе не затѣмъ, чтобы бесѣдовать о какихъ-либо ум-

ныхъ предметахъ, на которые, право, въ нынѣшнее время поглупѣлъ. Мнѣ хотѣлось только прійти къ нему на двѣ минутки и попросить молитвъ, которыя такъ необходимы изнемогающей душѣ моей. Впрочемъ въ два часа постараюсь тебя увидѣть...

Къ нему же.

(Въ концѣ 1851?)

Возвращаю тебѣ съ благодарностью взятыя у тебя книги: I-й томъ Гмелина и *четыре* книжки »Отечественныхъ Записокъ.« Если у тебя книги не далеко укладены, то пришли мнѣ Палласа всѣ пять, съ атласомъ; симъ меня много обяжешь. Мнѣ нужно побольше прочесть о Сибири и сѣверо-восточной Россіи...

Къ нему же.

(Въ концѣ 1851?)

Убѣдительно прошу тебя не сказывать никому о прочитанномъ, ни даже называть мелкихъ сценъ и лицъ героевъ. Случились исторіи. Очень радъ, что двѣ послѣднія главы, кромѣ тебя, никому не извѣстны. Ради Бога, никому...

Къ матери.

(Въ концѣ 1851.)

Никогда такъ не чувствовалъ потребности молитвъ вашихъ, добрѣйшая моя матушка. О, молитесь чтобы Богъ меня помиловалъ, чтобы наставилъ, вразумилъ совершить мое дѣло честно, свято и далъ бы мнѣ на то силы и здоровье! Ваши постоянныя молитвы обо мнѣ теперь мнѣ такъ нужны, такъ нужны — вотъ все, чтó

умѣю вамъ сказать! О, да поможетъ вамъ Богъ обо мнѣ молитесь!

Вашъ многолюбящій васъ, признательный, благодарный вамъ

Николай

Къ NF.

(Въ концѣ 1851.)

Отъ всей души поздравляю васъ съ новымъ наступающимъ годомъ, NF, и да будетъ онъ благодатнымъ для васъ во всѣхъ отношеньяхъ! Не думайте только о своей болѣзни, а всю себя вручите Богу, и Онъ управитъ вами прекрасно. Займитесь дѣломъ, какъ-бы вы не были вовсе больны: сила вѣдь Его въ немощи совершается, и да явится на васъ сила Его!

Вашъ весь, Н. Г.

Всѣхъ добрѣйшихъ В*** поздравьте отъ меня съ новымъ годомъ, и Богъ да пребудетъ неотлучно со всѣми нами!

Къ С. Т. Аксакову.

(1852.)

Очень благодарю за ваши строчки. Дѣло мое идетъ крайне тупо. Время такъ быстро летитъ, что ничего почти не успѣваешь... Вся надежда моя на Бога, Который одинъ можетъ ускорить мое медленно-движущееся вдохновеніе...

Къ В. А. Жуковскому.

Москва. Февраля 2 (1852).

Много благодарю за книги и за доброе письмо. Не упрекай, что ничего другого не могъ и не съумѣлъ тебѣ написать, какъ только: *Богъ въ помощь!* Что вспоминаю о тебѣ часто въ моихъ грѣш-

ныхъ молитвахъ, объ этомъ бы не слѣдовало и писать. Горячѣй бы гораздо мнѣ слѣдовало о тебѣ молиться, какъ о человѣкѣ, которому я много, много долженъ.

Сердечно соболѣзную о слѣпотѣ твоей, хоть и знаю, что Богъ милостивъ и все строитъ въ пользу души нашей. А между тѣмъ посылаю тебѣ медицинской рецептъ, который дѣйствуетъ необыкновенно успѣшно на излеченіе слѣпоты. Надобно нюхать или пополамъ съ табакомъ, или, просто, одинъ высушенный листъ извѣстнаго нами ѣдомаго корнеплоднаго растенія, земляной груши. Разсказываютъ слѣдующій случай этого открытія. Служанка одной слѣпой старушки, нюхавшей табакъ, за недостаткомъ его, начала ей подмѣшивать въ табакерку истертаго въ порошокъ этого листа. Барыня, ставши замѣчать необыкновенное отдѣленіе мокротъ и чрезъ носъ, и даже насморки, служанку подъ допросъ; та призналось во всемъ. Но старушка, почувствовавъ, что она лучше видитъ, стала продолжать, пока совершенно не исцѣлилась отъ слѣпоты. Средство это, говорятъ, потверждается повсюду опытами, излечивая темную воду, даже и самую застарѣлую у стариковъ.

О себѣ что сказать? Сижу по-прежнему надъ тѣмъ же, занимаюсь тѣмъ же. Помолись обо мнѣ, чтобы работа моя была истинно добросовѣстна и чтобы я хоть сколько-нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной.

Будь здоровъ и Богъ тебѣ въ помощъ, милый, близкій душѣ братъ!

Твой Н. Гоголь.

Къ матери.

Февраля 2 (1852). Москва.

Полагая, что вы всѣ теперь вмѣстѣ, адресую письмо въ Кагорлыкъ. Отъ всей души обнимаю васъ всѣхъ, въ томъ числѣ и добрѣйшаго Андрея Андреевича отъ всей души много уважаю; сердечно соболѣзную о нездоровьи сестры Елисаветы. Я самъ тоже все это время чувствую себя какъ-то не такъ здоровымъ. Мнѣ всё

кажется, что здоровье мое только тогда можетъ совершенно какъ слѣдуетъ во мнѣ возстановиться съ надлежащею свѣжестью, когда вы всѣ помолитесь обо мнѣ какъ слѣдуетъ, то есть, соединенно, во взаимной между собою любви, крѣпкой, безъ которой не пріемлется отъ насъ молитва. Еще разъ обнимаю васъ и прошу васъ сильно, сильно обо мнѣ молиться. Подъ-часъ мнѣ бываетъ очень трудно; но Богъ милостивъ. О, если бъ Онъ хоть сколько-нибудь ниспослалъ намъ помощь въ томъ, чтобы жить сколько-нибудь въ Его заповѣдяхъ!...

Къ отцу Матвѣю.

6 февр. (1852). Москва.

Уже написалъ-было къ вамъ одно письмо еще вчера, въ которомъ просилъ извиненья въ томъ, что оскорбилъ васъ; но вдругъ милость Божія, чьими-то молитвами, посѣтила и меня жестокосердаго, и сердцу моему захотѣлось васъ благодарить крѣпко, такъ крѣпко! но объ этомъ что̀ говорить? Мнѣ стало только жаль, что я не помѣнялся съ вами шубой. Ваша лучше бы меня грѣла.

Обязанный вамъ вѣчною благодарностью и здѣсь, и за гробомъ,

вашъ весь Николай.

КОНЕЦЪ ПИСЕМЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ И ПИСЬМАМЪ ГОГОЛЯ.

ПОЛНЫЙ СПИСОКЪ ПЕЧАТНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ГОГОЛЯ,

СОСТАВЛЕННЫЙ Н. В. ГЕРБЕЛЕМЪ.

1829.

Италія. Стих. Напечатано безъ имени сочинителя. (»Сынъ Отечества«, 1829, № XII, стр. 301). Перепечатано въ статьѣ г. Тихонравова: *Библіографическія поправки и дополненіе къ статьѣ: »Нѣсколько чертъ для біографіи Гоголя«* (»Московскія Вѣдомости«, 1853, № 51), въ »Опытѣ Біографіи Гоголя« (стр. 36) и »Запискахъ о Жизни Гоголя« (т. I, стр. 65).

Ганцъ Кюхельгартенъ. *Идилія въ картинахъ. Соч. В. Алова (писано въ 1827 году). Спб. 1829. Въ тип. А. Плюшара.* (Въ 12-ю д. л.) Книга эта, какъ извѣстно, была сожжена самимъ Гоголемъ, въ слѣдствіе чего сдѣлалась величайшею библіографическою рѣдкостью. Въ настоящее время, кромѣ экземпляра находящагося въ Императорской публичной библіотекѣ, существуетъ всего *четыре* экземпляра этой рѣдкой книги. Одинъ изъ нихъ находится въ библіотекѣ для чтенія Крашенинникова; остальные принадлежатъ П. А. Плетневу,

М. П. Погодину и Н. Н. Трушковскому. Перепечатанъ въ »Сочиненіяхъ Гоголя« (т. VI, стр. 309). Кромѣ того отрывки изъ »Ганца« были перепечатаны въ »Опытѣ Біографіи Гоголя« (стр. 39 — 40) в »Запискахъ о Жизни Гоголя« (т. 1, стр. 69 — 73).

1830.

Бисаврюкъ, *или вечеръ на канунѣ Ивана Купала. Малороссійская повѣсть (изъ народнаго преданія), разсказанная дьячкомъ Покровской церкви.* (»Отечественныя Записки«, 1830, ч. XLI, кн. 118, стр. 238 — 264 и кн. 119, стр. 421 — 442). Безъ имени сочинителя. Въ концѣ — объясненіе шести малороссійскихъ словъ. Перепечатана, подъ заглавіемъ: *Вечеръ на канунѣ Ивана Купала,* въ »Вечерахъ на Хуторѣ« (ч. 1, стр. 71) и обоихъ изданіяхъ »Сочиненій Гоголя« (ч. 1, отд. 1, стр. 65), но съ значительными перемѣнами, и небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ сочинитель, въ шутливомъ тонѣ, разсказываетъ исторію передѣлки своей повѣсти редакторомъ журнала Свиньинымъ, безъ его вѣдома, давая тѣмъ знать, что не признаетъ ея первоначальной редакціи.

1831.

Глава изъ историческаго романа. (»Сѣверные Цвѣты на 1831 годъ« стр. 225 — 256). Подписана: оооо, то есть — четырьмя буквами О, какъ справедливо объясняетъ В. П. Гаевскій, потому что о встрѣчается четыре раза въ имени и фамиліи автора: Николай Гоголь-Яновскій. Перепечатана въ »Арабескахъ« (ч. 1, стр. 41) и »Сочиненіяхъ Гоголя« (т. V, стр. 35), съ слѣдующею выноскою, не помѣщенною въ альманахѣ: »Изъ романа подъ заглавіемъ: Гетьманъ: »первая часть его была написана и сожжена, потому что самъ ав- »торъ небылъ ею доволенъ; двѣ главы, напечатанныя въ періодич- »скихъ изданіяхъ, помѣщаются въ этомъ собраніи.«

Учитель. *Изъ Малороссійской повѣсти: »Страшный Кабанъ«.* (»Литературная Газета«, 1831, т. III, № 1, стр. 1 — 4). Подписано: *П. Глечикъ.* Употребленный здѣсь псевдонимъ (по объясненію В. П. Гаевскаго) имѣетъ то основаніе, что въ романѣ, изъ котораго напечатана глава въ »Сѣверныхъ Цвѣтахъ«, одно изъ дѣйствующихъ

лицъ — Миргородскій полковникъ Глечикъ. Перепечатана въ »Сочиненіяхъ Гоголя« (т. VI, стр. 373).

Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ Географіи. (»Литературная Газета«, 1831, т. III, N° 1, стр. 4 — 7). Подписано: *Г. Яновъ*, то есть Гоголь-*Яновскій*. Это — первая подпись, обнаруживающая готовность робкаго и недовѣрчиваго къ самому себѣ автора объявить настоящее свое имя. Подъ статьею отмѣтка: *продолженіе обѣщано;* но обѣщаніе не было исполнено. Кромѣ того въ концѣ статьи находится выноска, не помѣщенная ни въ »Арабескахъ«, ни въ »Сочиненіяхъ Гоголя«, гдѣ она перепечатана безъ измѣненія: »Просимъ »читателей смотрѣть на предложенную здѣсь статью, какъ на одно только начало. Автору, который совершенно посвятилъ себя юнымъ »питомцамъ Своимъ, болѣе всего желательно знать о семъ предметѣ »мнѣніе ученыхъ нашихъ преподавателей. Въ послѣдующихъ за симъ »мысляхъ, читатели встрѣтятъ, можетъ быть, болѣе новаго, болѣе »относящагося къ облегченію науки и приведенію оной въ ясность и »понятность для дѣтей.«

Женщина. (»Литературная Газета«, 1831, т. III, N° IV, стр. 27 — 29). Эта статья замѣчательна тѣмъ, что авторъ въ первый разъ выставилъ подъ нею свое настоящее имя: *Н. Гоголь.* »Авторъ«, говоритъ П. А. Кулишъ въ своихъ *Запискахъ о Жизни Гоголя,* »очевидно писалъ съ сильнымъ сердечнымъ увлеченіемъ и потому, вѣро»ятно, считалъ это молодое произведеніе вполнѣ достойнымъ своего »имени.« Перепечатана безъ перемѣны въ »Сочиненіяхъ Гоголя« (т. VI, стр. 399).

Успѣхъ посольства. *Изъ малороссійской повѣсти: »Страшный Кабанъ«.* (»Литературная Газета«, 1831, т. III, N° XVII, стр. 133 — 135). Безъ означенія имени сочинителя. Перепечатана въ »Сочиненіяхъ Гоголя« (т. VI, стр. 373).

Вечера на хуторѣ близь Диканьки. *Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Первая книжка. Спб. Въ типограф. Департ. Народн. Просвѣщенія. 1831.* (Въ 12-ю д. л.). Здѣсь помѣщены: Предисловіе (стр. V), Объясненіе малороссійскихъ словъ, встрѣчающихся въ книгѣ (стр. XIX), Сорочинская ярмарка (стр. 1), Вечеръ на канунѣ Ивана Купала (стр. 77), Майская ночь, или утопленница (стр. 127) и Пропавшая грамота (стр. 209).

1832.

Тоже. *Вторая книжка. Спб. Печатано въ типографіи А. Плюшара. 1832.* (Въ 12-ю д. л.). Здѣсь помѣщены: Предисловіе (стр. V), Ночь предъ Рождествомъ (стр. 1), Страшная месть (стр. 131), Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка (стр. 251) и Заколдованное мѣсто (стр. 331).

1834.

Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. (»Новоселье« (1834), т. II, стр. 478—569). Подписано: *Рудный-Панько.* Перепечатана во второмъ изданіи »Новоселья«, »Миргородѣ« (ч. II, стр. 97) и въ обѣихъ изданіяхъ »Сочиненій Гоголя (т. II. стр. 331).

Объявленіе *объ изданіи »Малороссійской Исторіи« сочиненія Н. Гоголя.* (»Сѣверная Пчела«, 1834, № 24, »Молва«, 1834, стр. 118 и »Московскій Телеграфъ«, 1834, № III, стр. 523).

Планъ преподаванія Всеобщей Исторіи. (»Журналъ Министерства Народнаго Просвященія«, 1834, ч. I, № II, отд. II, стр. 189 — 209). Перепечатанъ въ »Арабескахъ« (ч. I, стр. 65) и »Сочиненіяхъ Гоголя« (т. V, стр. 55).

Отрывокъ изъ Исторіи Малороссіи. *Томъ I, Книга I, Глава I.* (»Жур. Мин. Народ. Просв.«, 1834, ч. II, № IV, отд. II, стр. 1 — 15). Перепечатанъ въ »Арабескахъ« (ч. I, стр. 187) и »Сочиненіяхъ Гоголя« (т. V, стр. 83), подъ заглавіемъ: »*Взглядъ на состояніе Малороссіи*«, съ замѣчаніемъ, въ выноскѣ, что »Эскизъ этотъ со»ставлялъ введеніе въ Исторію Малороссіи, но такъ-какъ вся первая »часть Исторіи Малороссіи передѣлана вовсе, то онъ остался за»штатнымъ и помѣщается здѣсь, какъ совершенно-отдѣльная статья.«

О малороссійскихъ пѣсняхъ. (»Журн. Мин. Нар. Просв.«, 1834, ч. II, № IV, отд. II, стр. 16 — 26). Перепечатано въ »Арабескахъ« (ч. II, стр. 99) и »Сочиненіяхъ Гоголя« (т. V, стр. 183).

О среднихъ вѣкахъ. *Вступительная лекція, читанная въ Санктпетербургскомъ Университетѣ адъюнкт-профессоромъ Н. Гоголемъ.* (»Журн. Мин. Нар. Просв.«, 1834, ч. III, сентябрь, отд. II, стр. 409 — 427). Перепечатана въ »Арабескахъ« (ч. I, стр. 13) и »Сочиненіяхъ Гоголя« (т. V, стр. 11).

1835.

Арабески. *Разныя сочиненія Н. Гоголя.* Двѣ части. *Спб. Въ типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ. 1835.* (Въ 8-ю д. л.) Здѣсь помѣщены: Часть I. Предисловіе (стр. не нумерована), Скульптура, живопись и музыка (стр. 1), О среднихъ вѣкахъ (стр. 13), Глава изъ историческаго романа (стр. 41), О преподаваніи всеобщей исторіи (стр. 65), Портретъ. Повѣсть (стр. 97), Взглядъ на составленіе Малороссіи (стр. 187), Нѣсколько словъ о Пушкинѣ (стр. 211), Объ Архитектурѣ нынѣшняго времени (стр. 227), Ал-Мамунъ (стр. 273). Часть II. Жизнь (стр. 1), Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ (стр. 9). Невскій Проспектъ. Повѣсть (стр. 23), О малороссійскихъ пѣсняхъ (стр. 99), Мысли о географіи. Для дѣтскаго возраста (стр. 119), Послѣдній день Помпеи, картина Брюлова (стр. 141), Плѣнникъ. Отрывокъ изъ историческаго романа (стр. 159), О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка (стр. 173) и Записки сумасшедшаго (стр. 231). Статьи: 1) Скульптура, живопись и музыка, 2) Нѣсколько словъ о Пушкинѣ, 3) Жизнь, 4) Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ, 5) О картинѣ Брюлова, 6) Движеніе народовъ въ V вѣкѣ, и повѣсти: 1) Портретъ, 2) Невскій проспектъ, 3) Плѣнникъ и 4) Записки сумасшедшаго — *напечатаны здѣсь въ первый разъ.* Остальныя — *перепечатаны изъ разныхъ повременныхъ изданій,* о чемъ сказано выше.

Миргородъ. *Повѣсти, служащіе продолженіемъ Вечеровъ на Хуторѣ близь Диканьки. Н. Гоголя.* Двѣ части. *Спб. Въ типографіи Департамента Внутренней Торговли. 1835.* (Въ 8-ю д. л.) Здѣсь помѣщены: Часть I. Старосвѣтскіе помѣщики (стр. 1), Тарасъ Бульба (стр. 57). Часть II. Вій (стр. 1) и Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ (стр. 97).

1836.

Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки. *Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ.* Двѣ части. *Изданіе второе. Спб. Въ типографіи Департамента Внѣшней Торговли. 1836.* (Въ 8-ю д. л.) Перепечатано съ перваго изданія безъ всякой перемѣны.

Коляска. Повѣсть. (»Современникъ«, 1836, т. I, стр. 170 — 190). Подписано: *Н. Гоголь.* Перепечатана въ обѣихъ изданіяхъ »Сочиненій Гоголя« (т. III, стр. 313).

О движеніи журнальной литературы, *въ 1834 и 1835 году.* (»Современникъ«, 1836, т. I, сбр. 192 — 225). Безъ подписи имени сочинителя. Но еще при жизни Гоголя она печатно приписана ему въ статьѣ С. Д. Полторацкаго: »Русскія біографическія и библіографическія лѣтописи«, отрывокъ 5-й (»Иллюстрація«, 1846, т. II, № 12, стр. 177). Перепечатана въ »Сочиненіяхъ Гоголя« (т. V, стр. 299).

Утро Дѣлового Человѣка. *Петербургскія сцены.* (»Современникъ«, 1836, т. I, стр. 227 — 241). Подписано: *Н. Гоголь.* Перепечатаны, съ незначительными перемѣнами, въ обѣихъ изданіяхъ »Сочиненій Гоголя« (т. IV, стр. 429).

Новыя книги. (»Современникъ«, 1836, т. I, стр. 296 — 313). По свидѣтельству П. А. Кулиша и Н. С. Тихонравова, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ черновыя тетради Гоголя, статья эта принадлежитъ ему, за исключеніемъ замѣтокъ о »Вастолѣ« и »Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки«. Ту и другую рецензію г. Анепковъ приписываетъ Пушкину, что весьма вѣроятно, судя по отношеніямъ его къ тѣмъ, которымъ принадлежатъ упомянутыя книги.

Носъ. *Повѣсть.* (»Современникъ«, 1836, т. III, стр. 54 — 90). Подписано: *Н. Гоголь.* Примѣчаніе издателя: »Н. В. Гоголь долго не »соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ »много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, »что уговорили его позволить намъ подѣлиться съ публикою удоволь»ствіемъ, которое доставила намъ его рукопись.« Перепечатана въ обѣихъ изданіяхъ »Сочиненій Гоголя« (т. III, стр. 81).

Ревизоръ. *Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Н. Гоголя. Спб. Въ типографіи А. Плюшара. 1836.* (Въ 8-ю д. л.)

1837.

Петербуржскія Записки 1836 года. (»Современникъ«, 1837, т. VI, стр. 403 — 423). Вмѣсто подписи, три звѣздочки. Перепечатаны въ »Сочиненіяхъ Гоголя« (т. V, стр. 339).

1841.

Новыя сцены къ комедіи »Ревизоръ«. *Дѣйствіе IV.* (»Москвитянинъ«, 1841, ч. I, № IV, стр. 578 — 593).

Сцена *(тоже изъ »Ревизора«)*. (Тамъ же, ч. III, № VII, стр. 37—40).

Всѣ эти сцены вошли во второе изданіе »Ревизора«.

Письмо о первомъ представленіи »Ревизора«. (Тамъ же, ч. III, № VI, стр. 483 — 486). Перепечатано, подъ заглавіемъ: *Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ комедіи вскорѣ послѣ представленія ея, къ одному литератору*, въ »Репертуарѣ« 1841, кн. VI, стр. 33 — 36; въ приложеніи ко второму изданію »Ревизора« и въ обѣихъ изданіяхъ »Сочиненій Гоголя«, (т. IV, стр. 197).

Ревизоръ. *Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Н. Гоголя. Изданіе второе, исправленное и умноженное, съ приложеніями. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1841.* (Въ 8-ю д. л.) Въ приложеніяхъ (стр. 203) помѣщены: 1) Письмо (приведенное выше); 2) двѣ сцены, выключенныя и при первомъ изданіи, какъ замедлявшія ходъ пьесы; 3) монологъ Хлестакова, напечатанный на 123 страницѣ перваго изданія; 4) характеры и костюмы. Замѣчанія для господъ актеровъ

1842.

Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. *Поэма. Н. Гоголя. Москва. Въ Университетской типографіи. 1841.* (Въ 8-ю д. л.)

Разборъ *альманаха »Утренняя Заря«*. (»Москвитянинъ«, 1842, № I, стр. 304 — 308). Подписано: NN. По свидѣтельству г. Тихонравова (»Московскія Вѣдомости«, 1853, № 51), начало этой

статьи, до словъ: *это сіяющая игрушка*, написано Гоголемъ, что видно изъ оригинала, сохранившагося у М. П. Погодина и писаннаго рукою Гоголя.

Римъ. *Отрывокъ.* (»Москвитянинъ«, 1842, № III, стр. 22 — 67). Перепечатанъ въ обѣихъ изданіяхъ »Сочиненій Гоголя« (т. III, стр. 383).

Сочиненія Николая Гоголя. Четыре тома. *Спб. Въ типографіи А. Бородина и К°. 1842.* (Въ 8-ю д. л.) Содержаніе:

Томъ I. *Предисловіе*, съ подписью: Н. Г. *Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки. Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ.* Составъ и порядокъ статей тотъ же, какъ и въ первомъ изданіи.

Томъ II. *Миргородъ.* Перепечатанъ безъ измѣненія съ изданія 1835 года, за исключеніемъ *Тараса Бульбы*, который, во многихъ мѣстахъ, значительно исправленъ и дополненъ, и *Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ*, также нѣсколько поправленныхъ авторомъ.

Томъ III. *Повѣсти:* Невскій Проспектъ (стр. 7), Носъ (стр. 81), Портретъ (стр. 133), Шинель (стр. 247), Коляска (стр. 313), Записки сумасшедшаго (стр 339) и Римъ (стр. 383). Всѣ эти повѣсти вошли сюда безъ перемѣны, кромѣ *Портрета*, который помѣщенъ въ »Сочиненіяхъ« съ значительными перемѣнами въ изложеніи и слогѣ. Что же касается повѣсти *Шинель*, то она является здѣсь въ первый разъ.

Томъ IV. *Комедіи:* Ревизоръ (стр. 7), Приложенія къ комедіи »Ревизоръ« (стр. 194), Женитьба, совершенно невѣроятное событіе въ двухъ дѣйствіяхъ (стр. 217). *Драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены:* Игроки (стр. 343), Утро дѣлового человѣка (стр. 429), Тяжба (стр. 447), Лакейская (стр. 465), Отрывокъ (стр. 483) и Театральный разъѣздъ послѣ перваго представленья комедіи (стр. 513). Всѣ эти пьесы, за исключеніемъ *Ревизора* и *Утра дѣлового человѣка*, напечатаны здѣсь въ первый разъ.

1846.

Объ Одиссеѣ, *переводимой Жуковскимъ. Изъ письма къ Н. М. Языкову.* (»Москвитянинъ«, 1846, № VII, отд. V, стр. 19). Перепе-

чатано въ »Московскихъ Вѣдомостяхъ«, 1846, »Современникѣ«, 1846, т. XLIII, стр. 175, »Выбранныхъ Мѣстахъ изъ Переписки съ Друзьями« (стр. 42) и »Сочиненіяхъ Гоголя« (т. VI, стр. 44).

Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. *Поэма. Н. Гоголя. Изданіе второе. Москва. Въ Университетской типографіи. 1846.* (Въ 8.ю д. л.) Перепечатана безъ перемѣны съ изданія 1842 года, съ присовокупленіемъ предисловія подъ заглавіемъ: Къ читателю отъ сочинителя (стр. V).

1847.

Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями. *Николая Гоголя. Спб. Въ типографіи Департамента Внѣшней Торговли. 1847.* (Въ 8-ю д. л.) Содержаніе: Предисловіе (стр. 1), Завѣщаніе (стр. 7), Женщина въ свѣтѣ (16), Значеніе болѣзней (стр. 25), О томъ, что такое слово (стр. 28), Чтенія русскихъ поэтовъ передъ публикою (стр. 34), О помощи бѣднымъ (стр. 38), Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ (стр. 42), Нѣсколько словъ о нашей Церкви и духовенствѣ (стр. 58), О томъ же (стр. 62), О лиризмѣ нашихъ поэтовъ (стр. 66), Споры (стр. 86), Христіанинъ идетъ впередъ (стр. 90), Карамзинъ (стр. 95), О театрѣ, объ одностороннемъ взглядѣ на театръ и вообще объ односторонности (стр. 98), Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время (стр. 114), Совѣты (стр. 121), Просвѣщеніе (стр. 124), Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу »Мертвыхъ Душъ« (стр. 130), Русскій помѣщикъ (стр. 155), Историческій живописецъ Ивановъ (стр. 164), Чѣмъ можетъ быть жена для мужа въ простомъ домашнемъ быту (стр. 178), Сельскій судъ и расправа (стр. 186), Близорукому пріятелю (стр. 189), Чей удѣлъ на землѣ выше (стр. 193), Напутствіе (стр. 195), Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи, и въ чемъ ея особенность (стр. 198) и Свѣтлое Воскресенье (стр. 272).

1852.

Четыре письма къ матери. (»Московскія Вѣдомости«, 1852, № 124, въ статьѣ Гр. Данилевскаго: *Хуторъ близь Диканьки*, перепеча-

танной въ »Русскомъ Инвалидѣ«, 1853, № 26). Перепечатаны въ »Современникѣ« (1854, т. XLIII, отд. I, стр. 62—66), »Опытѣ Біографіи Гоголя« (стр. 26—30) и »Запискахъ о Жизни Гоголя« (т. I, стр. 31—41). Въ послѣднемъ изданіи напечатаны въ исправленномъ видѣ.

1853.

Письмо къ М. С. Щепкину. (»Московскія Вѣдомости«, 1853, № 2). Перепечатано въ »Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи« (1853, № 6), »Современникѣ« (1854, т. XLIV, отд. I, стр. 64), »Опытѣ Біографіи Гоголя« (стр. 119) и »Запискахъ о Жизни Гоголя« (т. I, стр. 263).

1854.

О томъ, что требуется отъ критики. (»Современникъ«, 1854, т. XLIV, отд. I, стр. 151—152). Классное упражненіе Гоголя. Внизу отмѣтка профессора Никольскаго: *изрядно*. Перепечатано въ »Опытѣ Біографіи Гоголя« (стр. 203), и »Запискахъ о Жизни Гоголя« (т. II, стр. 275).

Изложить законные обряды апелляціи, *какъ изъ низшихъ инстанцій и въ Департаментъ Сената.* (»Современникъ«, 1854, т. XLIV, отд. I, стр. 152—153). Также классное упражненіе Гоголя изъ Русскаго Права. Внизу отмѣтка профессора Бѣлевича: *Хотя не обстоятельно, но понятія о предметѣ видны.* Перепечатано въ »Опытѣ Біографіи Гоголя« (стр. 204) и »Запискахъ о Жизни Гоголя« (т. II, стр. 276).

1855.

Сочиненія Николая Васильевича Гоголя, найденныя послѣ его смерти. *Москва. Въ Университетской типографіи. 1855.* Здѣсь помѣщены: 1) Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Поэма. Томъ второй. 5 главъ (стр. 1—242) и 2) Авторская исповѣдь (стр. 243—

304). Въ концѣ приложенъ снимокъ съ почерка Гоголя — страница изъ рукописи второй части »Мертвыхъ Душъ«. Кромѣ того, въ началѣ книги находится предисловіе издателя, Н. Трушковскаго (стр. V — XI).

Сочиненія Гоголя. Четыре тома. *Изданіе второе. Москва. Въ типографіяхъ Университетской, В. Готье и А. Семена: 1855.* (Въ 8-ю д. л.) Перепечатано съ изданія 1842 года, съ незначительными перемѣнами въ слогѣ.

Неизданныя письма Гоголя къ А. С. Данилевскому. (»Библіотека для Чтенія«, 1855, т. CXXXI, № 5, отд. I, стр. 99—108).

Письма къ М. П. Погодину. (»Москвитянинъ«, 1855, №№ 19 и 20, отд. I, стр. I, стр. 1—56). Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, именно, писанныя отъ 10 янв., 1 и 20 февр. и 8 мая 1833 г., 11 янв., 2 нояб. и 19 декаб. 1834 г. перепечатаны, съ выпусками, въ »Запискахъ о Жизни Гоголя« (т. I, стр. 152—161).

1856.

Отрывокъ изъ »Мертвыхъ Душъ«. (»Русскій Вѣстникъ«, 1856, т. I. кн. I, отд. I, стр. 1). Перепечатанъ въ »Сочиненіяхъ Гоголя« (т. V, стр. 447). Отрывокъ этотъ, судя по содержанію, относится къ первому тому »Мертвыхъ Душъ«, и составляетъ варіантъ окончанія IX главы.

Сочиненія Гоголя. *Томы V и VI. Москва. Въ типографіяхъ В. Готье* и *А. Степановой. 1856.* (Въ 8-ю д. л.) Содержаніе:

Томъ V. *Статьи изъ »Арабесокъ«:* Скульптура, живопись и музыка (стр. 1), О среднихъ вѣкахъ (стр. 11), Глава изъ историческаго романа (стр. 35), О преподаваніи всеобщей исторіи (стр. 55), Взглядъ на составленіе Малороссіи (стр. 83), Нѣсколько словъ о Пушкинѣ (стр. 105), Объ архитектурѣ нынѣшняго времени (стр. 117), Ал-Мамунъ (стр. 155), Жизнь (стр. 167), Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ (стр. 173), О малороссійскихъ пѣсняхъ (стр. 183), Мысли о Географіи (стр. 199), Послѣдній день Помпеи (стр. 217), Плѣнникъ (стр. 233), О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка (стр. 245). *Журнальныя статьи:* О движеніи журнальной литературы, въ 1834 и 1835 году (стр. 299), Петербуржкія записки 1836 года

стр. 339). *Неизданныя сочиненія:* Отрывокъ неизвѣстной повѣсти (стр. 367), Развязка »Ревизора« (стр. 413) и Отрывокъ изъ »Мертвыхъ Душъ« (стр. 447).

Томъ VI. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями (стр. 1). *Юношескіе опыты:* Ганцъ Кюхельгартенъ (стр. 309), Италія (стр. 370), Два отрывка изъ малороссійской повѣсти: »Страшный Кабанъ« (стр. 373) и Женщина (стр. 399).

Воззваніе къ генію ([1]). (»Записки о Жизни Гоголя«, т. I, стр. 128).

Начало неизвѣстной повѣсти. (Тамъ же, т. I, стр. 167—169).

Два приступа къ повѣстямъ. (Тамъ же, т. I, стр. 171—175).

Ночи на Виллѣ. (Тамъ же, т. I, стр. 227—230).

Набросокъ начала безыменной трагедіи изъ англійской жизни. (Тамъ же, т. II, стр. 281—302).

Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. *Поэма. Н. В. Гоголя. Томъ I. Изданіе третіе. Москва. Въ типографіи В. Готье. 1856.* (Въ 8-ю д. л.) Съ отмѣткою: *Печатано съ изданія 1846 года.* Безъ предисловія автора, приложеннаго ко второму изданію.

Сочиненія Николая Васильевича Гоголя, найденныя послѣ его смерти. (второй томъ »Мертвыхъ Душъ« и »Авторская Исповѣдь«). *Изданіе второе. Москва. Въ типографіи В. Готье. 1856.* Перепечатано съ изданія 1855 года безъ перемѣны.

Представляя на судъ Русскихъ библіографовъ мой »Полный списокъ печатныхъ сочиненій Гоголя«, принадлежащихъ ему *несомнѣнно*, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и о тѣхъ изъ нихъ, принадлежность которыхъ Гоголю еще не вполнѣ доказана критикою:

1) Въ реестрѣ, составленномъ самимъ Гоголемъ своимъ доходамъ и издержкамъ за декабрь 1829 и январь 1830 года и приложенномъ имъ къ письму къ матери отъ 2-го апрѣля 1830 года, значится: »Выручилъ за

([1]) Непомѣщеніе этой пьесы, а также »Ночей на виллѣ« и нѣсколькихъ рецензій Гоголя въ этомъ изданіи сочиненій Гоголя не зависѣло отъ издателя: все это войдетъ со временемъ въ *полное* собраніе сочиненій Гоголя. *П. К.*

статью, переведенную съ Французскаго: *О торговлѣ Русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка*, для »Сѣвернаго Архива« — 20 р.« (См. »Соч. и Письма Гог.«, т. V, стр. 110).

2) »Въ апрѣлѣ 1830 года, въ № 130 »Отечественныхъ Записокъ«, напечатана его (Гоголя) статья: »Полтава«. Въ заглавіи ея сказано: »Изъ живописнаго путешествія по Россіи издателя Отечественныхъ Записокъ«, но я знаю отъ Н. Я. Прокоповича, что статья »Полтава« писана Гоголемъ и, можетъ быть, только передѣлана издателемъ журнала, подобно тому, какъ и »Бисаврюкъ«, появившійся почти черезъ годъ въ собраніи Гоголевыхъ повѣстей, съ нѣкоторыми перемѣнами въ содержаніи и въ слогѣ.« (см. »Опытъ Біографіи Н. В. Гоголя«, стр. 43).

3) Въ »Журналѣ Общеполезныхъ Свѣдѣній« было помѣщено нѣсколько статей Гоголя, что̀ видно изъ писемъ его къ матери, предшествовавшихъ изданію »Вечеровъ на Хуторѣ«; но какія именно статьи — неизвѣстно.

Считаю лишнимъ указывать здѣсь письма Гоголя, помѣщенныя въ спеціальныхъ изданіяхъ П. А. Кулиша: »Опытѣ Біографіи Гоголя«, (С. Петербургъ 1854 г.), и »Запискахъ о Жизни Гоголя« (С. Петербургъ 1856 г.)

Н. Гербель.

КОНЕЦЪ ШЕСТОГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Въ 4-мъ томѣ, стр. 216, строка 34, вмѣсто *не узналъ*, слѣдовало бы *не узнать*. — Стр. 291, строка 32, вмѣсто *Батрищевъ*, слѣдовало бы *Бетрищевъ*.

Въ 5-мъ томѣ, стр. 421, строка 6, вмѣсто *воспоминается*, слѣдовало бы *восполняется*.

ОПЕЧАТКИ.

Въ первомъ томѣ.

	Напечатано:	Слѣдовало бы:
Стр. 12	брель	брель
» 12	важия	важная
» 25	баклажку	боклажку
» 26	выглали	выгнали
» 61	позадея	позади ея
» 108	кузнепъ	кузнецъ
» 167	цѣловали	цѣловала
» 180	прилягъ	прилягъ
» 180	убивалось	убавилось
» 181	осталъ	отсталъ
» 226	дизалека	издалека
» 247	болѣнь	болѣть
» 279	обѣдетъ	обѣдастъ
» 281	опороживъ	опорожнивъ
» 282	простолюдва	простолюдина
» 284	ккусъ	вкусъ
» 297	1839	1829
» 303	продавали стулъ	продавили стулъ
» 325	попадете	попадаете
» 332	срубить	срубитъ
» 379	пототу	потому
» 383	цыпгленка	цыпленка
» 395	скkозь	сквозь
» 296	Крымскисъ	Крымскихъ
» 404	пляницъ	паляницъ
» 410	протихъ	противъ
» 423	вышенъ	вышелъ
» 445	стоеніемъ	строеніемъ
» 473	ноходы	походы

Во второмъ томѣ.

	Напечатано:	Слѣдовало бы:
Стр. 11	феодольномъ	феодальномъ
» 16	хододнаго	холоднаго
Стр. 22	поѣдешь	поѣдетъ
» 28	неопущенная	неотпущенная
» 33	ущелый	ущельи
» 70	паннхиду	панихиду
» 89	ухвататиться	ухватиться
» 97	босавшагося	бросавшагося
» 101	жеканіяхъ;	желаніяхъ;
» 114	развыя	разныя
» 123	честь	часть
» 126	въ пешей	нашей
» 144	просшествіе	происшествіе
» 165	красавипу.	красавицу.
» 186	ровдо	ровно
» 195	грвнитовъ	гранитовъ
» 198	можетъ мы	можемъ мы
» 200	полулетариги-ческомъ	полулетарги-ческомъ
» 215	Петріархаль-ные	Патріархаль-ные
» 216	пузмленнымъ	изумленнымъ
» 223	цоражали	поражали
» 235	міръ	миръ
» 239	и путешестві-яхъ	и путешестві-ямъ
» 269	липомъ	лицомъ
» 277	нечистопа	нечистота
» 280	А Прохохоровъ	А Прохоровъ
» 304	хоромо	хорошо
» 304	никогла	никогда
» 305	абастуешь	забастуешь
» 311	финтирлюшки	финтифлюшки
» 326	продолжать	продолжастъ
» 361	пустъ	пусть
» 364	подавазъ	подавалъ
» 369	смѣтся?	смѣется?
» 369	ни въ кзкомъ	ни въ какомъ
» 369	стретится	стремится
» 374	на очною	на очную

		Напечатано:	Слѣдовало бы:
Стр.	387	Уходишъ	Уходитъ
«	401	Оращается	Обращается
»	442	корчитъ	корчить
»	451	отповское	отцовское
»	452	кончилось	кончилась
»	459	банникъ	банчикъ
»	470	акъ	Какъ
»	474	*опяте*	*опять*
»	498	не пошлушенъ	не послушенъ
»	517	воеволы	воеводы
»	520	но будь увѣрены,	но будьте увѣрены,
»	522	выставляетъ	выставлять
»	524	офиферы	офицеры
»	526	глубой	глубокой
»	526	мы прiѣхали	вы прiѣхали
»	530	насмѣшками	насмѣшниками
»	541	достачно	достаточно
»	559	стражался	сражался
»	560	съ Арвальдъ	въ Арвальдъ
»	573	потитическiя	политическiя
»	580	чотбы	чтобы
»	594	приставъ на бѣгу	привставъ на бѣгу

Въ третьемъ томѣ.

»	296	козалъ	козакъ
»	296	оломецъ	еломецъ
»	299	потерши	потерпи
»	307	строку	строку видно
»	312	тругъ	трупъ
»	312	чучше бы	лучше бы
»	317	не не могъ	не могъ

Въ четвертомъ томѣ.

»	204	сударь	судырь.
»	216	Какъ не узналъ?	Какъ не узнать?
»	291	Батрищевъ	Бетрищевъ

Въ пятотъ томѣ.

»	17	Бодъ	Богъ
»	18	пупи	пути
»	27	Страхосложенiи	Стихосложенiи
»	41	именуо	именно

		Напечатано:	Слѣдовало бы:
Стр.	72	тедерь	теперь
»	82	непремѣоно	непремѣнно
»	94	атикахъ.	антикахъ.
»	100	саженый	саженей.
»	100	артнипѣ,	аршинѣ,
»	133	получили	получили ли
»	134	маминькѣ	Машинькѣ.
»	163	тольок	только
»	179	гнига,	книга,
»	192	я носить	а носить
»	201	деревнѣ.	деревню.
»	212	глазъ	главъ
»	294	пришло	пришлю
»	299	поразико,	поразило,
»	324	рядтть	рядить
»	331	въ разстпянiи	въ разстоянiи
»	334	свою	на свою.
»	350	жожетъ	можетъ
»	358	гагости	гадости.
»	362	не скоро	не скрою
»	370	остановича	остановила
»	378	прекрас	прекрасное
»	424	1440	1840
»	421	воспоминается	восполняется
»	436	выплатился	выплатится
»	440	покажетси	покажется
»	452	Iлiорода	Илiодора
»	457	у менѣ	у меня
»	472	Лизѣ	Лиза
»	474	сберететъ	сбережетъ.
»	475	Вамъ	Вашъ

Въ шестомъ томѣ.

»	15	сницѣ	поясницѣ.
»	24	въ Русью	съ Русью
»	28	тежба	тяжба
»	53	собжался	соображался
»	89	измѣвилась	измѣнилась
»	121	онмiама	ѳимiама.
»	131	инъ виду	изъ виду
»	140	гибнемъ	гибнетъ
»	142	откажишься	откажешься
»	167	непропустишь	непропустилъ
»	182	авшего	вашего
»	191	Щевыреву	Шевыреву
»	243	мно	много
»	251	выпомните	выполните
»	295	слѣдуети	слѣдуетъ
»	310	до ремени	до времени